Фредерик ПОЛ

ХИЧИ

ПУТЬ ВРАТ

ПАРЕНЬ, КОТОРЫЙ БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО

Путь врат. Парень, который будет жить вечно

Фредерик Пол

Аннотация
Фредерик Пол. Путь врат. Парень, который будет жить вечно
Путь врат
- Часть первая. Посещение
- Часть вторая. Торговцы на Венере
- Часть третья. Астероид Врата
- Часть четвертая. Искатели звезд
- Часть пятая. На родной планете
- Часть шестая. Другие миры
- Часть седьмая. Сокровища хичи
- Часть восьмая. В поисках общества
- Часть девятая. Золотой век
- Часть десятая. В Ядре

Парень, который будет жить вечно
- 1. Из Стамбула к звездам
- 2. По стопам героев
- 3. Охота на охотников
- 4. Три дня на Двери
- 5. Дом для Древних
- 6. Тот, кто ненавидел людей

7. Рождение «Феникса»
8. На Лесистой планете
9. История Сохраненного Разума
10. Машина снов
11. Земля, опустошенная волной
12. Отцовство
13. Сохраненный разум в Ядре
14. Материнство
15. Счастье
16. Работа на Вэна
17. На корабле Достигающего
18. Угроза
19. Плен
20. Чего хочет Клара
21. Время на Арабелле
22. Спасение
23. В корабле Орбиса
24. На пути в бесконечность
Примечание автора. О непостоянстве науки

Аннотация

Эта книга продолжает череду историй о вселенной Врат, приподнимая завесу над теми тайнами, которые до сих пор оставались нераскрытыми.

Первые артефакты хичи, найденные землянами в Солнечной системе, первые открытия и собранные по крупицам знания об их технологиях.

Роман «Парень, который будет жить вечно» завершает цикл о хичи.

Фредерик Пол
Путь врат. Парень, который будет жить вечно

Frederik Pohl
The Gateway Trip. The Boy Who Would Live Forever

© Frederik Pohl, 1990, 2004
© Перевод. А. Грузберг, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Путь врат

Рассказы и очерки о хичи

Часть первая. Посещение

Давным-давно, около полумиллиона лет назад, в окрестностях Солнечной системы появились новые обитатели. Они были исполнены дружелюбия, и дело оставалось за тем, чтобы кому-то его продемонстрировать. Однажды они высадились на третьей планете системы, той самой, которая нам известна под названием Земля, чтобы посмотреть, кто дома.

Но время для визита оказалось неподходящим. О, на Земле была жизнь, много жизни. Планета кишела ею. Были пещерные медведи и саблезубые кошки, были животные, подобные слонам, и животные, подобные оленям. Были змеи и рыбы, птицы и крокодилы; были болезнетворные микроорганизмы и стервятники; были леса, саванны и самая разнообразная растительность. Но в каталоге живых земных существ отсутствовало одно. Именно то, которое и искали пришельцы.

Гости из космоса не могли найти на планете *разума*. Он здесь еще не появился.

Посетители искали его очень тщательно. Ближе всего к искомому оказалось маленькое мохнатое существо, не знающее языка и огня, не ведающее

социальных институтов, но у него, по крайней мере, были многообещающие умения (например, оно умело делать грубые орудия из осколков кремня). Когда появился современный человек и принялся отыскивать свои эволюционные корни, он назвал это первобытное гуманоидное существо австралопитеком. Посетители никак его не назвали… они испытали еще одно разочарование в поиске собратьев по разуму в космосе.

Маленькие животные были не очень высоки — ростом с современного шестилетнего ребенка. Но посетители их в этом не винили. У них не было возможности для сравнения с малышами современных людей, да и сами они были не такие уж рослые.

А время было опасное — плейстоцен, когда наступал и отступал ледник в Европе и Северной Америке, когда африканские тропические леса то увеличивались, то уменьшались и для любого вида, который хотел выжить, ключевым свойством становилась приспособляемость. Посетители застали племя своих маленьких зверьков в холмистой сухой саванне, поросшей травой и дикими цветами. Австралопитеки поселились на лугу, на берегах мелкого медленного ручья, впадавшего в огромное соленое озеро в нескольких

километрах. На западе уходили вдаль горы. Их предгорья начинались поблизости. Горы были вулканами, хотя, конечно, австралопитеки понятия не имели, что такое вулкан. Конечно, у них был огонь: настолько далеко они продвинулись в своем технологическом развитии. Вернее, огонь был у них большую часть времени, когда молния поджигала сухую траву или когда горячая лава извержений стекала к подножию вулкана, хотя это, к счастью для малышей, случалось редко. Они нечасто пользовались огнем. Например, возможность готовить на нем еду еще не пришла им в голову. Но они обнаружили, что огонь прогоняет крупных ночных хищников, и иногда это их спасало.

Днем они могли хорошо позаботиться о себе. Носили с собой «каменные топоры» — не очень сложное орудие, просто куски камня, обколотые и принявшие форму толстой раковины с острыми краями, — и дубины, которые выглядели еще менее внушительно: обычные необработанные берцовые кости похожих на оленей копытных животных, на которых охотились австралопитеки. Такое орудие не способно остановить саблезубого тигра. Но если таких орудий много и ими размахивают вопящие обезьянолюди, этого

достаточно, чтобы отпугнуть гиен. Убивать гиен случалось нечасто, но обычно удавалось убедить этих животных, что лучше потратить время на поиски более беззащитной добычи.

Время от времени, конечно, хищники похищали ребенка или старика, жизнь которого из-за изношенных зубов все равно становилась ненадежной. Это австралопитеки могли выдержать. Более важных для благополучия племени особей они теряли редко — и только на охоте. Но у них не было выбора, охотиться все равно приходилось. Охотиться, чтобы есть.

Несмотря на малый рост, австралопитеки были очень сильны. Животы у них были большие, но ягодичные мышцы — маленькие, даже у самок, по существу, не было бедер. Лица их не очень напоминали человеческие: никакого достойного упоминания подбородка, широкий нос, крошечные уши, почти скрывающиеся в густой шерсти на голове — волосами ее еще нельзя было назвать. У среднего австралопитека в черепе было мало места для мозга. Если мозг из этого низкого черепа переложить в пивную кружку объемом с пинту, он, возможно, перелился бы через край, но совсем немного.

Конечно, ни один современный любитель пи-

ва так не поступит, но мохнатые малыши так сделали бы — с радостью. В их диете мозги были деликатесом. Даже мозги других австралопитеков.

Пришельцам не очень нравились диетические привычки мохнатых малышей. Тем не менее одна анатомическая характеристика этих существ заинтересовала гостей — своими сексуальными последствиями. Подобно пришельцам, австралопитеки были двуногими. В отличие от пришельцев ноги у них располагались так близко друг к другу, что буквально терлись при ходьбе. И пришельцам казалось, что это представляет собой серьезную проблему, по крайней мере для самцов, так как мужские половые органы подвешены между ногами.

(Несколько сотен тысяч лет спустя повелители земной жизни — люди — будут задаваться аналогичными вопросами о давно исчезнувших пришельцах… и тоже не сумеют понять, не мешала ли им эта особенность.)

Итак, гости из космоса некоторое время понаблюдали за мохнатыми малышами, разочарованно почирикали друг с другом, вернулись на свои космические корабли и мрачно удалились.

Тем не менее посещение не было абсолютным

провалом. Планета, обладающая жизнью, — редкая драгоценность в Галактике. Конечно, они надеялись на более развитую жизнь, надеялись найти друзей, обменяться с ними мнениями, обсудить проблемы. Маленькие мохнатые животные, разумеется, для этого не годились. Но пришельцы не покинули их, ничего не предприняв. По собственному богатому опыту они знали, что перспективный вид может легко вымереть, может где-нибудь на дороге эволюции сделать неверный поворот и тем самым никогда не осуществить свой потенциал. Поэтому гости выработали политику создания… назовем это «заповедниками для сохранения дичи». И поэтому, улетая, прихватили с собой в своих космических кораблях нескольких австралопитеков. Они поместили маленьких животных в безопасное место в надежде, что на что-нибудь они пригодятся. После чего удалились.

Прошло время… очень много времени.

Австралопитеки на Земле ничего не добились. Но тут появились их близкие родственники — вид Homo, более известный как вы, и я, и все наши друзья. У существ вида Homo получилось гораздо лучше. В сущности, через пятьсот тысяч лет они добились всего, что посетители надея-

лись увидеть у австралопитеков.

Эти «люди», как они себя называли, оказались очень изобретательны. И за прошедшие века наизобретали много: колесо, сельское хозяйство, города, рычаг и парусные корабли, двигатели внутреннего сгорания, кредитная карточка, радар и космические корабли. Конечно, они изобрели это все не сразу. И не все их изобретения оказались благом, потому что параллельно они изобретали дубины и мечи, луки и катапульты, пушки и атомные бомбы. Люди очень талантливо умеют все запутывать.

Например, очень многие их изобретения такого типа: они предназначены делать одно, а делают нечто совершенно другое. Таковы их «миротворческие» изобретения, которые совсем не способствуют сохранению мира. Или «медицина». Они изобрели то, что назвали «медициной», очень рано, то есть начали делать всевозможные странные процедуры с людьми, которым не повезло и они заболели. Полагали, что эти процедуры должны были вылечить больного, но часто происходило наоборот. В лучшем случае они просто не помогали. Человек, умирающий от малярии, был благодарен местному знахарю, который надевал дьявольскую маску и плясал у

его постели, тем не менее этот человек все равно умирал. К тому времени, как шансы больного на выздоровление с врачом превысили эти же шансы без врача — на это потребовалось 499 900 лет из 500 000, — люди изобрели более эффективный способ все ставить вверх дном. Они изобрели деньги. Человеческая медицина научилась успешно лечить многие болезни, но людям становилось все труднее и труднее найти деньги, чтобы заплатить за лечение.

Примерно к этому же времени люди, живущие на маленькой зеленой планете под названием Земля, достигли такого уровня развития, что впервые смогли оторваться от нее. Начался космический век человечества.

В некотором смысле это было счастливое совпадение. Когда люди научились запускать космические корабли, пора было уже думать о том, чтобы бежать с Земли. Земля была очень хороша для богатых. Но для бедняков она стала невыносимой.

К этому времени существа, навещавшие австралопитеков, конечно, давно исчезли.

В стремлении найти другую разумную расу, с которой можно было бы пообщаться, они обшарили пол-Галактики. Было несколько успехов,

вернее почти успехов. Нашли несколько многообещающих видов — ну, по крайней мере, не менее перспективных, чем бедные глупые австралопитеки.

Вероятно, ближе всех подошли к тому, что они искали, существа, названные ими медленными пловцами. Эти разумные существа (конечно, они не были людьми, но разумными были) жили на тяжелой планете в густой атмосфере из жидкого газа. Медленные пловцы, по крайней мере, владели речью. На самом деле они пели на своем языке бесконечные прекрасные песни, которые посетители сумели в конце концов расшифровать. У медленных пловцов были даже города, то есть жилые дома и общественные здания, которые плавали в густой грязи, в которой жили эти существа. Разговаривать с медленными пловцами было не очень интересно, главным образом потому — вам лучше в это сразу поверить, — что они ужасно медлительны. Если вы хотите поговорить с ними, вам нужно ждать неделю, пока собеседник произнесет слово, и год, чтобы он закончил несколько строк из песни. А чтобы поговорить по-настоящему, нужно несколько продолжительностей обычной жизни. Это не вина медленных пловцов. Они живут при таких

низких температурах, что все, что они делают, совершается на много порядков медленнее, чем в мире теплокровных, дышащих кислородом существ, как люди — или как сами пришельцы.

Потом пришельцы отыскали кое-кого еще… и то, что они нашли, их страшно перепугало.

И они совсем перестали искать.

Когда люди наконец вышли в космос, у них была своя повестка дня, не такая, как у их древних гостей. Они не искали другие разумные существа, во всяком случае искали не так. Телескопы и автоматические ракеты давно сообщили людям, что нет никаких других разумных существ, по крайней мере в их Солнечной системе. А улететь за ее пределы они почти не надеялись.

Люди могли бы поискать давних посетителей своей планеты, если бы догадывались об их существовании. Но, конечно, они не догадывались.

Вероятно, чтобы отыскать другую разумную расу, лучше быть везучим, чем целеустремленным. Когда люди высадились на Венере, планета не показалась им многообещающей. Первые люди, увидевшие ее, на самом деле не «видели» — в этой чрезвычайно плотной и тусклой атмосфере много не увидишь, — они просто покружили по орбите, прощупывая радаром поверхность.

И то, что обнаружили, их не порадовало. Когда наконец первые ракеты сели в долине Ущелье вблизи Афродиты Терры и исследовательские группы начали знакомиться с негостеприимной поверхностью Венеры, у ученых не было никакой надежды обнаружить жизнь.

Конечно, жизнь они не нашли. Но потом в районе Венеры, называемом Айно Планиция, геолог сделал открытие. Он обнаружил расселину — ее можно назвать туннелем, хотя первооткрыватели сочли ее лавовой трубой, — под поверхностью планеты. Туннель оказался длинным, правильным… и никак не мог тут находиться.

Так первые исследователи Венеры совершенно неожиданно обнаружили следы полумиллионнолетней давности посещения.

Часть вторая. Торговцы на Венере

1

Меня зовут Оди Уолтерс, я пилотирую воздушные аппараты, их можно назвать самолетами, живу на Венере — в Веретене или в туннелях хичи; там я, по крайней мере, сплю.

До двадцати пяти лет я жил на Земле, главным образом в Амарилло. Мой отец был заместителем губернатора Техаса. Он умер, когда я еще учился в колледже, но оставил мне достаточно средств, чтобы я окончил колледж, получил диплом бакалавра в области деловой администрации и выдержал экзамен на клерка-тайписта в журналистской Службе. Так что я был готов к жизни. Так решило бы большинство.

Через несколько лет после этого я сделал открытие. Я обнаружил, что мне не нравится жизнь, к которой я готов. И вовсе не по тем причинам, каких вы ожидаете. Амарилло не так уж плох. Я не возражал против делового костюма, умел ладить с соседями, даже если их приходится по восемь тысяч на квадратную милю, терпеливо относился к шуму, мог защититься от банд подростков

— нет, меня не устраивал совсем не Техас. Дело в том, что́ я делал со своей жизнью в Техасе. И вообще на Земле.

Поэтому я убрался с Земли.

Я продал свое журналистское удостоверение женщине, которой пришлось заложить квартиру родителей, чтобы купить его; я заложил и собственную долю унаследованного дохода, забрал свои небольшие сбережения из банка… и купил билет в один конец на Венеру.

В этом нет ничего необычного. Каждый ребенок говорит, что он это сделает, когда вырастет. Разница в том, что я это сделал.

Вероятно, все обстояло бы по-другому, если бы у меня был шанс получить Настоящие Деньги. Если бы мой отец был губернатором, а не заместителем, и располагал многочисленными выплатами, вознаграждениями и фондами, а не был бы рядовым неудачником на гражданской службе… Если бы наследство, которое он мне оставил, включало выплату за Полную Медицину… Если бы я находился на вершине, а не застрял в середине, и со всех сторон на меня давили…

Но так не получилось. И поэтому я пошел новой дорогой и попробовал зарабатывать на жизнь, обслуживая туристов с Земли в главном поселе-

нии Венеры — в Веретене.

Все видели фотографии Веретена — как и Колизея, и Ниагары. Разница, конечно, в том, что Веретено можно увидеть только изнутри. Оно находится под поверхностью Венеры, в месте, которое называется Альфа Реджио.

Как и все, на что стоит посмотреть на Венере, Веретено оставили хичи. Никто так и не установил, зачем хичи понадобилось подземное помещение в триста метров длиной и веретенообразной формы, но таким оно было. И мы им пользовались. Для Венеры оно служило своего рода Таймс-сквер или Елисейскими Полями. Все туристы-земляне прежде всего отправлялись в Веретено, и поэтому именно здесь мы начинали стричь их.

Мое собственное дело — я имею в виду полеты с туристами на самолете — относительно законное; конечно, если не учитывать того обстоятельства, что на Венере нечего смотреть; только то, что оставили хичи. Другие ловушки для туристов в Веретене гораздо менее законны. Но туристам на это наплевать. Хотя, конечно, они догадываются, что их дурачат. Все они нагружаются молитвенными веерами хичи, головами кукол, легкими прозрачными пластиковыми

контейнерами, в которых плавает шар Венеры в оранжево-коричневом снегопаде фальшивых кровавых бриллиантов, огненных жемчужин и летучего пепла. Ни один из этих сувениров не стоит той платы, которую придется отдать за доставку его массы на Землю, но для туристов, которые вообще могут заплатить за межпланетный перелет, это, я полагаю, не имеет значения.

Однако для таких людей, как я, которые не могут себе много позволить, туристские приманки значат очень много. Мы на них живем.

Я не хочу сказать, что мы на них загребаем деньги. Нет, только чтобы заплатить за еду и место для сна. Если мы этого не заработаем, мы умираем.

На Венере не очень много законных способов заработать. Во-первых, армия, если это можно назвать законным заработком, а в остальном — туризм и просто удача. Удача — это, например, выигрыш в лотерею, или ценная находка в тунелях хичи, или хорошо оплачиваемая работа в научной экспедиции, но все это очень маловероятно. А в хлебе с маслом почти все жители Венеры зависят от земных туристов, и если мы не выдоим туриста досуха, когда предоставляется возможность, значит, не заслужили и хлеба с

маслом.

Конечно, есть туристы — и туристы. Они существуют в трех разновидностях. Разница между ними в небесной механике.

Класс третий — туристы торопливые и неразборчивые. На Земле они называются зажиточными людьми. Третий класс прибывает на Венеру каждые двадцать шесть месяцев по орбите Хоманна, которая требует минимальной энергии для полета с Земли. Поскольку орбита Хоманна предоставляет лишь небольшие промежутки для использования, такие туристы никогда не остаются на Венере больше чем на три недели. И поэтому они прилетают с намерением получить все, что возможно, за свои четверть миллиона долларов — столько стоит самая дешевая каюта, а деньги эти им подарили дедушка и бабушка на окончание колледжа, или они сами сберегли на второй медовый месяц, или что-то в этом роде. Плохо то, что у них не бывает лишних денег, они все их истратили на оплату дороги. А хорошо то, что их много. Когда прилетает туристический корабль, все комнаты, сдающиеся в аренду, бывают заняты. Иногда шесть пар занимают одно помещение с перегородкой, по две пары спят в три смены. А такие, как я, переселяются в тун-

нели хичи, а собственные комнаты сдают и тем самым зарабатывают деньги на жизнь еще на несколько месяцев.

Но на туристах третьего класса не заработаешь столько, чтобы дожить до следующего промежутка в орбите Хоманна, так что, когда появляются туристы второго класса, мы из-за них готовы перегрызть друг другу глотки.

Второй класс — относительно богатые. Их можно назвать бедными миллионерами; их годовой доход исчисляется семизначным числом. Они могут позволить себе прилететь по орбите с ускорением, затратив на это дней сто, вместо того чтобы долго и медленно лететь по орбите Хоманна. Такой перелет обходится в миллион долларов и выше, так что туристов класса два не очень много. Тем не менее ежемесячно в относительно благоприятные расположения планет они понемногу появляются. К тому же на Венере у них есть возможность потратить побольше. Многие относительно богатые туристы класса два ждут такой возможности, когда положение планет позволяет им посетить по низкоэнергетической орбите сразу три планеты, и стоит это примерно столько же, сколько прямой перелет Земля — Венера. Если нам повезет, вначале они

посещают нас, потом отправляются на Марс (как будто на Марсе есть что-нибудь стоящее!). Если они посещают нас на обратном пути, приходится довольствоваться тем, что оставили марсианские колонисты. Это плохо, потому что обычно они оставляют очень мало.

А вот очень богатые — о, эти очень богатые! Чудо первого класса! Они появляются в любое время, независимо от орбиты, и они могут тратить!

Когда мой информант на посадочной площадке сообщил о прилете «Юрия Гагарина» частным чартерным рейсом, мой денежный нос зачесался.

Прилетевший на этом корабле должен быть очень перспективен. Сейчас могут прилететь только очень богатые. И единственный вопрос: сколько конкурентов постараются перерезать мне глотку, чтобы первыми добраться до пассажиров «Юрия Гагарина»… а я, конечно, постараюсь перерезать им.

Для меня это очень важно. Как раз тогда у меня возникла острая потребность в деньгах.

Туристический бизнес, связанный с полетами, требует гораздо больше капитала, чем, например, открытие киоска с сувенирами. Мне повезло: я купил свой самолет дешево, когда умер тип, на

которого я работал. Соперников у меня почти не было: несколько самолетов как раз в ремонте, другие улетели на раскопки хичи.

Так что, решил я, пассажиры «Гагарина», кем бы они ни были, могут достаться мне… конечно, если им захочется выйти за пределы Веретена.

Приходилось надеяться, что им захочется, потому что мне очень нужны были деньги. Видите ли, у меня выходила из строя печень. Положение близилось к полному отказу. Врачи объяснили, что у меня есть три выбора: вернуться на Землю и какое-то время жить на искусственной печени. Найти денег и получить трансплантат. Или умереть.

2

Парня, нанявшего «Юрий Гагарин», звали Бойс Коченор. Возраст по внешней оценке — примерно сорок лет. Рост — около двух метров. Происхождение — ирландско-американско-французское.

Я сразу узнал этот тип: человек, привыкший везде быть хозяином. Он вошел в Веретено с таким видом, словно оно принадлежит ему и он подумывает о том, чтобы ликвидировать это свое владение. Сел в имитации кафе на парижском бульваре, принадлежащем Сабу Вастре.

— Скотч, — сказал он, даже не глядя, слушает ли его официант. Конечно, его слушали. Вастра торопливо полил лед виски и протянул ему холодящий губы напиток. — Курево, — сказал Коченор — и тут же девушка зажгла сигарету и протянула ему. — Ужасная дыра! — заметил он, оглядываясь, и Вастра скромно и торопливо поддакнул.

Я сидел поблизости — ну, конечно, не за тем же столиком. Я даже не смотрел в их сторону. Но слышал все, что они говорили. Вастра тоже не смотрел на меня, но, конечно, видел, как я вошел, и знал, что я наметил себе эту многообещающую цель. Заказ у меня приняла третья жена Вастры, потому что сам Вастра, конечно, не собирался заниматься простой туннельной крысой, когда у него за столиком землянин с чартерного рейса.

— Как обычно, — сказал я третьей жене, имея в виду, что эль слабый. — И копия ваших сведений, — добавил я негромко. Она понимающе подмигнула мне из-под своей вуали для флирта. Хитрая лисичка. Я по-дружески похлопал ее по руке и вложил свернутую банкноту. Потом она ушла.

Землянин осматривал окружение, которое включало и меня. Я посмотрел на него, вежливо,

но равнодушно, он слегка кивнул мне и снова повернулся к Сабхашу Вастре.

— Поскольку я уж здесь, — сказал Коченор пресыщенным тоном богатого туриста, — можно попробовать, что вы тут предлагаете. Что у вас есть?

Саб Вастра широко улыбнулся, как рослая костлявая лягушка.

— О, все что угодно, сэр! Развлечения? У нас есть частные помещения, там вас развлекут лучшие артисты трех планет, танцовщицы, музыка, комики…

— Этого добра у нас достаточно в Цинциннати. Я на Венеру прилетел не для того, чтобы попасть в ночной клуб. — Коченор, конечно, не мог знать этого, но принял правильное решение: частные помещения Саба в самом низу списка ночных развлечений Венеры, а даже верх этого списка немногого стоит.

— Конечно, сэр! Тогда, может, вас интересует тур?

— Ага. — Коченор покачал головой. — Какой смысл бегать вокруг? Разве на этой планете что-то выглядит по-другому, чем посадочная площадка, с которой мы пришли? Сразу над нашими головами?

Вастра колебался. Я видел, что он быстро подсчитывает в уме, решает, стоит ли отдавать туриста мне за комиссионные. На меня он не смотрел. Честность победила — честность, подкрепленная быстрой оценкой степени доверчивости Коченора.

— Не очень много отличий, сэр, — признал Вастра. — На поверхности повсюду жарко и сухо. Но я говорил не о поверхности.

— О чем же тогда?

— О, о туннелях хичи, сэр! Под этим самым поселком их много миль. Можно найти надежного проводника…

— Не интересуюсь, — проворчал Коченор. — Зачем мне так близко?

— Сэр?

— Если проводник может провести по ним, — объяснил Коченор, — значит, они исследованы, а это значит, что все хорошее в них уже разграблено. Какой в этом интерес?

— Конечно! — сразу воскликнул Вастра. — Я вас вполне понимаю, сэр. — Выглядел он довольным, и я чувствовал, как задевает меня его радар, хотя в мою сторону он по-прежнему не смотрел. — Конечно, — продолжал он важно, как специалист, разговаривающий с солидным клиентом. — Все-

гда есть шанс напасть на новые раскопки, сэр, конечно, если знаешь, где искать. Прав ли я, предполагая, что именно это вас интересует?

Третья жена Вастры принесла мне мою выпивку и тонкий листочек.

— Тридцать процентов, — прошептал я ей. — Скажи Сабу. Только никакой торговли и никаких других участников. — Она кивнула и подмигнула; конечно, она тоже прислушивалась и была уверена, что землянин на крючке.

Я собирался тянуть свою выпивку как можно дольше, пока цель зреет под искусным управлением Вастры. Похоже, впереди меня ждет процветание. И я готов был отпраздновать. Сделал со вкусом большой глоток.

К несчастью, на крючке не оказалось наживки. Землянин почему-то пожал плечами.

— Напрасная трата времени, — проворчал он. — Я хочу сказать: если кто-то знает, где поискать, почему бы ему самому не поискать, верно?

— Ах, мистер! — воскликнул Вастра; он был близок к панике. — Но уверяю вас, есть еще сотни неисследованных туннелей! Тысячи, сэр! А в них, кто знает… Бесценные сокровища очень вероятны!

Коченор покачал головой.

— Оставим это, — сказал он. — Принесите нам еще выпить. И проследите, чтобы лед на этот раз был холодный.

Это меня потрясло. Неужели мой денежный нос ошибся?

Я поставил стакан и полуотвернулся, чтобы скрыть от землян то, что делаю. Собрался просмотреть копию факса Саба, которая могла бы объяснить, почему этот Коченор так неожиданно утратил интерес.

Но сведения не ответили на этот вопрос. Хотя многое сообщили мне. Женщину с Коченором зовут Доротой Кифер. Она уже несколько лет путешествует с ним, согласно их паспортам, хотя впервые улетела с Земли. Никакого указания на то, что они в браке — или что собираются вступить в брак, — во всяком случае, со стороны Коченора. Кифер чуть больше двадцати — настоящий возраст, без всяких стимуляторов и трансплантатов. А вот Коченору перевалило за девяносто.

Конечно, на девяносто он не выглядел. Я видел, как он идет к столику: походка у него легкая и упругая для такого рослого человека. Состояние у него в земле и нефтепище. Согласно сведениям, он один из первых нефтяных миллионеров, кото-

рые перестали продавать нефть как топливо для машин, а стали производить из нее пищу, выращивать на нефти водоросли и в обработанной форме продавать эти водоросли как человеческую еду. Тогда он перестал быть миллионером и превратился в гораздо более богатого человека.

Это объясняло его внешний вид. Он жил на Полной Медицине со всеми добавками. В сообщении говорилось, что сердце у него титаново-пластиковое. Легкие пересажены от двадцатилетнего парня, погибшего в автокатастрофе. Кожа, мышцы, жир — не говоря уже о многочисленных железах — получали подкрепление гормонами и создателями клеток ценой в несколько тысяч долларов ежедневно.

Судя по тому, как он поглаживал бедро сидевшей рядом с ним девушки, он хорошо пользовался своими деньгами. Выглядел он и двигался как сорокалетний, не старше, если не считать его светло-голубых, блестящих, усталых и лишенных всяких иллюзий глаз.

Короче говоря, цель была превосходная.

Я не мог позволить ему уйти. Допив свою порцию эля, я кивком велел Третьей принести новую. Должен быть какой-то способ заставить его снять мой самолет.

И я должен найти этот способ.

Конечно, по другую сторону легкого ограждения, обособлявшего кафе Вастры от остального Веретена, половина туннельных крыс Венеры думала о том же самом. Сезон сейчас самый плохой. Толпы с орбиты Хоманна появятся еще через три месяца, и у нас у всех кончались деньги. У меня лишь несколько более срочная потребность — в замене печени; из сотни туннельных обитателей, которых я видел краем глаза, девяносто девять тоже должны были выдоить этого туриста, просто чтобы остаться в живых.

Все этого сделать не могут. Он, конечно, выглядит достаточно упитанным, но никто не может накормить нас всех. Двоих, может троих. Возможно, даже с полдесятка кое-что заработают. Но не больше.

Я должен быть одним из этих немногих.

Я глотнул из второй порции, щедро — и намеренно заметно — дал чаевых Третьей и небрежно повернулся — так, чтобы оказаться лицом к землянам.

Девушка торговалась с несколькими продавцами сувениров, наклонившимися через ограждение.

— Бойс? — спросила она через плечо. — Для

чего эта штука?

Он перегнулся через перила и всмотрелся.

— Похоже на веер, — ответил он ей.

— Верно, молитвенный веер хичи! — воскликнул торговец. Я его знал, Букер Аллеман, один из старожилов Веретена. — Сам отыскал, мисс! Он исполняет желания, мы ежедневно получаем письма с невероятными результатами…

— Глупая приманка, — проворчал Коченор. — Покупай, если понравилось.

— Но что он делает? — спросила девушка.

Коченор неприятно рассмеялся и продемонстрировал.

— То же, что другие веера. Охлаждает. Но ты в этом не нуждаешься, — добавил он многозначительно и с улыбкой взглянул на меня.

Мой шанс.

Я прикончил выпивку, кивнул ему, встал и подошел к их столику.

— Добро пожаловать на Венеру, — сказал я. — Не могу ли я быть вам полезен?

Девушка вопросительно взглянула на Коченора, потом сказала:

— Мне нравится этот веер.

— Да, он красив, — согласился я. — Вам известна история хичи?

Я вопросительно взглянул на незанятый стул и, так как Коченор не попросил меня убраться, сел на него.

— Хичи построили эти туннели очень давно, может быть четверть миллиона лет назад. А может, и больше. Они как будто жили в них какое-то время, столетие или два. Потом снова ушли. Оставили много мусора и кое-что ценное. Среди прочего тысячи таких вееров. Кто-то из местных мошенников назвал их молитвенными веерами. Их стали продавать туристам, говоря, что они исполняют желания.

Аллеман слушал каждое мое слово, пытаясь догадаться, к чему я клоню.

— Отчасти это верно, — согласился он.

— Все верно. Но вы слишком умны для таких вещей. И все-таки, — добавил я, — взгляните на эти веера. Они очень красивы. Их приятно иметь, даже если они и не исполняют желания.

— Конечно! — воскликнул Аллеман. — Смотрите, как он сверкает, мисс! А этот черно-серый кристалл так подходит к вашим светлым волосам!

Девушка развернула черно-серый веер. Он раскрылся, как свиток, конусообразный с одной стороны. Нужно было лишь слегка придерживать

большим пальцем, чтобы он оставался открытым. Веер очень красиво блестел, когда девушка им обмахивалась. Как и все веера хичи, он весит около десяти граммов, не считая ручки из искусственной древесины, которую такие, как БиДжи, к ним приделывают. Кристаллическая решетка материала веера улавливает свет, который испускают металлические стены туннелей хичи, и выпускает его назад сверкающими разноцветными искрами.

— Этого парня зовут Букер Гэри Аллеман, — сказал я землянам. — Он продаст вам то же, что другие, но не станет обманывать, как большинство, особенно когда я при этом присутствую.

Коченор кисло посмотрел на меня, потом подозвал Саба Вастру и заказал еще выпивки.

— Хорошо, — сказал он. — Если мы станем покупать, то купим у вас, Букер Гэри Аллеман. Но не сейчас. — Он повернулся ко мне. — А что я должен купить у вас?

Я сразу ответил:

— Мой самолет и меня самого. Если хотите взглянуть на новые туннели, мы к вашим услугам.

Он не стал колебаться.

— Сколько?

— Миллион долларов, — сразу ответил я. — Контракт на три недели, вы оплачиваете все расходы.

На этот раз он ответил не сразу, хотя мне приятно было отметить, что цена его не отпугнула. Выглядел он таким же внимательным и чуть скучающим, как всегда.

— Выпьем, — сказал он, и Вастра и его Третья обслужили нас. А он стаканом указал на Веретено. — Знаете, для чего это? — спросил он.

— Для чего его построили хичи? Хичи были не выше нас, так что оно велико не потому, что им нужно пространство над головой. И когда его нашли, оно было совершенно пустое.

Он без особого интереса осмотрел оживленную сцену. Веретено всегда полно народу. В наклонных стенах пещеры вырублены балконы, на них заведения для еды и питья, как кафе Вастры, и ряды сувенирных киосков. Большинство в такое время, конечно, пусты. Но все же вблизи Веретена живет несколько сотен туннельных крыс, и с тех пор как появились Коченор и девушка, количество зрителей все увеличивалось.

Коченор сказал:

— Тут особенно не на что посмотреть, верно? — Я не стал спорить. — Просто дыра в земле

со множеством людей, старающихся отобрать у меня мелочь. — Я пожал плечами. Он улыбнулся мне: как будто не так ехидно, как раньше. — Так почему же я прилетел на Венеру, если так считаю? Хороший вопрос. Но так как вы не спрашиваете, я не стану отвечать.

Он взглянул на меня, словно ожидал, что я стану спрашивать. Я молчал.

— В таком случае перейдем к делу, — продолжал он. — Вам нужен миллион долларов. Посмотрим, на что пойдут эти деньги. Аренда самолета обходится примерно в сто тысяч. Сто восемьдесят тысяч — аренда оборудования на неделю, нам нужно на три недели. Еда, припасы, разрешение — еще пятьдесят тысяч. Таким образом, получается около семисот тысяч, не считая вашего вознаграждения и комиссионных хозяину кафе. Правильно я подсчитал, Уолтерс?

Я не ожидал, что встречусь с бухгалтером. С некоторым трудом проглотив выпивку, я вынужден был ответить:

— Достаточно правильно, мистер Коченор. — Я не считал нужным сообщать ему, что самолет принадлежит мне, так же как и большая часть необходимого оборудования: это единственный способ что-то заработать после оплаты всех дру-

гих расходов. Но я не удивился бы, обнаружив, что он и это знает.

И тут он меня удивил.

— Похоже на справедливую цену, — небрежно сказал он. — Договорились. Я хочу вылететь как можно скорее, то есть примерно в это же время завтра.

— Хорошо, — ответил я, вставая. — До встречи.

Выходя, я обошел Вастру. Тот стоял как пораженный громом. Мне нужно было кое-что сделать и кое о чем подумать. Коченор застал меня врасплох, а это плохо, когда не можешь позволить себе совершить ошибку. Я знал, что он не упустил того обстоятельства, что я назвал его по фамилии. Тут все в порядке. Он легко догадается, что я сразу навел справки, и его фамилия не единственное, что мне о нем известно.

Но меня удивило, что он знает, как зовут меня.

3

У меня было три главных дела. Первое — проверить оборудование и убедиться, что оно выдержит все те отвратительные штуки, которые выкидывает Венера относительно машины — или человека. Второе — отправиться в местную контору союза и зарегистрировать контракт

с Бойсом Коченором, включив в него статью о комиссионных для Вастры.

А третье — повидаться с моим врачом. Печень какое-то время меня не беспокоила, но ведь я давно ничего не пил.

Оборудование оказалось в порядке. Мне понадобилось около часа, чтобы проверить его, но в конце этого времени я был относительно уверен, что у меня есть все необходимое, включая запчасти. Знахарская по пути в контору союза, поэтому я вначале заглянул к доктору Моррису. Много времени это не заняло. Новости оказались не хуже, чем то, к чему я готовился. Доктор направил на меня все свои инструменты и тщательно изучил результаты — тщательность примерно на сто пятьдесят долларов, — и потом выразил осторожную надежду, что три недели вдали от его кабинета я проживу, если буду принимать все, что он мне даст, и не слишком отклоняться от предписанной мне диеты.

— А когда я вернусь? — спросил я.

— Я уже вам говорил, Оди, — жизнерадостно ответил он. — Можно ожидать полного отказа печени примерно… ну, скажем, через девяносто дней. — Он постучал пальцами, оптимистично глядя на меня. — Я слышал, вы сможете оплатить

операцию. Хотите, я забронирую для вас трансплантат?

— И во сколько это мне обойдется? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Как обычно, — добродушно объяснил он мне. — Двести тысяч за новую печень плюс оплата пребывания в госпитале, плата анестезиологу, предоперационному психиатру, фармацевтам, моя собственная плата — вы ведь это уже знаете.

Я знал. И уже подсчитал, что того, что заработаю у Коченора, плюс мои сбережения, плюс заклад самолета, еле-еле хватит. Конечно, я буду разорен. Но жив.

— Кстати, у меня как раз есть печень вашего размера, — полушутливо сказал доктор Моррис.

Я в этом не сомневался. В знахарской всегда хватает запчастей. Потому что люди так или иначе все время гибнут, а наследники стараются увеличить наследство, продавая покойников на запчасти. Я встречался время от времени с одной знахаркой. Однажды после выпивки она отвела меня на холодный склад и показала множество замороженных сердец, легких, кишок и мочевых пузырей, все уже накачаны антиаллергенами, чтобы предотвратить отторжение, все

с ярлычками и в упаковке, готовые к передаче платежеспособному клиенту. Жаль, что я не относился к этому классу, потому что доктор Моррис мог бы тут же вытащить одну печенку, разогреть ее в микроволновой печи и пришлепнуть мне. Когда я пошутил — я сказал ей, что шучу, — как бы стянуть одну хорошенькую печенку для меня, девушка скисла, а вскоре после этого упаковалась и улетела на Землю.

Я принял решение.

— Оставьте ее для меня, — сказал я. — Операция через три недели. — И оставил его довольным, похожим на бирманского крестьянина, ожидающего хороший урожай риса. Дорогой папочка. Почему он не послал меня в медицинскую школу, вместо того чтобы давать общее образование?

Было бы отлично, если бы хичи были такого же роста, как люди. Но они были чуть пониже. Это сказывалось на их туннелях. Особенно на маленьких, таких, как тот, в котором расположено местное 88-е отделение союза. Идти приходилось пригнувшись.

Помощник организатора ждал меня. У него один из немногих на Венере видов работы, которая не зависит от туристов — во всяком случае, не прямо. Он сказал:

— Мне позвонил Сабхаш Вастра. Говорит, вы сговорились на тридцати процентах. Кроме того, вы ушли, не заплатив Третьей по счету.

— Признаю то и другое.

Он что-то записал.

— И кое-что вы должны мне, Оди. Триста долларов за копию факса относительно вашего голубя. Еще сотню за подтверждение вашего контракта с Вастрой. Вам к тому же потребуется новая лицензия проводника; за это семьсот долларов.

Я дал ему свою кредитную карточку, и он снял сумму с моего счета. Потом я подписал контракт, который он подготовил, и приложил к нему карточку. Тридцать процентов Вастры — не со всего миллиона, а только с моего гонорара. Тем не менее он заработает почти столько же, сколько и я, по крайней мере в наличных, потому что мне еще придется доплачивать за оборудование. Банки согласны поддержать человека, но хотят, чтобы с ними расплачивались, когда есть деньги… Никто ведь не знает, когда удастся заработать в следующий раз.

Помощник зарегистрировал подписанный контракт.

— Тогда все. Я могу еще что-нибудь для вас сделать?

— Не за вашу цену, — ответил я.

Он пристально, с оттенком зависти посмотрел на меня.

— Не прикидывайтесь, Оди. «Бойс Коченор и Дорота Кифер, прибывшие на «Юрии Гагарине», одесский регистр, других пассажиров нет», — процитировал он строчку из сообщения, перехваченного им для нас. — Других пассажиров нет. Да ведь вы станете богаты, Оди, если правильно обойдетесь с этим клиентом.

— Богатый — для меня это слишком. Я хочу только быть живым, — ответил я.

Конечно, это не совсем так. Кое-какие надежды у меня были — не очень большие, и говорить не о чем, да я ни с кем о них и не говорил. Тем не менее я надеялся после этого дела остаться не только живым, но и богатым.

Однако возникала проблема.

Если мы и найдем что-нибудь, большую часть получит Бойс Коченор. Если турист класса Коченора в сопровождении проводника отправляется на поиски в туннели хичи и находит что-нибудь ценное — так бывало, знаете ли; нечасто, но достаточно, чтобы поддерживать в них надежды, — львиную долю получает тот, кто оплатил тур. Проводник может откусить кусочек, но и

только. Мы просто работаем на тех, кто оплачивает счета.

Конечно, я в любое время могу отправиться один и искать самостоятельно. И тогда все найденное будет принадлежать мне. Но в моем случае это была не такая уж хорошая мысль. Если я попытаюсь сделать это сам и потерплю неудачу, значит, я потратил время и припасы на сто пятьдесят тысяч, понапрасну подверг износу оборудование и самолет. И если потерплю неудачу, то очень скоро умру, когда моя печенка окончательно откажет.

Чтобы остаться живым, мне нужно каждое пенни из того, что заплатит Коченор. Найдем мы что-либо или не найдем, моя оплата останется той же.

К несчастью для собственного спокойствия, я считал, что знаю, где можно найти кое-что интересное. И проблема в том, что, пока у нас с Коченором стандартный контракт, я не могу позволить себе что-то находить.

Последнюю остановку я сделал в своей комнате. Под кроватью в сейфе у меня находились кое-какие документы, которые отныне должны лежать у меня в кармане.

Видите ли, когда я отправился на Венеру, меня

не интересовали ее виды. Я хотел разбогатеть.

Ни тогда, ни в течение последующих двух лет я поверхности Венеры почти не видел. Из космического корабля при посадке на Венеру много не увидишь. Чтобы выдержать поверхностное давление в девяносто тысяч миллибар, нужен прочный корпус, не такой, как у пузырей, летающих на Луну, на Марс и дальше. Поэтому в кораблях, летящих на Венеру, нет окон. Впрочем, это не важно, потому что мало что можно увидеть на поверхности Венеры. Все, что может сфотографировать турист, находится под поверхностью, и почти все это оставлено хичи.

Мы мало что знаем о хичи. Мы даже не знаем, каково их настоящее имя. «Хичи» — это не имя. Просто так кто-то передал звуки, которые производит огненная жемчужина, когда ее погладишь. И так как это единственный звук, который можно связать с хичи, он и стал их именем.

Гесперологи[1] понятия не имеют, откуда пришли эти хичи, хотя иногда встречаются чертежи, похожие на звездные карты; впрочем, на них все равно ничего не понятно. Если бы мы знали точное положение каждой звезды в Галактике

[1] Примечания: 1

От Hesperus, «вечерняя звезда», одно из названий Венеры. — *Примеч. пер.*

несколько сотен тысяч лет назад, возможно, мы смогли бы что-то понять. Может быть. Конечно, предполагая, что хичи пришли из нашей Галактики.

Иногда я думаю, что им было нужно. Они спасались с умирающей планеты? Политические беженцы? Туристы, прогулочный корабль которых потерпел катастрофу, и они задержались на ремонт, а потом улетели дальше? Не знаю. И никто не знает.

И хоть хичи прибрали все за собой, уходя, оставили только пустые туннели и помещения, иногда тут и там находят забытые или брошенные предметы: все эти «молитвенные веера», огромное количество пустых контейнеров — похоже на площадку для пикников в конце летнего сезона, разные другие мелочи и пустяки. Мне кажется, лучшим из этих «пустяков» стала анизокинетическая сумка, углеродный кристалл, который изменяет направление удара на девяносто градусов. Тот, кому повезло ее найти, стал богаче на несколько миллиардов: он был достаточно умен, чтобы подвергнуть ее анализу и сдублировать. Но это лучший результат. А то, что мы находим обычно, просто мусор. А когда-то здесь были приборы в миллионы раз ценнее

этого мусора.

Неужели хичи все забрали с собой?

Это еще одна вещь, которой никто не знает. Я тоже не знаю, но, мне кажется, знаю кое-что, имеющее к этому отношение.

Мне казалось, что я знаю место, где в туннеле хичи кое-что есть. В этом туннеле давно никто не бывал; да и расположен он далеко от всех поселений.

Я не обманывал себя. Я знал, что никакой гарантии у меня нет.

Но было кое-что для начала. Может, когда улетали последние корабли, хичи теряли терпение и, может быть, не очень тщательно убирали за собой.

И вокруг этого все крутится на Венере.

Какая еще может быть причина, чтобы оставаться здесь? Жизнь туннельной крысы в лучшем случае висит на волоске. Нужно не менее пятидесяти тысяч в год, чтобы оставаться живым: налог на воздух, подушный налог, плата за воду, плата за пропитание. Если хочешь есть мясо чаще раза в месяц, если тебе нужна отдельная комната для сна, это стоит гораздо дороже.

Лицензия проводника стоит недельного содержания. Покупая лицензию, мы рискуем этой

неделей. Либо найдем что-то, либо заработаем на туристах достаточно, чтобы вернуться на Землю. Там, по крайней мере, не задохнешься, как здесь, когда тебя выбрасывают на поверхность, в крематорий венерианской атмосферы. И не просто вернуться на Землю — вернуться так, как мечтает всякая туннельная крыса, улетая в первый раз в сторону Солнца, — с достаточными средствами, чтобы купить себе Полную Медицину.

Вот что мне нужно — большая удача.

4

Последнее, что я сделал в тот вечер, — посетил Зал Открытий. Дело не просто в капризе. Я договорился о встрече с третьей женой Вастры.

Третья подмигнула мне из-под своей вуали для флирта и повернулась к своей спутнице, которая оглянулась и узнала меня.

— Здравствуйте, мистер Уолтерс, — сказала она.

— Я так и думал, что застану вас здесь, — сказал я, и сказал правду. Но как назвать женщину, не знал. Моя собственная мать была достаточно старомодна, чтобы взять фамилию отца, когда они поженились, но тут, конечно, это неприменимо. «Мисс Кифер» достаточно точно, «миссис

Коченор» — дипломатично. Я решил проблему, сказав: — Поскольку нам придется много времени провести вместе, не перейти ли на имена?

— Значит, Оди?

Я одарил ее улыбкой в двенадцать зубов.

— Мать у меня шведка, отец — прирожденный техасец. Это имя часто встречается в нашей семье… Дорота.

Третья Вастры слилась с фоном, а я принялся показывать Дороте Кифер чудеса Зала Открытий.

Зал должен подогреть интерес земных туристов, чтобы они побольше денег потратили на раскопках хичи. В нем всего понемногу, от карт раскопок и большой меркаторовой карты Венеры до образцов всех находок. Я показал ей копию анизокинетической сумки и оригинал пьезофона, который сделал его открывателя почти таким же богатым, как и обладателя сумки. Тут было с полдюжины настоящих огненных жемчужин размером в четверть дюйма; они лежали на подушечках под бронированным стеклом и сверкали холодным молочным светом.

— Они делают возможными эти пьезофоны, — сказал я Дороте. — Сам прибор — человеческое изобретение: но действует он благодаря огненным жемчужинам, они преобразуют механиче-

скую энергию в электрическую и наоборот.

— Они красивые, — сказала она. — Но зачем их так охранять? Я видела более крупные на прилавках в Веретене, и никто за ними не смотрит.

— Тут небольшая разница, Дорота, — объяснил я. — Эти настоящие.

Она вслух рассмеялась. Мне понравился ее смех. Ни одна женщина не выглядит красивой, когда смеется, и девушки, которые заботятся о том, как они выглядят, стараются не смеяться. Дорота Кифер выглядела как здоровая хорошенькая женщина, которая неплохо проводит время. Если подумать, то это лучшая женская внешность.

Впрочем, она выглядела не настолько хорошо, чтобы заставить меня забыть о новой печени, поэтому я перешел к делу.

— Маленькие красные шарики вон там — кровавые бриллианты, — сказал я. — Они радиоактивны. Недостаточно, чтобы причинить вред, но они остаются теплыми. Это один способ отличить настоящие от поддельных. Другой: все крупнее трех сантиметров — подделка. Большие камни излучают слишком много тепла. Закон кубов, знаете ли. И потому они расплавляются.

— Значит, тот, что хотел мне продать ваш друг…

— Подделка. Верно.

Она кивнула, продолжая улыбаться.

— А вы что пытаетесь нам продать, Оди? Что-то настоящее или подделку?

К этому времени Третья дома Вастры незаметно исчезла, так что я перевел дыхание и сказал Дороте правду. Не всю правду, может быть, но ничего, кроме правды.

— Все то, что здесь, — сказал я, — результат поисков тысяч людей во множестве раскопок. Не очень много. Сумка, пьезофон, два-три других устройства, которые мы можем заставить работать; несколько предметов, которые еще изучаются; и много пустяков. Вот и все.

— Так я и слышала, — ответила она. — И еще одно. Все стоящие открытия сделаны не менее двадцати лет назад. — Она оказалась умнее и лучше информированной, чем я ожидал.

— Следовательно, можно сделать вывод, — согласился я, — так как нового ничего не находят, что планета выдоена досуха. Вы правы. Так может действительно показаться. Первые старатели нашли все, что можно отыскать полезного… пока.

— А вы считаете, что есть еще.

— Надеюсь, что есть еще. Послушайте. Пункт первый. Стены туннелей. Они все одинаковы

— синие стены, абсолютно ровные, свет исходит из их глубины и никогда не меняется, они очень твердые. Как их сделали хичи?

— Откуда мне знать?

— Я тоже не знаю. И никто не знает. Но все туннели хичи одинаковы. Если докапываться до них снаружи, везде одно и то же: вначале обычная скала, потом пограничный слой из полукамня и полуметалла, потом сама стена. Вывод: хичи не прорывали туннели и потом обкладывали стены металлом, у них что-то ползло под поверхностью, как земляной червь, оставляя за собой туннели. И еще одно: масса лишних раскопок. То есть такого множества туннелей им не нужно, многие из них никуда не ведут, они никогда ни для чего не использовались. Это вам ничего не говорит?

— Их производство должно быть дешевым и легким? — предположила она.

Я кивнул.

— Следовательно, это была автоматически действующая машина, и где-то на планете должна остаться хоть одна такая. Пункт второй. Воздух. Они, как и мы, дышали кислородом и должны были получать его откуда-то. Откуда?

— Из атмосферы. Он ведь там есть?

— Почти нет. Меньше половины процента. И

большая часть не в свободном, а в связанном виде, в двуокиси углерода и прочей дряни. Да и водяных паров в атмосфере тоже нет. Есть немного, но не столько, как, скажем, двуокиси серы. Когда вода пробивается сквозь скалы, не получается свежего чистого ключа. Вода тут же испаряется. И поднимается вверх — молекулы воды легче молекул двуокиси серы. Когда поднимается достаточно высоко, за молекулы принимается солнце и раскалывает их. Выделяется кислород и водород. Кислород и половина водорода идет на превращение двуокиси серы в серную кислоту. А другая половина водорода рассеивается в космосе.

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Оди, — мягко сказала она, — я уже поверила, что вы специалист по Венере.

Я улыбнулся.

— Вы уловили общую картину?

— Мне кажется, да. Картина не очень приятная.

— Она очень неприятная, и тем не менее хичи умудрились получать достаточно кислорода из этой мешанины, дешево и легко — вспомните лишние туннели, которые они заполнили, — наряду с инертными газами типа азота. И сделали

из всего пригодную для дыхания смесь. Как? Не знаю, но если это делала машина, я бы хотел ее отыскать. Следующий пункт: воздушное сообщение. Хичи много летали над поверхностью Венеры.

— Вы тоже, Оди! Разве вы не пилот?

— Пилот воздушного аппарата, да. Но подумайте, чего стоит поднять самолет. На поверхности температура семьсот тридцать пять градусов Кельвина[2] и недостаточно кислорода, чтобы зажечь сигарету. Поэтому моему самолету нужны два бака: один для горючего, другой для атмосферы, в которой горит это горючее. Тут не просто бензин и воздух, знаете ли.

— Правда?

— Не на Венере, Дорота. Не при той температуре и давлении, что у нас. Нужно специальное горючее для таких условий. Слыхали когда-нибудь о парне по имени Карно?

— Древний ученый? Автор цикла Карно?

— Опять верно. — Я осторожно отметил, что она в третий раз удивила меня. — Согласно Карно, эффективность двигателя выражается его максимальной температурой — температурой

---

[2] Примечания: 2

+ 462 градуса по Цельсию. — *Примеч. пер.*

сжигания, допустим, — деленной на температуру выхлопа. Но температура выхлопа не может быть ниже температуры окружающей среды, в которой происходит выхлоп. Иначе получится не двигатель, а холодильник. А вас окружает атмосфера с температурой в семьсот тридцать пять градусов, так что даже со специальным горючим двигатель у вас малоэффективный. Любой тепловой двигатель на Венере работает плохо. Вы не задавали себе вопрос, почему здесь так мало самолетов? Мне-то как раз это выгодно: позволяет держать нечто вроде монополии. Но причина в том, что их использование очень дорого обходится.

— А у хичи это получалось лучше?

— Я думаю, да.

Она снова рассмеялась, неожиданно и опять очень привлекательно.

— Бедняга, — с улыбкой сказала она, — вы увлечены тем, что продаете. Считаете, что когда-нибудь найдете главный туннель и заработаете несколько миллиардов долларов, продавая добро хичи!

Мне не понравилось то, как она это выразила. Мне вообще не понравилась эта встреча, организованная с помощью третьей жены Вастры. Я

рассчитывал, что без своего приятеля Дорота Кифер мне все о нем выложит. Не получилось. Она дала мне понять, что сама является личностью. Ну что ж, само по себе это ценно и интересно.

Более того, она заставила меня оглянуться на себя самого.

Поэтому я сказал:

— Вероятно, вы правы. Но я тем не менее хочу попытаться.

— Вы рассердились?

— Нет, — солгал я. — Просто, может, немного устал. Нам завтра предстоит трудный день, так что лучше я отведу вас назад в Веретено, мисс Кифер.

5

Мой самолет стоял на краю космодрома, и добираться до него нужно так же, как до космодрома: лифтом до поверхностного шлюза, потом в герметически закрытом траулере, который движется по сухой скалистой измученной поверхности Венеры, наклоняясь под порывами плотного ветра. Конечно, мой самолет под пенным куполом. Ничего нельзя оставлять на поверхности Венеры без защиты, если хотите увидеть свою вещь невредимой, когда вернетесь. Даже если она сде-

лана из хромовой стали. Прежде всего пришлось утром смыть пену, потом проверить самолет и заправиться. Теперь я был готов. В иллюминаторы траулера сквозь ревущие желто-зеленые сумерки снаружи я его видел.

Коченор и его девушка тоже могли бы его увидеть, если бы знали, куда смотреть, но вряд ли признали бы в нем машину, способную летать.

— Вы с Дорри поцапались?! — крикнул мне в ухо Коченор.

— Нет! — крикнул я в ответ.

— Мне все равно. Просто хотел узнать. Вам не нужно нравиться друг другу, просто делайте что я говорю. — Он немного помолчал, давая отдохнуть голосовым связкам. — Боже, что за ветер!

— Это зефир, — ответил я. Больше ничего не стал говорить: увидит сам. Вокруг космодрома природная тихая местность по венерианским стандартам. Орографический подъем перебрасывает самые сильные потоки через нас, и мы получаем только небольшой остаточный вихрь. Поэтому здесь относительно легко садиться и взлетать. Плохо же то, что некоторые тяжелые металлические составляющие атмосферы оседают на поле. Воздух на Венере состоит из огромного количества ртутной серы и хлорида ртути в

нижних слоях, а когда поднимаешься выше, к перистым облакам, которые видят туристы на пути вниз, обнаруживаешь, что это капли серной, гидрохлористой и гидрофтористой кислоты.

Но против этого есть свои хитрости. Навигация на Венере требует трехмерного мастерства. Достаточно легко добраться из пункта А в пункт В по поверхности. Транспондеры включатся в радиосеть и будут постоянно отмечать ваше положение на карте. Трудно найти нужную высоту. Для этого нужен опыт и, возможно, интуиция. И именно поэтому мой самолет и я сам обходимся в миллион долларов таким, как Бойс Коченор.

К этому времени мы были уже у самолета, и телескопический выход траулера соединился со шлюзом. Коченор смотрел в иллюминатор.

— У него нет крыльев! — закричал он, словно я его обманул.

— А также парусов и гусениц! — крикнул я в ответ. — Забирайтесь на борт, если хотите поговорить! Там легче.

Мы пробрались через узкий выход, я открыл шлюз, и мы без особых трудов перебрались в самолет.

У нас даже не было неприятностей, которые я мог бы сам создать себе. Видите ли, у меня

большой аппарат. Мне чертовски повезло, когда я смог его купить. И не будем ходить вокруг да около: можно сказать, что я его любил. В нем без оборудования могло поместиться десять человек. Но с тем, что нам продал Саб Вастра и что отделение 88 посчитало обязательным, внутри стало тесно и для троих.

Я подготовился по крайней мере к сарказму. Но Коченор только осмотрелся, отыскал самую удобную койку, подошел к ней и заявил, что она его. Девушка спокойно восприняла неудобства. А я сидел, напряженно ожидая критики, но ее не последовало.

Внутри машины было гораздо тише. Конечно, шум ветра слышен, но он только раздражает. Я раздал всем ушные затычки с фильтром, и шум вообще перестал докучать.

— Садитесь и привяжитесь, — приказал я и, когда они послушались, поднял машину.

При девяноста тысячах миллибар крылья не просто бесполезны, они опасны. У моего самолета достаточно подъемной силы в раковинообразном корпусе. Я послал в термодвигатели двойной запас топлива, мы подпрыгнули на относительно ровной поверхности поля (каждую неделю ее выравнивают бульдозерами, поэтому она и остается

относительно ровной) и погрузились вначале в дикую желто-зеленую мешанину, потом в дикую коричнево-серую мешанину после пробега не более пятидесяти метров.

Коченор для удобства застегнул ремни не очень тесно. Я с удовольствием слушал, как он кричит, когда мы проходили через короткий период яростных бросков. На высоте в тысячу метров я нашел постоянное течение, толчки стали слабее, и я смог отстегнуть пояс и встать.

Достав из ушей затычки, я знаком велел Коченору и девушке сделать то же самое.

Он потирал голову, которой ударился о стойку с картами, но при этом слегка улыбался.

— Весьма возбуждает, — признался он, роясь в кармане. — Не возражаете, если я закурю?

— Легкие ваши.

Он улыбнулся шире.

— Теперь да, — согласился он. — Слушайте, а почему вы не дали нам эти затычки еще в траулере?

У проводника есть две возможности. Либо позволить туристам закидать тебя вопросами, а потом все время потратить на то, чтобы объяснить, что значит, когда эта забавная маленькая шкала краснеет… или держать рот на замке, де-

лать свое дело и зарабатывать деньги. И передо мной выбор. Все зависит от того, нравятся мне Коченор и его девушка или нет.

Нужно постараться быть с ними вежливыми. Больше чем вежливыми. Жить втроем в течение трех недель на пространстве площадью с кухню обычной квартиры — для этого нужно очень стараться не ссориться, если мы не хотим кончить взаимной ненавистью. И так как мне платят, чтобы я был хорошим, мне следует показывать пример.

С другой стороны, иногда бывает очень трудно выносить коченоров мира. И если этот случай таков, чем меньше разговоров, тем лучше, а на такие вопросы лучше отвечать просто «забыл».

Но он совсем не старался быть невыносимым. А девушка была даже явно дружелюбно настроена. Поэтому я выбрал вежливость.

— Это интересно. Видите ли, вы слышите из-за разницы в давлении. Когда самолет поднимался, затычки отсекали часть звука — то есть волны давления, но когда я крикнул, чтобы вы пристегнулись, затычки передали давление, созданное моим голосом, и вы услышали. Но у них есть предел. Свыше ста двадцати децибел — это единица громкости звука…

— Я знаю, что такое децибел, — проворчал Коченор.

— Конечно. Свыше ста двадцати децибел — и барабанная перепонка перестает реагировать. В траулере просто слишком громко. Звук проходит не только через корпус, но и от поверхности через гусеницы. Если бы вы заткнули уши, вы бы вообще ничего не слышали, — закончил я.

Дорота слушала, восстанавливая косметику на глазах.

— А что бы мы не услышали? — спросила она.

Я решил разговаривать по-дружески, по крайней мере первое время.

— Ну, например, приказ надеть скафандры. При несчастном случае, я хочу сказать. Порыв может просто перевернуть траулер, иногда какой-нибудь предмет прилетит с холмов и ударится в корпус.

Она трясла головой и смеялась.

— Прекрасное место ты для нас выбрал, Бойс, — заметила она.

Он не обращал на нее внимания. Его интересовало нечто другое.

— Почему вы не управляете этой штукой? — спросил он.

Я встал и активировал виртуальный шар.

— Правильно. Пора поговорить об этом. Сейчас мой самолет на автопилоте, он движется в общем направлении этого квадранта внизу. Точное место назначения нам еще предстоит выбрать.

Дорри Кифер осмотрела шар. Он не реален, конечно; просто висящее в воздухе трехмерное изображение, его можно проткнуть пальцем.

— Не очень красиво выглядит Венера, — заметила она.

— Линии, которые вы видите, — объяснил я, — просто радиоотметки расстояния. Внизу на поверхности вы их не увидите. У Венеры нет океанов и континентов, поэтому карта здесь — совсем не то же, что на Земле. Видите эту яркую точку? Это мы. Теперь смотрите.

Я наложил на радиорешетку и контурные цвета геологические данные.

— Вот эти кровавые круги — обозначения масконов. Знаете, что такое маскон?

— Концентрация массы. Какое-то тяжелое вещество, — предположила Дорота.

— Правильно. Теперь я накладываю расположение известных раскопок хичи.

Я коснулся приборов, и на шаре возник золотой рисунок раскопок, словно всю планету прорыли черви. Дорота сразу сказала:

— Они все в масконах.

Коченор одобрительно взглянул на нее, я тоже.

— Не все, — поправил я. — Но почти все. Почему? Не знаю. Никто не знает. Масконы — это обычно древние плотные породы, базальт и тому подобное. Может, хичи чувствовали себя в безопасности, когда под ногами прочная скала. — В своей переписке с профессором Хеграметом с Земли в те дни, когда у меня не отказывала печень и я мог интересоваться абстрактными знаниями, мы обсуждали возможность того, что машины хичи могли работать только в плотных породах или в породах определенного химического состава. Но сейчас я не был готов обсуждать идеи профессора Хеграмета.

Я чуть повернул виртуальный шар с помощью шкалы.

— Смотрите сюда. Мы сейчас вот здесь. Эта формация называется Альфа Реджио. Тут самые большие раскопки. Мы вылетели из них. Видны очертания Веретена. Маскон, в котором расположено Веретено, называется Серендип. Его открыла гесперологическая…

— Гесперологическая?

— Геологическая экспедиция, изучающая Венеру. Поэтому гесперологическая. Они засекли

концентрацию массы с орбиты, высадились и принялись бурить, чтобы взять образцы. И наткнулись на первые раскопки хичи. Видите, все раскопки в северном полушарии расположены в этой группе связанных масконов? Между ними есть вкрапления менее плотных пород, и через них проходят соединительные туннели, но раскопки все в масконах.

— Они все на севере, — резко сказал Коченор. — А мы летим на юг. Почему?

Интересно, что он читает виртуальный шар. Но я ничего не сказал об этом. Сказал только:

— Те, что уже обозначены, бесполезны. Их уже обыскали.

— Некоторые кажутся еще больше Веретена.

— Намного больше, правильно. Но в них ничего нет. И даже если есть, то вряд ли в хорошем состоянии. Сто тысяч лет назад, может больше, их заполнили подповерхностные жидкости. Многие пытались их откачать и раскапывать, но ничего не нашли. Можете меня спросить. Я был одним из них.

— Я не знал, что на Венере есть жидкая вода, — возразил Коченор.

— Я ведь не сказал «вода». Но кстати, иногда и вода, что-то вроде жидкой грязи. Очевидно,

вода выходит из породы, и проходит какое-то время, прежде чем она достигнет поверхности, несколько тысяч лет, потом она выступает наружу, вскипает, разделяется на кислород и водород и утрачивается. Не знаю, известно ли вам, но некоторое количество воды есть и под Веретеном. Именно ее вы пьете и ею дышите, когда живете там.

— Мы не дышим водой, — поправил он.

— Конечно, нет. Мы дышим воздухом, который из нее получен. Но иногда в туннелях сохраняется свой воздух — я имею в виду первоначальный воздух, тот, который оставили хичи. Конечно, после нескольких сотен тысяч лет туннели превращаются в печь. Все органическое там может испечься. Возможно, поэтому мы находим так мало, скажем, органических останков — они кремированы. Так вот… иногда в туннеле можно найти воздух, но никогда не слыхал, чтобы находили пригодную для питья воду.

Дорота сказала:

— Бойс, все это очень интересно, но мне жарко, я грязная, и весь этот разговор о воде действует мне на нервы. Нельзя ли сменить тему?

Коченор залаял: смехом это не назовешь.

— Подсознательное побуждение. Согласны,

Уолтерс? И немного старомодной притворной стыдливости. Я думаю, на самом деле Дорри хочет в туалет.

Я слегка смутился. Но девушка, очевидно, привыкла к таким выходкам. Она только сказала:

— Если мы собираемся прожить здесь три недели, я хочу посмотреть, что это такое.

— Конечно, мисс Кифер, — сказал я.

— Дорота. Дорри, если вам так больше нравится.

— Хорошо, Дорри. Ну, видите, что у нас есть. Пять коек. Можно опустить перегородку и спать вдесятером, если захотим, но мы не хотим. Два стоячих душа. Кажется, тесновато и не намылишься, но если постараться, можно обойтись. В этих отделениях два химических туалета. Вон там кухня — печь и кладовка. Выбирайте какую хотите койку, Дорри. Вот этот экран опускается, если хотите переодеться и тому подобное. Или если мы просто вам надоедим.

Коченор сказал:

— Давай, Дорри, делай что хочешь. А я хочу, чтобы Уолтерс показал мне, как управлять этой штукой.

Начало неплохое. У меня бывало и похуже. Иногда бывало просто ужасно, когда группы

садились пьяными и напивались все больше, иногда бывали пары, ссорившиеся все время, когда не спали: объединялись они лишь иногда, чтобы вместе наброситься на меня. А этот полет выглядел совсем неплохо, не говоря уже о том, что я надеялся: он спасет мне жизнь.

Чтобы управлять самолетом, большого мастерства не требуется — во всяком случае, если просто хочешь двигаться в нужном направлении. Венерианская атмосфера обладает достаточной подъемной силой; можно не беспокоиться, что заглохнет двигатель; да и вообще приборы берут на себя большую часть работы.

Коченор учился быстро. Оказалось, он водил самолеты на Земле, а кроме того, управлял глубоководными одноместными подводными лодками на морских нефтяных месторождениях своей юности. Когда я ему сказал, что самая трудная часть пилотажа на Венере — это выбор нужной высоты и правильная ее смена, когда необходимо, он сразу понял. Но понял также, что этому за день не научишься. И даже за три недели.

— Какого дьявола, Уолтерс, — довольно добродушно сказал он. — Я ведь могу направить его куда хочу — если вы вдруг застрянете в туннеле. Или вас подстрелит ревнивый муж.

Я улыбнулся ему как мог приятно, то есть не очень.

— И еще я могу готовить, — продолжал он. — Вы годитесь для этого дела? Я думаю, нет. Ну, я слишком дорого заплатил за этот желудок, чтобы забивать его всякой дрянью, поэтому готовить буду я. Дорри так и не смогла этому научиться. Как и ее бабушка. Самая красивая женщина в мире, но ей казалось, что этого достаточно, чтобы этим миром владеть.

Я принял это за какую-то шутку. Этот юный девяностолетний атлет полон самых неожиданных штук. Он сказал:

— Ладно. Теперь, пока Дорри использует всю воду в душе…

— Не беспокойтесь, она рециклируется.

— Все равно. Пока она моется, заканчивайте свою лекцию. Куда же мы направляемся?

— Хорошо. — Я слегка повернул шар. Пока мы говорили, яркая точка, обозначающая наше положение, продолжала медленно двигаться на юг. — Видите, вот здесь наш маршрут пересекается с сеткой, вблизи Лизе Мейтнер[3].

— А кто такая Лизе Мейтнер? — спросил он.

---

[3] Примечания: 3

Известный австрийский физик и радиохимик. — *Примеч. пер.*

— Кто-то, в честь кого назвали формацию, это все, что мне известно. Видите, на что я показываю?

— Да. Тут рядом пять больших масконов. И не указаны никакие раскопки. Мы туда направляемся?

— В общем, да.

— Почему только в общем?

— Ну, я кое-чего вам не рассказал. Думаю, вы не станете сердиться из-за этого, иначе мне тоже придется рассердиться и сказать вам, что надо сначала получше узнать Венеру, а потом уже исследовать ее.

Он внимательно разглядывал меня некоторое время. Из душа неслышно вышла Дорри в длинном халате, волосы у нее были обвязаны полотенцем. Она остановилась рядом с Коченором, глядя на меня.

— Все зависит от того, много ли вы мне не рассказали, друг. — Прозвучало это совсем не по-дружески.

— Вот эта часть — район безопасности Южного полюса, — сказал я. — Здесь стоят ракеты парней из Обороны. Все их оружие здесь сосредоточено. Штатским сюда заходить не разрешается.

Он взглянул на карту.

— Но за этими пределами остается только небольшая часть маскона!

— Вот именно в эту небольшую часть мы и направляемся.

6

Для человека старше девяноста лет Бойс Коченор необыкновенно проворен. Я имею в виду не только то, что он здоров. Это обеспечивает Полная Медицина, она способна заменить вам любой орган, который вышел из строя или вообще начал плохо работать. Но мозг заменить нельзя. Поэтому обычно богатые старики — это бронзовое мускулистое тело, которое трясется, колеблется и все вечно роняет.

В этом отношении Коченору повезло.

Провести с ним три недели будет нелегко. Он уже настоял, чтобы я показал ему, как пилотировать мой аппарат, и учился он быстро. Когда я решил не тратить зря время и сделать дополнительную проверку охладительной системы, он помогал мне снимать кожухи, проверять уровни охлаждения и прочищать фильтры. Потом решил приготовить нам ленч.

Я принялся передвигать припасы, доставая звуковые искатели, а Дорри Кифер помогала мне.

При том уровне шума, который создает работающий двигатель, наши голоса Коченор не может услышать, он стоит у печи в нескольких метрах от нас. И я решил, пока проверяем искатели, порасспросить девушку о нем. Но потом передумал. Все самое важное о Коченоре я уже знал, а именно: если повезет, он оплатит мою новую печень. И мне совсем не нужно знать, что он и Дорри думают друг о друге.

И потому мы говорили об искателях. О том, как они помещают заряд в венерианскую породу, а потом засекают время возвращения эха взрыва. И о том, что у нас неплохие шансы найти что-нибудь интересное. («Ну, каковы шансы выиграть на скачках? Для любого отдельного владельца билета они не так уж высоки. Но кто-нибудь всегда выигрывает!») И о том, что заставило меня прилететь на Венеру. Я упомянул имя своего отца, но она никогда не слышала о заместителе губернатора Техаса. Слишком молода, конечно. Да и вообще родилась и выросла в Южном Огайо, где Коченор работал подростком и куда вернулся, став миллиардером. Она без всяких моих расспросов рассказала, что он строил там новый обрабатывающий центр и какой головной боли это стоило — неприятности с профсоюзами,

неприятности с банками, большие неприятности с правительством, и поэтому он решил взять отпуск и как следует побездельничать. Я посмотрел на Коченора, мешавшего соус, и сказал:

— Таких крепких людей редко увидишь.

— Он помешан на работе, Оди. Наверно, так и становятся богатыми. — Машина нырнула, я бросил все и кинулся к приборам. Услышал, как заорал у печи Коченор, но был слишком занят, отыскивая новый подходящий эшелон. К тому времени, как я поднялся еще на тысячу метров и снова включил автопилот, он растирал запястье и бранился.

— Простите, — сказал я.

Он кисло ответил:

— Я не против ожога на руке. Всегда можно купить новую кожу. Но я чуть не пролил соус.

Я проверил виртуальный шар. Яркая точка проделала уже две трети пути к цели.

— Скоро ли будет готов ленч? — спросил я. — Прибудем примерно через час.

Впервые он удивился.

— Так быстро? Мне казалось, вы говорили, что скорость у самолета дозвуковая.

— Да, говорил. Мы на Венере, мистер Коченор. А на этой высоте звук распространяется гораздо

быстрее, чем на Земле.

Он задумался, но сказал только:

— Ну что ж, есть можно будет через несколько минут. — А чуть позже, когда мы ели, добавил: — Кажется, я знаю об этой планете меньше, чем считал. Если прочтете нам лекцию, как наш гид, мы послушаем.

— Главное вы знаете, — ответил я. — Послушайте, мистер Коченор, вы отличный повар. Я сам загружал всю провизию, но понятия не имею, из чего это.

— Если заглянете в мой офис в Цинциннати, — ответил он, — спрашивайте мистера Коченора. А пока мы живем под мышками друг у друга, можете называть меня Бойс. И если вам нравится фрикасе, почему вы его не едите?

Ответ таков: потому что оно может убить меня. Но я не хотел обсуждать, почему мне так отчаянно нужны его деньги.

— Приказ врача, — сказал я. — Нужно немного попоститься. Мне кажется, мой врач считает, что я слишком поправился.

Коченор оценивающе взглянул на меня, но сказал только:

— Так как же лекция?

— Ну хорошо, начнем с самого главного, —

сказал я, осторожно наливая кофе. — Пока мы находимся внутри машины, можете делать что угодно: ходить, есть, пить, курить, если есть что… Охладительная система рассчитана на втрое большее количество людей, включая приготовление пищи для них и прочие потребности, с двойным запасом надежности. Воды и воздуха у нас достаточно — на два месяца. Топлива — на три полета туда и обратно плюс маневры. Если что-нибудь случится, мы запросим помощь, и кто-то часа через два обязательно появится. Скорее всего, парни из Оборонительных Сил, потому что они ближе всех и у них самые скоростные самолеты. Хуже всего, если будет пробит корпус и к нам явится вся венерианская атмосфера. Если это произойдет быстро, мы умрем. Но это никогда не происходит быстро. У нас будет время надеть скафандры, а в них мы проживем тридцать часов. Задолго до конца этого времени нас найдут.

— Конечно, если одновременно ничего не случится с радио.

— Верно. Если радио в порядке. Но вы ведь знаете, что погибнуть можно везде, если произойдет несколько совпадений.

Он налил себе еще чашку кофе и добавил немного коньяку.

— Продолжайте.

— Ну, снаружи дела сложнее. Вас предохраняет от смерти только скафандр, а, как я сказал, в нем можно прожить тридцать часов. Все дело в охлаждении. У вас достаточный запас воздуха и воды, а о еде за такой промежуток времени можно не беспокоиться, но чтобы избавиться от тепла, нужна энергия. А энергия означает топливо. Охладительная система тратит много топлива, и когда оно кончается, вам лучше вернуться в самолет. Жара не худшая возможность умереть. Задолго до того, как станет больно, теряешь сознание. Но все равно умрешь.

Кроме того, вам следует проверять скафандр каждый раз перед тем, как вы его надеваете. Испытайте его под давлением и проверьте, не протекают ли клапаны. Я это тоже проверяю, но не полагайтесь на меня. Это ваша жизнь. И следите за лицевой пластиной. Она очень прочна, ею можно гвозди заколачивать, и она не разобьется, но, если ударить очень сильно, все равно может треснуть. В таком случае вы тоже умрете.

Дорри спокойно спросила:

— А у вас гибли туристы?

— Нет. — Но я тут же добавил: — Гибли у других. Ежегодно гибнет примерно пять человек.

— С такими шансами я играю, — серьезно сказал Коченор. — Но я не эту лекцию хотел послушать, Оди. То есть, конечно, я хочу услышать, как оставаться живым, но, наверно, вы все равно это бы нам рассказали, перед тем как мы выйдем из корабля. Я хотел узнать, почему для поисков вы выбрали именно этот маскон.

Старикашка с мускулистым телом молодого пляжника начинал меня беспокоить; у него неприятная привычка задавать вопросы, на которые я не хочу отвечать. Конечно, я не случайно выбрал это место. Для этого потребовались пять лет изучения, множество раскопок и переписка стоимостью в четверть миллиона долларов, учитывая оплату космических расстояний, с такими людьми, как профессор Хеграмет с Земли.

Но я говорить об этих причинах не хотел. Мне хотелось проверить с десяток раскопок. И если это место как раз окажется удачным, Коченор получит с этого гораздо больше меня. Так говорится в контракте: сорок процентов нанимателю, пять процентов — проводнику, остальное правительству. Для него этого достаточно. А если здесь не повезет, я бы не хотел, чтобы он нанял другого проводника и отправился к остальным отмеченным мною местам.

Поэтому я только сказал:

— Назовем это догадкой, основанной на информации. Я пообещал вам отыскать неисследованный туннель и надеюсь сдержать обещание. А теперь давайте убирать еду: лететь нам осталось десять минут.

Когда все было убрано и мы пристегнулись, я вывел самолет из относительно спокойных верхних слоев, и мы снова оказались в области ветров над поверхностью.

Мы находились над большим центрально-южным массивом, примерно на такой же высоте, на какой расположено Веретено. Именно на такой высоте разворачивается большинство событий на Венере. На низинах и в глубоких речных руслах давление достигает ста двадцати тысяч миллибар и больше. Такое давление мой самолет долго бы не выдержал. Да и ничей не выдержал бы, кроме нескольких специальных аппаратов, исследовательских и военных. К счастью, похоже, хичи тоже не любили низины. В местностях с давлением выше девяноста бар пока не найдено ничего им принадлежавшего. Конечно, это не значит, что там ничего нет.

Проверив нашу позицию по виртуальному шару и подробной карте, я выпустил три звуковых

искателя.

Как только они высвободились, ветер разметал их по окрестности. Но это правильно. Не важно, где приземлится искатель — в достаточно широких пределах. Вначале они падают как копья, затем летят по ветру как соломинки, пока не включатся их маленькие двигатели и приборы поиска не нацелят их на поверхность.

Приземлились благополучно. Не всегда так везет, так что начало у нас хорошее.

Я отметил положение искателей на крупномасштабной карте. Получился почти равносторонний треугольник, то есть самое благоприятное расположение. Потом я проверил, что все хорошо пристегнулись, включил сканер и начал облет.

— Что дальше? — крикнул Коченор. Я заметил, что девушка вставила ушные затычки, но он не хотел ничего упустить.

— Теперь мы подождем, пока искатели не обнаружат туннели хичи. Это может занять несколько часов. — Говоря это, я опускал самолет через поверхностные слои атмосферы. Порывы ветра начали сильно бросать нас.

Но я нашел то, что искал, — поверхностное образование, похожее на тупик сухого русла, и всего с несколькими резкими толчками ввел в

него машину. Коченор внимательно наблюдал, и я улыбнулся про себя. Вот где нужен хороший пилот, а не на туристических маршрутах или на подготовленном поле у Веретена. Когда он сумеет действовать так, как я, то сможет без меня обходиться. Но не раньше.

Позиция выглядела нормальной, поэтому я выстрелил четырьмя держателями. Это такие столбы с головками, которые взрываются, коснувшись поверхности. Испытал их лебедкой, все держали хорошо.

Это тоже хороший признак. Относительно довольный собой, я расстегнул ремень и встал.

— Мы проведем здесь день-два, — сказал я. — Или больше, если повезет. Не хотите ли пройтись?

Стены русла превратили рев ветра просто в крик, и Дорри извлекла из ушей затычки.

— Хорошо, что меня не укачивает, — сказала она.

Коченор не говорил, но думал. Зажег сигарету и принялся разглядывать приборы контроля.

Дорота сказала:

— Один вопрос, Оди. Почему бы не подняться повыше, где спокойней?

— Топливо. У нас достаточно для перелетов,

но не для того, чтобы висеть днями. Шум вас тревожит?

Она скорчила гримасу.

— Привыкнете. Все равно что жить рядом с космопортом. Вначале вы удивляетесь, как можно выдержать такой шум целый час. Но поживете немного, и вам будет его не хватать, если шум прекратится.

Она подошла к иллюминатору и задумчиво посмотрела на местность. Мы перелетели в ночную зону, и смотреть было не на что. Видны только пыль и какие-то мелкие обломки в лучах наружных прожекторов.

— Меня беспокоит именно первая неделя, — сказала она.

Я включил экраны искателей. Они взрывали небольшие заряды и измеряли эхо друг друга. Но пока еще рано для выводов. На экране только начал появляться теневой рисунок. В нем больше пробелов, чем подробностей.

Наконец заговорил Коченор.

— Когда вы сможете сделать вывод по этим данным? — спросил он. Еще один момент: он не спросил, что это такое.

— Зависит от близости расположения и размера. Примерно через час можно будет строить

предположения, но я предпочел бы получить все данные. От шести до восьми часов, я бы сказал. Торопиться некуда.

Он проворчал:

— Я тороплюсь, Уолтерс.

Вмешалась девушка:

— А чем мы займемся, Оди? Сыграем в бридж на троих?

— Чем хотите, но я посоветовал бы вам поспать. Если мы что-то найдем — и помните, что шансы на это при первой же попытке очень малы, — какое-то время нам будет не до сна.

— Хорошо, — сказала Дорота и направилась к койкам, но Коченор остановил ее.

— А вы сами? — спросил он.

— Тоже скоро лягу. Я кое-чего жду.

Он не стал спрашивать чего. Вероятно, подумал я, потому что и так знает. И решил, что, когда лягу, снотворное принимать не буду. Коченор не только самый богатый турист из тех, с кем я имел дело; он еще и самый информированный. И мне хотелось немного подумать об этом.

Так что никто сразу не лег спать, и мне пришлось ждать почти час. Парни на базе стали что-то нерасторопны, им давно следовало бы поинтересоваться нами.

Но вот радио зажужжало, потом заговорило:

— Неустановленный аппарат на один три пять, ноль семь, четыре восемь и семь два, пять один, пять четыре! Пожалуйста, назовитесь и объясните свою цель.

Коченор вопросительно поднял голову от карт, они с девушкой играли в кункен.

— Пока они говорят «пожалуйста», проблем нет, — сказал я и включил передатчик.

— Говорит пилот Оди Уолтерс, аппарат Поппа Тар девять один, из Веретена. Мы получили лицензию и утвержденные полетные планы. На борту два туриста с Земли, цель — исследования для отдыха и развлечения.

— Принято. Пожалуйста, подождите, — проревело радио. Военные всегда передают на максимуме мощности. Несомненно, похмелье после дней сержантской муштры.

Я отключил микрофон и объяснил пассажирам:

— Проверяют наши полетные планы. Пока беспокоиться не о чем.

Через несколько мгновений передатчик Обороны снова ожил. И как всегда, громко.

— Вы в одиннадцати точка четыре километрах на два восемь три градусе от границы закрытой

зоны. Действуйте осторожно. По правилам воинских ограничений один семь и один восемь, раздел…

— Я знаю правила, — прервал я. — У меня лицензия проводника, и я объяснил ограничения пассажирам.

— Принято, — проревело радио. — Мы будем наблюдать за вами. Если заметите в атмосфере или на поверхности наши машины, это пограничные команды. Ни в коем случае не мешайте им. На любое требование идентификации или информации отвечайте немедленно.

— Они нервничают, — заметил Коченор.

— Нет. Они всегда такие. К таким, как мы, они привыкли. Просто им больше нечем заняться, вот и все.

Дорри неуверенно сказала:

— Оди, вы сказали, что объяснили нам ограничения. Я этого не помню.

— Ну как же, объяснил. Мы должны оставаться за пределами закрытой зоны, иначе они начнут стрелять. Вот и весь закон.

7

Я поставил будильник на четыре часа. Остальные услышали, как я встаю, и тоже встали. Дорри

разлила кофе из нагревателя, и мы пили стоя и разглядывали рисунок на экране.

Мне потребовалось на это несколько минут, хотя рисунок ясен с первого взгляда. На нем восемь больших аномалий, которые могут быть туннелями хичи. И одна прямо у нас за дверью. Даже не придется перемещать самолет.

Я одну за другой показал им эти аномалии. Коченор только задумчиво смотрел на них. Дорота спросила:

— Вы хотите сказать, что все эти пятна — неисследованные туннели?

— Нет. Хотел бы. Но даже если это туннели, во-первых, они могут быть уже исследованы кем-то, кто не позаботился зарегистрировать свои раскопки. Во-вторых, это не обязательно туннели. Могут быть трещины, канавы, реки какого-то расплавленного материала, который застыл миллиард лет назад. Единственное, что я могу сказать относительно уверенно: никаких неисследованных туннелей, кроме как в этих восьми местах, здесь нет.

— Что же мы будем делать?

— Копать. И посмотрим, что выкопаем.

Коченор спросил:

— Где начнем?

Я указал на яркое дельтообразное пятно, изображающее наш аппарат.

— Прямо здесь.

— Это лучший вариант?

— Не обязательно. — Я обдумал, что сказать ему, и решил попробовать правду. — Есть три места, которые выглядят получше остальных, вот, я их сейчас отмечу. — Я поиграл приборами, и на рисунке появились буквы A, B и C. — A — это место, которое находится прямо под нашим руслом, так что начнем с него.

— Лучшие — это самые яркие, верно?

Я кивнул.

— Но C ярче всех. Почему бы не начать с него?

Я тщательно подбирал слова.

— Отчасти потому, что пришлось бы перемещать самолет. Отчасти потому, что это место на краю исследованной зоны; это означает, что результаты поиска тут менее надежны. Но главное — это место на самом краю закрытой зоны, а наши приятели, у которых пальцы на курках чешутся, уже предупредили, чтобы мы держались подальше.

Коченор недоверчиво усмехнулся.

— Вы хотите сказать, что найдете многообещающий туннель хичи и не пойдете к нему, потому

что какой-то солдат вам не велел?

Я ответил:

— Эта проблема не возникнет. У нас есть семь аномалий, где мы можем искать законно. К тому же военные время от времени будут проверять нас.

— Ну хорошо, — настаивал Коченор. — Предположим, все законные окажутся пустыми. Что тогда?

— Я никогда не напрашиваюсь на неприятности.

— Но предположим?

— Черт возьми, Бойс! Откуда мне знать?

Тогда он сдался, подмигнул Дорри и хихикнул.

— Что я тебе говорил, милая? Он гораздо больший бандит, чем я!

Она молча смотрела на меня. Потом спросила:

— Почему вы такого цвета?

Я как-то отговорился, но, посмотрев в зеркало, увидел, что даже глаза у меня позеленели.

* * *

Следующие несколько часов мы были слишком заняты, чтобы говорить о теоретических возможностях. Приходилось беспокоиться о конкретных фактах.

Самый главный конкретный факт — нужно было не дать газу высокой температуры и под огромным давлением убить нас. Для этого предназначены скафандры. Мой собственный изготовлен по заказу, конечно, и его нужно только проверить. У Бойса и девушки скафандры взяты в аренду. Я хорошо за них заплатил, и они хороши. Но хороши — еще не значит совершенны. Я с полдесятка раз заставлял их надевать и снимать скафандры, проверял все клапаны, подгонял костюмы, пока не добился всего, чего можно в этих условиях. Скафандры двенадцатислойные, с девяностопроцентной свободой в самых существенных суставах, у них автономные топливные батареи. Они не подведут. Об этом я не беспокоился. Беспокоился я об удобствах: небольшой зуд становится серьезной проблемой, если невозможно почесаться.

Наконец я признал их годными к испытанию. Мы все столпились в шлюзе, открыли люк и вышли на поверхность Венеры.

Мы по-прежнему находились в ночной зоне, но рассеянного света солнца хватает, так что было не очень темно. Я дал им попрактиковаться в ходьбе у самолета, наклоняясь на ветру, держась за корпус корабля и посадочные столбы, а сам

тем временем готовился к раскопкам.

Я вытащил первое мгновенное иглу, расположил его и зажег. Оно тут же загорелось и затрещало, как детская игрушка, которая называется «фараонова змея». Оно производит легкий, но прочный пепел, который все растет, соединяется и образует купол без всяких швов. Я уже подготовил шлюз и, пока стены росли, умудрился с первого раза достичь великолепного соединения.

Дорри и Коченор не мешали мне, наблюдали от корабля через лицевые пластины. Я включил радио.

— Хотите посмотреть, как я начну? — крикнул я.

Оба кивнули в шлемах головами, я видел это движение через пластины.

— Идите сюда! — крикнул я и пополз в шлюз. Сделав им знак следовать за мной, я оставил его открытым.

Внутри, с нами тремя и оборудованием для раскопок, было еще теснее, чем в самолете. Они как можно дальше отошли от меня, прижались к изогнутой стене иглу, а я включил буры, проверил их вертикальное расположение и наблюдал за первыми спиральными надрезами.

Пенное иглу часть звука отражает, часть поглощает; все же шум внутри гораздо хуже рева ветра снаружи; резцы работают очень шумно. Решив, что для первого раза они видели достаточно, я показал на шлюз, мы все выбрались, я закрыл шлюз, и мы вернулись в самолет.

— Пока все хорошо, — сказал я, сняв шлем и выбираясь из скафандра. — Я считаю, что предстоит прорезать примерно сорок метров. Можно подождать внутри.

— А сколько это займет?

— Около часа. Можете заняться чем хотите, а я приму душ. Потом посмотрим, насколько мы продвинулись.

Одно из преимуществ того, что на борту только три человека: не слишком соблюдается водная дисциплина. Поразительно, как освежает короткий душ после жаркого скафандра. Закончив, я почувствовал себя готовым к чему угодно.

Я готов был даже поесть трехтысячекалорийных гурманских блюд, приготовленных Бойсом Коченором, но, к счастью, в этом не было необходимости. Кухней занялась Дорри и приготовила простую, легкую и неядовитую еду. На ее еде я, возможно, и доживу до получения своей платы. Вначале я удивился, почему она сторонница

здоровой диеты, но потом решил, что, конечно, хочет продлить Коченору жизнь. Со всеми этими запасными органами у него, наверно, диетические проблемы похлеще моих.

Ну, может, и не так. От своих проблем он явно не умрет.

Поверхность Венеры в этом месте покрыта похожим на пепел песком. Сверла быстро прорезали ее. Слишком быстро. Когда я забрался в иглу, оно почти заполнилось отходами сверления. Мне пришлось поработать, чтобы подобраться к машинам и повернуть их так, чтобы отходы вылетали через шлюз.

Грязная работа, но она не заняла много времени.

Я не стал возвращаться в самолет. По радио связался с Коченором и девушкой. Они были видны мне в иллюминатор. Я сказал им, что мы близко.

Но как близко, не сказал.

На самом деле мы были всего в метре от аномалии, так что я не позаботился убрать все отбросы. Просто расчистил место, чтобы можно было передвигаться в иглу.

Потом изменил направление движения сверл. И через пять минут показались следы голубого металла хичи — признак настоящего туннеля.

8

Еще десять минут спустя я включил микрофон в шлеме и крикнул:

— Бойс! Дорри! Мы нашли туннель!

Либо они уже были в скафандрах, либо оделись быстрее любой туннельной крысы. Я только раскрыл шлюз и выбрался, чтобы помочь им… а они уже выходили из самолета, держась за руки и сопротивляясь напору ветра.

Оба выкрикивали вопросы и поздравления, но я их остановил.

— Внутрь, — приказал я. — Увидите сами. — Кстати, необязательно и заходить. Голубое сияние они могли увидеть, заглянув в шлюз.

Я прополз вслед за ними и закрыл внешний вход в шлюз. Причина очень проста. Пока туннель не прорезан, не важно, что вы делаете наверху. Но в нетронутом туннеле хичи внутреннее давление лишь чуть превышает нормальное земное. Если вы не запечатали иглу сразу после того, как вскрыли туннель, в него врывается девяностотысячемиллибарная атмосфера Венеры вместе с высокой температурой, разрушительным действием воды и едких химикалий и всем прочим. Если туннель пуст или то, что в нем,

достаточно прочно, тревожиться нечего. Но в музеях можно увидеть странные куски и обломки — тот, кто обнаружил эти машины хичи, впустил предварительно атмосферу, и они превратились в хлам. Если вы нашли сокровище, то можете в одну секунду уничтожить то, что сотни тысяч лет ждало открытия.

Мы собрались вокруг шахты, и я указал вниз. Сверла прорыли ровный ствол с круглыми стенками диаметром от семидесяти до ста сантиметров. А на дне виднелось холодное голубое сияние наружности туннеля. Сверла лишь чуть поцарапали эту поверхность и забросали отходами бурения, которые я не успел убрать.

— Что теперь? — спросил Коченор. Голос его звучал хрипло от возбуждения — впрочем, это естественно, решил я.

— Будем прожигать стенку.

Я как можно дальше, насколько позволяло иглу, отвел своих клиентов от ствола, они прижались к оставшимся грудам отходов. Затем высвободил огненные резаки. Сам расположился, раздвинув ноги, над стволом. Огнеметы аккуратно спустились на кабеле, пока не повисли в нескольких сантиметрах над поверхностью туннеля.

Я включил их.

Можно подумать, что человек не в состоянии создать что-нибудь более горячее, чем Венера, но огнеметы — это совсем особое дело. В ограниченном пространстве иглу нас охватил жар. Охладительная система скафандров заработала с перегрузкой.

Дорри ахнула.

— Ох! Мне кажется, я…

Коченор схватил ее за руку.

— Если хочешь, падай в обморок, — яростно сказал он, — но смотри, чтобы тебя не вырвало в шлеме. Уолтерс! Сколько это будет продолжаться?

Мне было так же трудно, как и ему. Практика не помогает привыкнуть к тому, чтобы легко и невозмутимо стоять перед печью с раскрытой дверцей.

— Может, минуту, — выдохнул я. — Держитесь, все в порядке.

На самом деле потребовалось чуть больше, может, секунд девяносто. Больше половины этого времени приборы моего скафандра тревожно сигналили о перегрузке. Но скафандр рассчитан на перегрузки. Если не испечешься в нем, сам скафандр выдержит.

Потом мы прошли. Полуметровый круглый

участок поверхности туннеля просел, опустился и повис, раскачиваясь.

Я выключил огнеметы. Все несколько минут усиленно отдувались, охладители скафандров постепенно восстанавливали температуру.

— Ух ты! — сказала Дорота. — Ничего себе!

В свете, выходящем из шахты, я видел, что Коченор хмурится. Я молчал. Включил огнеметы еще на пять секунд, чтобы срезать круглый участок. Тот со стуком, как камень, упал на дно туннеля.

Потом я включил микрофон.

— Нет разницы в давлении, — сказал я.

Коченор не перестал хмуриться, но продолжал молчать.

— Это означает, что туннель уже вскрыт, — продолжал я. — Кто-то нашел его, вскрыл, вероятно очистил, если там что-то было, и просто не сообщил об этом. Пойдемте в самолет, помоемся.

Дорота закричала:

— Оди, что с вами? Я хочу спуститься и посмотреть, что там внутри!

— Заткнись, Дорри, — с горечью сказал Коченор. — Ты разве не слышала, что он сказал? Это выстрел впустую.

Конечно, всегда есть вероятность, что туннель вскрыт каким-нибудь сейсмологическим проис-

шествием, а не туннельной крысой с режущим огнеметом. В таком случае там может остаться что-нибудь интересное. И мне не хватило совести одним ударом покончить с энтузиазмом Дороты.

Поэтому мы один за другим спустились вниз по тросу и оказались в туннеле хичи. Осмотрелись. Насколько можно видеть, он пуст, как и большинство других. Впрочем, видеть можно недалеко. Еще один недостаток вскрытых туннелей — чтобы их исследовать, нужно специальное оборудование. С испытанной перегрузкой наши скафандры годились еще на пару часов, но и только.

Поэтому мы прошли по туннелю с километр, видели голые стены, иногда на них срубленные наросты, которые некогда могли что-то удерживать, но ничего подвижного. Даже мусора не было.

Коченор и Дорри захотели вернуться и подняться по тросу к самолету. Коченор справился самостоятельно. Дорота тоже, хотя я готов был ей помочь. Но она поднялась сама с помощью петель на тросе.

Мы вымылись и приготовили еду. Поесть следовало, но Коченор был не в настроении готовить свои гурманские блюда. Дорота молча бросила в

нагреватель таблетки, и мы мрачно поели блюда из полуфабрикатов.

— Ну что, это всего лишь первый, — сказала наконец Дорота, решив приободриться. — И всего наш второй день.

Коченор сказал:

— Заткнись, Дорри. Если я чего-то не умею, так это проигрывать. — Он смотрел на рисунок, по-прежнему остававшийся на экране. — Уолтерс, сколько еще туннелей не обозначены, но пусты, как этот?

— Откуда мне знать? Если они не обозначены, о них нет никаких данных.

— Тогда эти следы могут ничего не значить, верно? Можем раскопать все восемь, и все окажутся пустышками.

Я кивнул.

— Возможно, Бойс.

Он пристально посмотрел на меня.

— И что?

— И то, что это не самое плохое. По крайней мере, этот след означал реальный туннель. Я водил группы, которые сошли бы с ума от радости, если бы им удалось найти даже вскрытый туннель после нескольких недель, когда мы раскапывали только пустоты и интрузии. Вполне вероятно,

что в семи остальных вообще ничего нет. Не придирайтесь, Бойс. Вы за свои деньги, по крайней мере, кое-что получили.

Он отмахнулся от моих слов.

— Вы выбрали это место, Уолтерс. Вы что, не знали, что делаете?

Знал ли я, что делаю? Единственная возможность доказать, что знал, — найти невскрытый туннель, конечно. Я мог бы рассказать ему о том, как месяцами изучал данные, собранные после первой высадки. Как пришлось стараться, сколько правил я нарушил, чтобы заглянуть в данные военных, как далеко пришлось мне поехать, чтобы поговорить с людьми из Обороны, которые принимали участие в одной из ранних раскопок. Я бы мог даже рассказать, какого труда мне стоило отыскать старого Джоролемона Хеграмета, который сейчас преподает экзотическую археологию в Теннесси. Но я сказал только:

— То, что мы нашли этот туннель, доказывает, что я знаю свое дело. Вы за это и платите. Вам решать, будем мы продолжать или нет.

Он задумчиво смотрел на свои ногти.

— Подбодрись, Бойс, — жизнерадостно сказала Дорри. — Посмотри, как нам уже повезло. И если даже ничего не найдем, как забавно будет расска-

зывать об этом в Цинциннати.

Он даже не посмотрел на нее, просто сказал:

— Есть ли способ определить, не заглядывая в туннель, вскрыт ли он?

— Конечно. Достаточно простучать снаружи оболочку. Разница в звуке ощутима.

— Но вначале нужно до него докопаться?

— Верно.

На этом мы покончили. Я снова забрался в скафандр — снять бесполезное теперь иглу, чтобы можно было извлечь сверла.

Я не хотел дальнейшего обсуждения, потому что не хотел услышать вопрос, на который пришлось бы солгать. Я всегда стараюсь придерживаться правды, потому что так легче помнить, что ты говорил.

С другой стороны, я к этому не отношусь как фанатик. Я не считаю, что не мое дело исправлять ошибочное впечатление. Например. Очевидно, Коченор предполагает, что я не позаботился простучать туннель, прежде чем вскрывать его.

Но, конечно, я простучал. Это первое, что я сделал, как только убрал сверла. И когда услышал звук высокого давления, пал духом. Пришлось подождать несколько минут, прежде чем объявить, что мы добрались до внешней стенки.

В тот момент я не смог бы ответить, что стал бы делать, если бы обнаружил, что туннель не вскрыт.

9

Бойс Коченор и Дорри Кифер были пятнадцатой или шестнадцатой группой, которую я водил на раскопки хичи. И я не удивился, что они готовы работать как кули. Какими бы ленивыми и скучающими ни начинали земные туристы, к тому времени, как появляется надежда найти что-то принадлежавшее таинственному народу чужаков, который исчез, когда на Земле обитал еще не человек, а низколобое мохнатое существо, которое научилось убивать других животных ударами антилопьих костей по голове… к этому времени туристов охватывала исследовательская лихорадка.

Так что эти двое работали напряженно. И меня подгоняли. А я был возбужден не меньше их. Может, больше, потому что проходили дни и мне все чаще приходилось потирать правый бок, чуть пониже ребер, и потирать все сильнее и сильнее.

Несколько раз на нас поглядывали парни из Обороны. Они пролетали над нами в своих скоростных аппаратах с полдесятка раз в первые дни.

Много не разговаривали, только стандартный идентификационный запрос по радио. Правила требуют, чтобы об открытиях сразу сообщалось. Вопреки требованиям Коченора, я сообщил о находке первого вскрытого туннеля, что несколько удивило военных, я думаю.

Но больше докладывать было не о чем.

Район B оказался пегматитовой дамбой. Еще в двух относительно ярких местах, которые я обозначил как D и E, вообще ничего не оказалось после раскопок; это означало, что аномалия в отражении звука вызвана невидимыми вкраплениями в породу — пепел или гравий.

Я возражал против раскопок в районе C, самом перспективном.

Коченор настаивал, но я держался. Время от времени военные продолжали поглядывать на нас, и я не хотел еще ближе подходить к их периметру. Я сказал, что, может быть, если больше нигде не повезет, мы тайком вернемся в район C и быстро копнем перед возвращением в Веретено. Так мы и порешили.

Мы подняли самолет, перелетели на новую позицию и снова пустили в ход искатели.

К концу второй недели мы сделали девять раскопок, и все девять оказались пустыми. Кон-

чались иглу и искатели. И совершенно кончилась наша терпимость по отношению друг к другу.

Коченор стал мрачен и раздражителен. Встретив этого человека, я не собирался становиться его ближайшим другом, но не ожидал, что его общество будет так трудно переносить. И не считал, что у него есть право так воспринимать неудачу: ведь для него это явно только игра. Со всем его состоянием те деньги, которые он заработал бы, найдя новые артефакты хичи, мало что для него значили — несколько добавочных чисел в банковском счете, но он вел себя так, словно от этого зависит его жизнь.

Конечно, и сам я был не очень любезен. Дело в том, что пилюли, выданные мне в знахарской, переставали действовать. Во рту было такое ощущение, словно в нем поселились крысы. У меня болела голова, и время от времени она так кружилась, что я начинал ронять вещи.

Печень регулирует вашу внутреннюю диету. Она отфильтровывает яды. Одни карбогидраты она превращает в другие, которые организм может использовать. Аминокислоты она объединяет в протеины. Если она этого не делает, вы умираете.

Врач мне все это объяснил. У туннельных крыс

часто страдает печень; дело в том, что часто приходится работать при повышенном давлении в скафандре, при этом газы в ваших кишках сжимаются и давят на печень. Врач показал мне картинки. Я мог представить себе, что происходит в моих внутренностях, как красные клетки печени умирают и замещаются желтоватыми клетками жира. Отвратительная картинка. И самое отвратительное, что я ничего не мог с этим поделать. Только продолжать принимать пилюли, а они больше не действовали. Я считал дни до «прощай, печень, здравствуй, отказ печени».

Так что мы были не очень веселым обществом. Я вел себя отвратительно, потому что чувствовал себя все более больным и впадал в отчаяние. Коченор вел себя отвратительно, потому что такова его природа. И единственным приличным человеком на борту оказалась девушка.

Дорри старалась изо всех сил на самом деле. Она была мила (а иногда даже хороша) и всегда готова пойти навстречу сильным, то есть Коченору и мне.

Ей явно приходилось нелегко. Дорота Кифер была все-таки еще ребенком. Какой бы взрослой она ни казалась, она просто недостаточно прожила, чтобы справиться с такой концентрированной

злобой. Добавьте к этому, что мы уже начали ненавидеть вид, звук и запах друг друга (а в тесном аппарате скоро многое узнаешь о запахах друг друга), так что Дорри Кифер немного веселья получала от туристической поездки на Венеру.

И от нас тоже… особенно когда я сообщил, что у нас осталось последнее иглу.

Коченор откашлялся. Не очень вежливый звук. Скорее начало военного клича. Словно пилот сверхзвукового истребителя, готовясь к схватке, снял покровы с пушек. Дорри постаралась отвлечь его.

— Оди, — радостно сказала она, — вы знаете, что, по-моему, мы можем сделать? Вернуться в район С, тот самый, что возле границы военных.

Отвлечение не в ту сторону. Я покачал головой.

— Нет.

— Какого дьявола значит это ваше «нет»? — взревел Коченор, готовый к битве.

— То, что я сказал. Нет. Слишком близко к парням из Обороны. Если там есть туннель, он пройдет прямо в закрытую зону, и они на нас обрушатся. — Я старался говорить убедительно. — Это отчаянный шаг, а я еще не впал в отчаяние.

— Уолтерс, — рявкнул он, — вы будете в от-

чаянии, если я вам велю. Я могу вообще вам не заплатить.

Я поправил его:

— Нет, не можете. Союз вам не позволит. Правила на этот счет совершенно ясны. Вы платите, если я выполнил ваши законные требования. А то, что вы предлагаете, незаконно. Раскопки внутри закрытой зоны — явное нарушение закона.

Он перешел к холодной войне.

— Вы ошибаетесь, — негромко сказал он. — Незаконными они будут, только если суд признает их таковыми. Вы были бы правы, если бы ваши адвокаты оказались умнее моих. Но, откровенно говоря, Уолтерс, это невозможно. Я плачу своим адвокатам, чтобы они были самыми умными.

Мое положение не позволяло спорить. Коченор говорил правду. И к тому же у него оказался мощный союзник. Моя печень была на его стороне. Я определенно не мог потратить время на суды, потому что, не купив трансплантат, просто до них не доживу.

Дорри слушала с птичьим выражением дружелюбного интереса. Она встала между нами.

— А как насчет этого? Мы уже на месте. Почему бы не посмотреть, что покажут искатели? Может, мы найдем что-нибудь получше С…

— Тут ничего хорошего не будет, — ответил Коченор, не отрывая от меня взгляда.

— Бойс, откуда ты это знаешь? Мы ведь даже не закончили прослушивание.

Он сказал:

— Дорота, выслушай меня хоть раз внимательно, а потом заткнись. Уолтерс играет со мной. Разве ты не видишь, чем мы занимаемся?

Он протиснулся мимо меня и вызвал на экран полную карту. Это несколько удивило меня. Я не знал, что он это умеет. Появилась карта. На ней была наша позиция, были отмечены уже проделанные шахты, также указана неровная граница военной зоны плюс все масконы и навигационные знаки.

— Разве ты не видишь? Мы сейчас даже не в районе концентрации высокой плотности. Верно, Уолтерс? Вы хотите сказать, что мы испробовали все хорошие места?

— Нет, — ответил я. — Отчасти вы правы, мистер Коченор. Но только отчасти. Я с вами не играю. Это место перспективно. Можете сами увидеть это на карте. Конечно, мы сейчас не над масконом, но непосредственно между двумя, и они очень близки друг к другу. Это хороший признак. Иногда находят туннели, соединяющие

два комплекса, и бывает, что соединительный туннель ближе к поверхности, чем остальные части системы. Конечно, я не гарантирую, что мы тут что-то найдем. Но попробовать стоит.

— Но это не очень вероятно, верно?

— Ну, не хуже, чем в других местах. Я неделю назад сказал вам, что вы уже оправдали свои деньги, просто найдя вообще туннель хичи. Даже вскрытый. В Веретене есть туннельные крысы, которые лет по пять и такого не видели. — Я немного подумал. — Я заключу с вами договор.

— Слушаю.

— Мы уже на поверхности. Есть шанс на что-то наткнуться. Попробуем. Запустим искатели и посмотрим, что они нам покажут. Если получим хороший след, начнем раскопки. Не получим… ну что ж, тогда я подумаю о возвращении в район С.

— Подумаете?! — взревел он.

— Не подталкивайте меня, Коченор. Вы сами не понимаете, во что ввязываетесь. С военными из закрытой зоны не стоит шутить. Это парни сначала стреляют, а потом задают вопросы, и никакой полицейский тут вам не поможет.

— Не знаю, — сказал он после недолгого раздумья.

— Конечно, не знаете, мистер Коченор. А я знаю.

За это вы мне и платите.

Он кивнул:

— Да, вероятно, вы знаете, Уолтерс. Но правду ли вы говорите о том, что знаете, совсем другой вопрос. Хеграмет ничего не говорил мне о раскопках между масконами.

И посмотрел на меня с непроницаемым лицом: как я на это отреагирую.

Я ничего не ответил. Смотрел на него так же бесстрастно. Не сказал ни слова. Только ждал, что будет дальше. Я был уверен, что он не станет объяснять, откуда знает профессора Хеграмета и какие у него дела с крупнейшим земным авторитетом в области раскопок хичи.

Конечно, он не объяснил.

— Запускайте ваши искатели, — сказал он наконец. — Еще раз попробуем по-вашему.

Я выстрелил искатели, надежно закрепил их все и включил запись эхо. Потом просто сидел и ждал, глядя на появившиеся на экране первые линии рисунка, как будто надеялся получить от них какую-то информацию. Конечно, еще долго информации не будет, но мне просто хотелось подумать без помех.

Подумать о Коченоре. Он явился на Венеру не для забавы. Он планировал заняться раскопками

туннелей хичи еще на Земле. И нашел время ознакомиться с инструментами, которые можно найти в моем воздушном аппарате.

Мои рекламные рассказы о сокровищах хичи — напрасная трата времени: клиент принял решение по крайней мере с полгода назад и на расстоянии в десять миллионов миль отсюда.

Я понял все это. Но чем больше понимал, тем яснее видел, что не понимаю. Хотел бы я сунуть Коченору пару баксов и отправить поиграть в казино, чтобы поговорить наедине с девушкой. К несчастью, отправлять его было некуда. Я сделал вид, что зеваю, пожаловался, что скучно ждать, и предложил всем прикорнуть ненадолго. Конечно, я не надеялся, что он уснет и даст мне возможность поговорить с Дорри. И добился только того, что она предложила понаблюдать за экраном и разбудить меня, если увидит что-нибудь интересное.

Поэтому я подумал: к дьяволу это все — и лег сам.

Спал я плохо, потому что пока засыпал, у меня было время заметить, как плохо я себя чувствую, и не только в одном отношении. Во рту у меня теперь постоянный вкус желчи — не так, как перед рвотой, а словно меня только что вырвало. Глаза

начали слезиться, и на краю поля зрения начали возникать какие-то призрачные картины.

Я встал, чтобы проглотить пару пилюль. Не стал считать, сколько их осталось. Не хотел знать.

Я настроил свой личный будильник так, чтобы проснуться через три часа, думая, что, может быть, к этому времени Коченор ляжет, а Дорри еще нет и, может, она будет разговорчива. Но когда я проснулся, старик не спал, он готовил себе травяной омлет с последним из наших стерильных яиц.

— Вы были правы, Уолтерс, — улыбнулся он. — Мне захотелось спать. Поэтому я отлично поспал. Теперь готов к чему угодно. Хотите яйца?

Я хотел. И не одно. Но конечно, не посмел поесть, поэтому я мрачно проглотил питательные, но очень невкусные таблетки, которые позволил мне есть диетический отдел знахарской, глядя, как ест Коченор. Несправедливо, что человек в девяносто лет может быть таким здоровым, что даже не думает о своем пищеварении, в то время как я…

Ну, в таких мыслях никакого толка. Я предложил послушать музыку, чтобы провести время. Дорри выбрала «Лебединое озеро», и я включил запись.

И тут у меня появилась мысль. Я направился в инструментальный отдел. Там на самом деле проверка не нужна. Головки сверл уже скоро нужно будет заменять, но я не стану этого делать: наши запчасти кончаются. Дело в том, что инструментальный дальше всего от кухни, но все же внутри самолета.

Я надеялся, что Дорри пойдет за мной. И она пошла.

— Нужна помощь, Оди?

— Рад буду получить, — ответил я. — Вот, подержите это. Смотрите не выпачкайте одежду. — Я не думал, что она спросит, зачем это нужно держать. Она не спросила. Только рассмеялась при мысли о грязной одежде.

— Я такая грязная, что немного лишней смазки и не замечу. Мы все были бы рады вернуться к цивилизации.

Коченор не обращал на нас внимания. Я сказал:

— О какой цивилизации вы говорите? О Веретене или о возвращении на Землю?

Я хотел, чтобы она поговорила о Земле, но получилось наоборот.

— Веретено, — сказала она. — Я никогда не думала, что окажусь на этой планете, Оди! Мне

так понравилось! Как интересно все здесь живут, всегда вместе. Мы почти ничего не видели. Особенно люди, как этот индус, владелец ресторана. Кассирша его жена, верно?

— Одна из жен. Она жена Вастры номер один. Официантка — номер три, и еще одна жена у него в доме с детьми. Их пятеро, детей, от всех трех жен. — Но я хотел изменить тему и потому сказал: — На Земле то же самое. Вастра владел бы туристическим рестораном в Бомбее, если бы не оказался здесь, а здесь он не оказался бы, если бы не улетел с военными. Я думаю, что, если бы не был на Венере, работал бы проводником в Техасе. Конечно, если там есть еще свободная местность, где нужны проводники. А как вы?

Все время я перебирал одни и те же четыре-пять инструментов, разглядывал их серийные номера и клал назад. Она этого не заметила.

— О чем вы?

— Ну, что вы делали на Земле, прежде чем прилетели сюда?

— О, я немного работала в офисе Бойса.

Это меня подбодрило. Может, она вспомнит что-то связанное с профессором Хеграметом.

— Вы были его секретаршей?

Она недружелюбно посмотрела на меня.

— Что-то в этом роде.

Я смутился. Она решила, что я вынюхиваю… ну конечно, я это делал, но меня совсем не интересовали грязные подробности того, как такая юная девушка стала любовницей старикашки. К тому же Коченор, несмотря на свой возраст и отвратительный характер, исключительно привлекательная для женщин фигура. Стараясь смягчить ее, я сказал:

— Конечно, это не мое дело.

— Да, не ваше, — согласилась она. А потом спросила: — А это что?

Это был вызов по радио, вот что.

— Так отвечайте! — рявкнул Коченор через самолет, отрываясь от своего омлета.

Я обрадовался этому перерыву. Вызов только голосом, без изображения, и это меня немного удивило. Но я так и оставил. Больше того, я надел наушники, так как в моей природе осторожность в некоторых делах. В самолете не так уж много возможностей уединиться, и надо использовать их все.

Вызывала база. Женщина-сержант, связистка, я ее прозвал Литтлни[4]. Я раздраженно вздох-

---

[4] Примечания: 4
Маленькие Колени. — *Примеч. пер.*

нул, глядя, как Дорри садится рядом с Бойсом Коченором.

— Личное сообщение для тебя, Оди, — сказала сержант Литтлни. — Этот сагиб где-нибудь поблизости?

Мы с Литтлни часто болтали по радио. Но что-то в ее веселом тоне насторожило меня. Я повернулся спиной к Коченору. Я знал, что он слушает, но только мою часть разговора, конечно, из-за наушников.

— В данной области, но в настоящее время отсутствует, — ответил я. — Что у вас есть для меня?

— Небольшая новость, — промурлыкала сержант. — Получили несколько минут назад. Только для информации. Это означает, что мы ничего не будем предпринимать, но, может, ты предпримешь, милый.

— Готов к приему, — ответил я, глядя на пластмассовый корпус радио.

Сержант захихикала.

— Капитан чартерного рейса твоего сагиба хотел бы поговорить с ним, когда отыщет. Дело срочное, капитан буквально обмочился.

— Да, база, — подтвердил я. — Ваш сигнал получен, частота десять.

Сержант Аманда Литтлни снова засмеялась, но на этот раз получилось не хихиканье, а настоящий смех.

— Дело в том, — сказала она, — что проверка показала: чек оплаты за рейс «Юрия Гагарина» фальшивый. Знаешь, что сказал банк? Ни за что не поверишь. «Необеспеченный чек» — вот что он сказал.

У меня постоянно болело под правыми ребрами, но теперь боль вдруг стала острее. Я стиснул зубы.

— Сержант, вы можете подтвердить эту оценку?

— Прости, милый, — прогудела она мне в ухо, — но никаких сомнений. Капитан связался с банком этого твоего Бойса Коченора, там подтвердили, что у него ничего нет. Когда твой наниматель вернется в Веретено, его будет ждать ордер на арест.

— Спасибо за синоптический прогноз, — сказал я мертвым голосом. — Перед стартом я с вами свяжусь.

Я выключил радио и посмотрел на своего клиента-миллиардера.

— Что с вами, Уолтерс? — спросил он.

Но я его не слышал. Я слышал только то, что сказал мне этот костопил из знахарской. Его

уравнения забыть невозможно. Деньги = новая печень + счастливая жизнь. Отсутствие денег = полный отказ печени + смерть. А мой источник денег неожиданно иссяк.

10

Получив какую-то важную новость, вы должны пропустить ее через себя, немного привыкнуть и только тогда что-то предпринимать. Вопрос не в том, чтобы увидеть все последствия. Я их сразу увидел, можете не сомневаться. Нужно попытаться достичь равновесия.

Поэтому несколько минут я размышлял. Слушал, как охотники на лебедей Чайковского готовятся к поимке их царицы[5]. Проверил, выключено ли радио, чтобы зря не тратить энергию. Проверил, что видно на экране.

Конечно, было бы отлично, если бы там показалось что-нибудь замечательное, но, судя по тому, как обстоят дела, ничего там не покажется. Так и есть. Начинал появляться слабый рисунок. Но ничего похожего на туннели хичи и ничего особенно яркого. Данные продолжали поступать, но я знал, что эти слабые линии никогда не пре-

---

[5] Примечания: 5
Так у автора. — *Примеч. пер.*

вратятся в материнскую жилу, которая спасла бы нас, спасла бы даже разоренного мошенника и ублюдка Коченора.

Я даже посмотрел на небо в иллюминатор, чтобы узнать, какова погода. Конечно, это не имеет значения, но среди галоидных пурпурных и желтых пятен появились отдельные белые облака. Солнце всходит на западе.

Прекрасная картина, но мне она ненавистна.

Коченор доел омлет и задумчиво смотрел на меня. Дорри тоже. Она вернулась к пластиковой стойке и снова взяла в руки сверла в обертке со смазкой. Я улыбнулся ей.

— Красиво, — сказал я, имея в виду музыку. Оклендский филармонический перешел к той части, когда выходят маленькие лебеди и, держась за руки, исполняют на сцене па-де-катр. Это всегда было моим любимым местом в «Лебедином озере»… но не сейчас.

— Остальное послушаем позже, — сказал я и выключил запись.

Коченор рявкнул:

— Ну ладно, Уолтерс. Что происходит?

Я опустил пустой контейнер от иглу и закурил сигарету, потому что понял: больше мне можно не беспокоиться о сбережении кислорода.

— Есть несколько вопросов, которые меня тревожат, Коченор. Во-первых, почему вы связались с профессором Хеграметом?

Он улыбнулся и явно успокоился.

— О, так вот что вас беспокоит. Нет причин, почему бы не сказать вам. Я многое проверил и разузнал о Венере, прежде чем прилететь. А почему бы и нет?

— Конечно, но почему вы дали мне понять сначала, что ничего не знаете?

Коченор пожал плечами.

— Если у вас есть хоть немного мозгов, вы должны знать, что глупые не становятся богатыми. Думаете, я проделал столько миллионов миль, не зная, что тут обнаружу?

— Нет, конечно, но вы постарались убедить меня, что не знаете. Ну, не важно. Итак, вы обратились к кому-нибудь, чтобы узнать, что приличного можно стянуть на Венере, и этот человек направил вас к Хегрaмету. А дальше что? Хегрaмет сказал вам, что я настолько глуп, что стану вашим мальчиком?

Коченор уже не выглядел таким невозмутимым, но и не стал еще агрессивным. Он спокойно сказал:

— Да, Хегрaмет упомянул ваше имя. Сказал, что

если я хочу найти девственный туннель, лучший проводник вы. Потом ответил на множество вопросов о хичи и тому подобном. Итак, да, я знал, кто вы такой. Если бы вы не пришли к нам, я бы сам пришел к вам; вы мне сберегли много сил.

Я сказал, испытывая при этом легкое удивление:

— Знаете, я думаю, вы говорите правду. Только об одном вы умолчали.

— О чем?

— Вы ведь здесь не для развлечения, верно? Вам нужны деньги. Очень нужны. — Я повернулся к Дороте, неподвижно стоявшей со сверлами в руках. — А как вы, Дорри? Вы знали, что старик разорен?

Не слишком умно с моей стороны так поступать. Я сразу понял, что она сделает, и отбросил упаковку с иглу. Но она успела уже выронить сверла. К счастью, они упали плашмя и режущие кромки не обломились.

И этим она ответила на мой вопрос.

— Вижу, он вам об этом не сказал, — заметил я. — Тяжело для вас, куколка. Его чек за полет на «Юрии Гагарине» недействителен, и, думаю, тот, что он дал мне, не лучше. Надеюсь, свое в мехах и удовольствиях вы уже получили, Дорри. Советую

спрятать все полученное, пока не затребовали кредиторы.

Она даже не взглянула на меня. Смотрела на Коченора, и весь его вид подтверждал, что услышанное ею — правда.

Не знаю, чего я от нее ожидал: гнева, упреков, слез. Но она только прошептала:

— О Бойс, дорогой. Как мне жаль. — Подошла и обняла его.

Я повернулся к ним спиной. Мне совсем не нравилось смотреть на Коченора. Сильный девяностолетний бык, выращенный на Полной Медицине, сразу превратился в разбитого старика. Впервые с того времени, как нахально вошел в Веретено, он выглядел на свои девяносто, а может, и чуть больше. Рот у него провис, раскрылся, губы дрожали, спина согнулась, блестящие глаза слезились. Дорри гладила его и ворковала, глядя на меня с выражением боли.

Мне и в голову не приходило, что он действительно что-то для нее значит.

Я повернулся и снова начал разглядывать рисунок на экране, потому что больше делать было нечего. Рисунок ясен как никогда и совершенно пуст. Он покрывал достаточно большую площадь, и я ясно видел, что и из-за привлекательных на

первый взгляд царапин на краю тоже не стоит приходить в возбуждение. Мы их уже проверяли. Это призраки.

Никакого немедленного спасения здесь нет.

Как ни странно, но я успокоился. Есть что-то успокаивающее в сознании, что вам терять нечего. Начинаешь видеть мир в иной перспективе.

Не хочу сказать, что я сдался. Кое-что еще я могу сделать. Конечно, это ненамного продлит мне жизнь — приходилось с этим смириться, но вкус во рту и боль в кишках все равно не давали мне наслаждаться жизнью.

Прежде всего нужно расстаться с добрым старым Оди Уолтерсом. Так как только чудо теперь может спасти меня от полного отказа печени через одну-две недели, надо признать, что долго я не проживу. И поэтому использовать оставшееся время на что-то иное.

Что еще? Ну, Дорри неплохая девочка. Я мог бы вернуться в Веретено, передать Коченора жандармам и потратить последние дни жизни, знакомя Дорри с людьми, которые смогут помочь ей. Может быть, помогут ей Вастра или БиДжи. Она даже сможет заняться проституцией или рэкетом. Скоро появятся туристы с Земли, а она вполне может успешно продавать им в любом

киоске молитвенные веера и другие сувениры хичи.

Конечно, это немного, на чей-то взгляд. Но капитан «Юрия Гагарина», безусловно, не повезет ее назад в Цинциннати даром, а мелкое воровство в Веретене помогает не умереть с голоду. Иногда.

А может, и мне не стоит еще сдаваться? Я немного подумал об этом. Я могу отдаться на милость знахарской. Возможно, они мне дадут новую печень в долг. Почему бы и нет?

А вот почему: они так никогда не делают.

Я могу открыть топливные клапаны, позволить топливу смешиваться минут десять, а потом включить зажигание. Взрыв мало что оставит от самолета — и от нас, и ничего не останется от наших многочисленных проблем.

Или…

Я вздохнул.

— К дьяволу, — сказал я. — Подбодритесь, Коченор. С нами еще не покончено.

Он взглянул на меня, не спятил ли я. Потом потрепал Дорри по плечу и отстранил ее, достаточно мягко.

— Сейчас. Прости, Дорри. И простите насчет вашего чека, Уолтерс. Я знаю, вам нужны деньги.

— Вы понятия не имеете, как нужны.

Он с некоторым трудом сказал:

— Хотите, чтобы я объяснил?

— Не вижу, какая в этом разница. Но ладно, — согласился я, — из чистого любопытства.

Ему не понадобилось много времени. Говорил он сжато и четко и ничего важного не упустил, хотя я уже и так о многом догадался. (Но не вовремя. Угадать заранее было бы гораздо лучше.)

Главное заключалось в том, что человек в возрасте Коченора должен быть одним из двух. Либо очень-очень богат, либо мертв. Беда Коченора в том, что он оказался недостаточно богат. Ему приходилось тратить огромные деньги на трансплантаты и лечение, на кальцифилаксы и протезы, на регулировку протеина, на подавление холестерола, миллион сюда, миллион туда, сто тысяч в месяц на это… и так далее. Он пытался по-прежнему эффективно руководить своими предприятиями, откуда приходилось брать много денег. Все это мне было понятно.

— Вы представления не имеете, — сказал он, не жалобно, а просто констатируя факт, — сколько стоит поддерживать жизнь столетнего человека, пока сами не попробуете.

Мне это не придется делать, сказал я, но про себя. И дал ему возможность продолжать рас-

сказывать, как заволновались акционеры, как вцепились в него федеральные инспекторы… и потому он сбежал с Земли, чтобы составить себе новое состояние на Венере.

Но к концу его рассказа я слушал уже не так внимательно. Даже не обратил внимания на то, что он солгал насчет своего возраста. Представляете себе такое тщеславие! Он решил, лучше сказать, что ему девяносто!

У меня были более важные дела, чем заставлять еще корчиться Коченора. Не слушая, я стал писать на обороте навигационного бланка. Закончив, я протянул листок Коченору.

— Подписывайте.

— Что это?

— Какая разница? Насколько я понимаю, у вас нет выбора. Это отмена некоторых пунктов нашего соглашения. Вы признаете, что соглашение недействительно, что у вас нет ко мне никаких претензий, что ваш чек недействителен и что вы добровольно передаете мне права на все, что мы можем найти.

Он хмурился.

— А вот это в конце что такое?

— Я согласен выделить вам десять процентов от моей доли в том, что мы найдем, если мы найдем

что-либо ценное.

— Это милосердно, — сказал он, глядя на меня. Но уже подписывая. — Не возражаю против небольшой подачки, особенно, как вы заметили, поскольку у меня нет выбора. Но я не хуже вас читаю этот рисунок, Уолтерс. Здесь нечего находить.

— Конечно, — согласился я, складывая бумагу и пряча ее в карман. — Эта местность так же пуста, как ваш счет. Но мы не будем тут копать. Возвращаемся в район С и покопаем там.

Я закурил еще одну сигарету — рак легких был тогда самым незначительным из моих опасений — и подумал еще с минуту, а они ждали, глядя на меня. Я думал, сколько можно им рассказать из того, что я узнал за пять лет поисков. Конечно, я был уверен, что мои слова ничего не изменят. Но сказывалась многолетняя привычка. Слова сами не хотели произноситься.

Мне потребовалось большое усилие, чтобы начать.

— Помните Сабхаша Вастру, хозяина забегаловки, где мы встретились? Саб прилетел на Венеру, когда служил в армии. Он специалист по оружию. Но гражданской карьеры специалист по оружию не сделает, особенно на Венере, поэтому

ему пришлось заняться кафе, и на это ушли почти все его средства, полученные по окончании контракта. Потом он послал за своими женами и всем семейством. Но на службе он считался лучшим специалистом по оружию.

— О чем вы говорите, Оди? — спросила Дорри. — Я никогда не слыхала об оружии хичи.

— Еще бы. Никто никогда не находил оружие хичи. Но Саб считает, что были обнаружены их цели.

Следующую часть мне было просто физически трудно рассказывать. Тем не менее я продолжил:

— Ну, Саб Вастра считал, что это цели. Он сказал, что начальство ему не поверило, и мне кажется, дело это забыто. Нашли треугольные пластины из голубого, испускающего свет металла — того самого, которым выложены стены туннелей. Пластин много десятков. На всех рисунок из расходящихся от центра линий. Сабу они показались похожими на цели. И в них были дыры. Края отверстий словно посыпаны порошком талька. Кстати, вы не знаете, отчего такое может случиться с металлом хичи?

Дорри собиралась сказать, что не знает, но Коченор опередил ее.

— Это невозможно, — заявил он.

— Верно, так и сказали начальники Сабу Вастре. Они решили, что отверстия сделаны в процессе изготовления — для чего-то, что мы никогда не узнаем. Вастра с этим не согласился. Вастра говорит, что это то же самое, что бумажные цели, которые используют солдаты в тире. Отверстия расположены в разных местах. А линии ему показались похожими на определители точности попадания. Вот и все доказательство правоты Вастры. Никаких доказательств. Даже Вастра не считает это доказательством. Но это какое-то свидетельство.

— И вы считаете, что можете найти оружие, которое проделало эти отверстия, в районе С? — спросил Коченор.

Я колебался.

— Я бы не стал говорить так определенно. Назовем это надеждой. Может, очень слабой надеждой. Но есть кое-что еще.

Эти цели, или чем бы они ни были, обнаружил старатель около сорока лет назад. Тогда здесь не было никакой военной закрытой зоны. Старатель попытался продать находку, но никто ею особенно не заинтересовался. Тогда он отправился искать что-нибудь поинтереснее и вскоре был убит. Так тогда часто случалось. Никто на

эти штуки не обращал внимания, пока они не попались на глаза какому-то военному, и кому-то пришла в голову та же мысль, что и Вастре годы спустя. Тут к этому отнеслись серьезно. Определили район, где старатель сделал находку. Вблизи Южного полюса. На тысячу километров вокруг застолбили и объявили закрытой зоной. И начали копать. Отыскали с десяток туннелей хичи, но все пустые или затопленные и растрескавшиеся. Ничего похожего на оружие не нашли.

— Тогда здесь ничего нет, — сказал Коченор, выглядел он задумчивым.

— Ничего не нашли, — поправил я его. — Вспомните, это было сорок лет назад.

Коченор удивленно посмотрел на меня, потом выражение его лица изменилось.

— О, — сказал он. — Расположение находки.

Я кивнул.

— Верно. В те дни старатели часто обманывали — если находили что-нибудь интересное, совсем не хотели, чтобы этим занимались другие. Так что тот старатель неверно указал расположение своего туннеля. В то время он жил с молодой женщиной, которая впоследствии вышла замуж за человека по фамилии Аллеман. Ее сын Букер — мой друг БиДжи. Вы с ним знакомы. И у него

была карта.

На лице Коченора отразилось явное недоверие.

— О, конечно, — кисло сказал он. — Знаменитая карта сокровищ. И он по дружбе отдал ее вам.

— Он ее мне продал, — поправил я.

— Удивительно. И как вы думаете, сколько еще копий он продал другим простакам?

— Не очень много. — Я не винил Коченора в том, что он сомневается, но он шел не в ту сторону. — Я купил карту, когда он вернулся после собственной попытки отыскать раскопки. Больше у него не было возможности. — Я увидел, как Коченор открыл рот, и продолжал, чтобы опередить его: — Нет, он ничего не нашел. Да, он точно следовал карте. Именно поэтому мне не пришлось платить много. Но, видите ли, я считаю, что правильное место он не нашел. Правильное расположение на карте, насколько я могу вычислить — навигационная система тогда была совсем другой, — примерно в том месте, где мы высадились в первый раз, с небольшими отклонениями в разные стороны. Я там заметил следы раскопок. Очень старых. — Говоря, я достал из кармана магнитофишку и поместил ее на карту. Она показала точку в центре, оранжевый икс. — Я

думаю, здесь мы найдем нужный туннель, где-то вблизи этого икса. Как видите, это совсем рядом с нашим районом С.

Минутная тишина. Я слушал отдаленный вой ветра и ждал, пока они что-нибудь скажут.

Дорри выглядела встревоженной.

— Не знаю, нравится ли мне мысль найти новое оружие, — сказала она. — Все равно что… вернуть прежние плохие дни.

Я пожал плечами.

Коченор все больше и больше походил на себя.

— Дело не в том, хотим ли мы найти оружие. Дело в том, что мы хотим найти нетронутый туннель хичи со всем его содержимым. Но военные считают, что тут где-то поблизости зарыто оружие, поэтому не разрешат нам раскапывать, верно?

— Не считают. Считали. Сомневаюсь, чтоб сейчас кто-нибудь в это верил.

— Все равно, они сначала расстреляют нас, а потом будут задавать вопросы. Вы ведь сами так сказали.

— Да, я сказал так. Никто не допускается на территорию закрытой зоны без разрешения. Не из-за оружия хичи: там теперь у них своего достаточно, на что никому нельзя смотреть.

Он кивнул.

— Как же вы собираетесь решить эту небольшую проблему?

Если быть совершенно откровенным, я бы сказал, что не уверен, будто мне удастся ее решить. Честно говоря, шансы очень малы. Нас легко обнаружат, хотя я не думаю, что обязательно сразу начнут стрелять.

Но терять нам нечего. По крайней мере, мне и Коченору. Я только сказал:

— Попробуем одурачить их. Отошлем самолет. Мы с вами останемся и проведем раскопки. Если они подумают, что мы улетели, наблюдать за нами не будут. Нужно только не попадаться на глаза обычным пограничным патрулям, но они не очень внимательны. Надеюсь.

— Оди! — воскликнула девушка. — Если вы с Бойсом останетесь, кто уведет самолет? Я не смогу!

— Не сможете, — согласился я. — Даже если я вам дам несколько уроков. Но эта штука может лететь сама. Конечно, вы потратите много топлива и немного порыскаете. Но автопилот приведет вас куда нужно. Он даже посадит за вас самолет.

— Вы так не садились, — заметил Коченор.

— Я ведь не сказал, что это хорошая посадка.

Вам лучше будет лететь пристегнувшись. — На самом деле такая посадка напоминает катастрофу под контролем. Я постарался не думать, что произойдет с моим единственным самолетом. Но Дорри выживет. Девяносто девять процентов из ста.

— Что я должна буду делать? — спросила Дорри.

В этом месте в моем плане пробелы, но я и о них постарался не думать.

— Зависит от того, куда вы направляетесь. Я думаю, лучше всего вам сразу вернуться в Веретено.

— И оставить вас здесь? — спросила она неожиданно вызывающе.

— Не навсегда. В Веретене вы отыщете моего друга БиДжи Аллемана и расскажете ему о случившемся. Естественно, придется с ним поделиться, но это правильно: можем дать ему двадцать пять процентов, и он будет доволен. Я вам дам для него записку с координатами, он прилетит за нами. Скажем, через двадцать четыре часа.

— Мы справимся за день? — спросил Коченор.

— Конечно. Придется.

— А если Дорри не найдет его, или он заблудит-

ся, или еще что-нибудь?

— Она найдет его, и он не заблудится. Конечно, — признал я, — всегда возможно «что-нибудь». Мы живем на самом краю. Если возьмем дополнительные баки с воздухом и горючим, продержимся сорок восемь часов. Но не больше. Мне кажется, времени достаточно. Если он опоздает, тогда мы в беде. Но он не опоздает. Больше меня тревожит возможность того, что мы раскопаем и ничего не найдем. Тогда мы зря потратили время. Но если мы что-нибудь найдем… — Я замолчал.

— Весьма рискованно, — заметил Коченор, но смотрел он на Дорри, а не на меня. Она пожала плечами.

— Я ведь ничего не говорил о гарантиях, — ответил я ему. — Я сказал только, что есть возможность.

Мое мнение о Дороте Кифер все улучшалось. Она хороший человек, особенно учитывая ее возраст и обстоятельства, в которых она оказалась. Она сообразительна и вынослива. Но одного ей не хватало — уверенности в себе. Ее этому просто никогда не учили. Какую-то замену уверенности она находила в Коченоре, а перед этим — еще в ком-то. Опять-таки учитывая возраст, я думал, что это был ее отец. Создавалось впечатление,

что она всегда жила рядом с какой-то сильной личностью.

Труднее всего было убедить Дорри, что она справится со своей задачей.

— Ничего не получится, — говорила она, когда я объяснял ей работу приборов. — Простите. Не в том дело, что я не хочу помочь. Хочу, но не могу. Просто не получится.

— Должно получиться.

Я считал, что должно. Впрочем, проверять не пришлось.

Мы с Коченором вдвоем наконец убедили Дорри попробовать. Все, что можно было оставить, вынесли наружу. Полетели назад, в сухое русло, сели и принялись готовиться к раскопкам. Но я чувствовал себя плохо — болела и кружилась голова, я стал неуклюжим, и, вероятно, у Коченора тоже возникли проблемы, хотя должен признать, что он не жаловался. Вдвоем мы сумели установить бур на место.

И вот когда я стоял с одной стороны, а Коченор раскачивался с другой, вся эта тяжелая машина рухнула на него.

Она его не убила. Но порвала скафандр, сломала ему ногу и оставила без сознания, и это лишило меня всякой надежды на его помощь в раскопках

района С.

11

Прежде всего я проверил бурильную установку, не повреждена ли она. Не повреждена. Потом затащил Коченора в самолет.

Это отняло у меня все силы. Пришлось тащить Коченора в тяжелом скафандре, убирать с дороги тяжести, а мое состояние не улучшалось. Тем не менее я справился.

Дорри была великолепна. Ни истерики, ни глупых вопросов. Мы извлекли его из скафандра и осмотрели.

Семь-восемь слоев скафандра на ноге порваны, но он удержал бы воздух, если бы не давление. Коченор был жив. Без сознания, но дышал. У него был сложный перелом ноги, и кость порвала кровоточащую плоть. Изо рта и носа у него тоже шла кровь, и его вырвало в шлеме.

В целом это был столетний старик в самом плохом состоянии — однако живой. Похоже, жара не затронула его мозг. Его сердце работало — я, конечно, имею в виду сердце, которое в нем. Хорошая инвестиция — сердце продолжало качать кровь. Что могли, мы обложили компрессами, кровотечение прекратилось само по себе, конеч-

но, кроме ужасной раны на ноге.

Но тут нужна помощь специалиста. Дорри вызвала под моим руководством военную базу. Сначала связалась с Амандой Литтлни, а та соединила ее с хирургом базы полковником Евой Маркузе. Доктор Маркузе оказалась приятелем моего врача из знахарской; я встречался с ней несколько раз. Она объяснила мне, что нужно сделать.

Вначале полковник Маркузе хотела, чтобы я привез Коченора к ней. Я отказался. Указал уважительную причину, сказал, что сам я в плохой форме для пилотирования и для Коченора это был бы тяжелый перелет. Истинную причину я, конечно, не назвал, а именно: я не хотел оказаться в закрытой зоне и потом выбираться оттуда. И вот она дала мне подробные инструкции, что делать с раненым.

Инструкции выполнить оказалось легко, и я сделал все, что она велела: сжал края раны, накачал Коченора антибиотиками широкого спектра, залепил рану специальным желе, напылил поверх повязку и наложил гипс. Это истощило наши запасы первой помощи и заняло час времени. Наверное, Коченор пришел бы в себя, но я дал ему снотворное.

Теперь он был в стабильном состоянии. Оставалось только измерять пульс, дыхание и кровяное давление, чтобы удовлетворить хирурга, и пообещать как можно скорее перевезти раненого в Веретено. Когда доктор Маркузе отключилась, по-прежнему раздраженная тем, что я отказался дать ей поиграть с Коченором — я думаю, ее прельщала мысль повозиться с человеком, почти полностью составленным из частей других людей, — на экране снова появилась сержант Литтлни.

Я сразу понял, что у нее на уме.

— Милый, как это случилось?

— Неожиданно из-под земли выскочил огромный хичи и укусил его прямо в ногу, — ответил я. — Я знаю, о чем ты думаешь. У тебя порочный склад ума. Несчастный случай.

— Конечно, — ответила она. — Просто я хотела сказать, что нисколько тебя не виню. — И она отключилась.

Дорри, как могла, вымыла старика. При этом она очень щедро пользовалась нашими запасными простынями и полотенцами, хотя стиральной машины на борту нет. Я оставил ее и приготовил себе кофе. Потом закурил, сел и принялся вырабатывать другой план.

Когда Дорри кончила с Коченором, она прибрала, что могла, и занялась не менее важным делом — восстановлением своей косметики. А я к этому времени нашел первоклассный выход.

В качестве первого шага я сделал Коченору пробуждающий укол.

Дорри гладила его и разговаривала с ним, пока он приходил в себя. Она не ворчала и не сердилась. А я немного раздражался. Я не так нежен, как она. Как только Коченор начал соображать, я заставил его встать, чтобы испытать мышцы, — гораздо скорее, чем ему хотелось. Испарина на лбу говорила, что ему больно. Но мышцы действуют, и он смог даже ковылять на гипсе.

Даже смог улыбнуться.

— Старые кости, — сказал он. — Я знал, что нужно пройти очередной рекальцифилакс. Вот что бывает, когда пытаешься сэкономить доллар.

Он тяжело сел, морщась, вытянул ногу перед собой. Сморщил нос, принюхиваясь к себе.

— Прошу прощения за грязь в вашем чистом и аккуратном самолете, — добавил он.

— Бывало похуже. Хотите еще помыться?

Он удивился.

— Наверно, хорошо бы…

— Давайте побыстрее. Я хочу поговорить с вами

обоими.

Он не спорил. Протянул руку, Дорри взяла ее. С ее помощью он проковылял к умывальнику. Собственно, большую часть грязи Дорри уже убрала. Но он поплескал воды на лицо, прополоскал рот. И когда повернулся и посмотрел на меня, вполне пришел в себя.

— Ну, Уолтерс, что? Сдаемся и возвращаемся?

— Нет, — ответил я. — Сделаем по-другому.

— Но он не может, Оди! — воскликнула Дорри. — Вы только посмотрите на него. В своем скафандре он снаружи и часа не продержится, тем более не сможет помогать вам на раскопках.

— Я знаю, поэтому мы изменим план. Копать я буду сам. А вы вдвоем уведете самолет.

— О, храбрый герой, — улыбнулся Коченор. — Вы спятили? Кого вы обманываете? Это работа на двоих.

— Я уже делал ее в одиночку, Коченор.

— И каждые полчаса бегали в самолет охлаждаться. Конечно. Это совсем другое дело.

Я колебался.

— Будет трудно, — признал я. — Но возможно. Старатели-одиночки и раньше раскапывали тунели, хотя у них были несколько иные проблемы. Я знаю, для меня эти сорок восемь часов будут

трудными, но надо попытаться — альтернативы нет.

— Неверно, — ответил Коченор. Он похлопал Дорри по бедру. — Эта девушка — сплошные мышцы. Она невелика ростом, но здорова. Вся в бабушку. Не спорьте, Уолтерс. Подумайте немного. Я улечу, она поможет вам здесь. Дорри будет в такой же безопасности, как и вы; вдвоем у вас больше шансов. Дорри поможет вам, прежде чем вы потеряете сознание от перегрева. Какие шансы у вас одного? Никаких.

Я не стал отвечать на последнее. Почему-то его слова привели меня в дурное настроение.

— Вы говорите так, словно ей самой нечего сказать.

— Ну что ж, — мягко заметила Дорри, — если подумать, то и вы говорите так же, Оди. Бойс прав. Я ценю вашу галантность и попытку облегчить мое положение, но, честно говоря, думаю, что вы во мне нуждаетесь. Я многому научилась. И если хотите правду, вы выглядите хуже меня.

Я сказал, вложив в голос всю уверенность и презрение:

— Забудьте об этом. Сделаем по-моему. Можете оба помогать мне с час, пока я все устанавливаю. Потом улетите. Никаких споров. Давайте

начинать.

Ну, в этом заключались две ошибки.

Во-первых, мы не уложились в час. Подготовка заняла больше двух часов, и задолго до конца я покрылся липким маслянистым потом. Чувствовал себя очень плохо. Но мне уже было не до своего состояния: время от времени с легким чувством благодарности я замечал, что у меня еще бьется сердце.

Дорри оказалась сильна и работала усердно, как и обещала. Она сделала больше тяжелой работы, чем я, запустила иглу, поставила оборудование на место, а Коченор проверял инструменты и убеждался, что знает, как управлять самолетом. Он наотрез отказался возвращаться в Веретено. Сказал, что не желает рисковать. Он вполне может переждать двадцать четыре часа в нескольких сотнях километров от нас.

Потом я выпил две чашки крепкого кофе, налил в них большую порцию своего тайного запаса джина, закурил последнюю сигарету, немного посидел и вызвал базу.

Аманда Литтлни слегка удивилась, когда я сказал ей, что мы улетаем из района базы. Куда улетаем, еще не определили. Но не стала спорить.

Потом мы с Дорри выбрались из шлюза, закрыв его за собой. Коченор сидел привязанный в кресле пилота.

Это была вторая моя ошибка. Несмотря ни на что, мы все-таки сделали так, как предложил Коченор. Я не давал своего согласия. Просто все так произошло.

Дорри постояла немного под пепельным небом. Выглядела она жалко. Но потом схватила меня за руку, и мы вдвоем сквозь бешеные порывы ветра двинулись к нашему последнему иглу. Дорри помнила мои наставления о том, что нужно держаться подальше от выхлопов. Внутри она легла и не шевелилась.

Я был менее осторожен. Не мог сдержаться. Мне нужно было видеть. Поэтому, как только сопла, судя по блеску, были отвернуты от нас, я высунул голову, чтобы посмотреть, как Коченор поднимается в полосах пепла.

Неплохой подъем. В подобных условиях плохим я бы назвал полное разрушение самолета. Коченор этого избежал, но как только поднялся выше стен русла, ветер подхватил самолет, и его начало сильно бросать. Для Коченора эти несколько сотен километров к северу, которые выведут его за пределы обнаружения, будут

нелегким полетом.

Я носком коснулся Дорри, и она встала. Провод телефона я просунул ей в клапан шлема: радио исключалось, чтобы нас не подслушал пограничный патруль, который мы не сможем увидеть.

— Еще не передумали? — спросил я.

Ядовитый вопрос, но она приняла его хорошо. Хихикнула. Я видел это, так как мы почти прижимались лицевыми пластинами шлемов. Но не слышал, что она говорит, пока она не догадалась включить микрофон, и тогда я услышал:

— …романтично, мы только вдвоем.

Ну, для такой болтовни у нас не было времени. Я раздраженно сказал:

— Не будем тратить время. Помните, что я вам сказал. У нас воздуха, воды и энергии на сорок восемь часов, и все. Не рассчитывайте ни на какие добавки. Воды может хватить чуть дольше, чем остального, но чтобы оставаться в живых, нужно и остальное. Постарайтесь работать не очень напряженно. Чем медленнее у вас обмен веществ, тем лучше справятся системы переработки. Если найдем туннель, сможем там поесть немного, если, конечно, туннель не тронут и не нагревался за последние несколько сотен тысяч лет. Иначе даже не думайте о еде. И забудьте о

сне: когда запустим сверла, попробуем прилечь ненадолго, но…

— А кто это тратит время? Вы все это мне уже говорили. — Но голос ее по-прежнему звучал жизнерадостно.

Мы забрались в иглу и принялись за работу.

Прежде всего нужно было убрать породу, которая начала накапливаться, как только мы запустили буровую установку. Обычно в таком случае полагается изменять направление движения сверл, чтобы они выбрасывали породу. Но мы не могли тратить время на это: это означало бы на какой-то период прекращать бурение. Пришлось делать это трудным путем, то есть вручную.

Да, было трудно. Прежде всего неудобно работать в скафандрах. Когда приходится в них работать, они ужасны. А когда работа тяжелая, а в иглу, кроме нас двоих, находится еще работающий бур, это почти невозможно.

Тем не менее мы справились.

Коченор не обманул меня насчет Дорри. Она оказалась партнером не хуже любого мужчины. Вопрос в том, достаточно ли этого. С каждой минутой меня все больше беспокоил другой вопрос: достаточно ли хорош я сам.

Бог видит, как плохо я себя чувствовал. Голова

раскалывалась, а когда приходилось двигаться резко, я едва не терял сознание. Все удивительно совпадало с прогнозом, который сделали в знахарской. Конечно, мне обещали три недели до отказа печени, но ведь они не знали, что мне предстоит такая тяжелая работа. Очевидно, она сократит срок.

Не очень приятные мысли.

Особенно когда прошли первые десять часов… и я понял, что шахта опустилась ниже отметок туннеля хичи… а никакого голубого свечения не видно.

Мы копаем сухой колодец.

Конечно, если бы у нас было достаточно времени и самолет поблизости, это воспринималось бы всего лишь как небольшая досадная помеха. Может, и большая, но не катастрофа. Пришлось бы возвращаться в самолет, вымыться, хорошо выспаться ночью, позавтракать и проверить заново рисунок. Вероятно, мы просто копаем не в том месте. Хорошо. Следующим шагом были бы раскопки в правильном месте. Изучать местность, выбрать пункт, поставить новое иглу, пустить в ход сверла и попытаться заново.

Так нужно было бы поступить.

Но ни одной из этих возможностей у нас не

было. Не было самолета. Не было еды и возможности хорошо выспаться. Не было нового иглу. Даже невозможно проверять рисунок: наше время истекает, и с каждой минутой я чувствовал себя все хуже.

Я выбрался из иглу, сел под защитой от ветра и посмотрел на желто-зеленое небо.

Должен существовать какой-то выход. Нужно только до него додуматься.

Я приказал себе думать.

Посмотрим, сказал я себе. Могу ли я, например, передвинуть иглу и начать в другом месте?

Нет. Ничего не получится. Я могу с помощью сверл снять иглу, но как только это будет сделано, ветер подхватит его, и прощай, Чарли. Я больше никогда не увижу это иглу. К тому же не удастся снова сделать его герметичным.

Ладно. Как насчет сверления без иглу?

Возможно, решил я. Но бессмысленно. Допустим, нам повезет и мы докопаемся. Без иглу, отгораживающего от девяноста тысяч миллибар горячего разрушительного воздуха, мы уничтожим все в туннеле, прежде чем сумеем взглянуть на него.

Я почувствовал толчок в плечо и обнаружил, что рядом со мной сидит Дорри. Она ни о чем

не спрашивала и вообще ничего не говорила. Я думаю, все и так было ясно.

По часам моего скафандра прошло тринадцать часов. Оставалось тридцать с небольшим до возвращения Коченора. Я не видел смысла в том, чтобы праздно просидеть все это время.

Но, с другой стороны, не видел и смысла делать что-нибудь.

Конечно, подумал я, можно поспать немного… тут я проснулся и понял, что именно это и делал.

Дорри свернулась рядом со мной, она тоже спала.

Вы, возможно, удивляетесь, как можно спать в такой жаре. Это совсем нетрудно. Для этого нужно только быть абсолютно измученным и впасть в отчаяние. Сон не распутывает ваш клубок проблем, но позволяет отгородиться от мира, когда на него не хочется смотреть. Как на наш мир.

Но Венера, возможно, последнее прибежище пуританской этики. На Венере нужно работать. Те, кто считает иначе, отсеиваются в самом начале, потому что просто не выживают.

Конечно, это безумие. По любым логичным оценкам я знал, что все равно что мертв, но чувствовал, что нужно что-то делать. Я отодвинулся от Дорри, проверил, закреплен ли ее пояс за коль-

цо иглу, и встал.

Чтобы встать, потребовалась огромная сосредоточенность усилий. Но это правильно. Почти так же хорошо, как уснуть и ни о чем не думать.

Мне пришло в голову — конечно, как нечто меня не касающееся, постороннее, — что, пока мы с Дорри спали, могло произойти что-то хорошее. Что-нибудь вроде… ну, скажем, где-нибудь в тунеле обнаружились восемь-десять живых хичи… они услышали, как мы стучимся, и открыли дно нашей шахты. Поэтому я заполз в иглу, чтобы проверить, так ли это.

Ничего подобного. Не открыли. Я всмотрелся в шахту, чтобы убедиться в этом, но там по-прежнему только слепая дыра, которая исчезает в грязной темноте на краю действия моего фонаря. Я выругал негостеприимных хичи — вероятно, за то, что они не существуют, — и пнул на их отсутствующие головы породу с края шахты.

Но пуританская этика продолжала грызть меня. Я подумал, что же еще должен сделать. У меня не очень большой выбор. Умереть? Конечно, но я и так на пути к этому. Нет ли чего-нибудь более конструктивного?

Пуританская этика напомнила мне, что место нужно оставлять таким же, каким застал его,

поэтому я с помощью лебедки вытащил сверла и оставил их висеть, потом принялся сбрасывать породу в бесполезную дыру. Когда расчистилось достаточно места, я сел и принялся думать.

Я думал, что мы сделали неправильно, — не с тем, чтобы сделать правильно, поймите меня, а просто как думают над старой шахматной задачей. Как получилось, что мы не смогли найти туннель?

После нескольких минут туманных рассуждений я подумал, что нашел ответ.

Дело в том, что такое звуковая разведка. Люди с опытом Дорри и Коченора считают, что сейсмические схемы похожи на подземные карты Далласа, на которых показаны все стоки, и отстойники, и водопроводные трубы, и проходы, и все так обозначено, что, когда попадаешь внутрь, достаточно посмотреть на карте, где что расположено, и там и найдешь.

На самом деле не так. Схемы отражают вероятность. Они строятся на основе приблизительных оценок. Они составляются минута за минутой по эху, которое приходит от взрыва искателей. И следы эти похожи на тень от паутины, они гораздо шире самих туннелей и на краях совсем расплываются. Когда смотришь на эту тень, знаешь, что

внизу есть нечто такое, что способно оставить такую тень. Может, это скальное вкрапление или карман гравия. Можно надеяться и на то, что это раскопки хичи. То есть там что-то есть, но что именно, вы не знаете. Если туннель достигает десяти метров в ширину — это достаточная оценка для соединительных туннелей хичи, — след паутины занимает не менее пятидесяти, а может занять и сто.

В таком случае где же копать?

Вот тут на первый план выступает искусство старателя. Вы должны сделать предположение на основе информации.

Возможно, вы будете копать точно в геометрическом центре — если знаете, где этот центр. Это самый простой путь. Или будете копать там, где тень самая густая, как поступает большинство старателей. Это не хуже других способов.

Но все это недостаточно хорошо для умного и умелого старины Оди Уолтерса. Я иду своим путем. Я пытаюсь рассуждать как хичи. Я смотрю на всю карту и пытаюсь догадаться, какие пункты могли захотеть соединить хичи. Потом я прокладываю воображаемый курс между этими пунктами, где я проложил бы туннель, будь я старшим инженером хичи на строительстве, и

копаю там, где прежде всего разместил бы этот туннель.

Так я и поступил. Очевидно, я поступил неверно.

Конечно, я мог ошибиться и оттого, что просто там внизу был карман гравия.

Очень возможное объяснение, но бесполезное. Если тут вообще никогда не было туннеля, нам сильно не повезло. Но я хотел получить более обнадеживающий ответ, и моему затуманенному мозгу показалось, что я его нашел.

Я представил себе, как выглядит трасса на экране. Самолет я посадил как можно ближе к этому месту. Конечно, прямо на этом месте я не мог копать, потому что мешал самолет. Поэтому мне пришлось поместить иглу на несколько метров в сторону и выше по склону.

И мне начинало казаться, что эти несколько метров и есть причина нашей неудачи.

Это туманное рассуждение было приятно моему затуманенному мозгу. Оно все объясняло. Восхитительно, думал я, как мне все удалось распутать в таком состоянии. Конечно, я не видел, какое практическое отличие это составляет. Если бы у меня было другое иглу, я бы с радостью передвинулся на то место, где стоял самолет, конечно,

если бы прожил достаточно долго.

Но все это не имеет значения, потому что второго иглу у меня нет.

И вот я сидел на краю темной шахты, одобрительно кивал тому, как я разумно рассуждаю, сидел, свесив ноги, и время от времени сбрасывал вниз породу. Вероятно, это что-то вроде желания смерти, потому что мне приходила в голову мысль: лучше всего мне просто прыгнуть вниз и закопаться в эту породу.

Но пуританская этика не позволяла мне сделать это.

Таким образом я решил бы только свои личные проблемы. Но юной Дороте Кифер, которая похрапывала снаружи в жаре, это ничего не дало бы. Меня беспокоила Дорота Кифер. Я хотел для нее чего-то лучшего, чем мерзкая жизнь мелкого воришки в Веретене. Она такая милая и добрая и…

Тут меня посетило откровение: одна из причин моей враждебности к Бойсу Коченору — то, что у него есть Дорри Кифер, а у меня нет.

Это тоже была интересная мысль. Предположим, думал я, чувствуя дурной вкус во рту и удары в голове, предположим, скафандр Коченора был прорван насквозь и он умер бы тут же. Предположим (заходя немного дальше), что за-

тем мы нашли бы туннель и все то, что нам в нем нужно, и вернулись в Веретено, и стали богаты, и мы с Дорри…

Я много времени провел, думая, что мы с Дорри могли бы делать, если бы дела пошли немного по-другому и все это произошло на самом деле.

Но дела по-другому не пошли, и все это не произошло.

Я столкнул в шахту еще немного породы. Туннель, теперь я был в этом убежден, находится всего в нескольких метрах от пустого дна шахты. Я подумал, не спуститься ли вниз и не поскрести ли перчатками.

Мысль показалась мне хорошей.

Не могу сказать, насколько эти мысли были капризами мечты, насколько — галлюцинациями больного. Я думал о странных вещах. О том, как хорошо было бы, если бы хичи все еще жили здесь, и когда я спустился бы вниз и постучал в голубую стену туннеля, они открыли бы ее и впустили меня.

Это было бы очень мило. Я даже представил себе, как они должны выглядеть — дружелюбные и богоподобные. Может, они одеваются в тоги и предложат мне ароматные вина и редкие фрукты. Может, они даже умеют говорить по-ан-

глийски, так что я смогу поговорить с ними и задать несколько тревожащих меня вопросов. «Хичи, для чего вам на самом деле молитвенные веера?» — спросил бы я их. Или: «Послушайте, хичи, я не люблю навязываться, но, может, в вашей медицинской сумке есть что-нибудь такое, что не даст мне умереть?» Или: «Хичи, простите за то, что мы насорили у вас на переднем дворе, но я постараюсь прибраться».

Может, именно эта последняя мысль заставила меня сбросить больше породы в шахту. Никакого лучшего занятия у меня не было. И кто знает, может, они это оценят.

Немного погодя шахта заполнилась наполовину и порода кончилась, за исключением той, что набросана снаружи иглу. Но идти за ней у меня не было сил. Я осмотрелся в поисках нового занятия. Я осмотрел сверла, заменил затупившиеся резцы последними острыми, изменил на двадцать градусов направление и снова запустил их.

Только тогда я заметил, что Дорри стоит рядом со мной, помогая первые метр-два удерживать сверла. До того я даже не сознавал, что выполняю новый план. Не помнил, чтобы составлял его. Не помнил даже, когда проснулась Дорри и вошла в иглу.

Я подумал, что план неплохой. Почему бы не попробовать этот склон? Нам все равно нечем заняться.

И вот мы занялись работой.

Когда сверла перестали дергаться в руках и начали устойчиво грызть камень, мы смогли оставить их. Я расчистил место у стены иглу и какое-то время бросал породу.

Потом мы просто сидели, смотрели, как сверла проделывают новое отверстие. Не разговаривали.

Вскоре я снова уснул.

И не просыпался, пока Дорри не заколотила по моему шлему. Мы были погребены в отходах бурения. Они светились голубым светом, так ярко, что у меня заболели глаза.

Сверла царапали металл хичи не меньше часа. Они даже проделали на нем бороздки.

Заглянув вниз, мы увидели уставившийся на нас круглый яркий голубой глаз туннеля. Туннель был прекрасный.

Мы не разговаривали.

Каким-то чудом я умудрился пробраться через породу к выходу из иглу. Герметически закрыл шлюз, вынув наружу несколько кубических метров породы.

Потом начал пробираться к режущим факелам.

Наконец мне это удалось. Каким-то образом. Наконец я их отыскал и сумел закрепить.

Мы отошли как можно дальше, и я включил их. И смотрел, как свет, вырывающийся из шахты, образует яркий рисунок на крыше иглу.

Потом послышался неожиданный короткий вскрик газа и стук: это внутрь провалились куски породы.

Мы прорезали туннель хичи.

Он был нетронут и ждал нас. Наша красавица оказалась девственницей. Мы с любовью лишили ее девственности и вошли в нее.

12

Должно быть, я снова потерял сознание, потому что, когда пришел в себя, мы были на полу туннеля. Шлем у меня был открыт. Боковой шов скафандра тоже. Я дышал затхлым застоявшимся воздухом, которому четверть миллиона лет, и вонял он на все эти четверть миллиона.

Но это был воздух.

Плотнее обычного земного и не такой влажный, но парциальное давление кислорода почти такое же. Это доказывал факт, что я дышу этим

воздухом и не умираю.

Рядом со мной была Дорри Кифер.

Шлем у нее тоже был открыт. В синем свете стен хичи она казалась призрачной, какой только может показаться красивая девушка. Вначале я не был уверен, что она дышит. Но, несмотря на то что выглядела она ужасно, пульс у нее был ровный, легкие работали, и, почувствовав, что я ее трогаю, она открыла глаза.

— Боже, я вся избита, — сказала она. — Но мы это сделали!

Я ничего не сказал. Она уже все сказала за нас обоих. Мы сидели, глуповато улыбались друг другу и выглядели в голубом свете хичи как маски Хеллоуина.

Больше ничего в тот момент я не мог делать. Голова у меня кружилась. Прежде всего нужно было справиться с мыслью, что я еще жив. И я не хотел подвергать опасности это непрочное сознание своими движениями.

Впрочем, было очень неудобно, и спустя какое-то время я понял, что мне жарко. Я закрыл шлем, чтобы отгородиться от жары, но внутри пахло так отвратительно, что я тут же открыл его снова, решив, что жара лучше.

Тогда меня удивило, почему жара просто непри-

ятна, она не сжигает нас мгновенно.

Металл, из которого сделаны стены туннелей хичи, очень плохо проводит тепло, но ведь прошли сотни тысяч лет. Мой старый печальный больной мозг некоторое время занимался этой мыслью и наконец пришел к заключению: до самого недавнего времени, может еще какую-нибудь тысячу лет назад, в туннеле искусственно поддерживалась относительно низкая температура. Следовательно, пришел я к мудрому заключению, должны для этого существовать какие-то автоматические механизмы. Ну и ну, сказал я себе. Их стоило бы отыскать. Пусть они сломаны. Именно из таких находок создаются состояния…

И тут я вспомнил, зачем мы вообще оказались здесь. Я посмотрел вверх и вниз по коридору в поисках добра хичи, которое сделает нас богатыми.

Когда я был школьником в Амарилло, моей любимой учительницей была калека по имени мисс Стивенсон. Она рассказывала нам истории из Балфинча и Гомера.

Однажды она испортила мне целый уикенд рассказом об одном греческом парне, который больше всего хотел стать богом. Я понял, что в те дни это было довольно обычной целью для умно-

го молодого грека, хотя и не был уверен, часто ли ее удавалось достичь. Этот парень сразу сделал несколько больших шагов по лестнице — он уже был царем маленького государства в Лидии, но ему нужно было больше. Ему нужна была божественность. Боги даже разрешили ему прийти на Олимп, и похоже было, что у него получится… пока он все не испортил.

Не помню подробности, что именно он сделал, какое-то отношение к этому имела собака, и еще он проделал грязную шутку, заставив одного из богов съесть собственного сына (мне кажется, у этих греков были очень примитивные представления о юморе). Как бы то ни было, его за это наказали. Получил он в награду одиночное заключение — вечное — и отбывал его, стоя по горло в прохладном озере, но не в состоянии пить. Как только он открывал рот, вода уходила. Этого парня звали Тантал… и в туннеле хичи мне показалось, что у меня с ним много общего.

Да, мы нашли сокровище, которое искали. Но не могли дотянуться до него.

Вероятно, мы прокопали ход не к центральному туннелю. Похоже на боковое ответвление, отходящее под прямым углом. И оно с обоих концов было перекрыто.

— Как вы думаете, что это? — тоскливо спросила Дорри, пытаясь что-нибудь разглядеть в щели десятитонной плиты металла хичи, лежавшей перед ней. — Может, это оружие, о котором вы говорили?

Я помигал слезящимися глазами. За плитой — машины самых разных видов, неправильные груды предметов, возможно контейнеры для других предметов, какие-то другие штуки, как будто прогнившие и выплеснувшие содержимое, тоже прогнившее, на пол. Но у нас не было сил добраться до этого.

Я стоял, прижавшись шлемом к одной из плит, и чувствовал себя как Алиса, которая всматривается в крошечный сад, а бутылочки «Выпей меня» у нее нет.

— Я знаю только, — сказал я, — что такого еще никто не находил.

И опустился на пол, утомленный, больной, но все равно довольный миром.

Дорри села рядом со мной, перед этими закрытыми вратами рая, и мы немного отдохнули.

— Бабушка была бы довольна, — сказала Дорри.

— Еще бы, — согласился я, чувствуя себя словно навеселе. — Бабушка?

— Ну да, моя бабушка, — объяснила она, и затем я, может быть, снова потерял сознание. А когда пришел в себя, она рассказывала, как ее бабушка много-много лет назад отказалась выйти замуж за Коченора. Казалось, это для Дороты Кифер очень важно, поэтому я постарался вежливо обратить внимание на ее слова, но все равно как-то они не имели смысла.

— Минутку, — сказал я. — Она не хотела за него выйти, потому что он был беден?

— Нет, нет! Не потому, что беден, хотя он тогда не был богат. Потому что он работал на нефтяных полях, а она хотела чего-нибудь более надежного. Очень похоже на бабушку. А когда год назад Бойс появился снова…

— Он дал вам работу в качестве своей подружки, — сказал я, кивая, чтобы показать, что понимаю.

— Нет, черт возьми, — ответила она, разозлившись. — В своем офисе. Остальное… пришло позже. Мы влюбились друг в друга.

— О, конечно, — заметил я. Мне не нужны споры.

Она напряженно сказала:

— Он на самом деле хороший, Оди. Конечно, не в бизнесе. И он для меня все сделал бы.

— Он мог бы на вас жениться, — сказал я, чтобы продолжить разговор.

— Нет, Оди, — серьезно ответила она, — не мог. Он хотел жениться. Это я сказала «нет».

Она отвергла все его деньги? Я помигал. Не стал спрашивать, но она сама поняла.

— Если я выйду замуж, — сказала она, — мне нужны будут дети, а Бойс о них и слышать не хотел. Он сказал, что если бы мы встретились, когда он был помоложе, может, семидесяти пяти или восьмидесяти, у него был бы шанс, но сейчас он слишком стар, чтобы заводить семейство.

— Тогда вам следует поискать замену.

Она смотрела на меня в голубом сиянии.

— Я ему нужна, — просто сказала она. — Теперь больше, чем когда-либо.

Я немного подумал над этим. Потом мне пришло в голову проверить время.

Прошло сорок шесть часов после его отлета. Он сейчас может вернуться.

И если вернется, когда мы тут болтаем, постепенно сообразил я своими затуманенными мозгами, девяносто тысяч миллибар ядовитого газа обрушатся на нас. К тому же будет поврежден наш девственный туннель. Едкий газ быстро уничтожит все за этим барьером.

— Надо возвращаться, — сказал я Дорри, показывая время. Мы встали, последний раз взглянули на сокровища Тантала за плитами и начали подниматься по шахте в иглу.

После веселого блеска туннеля хичи иглу показалось еще более тесным и жалким.

Что еще хуже, мой затуманенный мозг продолжал напоминать, что мы не должны оставаться в иглу. Коченор может не забыть закрыть шлюз с обоих концов, когда пройдет — теперь уже в любую минуту, — но может и забыть. А я не мог рисковать и допустить, чтобы молот горячего воздуха опустился на нашу красавицу.

Я попытался придумать способ запечатать шахту, может, снова сбросить в нее всю породу, но хоть мозг мой работал не очень хорошо, я понял, что это глупо.

Итак, единственный способ решения проблемы — нужно выйти наружу, на ветреную венерианскую погоду. Единственное утешение — ждать придется недолго. К тому же к долгому ожиданию мы не подготовлены. Приборы, отмечающие запасы необходимого для жизни, уже горели тревожным красным светом. Коченору следовало уже появиться.

Но его не было.

Мы с Дорри выбрались из иглу, закрыли вход и принялись ждать.

Я почувствовал скрежет о шлем и обнаружил, что Дорри подключилась ко мне.

— Оди, я очень устала, — сказала она. Не жаловалась, просто сообщала факт, который, как она думает, мне нужно знать.

— Можете поспать, — ответил я. — Я подежурю. Коченор появится очень скоро, и я вас тогда разбужу.

Вероятно, она последовала моему совету, потому что легла, подождав, пока я снимал линию связи. Потом вытянулась и оставила меня спокойно размышлять.

Но я не был ей благодарен за эту возможность. Появившиеся у меня мысли не радовали.

Коченор по-прежнему не появлялся.

Я пытался вдуматься в смысл этого. Конечно, может быть масса причин для задержки. Он мог заблудиться. Его могли задержать военные. Он мог разбиться в самолете.

Но была и гораздо более отвратительная возможность, и мне она казалась все более вероятной.

Циферблат подсказал, что опоздание составляет уже пять часов, а приборы — что запасов

воздуха и воды почти нет. Если бы мы несколько часов не дышали воздухом туннеля, сберегая тем самым запас в своих баках, мы были бы уже мертвы.

Коченор не может знать, что мы нашли пригодный для дыхания воздух в туннеле хичи. Он должен считать нас мертвыми.

Этот человек не солгал мне о себе. Он сказал, что не умеет проигрывать.

И потому решил и на этот раз не проиграть.

Несмотря на затуманенный мозг, я понимал, как это получилось. Когда положение стало критическим, в нем победил ублюдок. И разработал ход, который приводит к концу игры и дает ему выигрыш.

Я видел его так же ясно, словно находился с ним в самолете. Смотрит на часы, как подходит к концу наша жизнь. Готовит себе элегантный легкий ленч. Может быть, слушает до конца балет Чайковского, ожидая, пока мы умрем.

Меня эта мысль на самом деле не пугала. Я настолько близок к смерти, что технические различия меня не трогают… и настолько устал, что готов принять любой конец.

Но ведь я здесь не один.

Есть еще девушка. И единственная разумная

мысль, которая задержалась в моем полуотравленном мозгу, была о том, что нечестно со стороны Коченора убивать нас обоих. Меня — да, согласен. Я видел, что с его точки зрения мною вполне можно пожертвовать. Но не ею!

Я понял, что должен что-то сделать. Поразмыслив, я начал толкать ее скафандр, пока она не пошевельнулась. С большими усилиями я дал ей понять, что она должна вернуться в туннель. Там она, по крайней мере, сможет дышать.

Потом я принялся готовиться к приему Коченора.

Есть два обстоятельства, которых он не знает. Он не знает, что мы нашли пригодный для дыхания воздух, и он не знает, что я могу раздобыть дополнительную энергию из батарей бурильной установки.

Несмотря на ярость, я способен был мыслить последовательно. Я могу застать его врасплох — если он не задержится слишком надолго. Еще несколько часов я проживу…

И когда он вернется, ожидая увидеть нас мертвыми, вернется за наградой, которую мы для него добыли, он найдет меня ждущим.

* * *

Так он и поступил.

Для него, должно быть, было ужасным шоком, когда он через шлюз вошел в иглу, держа в руке гаечный ключ, склонился ко мне и обнаружил, что я жив и могу двигаться. Ведь он ожидал найти только поджаренное мясо.

Если у меня и были какие-нибудь сомнения, они тут же рассеялись: он сразу попытался ударить меня по шлему. Возраст, сломанная нога и удивление нисколько не замедлили его реакцию. Но ему пришлось поменять позу в тесном пространстве, чтобы получше замахнуться, а я, будучи не только живым, но и готовым, успел откатиться. А в руках у меня уже было наготове сверло.

Оно пришлось ему прямо в грудь.

Я не видел его лица, но могу представить себе выражение.

После этого оставалось только сделать одновременно пять или шесть невозможных дел. Поднять Дорри из туннеля и переправить ее в самолет. Подняться вслед за ней, закрыть шлюз и наметить курс. Все эти невозможные дела… и еще одно, труднее остальных, но очень важное

для меня. Дорри не понимала, зачем мне на борту тело Коченора. Наверное, решила, что это из почтения к мертвому, а я не стал ей объяснять.

Я едва успел выровнять самолет при посадке, но мы сидели в скафандрах и были привязаны, а когда наземная команда Веретена пришла взглянуть, мы с Дорри были еще живы.

13

Вначале пришлось латать меня и три дня насыщать организм водой, прежде чем можно было ставить новую печень. Удивительно, как она пережила все испытания, но ее сразу извлекли, поместили в питательный раствор, как только смогли до нее добраться. И к тому времени, как я был готов к операции, ее аллергическую натуру укротили, и это была печень не хуже других — достаточно хороша, чтобы сохранить мне жизнь.

Большую часть времени я провел под наркозом. Знахари пробуждали меня на несколько часов, чтобы научить, как управлять своим новым приобретением; они говорили, что нет смысла ставить мне новую печень, если я не сумею с нею справиться; другие люди будили меня, чтобы задать вопросы, но я все равно был в полусонном состоянии. Да я тогда и не хотел просыпаться.

Бодрствование — это болезнь, боль, зуд. Хотел бы я, чтобы вернулись добрые старые дни. Тогда бы меня накачали анестезией, пока не закончили. Но, конечно, в добрые старые дни я бы просто умер.

Но на четвертый день я почти не испытывал боли — ну, конечно, когда не двигался. И мне разрешили принимать жидкости через рот, а не другими путями.

Я понял, что останусь жив. Очень хорошая новость, и, когда я в нее поверил, меня начало интересовать окружающее.

Знахарская находилась в весеннем настроении, и мне это понравилось. Конечно, никаких времен года в Веретене нет, но знахари очень сентиментально относятся к традициям и связям с родной планетой, поэтому они для себя сохранили времена года. Весну создавали легкие белые кучевые облака на стенных панелях и запах лилий и молодой листвы, доносившийся через вентилятор.

— Счастливой весны, — сказал я доктору Моррису, когда он осматривал меня.

— Заткнитесь, — ответил он. Переместил несколько игл, пронзивших мой живот, глядя на приборы. — Гм, — сказал он.

— Я рад, что вы так считаете, — заметил я.

Он не обратил внимания на мои слова. Доктор Моррис не любит юмористических замечаний, если они исходят не от него. Он поджал губы и вытащил несколько игл.

— Ну что ж, посмотрим, Уолтерс. Брюшной шпунт мы убрали. Ваша новая печень функционирует нормально — ни следа отторжения, но отходы образуются не так быстро, как следует. Вам придется поработать над этим. Ионный уровень мы почти вернули к норме, в этом смысле вы опять похожи на человека, и в большей части ваших тканей снова есть немного жидкости. Таким образом, — сказал он, задумчиво почесывая голову, — я сказал бы в общем, что вы выжили. Можно считать, что операция прошла успешно.

— Весьма остроумно, — ответил я.

— Вас кое-кто ждет, — продолжал он. — Третья Вастры и ваша подружка. Они принесли вам одежду.

Это меня заинтересовало.

— Значит, я могу уйти?

— Прямо сейчас, — сказал он. — Они подержат вас какое-то время в постели, но ваша рента закончилась. Место нам нужно для клиентов, которые платят.

Одно из преимуществ чистой крови вместо ядо-

витого супа в том, что я снова начал рассуждать логично и последовательно.

Я сразу понял, что добрый комик старина доктор Моррис шутит. «Клиенты, которые платят». Я бы тут не находился, если бы не был платящим клиентом. И хоть не мог представить себе, кто оплатил мои счета, решил воздержаться от любопытства, пока не покину пределы знахарской.

Это не заняло много времени. Знахари упаковали меня во влажные простыни, и Дорри и Третья из дома Вастры провезли меня через все Веретено в дом Вастры. Дорри все еще выглядела бледной и усталой — последняя пара недель не была отпуском для нас обоих, но сказала, что нуждается лишь в небольшом отдыхе. Первая Саба выгнала из комнаты детей и вымыла ее для нас, а Третья суетилась вокруг нас, кормила плоским черствым хлебом, который любят индусы, и супом из баранины, потом пожелала хорошего сна. В комнате была только одна кровать, но Дорри, казалось, не возражает. Во всяком случае, в тот момент вопрос был чисто академический. Позже — конечно, он перестанет быть таким. Через несколько дней я был на ногах и здоров как никогда.

Тогда я и узнал, кто оплатил мой счет в знахарской.

На какое-то мгновение я надеялся, что это был я сам — быстро разбогател на бесценных находках в туннеле, но я понимал, что это иллюзия. Туннель находится на территории военных. Никто, кроме военных, не получит его содержимого.

Если бы мы были здоровы и сильны, с помощью небольшой изобретательной лжи могли бы обойти это препятствие. Часть вещей мы могли бы переправить в другой туннель и объявить, что нашли там, и почти наверняка это нам удалось бы… но не в таком состоянии. Мы слишком близки были к смерти, чтобы что-нибудь скрыть.

Так что все досталось военным.

Но они проявили нечто, чего я никак не ожидал. Оказалось, что и у них есть что-то вроде сердца. Они осмотрели находку, когда я еще кормился клизмами во сне, и то, что они там обнаружили, им чрезвычайно понравилось. Они решили заплатить мне нечто вроде премии за находку. Немного, конечно. Но достаточно, чтобы спасти мне жизнь. Достаточно, чтобы оплатить счет знахарской за ее плотницкую работу и аренду моей квартиры. И вот, когда я почувствовал себя хорошо, мы с Дорри смогли оставить дом Вастры и переселиться ко мне.

Конечно, за новую печень военные не платили.

Она мне вообще ничего не стоила.

Какое-то время меня беспокоило, что военные не сообщат, что они нашли. Я попытался разузнать сам. Даже попытался подпоить сержанта Литтлни, чтобы вытянуть у нее, когда она на короткий отпуск прилетела в Веретено. Не получилось. Дорри была рядом, а можно ли как следует напоить одну девушку, когда другая наблюдает за вами? Наверное, Аманда Литтлни сама не знала. Никто не знал, кроме нескольких специалистов.

Но это было что-то значительное, и из-за премии, и, главное, потому, что военные не стали преследовать нас за нарушение границ запретной зоны. Так что мы вдвоем удачно отделались. Или втроем.

Дорри отлично научилась продавать молитвенные веера и огненные жемчужины туристам с Земли, особенно когда стала заметна ее беременность. Разумеется, мы оба превратились в знаменитостей. Дорри в течение туристского сезона кормила нас обоих, а потом я обнаружил, что моя слава знаменитого открывателя туннелей чего-то стоит. Мне удалось взять кредит и купить новый самолет. Для туннельных крыс мы жили очень даже неплохо. Я пообещал жениться

на ней, если наш ребенок окажется мальчиком, но сделаю это в любом случае. Она очень помогла мне на раскопках.

Особенно в моем собственном частном проекте.

Дорри не знала, зачем я прихватил с собой тело Коченора. Не стала спорить, конечно. Как ни плохо себя чувствовала, помогла мне затащить мертвеца в самолет, когда мы возвращались в Веретено.

А мне это тело было очень нужно — особенно одна его часть.

Конечно, это не совсем новая печень. Вероятно, даже не из вторых рук. Бог знает, где Коченор купил ее, но я уверен, что это не его оригинальное оборудование.

Но она работает.

И хоть Коченор и ублюдок, мне он по-своему нравился, и я совсем не жалею, что во мне теперь есть его часть.

Часть третья. Астероид Врата

Величайшее сокровище, которое содержали туннели хичи на Венере, было уже открыто, хотя первые открыватели об этом не знали. Никто не знал — кроме одной одинокой туннельной крысы по имени Сильвестр Маклин. А он был не в состоянии рассказать, что нашел.

Сильвестр Маклин обнаружил космический корабль хичи.

Если бы он сообщил о своей находке, то стал бы самым богатым человеком в Солнечной системе. И смог бы жить, наслаждаясь своим богатством. Но Сильвестр Маклин был свихнувшимся одиночкой, как большинство туннельных крыс, и поступил он совсем по-другому.

Ему показалось, что корабль находится в хорошем состоянии. Может быть, подумал он, в нем даже можно летать.

К несчастью для него самого, ему это удалось.

Корабль Маклина сделал в точности то, что должны делать корабли хичи, а хичи были исключительными инженерами. Никто не знает, какие мыслительные процессы протекали в

сознании Маклина, какой опыт и дедукция заставили его сделать то, что он сделал. Он не дожил до того, чтобы рассказать об этом. Но, очевидно, он забрался в корабль, закрыл люк и начал осматривать и трогать внутри предметы, которые оказались приборами управления.

Как установили позже, на борту каждого корабля хичи есть штука, похожая на коровье вымя. Она приводит корабль в движение. Нажимая ее, словно включаешь автоматическое управление машиной. Корабль начинает полет. Куда он летит, зависит от установки курса в автоматической навигационной системе.

Маклин, разумеется, никакого курса не устанавливал. Он не знал, как это делается.

Поэтому корабль сделал то, к чему его в таких обстоятельствах подготовили его создатели хичи. Он просто вернулся туда, откуда прилетел, когда пилот хичи покинул его полмиллиона лет назад.

Как оказалось, этим местом был астероид.

Астероид необычный в нескольких отношениях. Необычный астрономически, потому что его орбита располагалась под прямым углом к эклиптике. Именно поэтому, хоть это была довольно большая скала и временами подходила совсем близко к орбите Земли, человеческие астрономы

так ее и не открыли.

Другая необычность заключалась в том, что он был преобразован в нечто вроде ангара для космических кораблей хичи. В целом их там было почти тысяча.

Но чего на астероиде не было, так это еды и питья. Поэтому Сильвестр Маклин, который мог бы стать богатейшим человеком в истории, стал всего лишь иссохшим от голода трупом.

Но перед смертью Маклин сумел передать сигнал на Землю. Это не был призыв о помощи. Никто не сумел бы долететь вовремя, чтобы спасти ему жизнь. Маклин знал это. Он признал, что должен умереть; он просто хотел, чтобы люди знали, в каком чудесном месте он умирает. И спустя какое-то время другие астронавты в неуклюжих человеческих ракетах явились по его сигналу.

И нашли врата во вселенную.

В течение следующих десятилетий астероид Врата стал центром самой выгодной отрасли человеческой деятельности — исследования Галактики.

Маклин, конечно, не владел астероидом Врата, хоть и открыл его. Настолько ему не повезло. Он вообще ничем не владел, так как умер.

Во всяком случае, вскоре стало ясно, что Врата слишком важны, чтобы ими владел кто-то один, даже одно государство. Вопрос этот годами обсуждался в ООН, и в Совете Безопасности, и на Генеральных Ассамблеях, и не раз — с помощью пушек и самолетов за пределами ООН. Кончилось тем, что сильнейшие державы мира создали Корпорацию «Врата», консорциум пяти, который должен был управлять астероидом.

Астероид Врата не самое удобное место для жизни человека. Впрочем, он никогда и не планировался для этого. Он был создан для хичи, и они, уходя, все с него забрали. Это был камень размером с Манхэттен, прорезанный насквозь туннелями и комнатами, и больше ничего. Он не был даже круглым. Один из старателей Врат описал его как грушу, поклеванную птицами. Его внутренняя структура напоминает слои лука. Во внешней оболочке располагаются корабли хичи, их посадочные капсулы находятся в специальных углублениях. (Именно эти углубления снаружи кажутся местами, где клевали птицы.) Внутри слои с большими пустыми пространствами, в которых люди хранили припасы и запчасти, большой резервуар для воды, который они назвали озеро Верхнее. Ближе к центру жилые

помещения: ряды маленьких комнаток, похожих на монастырские кельи. Там жили люди в ожидании своих кораблей. Хичи, по-видимому, нравились веретенообразные помещения, хотя никто не знал почему. Одно из таких помещений обитатели Врат использовали как место встреч — и место для выпивки, и для игры, и место, где можно забыть о том, что ждет впереди.

Врата пахли не очень хорошо. Воздух драгоценен. И поэтому, особенно для свежих старателей, только что с Земли, он был почти невыносим. Астероид вращается медленно, поэтому нечто вроде микротяготения на нем есть, но не очень много. И всякий, кто на Вратах сделает резкое движение, взлетает в воздух.

Конечно, никто никогда не смотрел на астероид Врата как место для отдыха. Была только одна причина, по которой человек соглашался тратить деньги на полет, дышать мерзким воздухом, терпеть все неудобства. И причина эта — корабли хичи.

Для полета на корабле хичи нужно много смелости и ничего больше. Каждый корабль совершенно такой же, как все корабли его класса. Самые большие из них, пятиместные, на самом деле совсем небольшие — площадью с ванную

комнату в отеле, и на этом пространстве должны жить пять человек. Корабли, называемые одноместными (в них мог летать только один человек), не просторнее самой ванны. На каждом корабле минимум мебели, и назначение большей части этой обстановки человеку совершенно непонятно. Обязательно присутствие золотого провода, который как будто имел отношение к двигателю: было замечено, что он меняет цвет в начале, в конце и в поворотном пункте каждого полета. Всегда на корабле имелся золотистый ящик в форме бриллианта размером с гроб. На некоторых кораблях был еще один загадочный предмет, похожий на изогнутый кристаллический стержень на черном основании; он вообще ничего не делал (но, как выяснилось много позже, был способен на поистине чудесные подвиги). Никто не знал, что находится внутри этих предметов, потому что, когда пытались их открыть, они взрывались. Потом, разумеется, была система управления, с очень непривычным неудобным сиденьем перед ней. Сучковатые выступы, вспыхивающие огоньки, стартовое вымя — то самое, что отправляет корабль в полет.

Конечно, на корабле не было многого, без чего человек не может обходиться; когда в кораблях

стали летать люди, в них появились человеческие добавки: холодильники, более удобные сиденья, койки, кухонные принадлежности — и целый каталог фотокамер, радиоантенн и самых разнообразных научных приборов.

Летать в корабле хичи нетрудно. Управлять им любой может научиться за полчаса. Поворачиваешь колеса, устанавливающие курс, почти наугад, так как никто не знает, что означает их установка. На самом деле (как узнали намного позже) существовали 14 922 отдельные программы курсов на 731 пригодном к действию корабле — на астероиде было еще примерно 200 кораблей, но они просто не работали. Однако потребовалось много времени и много жизней, чтобы установить, каковы конечные пункты этих запрограммированных маршрутов.

Когда устанавливаешь определенную комбинацию (скрестив при этом пальцы), нажимаешь стартовое вымя. И оказываешься в пути. И больше ничего делать не нужно.

Поэтому стать старателем мог любой. Любой, кто мог оплатить пролет на Врата и заплатить еще за воздух, пищу, воду и жизненное пространство, получаемые на астероиде… и кто достаточно храбр и достаточно отчаян, чтобы рискнуть. И

часто этот риск приводил к ужасной смерти.

За годы многие люди, спасаясь от бедности на Земле, испытывали свое счастье на кораблях Врат. В целом таких золотоискателей было 13 842, прежде чем стало возможно сознательное управление кораблями хичи и программа исследований наобум была прекращена.

Мало кто из этих старателей выжил. Многие стали знамениты. Очень немногие разбогатели. А остальных никто не помнил.

Часть четвертая. Искатели звезд

Когда один из этих отчаянно смелых, слегка безумных ранних старателей вылетал на корабле хичи, он не думал, что корабль полетит туда, куда хочется старателю. Он (или почти в таком же количестве случаев — она) не мог рассчитывать на это по многим причинам, не говоря уже о том, что ранние старатели понятия не имели, каков конечный маршрут их полета. Но это невежество, во всяком случае, не влекло за собой наказания. Поскольку ни один старатель не знал, как управлять кораблем хичи, первые корабли следовали программе, установленной последним пилотом хичи, давным-давно покинувшим их борт.

Учитывая возможный риск, ранним старателям еще повезло, что хичи во многих отношениях оказались подобны людям. Например, хичи обладали врожденным человеческим свойством — любопытством. У них оно было прямо-таки гипертрофированное. Это означало, что многие из целей так же интересны для людей, как и для древних хичи, и больше всего первым открытиям старателей радовались земные астрономы. Эти астрономы проявили большую изобретатель-

ность в выкачивании информации из фотонов, которые попадали в их инструменты, были ли это фотоны видимого света, рентгеновских лучей, инфракрасного излучения или других видов. Но фотоны не могут рассказать все, что хотели узнать астрономы. Астрономы вздыхали: ведь есть немало объектов, которые вообще не излучают: черные дыры, планеты, бог знает что еще! О таких объектах можно было только строить догадки.

Но теперь с помощью кораблей хичи можно было просто отправиться и посмотреть на них своими глазами!

Для астрономов это была замечательная возможность… хотя часто гораздо менее замечательная для мужчин и женщин, которые отправлялись посмотреть.

Астрономия, с точки зрения старателей, совершавших свои полеты вслепую, плоха тем, что нельзя продать, например, нейтронную звезду. А старатели летели за деньгами. Это означало, что, если повезет, они смогут найти какое-нибудь высокотехнологичное устройство хичи, которое можно привезти с собой, изучить, скопировать и заработать на нем состояние. Но коммерческого рынка для оболочек сверхновых звезд или

межзвездных газовых облаков просто не существовало; эти штуки не помогали оплачивать счета.

Чтобы решить эту проблему, Корпорация «Врата» учредила научные премии для исследователей, возвращающихся со снимками и показаниями приборов, которые невозможно продать.

Со стороны Корпорации «Врата» это был очень находчивый шаг — платить за знания, не имеющие коммерческой ценности. А также хороший повод побудить испуганных голодных людей совершать смертоносные полеты в маленьких кораблях.

Корпорация действовала уже два года, и за это время состоялось свыше ста полетов, шестьдесят два корабля вернулись более или менее благополучно. (Не считая тех старателей, которые возвратились мертвыми, умирающими и выжившими от страха из ума.)

Корабли посетили по крайней мере сорок различных звезд — все типы звезд: молодые бело-голубые гиганты, огромные и короткоживущие, как Ригель, Спика или Альтаир; желтые звезды главной последовательности, как Процион А и его карликовый спутник Процион В; звезды типа

Ж, подобные Солнцу, и их гигантские родственники, как Капелла. Красные гиганты всех типов, от Альдебарана до Арктура, и их сверхгигантские двойники, как Бетельгейзе и Антарес… и их крошечные родственники — красные карлики, как Проксима Центавра и Волк 359.

Астрономы пришли в крайнее возбуждение. Результаты каждого полета триумфально подтверждали правильность того, что они знали о рождении и смерти звезд, и требовали коренного пересмотра того, что, как им казалось, они тоже знали, но на самом деле не знали. Хозяева Корпорации радовались значительно меньше. Конечно, хорошо раздвигать границы астрономической науки, но снимки двадцатого белого карлика выглядели точно так же, как снимки первого. Голодные миллиарды на Земле астрономическими фотографиями не накормишь. На орбите и так находилось уже несколько обсерваторий. И смотреть, как их результаты обесцениваются, тоже было неприятно.

Но даже Корпорация была довольна некоторыми данными, добытыми старателями.

Полет «Пульсар»

Первая крупная научная премия была выплачена человеку по имени Чу Янгбо, и он мог бы не получить ее, если бы не прошел несколько элементарных научных курсов, прежде чем обнаружить, что даже диплом колледжа в эти дни не позволяет получить приличную работу в провинции Шэньси.

Когда корабль Чу вышел из стадии полета быстрее скорости света, Чу нетрудно было определить, какую цель установил пилот хичи.

В сущности, видны были три объекта. И очень странные. Ничего подобного первому из них Чу никогда не видел, даже на голограммах в своем астрономическом курсе. И ни один человек не видел, разве что в воображении. Объект неправильной формы — конусообразный столб света, и даже на экране от него болели глаза.

Больше всего это походило на луч прожектора в тумане. Когда Чу присмотрелся внимательнее и увеличил изображение, он увидел, что есть еще один такой луч, более слабый и туманный, уходящий в противоположном направлении. А в центре, откуда исходили оба луча, находился третий объект, такой маленький, что его почти

не видно.

Чу увеличил изображение до максимума и разглядел, что в центре находится крошечная болезненного цвета звезда.

Для нормальной звезды она слишком мала. Чу потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он находится рядом с пульсаром.

И тут он вспомнил свой курс «Астрономия. 101-й урок». В середине двадцатого века Субрахманьян Чандрасекар рассчитал процесс рождения нейтронной звезды. Модель его была простой. Большая звезда, говорил Чандрасекар, тратит весь свой запас водородного топлива и коллапсирует. Внешнюю свою оболочку она сбрасывает как сверхновая. То, что остается, сжимается к центру почти со скоростью света, большая часть массы звезды оказывается спрессованной в объеме планеты, даже меньше, почти как несколько гор. Этот особый вид коллапса может происходить только с большими звездами, рассчитал Чандрасекар. Они должны составлять не менее 1,4 массы Солнца, и это число было названо пределом Чандрасекара.

После взрыва сверхновой и коллапса остается объект с массой звезды и объемом астероида, это и есть нейтронная звезда. Он стиснут такой

невероятной силой тяготения, что электроны его атомов вдавились в протоны, создав частицы без заряда, которые называются нейтронами. Плотность его так велика, что один кубический дюйм весит не менее двух миллионов тонн: все равно что стиснуть массу огромного старинного супертанкера в пластинку размером с монету. Покинуть нейтронную звезду нелегко: ее огромная масса все притягивает к поверхности, и скорость убегания достигает 120 миллионов миль в секунду. Больше того: ее энергия вращения тоже «сжалась». Бело-голубой гигант, который делал один оборот вокруг оси за неделю, превратился в сверхтяжелый объект размером с астероид, вращающийся со скоростью много раз в секунду.

Чу знал, какие наблюдения ему нужно сделать: магнитные поля, рентгеновские лучи, инфракрасное излучение и многое другое. Наиболее важны оказались данные магнитометра. У нейтронной звезды поверхность состоит из сверхтекучей жидкости, и поэтому, вращаясь, она создает мощное магнитное поле — точно как Земля. Конечно, не совсем как Земля, потому что магнитное поле нейтронной звезды тоже сжато. Оно в триллион раз мощнее поля Земли. И, вращаясь, оно порождает излучение. Но это излучение

не может исходить от всей поверхности звезды одновременно, этому мешают магнитные поля. Оно может уйти от нейтронной звезды только на южном и северном магнитных полюсах.

Магнитные полюса объекта не обязательно совпадают с полюсами его вращения. (Северный магнитный полюс Земли находится в сотнях миль от точки, где встречаются меридианы.) И вот вся излучаемая энергия нейтронной звезды собирается в одной точке, часто вдалеке от полюсов вращения.

Это объясняло зрелище, которое увидел Чу. Конусы — это два луча, исходящие из северного и южного магнитных полюсов звезды, которая находится между ними. Конечно, Чу видел не сами лучи. Он видел освещенные ими облака газа и пыли.

Самое главное было в том, что Чу увидел их так, как не мог увидеть ни один земной астроном. С Земли можно увидеть луч нейтронной звезды, только находясь на краю конического объема, который описывает луч при вращении. Да и то увидишь при этом только высокочастотные вспышки, которые первые наблюдатели приняли за сигналы космического разума. Они назвали этот сигнал МЗЧ (маленькие зеленые человечки),

пока не разобрались, что это на самом деле тип звездного поведения.

И тогда такие объекты назвали пульсарами.

За свое открытие Чу получил научную премию в четыреста тысяч долларов. Он не был алчен. Получив премию, он вернулся на Землю, где начал новую карьеру, выступал с лекциями в женских клубах и в колледжах, рассказывая о том, что значит быть старателем на Вратах. Он имел большой успех, потому что одним из первых вернулся на Землю живым.

Вернувшимся позже повезло не так.

Полет «Ореол»

В некоторых отношениях полет «Ореол» самый печальный и прекрасный из всех. Корабль списали как потерянный, но это оказалось неверным. Потерялся не корабль, а только экипаж.

Корабль был небронированным трехместным. Когда он вернулся, это, конечно, вызвало удивление. Корабль отсутствовал больше трех лет. Такой долгий полет не мог пережить никто. Действительно, никто и не пережил. Когда причальная команда Врат открыла люк, отшатнувшись от вони изнутри, оказалось, что Ян Марикевич, Рольф Стрет и Лех Шеликович оставили записки

о своих испытаниях. Их прочли другие старатели с сочувствием, а астрономы с радостью.

«Когда наступил двухсотый день полета, а поворотного пункта не было, Стрет записал в своем дневнике: «Мы поняли, что удача нас покинула». Мы бросили жребий. Я выиграл. Может, следовало бы сказать, что я проиграл, но Ян и Лех приняли свои пилюли самоубийства, и я поместил их тела в холодильник.

Поворотный пункт наступил на 271-й день. Я точно знал, что и мне не дожить до конца пути, хотя я остался в корабле один. Поэтому я настроил все на автоматику. Надеюсь, она сработает. Если корабль вернется, пожалуйста, отправьте наши письма».

Так уж получилось, что и письма, оставленные экипажем, не были отправлены. Их некому было получать. Все письма были адресованы другим старателям Врат, которые вместе с членами экипажа прибыли на одном корабле из Центральной Европы. И этим старателям всем не повезло. Все погибли в своих полетах.

Но данные, которые привез корабль, принадлежали всему миру.

Автоматика, налаженная Стретом, сработала. Корабль достиг пункта назначения. Инструменты

тщательно все обследовали. Затем автоматически включилась программа возвращения, а труп Стрета, разбухший, тем временем лежал у приборов.

Записи показали, что корабль вылетел за пределы Галактики Млечного Пути.

Он привез первые снимки нашей Галактики, сделанные снаружи. На снимках видно было несколько слабых звезд и одно отдаленное шаровое звездное скопление — звезды и скопления образуют сферический ореол вокруг нашей Галактики, — но прежде всего видна была сама Галактика Млечного Пути, от ядра до спиральных рукавов, огромный осьминог со знакомыми щупальцами: рукав Персея, рукав Лебедя, рукав Стрельца (с нашим собственным маленьким рукавом Ориона, в небольшом выступе которого находится Земля), а также огромный далекий рукав, которого земные астрономы никогда не видели. Вначале его называли просто Далекий рукав, но потом переименовали в рукав Стрета — Марикевича — Шеликовича в честь погибших первооткрывателей. А в центре огромного тела осьминога находилась звездная масса, отороченная газовыми и пылевыми облаками; там зарождались новые спиральные структуры,

которые через сотни миллионов лет могут превратиться в рукава.

В центре видны были и другие, еще более интересные подробности, но тогда они остались неузнанными, пока некоторые другие события не заставили человечество пристальней присмотреться к ядру Галактики. Снимки получились прекрасные.

Так как из полета «Ореол» никто не вернулся живым, не было даже научной премии, но Корпорация «Врата» объявила о специальном исключении из правила. Пять миллионов долларов были предназначены для наследников Марикевича, Шеликовича и Стрета.

Конечно, жест был щедрый, но, как выяснилось, еще и обошелся дешево. Премия осталась невостребованной. Подобно многим другим старателям, у тройки с корабля не было семей, наследников найти не смогли, и казначей Корпорации молча и философски вернул деньги в общий фонд.

Первой, лучшей и самой яркой надеждой любого исследовательского экипажа было отыскать хорошую планету с сокровищами на ней. Кое-кому это удавалось, конечно, но заняло это немало времени. Большинство экипажей возвращалось

только с фотографиями и рассказами об испытаниях — если возвращалось вообще.

Но кое-что из увиденного ими было удивительно. Воля Шадчук в одноместнике побывала в сердце планетарной туманности, зеленоватой от излучения атомов кислорода, и получила премию в пятьдесят тысяч долларов. Билл Мерриан видел рождение новой, газы красного гиганта всасывались в белый карлик; к счастью, к этому моменту всосалось недостаточно материи для взрыва, но он получил премию в пятьдесят тысяч плюс добавочные десять тысяч «за опасность». И были еще Грантланды.

Их было пятеро, Грантландов: двое братьев, их жены и старший сын одной из пар. Они достигли шарового скопления — десять тысяч старых звезд, в основном красных, в основном приближающихся к закату в нижней правой части диаграммы Гершпрунга — Рассела. Скопление было окружено гигантским ореолом, и, конечно, полет получился долгим. Никто из Грантландов не выжил. Полет в один конец занял 314 дней, и к этому времени все они были живы (хотя жили на сокращенных рационах). Они сделали снимки. Последняя из них, молодая вторая жена одного из братьев, умерла через тридцать три дня на

обратном пути. Но снимки уцелели.

Не больше повезло трем сестрам Шен. Они тоже не вернулись. Опять-таки вернулся их корабль, но измятый и обожженный, и тела сестер были неузнаваемы.

Но и они перед смертью сделали несколько снимков. На снимках была изображена большая туманность — специалисты определили, что это туманность из созвездия Орион, видимая с Земли невооруженным глазом (американские индейцы называли ее «Курящая Звезда»). Сестры Шен должны были сразу понять, что у них неприятности, как только вышли из полета, потому что вокруг не было обычного космоса. Вокруг было то, что люди на Земле называют вакуумом, но все же в каждом кубическом сантиметре было не менее трехсот атомов, во много раз больше, чем должно быть в межзвездном пространстве.

Тем не менее сестры осмотрелись и начали снимать. Но снимали недолго. У них на это не было времени.

В туманности Орион есть четыре ярких молодых звезды, так называемая Трапеция. В такой туманности газовые облака собираются вместе, и из них рождаются звезды. Астрономы предположили, что хичи знали это и корабль хичи был

направлен сюда, потому что астрономов хичи интересовали условия рождения звезд.

Но хичи запрограммировали корабль полмиллиона лет назад.

Многое произошло за эти полмиллиона лет. В туманности Орион появилось пятое тело, «почти» звезда. Она возникла после того, как хичи бросили последний взгляд на этот район. Новое тело было названо «объект Беклин — Негебауера»; он находился на начальной стадии реакции сжигания водорода, которая шла меньше ста тысяч лет. И похоже, сестрам Шен не повезло: они появились чуть не в самой середине этого объекта.

Полет «Обнаженная черная дыра»

В экипаж входили Вильям Сакецу, Марианна Морзе, Хол М'Буна, Ричард Смит и Ирина Малатеста. Все были в полетах раньше — Малатеста пять раз, — но в тех полетах им не везло. Никто не заработал достаточно, чтобы оплатить счета Врат.

Поэтому для своего нового полета они выбрали бронированный пятиместник с хорошим прошлым. Предыдущий экипаж этого корабля заработал большую научную премию; он сумел подойти достаточно близко к новой в процессе взрыва, хотя не настолько близко, чтобы по-

гибнуть. Члены экипажа получили свои семь с половиной миллионов долларов и, радостные, вернулись на Землю. Но перед отлетом дали своему кораблю имя. Они назвали его «Победа».

Когда Сакецу и остальные добрались до конца маршрута, они прежде всего принялись искать планету — или звезду, или артефакт хичи, или любой интересный объект, который мог бы служить целью маршрута.

Они были разочарованы. Ничего подобного не было видно. Конечно, видны были звезды. Но ближайшая — в восьми световых годах. По всем данным, они оказались в самом пустом и скучном районе межзвездного пространства Галактики. Даже газовых облаков поблизости не было.

Они не сдавались. Это были опытные старатели. Целую неделю они проверяли любые возможности. Во-первых, они убедились, что не пропустили ближайшие звезды: при помощи интерферометров измерили диаметр некоторых самых ярких звезд; по спектру определили их типы; сопоставление этих данных дало им расстояние до звезды.

Их первое впечатление оказалось верным. Они вынырнули в очень пустом участке неба.

Виден был только один замечательный объект

— Марианна употребила слово «великолепный» — шаровое скопление. В поперечнике нескольких сотен световых лет сплетались орбиты тысяч ярких звезд. Зрелище, несомненно, было великолепное. Оно доминировало на небе. И оказалось гораздо ближе к ним, чем любой другой подобный объект на памяти человечества. Но до него было не менее тысячи световых лет.

Это шаровое скопление вдохновило старателей. Оно, конечно, далеко от Сакецу и экипажа «Победы», но по стандартам земных астрономов — совсем рядом. Шаровые скопления находятся на краю Галактики. В тесных спиральных рукавах, как тот, в котором расположена Земля, их нет. Самое близкое в двадцати тысячах световых лет от Земли, а это — в двадцать раз ближе и, следовательно, согласно закону обратных квадратов, в четыреста раз ярче. Не очень крупный экземпляр, какими бывают шаровые скопления, — самые большие из них включают миллионы звезд; это скопление было гораздо меньше. Но все равно достаточно велико, чтобы вызывать восхищение.

Но для инструментов «Победы» оно было недостаточно близко и велико, чтобы обнаружить что-то такое, чего не смогли обнаружить земные

астрономы в обсерваториях с гораздо более мощными оптическими системами.

Поэтому почти не было шансов на то, что инструменты «Победы» смогут заработать своему экипажу приличную научную премию. Тем не менее инструменты сделали что могли. Экипаж упрямо заставил их работать. Они фотографировали скопление в красном свете, в синем свете, в ультрафиолетовом освещении и в нескольких полосах инфракрасного. Они замеряли радиоизлучение на тысячах частот, измеряли гамма-лучи и рентгеновские лучи. И вот, в один из периодов сна, когда только Хол М'Буна работал у инструментов, он увидел то, что принесло этому полету премию.

Крик его разбудил весь экипаж.

— Что-то пожирает скопление!

Марианна Морзе первой добралась до экранов, весь экипаж столпился за ней. Туманный круг скопления больше не был кругом. В его нижней кромке появилась дуга. Похоже на печенье, откушенное ребенком.

Прямо у них на глазах происходили изменения. Звезды скопления не исчезали. Они медленно раздвигались, словно уступали кому-то путь.

— Боже мой, — прошептала Марианна. — Мы

на орбите вокруг черной дыры.

Тут они прокляли потраченную неделю, потому что поняли, что это означает. Большие деньги! Черная дыра! Один из редчайших (и потому один из наиболее высоконаграждаемых научной премией) объектов в наблюдаемой вселенной — ведь черные дыры, в сущности, ненаблюдаемы.

Черная дыра совсем не «черная» в том смысле, в каком бывает черным смокинг или чернильная клякса на бумаге. Черная дыра гораздо чернее. Ни один человек не видел настоящей черноты, потому что чернота — это отсутствие всякого света. Ее невозможно увидеть. В ней нечего видеть. Самая черная краска отражает немного света — черная дыра ничего не отражает. Если вы попытаетесь осветить ее самым ярким светом во вселенной — сконцентрируете весь свет квазара в единый луч и направите на нее, — вы ничего не увидите. Гигантская гравитация черной дыры всосет весь свет, и тот не выйдет наружу. Не сможет.

Все дело в скорости убегания. Скорость убегания на Земле составляет семь миль в секунду; на нейтронной звезде — 120 000 миль в секунду. Но скорость убегания на черной дыре выше скорости света. Свет не «падает назад», как камень, брошенный со скоростью меньше скорости убега-

ния, падает на Землю. Световые лучи загибаются тяготением. Радиация просто вращается вокруг черной дыры, бесконечно кружит по спирали, но никогда не освобождается.

А когда черная дыра проходит перед, скажем, шаровым скоплением, она не закрывает скопление. Она просто загибает вокруг себя его световые лучи.

Если экипаж «Победы» и потратил неделю, у него все равно оставалось припасов на пять дней, прежде чем пуститься в обратный путь к Вратам. И экипаж использовал их полностью. Они измеряли данные черной дыры, хотя и не видели ее. И когда вернулись назад, на Врата, обнаружилось, что один, всего один из их снимков оправдал все.

За снимки шарового скопления они получили премию в пятьсот тысяч долларов. Но один снимок, сделанный случайно, автоматически, показал, что происходит, когда черная дыра закрывает яркую звезду типа Б-4 в нескольких сотнях световых лет. Звезда не двигалась ни вверх, ни вниз. Случайно она прошла точно за черной дырой. Ее свет окружил дыру ореолом, и это дало возможность измерить размер дыры…

А потом, спустя много времени после их воз-

вращения на Врата, исследовательская группа, изучавшая результаты, наградила их еще половиной миллиона, сообщив, что им невероятно повезло.

Марианна Морзе удивлялась: зачем хичи понадобился бронированный пятиместник, чтобы навещать это безвредное место. Ответ: оно не всегда безвредное.

Посещать большинство черных звезд небезопасно. Они втягивают газы кольцами, эти газы все время ускоряются и производят сильную радиацию. Эта дыра тоже так поступала. Но она втянула все газы по соседству. Не осталось ничего, что могло бы впадать в нее, порождая смертоносную радиацию, которая способна поджарить экипаж даже в бронированном пятиместнике, если он хоть немного задержится… и экипажу «Победы», который этого не знал, неожиданно повезло. Корабль прибыл в район черной дыры после того, как она все вокруг сожрала, и потому члены экипажа вернулись живыми.

За первые двадцать лет существования Корпорация «Врата» выплатила свыше двухсот астрономических научных премий на общую сумму почти в миллиард долларов. Она платила за двойные звезды и за оболочки сверхновых,

платила за первый образец любого типа звезд.

В каталоге есть девять типов звезд, и их легко запомнить по мнемонической строчке «Один Бритый Англичанин Финики Жевал Как Морковь»[6], которая перечисляет весь диапазон от самых молодых до самых долгоживущих звезд. Звездные классы от A до тусклых маленьких холодных M не приносили никакой премии, если не было в данной звезде чего-то особо примечательного, потому что это самые обычные звезды. Огромное большинство звезд — тусклые, маленькие и холодные. Напротив, классы O и B означают горячие молодые звезды и всегда приносят премии, потому что они редки. Но Корпорация «Врата» обещала двойные премии за классы P и W: P — газовые облака, еще только конденсирующиеся в звезды; W — горящие пугающие звезды типа Вольф-Райе. Это новые звезды, часто гиганты, к ним опасно приближаться ближе чем на несколько миллиардов миль.

Старатели, которым повезло, получали научные премии. Получали их и те, кто оказывался возле известных объектов, во всяком случае, если

---

[6] Примечания: 6

Английская строчка такова: Pretty Woman, Oh, Be A Fine Girl, Kiss Me. Как видно, здесь на два класса — P и W — больше. Объяснение — в тексте. — *Примеч. пер.*

они были там первыми. Вольфганг Аретов первым оказался вблизи системы Сириуса, и земные астрономы пришли в восторг. Звезды Сириус А и Б (Бесселевы спутники) интенсивно изучались столетиями, потому что главная звезда — самая яркая звезда земного неба. Данные Аретова подтвердили выводы астрономов: Сириус А — звезда с массой в 2,3 солнечной, Б — только одна солнечная масса, но это белый карлик с температурой поверхности свыше двадцати тысяч градусов. Аретов получил полмиллиона за то, что дал астрономам знать, что они были правы. Позже Салли Киссендорф получила сто тысяч за первый хороший снимок крошечного (ну, три солнечные массы, конечно, не совсем крошечный; но рядом с огромной главной звездой он почти невидим) компаньона Зеты Возничего. Она получила бы больше, если бы компаньон в это время вспыхнул, но, возможно, не стоило там оказываться в это время, потому что она бы просто не выжила. Снимок маленькой звезды Лебедь А принес Мэтту Полофски всего пятьдесят тысяч — звезды красные карлики малоинтересны. Даже близкие и хорошо известные. А Рейчел Моргенштерн с мужем и тремя взрослыми детьми заработали полмиллиона за снимки цефеиды Дельты. Цефе-

иды не редки, но Моргенштерны оказались рядом в тот момент, когда поверхностные слои звезды утрачивали прозрачность из-за сжатия.

Были также полеты, заканчивавшиеся в облаках Оорта.

Облака Оорта — это массы комет на далеких от звезды орбитах; в Солнечной системе Земли облако Оорта начинается на удалении в полсветового года от Солнца. В обычном облаке Оорта очень много комет. Триллионы. Их масса примерно равна общей массе планет, и почти каждая звезда имеет облако Оорта.

Казалось, они очаровывали хичи.

За первые двадцать лет действия Врат не менее восьмидесяти пяти полетов заканчивались в облаках Оорта и вернулись, чтобы сообщить об этом.

Для старателей это было большим разочарованием, потому что после десятого такого полета Корпорация перестала выплачивать за них премии. Поэтому старатели, вернувшиеся из облака Оорта, жаловались. Они не понимали, почему хичи так много полетов программировали в эти скучные облака.

Естественно, они и понятия не имели, насколько им на самом деле повезло, прежде чем не было

установлено, что по поразительным причинам большинство кораблей, улетавших в облака Оорта, вообще не возвращались.

Те старатели, которые получили часть этого миллиарда долларов, были довольны. Но на самом деле это была мелочь. Корпорация «Врата» была создана для получения прибыли. По той же причине прилетали на астероид и старатели, а от снимков объектов, находящихся за миллионы миль, прибыли не получишь. Большие деньги приносили планеты, особенно посадка на них, — и нужно было привезти с собой то, из чего можно сделать деньги.

Ни у Корпорации «Врата», ни у отдельных старателей выбора не было. Получение прибыли — главное правило выживания, и не старатели и не Корпорация придумали эти правила. Правила исходят от природы самого мира.

Часть пятая. На родной планете

Гомо сапиенс возник на планете Земля, и эволюция постаралась, чтобы все его особенности подходили к условиям именно Земли, как ключ к замку. Три миллиарда лет дарвиновского отбора сделали это совпадение совершенным. И жизнь человека на Земле должна была бы стать раем.

Но не стала. Больше того, богатая Земля приближалась к банкротству. Она истратила свои богатства.

О, на Земле было множество миллионеров. Миллиардеров тоже: у этих людей денег было больше, чем они могли потратить, они могли нанимать сотни слуг, владеть целым округом в качестве заднего двора, платить за Полную Медицину, так что всю долгую жизнь в их распоряжении самые удивительные из чудес медицины, фармакологии и хирургической техники, которые делают их здоровыми, а их жизнь — долгой. Были сотни тысяч очень богатых и много миллионов зажиточных…

Но было еще десять миллиардов остальных.

Были люди, возделывавшие азиатские равнины и африканские саванны: они собирали

урожай, когда выпадал дождь, и войны проходили далеко, и насекомые-паразиты пожирали всходы где-нибудь в другом месте; а когда собрать урожай не удавалось, они умирали. Были люди, жившие в трущобах больших городов (слово «гетто» перестало быть метафорой), в барриос на окраинах мегаполисов Латинской Америки, в норах городов Востока. Эти люди работали, когда могли. Жили на милостыню, когда находили ее. Жили на самом дне пищевой цепочки — рис и бобы, ямс и ячмень; если были деньги, покупали одноклеточный протеин, который вырабатывали на основе нефти пищевые шахты, и каждый час каждого дня своей жизни они были голодны. А жизнь их была коротка. Бедняки не могли позволить себе лечение. Если повезет, они находили бесплатные клиники или дешевых врачей, чтобы получить таблетку или вырезать аппендикс. Но когда их органы изнашивались, перед ними возникала альтернатива. Либо жить без этого органа, либо умереть. Бедняки не могли позволить себе трансплантат. Им еще везло, если ночью их не подстерегали в темном переулке, чтобы превратить в трансплантаты для богачей. Этим занимались самые отчаянные.

Таким образом, на Земле было два вида че-

ловеческих существ. Если вам принадлежало несколько тысяч акций «Петрофуд» или «Хемуэй», у вас ни в чем не было недостатка, даже в здоровье, потому что вы могли позволить себе Полную Медицину. Но если нет…

Если нет акций, следовало иметь работу. Любую работу.

Получить работу — это утопическая мечта миллиардов безработных, но для тех, у кого работа была, обычно она была трудной и скучной, калечила душу и отнимала здоровье. Многие работали на пищевых шахтах, они извлекали из земли топливо и выращивали в гидроуглеродном содержимом одноклеточные протеиновые водоросли. Но когда работаешь на пищевых шахтах, дышишь тем же гидроуглеродом — это все равно что жить в закрытом гараже, в котором непрерывно работают моторы, — в таком случае ты, вероятно, умрешь молодым. Работа на фабриках немного лучше, хотя самую сложную и безопасную работу по экономическим причинам обычно выполняли автоматы, потому что стоили дороже и их труднее заменить. Была даже возможность работать в домах. Но слуга в доме богача — это раб, по-рабски знакомый с роскошью и изобилием и по-рабски отчаявшийся получить это самому.

Но все же, у кого была хоть такая работа, считали себя счастливыми, потому что семейные фермы — это лишь способ несколько оттянуть голодную смерть, а в развитом мире уровень безработицы необычайно высок. Особенно в городах. Особенно среди молодежи. Поэтому если вы богаты или просто зажиточны, то во время перелета из Нью-Йорка в Париж или Пекин вы видите бедняков, только когда между полицейскими заграждениями проходите в отель или к ожидающему вас такси.

Вам не обязательно так поступать. Полицейские заграждения односторонни. Если вы решите пройти через них, вас пропустят. Седой пожилой коп может попробовать убедить вас, что это не очень хорошая мысль, если он благодушно настроен. Но если вы будете настаивать, вас не остановят.

И тогда вы предоставлены сами себе. Это означает, что вы немедленно оказываетесь в шумном, дурно пахнущем грязном зоопарке без решеток, вас поглощает толпа орущих торговцев, вам предлагают наркотики, пластиковые изображения Великой стены, Эйфелевой башни или Нью-Йоркского купола, самодельные безделушки, колдовские снадобья, услуги проводников,

купоны в ночные клубы и — очень часто — самих себя. Первая такая встреча для члена привилегированного класса — очень страшное испытание. Впрочем, не обязательно опасное. Полиция все же не позволит, чтобы вас убили или ограбили — пока вы на виду.

Очень часто бедняки не повредят вам, даже если уговорят отойти от полицейских кордонов, особенно если вы пообещаете им возможность заработать. Но это не гарантировано. Большинство бедняков просто в отчаянном положении.

Конечно, для богатых мир выглядит совсем по-иному. Так было всегда. Богатые проживали долгие здоровые жизни; когда их органы изнашивались, их заменяли трансплантаты. Они жили в благоприятном климате под куполами больших городов, если хотели, или плавали по теплым и еще не загрязненным южным морям, или даже путешествовали из чистого любопытства в космосе. Когда случались войны (а они случались часто, особенно маленькие, хотя бывали, конечно, и крупные), богатые пережидали где-нибудь, пока война не кончится. Они считали это своим долгом. В конце концов, ведь они платят налоги — когда не могут от этого уклониться, конечно.

Главная беда богатых заключалась в том, что

не все бедняки соглашались на бедность. Многие пытались улучшить свое положение, и часто с помощью насилия.

В Америке процветающей отраслью снова стали похищения. А также вымогательство. Когда требовали деньги, приходилось платить, иначе кто-нибудь из укрытия прострелит вам колено (или сожжет ваш дом, или подложит бомбу в ваш фланер, или отравит вашу любимую собаку). Мало кто из платежеспособных теперь отправлял детей в школу без охраны. Это дало полезный побочный эффект. Помогло отчасти разрядить ситуацию с безработицей, так как несколько миллионов вымогателей переоделись в формы и начали получать деньги за защиту своих нанимателей от вымогательства.

И конечно, существовал политический терроризм. Он расцвел на той же почве, что и похищения и вымогательство. Среди апатичного большинства безземельных и голодных всегда находились немногие, которые объединялись, чтобы отомстить имущим от имени неимущих. Захватывались заложники, правительственных чиновников расстреливали из засад, в небе взрывались самолеты, отравлялись резервуары, заражались запасы пищи… о, террористы изоб-

рели тысячи хитроумных способов, и все они опустошительные — по крайней мере, для тех, кому было что терять.

Тем не менее, несмотря на все страхи и неудобства, имущие сохраняли жизнь. У большинства остальных и на это не было надежды.

И вот в жизнь этой кипящей перенаселенной планеты вошли Врата.

Для более чем десяти миллиардов жителей истощенной Земли Врата оказались неожиданной надеждой на рай. Подобно золотоискателям 49-го года, подобно голодным ирландцам, садившимся от картофельного голода на эмигрантские корабли, подобно фермерам, пионерам американского Запада, подобно всем эмигрантам в истории человечества, голодные миллиарды готовы были идти на любой риск — ради богатства, если его можно получить, или просто ради шанса накормить и одеть своих детей.

А богатые поняли, что появилась возможность стать еще богаче. Вначале возникли серьезные проблемы. Правительства, запускавшие ракеты к другим планетам и позже поддержавшие операции Врат, считали, что именно им принадлежат все открытия, сделанные на Вратах. Богачи, которым принадлежали правительства, были с этим

не согласны.

Начались продажи, покупки, мошенничества (и убийства, поскольку ставки были очень велики). Пришлось заключать компромисс. Заключили договоры; и вот из стремлений всех, кто рвался к неограниченным богатствам, которые обещала Галактика, возникло новое изобретение — Корпорация «Врата».

Принесли ли Врата пользу беднякам Земли?

Вначале не очень большую. Они дали каждому немного надежды — надежды выиграть в лотерею, хотя мало кто мог позволить себе даже купить билет лотереи. Но прошло немало времени, прежде чем каждый крестьянин или житель трущоб стал хоть на пенни богаче, получил хоть немного дополнительной еды благодаря тому, что оставили хичи.

В сущности, известие о том, что имеются богатые незаселенные планеты, оказалось для кишащих миллиардов Земли скорее мучительным, чем полезным. Пригодные для жизни планеты были слишком далеко. Их можно было достичь только в полете со скоростью выше световой. И хотя люди усовершенствовали кое в чем космическую технику хичи (например, использовали петли Лофстрома, чтобы попасть

на орбиту, и тем щадили окислявшиеся озера и озоновый слой), ни у кого не было ни малейшего представления, как построить корабль хичи. А кораблей на Вратах было мало, и они были слишком малы, чтобы перенести заметную часть населения к новым планетам.

И вот немногие старатели становились богатыми, если не становились мертвыми. Некоторое количество богачей быстро увеличивали состояния еще больше. Но большинство нищих оставалось на Земле. И в таких городах, как Калькутта, с ее двумястами миллионами жителей, на фермах и пастбищах Африки и Востока голод оставался фактом жизни, а терроризм и нищета все усиливались.

Часть шестая. Другие миры

Как всегда говорят нам учителя, самое длинное путешествие начинается с первого шага. Первый шаг с астероида Врата — первый исследовательский полет человека в корабле хичи — не планировался, не был разрешен и, конечно, не был благоразумен.

Человека, который сделал этот шаг в неизвестное, звали старший лейтенант Эрнест Т. Каплан. Он был офицером крейсера космических сил США «Роанок». Каплан не был ученым. Настолько не был, что получил строжайший приказ не притрагиваться ни к чему на астероиде Врата. Оказался же он на астероиде потому, что его назначили охранять, не позволять никому притрагиваться, пока не явятся ученые с Земли и не выяснят, что здесь такое.

Но Каплан был очень любопытен и, что еще важнее, имел доступ к кораблям. И однажды, когда ему нечего было делать, он забрался в корабль, в котором случайно оказались запасы пищи, воздуха и воды, просто на случай, если кто-то захлопнет люк и останется внутри. Каплан некоторое время думал о старом Сильвестре Ма-

клине. Из любопытства он принялся открывать и закрывать разные ящички. Потом немного поиграл с сучковатыми колесами, глядя, как меняются цвета.

А потом сжал у основания странно выглядящий предмет.

Позже более опытные пилоты назвали его «стартовым выменем». Нажав его, старший лейтенант Каплан стал вторым человеком, полетевшим в космическом корабле хичи. Он исчез.

Девяносто семь дней спустя он вернулся на астероид Врата.

Чудо, что он смог вернуться; еще большее чудо, что он остался жив. Запасы корабля были рассчитаны на несколько дней, не на месяцы. Для питья он вынужден был собирать конденсацию собственного пота и дыхания, каплями оседавшую на стенах. Последние пять недель он вообще ничего не ел. Он был тощ, грязен и почти выжил из ума…

Но он побывал там. Его корабль вышел на орбиту вокруг планеты маленькой красной звезды; планета получала так мало света, что казалась серой, с клубящимися желтыми облаками — немного похоже на то, как выглядели бы Юпитер, Сатурн или Уран, если бы находились от Солнца

так далеко, как сумеречный Плутон.

Первой реакцией правительства Соединенных Штатов было отдать его под суд военного трибунала. Он явно этого заслужил. Он даже ожидал этого.

Но прежде чем суд успел собраться, средства массовой информации разнесли новость, что парламент Бразилии в целях поддержки исследований Галактики присудил Каплану премию в миллион долларов. Тут же Советы не только сделали Каплана своим почетным гражданином, но и пригласили в Москву для получения ордена Ленина. Дамба была прорвана. Все телевизионные экраны были полны им, все государства приглашали его в гости.

Невозможно предать суду героя.

И вот президент США произвел лейтенанта Каплана в полковники, а потом в генералы тем же приказом, который навсегда привязал полковника (генерала) Каплана к Земле. Потом президент пригласил все космические государства на конференцию для совместного решения проблемы.

В результате появилась Корпорация «Врата».

Полковник Каплан, как и все до него, не заметил одного очень существенного обстоятельства: что каждый корабль хичи, по существу, представлял

собой два корабля. Часть первая — межзвездный корабль, летящий со скоростью быстрее света к запрограммированной цели. Часть вторая — небольшой и гораздо более простой посадочный аппарат, который находится у основания космического корабля.

Сами космические корабли, с их невоспроизводимым двигателем для полета быстрее света, оказались за пределами понимания земных ученых. Прошло очень много времени, прежде чем люди поняли, как они работают. Те, кто особенно старался понять это, обычно погибали, потому что двигатели корабля взрывались. Посадочные аппараты оказались гораздо проще. В основном это были обычные ракеты. Правда, курсоуказатель был сделан тоже хичи, но им управлять было еще проще, чем космическим кораблем. Старатели вполне успешно пользовались аппаратами, хотя и не знали, как они работают, точно так же, как любой семнадцатилетний подросток может вести машину, нисколько не разбираясь в ее устройстве.

Итак, когда старатель Врат после полета быстрее света оказывался в окрестностях привлекательной планеты, он мог использовать посадочный аппарат для той цели, для какой он и

был создан: спуститься на поверхность планеты и посмотреть, что она может предложить.

Именно для этого и существовали Врата.

Именно на планетах можно было отыскать бесценные предметы, которые старатели могли привезти с собой и превратить в состояние — и, естественно, увеличить состояние Корпорации.

Легко описать тип планеты, который они разыскивали. Они искали другую Землю. Или что-то похожее на Землю, способное поддерживать органическую жизнь, потому что неорганические процессы редко производят что-нибудь настолько ценное, чтобы его стоило привозить домой.

Самыми разочаровывающими планетами оказались самые близкие. Когда хичи явились в Солнечную систему, они тщательно осмотрели ее, и некоторые их корабли отразили это. В них были закодированы многие места Солнечной системы, которые люди могли бы посетить и сами, если бы захотели. В некоторых таких местах люди уже побывали в своих примитивных ракетах. Это Венера, Луна, южная полярная шапка Марса. Некоторые не стоили беспокойства, как спутник Сатурна Диона.

Старателям нужна была более крупная добыча. Им нужны были планеты, которые не видел еще

ни один человек. И они обнаружили их в ошеломляющем количестве.

Планеты, до которых они добрались на «Волшебном Автобусе», оказались самых разных форм и размеров. Они существовали в двух основных разновидностях. Камни на орбите (как Земля; прочные и пригодные для высадки) и несостоявшиеся звезды (как Юпитер; газовые гиганты, которые чуть-чуть малы, чтобы началась цепная ядерная реакция синтеза в их центре и превратила бы их в звезду). Конечно, ни один старатель с Врат не высаживался на газовую планету. Там не на чем высаживаться (жаль, потому что некоторые из них оказались очень интересными… но это совсем другая история).

Именно летающие камни исследовались так тщательно, как только могли это сделать несколько тысяч испуганных и торопящихся человеческих существ. Твердых планет оказалось много. К несчастью, на большинстве из них не было жизни. Они располагались слишком далеко от своего солнца и потому были вечно замерзшими; или, напротив, слишком близко, так что напоминали выжженную планету Меркурий. Многие имели слишком разреженную атмосферу (или не имели ее вовсе), как Марс (или Луна). У

некоторых были собственные спутники, как Луна у Земли. Некоторые цели полетов оказывались спутниками, но большими, достаточно большими, чтобы сохранить атмосферу и позволить высадку.

В нашей Галактике свыше двухсот миллиардов звезд, и огромное количество их обладает планетами того или иного типа. Даже корабли хичи не могли иметь программы посещения всех планет. В сущности, вряд ли даже одна планета из сотни тысяч становилась целью полета. Но все равно для посещений старателей Врат оставалось еще очень много, гораздо больше, чем смогли навестить несколько тысяч человек за несколько десятилетий.

Итак, первое открытие, сделанное старателями, — планет слишком много. Астрономы были рады узнать об этом, потому что это их всегда интересовало, и Корпорации за это открытие не пришлось даже платить премию. Нужно было просто суммировать все находки вернувшихся исследователей. Выяснилось, что двойные звезды, как правило, планет не имеют. Одиночные звезды, с другой стороны, как правило, имеют. Астрономы считали, что это имеет какое-то отношение к накапливанию момента вращения.

Когда из одного облака газа конденсируется чета звезд, они взаимно поглощают энергию вращения. Холостяки вынуждены распределять ее среди своих меньших спутников.

Не нашлось ни одной планеты, абсолютно земноподобной.

Существовало множество тестов для проверки этого, которые можно было применять на большом расстоянии. Например, измерение температуры. Органическая жизнь возможна лишь там, где вода существует в виде жидкости, а это создает узкую стоградусную полосу между 270 и 370 градусами Кельвина. При более низких температурах вода замерзает. При более высоких ее обычно вообще нет, потому что она испаряется, а солнечный свет — свет ближайшей звезды — откалывает от молекулы воды водород, и он рассеивается в космическом пространстве.

Это означает, что у каждой звезды есть узкая зона планетных орбит, которые достойны исследования. Планетам все равно, смогут ли они иметь жизнь; когда они конденсируются из газового облака, большинство располагается либо ближе этой зоны жизни, либо дальше, в пространстве за ней.

* * *

Почти вся чуждая жизнь основана, как и земная, на химизме атомов углерода. Углерод лучше всех образует длинные молекулы-цепочки, и, к счастью, его так много, что он один из самых распространенных элементов во вселенной. В большинстве случаев у чуждой жизни есть и нечто подобное ДНК. Дело не в панспермии, а в том, что система типа ДНК дает наиболее дешевый и эффективный способ организмам для самовоспроизводства.

Итак, жизнь почти везде следует общим основным правилам. Вероятно, это потому, что начинается она всегда почти одинаково. Существует общий график возникновения жизни. Первый шаг — чисто химический: неорганические соединения вынуждены реагировать друг с другом под воздействием какого-то внешнего источника энергии — обычно это свет ближайшей звезды. Затем появляются примитивные одноклеточные организмы. Это всего лишь фабрики, которые перерабатывают сырье из неорганического супа, окружающего их. Они тоже используют энергию солнца (или какую-нибудь другую), и это все, что они делают для жизни. Поскольку они пользуют-

ся фотосинтезом, их можно назвать растениями.

Затем эти примитивные «растения» сами становятся богатым источником пригодных к усвоению соединений. Поскольку они сосредоточили наиболее аппетитные неорганические соединения в обработанной форме, лишь вопрос времени, когда некоторые из них выработают себе новую диету. Они перестают питаться материалами из окружающей среды и начинают поедать подобных себе, но более слабых, более примитивных родичей. Назовем эту новую группу существ животными. Первые животные обычно не очень велики. Они состоят из рта на одном конце и ануса на другом, а между — какая-то перерабатывающая система. Но это все, что необходимо им, чтобы питаться соседями.

Потом появляются более сложные существа.

Начинается эволюция. Выживают самые приспособленные, как почти точно изобразил Чарлз Дарвин, наблюдая за вьюрками на борту «Бигла». Растения продолжают создавать аппетитные химикалии, чтобы ими пировали животные, животные поедают растения и друг друга — но некоторые растения вырабатывают особенности, которые причиняют неприятности хищникам, и тогда такие растения выживают; а некоторые

животные учатся обходить эту защиту. Поздние поколения животных вырабатывают чувства, которые позволяют легче и быстрее находить добычу, и мышцы, чтобы хватать ее, и исключительно сложную систему поведения (как плетение паутины пауком или складывание добычи большой кошкой), и это делает их охоту все более и более успешной. (Потом, разумеется, растения, или травоядные, или более слабые хищники начинают создавать собственный защитный механизм: яд в листве кустарника, иглы дикобраза, легкие ноги газели.) Это соревнование становится все напряженнее — пока наконец некоторые животные не становятся «разумными». Но для этого требуется очень много времени… а старателям с Врат потребовалось очень много времени, чтобы отыскать их.

На многочисленных планетах, которые исследовали хичи — и которые спустя сотни тысяч лет посетили старатели Врат, — все эти основные варианты эволюции жизни проигрывались тысячи раз в тысячах разновидностей. Эти разновидности иногда бывали совершенно удивительными. Например, земные растения имеют одну бросающуюся в глаза общую особенность: они не передвигаются. Но нет никакой причины для

того, чтобы эта особенность была универсальной, и она ею не является. Старатели Врат обнаружили кусты, которые перекатываются с места на место, вонзают корни с одной стороны и вытаскивают с другой, как медленно движущееся перекати-поле в поисках более богатой почвы, воды и солнечного света. Земные животные обычно не используют фотосинтез. Но в морях других планет есть существа, похожие на медуз, которые днем плавают на поверхности и создают собственный гидроуглерод из солнца и воздуха, а ночью погружаются и поедают водоросли. Земные кораллы остаются на одном месте. Старатели нашли во вселенной существ, очень похожих на земные кораллы. Вблизи берега они разлетаются, чтобы есть и спариваться, а потом возвращаются в море и образуют коллективные крепости при приближении крупных морских хищников.

Большинство этих существ для старателей оказались бесполезны, ведь старателям нужны деньги. Но некоторые ими заинтересовались. Неплохо найти новый организм, который чего-то стоит и который легко перевезти. Не нужно тащить на Врата тонны материалов. Нужно доставить несколько пар животных или растений и размножить их на Земле, так как живые орга-

низмы готовы размножаться где угодно.

Зоопарки Земли начали расширяться, как и аквариумы и магазины домашних животных. Каждая фешенебельная семья стремилась иметь экзотические растения у себя на окне или какого-нибудь пушистого зверька с планеты далекого солнца.

Но прежде чем начинать торговать домашними животными, старателям предстояло их найти. А это было нелегко. Даже если жизнь явно возможна, она иногда бывает, а иногда нет. Проверить это можно путем поиска химических подписей в атмосфере. (О да, пригодная для жизни планета должна обладать атмосферой, но это нельзя считать серьезным ограничением: большинство планет в зоне жизни обладают атмосферой.) Если в атмосфере имеются способные вступать в реакцию газы например есть свободный кислород и определенные количества углерода и железа для реакции, — значит, можно считать, что существует источник постоянного пополнения этих гадов. Таким источником бывает жизнь.

(Позже старатели обнаружили исключения из этого простого правила… но не очень много.)

Первая же планета, на которой была обнаружена жизнь, с орбиты выглядела прекрасно. У нее

было все: голубое небо, синее море, белые облака и множество кислорода. Это означало, что его создают антиэнтропические (живые) организмы.

Старатели Анатоль и Себра Мирски и их партнер Леон Тилден возбужденно хлопали друг друга по спинам, готовясь к высадке. Это был их первый полет, и они сразу нашли сокровище.

Естественно, они отпраздновали это событие. Открыли единственную бутылку вина, которую прихватили с собой. Церемониально отметили свое открытие в корабельном журнале, подчеркнув его хлопком пробки. Планету они назвали Новая Земля.

Все шло хорошо. Им даже показалось, что они могут установить, в каком месте Галактики находятся (обычно ранние старатели этого не знали, ведь в Галактике не расставлены дорожные указатели). Но они заметили Магеллановы Облака в одном направлении и туманность Андромеды в другом, а в третьем направлении было яркое скопление, которое показалось им Плеядами.

Но празднование оказалось чуть преждевременным. Им не пришло в голову, что одного цвета, который на Земле бросается в глаза из космоса, здесь нет. Не было зелени.

Когда Себра Мирски и Леон Тилден вышли из

посадочного аппарата, они увидели голые скалы. Ничто не росло на поверхности. Ничто не двигалось. Ничто не летало в небе. Не было цветущих растений. Вообще не было растений. И не было почвы, на которой они могли бы расти. На этой планете почва еще не появилась.

Дополнительным разочарованием было то, что кислорода оказалось мало. Достаточно, чтобы определить с орбиты его наличие, но недостаточно, чтобы дышать. И хоть на Новой Земле нашлась жизнь, ее было совсем немного. Живые организмы нашлись в мелких прибрежных водах, и лишь первые смельчаки решались осваивать берег. В основном это были простые доклеточные и одноклеточные обитатели илистых морей, с немногими чахлыми растениями типа мхов, выбравшимися из литорали.

Беда Новой Земли была в том, что она слишком новая. Требовался еще примерно миллиард лет, чтобы она стала действительно интересной — и чтобы Тилден, Мирски и Корпорация «Врата» что-то заработали на своем любопытстве к ней.

Планеты легче всего давали возможность заработать, но на них же легче всего было погибнуть. Пока старатель оставался в корабле, он был относительно защищен от опасностей звездных

путешествий. Лишь когда он высаживался, он оказывался в неизвестном — и часто опасном — окружении.

Например, был

Полет «Красивый Яд»

Пятидесятилетний венесуэлец по имени Хуан Мендоза Сантамария первым из старателей Врат обнаружил действительно привлекательную на вид планету. Ему потребовалось сорок три дня, чтобы добраться до нее, он был один в одноместном корабле. Срок полета нормальный. Ему не грозило остаться без воздуха, воды или пищи. Беспокоило его лишь то, что он остался без денег. Мендоза потратил последнее на прощальную пирушку, перед тем как покинуть астероид. Если он вернется с пустыми руками, его ждет на Вратах мрачное будущее. Поэтому он перекрестился и прочел благодарственную молитву, когда ступил из посадочного аппарата на чуждую почву.

Он был благодарен, но не глуп. Поэтому он был также осторожен. Мендоза хорошо знал, что, если что-нибудь будет не так, его ждут серьезные неприятности. На протяжении многих световых лет нет никого, кто бы помог ему, вообще нет никого, кто знает, где он. Поэтому на поверхности

планеты он не снимал скафандра, и это спасло Хуана Мендозу.

Планета совсем не выглядела опасной. Оранжевые растения странной формы, далекие деревья (или просто очень высокая трава?) — все это выглядело безвредным, а опасных крупных животных явно не было. С другой стороны, не было видно и ничего прибыльного. Никаких признаков цивилизации — ни больших покинутых городов, ни дружественно настроенных разумных существ, ни артефактов хичи, ждущих, когда их подберут. Не было даже никаких металлических структур, искусственных или естественных, достаточно больших, чтобы их засекли приборы с орбиты. Но, уверял себя Мендоза, сам факт, что здесь вообще есть жизнь, достоин хоть какой-то научной премии. Он отметил наличие и «растительной», и «животной» жизни — во всяком случае, некоторые существа двигались, а некоторые были прочно закреплены в почве.

Он взял несколько образцов растений, хотя они были довольно неказисты на вид. Он с трудом добрался до «деревьев» и обнаружил, что у них мягкое, как у грибов, тело. Не было ни больших папоротников, ни подлинной травы, но большую часть почвы покрывало нечто вроде пушисто-

го мха, и в нем бегали какие-то существа. Все не очень крупные. Самое крупное, размером с ладонь, было названо Мендозой артроподом. Маленькие существа передвигались стаями, кормились еще более мелкими насекомоподобными существами, их покрывала густая «шерсть» из стеклянистых белых спикул — остроконечных игл; вообще они походили на стада крохотных овец. Мендоза почти с чувством вины поймал несколько таких малышей, убил их и вместе с образцами мелких насекомых, которыми они питались, поместил в контейнеры, которые отвезет на Врата.

Больше прихватывать было нечего. Единственное, чего у планеты было в изобилии, так это красота. Очень много красоты.

Планета располагалась очень близко — Мендоза оценивал расстояние в тридцать-сорок световых лет — к активному яркому газовому облаку, которое могло быть туманностью Ориона (это не так, но, как и туманность Ориона, это облако оказалось колыбелью ярких молодых звезд). Мендоза приземлился как раз в удобное время года и смог оценить красоту туманности: когда солнце планеты ушло за горизонт, с противоположной стороны взошла туманность. Она заняла

почти все ночное небо, как светящийся ковер цвета морской волны, вышитый бриллиантами, окаймленный царственной темно-бордовой каймой. «Бриллианты» — самые заметные звезды в туманности — яркостью превышали Венеру и Юпитер, как они видны с Земли. Они были точечными источниками света и не имели дисков. Смотреть на них было больно для глаз.

Эта красота поразила Мендозу. Он был не очень красноречивым человеком. Вернувшись и составляя отчет, он постоянно называл планету «красивое место», и так она и попала в атласы Врат — Красивое Место.

Мендоза получил свое: двухмиллионную премию за находку планеты и обещание дополнительных доходов от того, что последующие полеты найдут на Красивом Месте. Это могло выразиться в серьезной сумме. Согласно правилам Врат, если бы планета могла быть колонизированной, Мендоза получал бы с нее доходы до конца жизни.

Почти сразу же два пятиместника повторили его установку курса и проделали такой же полет.

Вот тогда название планеты изменили. Ее назвали Красивый Яд.

Последующие группы не были так осторожны,

как Мендоза. Они не ходили в космических костюмах. И у них не было естественной защиты, какая выработалась у фауны Красивого Яда. Местная жизнь готова была к встрече с опасностью: силиконовые иголочки не были украшением. Они были броней.

Жаль, что Мендоза не завершил свои радиационные измерения, потому что яркие молодые звезды в туманности излучали не только видимый свет. Они оказались мощными источниками ионизирующей радиации и жесткого ультрафиолетового излучения. Четверо из десяти исследователей спустились на поверхность, и у всех образовались вначале сильные ожоги, а потом и нечто похуже. Ко времени возвращения на Врата всем им нужна была полная замена крови, а двое из них, несмотря на такую замену, умерли.

Хорошо, что Мендоза оказался благоразумным человеком. Он не потратил свои два миллиона на дикую попойку в ожидании доходов, которые принесет ему колонизация планеты. На планете не могли жить люди. И поэтому доходы так и не поступили.

Полет «Пожар»

Из почти тысячи кораблей хичи, найденных на Вратах, только несколько десятков оказались бронированными, и почти все они были пятиместными. Бронированных трехместников было совсем немного, и когда Фелисия Монсанто, Крег Бегущий Олень и Дэниел Перси пускались в путь, они знали, что их полет может оказаться опасным; курсовая установка могла привести их в поистине отвратительное место.

Однако когда они вышли из полета быстрее света и осмотрелись, они на мгновение испытали восторг. Звезда, рядом с которой они появились, была очень похожа на Солнце, Ж-2 того же размера, что Солнце; корабль находился на орбите вокруг планеты в зоне жизни, и детекторы засекли металл хичи в больших количествах!

Самая большая концентрация металла содержалась не на планете. На астероиде с орбитой, выходящей за пределы эклиптики, — точно как Врата. Это должен был быть еще один покинутый парк кораблей хичи! И когда они подлетели к астероиду, то убедились, что их догадка верна…

Но они увидели также, что астероид пуст. Кораблей не было. Не было никаких артефактов.

Астероид, подобно Вратам, изрыт туннелями, но все туннели пусты. Больше того, сам астероид был в очень плохом состоянии, он словно был гораздо старше и больше испытал, чем Врата.

Загадка разрешилась, когда двое из экипажа, используя последние ресурсы, высадились на поверхность планеты.

Когда-то на планете была жизнь. Она сохранилась и сейчас, но скудная, — небольшое количество живых существ только в морях, водоросли и донные беспозвоночные, больше ничего. В какое-то время в прошлом планета была сожжена и опустошена… и преступник был хорошо виден.

В шести с половиной световых годах от планеты была обнаружена нейтронная звезда. Подобно большинству нейтронных звезд, это был пульсар. Корабль находился не на оси его излучения, и потому по излучению пульсар не мог быть обнаружен. Но он одновременно был радиоисточником, и инструменты корабля его засекли и показали, что это остатки сверхновой.

Остальную часть истории экипажу после возвращения рассказали специалисты Врат. Эту систему посетили хичи, но их отпугнуло дурное соседство. Когда хичи улетели — вероятно, они знали, что последует, — сверхновая взорвалась.

Планета была обожжена. Ее атмосфера была сорвана, моря почти полностью выкипели. Когда адская жара спала, кора планеты родила новую атмосферу, сконденсировались остатки водных паров, и на планету обрушился невероятный поток дождя, снося горы, прорывая долины, не оставляя ничего на своем пути… и все это произошло несколько сотен тысяч лет назад.

Монсанто, Бегущий Волк и Перси получили научную премию за свой полет — небольшую, сто шестьдесят тысяч долларов, и разделили ее на троих.

По стандартам Врат это несерьезные деньги. Достаточно, чтобы оплатить счета Врат в течение нескольких недель. Все трое сразу же отправились в новый полет, из которого не вернулись.

Вероятно, старатели Врат должны были знать, что гостеприимные земноподобные планеты гораздо реже опасных и злых. Это ясно показывала их собственная Солнечная система. Многому должны были научить их годы проекта Озма, когда пытались уловить радиосигналы из космоса.

Оказалось, что существует множество разновидностей враждебного окружения. Например, Эта Карина Семь. Планета подходящего размера, с воздухом и даже с водой — когда она не замерза-

ла. Но у Эты Карины Семь высокоэксцентричная орбита. Планета вся была покрыта льдом, хотя еще находилась на пути к своему ужасному афелию, и на ней бушевали страшные бури. Один посадочный аппарат вообще не вернулся. Три других были повреждены или потеряли по крайней мере по одному члену экипажа.

Мендоза был не единственным, кто находил планеты, красивые внешне, но ядовитые. Одна приятно выглядящая планета вся поросла растительностью, но эта растительность оказалась ядовитой. Она была гораздо ядовитее самых опасных земных растений. Малейшее прикосновение вызывало ожоги, страшную боль и потерю дыхания. Все члены экипажа, высадившиеся на планету, погибли от аллергической реакции, и только единственный оставшийся на орбите уцелел и смог вернуться на Врата.

Но иногда — о, очень редко — встречались и хорошие планеты.

Самым счастливым в первые десятилетия действия Врат оказался полет Маргарет Бриш, которую обычно звали Пегги.

Пегги Бриш вылетела в одноместнике. Она нашла поистине вторую Землю. В некоторых отношениях планета была даже лучше Земли.

Не было здесь ядовитых растений, убивавших прикосновением, не было поблизости звезд со смертоносной радиацией, не было даже опасных крупных животных.

Только одно было худо с планетой Пегги. Она была бы идеальным местом для разбухшего населения Земли, если бы не была расположена в девяноста световых годах от нее.

Добраться до нее можно было только в кораблях хичи. А самые большие корабли хичи могли взять только пять человек.

Колонизации планеты Пегги придется подождать.

В целом старатели Врат нашли свыше двухсот планет с жизнью. Таксономисты сходили с ума от счастья. Поколения ученых получили материал для диссертаций; предстояла трудная работа подыскать названия для тридцати или сорока миллионов новых видов, найденных старателями.

Конечно, такого количества названий не нашлось. Обычно обходились классификационным номером и описанием. Не было надежды установить роды и даже семейства, хотя все описания ввели в базы данных и компьютеры тратили много времени, стараясь установить связи. Лучшим

описанием было генетическое: ДНК или нечто подобное оказалось, по существу, универсальным. Далее следовало морфологическое описание. Большинство живых существ на Земле обладают такими общими архитектурными чертами, как стержень (незаменимый для ветвей и костей) и цилиндр (внутренние органы, торс и так далее), потому что они лучше всего подходят для поддержания и переноса тяжести тела. По той же самой причине так же устроено большинство живых существ в Галактике. Но не всегда. Экипаж Арканджело Пельери обнаружил безмолвный мир, полный мягкотелых существ, не выработавших ни хитина, ни костей. Они были немы, как земляные черви или медузы. Опал Гудвалладер высадился на планете, где, как решили ученые, повторяющиеся катастрофы уничтожали всю наземную жизнь. Главным обитателем планеты, подобным земным ластоногим или китообразным, был прежний житель суши, вернувшийся в море, и все остальное было с этим связано. Как будто вьюрки Дарвина колонизировали целую планету.

И так далее и тому подобное, пока исследователи не начали думать, что нашли все возможные варианты жизни, основанной на кислороде и

воде.

Может, и нашли.

Но потом были обнаружены лежебоки — те самые существа, которых хичи называли медленными пловцами, и тогда пришлось по-иному взглянуть на флору и фауну газовых гигантов, прежде считавшихся непригодными для жизни.

Ученые ошибались, считая, что для развития жизни нужна твердая планета. Для них это было шоком… не таким сильным, как позже, когда они установили, что жизнь вообще не нуждается в химизме.

Часть седьмая. Сокровища хичи

Планеты — это хорошо, и снимки звезд — хорошо, но все хотели найти образцы технологии хичи. Не было никаких сомнений в том, что они существуют — где-то. Корабли это доказали. А еще раньше доказали те небольшие находки, что были сделаны в туннелях Венеры. Но они лишь распалили человеческий аппетит к новым чудесам.

Через четырнадцать месяцев после официального начала программы один полет оказался счастливым.

Корабль был пятиместным, но тогда процедуры еще не стандартизировались. И поэтому на корабле отправились четверо добровольцев. Их официально отобрали четыре государства, организовавшие Корпорацию «Врата» (марсиане приняли участие позже). Таким образом, на корабле полетели американец, китаец, русский и бразилец. Они многому научились на примере полковника Каплана и других летавших до них. Они захватили с собой достаточно пищи, воды и кислорода, которых хватило бы на шесть месяцев; на этот раз решили не рисковать.

Как оказалось, все эти припасы им не понадобились. Корабль принес их обратно через сорок девять дней, и вернулись они не с пустыми руками.

Целью их оказалась орбита вокруг земноподобной планеты. Они сумели спустить посадочный аппарат, и трое из них на самом деле ступили на почву чужой планеты.

Впервые в истории человек ступил на небесное тело, которое не являлось частью Солнечной системы.

Первое впечатление слегка разочаровывало. Группа быстро установила, что планета в прошлом пережила тяжелые времена. Поверхность ее была обожжена словно высокой температурой, а местами начинал отчаянно пищать детектор радиации. Астронавты поняли, что не могут тут долго оставаться. Примерно в миле от места посадки аппарата — они сели на плоской вершине столовой горы, — на склоне они обнаружили остатки какого-то сооружения из камня и металла, похожего на искусственное; порывшись в том месте, они нашли три предмета, которые решили прихватить с собой. Один — треугольная пластинка, на оплавленной поверхности которой еще виднелся рисунок. Другой — керамический

объект размером с сигару, с кольцевой нарезкой — болт? Третий — металлический цилиндр длиной в ярд, сделанный из хрома и прорезанный несколькими отверстиями; это мог быть музыкальный инструмент или часть машины.

Как бы то ни было, это были артефакты.

Когда группа представителей четырех держав гордо продемонстрировала свои находки на Вратах, они вызвали большое возбуждение. Ни один из трех предметов не выглядел значительным технологическим прорывом. Тем не менее, если можно найти такие вещи, несомненно, есть и другие — и гораздо более полезные практически.

Именно тогда началась межзвездная золотая лихорадка.

Прошло много времени, прежде чем кому-то повезло снова. Общая статистика полетов с Врат свидетельствовала, что четыре из пяти возвращаются без результатов, если не считать снимков и данных приборов. Пятнадцать процентов вообще не возвращаются. Лишь один корабль из двадцати привозил некоторые свидетельства технологии хичи, и в основном это были только любопытные мелочи — но то немногое, что выходило за пределы любопытных мелочей, оказалось бесценным сокровищем.

Конечно, таких находок было мало, и происходили они редко. Но эксплуатация Венеры показала, что это выгодно: в сотнях миль туннелей под поверхностью Венеры было найдено всего с десяток устройств хичи.

Но для тех, кто сумел бы их скопировать, они означали огромную прибыль. Анизокинетическая сумка оказалась подлинным чудом. Ударишь с одного конца, а сила удара выходит сбоку. Что еще более удивительно, ученые поняли, как это получается, и принцип оказался применим ко всем сферам строительства, производства и даже ремонта домов. Огненные жемчужины оставались загадкой. Как и так называемые молитвенные веера.

Затем люди нашли Врата, и самым большим сокровищем оказался космический флот. Однако на астероиде нашли только корабли. Сам астероид был пуст и хирургически чист… словно хичи сознательно оставили корабли, убрав все остальные ценности.

Свыше двадцати лет старатели улетали с Врат в поисках чего-нибудь ценного. Они возвращались со снимками и рассказами, живыми существами и минералами; но артефактов хичи было найдено очень немного.

Вот почему так много старателей Врат умерли в бедности.

Полет «Инструментальный ящик»

Некоторые умирали богатыми, не подозревая о своем богатстве. Так случилось с одной из величайших находок. К несчастью, трем из пяти открывателей находка не принесла ничего хорошего, потому что они не пережили полета.

В полете участвовали три австрийца, два брата и их дядя. Они использовали остатки наследства, чтобы прилететь на Врата. Решили лететь только в бронированном корабле. Но такие корабли были только пятиместными, и потому в последнюю минуту в экипаж включили Мануэля де лос Финтоса из Южной Америки и американку Шери Лоффат.

Они достигли планеты, высадились на ней и ничего не нашли. Но инструменты показывали, что где-то есть металл хичи, и они его отыскали.

Это оказался посадочный аппарат. Когда он был тут покинут, одному небу известно. Но аппарат был не пустой.

Главной находкой была груда восьмиугольных ящиков из металла хичи с полметра длиной и в половину этого высотой, весом в двадцать три ки-

лограмма. Оказалось, что это инструментальные ящики. Нашли также некоторые знакомые предметы, насколько можно было судить, совершенно бесполезные: десяток маленьких молитвенных вееров, какие усеивали туннели Венеры и многие артефакты хичи. Были также предметы, похожие на отвертки, но с гибкими стволами; предметы, похожие на торцовые ключи, но сделанные из мягких материалов; предметы, напоминающие приборы для замерения электричества, но оказавшиеся запасными частями машин хичи.

Это был большой успех. Все они станут миллионерами — по крайней мере те, кто выживет.

Находка лежала прямо на поверхности планеты. Но вскоре старатели узнали, что поверхность планеты не самое лучшее место для находок сокровищ хичи. Под поверхностью — гораздо вероятнее.

Довольно рано об исчезнувших хичи стало известно одно: они любили туннели. Туннели, прорезавшие часть планеты Венеры, оказались не уникальными. Старатели проходили древними звездными путями и везде, где побывали хичи, находили туннели. Внутренности астероида Врата представляли собой лабиринт туннелей; точно такими же оказались и «другие Врата», об-

наруженные исследователями. Почти на каждой планете, где находились следы пребывания хичи, находились и туннели, выложенные металлом хичи. Там, где условия на поверхности были неблагоприятными (как на Венере), туннелей бывало множество. Но даже на такой прекрасной планете, как Пегги, их тоже нашли несколько. Антропологически подготовленные ученые, называвшиеся хичиологами, страстно пытались определить, какими были эти исчезнувшие существа. Они предположили, что хичи происходят от роющих землю животных типа сусликов, а не от животных, живших на деревьях. Хичиологи оказались правы… но прошло очень много времени, прежде чем они узнали об этом.

Все туннели выглядели совершенно одинаково. Стены их из плотного твердого металла, который светится в темноте, его назвали металлом хичи. В первых открытых людьми туннелях — на Венере и на Вратах — это свечение было бледно-голубым. Очевидно, хичи предпочитали синий цвет, но в их кораблях оказались детали, сделанные из золотого металла хичи, а еще позже исследователи нашли металл хичи, испускающий красный и зеленый свет.

Никто не знал, почему у хичи металл разного

цвета. Хичиологи в этом не могли помочь. Они могли сказать об этих разных цветах только то, что туннели из голубого металла обычно самые бедные на артефакты хичи; в золотых, красных и зеленых почти всегда старатели обнаруживали сокровища.

Конечно, пока люди не научились исследовать Галактику в кораблях хичи, они были ограничены голубыми туннелями Венеры и Врат. А в них сокровища обнаруживались редко, хотя и бывали очень ценными. На других планетах туннели начинались как голубые, потом неожиданно меняли цвет, и именно в этих местах и обнаруживались разные полезные находки. Никто не знал почему… но тогда никто ничего не знал и о самих хичи.

Полет «Печь»

Ву Фенгцзе решил лететь в одноместном корабле. Такой корабль имеет свои преимущества и недостатки. Самое большое преимущество — если не на чем приземлиться и единственная награда — научная премия за снимки, вся она достается одному человеку.

Но так, однако, не получилось. Выйдя из полета быстрее света, Ву оказался на орбите вокруг более

или менее земноподобной планеты.

Таким образом, перед Ву возникла проблема, которая возникает перед каждым исследователем-одиночкой. Если он опустится в аппарате на поверхность планеты, в корабле никого не останется. Если с ним на поверхности что-то случится, его никто не выручит. Он предоставлен сам себе.

Другая проблема заключалась в том, что термин «земноподобная» лишь приблизительно описывал планету, которую ему предстояло исследовать. «Земноподобная» означает, что планета примерно размером с Землю, что у нее есть атмосфера, температура на поверхности позволяет иметь в атмосфере водяные пары, в мелких морях есть жидкая вода и замерзшая вода в холодных областях. Но планета не была раем. Холодные области занимали почти всю ее поверхность. Лучшая зона находилась вдоль экватора, да и та условиями напоминала Лабрадор.

Если на остальных частях поверхности что-то и было, то теперь оно покрыто тысячами футов льда. Не было смысла высаживаться на ледник: у Ву не было средств, чтобы вскрывать его. После долгих поисков Ву нашел голую скалу и приземлился на ней. Он не испытывал особого оптимизма. Окружение выглядело малообещающим,

но инструменты сообщили ему неожиданную хорошую новость.

Здесь был туннель.

Ву имел опыт вскрытия туннелей. У него было даже необходимое оборудование. Монтаж большой бурильной установки и покрытие ее герметическим куполом отняло у него почти все силы и столько времени, что он истратил почти все припасы. Но он сделал это.

Туннель оказался из голубого металла.

Это разочаровывало, но, двигаясь по туннелю, он увидел и другие цвета. Дойдя до красного участка, он обнаружил большую машину — позже по ее описанию эксперты заключили, что это туннелекопатель, — но у него не было сил поднять ее, не было оборудования (да и храбрости, кстати), чтобы вырубить отдельные детали. В зеленой части оказались свертки, которые Ву вначале принял за ткани. Но это был кристаллический материал, из которого сделаны молитвенные веера. А в золотой части — золото.

Груды и груды маленьких восьмиугольных ящичков из металла хичи, все запертые. И очень тяжелые.

Ву не мог унести их все, силы у него кончались. Он сумел перенести в аппарат два ящичка и уле-

тел, намереваясь вернуться в пятиместнике.

К несчастью, когда он вернулся на Врата, обнаружилось, что пятиместники не воспринимают программу, которая привела его на планету. Не делали этого и трех- и одноместные корабли, ожидавшие в доках экипажи.

Казалось, только тот одноместник, который привез его, снова может отвезти на планету.

Конечно, так не получилось. Прежде чем он смог запросить его, кто-то другой взял его одноместник — и не вернулся.

У Ву оставалось только два ящичка, но их содержимое позволило ему купить себе дом в провинции Шэньси. В одном оказались нагревательные кольца. Они не работали, но были близки к рабочему состоянию, и ученые разобрались, как они действуют. (Позже на планете Пегги были найдены большие и в лучшем состоянии, но Ву все равно был первым.) Во втором ящичке был набор приборов для измерения микроволновых излучений.

Ученые старательно исследовали эти приборы, но они неверно ставили вопросы. Их интересовало, как они работают. Никто не подумал поинтересоваться, почему хичи так занимало микроволновое излучение. Ответ на этот вопрос

мог бы избавить человечество от больших неприятностей.

В туннеле планеты, которая казалась абсолютно бесперспективной, некий старатель впервые обнаружил образец туннелепроходочной машины хичи. Это был туннель на луноподобном спутнике далекого газового гиганта. В другом туннеле были найдены «камеры», в которые полагалось вставлять молитвенные веера для прочтения. И в туннеле Виталий Клеменков нашел маленький прибор, давший начало целой новой индустрии, а сам за это получил лишь ничтожную сумму.

История Клеменкова — это история неудачника. Он нашел то, что земные ученые назвали пьезофоном. Его основную часть составляет диафрагма, сделанная из того же материала, что и кровавые бриллианты, усеивающие туннели Венеры и многие другие. Материал пьезоэлектрический: когда его сжимаешь, он производит электричество, и наоборот. Конечно, раньше находили много кровавых бриллиантов, но до Клеменкова никто не знал, что они просто сырье для производства пьезоэлектрических приборов. Клеменкову представились видения несметных богатств. К несчастью, земные

лаборатории, отделы корпораций кабельной, телефонной и спутниковой связи превратили модель хичи в другую, которую могли создавать сами. Естественно, Клеменков обратился в суд, но кто может сражаться с адвокатами крупнейших корпораций Земли? Так что он удовлетворился сравнительно небольшим доходом.

Было еще одно великолепное место для находок артефактов хичи. Но вначале о нем никто не знал, хотя, если бы люди как следует подумали о самих Вратах, они могли бы догадаться. И никто не знал, что огромные богатства здесь — по существу, ловушка. Женщина по имени Патриша Боувер первой из старателей Врат сообщила о находке — и, как это часто бывает, находка принесла ей мало хорошего.

Полет «Пищевая фабрика»

Патриша Боувер вылетела на одноместнике. Она понятия не имела, куда летит. Была довольна, что полет оказался относительно недолгим — поворотный пункт через семь дней, цель — через четырнадцать, и поражена, когда приборы сказали ей, что далекая слабая звезда, ближайшая к ней в пространстве, на самом деле старое

знакомое Солнце.

Она оказалась в Оортовом кометном облаке, далеко за орбитой Плутона, и причалила явно к артефакту хичи. Большому артефакту: он был длиной в восемьсот футов, и ничего подобного раньше никто не находил.

Когда Боувер проникла внутрь и огляделась, она поняла, что разбогатела. Эта штука оказалась забита машинами. Патриша понятия не имела, что они делают, но не сомневалась, что некоторые из машин, а может, и многие, будут не менее ценными, чем туннелекопатель или анизокинетическая сумка.

Пузырь лопнул, когда выяснилось, что она не может вернуться на Врата. Ее корабль не двигался. Как бы она ни устанавливала приборы, он не реагировал. Он не только не возвращался автоматически в порт вылета, он вообще не летел.

Патриша Боувер застряла в нескольких миллиардах километров от Земли.

Как оказалось, артефакт все еще действовал; в той части, которую не увидела Пат Боувер, он продолжал производить пищу — через полмиллиона лет после ухода последнего хичи — из сырья, которое поставляли кометы: углерода, водорода, кислорода и азота, основных элементов,

из которых состоит человеческая пища и тело. Если бы Пат знала это, если бы она заставила себя исследовать артефакт, она могла бы там долго прожить (хотя недостаточно долго, конечно, чтобы ее спасли).

Она, однако, этого не знала. А знала, что попала в беду. Она отправила длинное радиосообщение на Землю, в двадцати пяти световых днях от нее, объяснив, где находится и что случилось. Потом села в свой посадочный аппарат и направила его в сторону Солнца. Приняла большую порцию снотворного и забралась в холодильник… и там умерла.

Она знала, что шансы против нее. Она недостаточно замерзла, чтобы ее могли оживить, да и вообще вероятность того, что кто-нибудь обнаружит ее замерзшее тело и попытается оживить, крайне мала. Кстати, так и получилось.

Пищевая фабрика хичи оказалась не единственной космической ловушкой для неосторожных. Таких крупных объектов было двадцать девять — их прозвали «собирательскими ловушками» — по всей Галактике.

Злополучная находка Патриши Боувер была не единственным артефактом хичи, который продолжал действовать. И не единственным,

на который были запрограммированы корабли Врат. Нашелся и другой летающий гараж космических кораблей, оставленный хичи, почти такой же большой, как Врата. Люди назвали его Врата-2.

Было также Место Этели.

Место Этели было открыто женщиной в одноместном корабле (эту женщину звали Этель Клок). Потом его заново открыла группа канадцев в бронированном трехместнике; потом еще один одноместник, пилот которого был родом из Корка, Ирландия, его звали Теренс Хорран. Канадцы не просто открыли артефакт. Они открыли также Этель Клок, потому что она была там, когда они прилетели. Когда прилетел Хорран, он открыл их всех, а позднейшие группы продолжали открывать прилетевших раньше, потому что все оставались там. Как у Пат Боувер, это оказался пункт с полетами в один конец. Возвращения не было. Приборы всех кораблей после прибытия умирали.

Улететь с артефакта люди не могли.

Все они очень об этом жалели, потому что Место Этели оказалось настоящим чудом. Объект размером с крейсер, но без всяких двигателей. Во всяком случае, они их не смогли обнаружить.

На нем были пищевые машины и регенераторы воды, воздуха и электричества; все машины по-прежнему действовали, несмотря на прошедшие тысячелетия. Хичи строили свои машины надежно. Больше того, в Месте Этели оказалось множество астрономических инструментов, и все они тоже действовали.

У людей было много времени, чтобы изучить свой новый дом. Больше делать им было нечего. Пищевые машины кормили их; жизни их ничто не угрожало. В сущности, получилась вполне самообеспечивающаяся небольшая колония. Она могла бы даже стать постоянной, со многими поколениями впереди, если бы Этель Клок ко времени прибытия канадцев не вышла из детородного возраста, а в последующих партиях оказались бы женщины.

Застрявшие в артефакте довольно быстро поняли, что Место Этели не что иное, как астрономическая обсерватория.

И сразу стало ясно, что должна была наблюдать эта обсерватория. Место Этели находилось на орбите на удалении примерно в тысячу астрономических единиц (это составляет примерно пять световых дней) от замечательной пары астрономических объектов. Двойные звезды

не представляют особого интереса. Но эта пара оказалась уникальной. Один из компонентов — стандартная звезда, хотя и относительно редкого типа, горячий пульсирующий сверхгигант молодого и неустойчивого класса Ф. Сам по себе он стоил небольшой научной премии — если, конечно, у людей появилась бы возможность сообщить результаты наблюдений, — но его компаньон оказался гораздо необычнее. Вокруг звезды типа Ф видно было наклонное кольцо из горячего газа; это свидетельствовало, что звезда находится еще в конечной стадии своего рождения. А компаньон весь состоял из газа, и газ был не очень горячим. Короче, это был огромный и почти прозрачный диск.

Чем больше люди наблюдали, тем все более странным казалось им увиденное. Звезды должны быть шарами. Они не должны быть дисками. Дискообразный компаньон трудно поддавался наблюдению, даже с помощью оптики хичи. Визуально он казался всего лишь неярким алым пятном в небе. Он был слишком холоден, чтобы сильно излучать. Инструменты хичи не могли сообщить его температуру, потому что хичи оказались непредусмотрительны: они не снабдили свои инструменты переходными таблицами к

шкалам Кельвина, Цельсия или Фаренгейта. Клок оценила температуру этого спутника в пятьсот градусов Кельвина — это значительно ниже, чем на поверхности Венеры, например; холоднее, чем в древесном костре на Земле.

Постепенно выяснилось, что лучше всего наблюдать этот объект, когда он закрывает звезду класса Ф. Место Этели двигалось по своей орбите в противоположном направлении по сравнению с объектом, и потому затмения происходили чаще, чем при обычной стационарной орбите. Но все же и так они случались нечасто. Этель Клок наблюдала одно такое затмение одна, вскоре после своего прибытия. К следующему затмению вместе с ней оказались канадцы и Хорран, но это произошло больше чем через двадцать лет.

История Места Этели окончилась счастливо для его обитателей — ну, относительно счастливо. В конце концов люди научились направлять корабли хичи, куда им нужно. Вскоре после этого исследовательская группа, умеющая управлять кораблем, обнаружила пятерых застрявших и спасла их наконец.

Конечно, чуточку поздно. К этому времени Этель Клок шел семьдесят восьмой год и даже Хоррану было почти пятьдесят. Они даже не по-

лучили никакой научной премии. Корпорация «Врата» давно перестала выплачивать их, потому что самой Корпорации «Врата» больше не было.

Впрочем, даже если бы они прилетели раньше, все равно научная премия была бы невелика. К несчастью, эта двойная система оказалась не новым открытием. Она была очень хорошо знакома земным астрономам в связи со своими удивительными характеристиками. Звезда называлась Эпсилон Возничего, и особенности ее не были тайной. Земные астрономы с помощью своих инструментов наблюдали, как холодный диск компаньона прошел между Землей и звездой типа Ф в затмении 2000 года.

Прошло свыше пятидесяти лет между тем временем, когда первый старатель высадился в одной из «собирательских ловушек», и тем моментом, когда люди обнаружили последнюю из них. На них могло оказаться до восьми отдельных экипажей. Попадая туда, они не могли вернуться. В основном это были пищевые фабрики, или встроенные в корабль, или принимавшие пищу от расположенных поблизости автоматических установок, так что попадавшие туда люди не умирали, у них в достатке были также вода и воздух. Некоторые фабрики перестали действо-

вать. В них находили покинутые корабли хичи и высохшие трупы.

Хичиологи считали, что эти «собирательские ловушки» служили определенной цели, может сразу нескольким целям. Хотя сами цели указать не могли. Они не были доступны для обитателей планет, а на самих планетах не оказывалось туннелей и вообще сокровищ. До артефактов с планеты можно было добраться только на космическом корабле.

Казалось, что это тест на разумность, оставленный исчезнувшими чужаками. Как будто хичи, уходя туда, куда они ушли, нарочно оставили ключ к себе. Но даже эти ключи отыскать было трудно. Ни одна разумная раса не смогла бы отыскать их, пока не начинала хотя бы примитивные межпланетные перелеты.

А самые большие призы были запрятаны еще тщательнее.

Точности ради следует указать, что не старатель с Врат совершил первый перелет к пищевой фабрике с возвратом. Полет Пат Боувер не в счет. Экспедиция, которая сделала возможным ликвидацию голода на Земле с помощью углеродно-водородно-кислородно-азотной (или CHON) пищи хичи, прилетела на земных химических

ракетах, вылетев из центра Солнечной системы к ее краю.

И эта экспедиция совершила еще одно большое открытие. Оно было названо Небо Хичи. Самый большой из когда-либо обнаруженных артефактов хичи, более полумили в длину, вдвое больше океанского лайнера. Веретенообразный по форме (привычный образец хичи) и населенный. В нем оказались потомки группы австралопитеков, которых хичи захватили на поверхности Земли полмиллиона лет назад; в нем также оказался живой человек, потомок пары старателей, достигших Неба Хичи на своем корабле с Врат — и оставшихся там. А также записанные сознания (плохо записанные, потому что машинам, которые не были для этого предназначены, пришлось выполнять работу с человеческими сознаниями; когда создавались эти машины, людей еще не было) более двухсот старателей, не вернувшихся из своих полетов в один конец.

Все это было удивительно.

И более чем удивительно. Впервые оказался не просто возможен доступ к технологии хичи. Ее можно было понять, скопировать… и даже усовершенствовать! Тут были не просто крохи, удовлетворяющие любопытство ученых или

позволяющие разбогатеть отдельным счастливчикам. Находка означала лучшую жизнь для всех.

И Небо Хичи было не просто космической станцией. Это был корабль. Огромный. Настолько большой, что мог перевозить колонистов с Земли в ощутимых размерах — по 3800 эмигрантов за рейс в любое место. И продолжать перевозить ежемесячно сколь угодно долго.

Наконец стала возможна колонизация Галактики человечеством.

Часть восьмая. В поисках общества

Самая крупная «научная» премия, которую предлагала Корпорация «Врата» старателям, строго говоря, не была научной. Она была эмоциональной. Она доказывала, что даже Корпорации «Врата» свойственны человеческие чувства. Премия ждала старателя, который обнаружил бы живого, дышащего хичи, и премия ждала немаленькая. Пятьдесят миллионов долларов.

Именно об этой премии мечтал каждый отчаянный старатель Врат, но вряд ли кто-то надеялся ее получить. Может, и хозяева Корпорации не думали, что придется выплатить ее. Все знали, что любые найденные следы хичи не менее полумиллионнолетнего возраста. К тому же предполагалось, что, если кто-то и найдет живого хичи, вряд ли у него будет возможность вернуться и рассказать человечеству, что он нашел.

Но в этой эмоциональной сфере были и другие премии. Не крупные, но тем не менее значительные. Самая большая из них — десятимиллионная премия за открытие любой разумной расы чужаков. Такое открытие казалось более вероятным. Заработать эту премию можно было, отыскав

любого живого чужака, который оказался бы хоть немного сообразительным. Можно было получить премию даже за мертвого чужака. Миллион ждал открывателя первого артефакта, не принадлежащего хичи, и полмиллиона за открытие любой «подписи», то есть безошибочных следов разума — радиопередачи, синтетических газов в атмосфере планеты.

Несомненно, говорили старатели Врат, угощая друг друга выпивкой в «Голубом аду», рано или поздно кто-то обязательно найдет что-нибудь. Должны найти. Все знают, что в Галактике должны существовать другие разумные расы. Хичи не могли быть единственной разумной расой во вселенной. Разве это возможно?

Мысль не новая. С середины двадцатого века ученые искали сигналы других цивилизаций и пытались рассчитать вероятность поймать такие сигналы. Ученый по имени Стивен Доул подсчитал, что в Галактике должно существовать 63 миллиона планет, способных содержать жизнь; позже ученые, уточняя критерии, снизили это число, но вряд ли кто-нибудь из них согласился бы, что оно равно нулю. Почти все соглашались, что что-то должно быть, — и действительно, старатели Врат продолжали обнаруживать пла-

неты, на которых существовала жизнь. А если есть жизнь, казалось логичным предположить, что рано или поздно она эволюционирует в разумную…

Но где же эти разумные существа?

В конце концов кое-что начало обнаруживаться, хотя открытия были редкими и медленными.

Первые явные признаки чужого разума (не считая хичи, конечно) обнаружил экипаж из трех человек из Пасадены, Калифорния, Земля. Их корабль после перелета быстрее света оказался на орбите вокруг многообещающей звезды (типа Ж-4, очень близка к Солнцу по типу и пригодности), и они очень скоро обнаружили, что в самой середине зоны жизни есть приличных размеров планета.

Беда в том, что на планете царил беспорядок. Большая часть ее представляла собой голые скалы со множеством вулканов, и было там очень горячо. Не было океанов. Не было даже такой плотной атмосферы, которая соответствовала бы расположению и массе планеты.

Однако на планете оказалась дамба. Большая.

Дамба располагалась в одном из наименее разрушенных районов планеты. Но все равно она была в плохом состоянии. Не очень высокотехно-

логичная дамба — длиной с полкилометра, груда камней, наваленных поперек долины. Некогда по долине, несомненно, протекала река, но от нее ничего не осталось. От дамбы тоже, кстати. Но то, что осталось, не могло быть природным образованием. Кто-то нагромоздил эти камни в этом месте с определенной целью.

Мартин Скрентон и две его сестры попытались высадиться на планете. Они сели, но тут же приборы их аппарата начали выкрикивать предупреждение: поверхность рядом с аппаратом нагрета выше точки кипения воды. Скрентонам показалось, что они заметили что-то напоминающее другие каменные сооружения на склоне горы, но ничего определенного.

На астероиде Врата ученые решили, что планете не повезло: ее ударило какое-то бродячее тело размером с Каллисто; от удара вскипела вода в морях, а поверхность планеты покрылась расплавленным камнем, вся атмосфера рассеялась в космосе — да, конечно, вся органическая жизнь погибла.

Так что Скрентон не нашел разумную жизнь. Он утверждал, что нашел место, где некогда была разумная жизнь. Корпорация «Врата» не могла назвать это успехом в том смысле, в каком пола-

гается премия. Тем не менее…

Вопрос долго обсуждался, потом была выплачена половина премии за хорошую попытку.

Первые живые разумные нелюди, которых открыли исследователи люди, не в счет. Они были не настолько нелюдьми и к тому же не настолько разумными. (Кстати, и открыты они были не кораблем с Врат; люди, которые открыли их, блуждали по окраинам Солнечной системы в построенном на Земле примитивном ракетном корабле.) Эти «чужаки» были отдаленными потомками племени земных австралопитеков, и нашли их в большом корабле хичи (или артефакте), летящем вокруг Солнца по орбите внутри облака Оорта. Этот корабль назвали Небом Хичи.

Конечно, как мы знаем, древние австралопитеки попали туда не сами по себе. Хичи взяли их для размножения во время своего давнего посещения дочеловеческой Земли. И оставили их на попечение машинных нянек — на полмиллиона лет и больше.

Со второй расой чужаков получилось лучше. Прошло много времени, прежде чем она была найдена, но на этот раз открытие было настоящим. Они оказались определенно разумными — и доказали это, путешествуя самостоятельно

в межзвездном пространстве! Тем не менее они тоже стали в некотором смысле разочарованием. Разговаривать с ними было неинтересно.

И они были открыты не старателем с Врат — к тому времени, как эти парни были открыты, сама Корпорация почти превратилась в историю. Врата, конечно, существовали. Но они перестали быть центром действия, потому что люди научились копировать технологию хичи и устремились в новые районы Галактики самостоятельно.

И вот один из космических кораблей в самом обычном полете обнаружил присутствие другого корабля. Корабль оказался фотонным парусником, медленно движущимся между звездами в полете, занимающем столетия.

Это явно не технология хичи! И на корабле не люди и даже не австралопитеки: наконец-то были найдены долгожданные разумные чужаки!

Оказалось, что найдены они были значительно раньше — найдены самими хичи. Экипаж парусника состоял из потомков тех, кого хичи называли медленными пловцами, а люди назвали лежебоками. Они были определенно чужаками, и определенно не хичи, и определенно разумными.

Но это все, что оказалось в них привлекатель-

ного. Лежебоки жили в жидкой грязи. Они жили в передвигающихся городах в полузамерзшей мешанине метана и других газов, и хотя им на самом деле удалось запустить фотонный космический парусник, особенно привлекательных свойств у них не нашлось. Хуже всего, что они были ужасно медлительны. Их метаболизм основывался на медленной реакции свободных радикалов в ледяной смеси, в которой они жили, и такими же медлительными были их мысли и речь.

Прошло много времени, прежде чем люди научились общаться с медлительными, как улитки, лежебоками… а к тому времени выяснилось, что это не имеет особого значения.

Полет «Выгребная Яма»

Четверо участников этого полета провели много времени в суде и затратили на это много денег. Они пытались выиграть у Корпорации «Врата» иск на десятимиллионную премию. Они считали, что им это удастся.

Они нашли не очень хорошую планету. Явно не слишком привлекательную. Маленькую и жаркую: ее солнце, красный карлик, находилось в четверти астрономической единицы. И планета воняла. Отсюда она и получила свое название.

Планета была почти вся покрыта водой — не сверкающие тропические моря, а мутный океан, выпускающий в атмосферу пары метана; сама атмосфера в основном тоже состояла из метана. Дышать там человек не мог. Но даже если бы и мог, не захотел бы — из-за вони. И на немногих участках суши не оказалось абсолютно ничего интересного.

Новость не очень приятная для экипажа, но и не сокрушительная. Как выяснилось, экипаж перед вылетом с Врат проделал некоторую необычную подготовку и был оснащен лучше обычного.

В корабле прилетела семья из Сингапура. Это были Джимми О Кип Фва, его жена Дейзи О Мек Тан и две их юные дочери Дженни О Син Дат и Розмери О Тин Лю. Семейство О известно в Сингапуре. Некогда оно было очень богато, семейное состояние создалось на подводной добыче полезных ископаемых. Когда Малайзия захватила остров и экспроприировала все предприятия, О обеднели, но они предусмотрительно перевели в Швейцарию и Джакарту достаточно средств, чтобы оплатить свой полет на Врата и купить дополнительное оборудование. Это было оборудование для подводных исследований. Как сказал Джимми О своей семье: «Семья О уже однажды

заработала деньги на морском дне. Может, мы снова сможем это сделать».

Оборудование означало, что они не смогут взять с собой пятого, но им он и не нужен был. И когда они увидели, какая планета им выпала, мадам Мек наконец благословенно смолкла, а Дженни сказала: «Боже, папа, оказывается, ты все-таки неглуп».

Конечно, у О не было оборудования, которое позволяло бы им систематически обследовать все дно Выгребной Ямы. Дна было слишком много, а времени мало. У них было с полдесятка шаров с инструментами и нейтральной плавучестью. И они опустили их в океан в полудесятке случайно отобранных мест.

Потом вернулись на свой корабль на орбите и стали ждать передач.

Когда буйки вернулись на поверхность, О по очереди расспросили их, что они обнаружили в глубине. И были разочарованы. Инструменты не засекли никаких признаков металла хичи. Не было также трансурановых или других радиоактивных элементов, которые стоило бы разрабатывать и перевозить на Землю.

Но инструменты засекли электрические разряды, источника которых не было. И сигналы

регулярные. В катодной трубке они создавали приятные округлые волны, а когда Дженни О, которая в колледже изучала этологию китообразных, замедлила сигналы и пропустила их через звуковой синхронизатор, они звучали… как живые.

Были ли эти сигналы языком? Если так, то какие живые существа им пользовались?

И тут в дело вступили юристы.

Семья О утверждала, что наличие языка явно свидетельствует о присутствии разумной жизни. Юристы Корпорации отвечали, что чириканье и писк не есть язык, даже если они оказываются не звуковыми, а электромагнитными. (И на самом деле сигналы больше походили на треск сверчка или птичьи крики, чем на членораздельную речь.) О спрашивали: как могут сверчки общаться с помощью электромагнитных сигналов, если они недостаточно разумны, чтобы соорудить радиопередатчик? Юристы Корпорации отвечали, что ни о каком радио речь не идет, просто электрические поля, и, возможно, у производящих их существ есть электрические органы, как у угря. О говорили: ага, значит, вы признаете, что мы обнаружили жизнь, так платите за это премию немедленно. Юристы Корпорации отвечали:

сначала покажите нам образцы. Или фотографии. Или что-нибудь, способное доказать, что эта жизнь реальна.

Конечно, все это заняло много времени. Каждый обмен репликами в диалоге занимал шесть-восемь месяцев слушаний и снятия показаний. После трех лет споров Корпорация неохотно согласилась на премию в четверть миллиона, чего едва хватило на оплату юристов О.

Потом, много лет спустя, кто-то повторил полет О с лучшим оборудованием. Новые подводные аппараты располагали фотокамерами и прожекторами, и они обнаружили, что производит сигналы. Это не был разум. Это были черви — десяти метров длиной и без глаз. Жили они в серных выделениях подводных термальных трещин. У червей при вскрытии обнаружили электрические органы, как и утверждали О. Но больше ничего интересного у них не оказалось.

Тем не менее О заслужили еще несколько сотен тысяч, так как было доказано, что они открыли жизнь. Но они эту премию не получили. Не могли получить, так как не вернулись из своего последнего полета.

Но премия за открытие чуждой разумной жизни не осталась невостребованной. Две другие

группы исследователей с Врат получили по десять миллионов долларов. Они нашли то, что Корпорация с некоторым снисхождением согласилась назвать «разумными» чужаками.

Все соглашались, что Корпорация здесь расширила понимание разумного. Даже сами исследователи, что не помешало им принять деньги. Свиньи вуду выглядели как голубые муравьеды и блаженствовали в грязи, как одомашненные земные свиньи. «Разумными» их сделало то, что они выработали форму искусства: они создавали статуэтки, выгрызая их зубами (ну, тем, что у них служит зубами), и такого никогда не делало ни одно земное животное. И поэтому Корпорация философски выплатила премию.

Были также квейнисы. Они жили в морях далекой планеты. У них были маленькие плавники, но никаких настоящих рук; поэтому они не очень хорошо создавали вещи, и потому никто не считал их технологичными. Но у них, несомненно, был язык, более или менее поддающийся переводу. Они были определенно умнее, чем, скажем, дельфины или киты или вообще кто-нибудь на Земле, за исключением человека, — и Корпорация и в этом случае выплатила премию. (Но к тому времени она была уже такой богатой, что

могла позволить себе быть и щедрой.)

Вот и все живые разумные.

Конечно, были найдены следы иных «цивилизаций». На планетах обнаруживались металлические конструкции, не вполне еще съеденные ржавчиной; на других планетах было ясно, что кто-то когда-то сумел отравить среду явно искусственными радионуклидами.

Вот и все.

И чем больше находили, тем больше удивлялись. Где древние цивилизации? Те, которые достигли земного уровня культуры миллионы или миллиарды лет назад? Почему они не выжили?

Как будто первые исследователи, допустим, джунглей Амазонки нашли хижины, поля, деревни, но вместо живых обитателей только трупы. Исследователи, конечно, принялись бы думать, кто убил всех людей.

Так думали и старатели Врат. Они могли принять это, если бы не нашли следов других цивилизаций (кроме хичи, конечно). Те люди, которые занимались такими проблемами, были готовы к подобному исходу: проект СЕТИ[7]

---

[7] Примечания: 7

SETI — The Search for Extraterrestrial Intelligence. Программа поиска внеземных цивилизаций, осуществлявшаяся в США. — *Примеч. пер.*

и космологические оценки подготовили их к одиночеству во вселенной. Но ведь были другие существа, которые могли достичь технологии и разума, подобных человеческим. Они существовали и исчезли.

Что же произошло?

Не скоро человечество получило ответ на этот вопрос, а когда получило, он ему не понравился.

Часть девятая. Золотой век

Пока люди прокладывали собственный путь по безмерности Галактики, их собственная планета начала изменяться. На это потребовалось долгое время, но наконец чудеса хичи, которые привозили старатели Врат, начали решительно изменять к лучшему условия жизни жителей Земли, даже самых бедных.

Одно ключевое открытие привело к остальным. Таким открытием послужило умение читать язык хичи. Труднее всего оказалось найти сам этот язык для чтения, потому что хичи как будто не были знакомы с такими вещами, как карандаш, бумага или книгопечатание. Конечно, все, кто задумывался над этим, были уверены, что хичи имели какой-то способ записи, но какой?

Ответ оказался очевиден: загадочные молитвенные веера на самом деле были «книгами» хичи. Впрочем, сложность заключалась еще в том, что эти «книги» нельзя было прочесть без помощи сложной техники.

Но как только было установлено, что записи — это записи, остальное было делом лингвистов. И оказалось совсем не трудным. Не труднее,

скажем, давно расшифрованного «линеарного письма Б»; задача облегчалась тем, что на Небе Хичи и в других местах найдены были параллельные тексты, записанные двумя языками.

Когда были прочитаны молитвенные веера, стали ясны ответы на некоторые самые неразрешимые загадки хичи. И в том числе как воспроизвести полет со скоростью выше световой. Могла начаться настоящая колонизация. Большой корабль, названный «Небом Хичи», первым использовался для этой цели, потому что был уже готов. Он перевозил за раз тысячи бедняков-эмигрантов к их новым домам в такие места, как планета Пегги, и это было только начало. Через пять лет к нему присоединились другие корабли, построенные людьми, такие же быстрые, но еще большего размера.

А на самой родной планете…

На самой родной планете первое большое изменение внесло появление фабрик CHON-пищи.

Упрощенно говоря, они навсегда положили конец голоду. Фабрики CHON-пищи самих хичи располагались среди комет — именно в этом заключалась причина так давно приводившего в замешательство интереса хичи к облакам Оорта. Теперь эта причина стала ясна. Созданные

людьми копии этих фабрик могли располагаться везде — везде, где был запас основных четырех элементов. Нужны были еще только добавки для удовлетворения наших диетических нужд.

И вот вскоре фабрики CHON-пищи сидели на берегах Великих озер в Северной Америке, и озера Виктория в Африке, и вообще везде, где была вода и четыре элемента и где люди хотели есть. Они были на берегах всех морей. Больше никто не голодал.

Отныне никто не умирал от голода — а вскоре стало почти истиной, что никто не умирал вообще. У этого были две причины. Первая имела отношение к хирургии и, как ни странно, опять-таки к фабрикам CHON-пищи.

Уже давно люди умели заменять трансплантатами любые износившиеся органы. Теперь необходимую замену не нужно было вырезать из трупов. Та же система, что создавала CHON-пищу, слегка преобразованная, могла создавать и необходимые людям для замены органы. (За одну ночь исчезла целая отрасль убийств для продажи органов.) Никто теперь не умирал из-за того, что у него отказали сердце, легкие, почки, кишки или мочевой пузырь. Нужно было только обратиться с запросом в отдел человеческих органов бли-

жайшей фабрики CHON-пищи, и там извлекали ваш новый орган из водного раствора, а хирурги ставили его на место.

В сущности, начался расцвет всех наук о жизни. Пищевые фабрики хичи сделали возможным сначала распознавать, потом воспроизводить и даже создавать тысячи новых биологических объектов: антиантигены, антивирусы, отдельные энзимы, заменители клеток. Болезни перестали существовать. Даже такие вечные болячки человечества, как кариес зубов, деторождение и самый обычный насморк, стали историей. (Зачем женщине страдать при родах, если любая родильная машина — допустим, корова — может принять оплодотворенное яйцо, доносить его до зрелости и выдать здоровым и кричащим?)

Была и вторая причина. Если человек вопреки всему все-таки умирал от общего старческого распада, он умирал не полностью.

Другое изобретение хичи — оно впервые было обнаружено тоже на корабле «Небо Хичи» — лишило смерть ее ужасов. Техника записи сознаний мертвых старателей вызвала появление на корабле Мертвецов. Позже, на Земле, она породила организацию, названную «Здесь и После, Инк.», всемирную сеть операторов, которые

брали вашу умершую матушку, или супругу, или друга, помещали ее или его память в компьютерное пространство и позволяли вам беседовать с умершим, когда захотите. Вечно. Или, во всяком случае, пока кто-то платит за сбережение базы данных.

Вначале это было, несомненно, не совсем то же, что реальная жизнь. Но все равно гораздо лучше, чем безвозвратная смерть.

Конечно, по мере совершенствования технологии (а она совершенствовалась очень быстро) машинная запись человеческого сознания становилась легче и гораздо совершеннее.

И когда она стала по-настоящему хорошей, возникли непредвиденные проблемы. Как ни удивительно, проблемы эти были теологическими. Обещания земных религий были исполнены таким образом, каким не планировал ни один религиозный учитель, потому что теперь действительно «жизнь» представлялась чем-то вроде увертюры, а «смерть» — только первым шагом на «вечно благословенные небеса».

Умерший, который просыпался и обнаруживал, что стал собранием битов в базе данных огромной компьютерной сети, вполне мог задуматься, зачем он так цеплялся за органическую

жизнь, потому что машинная жизнь осуществляла любые его желания. Из-за смерти он ничего не утратил. Он по-прежнему мог «чувствовать». Записанные машиной ели сколько хотели — ни цена, ни время года больше не определяли меню. Если хотели, они могли и испражняться. (Не важно, что «пища», которую ест «мертвый», только символически представлена битами данных, потому что он сам тоже таков. Он не может определить разницу.) Возможны оказались все физиологические функции. Умерший не лишался ни одной радости плоти. Он мог заниматься любовью с возлюбленной — конечно, если она тоже записана в той же сети? — или с любым количеством возлюбленных, реальных или воображаемых — в зависимости от вкуса. Если он хотел общества своих еще живущих друзей, ничего не мешало ему представить себя в виде созданной машиной голограммы и поговорить с ними или поиграть в карты.

Были также путешествия и — самое популярное — работа.

В конце концов, главная работа человечества — это обработка информации. Люди больше не выкапывали фундаменты небоскребов. Это делали машины; люди только управляли машинами,

а это легко сделает не только плотский человек, но и записанный машиной.

Поистине это был рай. Стиль жизни мертвого был таким, к какому он всегда стремился. Он не беспокоился, «может ли он себе это позволить» и «не вредно ли это» для него. Единственным ограничением становилось собственное желание. Если он хотел плавать в Эгейском море или пить холодный ром в тропиках, ему стоило только приказать. И базы данных создавали для него любое окружение, такое же детализированное, как реальность, и такое же вознаграждающее. Оперативным словом стало «совершенный», потому что имитации были так же хороши, как реальность (они были даже лучше: Таити без москитов, французская кухня без полноты, удовольствие от восхождения в горы без риска оступиться и погибнуть). Умершие могли кататься на лыжах, плавать, пировать, испытывать любые удовольствия… и при этом никогда не страдать от похмелья.

Некоторые не умеют быть счастливыми. Немногие из умерших оставались недовольными. Прихлебывая аперитив в кафе «Де ла Пакс» или плывя на плоту по Колорадо, они пробовали напиток или ощущали водяные брызги и спра-

шивали: «Реально ли это?»

А что такое «реально»? Если мужчина шепчет своей возлюбленной слова любви в телефон на далеком расстоянии, что «реально» она слышит? Не его дорогой голос. Это всего лишь колебания атмосферы. Они были проанализированы, скопированы и превращены в ряд цифр; и в мембране ее телефона в обратном порядке они снова превращаются в колебания воздуха. Это имитация.

Кстати, а что она слышит, когда губы возлюбленного всего в нескольких дюймах? Ухо регистрирует только изменения давления благодаря действию стремечка и наковальни. Точно так же, как глаз отвечает только на изменения в чувствительных к свету химических веществах. Нервы переносят эти сигналы в мозг, но они сообщают кодированные сигналы о предметах, а не сами предметы, потому что нервы не могут передать звуки голоса или вид Монблана — они передают только импульсы. Эти импульсы не более реальны, чем цифровая передача голоса по телефону.

Мозг должен превратить эти импульсы в информацию, или удовольствие, или красоту. Но то, что делает мозг, с не меньшим успехом может сделать и машинная запись сознания.

Поэтому все удовольствия «реальны», как любое удовольствие. А если эти наслаждения после (субъективного) тысячелетия или двух начинают приедаться, можно работать. Некоторые величайшие музыкальные произведения этого периода были сочинены «призраками», и «призраки» же добились наиболее существенных результатов в научных теориях.

Удивительно, что тем не менее так много людей по-прежнему цепляются за органическую жизнь.

* * *

Все это привело к удивительной ситуации, хотя потребовалось время, чтобы осознать это.

Когда старатели Врат начали привозить образцы технологии хичи, на Земле жило около десяти миллиардов человек. Конечно, это лишь небольшая часть всех живших на Земле людей. Наиболее вероятная оценка числа всех живших — примерно сто миллиардов.

Это число включает всех. Вас, и ваших соседей, и парикмахера вашей двоюродной сестры. Оно включает президента Соединенных Штатов, и папу, и женщину — шофера вашего школьного автобуса, когда вам было девять лет; включает все жертвы Гражданской войны, американской

революции и Пелопунесских войн, а также всех выживших; всех Романовых, Гогенцоллернов, Птолемеев, а также Джуксов и Калликаксов[8]; Иисуса Христа, Цезаря Августа и владельца гостиницы в Вифлееме; первые племена, которые пересекли мост между материками — из Сибири в Северную Америку, а также племена, оставшиеся в Сибири; Q (произвольно избранное обозначение человека, первым применившего огонь), X (произвольно избранное обозначение его отца) и самую первую африканскую Еву. Оно включает всех, живых и мертвых, подходящих под таксонометрическое определение человека и родившихся до первого года Врат.

Как было сказано, это число составляет 100 000 000 000 человек (плюс-минус несколько миллиардов), и большинство из них умерло.

Но тут появились хичи со своими машинами, и положение изменилось.

Число живущих людей удвоилось, потом еще раз удвоилось и продолжало удваиваться. И люди стали жить дольше. Благодаря современной медицине они умирали не раньше, чем сами захотели. И так как это стало не опасно и не боль-

[8] Примечания: 8

Нарицательные названия нью-йоркских семейств, страдающих от голода, болезней и преступности. — *Примеч. пер.*

но, у людей рождалось много детей. А когда они «умирали»…

Ну, когда они «умирали», они продолжали «жить» в машинной записи, а среди растущего электронного населения смертности не было совсем.

И вот число живущих непрерывно увеличивалось, а число подлинно умерших оставалось постоянным, и результат становился неизбежен. Но когда было достигнуто равенство, всех оно все равно застало врасплох. Впервые в человеческой истории число живых превзошло число мертвых.

Все это имело любопытные последствия. Восьмидесятилетняя женщина, которая пишет воспоминания, больше не могла упоминать видеозвезд, гангстеров или епископов — если действительно не была знакома с ними, потому что видеозвезды, гангстеры и епископы по-прежнему были рядом и могли познакомиться с ее мемуарами.

Тут старейшие записанные получили большое преимущество. Все, что они упоминают из своих плотских дней, уже истинно, и никто не в состоянии оспорить их рассказы.

Плотским людям жить тоже было неплохо.

Среди них не осталось бедных.

Хватало денег. Хватало и всяких вещей. Фабрики с их умными роботами выпускали умные кухонные машины, и игровые машины, и телефоны-телевизоры, по которым можно говорить с кем угодно. И делали это все время. Города разрослись. В старых Соединенных Штатах на первое место вышел Детройт с его трехсотэтажной мегаструктурой Нового Возрождения, которая заняла площадь от государственного университета Уэйна до реки; в этом хрустальном зиккурате жило сто семьдесят миллионов человек, и у каждого был персональный телевизор с тремястами каналами и голографическим видеокассетным устройством, которое позволяло заполнить пробелы в сети. В резервации навахо племя (достигшее численности в восемьдесят миллионов человек) воздвигло город-здание Паоло-Солери: его первые восемьдесят этажей производили замороженные диетические продукты, одежду и тканые ковры для туристов, а выше жили семейства навахо. В песках пустыни Калахари короли проводили жизнь в достатке и наслаждениях. Население Китая достигло двадцати миллиардов, и у каждого семейства был холодильник и электрический будильник. Даже

в Москве полки ГУМа были забиты радиочасами, играми и костюмами.

Произвести то, что кому-нибудь нужно, больше не составляло никакой проблемы. Энергия есть, сырье льется из космоса. Сельское хозяйство стало таким же рациональным, как промышленность: роботы засевали поля, и роботы убирали урожай — генетически отобранные растения, обогащенные не отравляющими местность удобрениями, орошаемые каждое отдельной канавкой, капля за каплей, под присмотром умных автоматических клапанов. А в целом продовольствие поставлялось, конечно, фабриками CHON-пищи.

А если кто-то по-прежнему считал, что Земля не осуществляет всех его желаний, к его услугам вся Галактика.

Все это было в распоряжении плотских людей. У записанных машиной было гораздо больше. У них было все. Все, что они когда-либо хотели, все, что они могли себе вообразить.

Существовала только одна проблема с машинной записью после смерти, и это проблема относительности времени.

Но тут ничего нельзя было сделать. Машины действуют быстрее плоти. Плотские люди в разговорах с записанными машиной отстают, и это

значительная помеха для общения. Записанные машиной считают плотских людей отчаянно скучными.

Живущим легко разговаривать со своими ушедшими родственниками (потому что ушли они не дальше ближайшего компьютерного терминала), но разговор получался невеселый. Все равно что пытаться разговаривать с лежебоками. Пока плотский человек произносил одно предложение, его записанный машиной «ушедший» мог поесть (записанной машиной) еды, поиграть несколько раундов в (имитированный) гольф и «прочесть» «Войну и мир».

То, что записанные машиной действуют несравненно быстрее, вызвало эмоциональные проблемы и у плотских людей. Особенно смущало это сразу после смерти. Закончились похороны, горюющие родственники решали повидаться с ушедшим, а тот вполне мог в это время уже находиться в развлекательном, хотя и имитированном круизе по (тоже имитированным) норвежским фьордам, учиться играть на (воображаемой) скрипке и познакомиться с сотнями новых записанных машиной друзей. У оставшихся в живых еще слезы на щеках не высохли, а умерший уже почти забыл о своей смерти.

В сущности, думая о своей жизни во плоти, он обычно испытывал ностальгию, но в то же время был рад, что все это кончилось, — как взрослый в пору зрелости вспоминает свое полное тревог и смущений детство.

И еще одно следствие — запись машиной лишила работы могильщиков. Записанным машиной, чтобы их не забывали, не нужны памятники. Конечно, смерти по-прежнему сопровождались церемониями, но они скорее напоминали свадьбы, чем поминки; и все это дело от гробовщиков перешло к организаторам банкетов.

Психологи некоторое время тревожились из-за этого. Если мертвые все еще (некоторым образом) живы и вполне достижимы, то уместно ли горевать?

Но проблема решилась сама собой. Горе перестало быть проблемой. Горевать стало не из-за чего.

К несчастью, полный живот и благополучная жизнь не обязательно делают человека хорошим.

Конечно, иногда это бывает. Тем не менее червей честолюбия и зависти, живущих в человеческом сознании, насытить нелегко. Еще в двадцатом столетии было отмечено, что рабочий,

сумевший перебраться из квартиры с холодной водой в собственный дом с видеомагнитофоном и спортивной машиной, все равно завидует соседу с его тридцатидвухфутовым лимузином.

Человечество не изменилось от того, что приобрело технологию хичи. По-прежнему находились такие, которые хотели того, что есть у других, и готовы были отобрать это.

Так что воровство не исчезло. Не исчезли неверные любовники и просто психопаты, которые пытаются избавиться от своих бед насилием, нападениями и убийством.

Раньше таких людей либо сажали в тюрьмы (которые оборачивались школой преступников), либо отдавали их палачу (однако убийство не перестает быть убийством, если его совершает не индивидуум, а государство).

У Золотого Века нашлись лучшие способы воздействия на таких. Менее мстительные и гораздо менее удовлетворительные для тех, кто стремился обязательно наказать преступников. Но они действовали. Общество оказалось впервые полностью защищенным от преступников. Если еще и оставались тюрьмы (а они оставались), в них действовали роботы, которые никогда не спят и не берут взяток. Но лучше тюрем оказались пла-

неты изгнания, куда можно было депортировать самых неисправимых. Преступник, высаженный на такой планете с низкой технологией, мог прокормиться и продолжал жить, но не мог построить космический корабль, чтобы вернуться к цивилизации.

А для самых тяжелых было «Здесь и После».

Если сознание тщательно записано, тело больше не имеет значения. От него можно избавиться без угрызений совести. Это было самое тяжелое наказание — тяжелое своей окончательностью. И когда наказание осуществлялось, преступники не умирали. Они оставались живы — по-своему, но становились навсегда безвредны. Из такой тюрьмы никто не сбегал, это невозможно.

И чтобы все сказанное осуществилось, нужна была, помимо знания самих механизмов, энергия.

И здесь на помощь пришли хичи. При изучении центра пищевой фабрики была раскрыта тайна генераторов энергии хичи: это была ядерная реакция холодного синтеза. То же самое превращение двух атомов водорода в один атом гелия, которое происходит в недрах звезд, но не при таких температурах. В результате холодного синтеза создавалась температура в 900 градусов

Цельсия — почти идеальная температура для выработки электроэнергии, и процесс этот абсолютно безопасен.

Но и человеческая технология не застыла, и на Земле становилось по-настоящему хорошо.

Не все достижения человеческого расцвета науки и технологии объяснялись вкладом хичи. Например, компьютеры.

Человеческие компьютеры оказались лучше, чем у хичи, потому что хичи вообще не занимались думающими машинами. Их способы обработки информации строились на другой основе и в некоторых отношениях были хуже. Когда люди научились совмещать усовершенствования хичи со своими уже мощными машинами, последовал взрыв знаний, который означал начало новых технологий во всех сферах жизни.

Устройства с квантовыми эффектами давно заменили медлительные кремниевые микрочипы, и компьютеры стали на много порядков быстрее и лучше. Больше не нужно было набирать на клавиатуре программу. Достаточно было сказать компьютеру, что тебе нужно, и компьютер делал это. Если инструкции оказывались неадекватными, компьютер задавал вопросы, чтобы прояснить задание, — причем коммуникация

шла лицом к лицу, компьютер создавал голограмму, которая разговаривала с хозяином.

Пища хичи и энергия хичи… человеческие компьютеры… биохимия хичи, соединенная с человеческой медициной…

Мир людей наконец-то дал каждому человеку подлинную человечность. А если кому-то нужно было больше, к его услугам в пределах досягаемости была вся Галактика.

Оставался тревожащий и никогда не забывавшийся вопрос о самих хичи.

Они оказались неуловимы. Их следы находили повсюду, но никто не видел живого хичи, хотя каждый старатель Врат хотел увидеть их и почти каждый человек на Земле представлял в мечтах (или видел в кошмарах), какими они окажутся, когда их найдут.

Велись ожесточенные споры. Ответов было мало. Господствующая теория утверждала, что из-за какой-то трагедии хичи вымерли. Возможно, истребили друг друга в катастрофической войне. А может, по непонятным причинам эмигрировали в далекую галактику. Возможно, у них случилась чума — или они вернулись к варварству — или просто решили больше не путешествовать по космическому пространству.

Все соглашались в одном: хичи исчезли.
Вот в этом все ошибались.

Часть десятая. В Ядре

Неправда, что хичи вымерли. Определенно не как вид и в огромном числе случаев даже не как индивидуумы.

Хичи были живы и здоровы. А не находили их просто потому, что они этого не хотели. У них были для этого основательные причины, и они решили скрыться от нежелательного внимания на несколько сотен тысяч лет.

А спрятались хичи в центре Галактики, в огромной черной дыре — дыре такого размера, что в ней находились тысячи звезд, планет, спутников и астероидов; они сосредоточились в таком небольшом объеме, что их общая масса замкнула вокруг них пространство. Все хичи были там — несколько миллиардов; они жили на нескольких покрытых куполами планетах внутри Ядра.

Чтобы создать свое гигантское укрытие, хичи стащили вместе 9733 отдельные звезды, вместе с принадлежащими им планетами и другими объектами на орбитах. Помимо всего прочего, это дало им великолепное ночное небо. С поверхности Земли человек может увидеть невооруженным глазом около четырех тысяч

звезд, начиная от бело-голубого Сириуса до звезд шестой величины, находящихся на пределе видимости. У хичи звезд было вдвое больше, и увидеть их было легче, потому что они намного ближе — голубые звезды гораздо ярче знакомого нам Сириуса, рубины, почти такие же яркие, как земная Луна, созвездия из сотен удивительно ярких звезд.

Конечно, благодаря этому звездному населению у хичи почти не было ночей. Только когда небо закрывали густые облака. Поэтому хичи не привыкли к темноте. На их планетах в Ядре редко бывало так, чтобы соединенный свет звезд не давал хотя бы возможности читать.

При таком количестве звезд было и достаточно планет для жизни. Хичи занимали только часть их, но те, что выбрали, сделали очень уютными. Естественно, планеты эти были относительно теплыми, с благоприятной атмосферой и такого размера, чтобы была привычная хичи сила тяжести (как выяснилось, не очень отличная от земной). Это не было случайностью. Хичи сознательно подобрали лучшие планеты и переместили их в Ядро, чтобы жить на них. На них они строили свои города и фабрики, здесь устраивали фермы и культивировали загоны с

океанической рыбой — ничто у них не выглядело точно как у людей, но действовало неизменно хорошо. Гораздо лучше, чем у людей. Хичи строили, создавали, выращивали очень экономно, не заражая окружающую среду и ничего не портя. Они очень уютно устроились.

Конечно, полного совершенства не было. Но его никогда и не бывает. На Ямайке есть ураганы, в Южной Калифорнии — ветер Санта Ана, даже на Таити бывают сезоны дождя. В любом самом идеальном климате случается плохая погода. И у хичи были проблемы с погодой. Конечно, не с ветром или дождем. Их проблема заключалась во врожденном вредном характере черных дыр. Черные дыры имеют обыкновение всасывать в себя все, что находится поблизости. Они делают это с большой силой, на большой скорости. Все это сопровождается излучением. Именно поэтому человеческие астрономы впервые обнаружили черные дыры и их смертоносное ионизирующее излучение.

Поэтому повсюду в Ядре шел постоянный дождь из поврежденных заряженных частиц, это означало, что хичи приходилось накрывать свои планеты куполами. Хрустальные сферы окружили каждую планету, предохраняя ее от

смертоносного излучения от всех источников. Одновременно радиус Шварцшильда огромной черной дыры скрывал хичи от того, чего они боялись еще больше.

Поэтому они и скрылись в своем убежище. И теперь ждали.

Конечно, хичи нужен был вход в черную дыру и выход из нее, и, конечно, это у них было. Люди тоже имели такую возможность — в некоторых покинутых кораблях хичи, но прошло много времени, прежде чем они узнали об этом.

Такова главная проблема технологии хичи. Найдя ее части, люди испытывали большие затруднения. Хичи не оставили руководства, которое можно было бы изучить. Они даже не пометили свои машины ярлычками — по крайней мере, люди эти ярлычки прочесть не могли. Лучшим способом обращения с машинами хичи оказалась так называемая обратная инженерия — по существу, машину разбирали на части и пытались выяснить, как она действует.

Беда в том, что, когда инженеры пытались подступиться к тайне, проклятые машины взрывались. Поэтому с механизмами обращались осторожно, и если не могли определить, для чего предназначена машина, оставляли ее в покое.

Например, изогнутый хрустальный стержень, который находили в некоторых кораблях хичи. Инженеры понимали, что у него есть назначение. Они только не знали, каково оно.

Если бы кто-нибудь на Земле знал, где живут хичи, возможно, об этом и догадались бы… но никто этого не знал, и вот у человека оказался в руках инструмент для проникновения в черные дыры задолго до того, как кто-нибудь понял, на что он способен.

Кстати, немало времени прошло, пока люди узнали, как выглядят хичи. Нелегко описать их внешность.

Самец хичи в среднем пяти футов ростом. Голова у него идеального арийского нордического типа, хотя цвет кожи совсем не нордический. У самцов кожа коричневая, цвета дубовой коры, у самок она обычно светлее. Кожа хичи кажется состоящей из блестящего пластика. Череп покрывают густые тонкие волосы, вернее, покрывали бы, если бы хичи не подстригали их коротко. Самец хичи издает слабый запах аммиака — с точки зрения человека; сами хичи этот запах не ощущают. В их глазах нет радужной оболочки. Нет даже зрачков, только х-образное пятно в центре розоватого глазного яблока. Язык раздвоенный. А

фигура в целом…

Внешний вид хичи зависит от того, как вы на него смотрите: спереди или сзади.

Если человека сплюснуть, он будет походить на хичи. Спереди хичи выглядит очень плотным, сбоку (если не считать округлого выступающего живота) хрупким. А больше всего он напоминает (хотя и не без преувеличений) картонные скелеты, которыми дети украшают свои классы в Хэллоуин. Это особенно верно относительно бедер и ножных суставов, потому что таз у хичи по строению сильно отличается от человеческого. Ноги присоединяются непосредственно к тазу, как у крокодила, так что, когда хичи стоит прямо, между ног у него значительный промежуток.

У хичи это место не пустует. Это самое удобное место, чтобы носить в нем что-нибудь: то, что человек понес бы в руках или на плечах, хичи носят между ног. На самом деле все цивилизованные хичи носят в этом месте большую заостренную сумку. В ней находятся микроволновой генератор, который хичи нужен для поддержания жизни, и запись Древних Предков, сознание которых всегда с ними. Все это они носят с собой, как человек — карманный калькулятор, ручку, кредитную карточку и фотографию близких.

А когда хичи садятся, они садятся на этот стержень-сумку.

Наружный покров хичи, твердый и блестящий, в то же время не толст. Сквозь него заметны движения костей; можно даже увидеть, как действуют мышцы и сухожилия, особенно когда хичи возбуждены, — это нечто вроде языка телодвижений, как у человека оскал зубов. Речь у них свистящая. Жесты отличаются от человеческих. Хичи не качают отрицательно головой, вместо этого поворачивают запястья.

Хичи происходят от животных, которые, подобно луговым собачкам, рыли норы, а не от живущих на деревьях, как люди. Поэтому они сохранили несколько наследственных особенностей. Хичи не знают, что такое клаустрофобия. Им нравятся замкнутые пространства. (Возможно, именно поэтому они так любят туннели. И именно поэтому предпочитают спать в постелях, напоминающих джутовый мешок, заполненный опилками.)

Их семейная жизнь тоже не похожа на человеческую, и занятия, и их эквивалент политики, моды и религии. У них есть два пола, как у людей, и секс иногда сильно их занимает, как и людей, но долгими периодами они о нем даже не

вспоминают (в отличие от людей). Странно, но они так и не изобрели ничего напоминающего правительственное чиновничество (у них вряд ли есть правительство) или финансовую экономику (у них нет денег). Люди не понимают, как они могут жить без этого, но и хичи считают эти особенности жизни людей отталкивающими. К тому времени, как люди начали полеты в космос, большинство человечества было занято на работах «белых воротничков». И они были удивлены, что, строго говоря, почти все хичи являются безработными.

Дело не в том, что профессора — политологи и социологи гадали, как хичи умудряются существовать без королей, президентов или прочих лидеров. И на Земле поколения анархистов и философов утверждали, что люди в них тоже не нуждаются в лидерах. Загадка заключалась в том, как хичи удалось вообще никогда их не иметь.

Спустя много времени группа антропологов выдвинула следующую теорию. Феномен хичи также имеет эволюционную основу. И возник потому, что предки хичи, так называемые «хичиоиды», жили в подземных норах, как луговые собачки или пауки-ктенизиды. Они не создавали племена. У каждого была своя территория.

И поэтому они не вели племенные войны и не боролись за право престолонаследия: просто не было трона, который можно унаследовать. Хичиоиды не конфликтовали друг с другом — пока их территория не нарушалась.

Конечно, одинокие, не взаимодействующие друг с другом индивиды не могут создать высокотехнологичную космическую цивилизацию. Но когда хичи доросли до таких честолюбивых замыслов, их характер установился. У них не было концепции патриотизма. Не было наций, к которым нужно относиться патриотично. У них существовал кодекс поведения — «законы» — и были институты, следившие за его соблюдением («советы», «суды», «полиция»), но это все. Земные правительства большую часть энергии тратят, защищаясь от нападений других государств или нападая на эти государства. Когда взаимные угрозы физические, метод их разрешения военный. Когда угрозы экономические, усилия направлены на субсидии, тарифы и эмбарго. Хичи это все не нужно, так как у них нет соперничающих государств.

И вот хичи жили в своем тесном Ядре, были довольны жизнью и ждали, пока их откроют.

Однако их жизнь в Ядре по человеческим стан-

дартам была не вполне нормальной.

Существовало одно значительное отклонение от нормы. Хичи жили в Ядре около полумиллиона лет — незадолго до ухода они побывали на Земле и прихватили горстку австралопитеков, чтобы посмотреть, что выйдет из этих глупых маленьких животных, — но для них этот срок не казался большим.

Альберт Эйнштейн сразу понял бы, в чем дело. В сущности, он даже предсказал этот эффект. Хичи находились внутри черной дыры. Поэтому они подчинялись космологическим правилам, управляющим черными дырами, включая феномен растяжения времени. Время, которое неслось в Галактике, ползло с ледниковой медлительностью в Ядре — соотношение примерно 40 000 к 1. Это очень большое отличие, такое большое, что многие хичи, оставившие свои корабли на Вратах, еще жили в Ядре. О, конечно, они постарели. Время не остановилось. Но для них прошло не полмиллиона лет, а только несколько десятилетий.

А когда хичи ушли и спрятались, они оставили часовых. Это входило в их план.

Конечно, их план включал и элемент риска. Хичи не были уверены, что возникнет разумная

космическая раса и найдет оставленные ими артефакты; а если этого не произойдет, план не сработает. Но они решили попробовать. Они рассчитывали на другие разумные расы (и потому оставили в укрытии по всей Галактике своих часовых-роботов, чтобы те нашли новые разумные расы и сообщили о них).

Когда люди начали шуметь в Галактике, часовые засекли их.

Хичи применили изогнутый хрустальный стержень — его название значило у них примерно то же, что у нас «нож для открывания консервов», — и проверили свои «собирательские ловушки». Они хотели проверить, что произошло в Галактике за последние несколько столетий (с их точки зрения — за пару дней). В качестве обычной предосторожности они отправили разведывательную группу…

Но это уже совсем другая история.

Парень, который будет жить вечно

1. Из Стамбула к звездам

I

На семнадцатый день рождения Стэна пришелся Божий Гнев, что случалось примерно каждые шесть недель. Стэн был в квартире один, нарезал овощи для обеда по случаю своего торжества, когда внезапно почувствовал знакомый всепоглощающий, дезориентирующий, сексуально возбуждающий приступ головокружения, который все называли Гневом и причины возникновения которого никто не понимал. Крики и сирены на улице свидетельствовали, что другие тоже почувствовали это. Когда начался приступ, Стэн сумел уронить нож на пол, чтобы не порезаться, и с трудом сел на стул, пережидая беду.

Говорили, что приступы Гнева ужасны. Что ж, верно. Когда такой приступ одновременно случается у всех на Земле — и не только на Земле: на кораблях в космосе, в колониях на Марсе и Венере, — когда всех накрывает в один и тот же миг, количество несчастных случаев и жертв неизбежно становится огромным. Сам Стэн не возражал против этих приступов. Если в это вре-

мя казалось, что он неожиданно попал в долгий одинокий эротический сон. Наверное, думал Стэн, так бывает, когда здорово наберешься. Эротическая часть сна не очень отличалась от видений, которые время от времени посещали самого Стэна; вдобавок Гнев проходил, не оставляя похмелья.

Приступ кончился. Стэн встряхнулся, подобрал с пола упавшие предметы и включил местные теленовости, чтобы узнать, сильно ли отразился Гнев на жизни города.

Достаточно сильно. Пожары. Дорожные происшествия — избегая столкновений, агрессивные водители Стамбула рассчитывают на свою мгновенную реакцию, и, когда Гнев лишает ее, тут же начинаются аварии. На этот раз меньше всего повезло нефтяному танкеру, заходившему в Золотой Рог. На мостиках танкера и обоих буксиров все разом потеряли способность действовать, танкер медленно и неотвратимо надвинулся на один из больших туристических лайнеров у причала Старого города и мгновенно вспыхнул.

Да, это действительно был тяжелый случай. Однако, подобно всем подросткам, Стэн легко переносил чужие несчастья. Он только надеялся, что всеобщее смятение не помешает отцу

вовремя вернуться с обещанными шафраном и мидиями для жаркого. Покончив с овощами и положив их в холодную воду, он отобрал несколько старых дисков из своего драгоценного собрания — на этот раз Диззи Гиллеспи, Джек Тигарден и «Пять плюс три» Файрхауза, — сел и стал ждать. Перелистывая страницы комиксов, Стэн гадал, надерется сегодня отец и забудет сделать ему подарок на день рождения или нет.

Именно в этот момент появились полицейские.

Их было двое, мужчина и женщина, и они подозрительно осмотрели убогое жилище.

— Здесь жил американский гражданин Уолтер Эвери? — спросила женщина, и прошедшее время в ее вопросе сразу все объяснило.

Факты сообщили быстро. Отец Стэна попал в статистику жертв Гнева. Он как раз переходил улицу, и под действием приступа его сбил шофер такси. Женщина сразу сказала, что найти виновного невозможно: Гнев, вы ведь понимаете. Шофера давно и след простыл. К тому же свидетели утверждали, что отец Стэна был пьян. Конечно.

Мужчина-полицейский пожалел Стэна.

— По крайней мере, он не страдал, — грубовато

сказал он. — Умер сразу.

Женщина была нетерпелива.

— Итак, теперь вы в курсе, — сказала она. — Вам следует до полуночи забрать тело из морга, иначе придется платить за хранение за каждый лишний день. До свидания.

И они ушли.

II

Итак, ни шафрана, ни мидий для праздничного обеда не будет. Стэн отыскал несколько кусочков ветчины и бросил их в кастрюлю с овощами. Поставив кастрюлю на огонь, он сел и, обхватив голову руками, задумался, что значит быть американцем — ну, полуамериканцем — и сиротой в огромном городе Стамбуле.

Не вызывали сомнений два факта. Во-первых, долгожданный день, когда отец протрезвеет, отвезет Стэна в Америку и у них начнется новая жизнь, — этот день никогда не наступит. Из первого факта вытекал второй: у Стэна нет и не будет денег, чтобы учиться в колледже и осуществить свою заветную мечту — полететь на астероид Врата и пережить множество удивительных приключений. У него нет и не будет ни единого шанса присоединиться к мужественным и колоритным

старателям Врат, которые летают в разные концы Галактики. Ему никогда не открыть сокровищницы драгоценных предметов, оставленных исчезнувшим древним народом хичи. А значит, не стать ни знаменитым, ни богатым.

Ничто из этого не стало для Стэна сюрпризом. Вера в то, что мечты сбудутся, постепенно слабела с тех пор, как он достиг возраста, позволяющего критически воспринимать окружающее, — двенадцати лет. Но все эти мечты казались осуществимыми хотя бы в теории. Теперь, по-видимому, исчезла даже такая возможность.

И только тут Стэн позволил себе заплакать.

Когда Стэн приводил в порядок кухню после своего безвкусного праздничного обеда, в дверь постучал мистер Озден.

Мистеру Оздену лет семьдесят. На взгляд Стэна, может, и сто — сморщенный уродливый старик с лысой макушкой, но еще с черными щетинистыми усами. И самый богатый человек из всех, кого знал Стэн. Ему принадлежали: дом, в котором жил Стэн, два соседних дома и бордель, занимавший два этажа в одном из них. Мистер Озден был глубоко религиозен и так предан заветам своей религии, что не допускал алкоголь в свои владения, за исключением борделя, да и то только для

посетителей-немусульман.

— Глубочайшие соболезнования по поводу твоей утраты, юный Стэнли, — пробасил он своим удивительно громким голосом, машинально оглядывая комнату в поисках запрещенной бутылки виски. (Он никогда не находил спиртное: отец Стэна был слишком предусмотрителен.) — Ужасная трагедия, но кто может оспаривать пути Господни? Каковы твои планы, позволь узнать?

Стэн уже подавал ему чай, как всегда делал отец.

— Пока еще не знаю, мистер Озден. Вероятно, мне придется найти работу.

— Да, это так, — согласился мистер Озден. Положив в рот миндальное печенье, поданное на блюдце, он разглядывал мальчика. — Может, будешь работать в американском консульстве, как твой отец?

— Может быть. — Однако Стэн знал, что это исключено. Разговор об этом уже был. Американцы не собирались нанимать переводчика моложе двадцати одного года.

— Это было бы замечательно, — провозгласил мистер Озден. — И чем быстрей, тем лучше. Как ты знаешь, платить за квартиру нужно завтра, а еще нужно заплатить за прошлую неделю и за

предыдущую. Как ты думаешь, тебе хорошо будут платить в консульстве?

— Все в воле Божьей, — как можно благочестивее ответил Стэн. Старик кивнул, разглядывая мальчика. Под этим взглядом Стэн почему-то почувствовал себя неловко.

— Если хочешь, — сказал наконец старик, показывая в улыбке дорогие зубы, — я поговорю о тебе с братом.

Стэн выпрямился: именно двоюродный брат мистера Оздена содержал его бордель.

— Вы думаете, я смогу работать у него? Но что я буду делать?

— То, за что хорошо платят, — строго ответил мистер Озден. — Ты молод и, мне кажется, здоров. Если повезет, сможешь заработать хорошие деньги.

Что-то зашевелилось в животе и чреслах Стэна. Ощущение не очень приятное. Время от времени он видел, как проститутки, работающие у двоюродного брата мистера Оздена, загорают на плоской крыше, когда посетителей немного. С ними бывают один-два мальчика. Обычно они моложе его, чаще всего это курды или выходцы из горной Анатолии. А иногда из Алжира и Марокко. Похоже, надолго они здесь не задерживаются.

Стэн и его друг Тан часто развлекались, выкрикивая им оскорбления с безопасного расстояния. Ни один из этих мальчиков не казался особенно счастливым.

Прежде чем Стэн смог ответить, мистер Озден продолжил:

— Ты ведь знаешь, клиенты моего брата не только мужчины. К нему часто приходят женщины, богатые вдовы, туристки из Европы или с Востока, которые очень благодарны молодым людям, доставляющим им удовольствие, какое уже не могут доставить мужья. Они дают большие чаевые, и брат позволяет мальчикам оставлять себе почти половину… вдобавок он обеспечивает своих людей Временной Медициной — пока они у него работают, а также комфортом и хорошей едой — за умеренную плату. Женщины, клиентки моего брата, часто бывают привлекательны. Конечно, — добавил он, понизив голос, — естественно, будут и мужчины. — Он встал, оставив чай и печенье почти нетронутыми. — Но, возможно, в консульстве тебе сделают лучшее предложение. Тебе все равно нужно как можно быстрей позвонить туда, чтобы сообщить о печальном происшествии с твоим отцом. Может быть даже, ему там еще что-то должны, и тебе

хватит, чтобы заплатить за квартиру. Завтра утром я снова зайду.

Когда Стэн позвонил в консульство, мистера Гудпастора на месте не было, но его пожилую секретаршу новость потрясла.

— О Стэнли! Опять этот ужасный Гнев! Как я тебе сочувствую! Твой отец был… гм… очень хорошим человеком.

Стэн знал, что в общепринятом смысле это справедливо лишь отчасти. Его отец был добрым, мягкосердечным, великодушным и очень ненадежным пьяницей, и работу в консульстве ему предоставили единственно по той причине, что он американец, а американцу не пристало наниматься к туркам. И когда Стэн почтительно спросил, не осталось ли каких-нибудь невыплаченных отцу сумм, секретарша была сама тактичность.

— Боюсь, что нет, Стэнли. Ты знаешь, я отправляю все чеки от имени мистера Гудпастора. И уверена, что ничего не осталось. На самом деле, — смущенно добавила она, — боюсь, что все наоборот. Видишь ли, твой отец недавно получил несколько чеков авансом, так что превысил свой кредит. Но не волнуйся, дорогой. Я уверена, никто с тебя не спросит.

Для Стэна ее слова не стали новостью: он знал, что отец хронически нуждался в деньгах. Тем не менее это обострило его проблемы. Американцы, возможно, и не потребуют с него денег, но мистер Озден определенно потребует. Уже потребовал. И сделает все, чтобы эти деньги получить. Когда в последний раз из их дома выселили за неуплату жильца, мистер Озден забрал себе все его вещи до последней нитки, чтобы продать их и покрыть долг.

Последнее соображение заставило Стэна оценивающе осмотреть крошечную квартиру. Мебель не в счет, потому что принадлежит мистеру Оздену. То же с постельным бельем и кухонной утварью. Скудный гардероб отца, конечно, заберут. Древний проигрыватель Стэна и стопка записей американского джаза, его собрание космических приключений — для бодрствования и для сна, его учебники, небольшое количество еды на полках… то, что можно выручить за все про все, вряд ли покроет долг. Единственная относительно ценная вещь — музыкальные инструменты: видавшая виды труба и барабаны. Конечно, на барабаны мистер Озден не имеет права, поскольку они не принадлежат Стэну. Их принес его друг Тан Кусмероглу, когда его роди-

тели заявили, что больше не потерпят музыки в своем доме.

Относительно этих вещей можно кое-что предпринять. Когда Стэн позвонил, ответила мать Тана. Услышав новость, она заплакала. Прошло немало времени, прежде чем миссис Кусмероглу сообщила Стэну, что Олтана нет дома. Он на работе, но она передаст ему печальную новость, и если они могут чем-нибудь помочь…

Поговорив с миссис Кусмероглу, Стэн посмотрел на часы. У него оставалось достаточно времени до похода в морг, поэтому он отдернул занавеску, за которой спал, — лечь в постель отца он был еще не готов, — и лег: вдруг захочется поплакать еще.

Но он не плакал. Он мгновенно уснул, что принесло ему гораздо больше пользы. Несколько часов спустя его разбудил Тан Кусмероглу. Стэн услышал крик муэдзина, с маленького минарета на углу призывавшего правоверных к молитве. Но возбужденный голос Тана почти заглушил этот крик. Тан тряс Стэна, пытаясь его разбудить.

— Давай, Стэн, проснись! Старый пердун на молитве, а я занял у босса фургон. Лучшего времени, чтобы вынести наше добро, не будет!

Это означало, что у них в лучшем случае есть

десять минут. Стэн не стал спорить. Чтобы загрузить в фургон трубу, барабаны, драгоценные музыкальные диски и кое-какую мелочь, потребовалось даже меньше времени. Они уже отъезжали, когда Стэн вспомнил.

— Мне нужно в морг, — сказал он.

Тан оторвал взгляд от туристического автобуса перед ними и грузовика, который пытался подрезать их сбоку, — оторвал ровно настолько, чтобы искоса посмотреть на Стэна. У него было необычное выражение — сочувственное и одновременно слегка возбужденное, словно он задумал какое-то новое приключение.

— Я об этом думал, — провозгласил он. — Тебе не нужно туда идти.

— Но я должен опознать тело отца, так что придется.

— Нет, не придется. Что с тобой сделают, если ты не придешь? Ведь тебя заставят платить за погребение, а как ты это сделаешь? Никак. Не показывайся там.

Стэн просто спросил:

— Куда же мне деваться?

— К нам, придурок! Можешь пожить в моей комнате. Или, — с улыбкой добавил он, — в комнате моей сестры. Если предпочитаешь. Но

сначала тебе нужно будет на ней жениться.

III

Все в семье Кусмероглу работали. Мистер Кусмероглу был младшим бухгалтером на фабрике, производившей на экспорт машины по корейской лицензии. Тан доставлял заказы из скобяной лавки. Его шестнадцатилетняя сестра Наслан работала в кондитерской одного из больших отелей на берегу Босфора. Даже миссис Кусмероглу работала на дому, собирала из бусин браслеты, на которых написаны стихи из Корана, — для продажи туристам, — когда не варила, не стирала и не чинила одежду всех членов семьи. Но Стэну не нужно было объяснять, что они, как ни старались, едва сводили концы с концами, а это означало только простейшую Базовую Медицину и постоянный страх перед будущим. Теперь закончить школу Стэну стало так же невозможно, как и Тану. И невозможно было долго жить за счет Кусмероглу.

Следовало найти способ зарабатывать.

Но это нелегко. На постоянную работу Стэн рассчитывать не мог, даже если бы она была: по турецким законам, он незарегистрированная личность. Конечно, он не один такой. В нищем

Стамбуле таких миллионы. И вряд ли власти станут тратить время на его поиски — конечно, если он не даст маху и не угодит в какие-нибудь официальные сводки.

Однако в его положении есть и плюсы. Хорошо, что сейчас только начало весны, которая еще не скоро станет летом. Это означает, что обычное двадцатипятимиллионное, в основном нищее население с каждой неделей вырастает на два или три, а может, даже на пять миллионов туристов. Людей, которые по определению располагают деньгами и стараются потратить их на виды Стамбула, на еду, сувениры и жителей города.

— Ты можешь стать гидом, — провозгласил за обедом мистер Кусмероглу. — Ты бегло говоришь по-английски и по-турецки, Стэнли. У тебя хорошо получится.

— Гидом, — повторил Стэн. Из вежливости повторил с благодарностью, но в глубине души посомневался.

— Конечно, гидом, — одобрительно подхватил Тан. — Отец прав. Ты знаешь о Стамбуле все, что необходимо. Помнишь всю скучную историю, которую нам вбивали в голову в школе? Просто забудь об Оттоманском периоде и сосредоточься на Византии. Туристы хотят слышать только

об этом. К тому же можно взять в библиотеке путеводитель.

Стэн сразу упомянул самое существенное затруднение:

— Но я не могу получить лицензию гида. Полиция…

— Тебя не потревожит, — решительно сказала мать Тана. — Держись только Топкапи и Большого Базара. Когда увидишь американцев, которые путешествуют самостоятельно, не в группе, подружески предложи им что-нибудь рассказать. Скажи, что ты американец и учишься здесь, — это ведь почти правда, верно? А если полицейские начнут задавать вопросы, говори с ними только по-английски, объясни, что ищешь родителей, у которых твои документы. У тебя светлые волосы, голубые глаза — к тебе не станут привязываться.

— Но он одет не как американец, — вставила Наслан.

Мать задумчиво поджала губы, потом улыбнулась.

— Пожалуй, с этим мы справимся. Мы с тобой, Наслан, сошьем ему одежду. Тебе все равно пора научиться шить.

Бесконечные запасы вещей, забытых посетителями в отеле, где работала Наслан, составили

основу, а женщины Кусмероглу эти вещи подогнали. Стэн стал образцовым американским студентом в туристической поездке: яркие цветные брюки, грязноватые кроссовки, бейсболка с эмблемой далласских «Доджеров» и футболка, на которой спереди написано «Врата или разорение», а сзади — «Я разорен». Толпы туристов оказались вполне пригодными для доения. Больше того. Американцы, на которых он сосредоточил свое внимание, все были при деньгах и, казалось, не знали, на что их потратить. Например, пожилую супружескую пару из Ривердейла, штат Нью-Йорк, так поразили огромные номиналы турецкой валюты, что Стэн, который помог им найти чистый туалет, получил в благодарность банкноту в миллиард лир, когда миллион или два было бы верхом щедрости. А когда Стэн указал на ошибку, престарелые супруги настояли на том, чтобы он взял эти деньги в награду за честность. Так что за первую же неделю Стэн заработал больше Тана и почти столько же, сколько Наслан в своем отеле. Он попытался отдать все это миссис Кусмероглу, но та взяла только половину.

— Молодому человеку хорошо иметь небольшой капитал.

А ее дочь добавила:

— Ведь однажды ты захочешь жениться.

Конечно, у Стэна не было подобных планов, хотя Наслан в легкомысленной шляпке и мини-юбке — гостиничной униформе — выглядела очень хорошенькой. И пахла очень приятно, благодаря обилию не совсем пустых тюбиков и флаконов, которые гости отеля оставляли в ванной: обязанностью Наслан было держать ванные комнаты безупречно чистыми. На Стэна эти запахи действовали. Когда Наслан садилась рядом с ним по вечерам для семейного телепросмотра, Стэн надеялся, что никто не замечает, что у него выступает в паху. Но это ведь вполне естественно. В конце концов, он мужчина и ему уже семнадцать.

А еще его увлек новый статус человека, способного зарабатывать значительные суммы. Стэн запоминал целые страницы путеводителя и добавлял к этому то, что услышал от профессиональных гидов, рядом с которыми старался держаться. Подслушивать лучше всего было в местах вроде Большой мечети или Святой Софии, где собирались десятки групп, а шесть-семь гидов говорили одновременно на разных языках. Их рассказы обычно бывали интереснее того, что писали в книгах, и гораздо непристойнее.

Впрочем, подслушивать было рискованно. В узком переулке за огромными кухнями дворца Топкапи Стэн встретил группу гидов с лицензиями, и ему не понравилось, как они на него смотрят. Гиды ожидали возвращения своих групп с осмотра. И когда они достали карманные фоны, по-прежнему глядя на него, Стэн постарался как можно быстрее исчезнуть.

Но на самом деле он боялся не гидов и не полиции, а того, что его найдет мистер Озден. Стэн не знал, что сделает старик, если найдет его. И даже решил, что заплатит за квартиру из той пачки лир, которую держал под матрацем. На этом матраце он спал вместе с Таном. Но кто знает, какие законы он нарушил своим бегством? А мистер Озден об этом будет знать все, так что Стэн старался держаться подальше от своего прежнего жилища.

Стэн не только работал. Когда приходил домой вовремя, помогал миссис Кусмероглу готовить обед — она делала вид, что поражена его зачаточными кулинарными навыками, — а потом они иногда вместе смотрели телевизор. Миссис Кусмероглу нравились многозначительные ток-шоу, на которых пандиты обсуждали смысл приступов Гнева Божьего, время от времени об-

рушивающегося на мир, или кипрский вопрос. Мистер Кусмероглу предпочитал музыку — хотя не такую, какую играли мальчики. Тан и Стэн высказывались за космические программы или спорт. Но дело редко доходило до голосования, потому что Наслан предпочитала американские ситкомы — на англоязычном канале, чтобы улучшать свой английский, — счастливые богатые и красивые люди наслаждаются жизнью в Лас-Вегасе, Малибу или Хемптоне, а Наслан говорит быстрее всех. Но все это пустяки. Главное то, что они были семьей. Настоящей семьей. И для Стэна это было самым важным, ведь у него сохранились лишь очень слабые воспоминания о том, что значит жить в семье.

Хотя Кусмероглу были очень добры к Стэну, их терпимость не доходила до того, чтобы разрешить принести домой барабаны и трубу. Поэтому пару раз Стэн и Тан притаскивали свои инструменты в школьный спортивный зал — тамошний ночной сторож был родственником Тана, и никто не обращал внимания на шум после занятий.

Но, конечно, это было уже не то. В двенадцать лет у них возник план. Вместе с курдским мальчиком, игравшим на скрипке, и девочкой на клавишных они создадут группу. Вчетвером они

целыми днями спорили и наконец выбрали название «Стэн, Тан и банда». Начинать собирались с малого — с выступлений на днях рождения и, может быть, на свадьбах. Как только подрастут — перебраться в клубы. Заключить контракт со студией звукозаписи. Контракт непременно крупный… А потом курдского мальчика исключили из школы, потому что его отец жертвовал на подпольное курдское движение, а мама девочки запретила ей проводить время со старшими мальчиками.

Но это не стало страшным ударом. Ведь главная мечта Стэна и Тана была иной. Космос. Бесконечный фронтир. Где честолюбие молодого человека не встречает преград.

Если бы каким-то образом удалось раздобыть достаточно денег, чтобы оплатить дорогу, они отправились бы на Врата или в поселение на одной из планет. Стэну нравился Марс, где колонисты под пластиковыми куполами создавали почти земную жизнь. Тан предпочитал поиски в древних туннелях хичи на Венере, где — кто знает? — еще можно найти старые артефакты, которые сделают их богатыми, как старателей Врат.

Добраться до любого из этих мест мешало от-

сутствие денег — неразрешимая проблема. Но, может, деньги и не понадобятся, ведь существуют другие возможности. Например, никакой богач-старатель не сравнится с Робинеттом Броудхедом, а Броудхед постоянно снаряжает космические экспедиции. Как та, что и сейчас выполняет свой многолетний рейс к облаку Оорта, где, как известно, обнаружен какой-то загадочный объект хичи. И добраться туда можно только в медленном ракетном корабле людей. Броудхед заплатил добровольцам, которые согласились на этот ужасный рейс; может быть, заплатит и другим. Когда Стэн и Тан вырастут. Если к тому времени еще не все будет исследовано.

Конечно, все это были детские мечты. Стэн больше не надеялся, что они сбудутся. Но продолжал мечтать.

Тем временем он работал гидом и жил в семье Кусмероглу, и это было совсем неплохо. За первый же месяц он заработал столько денег, сколько в жизни не видел. И допустил ошибку, позволив Наслан подсмотреть, как он их пересчитывает. Она тут же сказала:

— Да ты богач, Стэнли! Не пора ли потратиться?

Он посмотрел на нее с подозрением.

— На что?

— Господи, да на приличную одежду! Послушай, в пятницу я выходная. Папа не позволит мне пропустить утреннюю молитву, но потом мы с тобой могли бы отправиться по магазинам.

Так что утром в пятницу Стэн и Наслан поехали автобусом в один из больших магазинов, и Стэн приобрел свой первый взрослый гардероб. Все стоило гораздо дороже, чем готов был платить Стэн, но Наслан умела отчаянно торговаться. И разумеется, заставляла перемерить шесть разных вариантов, прежде чем позволяла выбрать. Руки у них были заняты свертками, а пачка банкнот стала вдвое тоньше, и они стояли на остановке в ожидании автобуса, когда рядом остановилась машина.

— Эй, ты! — послышался мужской голос.

Это была машина консульства, на безупречно черной дверце золотыми буквами значилось: «Соединенные Штаты Америки». Водитель высунулся и манил Стэна.

— Ты ведь Стэн Эвери, сын Уолтера Эвери? Конечно, это ты. Послушай, тебя все время разыскивает мистер Гудпастор. Ради бога, где ты скрываешься?

Стэн затравленно посмотрел на Наслан.

— Я… я живу у друзей.

За машиной консульства стоял десяток других, все водители отчаянно сигналили. Шофер сделал в их сторону неприличный жест, потом рявкнул Стэну:

— Я не могу здесь стоять. Послушай, у мистера Гудпастора есть для тебя кое-что. У тебя хоть какой-то адрес есть?

Пока Стэн пытался придумать ответ, ловко вмешалась Наслан:

— Ты ведь не знаешь точно, по какому адресу окажешься, Стэн? Он собирается переехать в собственную квартиру, — сообщила она водителю. — Почему бы вам не послать ему сообщение на адрес работы. Это компания по доставке тканей «Эклек». Ее адрес Зинцирликую, Кайя Алдеро Сок, номер 34 дробь 18. Сейчас запишу. — Когда водитель наконец освободил проезд и уехал, она ласково сказала Стэну: — Кто знает, что им нужно? Может, хотят за что-нибудь получить с тебя деньги? Например, за похороны отца. А я нравлюсь десятнику той компании, и он позаботится, чтобы мы получили письмо. И никому не скажет, где мы.

Но когда Наслан принесла домой конверт, весь усаженный печатями консульства, в нем был

не счет. К конверту была приложена записка от мистера Гудпастора.

«Дорогой Стэнли!

Когда мы проверили файлы, выяснилось, что твой отец застраховал свою жизнь в твою пользу. Лицевой счет индексирован, так что в результате получается довольно значительная сумма. Надеюсь, это поможет тебе лучше устроить свою жизнь».

Стэн, держа записку в одной руке, конверт в другой, вопросительно посмотрел на мистера Кусмероглу.

— А что значит «индексирован»?

— Это значит, что сумма страховки увязана со стоимостью жизни и поэтому возрастает вместе с инфляцией. Распечатай, Стэнли. Может быть, там много денег.

Но когда Стэн достал из конверта зеленый правительственный американский чек, указанная на нем сумма вызвала у него разочарование.

— Что ж, — сказал он, показывая чек семье и стараясь улыбаться, — что нам с этим делать? Купить всем пиццу?

Но у Наслан зрение оказалось острее. Она выхватила чек у него из руки.

— Глупый мальчишка, — полупрезрительно, со смехом сказала она, — разве ты не видишь? Это не лиры, это американские доллары! Стэн, ты богат! Можешь делать что хочешь. Купи себе Полную Медицину. Женись. Начни бизнес. Можешь даже уехать в Америку и начать там новую жизнь!

— Или, — добавил Тан, — оплатить дорогу на астероид Врата, Стэн.

Стэн посмотрел на него, потом на чек. Это правда. Денег вполне хватит, их даже больше, чем нужно.

Он не стал раздумывать. Дрожащим голосом он сказал:

— Мы сможем полететь оба, Тан. Полетим?

2. По стопам героев

I

На астероиде Врата Стэна прежде всего поразило отсутствие верха: ведь он почти ничего не весил. И его организм нашел только один способ реагировать на это обстоятельство: Стэна начало рвать. Приступ космической болезни застал Стэна врасплох, потому что он никогда не страдал морской или воздушной болезнью. До настоящего времени он попросту ни разу не бывал на борту корабля или самолета. Поэтому внезапный приступ тошноты и головокружения и последующая обильная рвота потрясли его. Охранники в приемном отсеке не удивились.

— Свежачок, — сказал один из них другому, тому, который быстро передал Стэну бумажный пакет, чтобы тот закончил блевать в него.

К счастью, не один Стэн оказался подвержен приступу. Еще двоих мужчин в его группе рвало так же сильно. Единственная женщина, болезненно-бледная, хрупкая и молодая — у нее было что-то очень неправильное в лице, словно его собирали наспех, так что левая сторона оказа-

лась короче правой, — тоже явно чувствовала себя плохо, но отказалась от бумажного мешка. Единственным, кто не страдал, оказался Тан. И именно ему пришлось нести все их вещи: барабаны, трубу, музыкальные записи и кое-что еще — и проходить через формальности регистрации. Потом Тан сумел протащить все их имущество и Стэна по бесконечным коридорам и лифтам Врат до отведенной им комнаты. Стэн нашел в себе достаточно сил, чтобы забраться в спальный гамак, закрыл глаза, и все исчезло.

Когда он проснулся, над ним висел Тан. Одной рукой он держался за петлю, в другой держал резиновый тюбик с кофе.

— Не пролей, — предупредил он. — Слабый, но все же кофе. Сумеешь удержать в себе?

Стэн сумел. В сущности, он неожиданно обнаружил, что очень хочет есть. Чувство постоянного падения тоже оказалось не таким уж неприятным, хотя по-прежнему было не очень уютно.

Тана, казалось, ничто не берет.

— Пока ты спал, я был занят, старина Стэн, — оживленно объявил он. — Нашел место, где мы будем есть и где можно развлекаться. Кажется, на Вратах больше никого из Стамбула нет, но я нашел одного мусульманина. Его зовут Таршиш.

Шиит из Ирана, но парень вроде неплохой. Он посмотрел в документы и говорит, что у нас денег на восемнадцать дней. За это время мы должны выбрать экспедицию. К несчастью, в последнее время экспедиций почему-то немного, но мы что-нибудь найдем. Придется. Если наши средства кончатся раньше, нас просто депортируют. — Но тут он улыбнулся. — Еще я говорил с молодой женщиной, которая прилетела с нами. Думаю, можно привыкнуть к ее лицу. Если повезет, скоро узнаю ее гораздо ближе.

— Поздравляю, — ответил Стэн. Он осторожно попытался встать с гамака, ухватившись за петлю. И обнаружил, что невесомость переносится легко, но возникла другая проблема. — А ты нашел место, где можно пописать? — спросил он.

— Конечно. Покажу. А потом начнем изучать список ближайших экспедиций, потому что нет смысла болтаться здесь, если можно заработать состояние.

Стэн знал, что когда-то всякий смелый и отчаянный доброволец, добравшись до Врат, мог выбирать любой из десятков загадочных кораблей хичи. Забираешься в выбранный корабль. Устанавливаешь странного вида колесо прибора так, как нравится, потому что никто не знает, как

«правильно». Нажимаешь сосок двигателя. И — летишь быстрее света, а за счет чего — опять-таки никто не знает. Ты на пути к приключениям и богатству. Или к разочарованию и досаде, если не найдешь ничего достойного. Или — очень часто — к страшной смерти… но игра стоит свеч, если награда достаточно велика.

Но это тогда. Сейчас все по-иному. За прошедшие годы бесследно исчезли почти двести кораблей, храбро пустившихся в путь. Несколько десятков уцелевших — преимущественно большие, трех- и пятиместные, — теперь выполняют транспортные функции, перевозят колонистов на вновь открытые пригодные для жизни планеты вроде Валгаллы или планеты Пегги или летят на Врата-Два, где еще осталось некоторое количество пригодных к полетам кораблей хичи. Когда парни заглянули в список полетов, они испытали разочарование. Предлагалось три-четыре полета, но все в одноместных кораблях — двум молодым людям, решившимся лететь вместе, толку в этом не было.

Они не ограничились просмотром списка на экране. Отправились к диспетчеру, толстому грубому бразильцу по имени Эктор Монтефиоре. Чтобы попасть в кабинет Монтефиоре, нужно

пробраться к самой внешней оболочке Врат, где в своих шахтах сидят корабли в ожидании полета. Некоторые шахты пусты, внешние шлюзы закрыты, чтобы изолировать их от космического вакуума; эти корабли находятся в полете. Наглядевшись досыта, Стэн и Тан отодвинули шторку кабинета Монтефиоре и вошли.

Диспетчер лениво смотрел на экран и что-то ел — отнюдь не блюдо из столовой Врат. Несколько минут он слушал, потом покачал головой.

— Валите на ..., парни, — посоветовал он. — Я вам ничем не помогу. Не я назначаю полеты, это делает начальство. Их решения компьютер выносит на экран, а я просто записываю имена добровольцев. Следующая большая экспедиция? Откуда мне знать?

Стэн собирался спорить. Тан утащил его. В коридоре Стэн рявкнул на друга:

— Он все равно что-то знает!

— Может быть, но нам не скажет. Можно попытаться подкупить его...

Стэн невесело рассмеялся.

— Чем?

— Верно, нечем. Ты прав, Стэн. Так что давай убираться отсюда.

Они вернулись в центральное веретено Врат,

в паб — он назывался «Голубой ад», — чтобы за чашкой дорогого и слабого кофе Врат обдумать свои перспективы. Конечно, в «Голубом аду» можно купить не только кофе. Если ты при деньгах, найдется хорошая еда, выпивка самых разных сортов, можно и поиграть — что и дало этому месту его название. Парни завистливо принюхивались к большим бифштексам, смотрели, как вертится магнитная рулетка. Стэн глубоко вздохнул.

Он потрогал Тана за плечо.

— Эй, парень! Мы на Вратах! Давай, по крайней мере, осмотримся!

Они так и поступили, почти забыв, что деньги тают, а экспедиция, ради которой они прилетели сюда, не подвертывается. Сходили в Центральный парк, где растут фруктовые деревья и кусты с ягодами — но срывать позволено только за деньги. Осмотрели большой водяной резервуар Врат, напоминающий подземные озера Стамбула. И почтительно посетили музей Врат.

Все, что видел Стэн, было знакомо ему еще по рассказам о Вратах, которые он жадно глотал в детстве, но в действительности оказалось чуть иным. Музей был заполнен артефактами хичи, привезенными многочисленными экспе-

дициями: молитвенными веерами, огненными жемчужинами, самыми разными приборами. Висели голографические снимки тех планет, на которых побывали старатели; юноши восхищались видами планеты Пегги с ее обширными возделанными полями и прекрасными лесами, содрогались, глядя на Валгаллу — планету, пригодную для обитания, как провозгласили власти Врат, но скорее похожую на Сибирь, чем на рай.

С практической точки зрения самыми интересными оказались голограммы кораблей хичи — одно-, трех- и пятиместных. (Так их назвали люди — в соответствии с численным составом экипажа. Как называли их сами хичи, вряд ли кто-нибудь знал.)

На некоторых кораблях были совершенно бесполезные с виду устройства, особенно конусы из металла хичи, которые никто не решался вскрыть. Многие корабли, особенно трех- и пятиместные, были бронированными. Почти на всех кораблях люди установили дополнительные приборы и устройства, а также полки для пищи, баки с кислородом, восстановители воздуха и все прочее, что позволяет старателю сохранять жизнь в полете, ведь если у хичи и было что-то в том же роде, все это давно исчезло.

Гадая, как хичи умудрялись выживать в своих кораблях, они услышали, как сзади кто-то кашлянул. И, повернувшись, увидели девушку с изуродованным лицом, которая прилетела с Земли вместе с ними. Ее звали Эстрелла Панкорбо. Теперь она была не такой бледной и казалась гораздо более привлекательной. Стэн удивленно сказал:

— Ты выглядишь… гм… хорошо.

Конечно, если не считать лица, на которое словно кто-то сел.

Она внимательно посмотрела на него и наклонила голову, принимая комплимент.

— Спасибо, и с каждым днем все лучше. Я их одурачила, — загадочно сказала она, не поясняя, кто такие «они». Она не захотела продолжать разговор; сказала, что должна заниматься, и сразу начала разглядывать голограммы кораблей и делать заметки.

Юноши немного задержались, но потом отошли от нее: она ясно дала понять, что предпочитает остаться одна. Однако на Стэна она произвела сильное впечатление: ведь после Наслан он не видел девушек своего возраста.

По дороге Тан сказал:

— Интересно, как там наши дома.

Стэн кивнул. Он умел распознать тоску по дому. Он даже сам испытывал легкую ностальгию, хотя у него не было настоящего опыта жизни в семье.

— Можно написать им, — предложил он.

Тан встряхнулся и улыбнулся Стэну.

— И заплатить за доставку? Это не для меня, Стэн. Да и вообще я не люблю писать письма. Давай лучше выпьем кофе.

II

Прошел день. За ним другой. К списку на экране добавилось еще несколько одиночных полетов, но ничего более приличного не предлагали, и даже одноместники сразу расхватали. Парни все больше времени проводили в «Голубом аду», соображая, что станут делать, когда деньги кончатся, но не решаясь спросить об этом друг друга.

Советов им хватало. Старожилы Врат — у многих на руках красовались браслеты из металла хичи, свидетельствующие, что они побывали в полетах, — охотно делились с ними знаниями. Самой дружелюбной оказалась подвижная англичанка средних лет с перекошенным лицом, непоколебимо уверенная в том, какую именно экспедицию следует выбирать.

— Знаете, как выглядит штурвал хичи? Вам

нужно установить его так, чтобы на первом колесе было две красных полоски, а на втором совсем не было желтых, — поучала она.

— Почему? — спросил Тан, ловивший каждое ее слово.

— Потому что это гарантирует безопасность. Ни одна экспедиция с такой установкой не затерялась. Поверьте, я знаю. — Когда она допила кофе, который выпросила у них, и ушла, Тан поджал губы. — Возможно, что-то в этом есть, — сказал он.

— Ничего в этом нет, — отрезал Стэн. — Ты сосчитал ее браслеты? Девять! Она девять раз участвовала в полетах и не заработала даже на чашку кофе. Нет, Тан. Нам нужно что-нибудь менее безопасное, но более прибыльное.

Тан пожал плечами, обдумывая услышанное.

— Во всяком случае, — философски заметил он, — если бы они знали, что делать, то делали бы, а не рассказывали нам. Давай поедим.

— Хорошо, — согласился Стэн, но тут ему в голову пришла мысль. — К дьяволу еду! Я не голоден. К тому же у меня есть идея получше. Мы ведь притащили с собой инструменты, почему бы не поиграть?

Тан удивленно посмотрел на него.

— Здесь? Да нас вышвырнут.

— Может быть. А может, и нет, если мы вначале немного порепетируем. Здесь ведь не очень много развлечений, правда? Можем найти место, где никого не потревожим, и поупражняться. Как тебе Центральный парк?

Стэн оказался прав: в парке никого не было. Они выбрали угол со множеством петель и принялись играть.

У Стэна, как только он закрепился в стенной петле, проблем с трубой не было. Другое дело — барабаны Тана. Каждый барабан пришлось закрепить парой петель, и он жаловался, что без настоящего тяготения удары получаются не такими звучными. Тем не менее они умудрились сыграть «Когда приходят святые», а «Жемчужные бусы» получились еще лучше. Стэн играл блюз «Больница Святого Иакова», когда Тан прекратил барабанить и схватил его за руку.

— Смотри!

Огибая озеро, к ним спешил Таршиш. Едва он приблизился, Тан крикнул:

— Мы слишком шумим?

Таршиш ухватился за петлю, чтобы остановиться, и, отдуваясь, возбужденно воскликнул:

— Шумите? Нет! Только что пришла новость! Не слышали? Группа Хертера-Холла достигла

объекта в Оорте, и он огромный, и принадлежит хичи, и по-прежнему действует!

Много лет Врата не знали такого ажиотажа — огромный действующий корабль хичи, размером с океанский лайнер, да еще до сих пор невиданный. Эта штука производила пищу! Пищу CHON, как ее назвали, потому что она состояла из основных элементов комет облака Оорта: углерода, водорода, кислорода и азота. Древний механизм хичи — спустя сотни тысяч лет — продолжал производить пищу. И если людям из группы Хертера-Холла удастся перевести его на околоземную орбиту, если можно будет снабжать его кометами, попадающими в ближние районы Солнечной системы, голода на Земле больше не будет!

Все оживленно гадали, сколько получит семейство Хертер-Холл и сколько — Робинетт Броудхед как организатор экспедиции.

— Миллиарды! — почтительно сказал Стэн, а Тан презрительно взглянул на него.

— Только миллиарды? За такое?

— Миллиарды американских долларов. Много миллиардов, так что Робинетт Броудхед сможет добавить их к тем, которые у него уже есть. Видишь, старина Тан, что значит счастливая находка?

Тан видел. И все прочие тоже. Едва на экране появлялось предложение полета, его тут же перехватывали.

— Даже ни одного одноместного! Вообще ничего! — жаловался Тан. — А ведь с нашего счета ежедневно снимают деньги, хотя нам и записаться не на что.

Так продолжалось день за днем. Парни одержимо следили за списками полетов, но безуспешно. На экране появился одноместный, потом еще два — тоже одноместных, и все они мгновенно были заняты. Увидев, что список команды третьего корабля заполнен, Тан застонал: в этом списке оказалось имя его друга Таршиша.

— Я надеялся, что мы полетим втроем! — сердито сказал он. — Он не стал ждать!

Стэн не мог винить Таршиша. Он даже подумывал, не записаться ли на одноместный, оставив Тана на астероиде. Но не появлялись даже одноместные, и Стэну не пришлось бороться с угрызениями совести.

Движение в противоположном направлении было менее оживленным. Два или три корабля вернулись из полетов, все одноместные и все неудачники. Потом вернулся гордый пятиместник, и вернулся с удачей. Ну, в некоторой степени.

Конечно, ошеломить такой успех не мог, но все же… Корабль долетел до лишенного атмосферы спутника гигантской газовой планеты, которую экипаж не смог идентифицировать. На планете были артефакты хичи. Люди видели купола из металла хичи, а рядом какие-то механизмы, похожие на тракторы, но могли только смотреть. Дотронуться не удалось. Их корабль не располагал механизмами, позволяющими работать в вакууме. Однако снимки, которые они сделали, позволили им получить достаточное вознаграждение, чтобы удалиться от дел соответственно в Цинциннати, Йоханнесбург, Мадрид, Ниццу и Мехико-сити, а их пятиместный корабль был открыт для всех желающих.

Не сразу, конечно. Англичанка с девятью браслетами поймала Стэна и Тана, когда те выходили из столовой. Она была крайне возбуждена.

— Это ваш лучший шанс, цыплята! Корабль приведут в порядок, снабдят запасом продовольствия и отправят обратно за новыми открытиями — на этот раз со скафандрами и всем необходимым оборудованием. О, на это потребуется время. Суток двадцать, не меньше. Но только дождитесь! И цвета подходящие, но мы ведь не хотим, чтобы все об этом знали, так что не болтайте! — И она

заторопилась прочь, выдавая свою тайну всем желающим угостить ее чашкой кофе.

Конечно, ее тайна большего и не стоила, особенно с точки зрения двух молодых людей, которые не могут ждать двадцать дней.

И тут на экране вдруг появился пятиместный. Впрочем, ничего хорошего Стэну и Тану это не принесло. Предложение появилось, когда они спали, а к тому времени, как они его увидели, экипаж был уже набран.

И, что еще обиднее, каждый день приходили свежие сообщения о людях, которые действительно добились успеха, как, например, группа Хертера-Холла в облаке Оорта. Сейчас эта группа прикрепляла к корпусу корабля хичи ионные ракеты, чтобы передвинуть его ближе к Земле. Потом поступила еще одна новость: объект передвинуть нельзя. Он каким-то образом сопротивляется прилагаемым усилиям, но как именно, сказать невозможно. Потом появились подозрения, что на борту кто-то есть. А затем — о чудо из чудес! — они нашли этого кого-то. Это оказался человек. Мальчик. Он как будто был полновластным хозяином объекта хичи и привык поддерживать контакты между пищевой фабрикой и еще более крупным и сложным

кораблем хичи. Огромным кораблем, набитым механизмами хичи — сплошь действующими!

Тан сходил с ума от зависти, Стэн чувствовал себя немногим лучше. Рявкая друг на друга, они сидели перед экраном, по очереди ходили в туалет и не ложились спать.

— Следующий, — поклялся Тан, — трех- или пятиместный — и мы записываемся!

Стэн согласился.

— Черт побери, обязательно! Может, триллионов, как эти люди, или даже миллиардов не заработаем, но все равно что-нибудь получим, и ничто не оторвет нас от экрана…

Но кое-что все-таки оторвало.

Стэн, потрясенный, смолк на середине клятвы. Глаза жгло. Горло пересохло и саднило. В голове гремело, он с трудом мог дышать.

Снова Гнев Божий. Не такой, как раньше. Хуже. Стэн чувствовал, что все его тело горит, словно в лихорадке. Его тошнило. Тан чувствовал себя не лучше. Всхлипывая, прижав руки к вискам, свернувшись, как ребенок в чреве матери, он отплывал по воздуху, забыв о петлях. И дело было не просто в тошноте. Вместе со знакомыми болезненными симптомами появилось отчаянное сексуальное стремление, ощущение страшно-

го одиночества, несфокусированный горький гнев…

И так снова и снова…

А потом, без всякого предупреждения, все кончилось.

Стэн схватил безвольно болтавшуюся руку Тана и подтянул к петле.

— Боже! — сказал он.

Тан согласился:

— Вот это да! — И вдруг настойчиво добавил: — Стэн! Смотри!

Он смотрел на монитор, на программу полетов. Компьютеры Врат, на которые совершенно не действовало то, что сводило с ума людей, продолжали выполнять свою рутинную программу. И на экране появилось кое-что новое:

Полет № 2402

Бронированный трехместный, немедленное отправление

— Берем! — закричал Тан.

— Конечно, — ответил Стэн, одновременно работая на клавиатуре. Через мгновение на экране появились их имена:

Полет № 2402

Бронированный трехместный, немедленное

отправление
Стэнли Эвери
Олтан Кусмероглу

Юноши в восторге колотили друг друга по спинам.

— Есть! — кричал Тан.

— И как раз вовремя, — сказал Стэн, показывая на экран. — Ты только посмотри! — Секунду спустя на экране появилось еще одно имя:

Полет № 2402
Бронированный трехместный, немедленное отправление
Стэнли Эвери
Олтан Кусмероглу
Эстрелла Панкорбо
Экипаж набран

III

Мечта осуществилась. Стэнли Эвери действительно находится в настоящем корабле хичи, действительно следует по стопам бессмертных героев Врат, тех, что первыми преодолели опасности межзвездных путешествий и вернулись с невообразимыми богатствами и славой, которая не умрет в веках…

— Или, — заметил Тан, когда Стэн поделился с ним своими мыслями, — мы движемся навстречу какой-нибудь на редкость неприятной смерти. Мне не очень нравится этот дерьмовый маленький корабль. Почему он бронированный?

Эстрелла Панкорбо, раскладывавшая у противоположной стены свои пожитки, подняла голову.

— Если мы хотим, чтобы полет прошел сносно, — сказала она, — в моем присутствии вам лучше говорить только по-английски.

Тан поджал губы.

— А где в этом шкафу мы можем жить без тебя? — спросил он.

Стэн быстро вмешался.

— Она права, — сказал он Тану и обратился к девушке: — Мы постараемся не забыть. Он просто удивляется, почему наш корабль бронированный.

— Конечно, чтобы летать туда, где в противном случае его могли бы повредить. Не бойтесь. Это бывает редко: наш трехместник летал уже четыре раза и ни разу не попал в опасное место. Разве вы не ознакомились со спецификациями? Все данные о корабле есть в файле, — сказала Эстрелла.

Этот ответ не улучшил настроение Тана.

— Я не боюсь, Эстрелла! — рявкнул он обиженно, задумался, как бы поязвительнее ответить, и сразу нашелся: — А почему у тебя такое лицо?

Она долго смотрела на него. Стэн заметил, что ее левое веко опускается ниже правого.

— Бык наступил, — буркнула она наконец и добавила: — Похоже, полет будет очень долгим.

Долгим ли будет полет — об этом они думали постоянно. Разыскания Эстреллы давали некоторую пищу для размышлений.

— Этот трехместник ни разу не проводил в полете дольше восемнадцати дней в одну сторону, — сообщила она. — У нас припасов — на шестьдесят с лишним. Конечно, — добавила она, — никто не может верно разгадать значение цветов, но дольше не может быть. В середине пути выяснится.

Да, выяснится. Стэн, как и остальные, знал об этом. Все старатели Врат, когда не спали, постоянно поглядывали на забавную спираль: та хранила тайну их жизни и смерти. Спираль меняла цвет на середине пути. А слабое тяготение, которое увлекало экипаж к корме, меняло направление и теперь влекло к носу. Тогда наступала пора подсчетов. Если истрачено не больше четверти запасов воздуха, воды и продовольствия, значит,

хватит на оставшуюся половину пути и на возвращение. А если не хватит…

Они втроем жили, ели, спали в крошечном помещении, меньше маленькой ванной комнаты Стэна в доме мистера Оздена. Находиться так близко от девушки примерно его лет для Стэна стало тревожащим испытанием, а ведь они буквально жили бок о бок. И ничего с этим не могли поделать. Когда Тан отправлялся в туалет, Стэн старался не смотреть на Эстреллу: звуки мочеиспускания были отчетливыми и громкими. Всем пришлось привыкнуть к запахам друг друга, и этих запахов оказалось множество. В корабле хичи не очень много места для физических упражнений, поэтому диета, предложенная властями Врат, состояла из большого количества клетчатки. Стэн старался пускать ветры незаметно, Тан — нет; всякий раз, пуская газы, он широко улыбался. Эстрелла делала вид, что не обращает внимания.

Самое интересное, что чем дольше Стэн видел лицо Эстреллы, тем меньше замечал его обезображенность. На Тана это тоже действовало. Раз или два, когда Эстреллы не было в непосредственной близости — она уходила в туалет или спала, — Тан шептал на ухо Стэну что-нибудь

непристойное. По-турецки, конечно. На корабле вообще-то не было места, откуда нельзя было бы услышать остальных, за исключением шлюпки, расположенной на дне, но жутко неудобной — мало кто мог пробыть там долго.

Эстрелла большую часть времени читала с маленького карманного экрана, но на третий день позволила уговорить себя поиграть в карты. Проиграв в третий раз, Тан с подозрением посмотрел на нее.

— Мне казалось, ты говорила, что не очень умеешь играть в покер, — проворчал он.

— Так и есть. Но это очень простая игра, — беззаботно ответила она, но потом поняла, что обидела его. И попыталась исправить положение: — Я хотела сказать, что удивлена тем, как хорошо ты овладел английским, Тан. Ты очень хорошо говоришь на нем.

Он пожал плечами.

— А как же иначе? С шести лет я ходил в школу с английским языком, пока в четырнадцать не пришлось пойти работать. — Тем не менее он смягчился. И более жизнерадостно продолжил: — Там я встретил Стэна. Мы быстро подружились, потому что нас интересовало одно и то же. Еще совсем маленькими мы бежали к качелям и

начинали раскачиваться, воображая, будто мы в корабле с Врат, таком как этот.

— И никто больше меня не удивился, что мы все-таки оказались здесь, — с улыбкой сказал Стэн. — А как жила ты, Эстрелла?

Она подобрала карты и некоторое время, не отвечая, разглядывала их. Потом коротко ответила:

— Я была мясником. Чей ход?

На седьмой день пути всем троим трудно было отвести взгляд от спирали. Ничего не менялось.

— Что ж, — оживленно сказала Эстрелла, — похоже, этот трехместник бьет собственный рекорд. Но у нас все равно неплохой запас, а завтра, скорее всего, будут изменения.

Но изменений не было ни на девятый день, ни на десятый. На одиннадцатый день Тан вздохнул, отбросил карты и сказал:

— Нужно посмотреть в лицо фактам. Мы можем навечно застрять в этой летающей крысиной норе.

Эстрелла потрепала его по руке.

— Слишком легко сдаешься, Тан.

Он огрызнулся:

— Что ты можешь знать? Это будет не первый случай. Разве ты не слышала о старом старателе

— забыл, как его звали, — который вернулся домой только потому, что съел своих товарищей?

— Не ссорьтесь, — попросил Стэн.

Но Эстрелла тоже рассердилась.

— И зачем только я записалась в экипаж с двумя турками — ладно, с турком и полутурком, — которые готовы стать каннибалами? Вероятно, вы уже решили, кого съедите первым, Тан. Меня? Потому что вы сильней, а я самая маленькая? Так вот, позвольте вам сказать…

Неожиданно она замолчала. Ее изуродованное лицо отобразило удивление, потом просветлело. Стэн понял почему: верх корабля неожиданно стал низом, а спираль ярко засветилась.

Они наконец достигли середины пути. Значит, они не умрут, во всяком случае не так наверняка.

Перспектива уцелеть сразу разрядила атмосферу. Тан широко улыбнулся Эстрелле, а Стэну по-турецки прошептал:

— Может, мы и съедим друг друга, но будем хотя бы дружелюбными.

Эстрелла услышала его, и даже в это мгновение восторга ее лицо застыло.

— Тан, — сказала она, — я не понимаю по-турецки, но зато прекрасно понимаю выражение

твоего лица. У тебя в глазах колючки. Прибереги их для кого-нибудь другого. Я девственница. Я оставалась девственницей и в более трудных положениях и намерена ею оставаться до замужества.

— Ад и дьяволы, — простонал Тан. — Мне казалось, что свои колени держат сведенными только мусульманские девушки, а не вольнодумные американки.

Эстрелла решила вести себя по-дружески.

— Ну вот ты и узнал кое-что новое об американских женщинах. По крайней мере о некоторых. Ну что, поиграем еще или ляжем спать?

IV

Большую часть дня Тан дулся, но постепенно хорошее настроение вернулось к нему. В конце концов, они все вместе участвуют в великом приключении. Тан решил пересмотреть свое отношение к Эстрелле. Хорошо, любовницей она не будет. Значит, станет сестрой. А у Тана большой опыт жизни с сестрой.

Но в чем у Тана совсем не было опыта, так это в жизни в очень ограниченном пространстве, когда совершенно нечего делать.

— Надо было хотя бы прихватить наши прокля-

тые инструменты, — сказал он Стэну. Тот в ответ пожал плечами.

— Нет места, — отозвался он.

Эстрелла подняла голову от тарелки.

— Можно поиграть в покер, — предложила она. Тан, поджав губы, покачал головой. — Ну, тогда просто поговорим. Я почти ничего о вас не знаю, парни. Олтан? Как ты жил в Стамбуле?

Тан отказывался демонстрировать бодрость.

— Я зарабатывал на жизнь тем, что водил фургон, — мрачно сказал он. — Жил с матерью, отцом и младшей сестрой Наслан. У меня было пять — правда пять — подружек, и все они были очень добры ко мне и на все соглашались. Что еще рассказывать?

Эстрелла кивнула, словно ответ ее устроил, и повернулась к Стэну.

— А ты?

Стэн постарался быть отзывчивым.

— Мой отец работал в американском консульстве шифровальщиком — это высокооплачиваемая работа, — когда встретился с моей матерью. Она была турчанка, но христианка — методистка, как он. Я родился в больнице посольства в Анкаре, то есть на американской территории. Таким образом, я американский гражданин, как и ты.

Это заставило ее улыбнуться.

— Совсем не как я.

— Ты про то, что отцу хорошо платили? Наверно, ты права, но так было, только пока я был маленьким. Мама умерла, когда мне было семь, а после… — Он пожал плечами, не закончив предложение. Не хотелось рассказывать о том, как отец постепенно спивался.

Тан, нетерпеливо слушавший, распрямился и оттолкнулся.

— Мне нужно пописать, — сказал он.

Стэн посмотрел ему вслед, потом снова на Эстреллу.

— А ты? — спросил он, перекрывая плещущие звуки из туалета. — Ты сказала, что была мясником.

Она погладила свою левую скулу, смещенную вбок.

— Да, до этого несчастного случая. В Монтане. Я тоже полукровка, Стэн. Отец был почти чистокровный баск. А мать — из племени навахо, с примесью хопи. Рослая и сильная. У нас не было работы, и мы перебрались в Монтану, чтобы работать в корралях. Знаешь бизоньи ранчо в Америке?

— Да. Ну, понаслышке. Читал о них, когда был

маленький. До мечты о Вратах я хотел стать ковбоем, сидеть по ночам у костра и пасти стада бизонов в прериях.

На этот раз она громко рассмеялась.

— Бизонов не пасут, Стэн. Они этого не допустят. Их отпускают на свободу, потому что трава прерий — все, что им нужно. Потом, когда они нагуляют вес и готовы для бойни, их приманивают чем-нибудь, что им нравится больше травы. Заманивают прямо в коррали, обнесенные трехметровой оградой из стальных пластин, потому что через меньшую преграду бизон может перепрыгнуть. А бегают они очень быстро — сто километров в час. Пастухи, как мои родители, одного за другим заманивают бизонов в желобы бойни, а там пистолеро стреляют им в голову из большого ружья таким штоком, который пробивает насквозь и снова готов к применению. Мертвого бизона конвейер привозит ко мне, и я разрезаю ему горло. Подцепляю к креплениям конвейера над головой, тушу поднимают, чтобы вытекла кровь, и перевозят в холодильник. А дальше она превращается в бифштексы и поджарку. В одном бизоне почти пятьдесят литров крови. Кровь собирается в баках внизу — та, что не попала на меня.

Тан вышел из туалета и, слушая, застегивался.

— Так-то оно так, Эстрелла, — возразил он, — но ты говорила, что бык наступил на тебя и покалечил тебе голову. Как может наступить мертвый бык?

— Этот не был мертвым, — коротко ответила она.

— Но если пистолеро выстрелил ему в голову…

— В тот раз он попал в плечо. Бык был очень живой, когда подъехал ко мне, и очень сердитый.

— Похоже на очень неприятный несчастный случай, — заметил Стэн.

— Нет, это был вовсе не случай. Пистолеро сделал это нарочно. У него тоже были колючки в глазах, Тан, и, когда я не легла с ним в постель, он преподал мне урок.

Двадцатый день. Двадцать первый. Они больше не играли в карты — не могли сосредоточиться. Почти не разговаривали. Они уже все сказали друг другу о своих надеждах, а говорить вслух о страхах никто не хотел. Нервы у всех были натянуты, как у игрока с выигрышным билетом в кармане: ему нужно явиться вовремя, и он мчится по улице. Но все же недостаточно быстро. Наконец Эстрелла решительно сказала:

— Нет смысла нервничать. Нужно как можно

больше спать.

Стэн понимал, что ее предложение разумно. Им потребуется много сил и внимания, когда они долетят туда. Чем бы это «туда» ни обернулось.

Но следовать разумному совету оказалось невероятно тяжело. Как ни трудно было Стэну уснуть, выяснилось, что еще труднее спать. Он часто просыпался и считал минуты. Так прошел двадцать первый день и начался двадцать второй.

Тут уж о сне не было и речи. Каждые несколько секунд они поглядывали на часы. Яростно спорили о том, когда наступил поворотный миг, а следовательно, в какой час и в какую минуту они прибудут…

А потом прибыли. Они поняли это, когда увидели, что спираль погасла.

И тут же все приборы сошли с ума.

Их показания были совершенно нелепы. Приборы утверждали, что трехместник погружен в разреженную плазму, более горячую, чем Солнце, пронизанную смертоносной радиацией всех разновидностей, и тут Стэн понял, почему их корабль бронированный.

Никакой планеты с забытыми сокровищами хичи, которые сделали бы их богатыми, здесь не было. Поблизости не было даже звезды.

— Сваливаем! — заорал Тан, а Эстрелла закричала:

— Нет, сначала снимем показания! Фото! Надо провести наблюдения!

Но, помимо того, что показали приборы, наблюдать было нечего. И когда Стэн положил руку на сосок двигателя, Эстрелла больше не возражала. Она только заплакала.

Обратный полет длился ровно столько же, сколько полет к цели, но им так не показалось. Им казалось, что он тянется бесконечно. Они не могли дождаться его конца. А когда дождались, начали узнавать дурные новости.

Престарелая восточная женщина, поднявшаяся на борт их корабля, как только они сели, рассеянно выслушала их рассказ. Ее интересовали показания приборов, но она с отсутствующим видом ответила на несколько вопросов.

— Да, — сказала она, кивая, — вы побывали на месте взрыва сверхновой. Хичи очень интересовались звездами, готовыми взорваться; к ним ведет множество маршрутов. Но с тех пор, конечно, некоторые из этих звезд взорвались. Как ваша. И от туманности остались только перегретые газы. Вам повезло, что ваш трехместник бронированный.

Эстрелла прикусила губу.

— Как вы думаете, будет ли по крайней мере научная премия?

Женщина задумалась.

— Возможно. Спросите Эктора Монтефиоре. Но вряд ли очень большая. У нас уже полно данных о таких объектах.

Трое молча переглянулись. Потом Стэн вымученно улыбнулся.

— Что ж, друзья, — сказал он, — как говорил мой отец: если свалился с лошади, вставай и опять садись в седло.

Женщина уставилась на него.

— Какие лошади?

— Он имеет в виду, — объяснила Эстрелла, — что мы при первой же возможности снова полетим.

— О, — удивленно сказала женщина, — вы ведь были в полете и ничего не знаете. Ничего не слышали. Проблема управления полетами решена. Полетов больше не будет. Исследовательская программа Врат закрыта.

V

Закрыта! Врата закрыты? Больше никаких полетов? Никаких бесстрашных испуганных ста-

рателей, отправляющихся в загадочные полеты, чтобы собирать остатки знаний давным-давно исчезнувших хичи — куда бы те ни исчезли, когда исчезли?

Все это опять дело рук Робинетта Броудхеда. Пока Эстрелла и парни были в полете, на пищевой фабрике и на других кораблях хичи начались неприятности. Броудхед сам полетел туда, чтобы разобраться. И ему это удалось. Он не только увеличил свое и без того сказочное состояние, но и решил проблему управления полетами кораблей хичи.

А заодно превратил Врата в отсталую провинцию. Больше не будет полетов наобум бог знает куда. Вообще не будет, пока умные головы, которые планировали полеты с Врат, не решат, что делать с новыми данными. А до тех пор — ничего. Все остановилось. Десяткам будущих исследователей остается только стиснуть зубы и набраться терпения.

В столовой Тан сердито смотрел в свою тарелку.

— И каковы же теперь наши планы? — спросил он.

Стэн проглотил ложку вегетарианской лазаньи.

— Придется ждать. Что еще мы можем сделать? Ведь так не может продолжаться вечно. Корабли по-прежнему здесь! Рано или поздно они полетят снова, и тогда, может быть, у нас появится шанс участвовать совсем в другом полете. Гораздо лучшем! Мы с самого начала будем знать, куда летим! И может быть даже, что вернемся живыми!

Тан осмотрел зал, где собралось несколько десятков унылых будущих исследователей.

— Может быть, — сказал он.

— По крайней мере, мы не тратим деньги, — заметил Стэн. Корпорация «Врата» решила проявить человечность: до специального объявления плату за постой брать не будут.

— Ублюдки могут позволить себе это, — проворчал Тан.

Конечно, ублюдки могли себе это позволить. Ублюдки — это Корпорация «Врата», владелица всех найденных сокровищ хичи. Сама Корпорация принадлежит консорциуму земных правительств — на бумаге, но столь же справедливо было бы сказать, что ей принадлежат все земные правительства. Так вот, по некотором размышлении Корпорация решила, что может уделить крупицу своих богатств Тану, Стэну и Эстрелле.

Они обнаружили это, когда за отсутствием чего-нибудь лучшего Тан и Стэн прихлебывали в «Голубом аду» слабый, но относительно пригодный для питья кофе и смотрели, как другие старатели просаживают свои теперь ненужные суточные. Эстрелла сидела рядом, как всегда что-то изучая на карманном экране. На этот раз Стэн с удивлением заметил, что она изучает музыку. Читая, она помахивала в воздухе пальцем.

— Ты играешь? — удивленно спросил он.

Она покраснела.

— Немного. На флейте.

— Так почему не сказала? Мы могли бы иногда играть втроем. Что думаешь, Тан?

Тан не слушал. Он подтолкнул Стэна.

— Идут большие шишки. — В зал вплыл Эктор Монтефиоре в сопровождении еще троих постоянных служащих Врат. Они явно кого-то искали, и Стэн не обрадовался, заметив, что Монтефиоре направился к ним. Эктор Монтефиоре ему не нравился. Еще меньше ему понравилось, когда Монтефиоре похлопал его по плечу и потрепал Эстреллу по спине.

— Поздравляю, — сказал он. — Готовы отпраздновать?

— Что отпраздновать? — спросил Тан.

Толстяк удивленно посмотрел на него.

— Вашу научную премию, конечно. Вы не знали? Что ж, ради бога, проверьте! Кто знает, может, тогда угостите меня выпивкой?

Однако он не стал ждать и с усмешкой ушел, а они втроем склонились к экрану Эстреллы, которая переключилась на сообщения администрации.

Да, вот они.

— Неплохо, — сказал Тан, увидев сумму.

Эстрелла покачала головой.

— Если разделить на троих, совсем немного, — практично сказала она. — И вы успокоитесь на таких маленьких деньгах?

— Мне хватит этого, чтобы вернуться домой и купить фургон. Я смогу начать собственный бизнес, — сдержанно ответил Тан.

— Конечно, если хочешь. Но это не для меня. Я сюда прилетела не для того, чтобы потом провести всю жизнь в однокомнатной квартире с Базовой Медициной и без всякого будущего. К тому же Эктор говорит, что скоро полеты возобновятся.

Стэн задумчиво посмотрел на нее.

— Откуда ты знаешь, что говорит Эктор? — спросил он, сам удивленный своим тоном. Кажется,

он ревнует.

Эстрелла пожала плечами.

— Я ему нравлюсь, — сказала она, как будто это все объясняло.

— Ему все нравятся, — усмехнулся Тан. — Мальчики, девочки, все равно. Лишь бы была дырка, в которую можно сунуть.

Эстрелла какое-то время молча смотрела на него.

— Ну, в мою дырку он еще не сунул, — наконец заявила она. — Но давайте рассуждать разумно. Что вы собираетесь делать? Возьмете свою долю и отправитесь домой? Или подождете чего-нибудь стоящего?

Они решили ждать. И пока ждали, слушали в новостях рассказы о новых открытиях Броудхеда.

О чем только не рассказывали! О странных полугуманоидных существах, которых в первый момент все с замиранием сердца приняли за хичи, но которые не были хичи. (Это были как будто бы потомки примитивных человекообразных, пойманных хичи на Земле много тысяч лет назад и перевезенных на один из их космических кораблей для изучения.) О горстке уцелевших — до определенной степени — пропавших без

вести старателей с Врат, случайно попавших в это место и не способных его покинуть (теперь они были более или менее мертвы, но в то же время более или менее живы, существуя в каких-то причудливых механизмах хичи). О полудиком мальчике по имени Вэн, потомке затерянных старателей. Именно он с помощью механизмов хичи вызывал приступы желания и гнева у всей Солнечной системы. Он стал источником Гнева Божия. И — последняя тайна, раскрытая Броудхедом, — куда девались хичи. Они скрылись в центре Галактики и по-прежнему находятся там! Они все там!

Одно диво за другим. Все только и говорили об этом — все, кроме Эстреллы, казалось Стэну. По какой-то причине она все больше времени проводила с постоянными служащими Корпорации и все меньше со своими прежними товарищами. Стэн не одобрял этого.

— Зря она так, — серьезно говорил он Тану. — Ничего хорошего это ей не принесет.

Тан хрипло рассмеялся.

— Все зависит от того, что считать хорошим. У Монтефиоре собственное представление на этот счет. Но не переживай за Эстреллу, — посоветовал он. — Она сумеет позаботиться о своей

девственности.

Но Стэн волновался. Он говорил себе, что поступки Эстреллы не его дело, но продолжал думать о ней. А дни шли.

Вернулась из полета англичанка с девятью браслетами. На этот раз она завоевала не только десятый браслет, но и премию. Она побывала на планете, где условия были не лучше, чем на Меркурии. В космическом костюме, который давал возможность дышать, но не защищал от пылающего жара, излучаемого стенами, она бродила по пустынным туннелям, оставленным хичи, бродила до изнеможения, пока не нашла — что-то. Никто не знал, что именно. Возможно, игру — нечто вроде трехмерной версии го; во всяком случае, полученная премия позволила ей с почетом вернуться в деревушку в Сассексе, откуда она прилетела, и жить там безбедно. Перед отлетом она даже угостила парней кофе и выслушала рассказ о поразительных событиях, произошедших, пока она была в полете.

— Ого! — сказала она с улыбкой человека, которому больше незачем тревожиться из-за таких вещей. — Похоже на большую забаву. Что ж, удачи вам всем! Не сдавайтесь. Как знать, может, и вам еще повезет.

Тан мрачно смотрел ей вслед, пока она ходила по кругу, угощая выпивкой тех, кто когда-то угощал ее.

— Сомневаюсь, — вполголоса сказал он.

— Ты сомневаешься с тех пор, как мы здесь, — отозвался Стэн, хотя на самом деле он и сам начал сомневаться. Мог вспыхнуть серьезный спор, но тут появилась Эстрелла и поискала их взглядом.

Эстрелла не колебалась. Увидев парней, она сильно оттолкнулась от дверной рамы и полетела прямо к ним. Тан поймал ее на подлете, но она ухватилась за петлю и высвободилась. Ее изуродованное лицо было мрачно, но новость она принесла очень важную. Осмотревшись по сторонам, она прошептала:

— Скоро новый полет. Очень важный.

У Стэна екнуло сердце, но на Тана слова Эстреллы не подействовали.

— Один из полетов с гарантированным возвращением, большую часть прибыли забирает Корпорация?

— Да, — сказала Эстрелла, — и в то же время нет. Цель известна, но больше о ней ничего не знают. Не знают, сколько продлится полет, поэтому запустят бронированный пятиместник с теми особыми приборами, назначения которых никто

не понимает. Но Броудхед утверждает, что для этого полета они обязательны. Корабль загрузят припасами и материалами для очень долгого пути, так что полететь смогут только два человека. Одним из них буду я. Есть место еще для одного.

Она переводила взгляд с одного на другого, но больше смотрела на Стэна. Однако первым заговорил Тан.

— Я пас, — заявил он. — Хватит с меня загадочных экскурсий.

Стэн не обратил внимания на его слова.

— Ты говоришь, цель известна?

Эстрелла набрала полную грудь воздуха.

— Корабль полетит туда, где скрылись хичи. Где они скрывались все это время. В ядро Галактики.

Стэн судорожно сглотнул. Конечно, на Врата летишь в надежде на большую находку — но такую большую? Не остатки механизмов хичи, не отбросы их цивилизации. Нет, теперь предстояло отправиться прямо к этим сверхъестественным существам.

А какую премию могут дать за это?

Он не раздумывал. Свой голос: «Я лечу!» — он услышал раньше, чем осознал, что принял решение. Потом повернулся к Тану.

— Послушай. Мест только два, поэтому забирай

и мою часть премии. Возвращайся домой и живи хорошо. Купи Наслан самое красивое свадебное платье, какое она только найдет. — А потом добавил: — Но передай ей, чтобы не ждала меня.

VI

Пятиместник хичи обычно гораздо больше трехместника. Этот был исключением. В нем целый угол занимал странный, непонятный прибор, необходимый — утверждал Броудхед — для проникновения в Ядро. Еще несколько кубических метров пространства были заполнены тем, что следовало доставить хичи: отчетами об исследованиях старателей Врат, перечнем находок, различными материалами о человечестве; на борту было и послание хичи с объяснением, что такое человек. Прибавьте к этому припасы на год, и для Стэна и Эстреллы останется не так уж много места.

Что касается Эстреллы, ей простор не требовался. Она не очень много двигалась. И не разговаривала со Стэном. Как только корабль стартовал, она забралась в свой гамак и почти все время проводила в нем, вылезая только поесть или в туалет. Когда Стэн спросил ее, все ли в порядке, она ответила: «Нет». Тогда он спросил,

не может ли чем-нибудь помочь, и она отрицательно покачала головой и сказала: «Мне нужно справиться самой». А когда он спросил, в чем все-таки дело, ответила: «Нужно, чтобы я снова понравилась себе». Вернулась в свой гамак и оставалась в нем. Целых три дня, пока Стэн гадал и нервничал.

На четвертый день Стэн проснулся и обнаружил, что Эстрелла разглядывает его. Она сидела на неудобном сиденье пилота хичи, и, казалось, давно.

— Привет? — сказал он вопросительно.

Еще несколько мгновений она задумчиво смотрела на него, потом вздохнула. Сказала:

— Прошу прощения, — и снова исчезла.

А когда спустя довольно много времени опять появилась, оказалось, что время она потратила на то, чтобы привести себя в порядок. Она вымыла голову и расчесала еще влажные волосы. На ней были свежие шорты и футболка. Эстрелла снова бросила на Стэна долгий непонятный взгляд.

Потом сказала:

— Стэн. Я хочу тебе кое-что сказать. Мы проведем вместе очень много времени. Думаю, будет лучше, если между нами не будет напряжения. Хочешь заняться со мной любовью?

Пораженный, Стэн ответил первое, что пришло ему в голову. А именно:

— Я никогда не занимался любовью с девственницей.

Она невесело рассмеялась.

— Это не проблема, Стэн. Я больше не девственница. Как, по-твоему, я попала в этот полет?

Предыдущий сексуальный опыт — когда Стэн с огромным трудом накопил денег на самую дешевую девушку из борделя мистер Оздена — не научил его искусству любви. Эстрелла знала об этом не больше его, но неопытность оказалась не единственной проблемой. Корабль хичи не приспособлен для занятий любовью. В первый же раз, как только он попробовал проникнуть в нее, они оторвались от петель и поплыли.

Но экспериментировать было приятно, и наконец они выработали наилучший способ: он проникал в нее сзади, Эстрелла обвивала его ноги своими, а он в это время обеими руками держал ее за талию. Тогда все произошло очень быстро.

Потом, по-прежнему обнаженные, они прижимались друг к другу, обнявшись, и молчали. Стэн обнаружил, что ему очень хорошо. Щекой он прижимался к ее уху, а носом — ко все еще влажным и пахнущим потом волосам. Немного

погодя, не отодвигаясь, она спросила:

— Будем друзьями, Стэн?

— О да! — ответил он. И они действительно стали друзьями.

Теперь, когда они стали друзьями, особенно совокупляющимися друзьями, переполненный пятиместник больше не казался им тесным. Они часто прикасались друг к другу: любовное похлопывание, случайные касания, когда проходишь мимо, быстрые поцелуи, поглаживание, которое обычно переходило в новое совокупление. Казалось, Эстрелле это нравится. Стэну очень нравилось.

А еще они много разговаривали. О том, каково будет в ядре. О хичи, которые могут там быть (или нет). О том, каково будет вернуться и получить невероятно огромную премию — ведь они будут первыми людьми, посетившими хичи.

— Это будут миллиарды! — восхищался Стэн. — Хватит, чтобы купить имение на взморье, как у Робинетта Броудхеда, со слугами, хватит на хорошую жизнь — и у нас будет полно времени, чтобы наслаждаться ею, ведь у нас будет Полная Медицина.

— Полная Медицина, — прошептала Эстрелла, разделяя его мечту.

— Как пить дать! Мы не состаримся в сорок лет и не умрем в пятьдесят пять. Мы будем жить очень-очень долго и, — он сглотнул, сознавая, что делает важное признание, — мы будем жить вместе, Эстрелла. — Что, естественно, привело к новым нежным поцелуям и к совсем не столь нежному сексу.

У них нашлось о чем поговорить: они вместе листали страницы предыдущей жизни, пропущенные в прежних кратких рассказах. Когда Стэн говорил о смерти матери и о том, что эта смерть сделала с его отцом, Эстрелла взяла его руку и поцеловала. Ее очень заинтересовал его рассказ о жизни в Стамбуле и особенно о самом городе — о многовековой истории могучего христианского Константинополя, о крестоносцах, разграбивших город, о Юстиниане и Теодоре и… конечно, о византийском дворе и Византии. Все это зачаровывало ее. Она ничего не знала ни о Византийской империи, ни о Риме с его императорами, завоеваниями и столетиями мирового господства. Для нее все это было увлекательными древними преданиями, особенно интересными своей подлинностью. Насколько это позволяла память Стэна.

А Стэн, разумеется, еще меньше знал о корен-

ных жителях Америки до ее завоевания белым человеком и после этого завоевания. Это была совсем не школьная история Америки, не история в рассказах отца. У ее племени — с материнской стороны, рассказывала Эстрелла — была собственная история. В прошлом индейцы даже строили грандиозные города, вроде Мачу-Пикчу и величественных сооружений майя на юге или загадочных строений анасази. Но, продолжала она одновременно и гордо, и печально, так было только до появления европейцев: те отбирали у индейцев не только угодья, но часто и жизнь, оттесняли их в резервации на самых неплодородных землях; последовала бесконечная череда сражений и окончательное поражение.

— Нас осталось не очень много, Стэн, — сказала она. — И единственное хорошее, что из этого вышло, — но ведь на самом деле это не очень хорошо? — большинство янки сейчас так же бедны, как мы.

Это напомнило Стэну одну неразрешенную загадку.

— Но ведь ты не так уж бедна? Я имею в виду ты лично. Когда произошел этот твой… несчастный случай. Я хочу сказать, что, если бы такое стряслось с Таном или с любым другим моим

знакомым, никаких выплат бы не было. И уж никак нельзя было бы полететь на Врата. У тебя была Полная Медицина или что-то в этом роде?

Она удивленно рассмеялась.

— У нас вообще не было Медицины. Зато у меня был брат. — И она рассказала: всем известно, что брат убил бы того пистолеро. А муж сестры пистолеро работал бухгалтером бойни. И подправил книги, чтобы она получила выплату. Тем самым он спас жизнь своему бестолковому шурину. — Предполагалось, что это посмертная выплата, но я всех перехитрила. Я выжила. А когда оправилась настолько, что могла путешествовать, взяла остаток денег и с их помощью попала на Врата.

Рассказывала она так печально, что Стэн не мог не поцеловать ее, а это вскоре привело к очень приятным занятиям любовью. Почему бы и нет? В конце концов, у них ведь нечто вроде свадебного путешествия, не правда ли?

Шли дни — десять, двенадцать, двадцать. Стэн и Эстрелла спали в объятиях друг друга и никогда не уставали от этого. Конечно, тело немного затекало. Но одноместные гамаки были сконструированы таким образом, чтобы вместить и рослого мускулистого масаи, и тучного бенгальца, поэтому тощий Стэн и стройная Эстрелла

вполне помещались в одном из них и даже могли заниматься любовью. Иногда они вместе играли что-нибудь — странное сочетание звуков, извлекаемых Стэном из трубы и Эстреллой — из флейты, появившейся из сумки. Часто разговаривали. Иногда играли в карты или просто по-дружески молчали. А иногда Стэн проигрывал послание, предназначенное для хичи, — главную причину их присутствия в этом корабле, и, слушая, они гадали, какими могут быть эти хичи. Если они действительно существуют.

Послание было наспех составлено бог знает кем — несомненно, какими-то умниками из Корпорации, а Робинетт Броудхед при этом заглядывал им через плечо. Никакого текста в послании не было. Не имело смысла, поскольку хичи все равно не знали ни одного земного языка. Часть послания составляла музыка: вначале очень мрачная «Патетическая» симфония Чайковского, затем, чтобы показать разнообразие музыкальных вкусов человечества, игривая «Классическая симфония» Прокофьева.

Но в основном послание состояло из изображений. Пустые туннели хичи на Венере. Почти такие же пустые коридоры на Вратах, когда там впервые появились люди. Группа старателей,

опасливо забирающихся в пятиместник. Еще одна группа — выходит после путешествия из трехместника, неся молитвенные веера и другие вещи хичи. Изображение колеса Галактики, вид сверху, со стрелкой, указывающей положение Земли в рукаве Ориона. Медленно вращающийся земной шар. Города людей: Нью-Йорк, Токио, Лондон, Рим. Изображения людей за различными занятиями: люди пишут пейзажи, управляют трактором, смотрят в телескоп, в масках окружают постель роженицы, где на свет появляется ребенок. Потом то, чего ни Эстрелла, ни Стэн никогда не видели раньше. Серия снимков огромного плывущего в пространстве объекта, просторное веретенообразное помещение, стены из голубого металла хичи, посередине — гигантский механизм на гусеницах. «Это пищевая фабрика и та другая штука», — догадалась Эстрелла. Потом коридоры, а в них — у обоих перехватило дыхание — странные волосатые существа, похожие на людей. Должно быть, первобытные человекообразные, открытые Броудхедом. И наконец, снова изображение Галактики с крошечным рисунком пятиместника хичи, который медленно движется от рукава Ориона к ядру. Наверно, это их корабль.

Когда все закончилось — в четвертый или пятый раз, — Стэн задумчиво потер то место, где недавно у него росли усы: Эстрелла заставила его сбрить их. Они смотрели, обнявшись. Он зевнул, отчего она тоже зевнула: обоим хотелось спать. Эстрелла слегка пошевелилась, устраиваясь поудобнее, но не отстраняясь, и увидела, что Стэн смотрит на груды припасов.

— В чем дело, Стэн? — спросила Эстрелла.

Он задумчиво ответил:

— Похоже, полет будет долгим. Не знаю, бывал ли кто-нибудь так далеко.

Она попыталась его успокоить:

— Иногда полеты на небольшое расстояние занимают много времени, а иногда наоборот. С кораблями хичи никогда нельзя знать.

— Наверно, — ответил он, поворачивая голову и целуя ее так, как ей нравилось. Она довольно поерзала и протянула губы, а это гораздо лучше любых уверений.

Ибо Стэн был счастлив с Эстреллой. Он сонно думал об этом. До этой минуты он никогда в жизни не был так счастлив. Зачем тревожиться, сколько времени займет путь, если ему хочется, чтобы путь никогда не кончался? Если полет и впрямь затянется, Стэн не расстроится.

Однако вышло иначе.

Однажды, когда поцелуи уже перешли в ласки, но дело еще не дошло до взаимного раздевания, полет закончился, и закончился очень неожиданно.

Спираль ни о чем не предупреждала. Предупредил другой прибор, тот самый приземистый купол, назначение которого оставалось неясным. Он начал гудеть и светиться, потом рычать, потом тонко завыл. Постепенно звук стал настолько высоким, что перестал восприниматься. Свечение все усиливалось. И тут ожила спираль, она засветилась так ярко, что ее белое сияние резало глаз; завертелись ярко-красные и хромово-желтые полоски. Приборы дрожали. А может, дрожал весь корабль — Стэн не мог понять, потому что дрожал сам, и это ужасно испугало его. Сонливость мигом прошла. Они с Эстреллой вцепились друг в друга…

И внезапно все кончилось.

Эстрелла высвободилась и включила приборы наружного осмотра. Позади корабля все затянуто светло-голубой дымкой. А впереди — небо, полное невероятных звезд. Их очень много, они такие яркие! И совсем рядом — огромный металлический додекаэдр, двенадцать симметричных

граней, в середине каждой — небольшое углубление. Корабль с головокружительной скоростью направился к одному из таких углублений и вошел в него. И прежде чем Стэн и Эстрелла смогли пошевелиться, люк открыли снаружи.

На них смотрело существо, похожее на волосатый оживший скелет.

— Мне кажется, это хичи, — прошептала Эстрелла.

И, разумеется, угадала. Так начался самый длинный, невероятно длинный день в жизни Стэна.

VII

Ничто за семнадцать лет жизни Стэна не научило его, как приветствовать чужака с другой планеты. Поэтому он ухватился за воспоминания о прочитанном в детстве. Приподняв руки над головой, он торжественно произнес:

— Мы пришли с миром.

В старой фантастике это срабатывало. В реальности нет. Хичи в явной панике отступил. Из его рта странной формы донесся низкий гулкий звук, потом хичи повернулся и убежал.

— Тьфу, — в отчаянии сказал Стэн, глядя ему вслед. Эстрелла схватила его за руку.

— Мы его испугали, — сказала она.

— Еще бы. Я сам испугался до чертиков!

— Да, но мы должны были показать, что настроены дружественно. Может, начать проигрывать послание?

Неплохая мысль. По крайней мере, лучшей у Стэна не было, но, когда они собирались запустить послание, хичи вернулся. На этот раз он привел с собой всех своих друзей. С полдесятка существ, одетых в халаты, со странными предметами в форме стручка, висящими между ног, — самого большого размера держатель для пениса? Какая-то опора? Стэн не мог угадать. Существа возбужденно переговаривались, но времени не теряли. Одно из них отвело руку Эстреллы от проигрывателя, еще двое схватили Стэна. Существа оказались поразительно сильными. Они были вооружены — по-своему. Все с ножами — самыми разными, из ярко-голубого или золотого металла, в том числе в форме скальпелей, очень грозного вида. Особенно когда хичи поднес острие к правому глазу Стэна, словно собираясь его выковырнуть, и потащил к выходу.

— Не сопротивляйся! — крикнула Эстрелла, которую поволокли следом.

Стэн не сопротивлялся. Он позволил втащить

себя в просторное помещение — стены из голубого металла с красными прожилками, вокруг разбросаны непонятные машины и странная мебель. Перешагивая через порог, Стэн споткнулся: неожиданное возвращение силы тяжести застало его врасплох; они снова оказались в поле тяготения, может быть не таком сильном, как земное, но достаточном, чтобы едва не упасть на пленителя. Стэн едва успел увернуться от острия. Хичи с ножом предостерегающе крикнул, но Стэн не собирался буянить. Даже когда их с Эстреллой подтащили к стене и приковали с распростертыми руками к чему-то вроде настенной вешалки. Или статуи. Или чего угодно достаточно прочного, чтобы удержать их.

Суматоха все усиливалась. Появлялось много новых хичи, и все они возбужденно болтали. Одна группа исчезла в пятиместнике, другие острыми ножами принялись срезать с пленников одежду.

— Какого дьявола? — закричал Стэн, но хичи не пытались его понять. И не бросили своего занятия. Каждый срезанный кусок, вплоть до белья, тут же внимательно осматривался и обнюхивался, и его уносили для дальнейшего изучения.

В середине этого процесса Эстрелла неожиданно вскрикнула: нож задел кожу на ее бедре. Хичи,

работавший ножом, от удивления отскочил.

— Осторожней с ней! — закричал Стэн, но на него даже не оглянулись. Тот, что с ножом, выкрикнул приказ; другой принес небольшую металлическую чашку и собрал в нее кровь из пореза.

— Как ты? — крикнул Стэн. Страх неожиданно сменился тревогой и гневом.

— Пустяки, царапина, — ответила Эстрелла, а потом с несчастным видом добавила: — Но мне нужно пописать.

Однако сообщить об этой потребности хичи не было никакой возможности, даже если бы их интересовали нужды пленников. А эти нужды, по-видимому, их совсем не интересовали. Все больше хичи набивалось в помещение, они безостановочно общались. Когда появилось существо в более нарядной одежде, шелковистой, с золотыми полосками, все на мгновение смолкли, потом снова одновременно загомонили. У пришедшего был взъерошенный вид, как у человека, которого неожиданно разбудили и сообщили плохую новость. Несколько мгновений он слушал, потом жестом велел всем замолчать. Потом произнес что-то похожее на приказ, поднес к узким губам свою костяную руку скелета и

заговорил в предмет, напоминающий большой перстень.

Теперь хичи принялись выносить из пятиместника разные предметы: запасную одежду, пакеты с едой и — очень осторожно и почтительно — трубу Стэна. Когда трубу показали тому, с микрофоном в кольце, снова начались возбужденные толки. «Главный» на мгновение задумался, потом отдал новый приказ. Подбежал другой хичи с предметом, напоминающим стетоскоп, коснулся им трубы, прослушал со всех сторон и доложил начальнику о результатах.

Мгновение спустя из глубины пятиместника послышался возбужденный писк, и Стэн услышал начальные аккорды Шестой симфонии Чайковского.

— Слушай, Стэн, они включили послание! — радостно воскликнула Эстрелла. — Может, все еще будет хорошо!

Но она ошиблась. Лучше не становилось. Если хичи что-нибудь и поняли в послании, что казалось маловероятным, это их не успокоило.

Стэн не знал, сколько времени они провисели распятыми, подвергаясь всевозможным осмотрам и исследованиям. Казалось, очень долго. Он боялся за себя, но еще больше тревожился за

Эстреллу. Время от времени он пытался ее успокоить. Она бодро отвечала:

— Все образуется, Стэн. — И добавляла совсем другим тоном: — О, будь все проклято!

Стэн видел, в чем ее затруднение. Хотя Эстрелла пыталась изо всех сил сжимать колени, ее мочевой пузырь не выдержал. Вниз по ногам потекла моча. Это вызвало новый приступ возбуждения у хичи, и один из них подбежал с новой чашкой и собрал несколько капель для изучения.

Тут Стэн страшно рассердился. Его рассердили страдания и смущение возлюбленной, рассердили бессовестные бессердечные хичи — источник этих страданий; так завершился первый час этого невероятно долгого дня Стэна.

Но вдруг по совершенно непонятной Стэну причине положение начало улучшаться. И улучшалось оно очень быстро.

Хичи в золотой одежде ушел по своим делам, которыми занимаются боссы хичи. Потом вернулся, важно отдуваясь и отдавая приказы направо и налево. Когда он подошел к пленникам, Стэн и Эстрелла напряглись, ожидая новых испытаний. И напрасно. Хичи протянул длинную костлявую руку с широко расставленными плоскими пальцами и потрепал Эстреллу по щеке.

Неужели какой-то успокоительный жест? По-видимому, так и есть. Стэн увидел, что остальные начинают снимать цепи, а босс тем временем продолжал успокаивающе говорить. Но Стэн не слушал. Слегка пошатываясь — цепи нарушили кровообращение, да и вес оказался меньше привычного, — он пошел к Эстрелле. Обнаженные, они обнялись, а хичи молча благожелательно смотрели на них.

— Что теперь? — спросил Стэн в пространство. Ответа он не ждал. И не получил, если не считать ответом того, что произошло следом. К ним подошли несколько хичи с обрывками их одежды, словно извиняясь или объясняя. Потом принесли груду одежды хичи и знаками показали, что незнакомцы могут ее надеть.

Одежда совсем не годилась. Человек анфас гораздо шире скелетоподобного хичи. Тем не менее, прикрыв наготу перед этими существами, Стэн почувствовал себя лучше.

Однако он по-прежнему не понимал, что происходит. Не потому, что хичи не старались объяснить. Они говорили, жестикулировали, всячески пытались дать понять, но без общего языка ничего не могли добиться.

— По крайней мере, мы больше не связаны,

как рождественский поросенок, — с надеждой сказала Эстрелла, держа Стэна за руку. И правда. Им позволили свободно расхаживать по помещению, а хичи, бегущие по своим делам, уступали им дорогу.

— Интересно, позволят ли нам вернуться на корабль, — сказал Стэн, заглядывая внутрь. Группа хичи снова проигрывала послание, держа предмет, который мог быть записывающим устройством. Один из хичи одобрительно похлопал стоящего у входа Стэна по плечу.

Стэн принял это за разрешение.

— Попробую, — сказал он и первый двинулся вперед. Никто им не помешал, но Эстрелла ахнула, увидев, что сделали с их пятиместником. Почти все, что можно было вынести, вынесли, а несколько хичи разглядывали удобства в носу корабля.

Эстрелла опомнились.

— Убирайтесь! — закричала она, размахивая руками, чтобы показать, что она имеет в виду. Хичи несколько мгновений совещались, потом послушались.

Ну, это совсем другое дело. Туалет был частично разобран, но все еще работал. Став немного чище и чувствуя себя гораздо увереннее, Стэн и Эстрел-

ла занялись другими своими нуждами: они проголодались. Использовать приспособления для приготовления еды оказалось невозможно: от них почти ничего не осталось, но среди того, что не успели вынести из корабля, отыскались пакет с печеньем и вода. За каждым их движением одобрительно и с интересом наблюдали хичи.

Потом подошел босс с предметом, похожим на переносной видеоэкран. Один из хичи к чему-то прикоснулся, и на экране появилось изображение.

Они увидели хичи, который что-то возбужденно говорил, — хотя людям, разумеется, его слова были совершенно непонятны. За ним просматривалась внутренность корабля хичи, но такого корабля Стэн никогда не видел: гораздо больше пятиместника, и единственный знакомый прибор в нем — тот куполообразный объект, который позволил им попасть в Ядро.

Но тут хичи на экране сделал жест. Изображение расширилось, и они увидели еще кое-что знакомое.

— Боже! — прошептала Эстрелла. — Да ведь это Робинетт Броудхед!

Это действительно был Броудхед. Он широко улыбался с экрана, обмениваясь с хичи рукопо-

жатием. Хичи неуклюже пожимал протянутую руку.

Рядом со Стэном босс с энтузиазмом хлопал его по плечу расплющенной рукой. Казалось, он хотел извиниться, и после некоторого колебания Стэн ответил. Плечо хичи оказалось теплым, но костлявым, а сам хичи, казалось, улыбается.

— Что ж, — удивленно сказала Эстрелла, — похоже, мы здесь снова все друзья. — Так закончился второй час этого длиннейшего дня.

Хорошо, когда есть друзья, еще лучше, когда имеешь возможность есть, пить и облегчаться, но лучше всего чувствовать себя свободным. На самом деле Стэну очень хотелось вздремнуть, но, по-видимому, пока это было совершенно невозможно. Хичи продолжали попытки объясниться с гостями на языке жестов, те по-прежнему не понимали. Когда босс принес трубу Стэна, Стэн понял, о чем его спрашивают.

— Это труба, — сообщил он. Повторил несколько раз, притрагиваясь к инструменту, потом сдался. — Давайте покажу. — И выдул гамму, а потом несколько тактов из «Блюза Сан-Луиса» в версии Кэба Кэллоуэя. Все хичи отскочили, потом стали делать жесты, умоляя его больше не играть.

Стэн не стал настаивать.

— Мы устали, — сказал он, закрыл глаза и положил голову на сложенные руки. — Спать. Мы должны отдохнуть.

Теперь решила действовать Эстрелла. Поманив ближайшего хичи, она отвела его ко входу в корабль, указала на гамаки для сна, теперь лишенные спальных мешков. После некоторого обсуждения хичи как будто уловили смысл. Они толпой ушли, а босс поманил Стэна и Эстреллу за собой. Они вышли из большого помещения — единственного, что пока увидели из всего мира хичи, — и прошли по короткому коридору. Стэн заметил, что стены коридора — из знакомого металла хичи, но не голубые, а розовые. Остановились у входа в комнату. Ожидавший хичи показал им останки их спальных мешков, затем указал внутрь. Там на полу лежали две груды чего-то. Постели? Очевидно. Хичи закрыл за ними дверь, и Эстрелла немедленно растянулась на одной из груд. Стэн последовал ее примеру. Похоже не на кровать, а на кучу сухой листвы. Но довольно удобно, а лучше всего то, что поверхность плоская и горизонтальная и никто поблизости не галдит.

Стэн благодарно вытянулся и закрыл глаза…

Но только на мгновение.

Почти сразу он проснулся, потому что дверь снова открылась. Босс хичи что-то возбужденно тараторил и настойчиво манил за собой.

— Дьявольщина, — выругался Стэн. Все здесь происходит слишком быстро. Тем не менее они встали и последовали за хичи. На этот раз идти пришлось дольше — сначала по розовому коридору, потом по золотому. Остановились в таком же помещении, как то, где они оказались с самого начала. Здесь гомонили и возбужденно показывали на шлюз с полдюжины хичи.

— Кажется, они сообщают, что приближается корабль, — сказала Эстрелла.

— Отлично, — проворчал Стэн. — Но лучше дали бы еще немного поспать.

Долго ждать не пришлось. За дверью слабо звякнул металл о металл. Один из хичи, наблюдавший за тем, как менялись цвета на каком-то приборе возле двери, подождал и открыл дверь. Вошли двое хичи, возбужденно говоря что-то встречающим. А за ними — два человека.

Люди!

Стэн разинул рот. Позади ахнула Эстрелла. Люди тоже говорили, но говорили с хичи. На языке хичи. И тут один из этих двоих заметил Стэна и

Эстреллу. Глаза его широко распахнулись.

— Боже! — недоверчиво воскликнул он. — А вы кто такие?

Этого человека звали Лон Альварес. Один из личных помощников Робинетта Броудхеда. Он, как только Стэн и Эстрелла назвали себя, щелкнул пальцами.

— Конечно! Ребята, которые улетели с Врат сразу после открытия. Полагаю, все считают вас мертвыми.

— Нет, мы не умерли, — ответила Эстрелла. — Только смертельно устали.

Но Стэн неожиданно почувствовал себя виноватым. Все считают их мертвыми? И говорят так Тану и Наслан.

— А нельзя ли как-то связаться с Вратами? Если такая возможность есть, я бы сразу отправил письмо.

Удивившись, Лон Альварес с сомнением взглянул на Стэна.

— Кому письмо?

— Администрации Врат, конечно, — выпалил Стэн. — Там ведь ждут от нас сообщений.

Альварес посмотрел на хичи, потом снова на Стэна.

— Не думаю, мистер Эвери. Вы разве не знаете,

что находитесь в черной дыре?

— В черной дыре? — Стэн смотрел на него, ничего не понимая. Эстрелла рядом с ним ахнула.

— Совершенно верно. Это и есть Ядро. Большая черная дыра, в которой очень давно скрылись хичи, а внутри черной дыры время замедляется. — Он взглянул на Стэна, чтобы проверить, понимает ли тот, но смущенный взгляд Стэна не очень его порадовал. Альварес вздохнул. — Это значит, что в черной дыре все происходит гораздо медленней. В этой дыре время замедляется в отношении сорок тысяч к одному, так что, пока вы находились здесь, снаружи его прошло очень много. Сколько? Ну, с тех пор как мы улетели, прошло… дайте подумать… одиннадцать лет.

VIII

Когда силы у Стэна и Эстреллы иссякли, ребята забрались в странные постели хичи. Они не разговаривали: слишком перепугались, да к тому же поговорить требовалось о многом, но подходящего места для этого не было.

Эстрелла уснула сразу, но Стэну не спалось. Он лихорадочно считал в уме, и результаты его пугали. Этот человек сказал: сорок тысяч к одному. Но тогда каждая минута проведенная здесь, у хичи,

это месяц во внешнем мире. Час — пять лет! День — больше века, а неделя…

Но дальше сопротивляться усталости было невозможно. Стэн погрузился в тревожный недолгий сон. Во сне его преследовали кошмары. Однако когда он проснулся и протянул руку к постели Эстреллы, то нащупал пустоту. Эстреллы не было.

Стэн встал и отправился на поиски. Ему срочно нужно было найти ее. Еще более срочно нужно было вдвоем вернуться в пятиместник, если тот все еще действовал после того, что проделали с ним хичи, и лететь домой… пока не умерли все, кого он знал.

В коридоре Эстреллы не было, хотя откуда-то доносились голоса, много голосов. Не оказалось ее и в том помещении, где они находились раньше, хотя там было множество хичи, чрезвычайно занятых. Впрочем, Стэн не мог бы сказать, чем они заняты. Один из хичи сжалился над ним. Оживленно щебеча, постоянно хлопая Стэна по плечу, он отвел его в другое помещение. Оно оказалось самым большим и самым заполненным, потоки хичи двигались в шлюз, заходя в корабль, и из шлюза, выходя из корабля. Хичи подвел Стэна к входу и легко подтолкнул.

Такого огромного корабля Стэн никогда не видел, и этот корабль был полон хичи и людей. Когда один из людей поднял голову, Стэн понял, что это Эстрелла. И она разговаривала — по-настоящему разговаривала — с хичи. Она поманила Стэна и протянула ему сосуд с чем-то коричневым.

— Кофе, Стэн, — довольно сказала она. — На этом корабле с иммигрантами большая кухня. Хочешь?

— Конечно, — ответил Стэн, глазея на хичи. Это существо нелепо выглядело в техасском сомбреро, свитере с надписью «Добро пожаловать в Хьюстон» и чем-то похожем на ковбойские сапоги. Хичи дружелюбно протянул руку.

— Рад снова вас видеть, мистер Эвери, — сказал он — по-английски! — Вы меня не помните? Я Привратник. Когда вы с мисс Панкорбо прибыли, я отвечал за шлюзы. — И гордо добавил: — Я был в первой группе, которая отправилась наружу, как только мы поняли, что происходит.

— Здравствуйте, — слабым голосом ответил Стэн. — Вы… гм… вы очень хорошо говорите по-английски.

Привратник пренебрежительно махнул костлявой рукой.

— Я провел на вашей планете четыре года,

поэтому у меня было достаточно времени, чтобы изучить язык. Когда отправлялся корабль с иммигрантами, я на нем вернулся домой. — Кто-то заговорил с ним на языке хичи. Привратник коротко ответил, потом вздохнул. — Пора вернуться к работе. Столько новых людей! Мой помощник задыхается. К тому же мне не терпится увидеться с семьей. Для меня прошло много времени… хотя они даже не знают, что я улетал!

IX

Когда Стэн впоследствии старался воссоздать в памяти этот длинный, сорок-тысяч-дней-в-одном, день, тогдашние события и открытия начинали метаться в сознании, точно сердитые пчелы, если потревожить их улей. Сюрпризов было слишком много, и каких! Новый корабль построили люди, хотя и с использованием технологий хичи. Люди на его борту были иммигрантами. Они прилетели в Ядро на несколько дней или недель (или столетий!), а сам корабль собирался тут же вернуться за новой партией. Дверь — огромный шлюз, где Стэн и Эстрелла оказались в самом начале, — теперь кишела людьми с кораблей, прилетевших раньше. Эти люди ожидали переправки на одну из планет хичи, открытых для

колонизации. Названия планет время от времени появлялись на дисплее. Среди людей попадались влиятельные личности, представители Корпорации «Врата» и разных земных государств; они прилетели открывать посольства Земли у хичи. Но были и простые люди, которым не нравилась жизнь на Земле; они ухватились за возможность начать новую жизнь в ядре.

— Как мы с тобой, Стэн, — сказала Эстрелла, когда он с большим трудом пытался все это усвоить. — Как все, кто прилетал на Врата. Теперь то, что им нужно, они хотят получить здесь. Хичи очень хотели встретиться с нами, Стэн. Здесь каждый человек будет жить по-королевски. — А потом обеспокоенно добавила: — Пей кофе, милый. Думаю, они что-то в него добавили, чтобы взбодрить нас. Тебе это необходимо.

Так и оказалось. Когда Стэн выпил вторую порцию кофе, усталость исчезла, а сознание прояснилось.

— Что значит — жить по-королевски? — спросил он.

— То самое, Стэн, — терпеливо ответила Эстрелла — ну, не слишком терпеливо: она была взбудоражена, глаза горели. Стэн никогда не видел ее такой. — Они нам рады, Стэн. Они хотят все

узнать о человечестве. Их зачаровывает сама мысль о том, что у нас есть разные страны и культуры. Когда я рассказала Привратнику, как пасут бизонов, он умолял меня прилететь на его планету и рассказывать об этом — похоже, когда он был на Земле, ему об этом не говорили. Он сказал, что нам дадут дом, замечательный дом, и… и, думаю, они ничего не знают о Стамбуле и вообще об истории человечества и с удовольствием послушают тебя…

Но Стэн покачал головой.

— У нас нет на это времени, — заявил он.

Эстрелла замолчала и уставилась на него из-под своего свисающего века.

— Почему? — спросила она, неожиданно отрезвев.

— Потому что мы полетим обратно, Эстрелла. Мы должны вернуться, пока мы еще новость для всех — первые люди, вернувшиеся из ядра. Представляешь, сколько мы получим? Не только премию — ручаюсь, огромную, — но и славу! И богатство. Полную Медицину и все такое! — Он иссяк и всматривался в лицо Эстреллы, пытаясь разгадать его выражение. — Разве ты не понимаешь, что мы упускаем, Эстрелла?

Она задумчиво сказала:

— Полная Медицина. Долгая богатая жизнь.

Он энергично кивнул.

— Точно! А время торопит. Нужно возвращаться!

Эстрелла взяла его руку и прижала к щеке. И просто спросила:

— Зачем?

Он, мигая, смотрел на нее.

— Что значит «зачем»?

— Но, Стэн, — рассудительно сказала она, — к чему нам торопиться? Зачем возвращаться за тем, что мы можем получить здесь?

— Наши друзья… — начал он, но она покачала головой. Поцеловала его руку, прежде чем выпустить ее, и заговорила:

— Ты знаешь, сколько времени прошло, дорогой? Наши друзья состарились, может даже уже умерли. Ты ведь хотел жить долго-долго. Вот сейчас мы это и делаем. — Она увидела его лицо, ей стало жаль Стэна, и она обняла его. — К тому же, — продолжала она убедительно, — мы ведь прилетели в такую даль! И раз уж оказались здесь, можем задержаться и посмотреть, как все тут выглядит.

Стэн наконец обрел дар речи.

— Задержаться? Надолго?

— Не очень, если тебе так хочется. На недельку, другую…

— Эстрелла! Это ведь будет… тысяча лет или даже больше!

Она кивнула.

— А вот тогда, может, и стоит вернуться.

3. Охота на охотников

I

Задолго до того, как Эстрелла и Стэн оказались в Ядре, — на самом деле, если ввести в расчеты невероятное соотношение сорок тысяч к одному, станет ясно, что задолго до их рождения, — здесь жил пилот-хичи по имени Достигающий. Просто жил. Он всю жизнь провел в Ядре и не собирался его покидать. Достигающий знал, что Снаружи очень много интересного. Однако он знал и то, каким опасным может оказаться это интересное, и поэтому ни он, ни кто-либо другой из хичи вовсе не стремились это увидеть. (Конечно, хичи не думал о себе как о «хичи». Это слово придумали люди. В ту пору Достигающий еще никогда его не слышал, а когда услышит, оно ему совсем не понравится.)

Полет, к которому в данный момент готовился Достигающий, не должен был увести его Наружу — хотя его корабль случайно оказался одним из тех, что могли совершить такое путешествие. Один из самых больших кораблей хичи, он ошеломил бы любого из старателей Врат, если бы те

его увидели. Любой одно-, трех- или пятиместник этих искателей приключений легко уместился бы в любом из грузовых трюмов.

Полет Достигающего был связан как раз с доставкой груза. Нужно было перевезти припасы с фабрик планеты, на орбите которой сейчас находился корабль, к космической станции под названием «Дверь». Достигающий уже не менее тридцати раз выполнял такие полеты — и всегда без малейших осложнений или задержек. Именно поэтому он и получил повышение. Его новое звание можно было бы перевести как «Пилот, который достаточно способен и осмотрителен, чтобы получить разрешение и поручение учить других», и физическое свидетельство этого нового статуса сейчас стояло перед ним. Ее звали Ветерок. Его первая ученица.

Хотя у Достигающего раньше никогда не было учеников, он знал, что от него требуется.

— Скажи, Ветерок, — обратился он к ученице доброжелательно, но в то же время тоном того, кто имеет право спрашивать, — что бы ты сделала, если бы при приближении к такому объекту, как Дверь, твои приборы ближнего обзора неожиданно переключились на панорамное обозрение?

Она ответила без колебаний:

— Прежде всего я проверила бы основание приборов и при необходимости поправила его. Если бы это не подействовало, я бы включила запасную систему. Если бы и она оказалась поврежденной, я отменила бы посадку, перешла на орбиту выжидания и разобрала бы прибор, чтобы починить его. Рассказать, как буду отыскивать повреждения?

Он помахал запястьями, что у хичи равносильно отрицательному повороту головы.

— Пока не нужно. Вначале я хочу узнать, почему ты не захотела поручить посадку автоматической системе.

— Так я, конечно, поступила бы при посадке, если бы мы уже миновали радиационный пояс планеты, Достигающий, но ты указал в качестве пункта назначения Дверь. Даже небольшая разница в скоростях при посадке может нарушить целостность корпуса Двери, что приведет к падению внутреннего давления. Я не стала бы рисковать. Теперь описать процедуру починки?

Он разрешил. Внимательно выслушал ответ на этот и все другие технические вопросы, которые ставил перед ней. Все ответы были вполне удовлетворительны. Он мог бы похвалить ее. Од-

нако не стал. Просто сказал: «А теперь закончим погрузку».

К этому времени на ранчо своих родителей в Нью-Мехико, очень далеко отсюда, родилась женщина по имени Эстрелла. Когда Ветерок включила погрузчики и груз начал перемещаться в трюмы корабля, в Анкаре, в больнице американского посольства, родился Стэн, а молодой человек по имени Робинетт Броудхед в отчаянии гадал, удастся ли ему покончить с пожизненным тоскливым трудом на пищевых шахтах Вайоминга.

Все это были люди. И конечно, Достигающий пока еще ни о ком из них не слышал.

К окончанию погрузки Достигающий решил, что Ветерок ему нравится — не в сексуальном смысле, а просто потому, что она оказалась сообразительной, старательной и послушной.

Любой человек-мужчина посчитал бы такое отношение к привлекательной молодой женщине странным. Но для Достигающего в этом ничего странного не было. Он почти не замечал привлекательных широких плеч Ветерок, ее тонкой талии и тщательно приглаженной красивой мягкой серой шерсти на шее. Все это было справедливо, но справедливо было и то, что

женские половые органы Ветерок не находились в положении для спаривания. А в таком случае ее женская привлекательность не имела никакого значения.

Известно, что в этом отношении хичи во многом сходны с людьми и среди них есть такие, кто предпочитает сексуальную практику, которую можно было бы назвать «извращенной». Но не настолько. Вряд ли кто-нибудь из самцов хичи мог даже подумать о половом контакте с самкой не в период течки.

Достигающий пригласил Ветерок сесть с ним рядом.

— Можешь сесть здесь, — сообщил он на языке Деяний, но затем менее официально добавил на языке Чувств: — Думаю, что я сам начну полет, но, вероятно, позже позволю тебе сесть за приборы.

— Благодарю тебя, Достигающий, — с признательностью ответила она, размещая свой цилиндр в выемке сиденья и внимательно наблюдая — хотя, разумеется, в прошлом она уже много раз сама производила установку приборов. И он отлично это знал.

Достигающий положил расплющенные пальцы на узловатое рулевое колесо. Это немедленно вызвало вспышки разноцветных огней, которые

любого человека поставили бы в тупик — да и тысячами ставили в древние дни Врат, когда каждый старатель понимал: непонятный набор огоньков может означать для него разницу между жизнью и смертью.

Достигающий уверенно проложил курс, помолчал и спросил:

— Как насчет температуры, влажности, состава атмосферы и прочих параметров? Я предпочитаю средние величины, но нет ли у тебя каких-либо предпочтений?

— Средние величины вполне приемлемы, — заверила она. — Я тоже предпочитаю их. Иногда я даже думаю, зачем нам все эти установки.

Достигающий издал подобие кашля — отчасти сочувственно, отчасти слегка насмешливо.

— Да. Есть чему удивляться. Но иногда на борту оказывается пассажир с медицинскими проблемами или груз, который можно повредить, если фоновые установки несоответствующие. Вот тогда ты поймешь зачем.

Ветерок пристыженно следила за тем, как он дает команду «старт». Все колеса заняли необходимое положение, и они стартовали.

В отличие от самых больших кораблей флота хичи, корабль Достигающего не требовал после

старта ручного управления. Поэтому Достигающий отстранился от приборов и посмотрел на свою подопечную.

— Я заметил, — благожелательно сказал он, — что ты проявила интерес к особенному устройству корабля. — И он указал на изогнутый хрустальный цилиндр в центре рубки управления.

— Я внимательно слушала все твои указания, Достигающий!

— Конечно, слушала, — согласился он, — но ведь и цилиндр ты заметила, верно? Может, ты решила, что это устройство, которое позволяет проходить радиационный пояс планет?

— Не похоже, Достигающий.

— Конечно, — подтвердил он. — Оно вовсе не для того. Ты такого, наверно, никогда раньше не видела. Это разрушитель порядка.

Оно подождал реакции на свои слова. Однако время шло, а реакции не было.

— Ага, — просто сказала Ветерок. Потом снова: — Ага!

— Да, — ответил он, пожимая плечом, что соответствует человеческому сочувственному кивку. — Этот инструмент наши предки использовали, чтобы попадать в объединенные

системы. (В земных терминах это черные дыры. Но хичи не представляли себе их дырами. И люди по всей справедливости должны были бы признать, что при том количестве материи, которая поглощается дырами, частично переходя в излучение, их вряд ли можно назвать черными.) Не тревожься, — добавил он. — Естественно, мы не станем использовать его для этой цели. Однако любопытно заметить, что инструмент в полном порядке и может функционировать.

Теперь она слушала очень внимательно.

— В кораблях, которые я изучала, ничего подобного не было. — Голос ее звучал почти испуганно.

— Конечно, не было. Там они не нужны, ведь здесь, в Ядре, нет объединенных систем — конечно, кроме самого Ядра. Со времени Ухода из внешней галактики никто не прилетал. Поэтому на наших новейших кораблях ничего подобного нет; такие приборы есть лишь на немногих кораблях, которые время от времени патрулируют внешнюю галактику. Этот корабль — ты должна это знать — очень стар. Разумеется, он в превосходном состоянии, иначе ему не поручили бы важнейшую задачу снабжения Двери, но построен он до того, как наши предки переселились

сюда. У этого корабля славная история, Ветерок. Весьма вероятно, что разрушитель порядка, который ты видишь перед собой, пробивал многие зоны Шварцшильда, — конечно, Достигающий не использовал слово «Шварцшильд», но говорил именно о поглощающей свет оболочке черной дыры, которую люди называют таким именем, — пробивал многие зоны Шварцшильда в дни перед Уходом. Как видишь, прибор не тронули, просто потому, что уничтожать его не было никакой причины. Во всяком случае, — продолжал он, — я рад, что наш корабль так оборудован. Каждый ученик пилота должен знать, как работает разрушитель порядка, — на всякий случай, понимаешь ли: вдруг когда-нибудь понадобится.

Он одобрительно следил за ее выражением. Больше никакого волнения, хотя сама мысль о выходе за пределы огромной черной дыры, в которой они живут, испугает любого хичи. Затем он практично заметил:

— А теперь давай проверим состояние груза.

Она согласно пожала плечом и дотронулась до приборов обозрения. Первым появилось изображение баков со сжиженными атмосферными газами — это пополнение запасов воздуха на Двери; станция почти герметична, но определенная

утечка всегда происходит. Далее на экране появились личные посылки постоянным работникам Двери, а также запасы воды и горючего. Ветерок доложила:

— Все в порядке, Достигающий. Проверить еще что-нибудь?

Достигающий кончиками пальцев коснулся своих тонких губ — эквивалент зевка.

— Думаю, сейчас в этом нет необходимости. Однако, поскольку нас двое, предлагаю, чтобы один из нас всегда находился в рубке.

Ветерок откровенно удивилась.

— Это необходимо, Достигающий?

— Необходимо? Может, и нет, но я так хочу. — Он с удовольствием заметил, что для нее это решило вопрос: хорошая ученица. Он продолжал: — Первая вахта моя, Ветерок. Можешь поспать или приготовить себе еду — у нас очень хорошая пищевая установка. А может, ты захочешь познакомиться с корабельной библиотекой. Я лично подбирал библиотечные веера, и, думаю, ты найдешь здесь интересное чтение. Что предпочитаешь?

Ветерок на мгновение задумалась и сказала:

— Я предпочла бы, Достигающий, остаться здесь и понаблюдать за тобой. Как еще я могу

научиться?

Лучшего ответа она не могла дать. Достигающий был очень доволен ученицей и не изменил своего мнения на протяжении всей вахты. Конечно, Ветерок почти не на что было смотреть. Корабль летел сам по себе. Но Достигающий — за чтением, за едой, за разговорами с ученицей — постоянно наблюдал за экранами — на всякий случай, и это произвело на Ветерок сильное впечатление.

Позже, когда наступила очередь Достигающего отдыхать, он забрался в свой клубок спальной травы. Конечно, не настоящей: настоящая трава способна выпустить пыльцу, которая заразит атмосферу корабля, — но клубок был сделан так, что внешне и на ощупь напоминал траву, которую рвали примитивные предки Достигающего и в которую заворачивались, когда хотели отдохнуть. Однако Достигающий не покрыл травой лицо. Он не отрывал взгляда от Ветерок. «Она молодец», — с удовольствием подумал он.

Так он думал и во время следующей вахты, и следующей.

Почти до самого прибытия к месту назначения не происходило ничего, что могло бы встревожить Достигающего. Он крепко спал в своем

травяном клубке, когда в первый раз прозвенел тревожный колокол.

Впрочем, это был не колокол, и он не звенел. Он ворчал. Но это не важно. Звук означал, что что-то не в порядке. За всю свою карьеру Достигающий ни разу не слышал этот звук и еще до того, как он смолк, выбрался из спального клубка. Но Ветерок все равно его опередила. Быстро и пугающе застучал коммуникатор, ярко-зеленый цвет экрана означал сообщение чрезвычайной срочности. То же самое в этот миг делали коммуникаторы по всему Ядру.

Ветерок смотрела на экран со смешанным выражением удивления и страха.

— В чем дело? — спросил Достигающий.

Она ошеломленно посмотрела на него.

— Гости, — ответила она. Каждая мышца под ее кожей дрожала. — Они сейчас на Двери, но это не хичи. Они пришли Извне и принадлежат к другому виду, не к нашему.

II

Достигающий больше не лег спать. Ветерок тоже. То же можно сказать и о других хичи на ночной стороне многих сотен населенных планет среди тысяч плененных Ядром звезд. *Гости? Сна-*

ружи? Нет, после такой новости у хичи пропало желание спать. Все они испытывали чувство, близкое к ужасу. Когда на экранах появились изображения гостей, к ужасу прибавилось болезненное отвращение. На чужаков было тошно смотреть: ужасная пародия на фигуру хичи, распухшая, волосатая, отвратительная.

Оставшаяся часть полета промелькнула для Ветерок и Достигающего быстро. Причалив же к Двери, они обнаружили, что в действительности дела обстоят еще хуже. Постоянные обитатели Двери суетились в смятении, и с каждой секундой поступали новые, все более тревожные известия. Извне пришел еще один корабль! Нет, два корабля, три! И на одном прилетели не только эти «люди», как они себя называют, но и пара хичи, которые дежурили Снаружи в патрульном корабле.

Воцарившееся в результате смятение совершенно не соответствовало характеру хичи. В посадочном доке не было разгрузчиков, чтобы принять все привезенное Достигающим. И, что гораздо хуже, не было дежурного диспетчера с указаниями относительно обратного полета. Поэтому Достигающий оставил Ветерок на корабле, а сам отправился на поиски дежурного,

но когда добрался до его кабинета, дежурного там не оказалось — и никто не мог сказать, где он, потому что в этом сумасшедшем доме никто ничего не знал. Да, это поистине был сумасшедший дом. Упорядоченное спокойствие, которое всегда отличало деятельность этого отдаленного порта — и вообще любую деятельность хичи с начала времен и до настоящего момента, — это спокойствие исчезло, развеянное новостями, заставшими расу хичи врасплох. Любые новости Снаружи редки. Но эта приводила в ужас!

С другой стороны, говорил себе Достигающий, пробиваясь сквозь взволнованную толпу, возможно, не стоит так удивляться. В конце концов, мы всегда знали, что когда-нибудь может неожиданно появиться кто-то Извне. Мы знали это, как знали, что когда-нибудь присоединимся к Сохраненным Разумам или что когда-нибудь неудачно выбранная звезда класса F, которую хичи привели с собой в Ядро, станет нестабильной и причинит огромный ущерб окружающему пространству. Но ведь никогда не думаешь, что подобное может произойти сейчас. Только когда-нибудь!

Ну ладно. Новость могла оказаться гораздо, гораздо хуже. Эти отвратительные нежданные существа Снаружи, конечно, ужасны — разбухшие

тела, одутловатые, рыхлые лица. Но они определенно ничуть не походят на тех, кого называют «Убийцами» или «Врагом», на те бестелесные энергетические создания, которые перед Уходом опустошили большую часть галактики. Появление этих новых существ вызывает отвращение, это верно, но они никого не уничтожают.

Достигающий изо всех сил старался успокоиться. Для решения таких проблем у него есть безотказный советчик. Сейчас самое время обратиться к нему.

Он нашел уголок потише и призвал на помощь Сохраненный Разум из стержня, висевшего между его широко расставленными обтянутыми сухой кожей бедрами.

— Разум предка, — произнес он, стараясь говорить спокойно, — проснись и помоги мне, пожалуйста. Что это за существа?

Сохраненный Разум ответил не сразу, но наконец он — точнее, она — ворчливо отозвался:

— Минутку, Достигающий.

От этого Сохраненного Разума Достигающий ничего особенного не ожидал. Она поступила на хранение слишком давно, и это начинало сказываться. Прошло несколько секунд, прежде чем послышался ответ. Усталый голос предка

произнес:

— Прошу прощения, Достигающий. Я отдыхала. Сейчас я расспрашиваю другие Сохраненные Разумы относительно природы твоего вопроса… — Неожиданно она словно бы икнула, и ее голос изменился. — Достигающий, — сказала она тверже. — Они действительно Снаружи! По этому поводу среди Сохраненных Разумов возникло большое смятение. Я пытаюсь узнать общее мнение. — Голос звучал удивленно, даже испуганно — хотя Сохраненные Разумы никогда не удивляются и тем более не тревожатся: им не о чем тревожиться.

Когда она заговорила снова, голос звучал спокойнее, но оставался неуверенным.

— Удивительно, Достигающий, — сказала она. — Новые чужаки как будто отдаленные потомки предразумных существ, обнаруженных до Ухода. Говорят, они, возможно, потомки расы двуногих волосатых, которых незадолго до Ухода один из наших исследовательских кораблей нашел на очень интересной планете.

— Не такие уж они волосатые, — возразил Достигающий.

— Снаружи прошло очень много времени. Они эволюционировали. И теперь кажутся цивили-

зованными — в определенной степени. — Тут тон снова изменился. — Достигающий, не лучше ли тебе принять участие в решении проблемы, вместо того чтобы тратить время на расспросы из праздного любопытства?

Достигающий принял упрек и разорвал связь. Однако, продолжая поиски дежурного диспетчера, не мог не думать о чужаках. Цивилизованные? Да, их можно назвать цивилизованными, думал он. Они даже продвинулись в технологическом отношении настолько, что смогли самостоятельно освоить межзвездные перелеты…

Ну, не совсем так, поправился он. Не самостоятельно. Говорят, их первый корабль был изготовлен хичи. Несомненно, один из тех немногих кораблей, которые давным-давно, перед Уходом, хичи оставили Снаружи.

Это заставило Достигающего задуматься. Не совершили ли они ошибку? Не лучше ли было предоставить этим примитивным существам самим до всего додумываться?

Достигающему не хотелось размышлять об этом. Ведь он едва не обвинил Сохраненные Разумы предков в том, что они дали маху. А это не только несправедливо, но и, как подсказывает весь его опыт, совершенно невозможно. Сохра-

ненные Разумы никогда не ошибаются.

* * *

Когда наконец появился дежурный, окруженный толпой подчиненных, каждый из которых требовал срочного ответа на свой вопрос, Достигающий обрадовался. При виде Достигающего дежурный всех отослал.

— Ты, — сказал он. — Твой корабль в третьем, янтарно-золотом, доке. Его разгружают, чтобы подготовить к экспедиции.

К экспедиции? Достигающий открыл рот, собираясь спросить, что это за экспедиция. Но дежурный торопливо продолжал:

— Проследи, чтобы разгрузку закончили, а новые припасы как можно быстрее погрузили на борт. У тебя ведь есть второй пилот? Прекрасно. Подготовив корабль, жди пассажира с дополнительным оборудованием. И немедленно отправляйся.

— Да, конечно, — ответил Достигающий, и мышцы его живота энергично сократились в знак согласия. — Но куда я отправлюсь?

Дежурный недоверчиво посмотрел на него, потом покачал головой.

— А куда, по-твоему, мы тебя посылаем? Конеч-

но Наружу. Иначе почему бы мы выбрали твой корабль?

Они направились прямо к оболочке, окружающей Ядро; корабль сильно дрожал, экипаж мотало в привязных ремнях, а искривленный стержень извергал потоки искр. Эти искры не горели, не сохранялись, вообще ничего не делали — только обозначали, что корабль выходит Наружу. Ничего подобного Достигающий раньше не испытывал. Ветерок издала негромкий звук, почти плач — ей приходилось не легче. На ее лице появилось выражение… не страха, но тревоги уж точно. А когда яркие искры погасли, качка прекратилась и все трое уставились на экран, Ветерок заговорила первой.

— Как много… здесь звезд, — сказала она.

Действительно, звезд было бесконечное множество, они сливались в сплошной молочный звездный туман. Это зрелище ошеломило даже пассажира.

— Не думал, что еще хоть раз увижу это великолепное зрелище, — негромко сказал он скорее себе, чем пилотам.

Достигающий оторвал взгляд от звезд и посмотрел на него. Пассажир, которого звали Блестящий, был стар, вероятно старше всех, кого до сих пор

встречал Достигающий; пушок на его черепе был уже не серым, а беловатым. Но назвать Блестящего дряхлым было нельзя. Он посмотрел Достигающему в глаза и повертел запястьями.

— Наверно, ты захочешь увидеть сам, — предположил он. — Минутку, я покажу.

Он жестом попросил Достигающего уступить место у приборов управления и сам сел за них. Осторожно повернул контрольные рули. На экране появилась красочная картина — длинный ряд оранжевых точек, обозначающий курс; стрелки отмечали навигационные особенности и данные. Блестящий костлявой рукой указал на одну из них.

— Мы будем следовать намеченным мной курсом, пока не отойдем подальше от Ядра, — сказал он. — Здесь, как видишь, звезды размещены гораздо реже, и нам легко будет наблюдать за ними оптически. У вас есть вопросы?

Он взглянул на Ветерок, но ответил Достигающий.

— Да, есть, — сказал он. — Мы уже Снаружи. Не стоит ли рассказать нам все?

Старик внимательно посмотрел на пилота, задумчиво растянул рот. Но вот Блестящий принял решение.

— Конечно, — сказал он. — Теперь вы имеете право знать. Причина, по которой мы вышли Наружу, такова. Мы должны осуществить поиск, который имеет чрезвычайное значение для нашей расы. Точнее, для всех разумных существ. Мы должны установить, где сейчас Враг.

Проголодавшись, они ели. Уставая, ложились спать — оба пилота одновременно, хотя и в разные травяные пучки, и желание Достигающего, чтобы кто-нибудь постоянно находился у приборов, больше не упоминалось. А Блестящий больше не появлялся.

Поэтому у пилотов было достаточно времени, чтобы подумать над его словами и их последствиями.

Если мысль о преследовании существ, которых называли Убийцами или чаще просто Врагом, и приводила Достигающего в ужас, ничего позорного для него в этом не было. Смелости у него было столько же, сколько и у всех остальных хичи в Ядре, — кстати, не слишком много, за исключением тех случаев, когда смелость совершенно необходима.

Казалось, сейчас как раз такой случай. Если они действительно собираются выследить Врага, эти бесформенные воплощения зла, преследу-

ющие в кошмарах всех хичи, от Достигающего потребуется большая смелость. Ему не помешало бы больше знать о природе ужаса, который они стараются обнаружить. Поскольку Блестящего он расспросить не мог, пришлось обратиться к другим источникам, пересмотреть в корабельной библиотеке один за другим хрустальные веера, которые заменяют хичи книги. Вставляя их в прорезь машины для чтения, Достигающий искал и упоминания о тех разумных галактических расах, которые, по данным исследователей-хичи, исчезали внезапно и полностью. Это и привело к открытию причины их гибели, а вскоре — и к Уходу хичи в Ядро.

Однако, просмотрев все имеющиеся документы, Достигающий не нашел ответов на свои вопросы и потому обратился к Сохраненному Разуму в цилиндре между своих широко расставленных тощих бедер. Притронувшись к медальону стержня, он произнес вслух, хотя знал, что Разум воспримет и мысль:

— Разум предка, нет ли дополнительных сведений об этой расе?

Сохраненный Разум ответил не сразу. А когда ответил, голос звучал раздраженно.

— Минутку, Достигающий, — сказала она. По-

том продолжила: — Досье, которое ты только что просмотрел, содержит сведения о земноводной ящероподобной расе, которая сумела отправить ракеты с пилотами в ближний космос, прежде чем целиком погибла за одну ночь. Тебе нужна добавочная информация о ней?

— Точно, — подтвердил Достигающий.

— Ее нет, — ответил Сохраненный Разум и замолчал.

Достигающий мрачно посмотрел, который час. Наступало время сна, но Блестящего по-прежнему не было видно. Зарываясь в свой клубок, Достигающий подумал, что, вероятно, не сможет уснуть, а если и уснет, то приятных снов ему не видать.

Ничего подобного. Он уснул мгновенно, а если и видел сны, то не запомнил их.

Проснувшись, Достигающий проделал все то, что делают хичи после сна: снял цилиндр, в котором содержался разум предка, и освободился от шлаков; поместил цилиндр на место, предварительно почистившись; надел чистую одежду, а старую бросил в стиральную машину; сорвал с кустика, росшего у двери, несколько листочков, пожевал их немного и выплюнул (теперь его зубы были достаточно вычищены и смазаны), заказал утреннее меню пищевой машине и позавтракал.

Вкус и текстура пищи в точности отвечали его предпочтениям, и он ел с таким же удовольствием, как и в обычные дни. Вообще ничто в его поступках не свидетельствовало о том, что этот день чем-то отличается от других.

Достигающий не перестал бояться. Он просто смирился. Поскольку избавиться от страха он не мог, он сделал лучшее, что было в его силах: решил жить с этим страхом.

Когда он вошел в рубку управления, в кресле пилота сидела Ветерок. В руке она держала несколько читательских вееров и мрачно смотрела на экран. Он поздоровался на языке Деяний и добавил:

— Ты читала о Враге?

Она почти сердито посмотрела на него.

— Конечно, но много о нем не узнаешь. Они истребляли разумные расы; наши предки решили, что они уничтожат и нас, если обнаружат; поэтому мы спрятались в Ядре. Есть еще что-нибудь?

— Не очень много, — сознался Достигающий.

— Так я и думала. Поэтому решила заняться чем-нибудь более полезным и посмотрела, что за курс проложил для нас Блестящий. Хотела получить хоть какое-то представление о том, куда мы направляемся.

Достигающий почувствовал, как шерсть у него на затылке встает дыбом от удивления. Конечно! Очевидно, это самый разумный шаг. Почему он сам его не сделал?

— И что ты узнала? — спросил он.

Ветерок раздраженно пожала мышцами живота и коснулась приборов. На экране появилось трехмерное изображение галактики.

— Вот, — сказала она. — Но мне это ничего не говорит.

Достигающий разглядывал изображение. Масштаб очень крупный, поэтому почти никаких подробностей не видно. Только цепочка ярко-оранжевых точек, похожая на детское игрушечное ожерелье, извивается в густой звездной пыли центра галактики. Первая четверть маршрута ничем не выделялась, она уводила корабль от центра. Затем цепочка три или четыре раза оборачивалась вокруг змееобразных галактических рукавов и относительно пустых пространств между ними, пока не исчезала частично в одном из рукавов.

— Если эта линия — наш курс, — медленно произнес Достигающий, — похоже, мы идем к цели кружным путем.

Позади послышался голос:

— Так и есть, Достигающий. Рискнешь догадаться почему?

Оба пилота повернулись и увидели входящего в рубку Блестящего. Он казался спокойным и хорошо отдохнувшим.

— Ну как, Достигающий? Или ты, Ветерок?

— Мы ищем нечто такое, что приведет нас к Врагу, — ответила она, опередив Достигающего, который собирался дать такой же ответ.

— Надеюсь, маршрут не приведет нас прямо к цели, — сухо сказал Блестящий. — Но ты права: таков общий план. Однако прежде чем начать поиски, мы должны удалиться от Ядра. Только там могут найтись живые существа. Жизнь может возникнуть и эволюционировать там, где звезды далеко друг от друга, Ветерок. Здесь, в центре галактики, ничто органическое существовать не может. Слишком высока радиация.

Ветерок выглядела удивленной.

— Мне казалось, Враг — это неорганическая жизнь.

— Конечно. Но они охотятся на органику.

Он посмотрел на Достигающего: тот изумленно распрямился.

— У тебя проблема? — спросил Блестящий.

— Нет. Вернее, да. Я только что вспомнил. Разве

наши исследователи не обнаружили, что Враг скрылся внутри объединенной системы за пределами галактики?

— Конечно. Обнаружили, а я был одним из этих исследователей. Враг ушел в клубок таких систем сразу за галактическим ореолом.

— Тогда что же мы ищем? — спросил Достигающий.

— Мы должны убедиться, что они еще там, — серьезно сказал Блестящий. Он на несколько мгновений задумался, затем мышцы его живота дрогнули (человек бы в этот миг пожал плечами). — Идемте в мою каюту. Покажу, чем занят.

Части непонятных приборов, которые взял с собой на борт Блестящий, превратились в непонятные приборы. У одной стены — груда светящихся синих ящиков, на верхнем экран, такой же, как в рубке управления, но темный. У другой стены — великолепная серебряная клетка, а в ней — бриллиант со многими острыми гранями. Блестящий коснулся узловатого колеса, экран на верхнем ящике засветился и показал серое, словно покрытое булыжником поле.

— Возможно, мне понадобится помощь, — сказал Блестящий, — поэтому я покажу вам, как это действует. Смотрите. — Он принялся поворачи-

вать колесо, и серое поле постепенно исчезло. Теперь они видели перед собой ту же картину, что и на экране в рубке. Нет, поправился Достигающий, не совсем такую. Экран сузил обзор и увеличил изображение; стали видны отдельные звезды, и у некоторых даже заметны диски.

— Вы ведь знаете, — менторским тоном заговорил Блестящий, — что каждый наш корабль оставляет рябь в пространстве?

— Меня этому учили, — подтвердил Достигающий. Ветерок кивнула.

— Тогда я покажу вам, как выглядит эта рябь. — Он снова занялся приборами. Изображение еще увеличилось, звезды слегка поблекли. Ветерок ахнула, и Достигающий увидел: среди звезд показались объекты, похожие на пучки светящейся розовой соломы. Они больше всего напоминали то, что земные ученые назвали бы диаграммой Фейнмана. Но поскольку никто на корабле не слышал ни о Ричарде Фейнмане, ни о его графическом изображении суммы вероятностей, они назвали это «представлением потенциального местоположения».

— Это подписи кораблей, летящих быстрее света, — продолжал Блестящий. — Наш корабль тоже оставляет свою подпись, похожую на те,

что вы видите. Все это следы кораблей, и все эти корабли наши. Следы кораблей Убийц совсем другие. Конечно, — тут же поправился он, — если у Врага вообще есть корабли; мы не совсем представляем себе его способы перемещения в пространстве. Однако их подписи существуют. Вернее, существовали, потому что были зафиксированы и идентифицированы ко времени Ухода. Некоторые я наблюдал сам. Такие искусственные образования рассеиваются в течение тысяч лет, и именно их я ищу.

— Понятно, — сказал Достигающий, однако, в свою очередь, тут же поправился: — Точнее, одно я все-таки не понял. Ты говоришь о тысячах лет, но мы в Ядре гораздо дольше. Разве за это время следы не могут рассеяться?

— Надеюсь, нет, — мрачно ответил Блестящий. — Потому что, если мы не найдем никаких следов, придется лететь туда, куда мне совсем не хочется.

IV

Дни шли, туман на экране рассеивался. То, что раньше было неразличимой белой массой, превратилось в россыпь бесчисленных одиночных звезд, белых или золотых, ярких и горячих голу-

бых и темных тлеющих красных. Стало возможно выделять отдельные звезды и даже видеть их планеты, хотя ни на одной из тех, что заметил Достигающий, жизнь не существовала.

— Планеты достаточно распространены, — заверил экипаж Блестящий, — а вот жизнь — нет.

Достигающий подумал, что это делает преступления Врага еще более страшными: если жизнь так редка, как ужасно ее насильственное прекращение!

В начале каждой вахты он прежде всего уточнял курс, чтобы следить за продвижением корабля; пройденная часть маршрута на экране приобретала светло-розовый цвет, часть, которую еще оставалось пройти, оставалась ярко-оранжевой. Но как медленно удлинялась розовая линия, какой угнетающе длинной оставалась оранжевая!

В прошлом Достигающий иногда думал о том, каково оказаться Снаружи, — думал очень редко, ведь ему было о чем думать в повседневной жизни на Влажной планете Трех Лун и в регулярных полетах от одной планеты к другой, что было его обычной работой, — так вот когда он все-таки задавался вопросом, каково на самом деле оказаться Снаружи, самым необычным ему казался невероятно стремительный ход событий

за пределами Ядра.

Однако теперь он на самом деле Снаружи, и ход событий совсем не кажется ему стремительным. Другие члены экипажа не мелькали вокруг. Как и положено хичи, они передвигались спокойно и не очень быстро. И планеты, видные в приборы, не вращались с головокружительной скоростью вокруг своих звезд. И сами звезды не мигали, если были неустойчивыми, и не раздувались на глазах и не тускнели, если были сверхгигантами.

Однако ему самому разница в скорости была очень даже заметна, и это портило Достигающему настроение. Иногда, когда он закутывался в спальный клубок, собираясь уснуть, ему приходило в голову, что все время его сна, и бодрствования, и нового сна, и еще десятка периодов сна умещается в Ядре в единое биение сердца.

И время не только шло быстрее обычного. Иногда оно как будто замирало. Один рабочий день Достигающего ничем не отличался от другого. А когда произошло нечто совершенно новое, это застало его врасплох.

Ветерок принесла ему еду и сообщила, что Блестящий в очередной раз отказался есть.

— Он словно одержимый, — сказала она Достигающему, когда они принялись за вкусный белок

и сладкие углеводы красивых пастельных тонов, подобранных Ветерок. — Мне кажется, он хочет, чтобы Враг еще жил где-то в галактике. Что касается меня, то у меня такого желания нет. Я бы хотела, чтобы Убийцы никогда не выбирались из своего убежища.

Достигающий обдумал ее слова и передернул мышцами живота, что у хичи служит эквивалентом пожатию плечами.

— Думаю, он знает, что делает.

— Конечно, — согласилась она. — Но он кажется очень встревоженным. — Она немного пожевала и задумчиво заметила: — Мне кажется или пища стала необычно вкусной?

— Удивительно! — воскликнул Достигающий. — Я как раз собирался сделать такое же замечание. — Их это тем более удивило, что вкус CHON-пищи никогда не меняется. Если не изменились указания по изготовлению, а Ветерок это отрицала, вкус должен был год за годом оставаться неизменным. Достигающий удивленно растянул рот в «улыбке». Он заметил, что и Ветерок ему улыбается. Улыбается очаровательно. Почти соблазнительно…

Соблазнительно?

Мышца под кожей щеки Достигающего неожи-

данно напряглась. Он понял: конечно! Пища не стала необыкновенно вкусной, улыбка Ветерок такая же, как обычно. Для него — для них обоих — все окрасили феромоны.

И как только эта мысль пришла ему в голову, он заметил то, чего не замечал раньше. Кожа Ветерок заметно потемнела. Кое-где — на горле, на веках — она стала почти пурпурной.

Ветерок внезапно вступила в период спаривания.

Ухаживание у хичи проходит очень цивилизованно. Когда подходящий самец и сексуально привлекательная самка оказываются по соседству, они совсем не сразу начинают совокупление. Этот процесс занимает определенное время. От первых признаков взаимной приемлемости до окончательного акта совокупления редко проходит меньше целого дня, а иногда, в особенности если самка молода, дней десять или даже больше. А Ветерок была очень молода. Так что на начальной стадии ничего сексуального между Достигающим и Ветерок не происходило. Ну ничего откровенно сексуального. Однако исподволь все было окрашено сексом, это уж точно. Когда Ветерок доела светло-голубую хрустящую часть своего обеда, именно Достигающий развернул

и передал ей следующее сладкое вязкое блюдо. Принимая его, Ветерок позволила своему тощему пальцу на мгновение задержаться на запястье.

Дальше события могли бы развиваться быстрее — хоть и ненамного, — но именно в этот миг появился Блестящий. Выражение его лица Достигающий не мог понять. Печальное? Да, вероятно, это определение подходило, но одновременно старик выглядел более дряхлым и встревоженным, чем обычно. Мышцы его щеки возбужденно дергались, но на пороге он остановился, с любопытством принюхиваясь.

Хотя ревность не очень характерна для хичи, это не значит, что Достигающий не обратил внимания на поведение Блестящего. Однако было ясно, что Блестящий встревожен чем-то иным, — не говоря уж о том, подумал Достигающий, что он так стар, что, вероятно, вышел из активного сексуального периода. Его тревога преодолела влияние феромонов Ветерок.

— Я принял решение, — строго сказал Блестящий. — Следует признать, что никаких недавних следов Врага не осталось.

Достигающий не забыл о своих новых интересах, но тем не менее бросил на Блестящего удивленный взгляд.

— Но ведь это хорошая новость? — спросил он.

Старик помолчал; он как будто обдумывал вопрос, и Достигающему показалось, что молчание слишком затянулось. Наконец Блестящий выдохнул через нос.

— Вероятно, это лучше, чем если бы мы нашли недавние следы, — задумчиво сказал он, — но это означает, что нам с тобой придется сделать то, чего мне совсем не хочется. Двое из нас должны осмотреть место, где спрятался Враг, и проверить, там ли он еще.

Он пересек каюту, подошел к экрану и коснулся узловатого колеса. На экране сразу появилась туманность, известная как убежище Врага.

— Это Шаровая Молния — Кугельблиц, — сказал он. Разумеется, он использовал совсем иное слово; просто так могли бы выразиться люди, знай они о существовании подобных объектов. Но описание Блестящего было примерно таким же, какое дал бы земной физик. — Убийцы — существа энергетические, не материальные. Однако энергия тоже обладает массой. Следовательно, место, где они скрылись, по своей природе является объединенной системой — мы бы сказали «черной дырой», — где и возникла энергия, сотворившая эти существа.

Ветерок казалась возбужденной и испуганной этой новостью, даже после того, как Блестящий добавил:

— Наше посещение не ограничится беглым осмотром. Нет, — серьезно продолжал он, — двоим из нас придется провести там значительный период времени — год, а может, и больше, — чтобы с полной достоверностью убедиться, что Враг еще скрывается в своей норе. Достигающий, у тебя есть вопросы?

— Ты сказал — двоим. А как же третий?

Блестящий отвел взгляд.

— Как вы, вероятно, знаете, — сказал он, — во время Ухода мы оставили в разных местах галактики множество небольших кораблей. Одно из таких хранилищ было открыто, и корабли использованы той расой, представители которой недавно посетили нас. На каждом корабле, разумеется, есть отчет о всех его полетах. Нужно проверить все эти записи в поисках данных относительно Убийц. Так что одному из нас придется заняться этими записями, а двое отправятся к месту укрытия Врага. — Он посмотрел на Достигающего, но тот и так уже знал, кто это будет. — Останешься ты, Достигающий.

4. Три дня на Двери

I

Вот что обнаружили Стэн и Эстрелла: одно дело быть первыми посетителями Снаружи, появившимися среди ошеломленных хичи. И совсем другое, когда таких посетителей десятки… затем сотни… а потом такой поток, что Стэн и Эстрелла и сосчитать не могли вновь прибывающих. Особенно если учесть, что большинство прилетевших могли рассказать что-то гораздо более интересное, чем Стэн и Эстрелла.

Строго говоря, о них не забыли. Время от времени какой-нибудь особенно доброжелательный хичи, переходя из одной части Двери в другую, останавливался, чтобы спросить, не нужна ли им еда, питье или место для опорожнения мочевого пузыря. Но если ответ был отрицательный, хичи мгновенно исчезал и больше они его никогда не видели.

— А может быть, — мрачно заметил Стэн, — это всегда один и тот же: как их отличить?

Эстрелла ничего на это не ответила, потому что не знала, что ответить. Некоторые хичи отлича-

лись от других необычным штрихом в одежде: это могла быть неожиданная расцветка, какая-то безделушка на тонкой шее или непривычный рисунок восьмиугольного медальона на той смехотворной сумке, что всегда висела у них между ног, — настолько необычным, что Эстрелла какое-то время помнила о нем; впрочем, чаще она тут же забывала.

Место, которое хичи называли «Дверь», все более переполнялось. В обоих направлениях двигалось множество кораблей; корабли хичи уходили Наружу, в великую внешнюю галактику, но еще больше кораблей приходило оттуда. Иногда это были корабли хичи, вернувшиеся после беглого осмотра внешнего мира, но на второй день начало появляться все больше кораблей с людьми. И не только тех, что в том или другом направлении пересекали сферу Шварцшильда. Напряженным было и движение внутри Ядра. Корабли приходили на Дверь со всего Ядра, то ли по какой-то непонятной Эстрелле причине, то ли просто потому, что здесь происходило самое интересное. Крайне интересное. В сущности, это было единственное интересное событие за все то время, пока хичи скрывались в Ядре.

Неудивительно, что едва ли не вся раса хичи

слеталась посмотреть.

Проведя много скучных однообразных дней в своем старом тесном пятиместнике, Стэн и Эстрелла не возражали против небольшого общества. Но они не настаивали на обществе существ с голыми, обтянутыми кожей черепами и плоскими, словно расплющенными туловищами. Их утомляло такое количество чужаков.

Когда их второй день в этом диковинном месте перешел в третий, проблема начала обостряться. На протяжении многодневного заточения в своем спартанском пятиместнике они редко страдали от скуки, потому что, когда иссякало все остальное, у них всегда оставался великолепный, безотказный источник обоюдного наслаждения.

Но это было тогда. Теперь все изменилось. Теперь Эстрелла сторонилась, когда Стэн протягивал к ней руку, потому что всегда существовала вероятность, и очень большая, что какой-нибудь хичи ворвется к ним в самый неподходящий момент.

Затем положение еще ухудшилось.

Теснота все увеличивалась, и теперь они лишились своего угла. Им пришлось делить комнату с двумя, а потом и с большим числом жильцов. Конечно, это были хичи, и можно было подумать,

что они крепко спят в своих грудах растительности, но, весьма вероятно, кто-нибудь из них подглядывал за чужаками.

По крайней мере, Эстрелла считала, что они могут подглядывать, и это было очень плохо. Она даже ложиться не хотела, слыша храп чужаков в своей комнате. Еще больше Стэна поражало, что Эстрелла, которая в пути не меньше Стэна увлекалась занятиями любовью, сейчас как будто совершенно не страдала из-за их отсутствия. Ее возбуждала новизна обстановки. Она даже пыталась выучить несколько слов на языке хичи, впрочем безуспешно. К счастью, среди прибывших были люди, говорившие на языке хичи, и, что самое удивительное, несколько хичи, говоривших на английском. Вышло так, что Эстрелла познакомилась с парочкой таких полиглотов.

У нее и впрямь появился друг.

Стэн обнаружил это, когда стоял в коридоре и озирался, пытаясь понять, куда исчезла Эстрелла. К нему целенаправленно приблизился хичи. Он был выше и тяжелее большинства. К тому же Стэн был абсолютно уверен, что это самка.

— Ты Стэн? — спросила эта самка — к счастью, на английском! — Меня зовут Соль, и у меня есть для тебя приглашение. Прилетай в мой дом в

долину у подножия Сверкающих Слюдяных гор на Лесистой планете у Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре. Тамошний климат тебе понравится. Дневной цикл тоже. Многие представители моей расы очень хотят увидеть чужака. Мы хотим, чтобы ты пожил среди нас. Если захочешь, то и всю жизнь.

— Ни за что, — немедленно ответил Стэн, сочтя предложение прожить остаток жизни, развлекая любопытных на чужой планете, отвратительным. Но тут же переменил мнение: ему показалось, что это гораздо лучше его нынешнего положения. — То есть я хочу сказать… прежде чем дать ответ, мне нужно поговорить об этом с Эстреллой. Она куда-то ушла, и я не знаю с кем…

— Со мной, — ответила Соль. — Она уже согласилась. Теперь решать тебе.

II

Соль провела Снаружи восемнадцать месяцев, в основном на планете Пегги, рассказала Стэну вернувшаяся Эстрелла.

— Там она и научилась говорить по-английски. Заметил во мне что-нибудь новое?

Она повертелась перед ним, ожидая ответа. Не зная, что сказать, он использовал обычную

мужскую уловку:

— Ты выглядишь еще лучше, чем обычно.

Эстрелла как будто сдалась.

— Да не во мне. В моей одежде. Соль помогла мне выбрать платье из одежды людей, которую привезла с планеты Пегги. Тебе нравится?

— Конечно, нравится, — ответил Стэн, стараясь говорить убедительно, — но разве об этом ты хотела со мной поговорить?

— Я просто думала, что ты ведь никогда не видел меня в настоящем платье. У Соль их много. Посмотришь на ее корабле.

Стэну не понадобилось спрашивать: «Что ты имеешь в виду? На каком корабле?» Выражение его лица было достаточно красноречивым, и Эстрелла сразу ответила:

— Конечно, на корабле, который пойдет к Лесистой планете у Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре. Я уверена, нам там понравится. — Она помолчала, а потом добавила: — О да. Соль говорит, что это большой корабль. Такой большой, что у нас будет собственная каюта.

* * *

Корабль действительно оказался большим. Стэн не усомнился в этом, хотя видел только его

металлическое рыло, вдвинутое в причальный отсек и похожее на посадочную шлюпку корабля с Врат. Но это была совсем не шлюпка. Пройдя внутрь, они оказались в веретенообразном помещении со множеством разбросанных груд растительности для отдыха, с тремя отдельными каютами, снабженными экранами и высокими столбами, а также со стеллажами со множеством тех штук, которые старатели с Врат называли веерами. За одной из панелей управления сидел молодой хичи. Когда Соль ввела людей, он поднял голову и что-то резко бросил ей. Она ответила более умиротворяющим тоном, но успеха не достигла. Тогда Соль повернулась к Стэну и Эстрелле.

— Тот, кого зовут Темный Дым, хочет, чтобы вы ушли, — сказала она.

— Почему? — спросил Стэн, но Эстрелла взяла его за руку.

— Пошли, — негромко прошептала она. — Нам не нужны неприятности.

Он мрачно позволил ей увести себя к выходу из корабля, но самка хичи, которая повернулась к самцу, заметила, что они уходят.

— Немедленно остановитесь, — сказала она. — Куда это вы собрались? — А когда Эстрелла

попыталась объяснить, что они хотели покинуть корабль, как им было приказано, Соль сказала:
— Нет, не надо. У Темного Дыма нет права запрещать вам участие в полете. Подождите, пока я обсужу этот вопрос.

Хичи приступили к обсуждению, и продолжалось оно гораздо дольше, чем казалось разумным Стэну. Появился третий хичи и немедленно присоединился к дискуссии. Они не кричали, чего Стэн ожидал бы от спорящих людей, но говорили очень настойчиво, указывая друг на друга и стоявших у выхода людей.

Затем спор прекратился, словно остановленный невидимым режиссером, и Соль снова повернулась к людям.

— Сейчас я отведу вас в вашу каюту, — сказала она. — Идите за мной.

Эстрелла задержалась.

— А в чем проблема, Соль?

— Никакой проблемы. Теперь никакой, — сразу поправилась Соль. — Вы идете в каюту. Мы отправляемся. Позже, если захотите, можете выйти. Еще только одно. Если во время полета к Лесистой планете у Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре вы увидите самца, одетого в необычный костюм — он тоже пассажир, — не

заговаривайте с ним. Он очень устал от вида людей.

5. Дом для Древних

I

Позвольте рассказать вам, что на самом деле произошло с этим нахальным парнем. Он нагло заявился в заповедник, как раз когда мы были очень заняты. Ему тут было не место, и, едва у меня появилась свободная минута, я ему так и сказала. Впрочем, мы были слишком заняты, чтобы долго им заниматься. Мы вырабатывали отвращение у детеныша леопарда.

Это всегда требует полного внимания. Детеныш, с которым мы работали, был здоровым маленьким самцом не старше недели. Немного рановато для выработки рефлекторного отвращения, но мы следили за матерью, выбирая подходящий момент, с тех самых пор, как у нее появились признаки близких родов. В этот день мы обнаружили ее, когда она удачно уснула — на краю зарослей кустарника, недостаточно больших, чтобы там прятался еще один леопард. Поэтому мы решили ускорить события. Мы выстрелили в мамашу ампулой из пневматического ружья и, пока она спала, забрали малыша.

Упомянутая работа требует участия всех троих. Шелли подобрала детеныша. Шелли парилась в герметичном костюме: он не пропускает воздух, поэтому у малыша не сохранится никаких воспоминаний о запахе человека. Брэди присматривал за матерью, чтобы та не преподнесла нам неприятный сюрприз; конечно, мать в свою очередь прошла дрессуру по выработке отвращения, но если она проснется и увидит, что мы что-то делаем с ее малышом, она может забыть все усвоенное.

Я была главным смотрителем. Когда меня нанимали, у меня оказалось лучшее резюме. На самом деле у меня диплом ветеринара. Хотя Древние не совсем животные, они в то же время не совсем и люди, поэтому считалось, что ветеринар лучше всего подходит для этой работы. Неприятные для детеныша изображения вызывала я, как старшая в группе. Это были трехмерные изображения Древних, людей и хичи — одно за другим, наряду с запахами, характерными для каждого из изображенных. И всякий раз изображение сопровождал легкий электрический удар, отчего детеныш вопил и вырывался у Шелли из рук.

Выработать отвращение на самом деле не так уж трудно. С каждым детенышем мы проводим

четыре или пять занятий, просто ради уверенности, но задолго до конца тренировок животное старается убежать, едва почувствует запах или увидит — неважно, что это будет: трехмерное изображение или реальное существо. Что и требуется.

Мне нравится работать с детенышами леопарда. Они очень чистые, ведь мать весь день их вылизывает. То же у гепардов. Так что зловоние распространяют только детеныши гиены; вот в этом случае тот, кто держит детеныша, радуется герметичности костюма. Что касается других хищников, то львы и дикие собаки давно не живут в этой части долины Утесов, так что живущим в заповеднике Древним нужно опасаться только леопардов, гепардов и гиен. Ну, еще змей. Но Древние достаточно сообразительны, чтобы держаться подальше от змей, которые все равно вряд ли станут на них нападать — для них Древние слишком велики. О, мне следовало еще упомянуть кроков. Но крокодилы плохо поддаются обучению, и на их отвращение нельзя рассчитывать, когда Древние оказываются поблизости. Так что остается только держать Древних подальше от крокодилов.

Нам помогает врожденный страх Древних пе-

ред открытой водой: они никогда ее не видели до того, как их сняли со старого космического корабля, где их оставили хичи, и привезли сюда. Единственная причина, по какой Древние могут подойти к воде, — сильная жажда. Но этого мы никогда не допускали. Проблему мы решили, выкопав скважины и разместив по всему заповеднику управляемые солнечными батареями фонтанчики для питья. Фонтанчики дают небольшой поток, но Древним не нужно много воды. Например, купание их совсем не интересует. Когда один из них серьезно заболевает или бывает ранен, приходится иметь дело с очень пахучими Древними, и тогда вы с охотой поменяли бы их на детеныша гиены.

Первое указание на появление незнакомца мы получили, когда детеныш в руках Шелли начал отчаянно биться, рвать ее костюм, даже когда ему ничего не показывали. Это было ненормально.

— Отпусти его, — приказала я. Если детеныш серьезно обеспокоен, ничего не остается, кроме как отложить тренировку. Иначе он может поранить того, кто его держит, хотя костюм не только не пропускает воздух, но почти неуязвим для укусов. Но для самого детеныша это плохо. У диких животных тоже бывают сердечные приступы.

Мы попятились, поглядывая на мамашу, а детеныш, скуля, забрался ей под брюхо и принялся сосать. И тут я услышала далекий шум мотора и вертолетных лопастей, а мгновение спустя и сам вертолет повис над акациями. Просто у детенышей леопарда слух гораздо тоньше, чем у людей. Вертолет устремился прямо на нас, резко затормозил, проехался по поверхности; пилот открыл кабину, не думая о том, какую пыль поднял и насколько повредил дорогу.

Из кабины показался худой, высокий и смуглый человек, выглядящий очень молодо. Впрочем, это неудивительно, в наше время многие молодо выглядят. Но этот парень был вдобавок очень странно одет — в деловой костюм, длинные брюки, длинные рукава, мех на воротнике и манжетах. (Меховой воротник! В самом сердце экваториальной Африки!) Он бросил быстрый мимолетный взгляд на Брэди, более внимательно оглядел меня и Шелли и приказал:

— Отведите меня к Древним!

Абсолютное высокомерие. Взглянув на свой индикатор, я не увидела допуска для его машины, так что он, кем бы ни был, прежде всего не имел права находиться в заповеднике. Брэди предупреждающе шагнул вперед. Незнакомец на

шаг отступил. Выражение лица Брэди не было угрожающим, но он могучий мужчина. Мы все рослые: ведь мы преимущественно масаи. Но Брэди — дело особое. Иногда он для забавы боксирует, если удается найти противника, способного продержаться шесть раундов. И внешность Брэди свидетельствует об этом.

— Как вы сюда попали? — спросил Брэди. Голос его напоминал ворчание леопарда. Это заставило меня взглянуть на мамашу: она рассеянно рыкнула. Начинает просыпаться.

— Она просыпается, — предупредила Шелли.

Брэди верит в наши уроки отвращения. Он даже не оглянулся на животных.

— Я вам задал вопрос, — напомнил он.

Прилетевший на вертолете повернул голову, пытаясь разглядеть леопарда. Чуть менее уверенно он сказал:

— Не ваше дело, как я сюда попал. Я хочу, чтобы меня как можно скорее отвели к Древним. — И посмотрел на самку, которая попыталась встать. — Это животное опасно?

— Еще бы. Она в минуту может разорвать вас в клочья, — сказала я. И не солгала: теоретически она на это способна, если забудет выработанное отвращение.

— Особенно если у вас нет пропуска, — добавила Шелли.

Впервые человек слегка смутился.

— А что такое пропуск? — спросил он.

— На вашем вертолете должен быть радиопередатчик. Его можно получить в главном офисе в Найроби. Если у вас такого нет, вам нельзя появляться в заповеднике.

— Нельзя? — усмехнулся он. — Кто может запретить мне что-нибудь?

Брэди откашлялся.

— Мы здешние смотрители, и нас надо слушаться. Хотите со мной поспорить?

Когда Брэди хочет, он говорит очень убедительно. Незнакомец решил подчиниться закону.

— Ну хорошо, — сказал он, поворачиваясь к вертолету; кондиционер в кабине работал, тщетно пытаясь охладить вельд. — Проклятая бюрократия. Но я вернусь в Найроби и получу пропуск.

— Может, получите, а может, и нет, — ответила Шелли. — Мы не хотим тревожить Древних больше, чем необходимо, так что вам придется указать очень вескую причину.

Он уже поднимался в кабину, но задержался, чтобы бросить на нее презрительный взгляд.

— Причину? Чтобы посетить Древних? Какая

мне нужна причина, если они — моя собственность?

II

На следующее утро все мы, смотрители, были очень заняты: пришел грузовик с продовольствием. Брэди и Карло сгружали маленькие пакеты, изготовленные на пищевой фабрике в дельте Момбасы, а все остальные пытались сохранить среди Древних порядок.

Я не знаю, почему приходится сохранять среди Древних порядок. Для большинства людей еда с пищевой фабрики — последнее, что они хотели бы съесть, если, конечно, она не видоизменена так, что почти не отличается от настоящей еды. А вот Древние с удовольствием пожирают эту неизмененную пищу. Впрочем, это вполне естественно. Они выросли на пище CHON, когда плавали в облаке Оорта. Заслышав звон колокольчика грузовика доставки пищи, Древние сбегаются со всех концов заповедника. И теперь они — все сорок пять — плотно окружили грузовик и оглушительно кричали: «Дай, дай!» — ссорясь из-за лакомых кусочков.

До прихода на работу в заповедник я видела Древних только на картинках. Я знала, что они

все бородатые: и мужчины, и женщины. Но я не знала, что даже у детенышей есть борода (во всяком случае, появляется, как только они способны вырастить волос), и не знала, как от них несет.

Старуха, которую мы называли Соль, вероятно, воняла больше всех, зато была самой умной и ближе всего подходила под определение вожака. К тому же она была своего рода моей подругой. Увидев меня, она бросила умоляющий взгляд. Я знала, чего она хочет, отобрала с полдесятка розовых и белых пакетов, которые ей больше всего нравились, и вывела ее из толпы. Подождала, пока она проглотит содержимое первых пакетов, похлопала ее по плечу и сказала:

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Конечно, я сказала не совсем так. Все Древние владеют несколькими словами на английском, но даже Соль не умеет пользоваться грамматикой. На самом деле я сказала вот что:

— Ты, — указывая на нее, — идти, — маня ее к себе, — мне, — постучав себя по груди.

Она продолжала жевать — крошки падали изо рта — и подозрительно смотрела на меня. Потом спросила:

— Чем за?

Я ответила:

— Сегодня день подкрепления вашего отвращения к крокодилам.

Я именно так и сказала. Я знала, что она поймет не все слова, но главный офис требовал, чтобы мы как можно чаще разговаривали с ними полными предложениями: вдруг они научатся. Чтобы ускорить процесс, я взяла Соль за поросшее жесткой шерстью запястье и потянула за собой.

Слово «крокодил» она определенно поняла, потому что заскулила и попыталась высвободиться. Это ничего ей не дало. Я на двадцать килограммов тяжелее и на пятнадцать сантиметров выше. Я позволила ей задержаться лишь для того, чтобы подобрать еще несколько пакетов с пищей. И отвела в фургон Древних, тот, что всегда пахнет Древними, так что ни для чего иного мы его не используем. Почти наобум отобрала еще пять Древних и велела им заходить в фургон. Они зашли. Последовали за Соль, потому что она их вожак. Но им это тоже не понравилось, и, когда я повела фургон к реке, все они что-то бормотали на своем безнадежно непостижимом языке.

День был прекрасный. Жаркий, конечно, и на небе ни облачка. Когда я выключила двигатель, наступила мертвая тишина, не слышалось ни звука, кроме редкого далекого «кррэээк»: это с

низкой земной орбиты на далекую петлю Лофстрома в Найроби спускался посадочный корабль. Я глубоко вдохнула. Даже воздух был прекрасен, с легким запахом душистой травы и акаций. В такие моменты я радуюсь своему решению работать смотрителем в заповеднике, вместо того чтобы заниматься адвокатской или врачебной практикой, как хотели родители.

Место на реке, где обычно держатся гиппопотамы, мы называем Большим Поворотом. Здесь река поворачивает почти под прямым углом, и на дальнем берегу песчаный пляж, который в дождливые сезоны уходит под воду. Здесь, на повороте, всегда пятнадцать-двадцать гиппопотамов занимаются в реке тем, что они вообще делают в воде, — в основном плавают, чаще под водой, иногда поднимаются на поверхность глотнуть воздуха. И почти всегда на берегу неподвижно лежат один-два крокодила: они терпеливо ждут, пока какой-нибудь детеныш отойдет от взрослых достаточно далеко, чтобы стать обедом.

На этот раз под африканским солнцем неподвижно лежали три крокодила. Они лежали, широко раскрыв длинные зубастые пасти, показывая их желтоватую внутреннюю поверхность; я думаю, этим они спасаются от перегрева, как

собаки в жару. Но похоже это на то, что они ждут появления чего-либо съедобного. Я думаю, что верно и это, поэтому всякий раз, увидев крокодилов с раскрытой пастью, не могу сдержать внутренней дрожи. И то же самое испытывают Древние. Они скулили в фургоне, и мне пришлось почти силой выбрасывать их наружу. Здесь они сбились в кучку, стараясь держаться как можно дальше от берега, что-то бормоча и испуганно дрожа.

К счастью, долго ждать им не пришлось — сразу за нами шел грузовик Джеффри с козьей катапультой.

Это было собственное изобретение Джеффри. До моего появления он использовал живых коз, но я положила этому конец. Мы выращиваем коз ради мяса, и я не настолько сентиментальна, чтобы не забивать их, но я позаботилась, чтобы на уроках отвращения использовали уже мертвых коз.

Пока он готовился, я позволила себе полюбоваться гиппопотамами. Смотреть на них всегда интересно. Взрослые размером с наш фургон, маленькие — со свинью. Мне кажется, что они наслаждаются жизнью, а часто ли можно увидеть такую довольную большую семью? Я уверена, что взрослые заметили наше присутствие; несо-

мненно, они видели и крокодилов на берегу, но совершенно не волновались. Они вообще не опасны, если не встаешь у них на пути. Была бы возможность, я бы как-нибудь поплавала с ними — конечно, без крокодилов.

— Готово, Грейс! — крикнул Джеффри, берясь за рукоять катапульты.

— Можешь бросать, когда будешь готов, — ответила я ему, а Древним сказала: — Смотрите!

Они смотрели, испуганно, но зачарованно, как козья туша вылетела из катапульты и упала в воду — во избежание несчастных случаев довольно далеко от гиппопотамьего семейства.

Вы не поверите, что крокодил с его короткими неуклюжими лапами способен бежать так быстро. И ошибетесь. Не успела туша коснуться воды, как все три крокодила своей клоунской походкой стремительно понеслись к ней. Прыгнув в воду, они исчезли; мгновение спустя вокруг туши образовалось несколько небольших водоворотов, и лишь изредка взметнувшийся хвост свидетельствовал о том, что происходит под водой. Представление длилось недолго. Через минуту коза стала достоянием истории.

Я посмотрела на гиппопотамов. Они не обращали на происходящее никакого внимания, но

я заметила, что теперь все взрослые оказались ниже по течению от стада, а все детеныши — по другую сторону, подальше от крокодилов.

— Представление окончено, — сказала я Древним. — Возвращайтесь в фургон! — и подкрепила свои слова жестом, чтобы они точно поняли. Они не стали медлить. Дрожа, один за другим они поднялись в фургон. Я уже собиралась последовать за ними, когда услышала, что Джеффри окликнул меня. Я высунулась из фургона и спросила:

— В чем дело?

Он показал на коммуникатор.

— Звонила Шелли. Помнишь парня, который говорил, что ему принадлежат Древние? Он вернулся.

Всю обратную дорогу я одной рукой держала руль, а другую не отрывала от коммуникатора, разговаривая с Шелли, — да, на этот раз сукин сын привез пропуск, — а потом с Найроби, чтобы выяснить, почему ему дали разрешение. На звонок ответил парень по имени Берти ап Дора. Это мой босс, и говорил он смущенно.

— Разумеется, Грейс, мы дали ему пропуск, — сказал он. — У нас просто не было выбора. Он Вэн.

Мне потребовалось несколько мгновений. Затем:

— О боже! — воскликнула я. — Правда? Вэн?

И когда Берти подтвердил, что загадочный незнакомец и есть Вэн и это проверено и подтверждено, все встало на свои места.

Поскольку это Вэн, он говорил правду. Ну, почти правду. На самом деле он не владеет Древними, но можно утверждать, что он очень близок к этому, потому что по закону именно он их открыл.

Впрочем, для меня этот довод не имел никакого смысла. Если подумать, то поймешь, что и самого Вэна открыла группа Хертера — Холла, так же как Древних. Однако понимать это не нужно было. Таков закон Корпорации «Врата». Этот закон предоставлял Вэну часть прав на то место, где были обнаружены Древние, и на все в границах этого места. А с Корпорацией «Врата» относительно находок никто не спорит.

Дело в том, что Древних обнаружили на далеком корабле хичи на околосолнечной орбите, а поместили их туда сами хичи — сотни тысяч лет назад, когда прилетали в Солнечную систему.

Хичи искали разумные расы, с которыми могли бы подружиться. А нашли предков Древних, примитивных низкорослых щуплых гоминидов,

называемых австралопитеками. Не очень много, но все же на Земле они были ближе всего к той разумной расе, которую искали хичи, поэтому они отобрали для изучения некоторое количество способных к размножению австралопитеков. А немного погодя, когда хичи ужасно испугались и все — миллиарды разумных хичи — скрылись в Ядре, австралопитеков они с собой не взяли. Впрочем, и не бросили их на произвол судьбы. Оставили на пищевой фабрике, так что голод австралопитекам не грозил. И они остались там, и прожили сотни тысяч лет, поколение за поколением, пока люди наконец не обнаружили Врата и эту пищевую фабрику. А также, как известно, человека, который прожил достаточно долго, чтобы дождаться спасения. Это и был мальчишка по имени Вэн.

Добравшись до лагеря, я сразу увидела его. Уже не мальчишка, но узнать его нетрудно. Выдает рост. Он ненамного выше Древних, десяток которых собрался вокруг него и разглядывал с вялым интересом. Но одет гораздо лучше. Если честно, он одет лучше всех нас. Меховой воротник он где-то оставил — достаточно разумное решение, — и теперь на нем специальный костюм для сафари со множеством карманов, которые так нравят-

ся туристам. Однако костюм из натурального шелка. А в руке Вэна хлыст для верховой езды, хотя в радиусе пятисот километров нет ни одной лошади. (Зебры не в счет.)

Увидев меня, он тут же пошел навстречу, широко улыбаясь и протягивая руку.

— Я Вэн, — сказал он. — И не виню вас за вчерашнее.

Никакой вины я не чувствовала, но говорить об этом не стала. Я подала ему руку.

— Грейс Нкрома. Что вам угодно?

Его улыбка стала еще шире.

— Наверно, это можно назвать ностальгией. Правильное слово? Я испытываю какие-то чувства к своим Древним, поскольку они заботились обо мне, когда я рос. С тех пор как их переместили сюда, я хотел навестить их, но был так занят… — И чтобы показать, как он был занят, слегка пожал плечами.

Потом благожелательно посмотрел на Древних.

— Да, — кивнул Вэн, — мне кажется, я узнаю некоторых. Заметили, как они рады меня видеть?

Ну, может, и рады. Самка, которую мы называем Красоткой, колола грязным шипом руку

своего сына, Гаджета, нанося одну из уродливых татуировок. Остальные разделились примерно пополам: одни смотрели на Красотку, другие — на Вэна. Но ему было все равно. Мне он сказал:

— Я привез кое-какие подарки, — и показал на свою машину. — Вам надо разгрузить их. Они провели какое-то время в машине, и их нужно как можно скорей посадить в землю. — После чего взял за руки пару Древних, очевидно не замечая их ужасного зловония, и ушел, оставив нас выполнять его просьбу.

«Подарков», привезенных Вэном для его прежней семьи, оказалось около пятидесяти. Это были зеленые ростки в заполненных почвой горшках. Карло взглянул на них и спросил у меня:

— Какого черта? Что мы должны с ними делать?

— Сейчас спрошу, — ответила я и снова связалась с Берти ап Дора.

— Это ягодные кусты, — ответил он несколько вызывающе. — Их плоды Древние ели, когда были там. Кажется, эти ягоды им нравятся. На самом деле очень полезный подарок, верно?

Мне так не казалось. Я ответила:

— Было бы гораздо полезнее, если бы он сам и посадил эти чертовы саженцы. Да что это за

парень? Он всегда такой?

Вопрос был скорее риторический, но Берти решил ответить. Правда, вначале немного подумал. Потом уклончиво сказал:

— Вэн совершил несколько… гм… импульсивных поступков. Некоторые из них вызвали неприятности. Даже полиции пришлось вмешаться.

— Вы хотите сказать, что он преступник?

— Ну, — небрежно ответил Берти, — в тюрьму его ни разу не сажали. Да и как это возможно? С лучшими адвокатами, каких можно купить за его деньги? — Тут он сменил тему: — Но я кое-что должен объяснить. Эти ягодные кусты требуют много воды, поэтому сажайте их в ручейки от питьевых фонтанчиков, ладно? И, послушайте, не давайте жирафам съесть кусты, пока они не выросли.

— И как нам это сделать? — спросила я, но Берти уже прервал связь. Естественно. Ведь он босс. Знаете случай с лейтенантом, сержантом и флагштоком? Флагшток восьмиметровый, а у лейтенанта веревка только в шесть метров. Трудная проблема. Как лейтенант поднимет флаг на флагшток?

Очень просто. Он говорит:

— Сержант, поднимите флаг, — и отправляется пить пиво в офицерский клуб.

По отношению к Берти сержант — это я. Впрочем, я не обязана им быть. Берти все время предлагает мне бросить работу смотрителя и занять должность руководителя сектора в офисе в Найроби. Конечно, зарплата побольше, но придется жить в большом городе. К тому же я бы потеряла прямой контакт с Древними.

Принимая во внимание все сказанное, можно заключить, что это не так уж и плохо, но… я знала, что буду скучать по этим вонючим тупым существам. Они не слишком умны и не очень чистоплотны, и, хотя мне они нравятся, часто я сомневаюсь, что нравлюсь им. Но я им нужна.

К концу третьего дня мы слегка привыкли к Вэну. Видеть его приходилось не часто. Днем он летал на своем вертолете, прихватив для компании одного-двух Древних, кормил их мороженым из холодильника, поил лимонадом — все это не очень полезно, но должна признать, что раз-другой не причинит им особого вреда. К темноте он всегда возвращался в лагерь, но даже тогда не смешивался со смотрителями. Оставался в своей машине и вместе с Древними смотрел мыльные оперы и мультики. Спал тоже в машине.

Когда я наконец спросила Вэна, сколько он намерен у нас пробыть, он широко улыбнулся и сказал:

— Не знаю, Грейси. Мне весело.

— Не называйте меня Грейси, — сказала я. Но он уже повернулся ко мне спиной и приглашал Древних в новую поездку.

Казалось, забавы и веселье были целью всей жизни Вэна. До появления у нас он уже облетел всю галактику в собственном космическом корабле. (Поняли? У него есть свой космический корабль!) Он мог себе это позволить. Нам он сказал, что прибыль от его доли пищевой фабрики делает его восьмым в списке богачей галактики. Вэн может позволить себе почти все, что только может придумать. И он постарался всех нас известить об этом. Хотя особого расположения этим не добился. Особенно со стороны Карло.

— Это его проклятое хвастовство действует мне на нервы, — пожаловался мне Карло. — Нельзя ли прогнать сукина сына?

— Нет, пока он не причиняет неприятностей, — ответила я. — Как саженцы?

Саженцы прижились неплохо. Нужно было лишь вырыть в земле ямку в нескольких метрах от фонтанчика и посадить в нее росток. Вот и вся

работа. Поскольку два патруля ежедневно объезжают территорию заповедника в поисках следов вторжения слонов или браконьеров, им нужно было только на пару минут останавливаться у каждого фонтанчика.

Затем — без всякого предупреждения — Вэн нас покинул.

Мне показалось, что я слышу звук лопастей вертолета. Я как раз ложилась спать. Подумала, что надо бы выйти и узнать, что происходит, но — черт побери — подушка казалась такой манящей. Я легла и забыла о Вэне и обо всем остальном.

Или почти забыла. Думаю, что подсознание, которое умнее меня, не давало мне спать спокойно. И когда я проснулась в четвертый или пятый раз, то услышала у себя под окном негромкие тревожные голоса Древних.

Это заставило меня вскочить. Древние не любят темноту и никогда по ночам не выходят. Я натянула шорты и выскочила наружу. На корточках сидела Соль, с ней были Грубиян и Черноглазый, все трое смотрели на меня.

— В чем дело? — спросила я.

Соль продолжала жевать CHON-пищу.

— Грэти, — вежливо сказала она, показывая, что видит меня. — Он. Ушел. — И широко развела

руки, чтобы я лучше поняла.

— Черт возьми, — ответила я. — Куда ушел?

Она повторила жест.

— Прочь.

— Это я понимаю, — сердито сказала я. — Он не говорил, что собирается вернуться?

Она проглотила еду и выплюнула кусок обертки.

— Не вернется.

Думаю, я еще была сонная, потому что не сразу поняла.

— Что значит «не вернется»?

— Ушел, — терпеливо повторила она. — И еще Красотка. Пони. Гаджет. Они тоже.

IV

Я разбудила Шелли и Карло и велела им на сверхзвуковом вертолете осмотреть всю территорию заповедника, но не стала ждать результата. Не успели они взлететь, как я уже звонила в офис. Берти там, конечно, не оказалось — была середина ночи, а в офисе рабочий день нормированный, — но я отыскала его дома, в постели. Он мне как будто не поверил.

— Зачем кому-то похищать Древних? — спросил он.

— Спросите сами этого ублюдка! — рявкнула я в ответ. — Но сначала отыщите его. Он похитил троих Древних. Красотку и ее двухлетнего сына Гаджета. А также Пони. Вероятно, Пони — отец ребенка.

Он раздраженно вздохнул.

— Хорошо. Прежде всего мне нужны описания. Нет, прошу прощения, — спохватился он: как описать трех Древних? И зачем? — Забудь об этом. С этого момента я беру дело на себя. Гарантирую, что с планеты он не улетит. Через десять минут полицейские будут на Петле, а повсюду — общая тревога. Я…

Но я перебила:

— Нет, Берти. Не вы один. Мы все. Встретимся на Петле. Мне все равно, насколько богат этот сукин сын. Когда мы его поймаем, я вытрясу из него душу. И он узнает, как выглядит тюрьма изнутри.

Но все получилось совсем не так.

Я взяла двухместный вертолет, почти не уступающий в скорости сверхзвуковому. И гнала изо всех сил. Когда я подлетала к Петле, оставив в нескольких километрах огни Найроби, я уже видела в небе огни полицейских машин; одна или две из них подлетали поближе, чтобы взглянуть

на меня, прежде чем улететь.

Ночью вся Петля в огнях и похожа на американские горки длиной в два километра. Задолго до прилета я слышала гудение вращающихся магнитных кабелей. Прилетающих и улетающих кораблей было не очень много — может, потому, что в этой части Земли сейчас ночь, — и я решила, что пассажиров будет немного и Вэна с его пленниками заметить будет легко. (Как будто кто-нибудь мог не заметить троих Древних.)

В этот поздний час на вокзале вообще не оказалось ожидающих пассажиров. Здесь уже был Берти, с ним с полдюжины полицейских из Найроби, но делать им было нечего. Мне тоже — только нервничать и клясться, что не позволю ему улизнуть.

Полицейский с коммуникатором прислушался, рявкнул какую-то команду и смущенно подошел к нам.

— Он здесь не появится, — сказал он Берти. — Приземлился он не на Петле. Использовал собственную посадочную шлюпку и, похоже, снова ею воспользовался, потому что она исчезла.

Так и оказалось.

К тому времени, как Берти, кипя от гнева, сумел связаться с представителями власти на орбите,

Вэн уже успел попасть на свой корабль и улететь, куда бы он ни направлялся, на сверхсветовой скорости. И я больше никогда не видела ни его, ни трех пропавших Древних.

Но слышала. Еще как слышала. Все слышали, потому что всем нравится читать об этих отвратительных избалованных богатых детях, а Вэн вполне подходит под такое описание.

Но вся история заставляла задуматься. Древних привезли в Африку, чтобы они были в безопасности, но из этого ничего не вышло. Что же сделают с ними дальше?

6. Тот, кто ненавидел людей

I

Личное помещение, отведенное на корабле хичи Эстрелле и Стэну, было не больше кабины лифта. Очевидно, оно предназначалось только для одного обитателя. Точнее, одного хичи, поскольку на корабле вообще не предполагалось наличие людей. Об этом совершенно ясно свидетельствовала мебель. В каюте был один из раздвоенных насестов, на которых сидят хичи, одна травяная штука, которую они используют для сна, и одна полка, похожая на детский стол, встроенный в стену, с устройством в форме цветочного горшка — их Стэн видел и раньше, но не умел ими пользоваться. Еще была — на самом видном месте — блестящая щель или траншея: с их помощью хичи освобождаются от выделений. И все, если не считать набора из пятнадцати-двадцати хрустальных предметов, которые первые старатели с Врат называли «молитвенными веерами» и которые, по словам Эстреллы, следовало вставлять в горшок.

— Они подобны книгам, — сказала Эстрелла. —

Я видела, как Соль это делает. Нужно поместить их в устройство для чтения. — И она показала на горшкообразную штуку. — Вот оно.

— Гм, — ответил Стэн, вертя в руках один из вееров. Его скорее занимало, как убить время. Хотелось бы иметь часы, чтобы понять, сколько они уже ждут. Еще хотелось, чтобы пришла эта самка хичи и разрешила им выйти из каюты; но больше всего хотелось, чтобы их поскорей накормили, потому что в последний раз они ели уж очень давно.

Он попытался сесть за стол, но долго не усидел: в отличие от их старого пятиместника, здесь сиденье, предназначенное для хичи, не было приспособлено для человеческого зада. Наконец Стэн повернулся к Эстрелле, сидевшей на груде травы для сна.

— Можно взять ненадолго? — спросил он, подтащил траву к столу, уложил в развилку сиденья — и смог наконец проскользнуть в это подобие тисков.

Когда он снова занялся молитвенным веером, Эстрелла, с интересом следившая за ним, сказала:

— Не сломай, Стэн, дорогой. Не знаю, насколько ценны эти штуки… — И совсем другим тоном:

— Ох!

Это заставило Стэна обернуться и обнаружить, что теперь они не одни. В открытой двери стоял хичи, самец, и наблюдал за ними с интересом исследователя.

— Отличный совет, — сказал он — на хорошем, хотя и не чистом, английском! — Вам лучше не трогать то, назначения чего не понимаете.

По цвету волос, форме лица или очертаниям тела Стэн не отличил бы этого стоявшего в дверях хичи от других самцов, но было нечто, несомненное даже для Стэна. Одежда. На расплющенных ногах хичи были ярко-зеленые кроссовки — человеческие кроссовки, а тело от пояса до голеней скрывала юбка-килт — вероятно, подумал Стэн, чтобы прикрыть цилиндр, который все хичи носят между ног. На голове у хичи красовалась человеческая спортивная шапочка, натянутая на самые глаза.

Стэн не сомневался, что это и есть тот самый хичи, о котором их предупреждала Соль: хичи в «необычном костюме». Но они больше не могут держаться от него подальше, потому что он уже здесь и говорит с ними.

— Здравствуй, — сказал этот хичи. — Дай-ка это мне на минутку. — Он подошел к Стэну и, не

дожидаясь разрешения, забрал у него молитвенный веер. — Теперь слушайте! — приказал он.

Он привычно вставил веер и вытащил его за выступающую из устройства ручку. Послышался резкий металлический, почти музыкальный шепчущий звук: веер снова принял привычную конусообразную форму.

— На что похож этот звук? — спросил хичи.

Стэн смотрел на него раскрыв рот, потом удивленно повернулся к Эстрелле. Ответила она:

— Какая-то машина?

Незнакомец издал нечто похожее на человеческий смешок, во всяком случае, попытался изобразить смех.

— Да, машина, с этим я согласен, — сказал он. — На слух — машина, потому что это и есть машина. Согласны? Да? Тогда слушайте другой звук. — Он что-то сделал в основании веера и вынул жемчужный шарик, который поднял перед собой. — Это называется топливная капсула; вы, люди, назвали ее «огненной жемчужиной». Слушайте снова. — Он потер шарик обтянутым кожей тощим большим пальцем, произведя слабый шорох. — Слышали? Теперь ответьте мне. Похож ли какой-нибудь из этих звуков на произносимое людьми слово «хичи»?

Оба покачали головой. Незнакомец мрачно сказал:

— Должно быть, кому-то из тех людей почудилось сходство, потому что именно так они нас назвали. Хичи. После того как услышали эти звуки. А знаете, я даже слышал, как это слово используют некоторые из нас.

Стэн снова бросил взгляд на Эстреллу и ответил за них обоих:

— Прости, если это тебя оскорбляет. Но не мы это придумали. Нас там не было.

— Конечно, — сказал самец. — Верно, вас двоих там не было. — Он осмотрел их с головы до ног с выражением, которого Стэн не понял. Потом повернулся, собираясь уходить. Но у двери остановился. — Очень интересно, что никто из вас, людей, не берет на себя ответственность за то, что сделали другие люди. — Еще одна пауза, затем он презрительно выдул воздух через ноздри и сказал: — Вас двоих считают героями Врат. Конечно, у людей не слишком много тех, кем можно было бы гордиться, верно?

II

Оставшись одни, Стэн и Эстрелла сидели по очереди. Вначале Стэн сидел на связке травы,

снятой с сиденья хичи, а Эстрелла старалась разместиться на этом раздвоенном насесте. Потом они менялись местами. Потом один стоял, а второй почти удобно лежал на траве. Потом оба стояли, точнее — бродили по каюте, потому что все острее чувствовали голод, усталость, вид каюты все больше раздражал их; раздражали не только хозяева-хичи, но и они сами друг друга, потому что бесконечно задавали вопросы, на которые не могли ответить. Кем был странный тип в забавной одежде? Когда корабль стартует? Что имел в виду этот чудак, когда назвал их героями Врат, и откуда он вообще знает о Вратах? Почему Соль не приходит и не разрешает им выйти? И разве им не пора, скажите на милость, перекусить?

Еще Стэну хотелось в туалет. Несмотря на близость, существовавшую между ними в пятиместнике, ему не хотелось облегчаться у Эстреллы на глазах. Но давление в мочевом пузыре усиливалось, голод становился нестерпимым, и Стэн сдался.

— К дьяволу! — сказал он и пошел к двери, намеренный найти способ ее открыть, какие бы чертовы замки хичи ее ни держали, или по крайней мере колотить по ней, пока кто-нибудь

не придет.

Но проблема разрешилась сама собой. Едва он коснулся двери, та плавно скользнула в сторону. Он увидел коридор, по которому они пришли. Этот коридор заканчивался в большом веретенообразном помещении. Эстрелла пошла за Стэном.

Слабый аммиачный запах хичи подсказал ему, что он увидит. В помещении было несколько хичи; двое негромко разговаривали у панели управления, один рассеянно рылся в веерообразных книгах, собираясь вставить какую-то из них в машину для чтения. Остальные — не менее пяти-шести — ели и пили за столами, возникшими словно ниоткуда. Среди них не было самца, заходившего в каюту. При виде Стэна и Эстреллы все прекратили свои занятия и уставились на вошедших.

После мгновенного колебания женщина по имени Соль встала из-за стола и направилась к ним.

— Хотите поесть с нами? — спросила она. — Мы почти закончили. Мы не знали, когда предложить вам еду, потому что не хотели нарушать ваше уединение.

— О да, мы бы хотели поесть, — сразу ответила

Эстрелла, а Стэн подтвердил:

— Я тоже хочу. Очень. Но вначале дайте минутку на то, чтобы освежиться.

Когда хичи увидели, как Стэн и Эстрелла пытаются разместиться на насестах, они стали издавать чихающие звуки — возможно, смеяться. Эстрелла рассказала Соль, как они решали эту проблему в каюте. Последовало быстрое обсуждение на языке хичи. Почти тут же появились и были уложены в развилку сиденья пучки травы.

Потом подали обед.

Снова еда хичи, ничего не поделаешь: другой на корабле нет. Стэн неохотно попробовал несколько разновидностей. Непривычная по консистенции, необычного цвета, вкус неописуемый — в последнем Стэн был уверен, потому что пытался описать этот вкус для себя и не смог. Может, эта розовая пружинистая штука должна иметь вкус мяты? Несомненно, какая-то пряность, но скорее кошачья мята, чем имбирь. А темно-коричневые комки, которые крошатся во рту, вообще не имеют вкуса. Тем не менее, решительно сказал себе Стэн, это пища, и она действительно позволяет заполнить пустой желудок.

Соль сказала им, что старт корабля они пропустили.

— Вы не чувствовали толчка? Легкого раскачивания? Но мы уже довольно давно в полете. Надеюсь, вы хорошо выспались.

— Мы совсем не спали, — ответила Эстрелла. — И у нас был гость.

Соль перестала жевать; впрочем, Эстрелла была уверена, что Соль это делает за компанию.

— Не понимаю, — сказала хичи. — Почему ты так говоришь? Я уверена, никто из нас не нарушал ваше уединение.

— Кое-кто нарушил, — поправил ее Стэн, набив рот чем-то горьковатым, но по мягкости похожим на зефир. — На нем забавная одежда и шапочка, и он хорошо говорит по-английски.

Эти слова произвели на Соль очень сильное впечатление. Шерсть по бокам ее головы встала дыбом, лицевые мышцы по-змеиному извивались под кожей, рот широко раскрылся. Она как будто с трудом понимала.

— Кто-то нарушил уединение вашей каюты? — недоверчиво переспросила она.

— Еще как, — кивнул Стэн.

— Но это… — начала она и тут же замолчала. В явном расстройстве похлопала запястьями, повернулась к другим хичи и заговорила с ними. Ни Стэн, ни Эстрелла не понимали о чем, пото-

му что говорила она на своем языке, но ее речь произвела впечатление. Казалось, все хичи вдруг заговорили одновременно, размахивая тощими руками, тряся черепообразными головами, тыча костлявыми пальцами в Эстреллу и Стэна, и слабый запах аммиака заметно усилился.

Стэн проглотил остатки жилистого куска пищи и повернулся к Эстрелле.

— У нас неприятности? — спросил он.

Эстрелла тревожно пожала плечами.

— Соль просила нас не разговаривать с ним, — сказала она. — Не знаю, как нам это удалось. Ведь это он пришел к нам и заговорил.

И тут, после того как каждый хичи сказал все, что хотел, и большинство — по несколько раз, Соль сказала людям почти то же самое.

— Вы не нанесли оскорбления, — сказала она. — Это он пришел к вам и заговорил. Вы к нему не приходили и не обращались. Так что вы не виноваты. Подобное не повторится: сейчас этот хичи в своей каюте с ответственным старшим спутником по имени Легкий Удар. Который прежде всего не должен был допускать подобное, — мрачно добавила она. Помолчала и продолжила: — Поразительно, что он искал вашего общества. Дело в том, что он ненавидит людей.

III

Эстрелле хотелось знать, почему их ненавидят. («Почему он нас ненавидит? Ведь мы с ним никогда не встречались!») Стэн хотел знать, что может сделать с ними этот хичи, если он их действительно ненавидит. После полудюжины неудачных попыток ответить на отдельные вопросы Соль, сдаваясь, помахала запястьями и начала с самого начала.

Их гость (его имя, сказала она, в переводе с языка хичи звучит примерно как «Тот, кто многого достигает») входил в состав исследовательской группы. Экипаж состоял из трех хичи, они должны были отыскать следы разумной космической расы Убийц.

Когда Эстрелла спросила, почему эту расу так назвали, Соль удивилась.

— Потому что они самые настоящие убийцы, — объяснила она. — В дни до Ухода они убивали всех, кого встречали, всех до одного. Никого не оставляли. Как еще их назвать? Хотя, — тут же поправилась она, — иногда мы называем их «Врагом», так как для нас они враги.

— Понятно. И этот тип решил, что мы и есть убийцы? — предположил Стэн.

Соль словно бы подавилась — эквивалент человеческого смеха, но тут же вежливо смолкла.

— Вовсе нет. Позвольте закончить пояснения.

Стэн покорно попросил ее продолжить объяснения; так она и поступила. Эти три исследователя-хичи летали в поисках следов Убийц по всей галактике, но успеха не добились. Стэн не совсем понял, о каких следах говорила Соль. Насколько он сумел понять, корабль хичи пытался отыскать в ненаселенных районах галактики нечто вроде запаха, оставленного Убийцами. Она использовала слово, буквально означающее «запах». Стэн на это возразил.

— В космосе невозможно уловить запах, — покачал он головой. — Неважно. Продолжай как хочешь.

Исследователи не обнаружили добычу и тогда использовали другой метод. Они привели свой корабль туда, где хичи перед Уходом оставили много своих кораблей. Это был астероид на орбите у маленькой желтой звезды…

— Боже! — воскликнул Стэн, а Эстрелла прошептала:

— Врата. Ты говоришь о Вратах.

Соль согласно энергично подвигала челюстью.

— Да, он говорил об этом месте. Провел там

четыре года. — И тут она испытала значительные трудности, пытаясь объяснить, что делал хичи все это время. Его занятие имело отношение к кораблям на Вратах. Он анализировал отчеты о полетах один за другим, надеясь, что какой-то из этих кораблей столкнулся с Убийцами в суматошные дни, перед тем как хичи скрылись в Ядре. Этим он занимался четыре года.

— И все это время он был один, — серьезно продолжала Соль. — Да, его окружали сотни, даже тысячи людей, но он был совершенно один.

— Минутку, — сказал Стэн. — Ведь время от времени прилетали другие хичи.

— Сейчас не очень часто. А тогда еще реже. Лишь несколько. Да и те ненадолго.

Вмешалась Эстрелла:

— Но он не был один. Ведь их было трое.

— Разве я не сказала? Тогда — уже нет. Достигающий… он все это время проверял отчеты о полетах. А пока он оставался на астероиде, остальные двое улетели, с другой целью. И поэтому… — Она замялась, как будто не хотела продолжать. Потом все-таки продолжила: — Только он, понимаете? И много-много вас. Под конец он уже не выносил вида человека. Но у него не было выбора. Приходилось работать. Теперь ему предстоит отдых

и реабилитация в Сверкающих Слюдяных горах на Лесистой планете у Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре — той самой, куда я пригласила вас.

Стэн и Эстрелла несколько минут обдумывали ее слова. Вопрос задала Эстрелла:

— А что за отдых и реабилитация?

— Это трудно объяснить. Отдых. Наряду с… — Она в отчаянии помахала запястьями. — На вашем языке нет подходящих слов. Может, нет и понятий. — Она выглядела расстроенной. — Самое печальное, что мы, в сущности, не знаем, что делать. Нам хотелось бы избавить его от ненависти к вам. Вы называете такое состояние…

Она замолчала. За нее закончил Стэн:

— Ты имеешь в виду сумасшествие?

— Вероятно, да, — неохотно согласилась Соль. — Недостаток интеллекта, ведущий к необычным и пагубным поступкам. Но хичи это несвойственно. Поэтому мы и не знаем, как его лечить.

— Совсем несвойственно? — недоверчиво переспросила Эстрелла.

— Совсем, — уверенно ответила Соль. — Мы по своей природе к этому не склонны.

Эстрелла по-прежнему сомневалась, но спросила:

— И что же вы будете с ним делать?

Мышцы под кожей лица Соль взволнованно зашевелились.

— Поселим его в определенном месте в Сверкающих Слюдяных горах на Лесистой планете у Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре. Это место предназначено для лечения болезней. Например, там живут старики, приближающиеся к смерти. Понимаете, такие, которые больше не могут правильно контролировать функции своего тела. — Но чем старательнее она пыталась объяснить назначение этой больницы, санатория или чего бы то ни было, тем хуже у нее получалось. — Это место предназначено для… — снова начала она и надолго смолкла, прежде чем опять продолжить. — Там личность превращают в Сохраненного Предка. Но не эту личность. — Новая долгая пауза. — Допустим, кто-то надел не принадлежащую ему одежду. Надел без разрешения. Нужно принять меры. Чтобы он больше так не делал. Понимаете? — Но Стэн и Эстрелла не понимали. Наконец Соль помахала запястьями, сдаваясь. — Это место для него не совсем подходит, — заключила она. — Но другого у нас нет.

7. Рождение «Феникса»

I

Меня зовут Джель-Клара Мойнлин, и, вероятно, больше никаких представлений не требуется. Если же требуется, то вы просто невнимательны: я очень часто фигурирую в новостях.

Когда мы пересекли волновой фронт Крабовидной сверхновой, мы находились в половине дня от Земли. Само пересечение не вызвало никаких сигналов тревоги, вообще ничего. Я бы этого даже не заметила, но мозг моего корабля — Гипатия — запрограммирован так, что замечает то, чего не замечаю я, если считает, что мне это интересно. Поэтому Гипатия спросила, хочу ли я на это взглянуть, и я захотела.

Конечно, я уже несколько раз видела восстановленную компьютером картину взрыва этой обреченной старой звезды, но, будучи человеком из плоти и крови, я чаще предпочитаю реальное изображение. Гипатия уже включила экран хичи, но на нем виднелось только неровное серое пятно — в представлении хичи подходящее изображение катастрофы. Гипатия понимает это

изображение, но я не могу его понять, поэтому ради меня она сменила фазу.

Я увидела звездное поле, точно такое же, как все другие звездные поля. Пришлось спросить:

— Какая из них?

Она ответила:

— Ты пока не можешь ее видеть. Нет достаточного увеличения. Но смотри внимательно. Подожди немного. Еще немного. Вот.

Она могла и не говорить этого. Я увидела сама. Неожиданно вспыхнула огненная точка, она становилась все ярче и ярче, пока не затмила все остальные звезды на экране. Мне даже пришлось зажмуриться.

— Все происходит очень быстро, — сказала я.

— Ну, на самом деле не так быстро, Клара. Наша векторная скорость относительно этой звезды гораздо выше скорости света, так что мы видим ускоренное развитие событий. К тому же мы пересекаем волновой фронт, поэтому видим все в обратном порядке. Скоро все исчезнет.

Мгновение спустя так и произошло. Точно так же, как она стала самой яркой из звезд, эта звезда померкла. И снова стала простой звездой, такой обыкновенной, что я не могла бы ее узнать. Планеты, о которых мне рассказывали, еще не

обожжены, их население, если оно было, еще не уничтожено.

— Ну хорошо, — сказала я. Зрелище не произвело на меня особого впечатления, но я не хотела, чтобы Гипатия знала об этом. — Выключи экран, и вернемся к работе.

Гипатия фыркнула. Она встроила в себя весь спектр поведения человека. Это была исключительно ее идея, я ее на это не программировала. Она мрачно заявила:

— Действительно, надо поработать, иначе мы не сможем оплатить все счета за эту штуку. Ты себе представляешь, сколько она стоит?

Конечно, она ворчала не всерьез. У меня есть проблемы, но, поскольку я Джель-Клара Мойнлин, оплата счетов к ним не относится.

Впрочем, я не всегда была такой платежеспособной. В молодости я жила в выгоревшем аду, который называют планетой Венера, сопровождала туристов в летающих кораблях и старалась не истратить за вечер все, что заработала днем. Тогда больше всего я хотела денег. Не огромного состояния, нет. Достаточно денег, чтобы заплатить за Полную Медицину и за место для жизни, которое не пропахло бы гнилыми морепродуктами. Никаких грандиозных мечтаний.

Однако вышло иначе. Сначала у меня совсем не было ни денег, ни надежды разбогатеть. Потом у меня оказалось больше, гораздо больше денег, чем нужно, и я поняла кое-что о том, что значит быть при деньгах. Когда их у вас столько, что приходится произносить Д-Е-Н-Ь-Г-И, это все равно что держать в доме котенка. Деньги хотят, чтобы вы с ними играли. Вы пытаетесь забыть о котенке, но он карабкается вам на колени и кусает за подбородок, чтобы вы обратили на него внимание. А вы не собираетесь идти ему навстречу. Просто отпихиваете и идете заниматься своими делами. Но в этом случае один бог знает, какие неприятности котенок вам доставит. И потом, где все те удовольствия, которые могут принести деньги?

Поэтому, когда мы не в корпорации «Феникс», мы с Гипатией обычно играем с моими деньгами. Вернее, я играю, а Гипатия подсчитывает. Она лучше меня знает, чем я владею, — для того она и создана, — и у нее всегда множество предложений относительно инвестиций, которые я должна сделать или от которых следует воздерживаться, а также относительно новых предприятий, в которых мне следовало принять участие.

Ключевое слово здесь — «предложения». Я не

обязана делать то, что предлагает Гипатия. Как правило, я в четырех из пяти случаев следую ее предложениям. В пятом случае я делаю что-нибудь другое — просто чтобы она не забывала, что не она здесь принимает решения. Я знаю, это не очень разумно и обычно обходится мне дорого, но ничего. У меня на все хватит денег.

Впрочем, существует и предел щекотанию брюшка деньгам. Когда я достигла его, Гипатия опустила световую указку и взмахом руки убрала все графики и таблицы. Чтобы развлечь меня, она сделалась оптически видимой: я люблю видеть того, с кем говорю. На Гипатии платье пятого века и диадема из грубо обработанных рубинов. Она бросила на меня вопросительный взгляд.

— Нужен небольшой перерыв, Клара? — спросила она. — Не хочешь поесть?

Да, перерыв мне был нужен, и есть я хотела. И она это отлично знала. Она постоянно ведет наблюдение за моим организмом — еще одна цель, ради которой она создана, но в данном случае я предпочитаю сохранять свободу воли.

— На самом деле, — сказала я, — я бы хотела выпить. Как у нас со временем?

— Идем точно по расписанию, Клара. Прибудем примерно через десять часов. — Она не

пошевелилась — точнее, не пошевелилось ее изображение, — но я услышала на кухне стук падающего в стакан льда. — Я связалась с корабельным мозгом «Феникса» — на случай, если ты захочешь узнать, что происходит.

— Давай, — ответила я, но она уже начала действовать. Снова взмахнула рукой — просто театральный жест, конечно, но от Гипатии только того и жди, — и я увидела новый набор изображений. Когда небольшая служебная тележка вкатилась и остановилась у моего локтя, мы смотрели — уже через приборы «Феникса» — на обширную паутину в форме тарелки. В паутине ползали какие-то мелкие существа.

Я не могла представить себе реальные размеры этой паутины: в пространстве поблизости не было ничего для сравнения. Но мне и не нужно было сравнивать. Я знала, что она огромна.

— Выпей тоже, — сказала я, поднимая стакан.

Она бросила на меня терпеливый и в то же время раздраженный взгляд и промолчала. Иногда она готовит и себе голографический напиток, когда я пью настоящий, но на этот раз она была намерена поучать.

— Как видишь, Клара, — сообщила она мне, — прибыл новый груз оптических зеркал, и роботы

устанавливают их на место в параболическую тарелку. Первое изображение планеты появится примерно через час, но не думаю, чтобы ты захотела его увидеть. Пока все не собрано, разрешение очень небольшое; а для окончания сборки нужно еще восемнадцать часов. Тогда оптическое разрешение позволит нам наблюдать планету.

— В течение четырех дней, — сказала я, отхлебывая из стакана.

Она бросила на меня иной взгляд — по-прежнему учительский, но такой, каким учитель смотрит на особенно тупого ученика.

— Эй, Клара. Ты ведь знала, что много времени для наблюдений не будет. И не я решила явиться сюда. Все то же самое мы могли наблюдать с острова.

Я прикончила стакан и встала.

— Но я этого не хотела. С вами, голограммами, беда в том, что вы не представляете себе, что такое реальность. Разбуди меня за час до прибытия.

И я направилась в свою каюту с огромной круглой кроватью. Мне больше не хотелось говорить с Гипатией. Главная причина, по которой я позволяю ей давать мне финансовые советы, в том, что это мешает ей давать мне советы другого рода. А она постоянно пытается это делать. И не

напоминает о том огромном, о чем я сама никак не могу забыть.

Тележка с черным кофе и свежевыжатым апельсиновым соком — слово «свежевыжатый» следовало бы взять в кавычки, но Гипатия слишком хорошо работает, чтобы я могла заметить разницу, — уже стояла у моей постели, когда Гипатия разбудила меня.

— Девяносто минут до стыковки, — оживленно сказала она, — и сегодня отличное утро. Включить душ?

Я ответила:

— Гм.

Девяносто минут — ни секундой дольше — для меня время, необходимое, чтобы выпить черный кофе, глядя в пространство, и набраться сил для душа. Но потом я посмотрела в зеркало у кровати; то, что я увидела, мне не понравилось, и я решила немного прихорошиться.

Меня никогда нельзя было назвать хорошенькой. Во-первых, брови у меня слишком густые. Раз или два за эти годы я выщипывала их, приводя в соответствие с модой, — просто чтобы проверить, что из этого выйдет. Ничего не выходило. Я даже пыталась изменить структуру костей: больше челюстных, меньше подбородка, чтобы выглядеть

не такой мужеподобной. Но в результате лицо только глупело. Несколько лет я была блондинкой, однажды попыталась стать рыжеволосой, но вовремя спохватилась и, прежде чем выйти из салона красоты, велела все вернуть назад. Все это были ошибки. И ничего они не давали. Когда бы я на себя ни поглядела, что бы ни делали косметологи и пластические хирурги, я видела прежнюю Джель-Клару Мойнлин, прячущуюся за этими ухищрениями. Поэтому я все забросила. И уже довольно давно хожу в своем естественном виде.

Ну, почти естественном. Я совсем не хочу выглядеть старой.

И конечно, не выгляжу. К тому времени, как я приняла душ, причесалась и надела простое черное платье, открывающее мои действительно неплохие ноги, я смотрелась не хуже, чем всегда.

— Почти прибыли, — сказала Гипатия. — Тебе лучше за что-нибудь держаться. Мне нужно уравнять скорости, а это трудно. — Говорила она раздраженно. Впрочем, как всегда, когда я даю ей действительно сложное задание. Разумеется, задание она выполняет, но жалуется. — Я могу лететь быстрее скорости света, медленнее скорости света, но когда нужно уравнять скорость с объектом, который движется точно со скоростью

света, возникают необычные побочные явления… прошу прощения.

— Стоит попросить, — ответила я, потому что толчок заставил меня пролить кофе. — Гипатия! Что, по-твоему, надеть: жемчуга или камею?

Она изобразила двух-трехсекундную паузу, как будто ей действительно необходимо время, чтобы принять решение, потом вынесла свой приговор:

— Я бы надела камею. Только шлюхи носят жемчуга днем.

Поэтому я, конечно, решила надеть жемчуга. Она вздохнула, но не возразила.

— Ладно, — сказала она, открывая выход. — Мы причалили. Иди осторожно, а я буду с тобой на связи.

Я кивнула и шагнула через порог на корабль корпорации «Феникс».

Никаких «шагов», конечно, не было. Зато произошел резкий переход от удобного одного g на моем корабле к тяготению корабля «Феникса». Мой желудок протестующе сократился, но я ухватилась за поручень и осмотрелась.

Не знаю, что я ожидала увидеть: может быть, что-нибудь похожее на старый астероид Врата. Но «Феникс» выглядел гораздо роскошнее, и я

задумалась, не слишком ли щедро давала деньги. В противоположность кислой застарелой духоте Врат здесь пахло свежей зеленью из теплиц. Вдоль стен повсюду стояли горшки с цветами, папоротниками и лианами, они росли во всех направлениях, потому что тяготение было нулевым. Если бы я подумала об этом вовремя, то не стала бы надевать юбку. Единственным человеком в поле зрения оказался высокий, почти обнаженный чернокожий мужчина, который цеплялся пальцами ног за стенную скобу и разминал мышцы с помощью тренажера с металлическими пружинами. («Хамфри Мейсон-Мэнли, — прошептала мне на ухо Гипатия. — Археолог и антрополог из Британского музея».) Не прерывая упражнений, Хамфри досадливо взглянул на меня.

— Что вы здесь делаете, мисс? Посещения воспрещены. Это частная собственность, и…

Но тут он пригляделся повнимательнее, и выражение его лица изменилось. Оно не стало гостеприимней, но я произвела на него некоторое впечатление.

— Черт побери, — сказал он. — Вы Джель-Клара Мойнлин, верно? Это немного меняет дело. Наверно, мне следует сказать: «Добро пожаловать на борт».

II

Не самое радушное приветствие. Но когда Хамфри Мейсон-Мэнли разбудил главного инженера, эта женщина оказалась гораздо более вежливой. Что было вовсе не обязательно. Хотя я предоставила основные средства для проекта «Феникс», это некоммерческая организация, которая никому не принадлежит. И я даже не вхожу в совет директоров.

Гипатия шепнула мне, что главного инженера зовут Джун Таддеус Терпл — доктор Терпл. Но мне не нужно было это напоминание. Мы с Терпл встречались раньше, хотя и только на экране. Она оказалась выше, чем я думала. Выглядела она примерно на столько же, на сколько выгляжу я, то есть лет на тридцать. На ней было нечто вроде бикини и на талии рабочий пояс со множеством кармашков, чтобы класть разные вещи. Она отвела меня в свой кабинет — клинообразное помещение, в котором не было ничего, кроме скоб на стенах и множества растений.

— Простите, что не встретила вас, доктор Мойнлин, — сказала она.

— Моя единственная докторская степень почетная, и вполне достаточно Клары.

Она кивнула.

— Разумеется, мы рады вас видеть здесь в любое время. Наверно, вы сами хотите увидеть, что произойдет.

— Да, конечно. К тому же я хочу решить кое-какие вопросы, если не возражаете. — Вежливость в ответ на вежливость, вовсе не обязательная и для той, и для другой стороны. — Вы знаете, кто такой Вильгельм Тарч?

Она ненадолго задумалась.

— Нет.

Такова галактическая слава. Я объяснила:

— Билл — своего рода бродячий репортер. Он посещает самые интересные места и рассказывает о них тем, кто остается дома. — К тому же он в настоящее время мой любовник, но упоминать об этом нет необходимости: Терпл достаточно быстро поймет это сама.

— И он хочет попасть на «Феникс»?

— Если вы не возражаете, — снова сказала я. — У совета я уже получила разрешение.

Она улыбнулась.

— Конечно, но я этого не знала. Сейчас роботы укладывают зеркала, поэтому я очень занята. — Она встряхнулась. — Ганс сказал мне, что ваш корабельный мозг уже показал вам в пути

вспышку сверхновой…

— Да, показал.

Гипатия прошептала, что Ганс — мозг «Феникса», как будто я не могла догадаться об этом сама.

— И вероятно, вы знаете, как она сейчас выглядит с Земли?

— Да, что-то в этом роде.

Я видела, как она пытается понять, что значит «что-то в этом роде», и решает, что с богачкой стоит вести себя дипломатично.

— Ну, не вредно взглянуть еще раз. Ганс! Телескопический вид с Земли, пожалуйста.

Она смотрела на стену своего кабинета. Стена исчезла, и мы увидели неровное светлое пятно.

— Вот оно. Мы называем его Крабовидной туманностью. Конечно, это название было дано до того, как поняли, что это такое на самом деле, но можно понять, откуда оно взялось. — Я согласилась, что пятно похоже на слегка деформированного краба, и Терпл продолжила: — Сама туманность состоит из газа и вещества, которые сверхновая выбросила несколько тысяч лет назад. Не знаю, видите ли вы, но вон то маленькое пятно в середине — это и есть пульсар. Все, что осталось от звезды. А теперь посмотрим, как все выглядело до того, как звезда стала сверхновой.

Реальное время. Вид отсюда.

Ганс убрал туманность, и мы увидели глубокое темное пространство, которое уже показывала мне Гипатия. В пространстве горели мириады звезд, но корабельный мозг добавил увеличение, и появилась одна особенно яркая звезда. «Яркая» не совсем подходящее слово. Это была ослепительная желто-золотистая, несколько расплывчатая и неопределенная точка. И — чего не могло быть: изображение исключительно оптическое, — я словно почувствовала на лице жар.

— Не вижу планет, — сказала я.

— Увидите, когда мы установим все оптические сегменты. — Но тут она спохватилась: — Я забыла спросить. Не хотите ли чашку чая или еще что-нибудь?

— Спасибо, нет. В данную минуту ничего не нужно. — Я смотрела на звезду. — Мне представлялось, она будет ярче. — Голос мой звучал чуть разочарованно.

— Еще будет, Клара. Именно для этого мы и строим пятисоткилометровое зеркало. Сейчас мы получаем изображение, используя гравитационное искажение черной дыры. У нас установлена небольшая камера. Не знаю, много ли вы знаете о черных дырах, но… О, дьявол! — сказала она с

явным смущением. — Конечно, знаете. То есть я хочу сказать — вы ведь провели в ней тридцать или сорок лет…

Она смотрела так, будто нечаянно причинила мне сильную боль. На самом деле нет. Я привыкла к такой реакции. Обычно в моем присутствии редко заводят речь о черных дырах, следуя общему принципу: в доме повешенного не говорить о веревке. Но время, когда я оказалась в западне в одной из таких штук, в далеком прошлом. Вдобавок из-за замедления времени в черной дыре оно пронеслось для меня почти мгновенно, сколько бы лет ни прошло Снаружи, и я в этом отношении была не особенно чувствительна.

С другой стороны, мне совсем не хотелось опять говорить об этом. Я просто сказала:

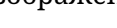
— Моя черная дыра выглядела совсем не так. Она светилась жутким голубым светом.

Терпл быстро взяла себя в руки. Она глубокомысленно кивнула.

— Это свечение Черенкова. Вы были, должно быть, в так называемой обнаженной сингулярности. Эта черная дыра другая. Она завернута в собственную эргосферу, и вы ничего не можете увидеть. Большинство черных дыр испускают очень много видов излучения — не сами,

а тот газ и вещество, которые они поглощают. Но эта дыра уже все вокруг себя поглотила. Во всяком случае… — Она как будто потеряла нить рассуждений. Но потом кивнула. — Я говорю о гравитационном искажении. Ганс?

Она не сказала, чего хочет от Ганса, но, очевидно, он смог это понять сам. Звезды исчезли, и перед нами появилось нечто вроде белой туманной стены. Терпл пальцем нарисовала для меня изображение:



— Точка слева — это планета Крабовидной туманности, которую мы хотим изучить. Круг в середине — черная дыра. Дуга справа — наше зеркало, оно находится в точке, где гравитационное искажение черной дыры дает нам самое четкое изображение. Точка слева от дуги — фокус Кассегрейна в нашем отражающем телескопе. Я не нацеливаю телескоп на звезду Крабовидной туманности — мы стараемся, чтобы она не попадала в камеру, иначе может сжечь всю нашу оптику. Пока понятно?

— Да, — ответила я.

Она бросила на меня еще один оценивающий взгляд, затем сказала:

— На самом деле мы смотрим в зеркало. Нам придется закрыть звезду, иначе мы вообще не увидим планету. Сейчас мы как раз этим занимаемся. Чтобы увидеть планету, нам придется смотреть в прямо противоположном от нее направлении.

Я никогда не могла устоять перед искушением в разговорах с Гипатией, не смогла и с Терпл.

— В течение четырех или пяти дней, — сказала я самым дружеским тоном.

Думаю, тон все же был недостаточно дружеским. Доктор выглядела уязвленной.

— Послушайте, не мы поместили эту проклятую черную дыру в такое положение. Потребовалось два года поисков, чтобы найти дыру в подходящей позиции. Здесь есть нейтронная звезда, которую мы можем использовать. Конечно, было бы гораздо лучше наблюдать с орбиты: это дало бы нам для наблюдения восемьдесят дней, но все дело в этой нейтронной звезде. Она не сможет дать нужное увеличение, потому что не обладает массой черной дыры и, следовательно, гравитационное искажение будет гораздо слабее. Так мы разглядим гораздо больше подробностей в черной дыре. А потом, — добавила она, — понаблюдав отсюда, переместим все приборы к нейтронной

звезде. Конечно, если это будет возможно.

Она имела в виду: если я соглашусь за это заплатить. Ну, вероятно, соглашусь. Основные суммы за оборудование уже выплачены. Просто нужно будет выплачивать им жалованье в течение еще восьмидесяти лет, а никто из них много не получает. Меня в этом убедила Гипатия.

Но пока я не собиралась давать согласие. И, чтобы отвлечь Терпл, сказала:

— Мне казалось, мы сможем наблюдать отсюда в течение тридцати дней.

Она смотрела мрачно.

— Наблюдать на радиочастотах. Именно для этого мы строим сетчатую тарелку. Но, оказывается, с планеты не идет никакое искусственное радиоизлучение, поэтому нам понадобились зеркальные пластины, чтобы превратить изображение в оптическое. Это отняло у нас три недели, которые мы могли бы использовать для наблюдений.

— Понятно, — сказала я. — Никаких радиосигналов. Значит, там нет цивилизации, которую можно было бы наблюдать.

Она прикусила губу.

— Мы точно знаем, что там есть жизнь. Точнее, была. Это одна из тех планет, которые давным-

давно обследовали хичи, и в то время там были развитые живые организмы — конечно, примитивные, но, похоже, у них был потенциал для эволюции.

— Потенциал для эволюции, конечно. Но эволюционировали ли они, мы не знаем.

На это она не ответила. Только вздохнула. А потом сказала:

— Поскольку вы уже здесь, не хотите ли все осмотреть?

— Если не помешаю, — ответила я.

Конечно, я им мешала. Джун Терпл этого никак не показывала, но остальные при знакомстве уделяли мне лишь вежливый взгляд. Их было восемь, звали их Джулия Ибаррури, и Марк Рорбек, и Хамфри Мейсон-Мэнли, и Олег Кекускян, и… да, я даже не пыталась их всех запомнить: если понадобится, мне напомнит Гипатия. Джулия плавала в поддерживающей упряжи, окруженная пятнадцатью или двадцатью изображениями, на которые она смотрела, сердито хмурилась, снова смотрела, а на меня только взглянула и небрежно кивнула. Если мое имя для нее и для всех остальных что-нибудь и значило, они никак этого не показывали и не проявили ни малейшего интереса. Особенно Рорбек и Кекускян, потому что, когда

мы к ним заглянули, они крепко спали в своих упряжах, и Терпл приложила палец к губам.

— Третья смена, — прошептала она, когда мы закрыли дверь их каюты и отплыли от нее. — К обеду они проснутся, но нужно дать им возможность поспать. Осталась только одна. Пойдем поищем ее.

Пока мы искали оставшегося члена экипажа, Гипатия шептала мне на ухо биографические сведения. Кекускян — пожилой астрофизик-бисексуал; Рорбек молод, это программист, он в глубокой депрессии, потому что болезненно распадается его брак. А что касается последнего члена экипажа…

Это был хичи.

Мне можно было этого не объяснять. Если увидишь одного хичи, знаешь, как выглядят все остальные: очень худые, похожие на скелеты, угловатые, с лицом словно череп и с цилиндром, свисающим между ног, где — если это самец — должны бы находиться половые органы, а если самка (как оказалось, это была самка), то вообще ничего. Терпл сказала, что хичи зовут Звездный Разум; когда мы вошли в ее каюту, она работала над собственным набором изображений. Но, услышав мое имя, тут же убрала изображения и

направилась ко мне, чтобы пожать мне руку.

— У нашего народа в Ядре вы пользуетесь большой известностью, Джель-Клара Мойнлин, — сообщила она мне, держась за мою руку как за опору. — Из-за гражданских послов Мойнлин. Когда в Ядро прилетела ваша Ребекка Шапиро, я с ней познакомилась. Она очень много знает о людях. Именно из-за нее я добровольно вызвалась поработать здесь. А вы ее знаете?

Я попыталась вспомнить Ребекку Шапиро. После основания этой программы я давала деньги на многие проекты, и это, должно быть, один из самых первых. Звездный Разум заметила мое затруднение и постаралась помочь.

— Молодая женщина. Очень печальная. Пела для нашего народа мелодии, сочиненные вашим покойным Вольфгангом Амадеем Моцартом. Мне они очень нравились.

— А, эта Ребекка, — сказала я не очень искренне. Я ведь оплатила перелет сотням Ребекк, Карлосов или Джейн, которые согласились быть гражданскими послами человечества. Согласились, потому что на Земле были несчастны. Это обязательное условие. В противном случае зачем им было бы покидать места и людей, к которым они никогда не вернутся?

Ведь в Ядре, как и во всех черных дырах, время замедляется.

Я знала, что это значит. Если вы оказываетесь в черной дыре, где за один день Снаружи проходит несколько столетий, ваши проблемы стремительно стареют. Замедление времени лучше самоубийства — хотя, если подумать, оно очень напоминает самоубийство наоборот. Сами вы не умираете, но, пока вы отсутствуете, все те, кто причинял вам неприятности, умрут — вообще все, с кем вы были знакомы.

Я желаю добра всем этим моим послам. Надеюсь, им это поможет… но мне пребывание в черной дыре нисколько не помогло.

После того как я познакомилась со всеми на «Фениксе», смотреть особенно было нечего. Я переоценила расточительность получателей моих средств. Терпл вообще не была расточительна. Если не считать изобильной растительности — а она существовала главным образом для освежения воздуха, — «Феникс» оказался почти лишенным типичной внутренней обстановки космических кораблей. Были, конечно, спальные помещения для работников, было несколько общих помещений — одно особенно большое, куда я сначала и вошла, плюс столовая с авто-

матами для раздачи напитков и сетками под скобами на стенах, чтобы ваша еда не улетела, плюс несколько небольших помещений, где можно было послушать музыку или посмотреть виртуальные картины, если нужно развлечься. Все остальное — склады и, конечно, механизмы и инструменты, необходимые «Фениксу» для работы. Терпл не стала показывать мне механизмы. Я и не ожидала от нее этого. Это дело корабельного мозга, и такие установки всегда под замком, чтобы никто не мог их повредить, даже случайно. И вот, если только не найдется болван, который откроет запечатанные помещения, смотреть на корабле особенно не на что.

Когда со знакомством было покончено, Терпл все-таки настояла на чашке чая — точнее, это была капсула с чаем, — и, пока мы пили, держась одной рукой за скобы, сказала:

— Пожалуй, это все, Клара. О, минутку. Я еще не представила вас нашему корабельному мозгу. Ганс. Поздоровайся с мисс Мойнлин.

Низкий приятный мужской голос сказал:

— Здравствуйте, мисс Мойнлин. Добро пожаловать на борт. Мы надеялись, что вы нас посетите.

Я ответила на приветствие и на этом остановилась. Мне не нравится болтать с машинным

разумом, за исключением моего собственного. Допив чай и сунув пустую капсулу в щель, я сказала:

— Что ж, перестану вам мешать. Хочу ненадолго вернуться на свой корабль.

Терпл кивнула, не спрашивая почему.

— Примерно через час у нас обед. Не присоединитесь? Ганс очень хороший повар.

Неплохая мысль.

— С удовольствием, — ответила я.

Провожая к шлюзу, она посмотрела на меня искоса.

— Послушайте, — сказала она, — мне жаль, что мы не ведем радиопоиск. Это совсем не означает, что на планете никогда не было цивилизации. В конце концов, если бы кто-нибудь прослушивал Землю до начала XX века, он тоже не получал бы никаких радиосигналов, хотя человечество уже существовало.

— Я это знаю, Джун.

— Да. — Она кашлянула. — Не возражаете, если я задам вопрос?

Я ответила:

— Конечно, нет.

При этом я имела в виду, что она может спрашивать обо всем, что ее интересует. А вот отвечу

ли я, это совсем другое дело.

— Вы потратили очень много денег — на случай, если тут существовала цивилизация, погибшая при взрыве сверхновой. И меня интересует, почему вы это сделали.

Ответ достаточно прост. Если вы самая богатая женщина во вселенной, вам нужно время от времени получать от своих денег небольшие радости. И я сказала:

— А что еще мне оставалось?

III

Что ж, мне было чем заняться. Дел много, хотя большинство из них не так уж важны.

Единственное дело, которое имело для меня значение, — это присмотр за тем, что происходит на небольшом острове, на Таити, где я живу, когда оказываюсь дома. Прекрасное место — особенно после того, как я его преобразовала. Здесь то, что можно более или менее назвать моей семьей, и, когда я отсутствую, я по этой семье скучаю.

Но есть и другие важные вещи — например, проводить время с Биллом Тарчем. Тарч, не говоря уже о многих других, которые остались в прошлом, очень приятный мужчина. Еще то, что я могу купить за деньги, а также то, на что я могу

употребить власть, которую мне дают эти деньги. Если учесть все это, мне есть чем заняться в жизни. И многого я еще могу ожидать в будущем, особенно если позволю Гипатии уговорить меня и получу бессмертие.

Так почему же мне не хочется ничего этого?

В том-то и беда с вопросами, на которые я не могу получить ответа. Я продолжаю задавать их себе снова и снова.

Когда я вернулась на свой корабль, меня ждала Гипатия — видимая, полное трехмерное изображение; она сидела в моей каюте в кресле римского стиля, одетая в платье по моде пятого века.

— Значит, теперь тебе твоя инвестиция нравится? — оживленно спросила она.

— Отвечу через минуту, — сказала я, направляясь в туалет и закрывая за собой двери. Конечно, Гипатии все равно, закрыта дверь или открыта. Когда я на корабле, она всегда может меня видеть и, несомненно, всегда видит, но если машинный разум действует и выглядит по-человечески, я хотела бы соблюдать приличия.

Отсутствовала я недолго, но именно это было главной причиной моего возвращения на корабль. Терпеть не могу писать в невесомости, в этих жутких туалетах. В моем туалете, как и во

всем корабле, Гипатия поддерживает необходимое для моего удобства тяготение. К тому же мне неприятно пользоваться чужим туалетом, а Гипатии нравится исследовать мои выделения, проверяя, здорова ли я.

Чем она и занималась, пока я была в туалете. Когда я вышла, Гипатия как будто не трогалась с места, однако спросила меня:

— Ты хочешь питаться у них?

— Конечно. А что?

— У тебя несколько снизился уровень полиглицеридов. Лучше, если для тебя буду готовить я.

Дразня ее, я сказала:

— Джун Терпл говорит, что Ганс готовит лучше тебя.

— Нет, она сказала, что он хороший повар, — поправила Гипатия, — но и я не хуже. Кстати, я уже связалась с ним, так что если хочешь узнать что-нибудь об экипаже…

— Нет, не об экипаже. Но Звездный Разум говорила что-то о Ребекке Шапиро. Кто она такая?

— Этих данных в базе «Феникса» нет, Клара, — сказала она укоризненно. — Однако…

Она превратила стену моей каюты в экран, и на нем появилось лицо; в то же время Гипатия принялась излагать биографию Ребекки

Шапиро. Оперная певица, прекрасное драматическое сопрано, блестящее будущее — но при авиакатастрофе повредила гортань. Гортань восстановили, она годится для большинства целей, но петь «Царицу ночи» Ребекка больше никогда не сможет. Убедившись, что ее жизнь на Земле разрушена, Ребекка записалась в мою программу.

— Есть еще вопросы? — спросила Гипатия.

— Не о Ребекке. Мне интересно, почему тот корабельный мозг назвали Гансом.

— О, это была идея Марка Рорбека: он хотел назвать его в честь одного из пионеров программирования. Но ведь имя не имеет значения, верно? Почему ты назвала меня Гипатией?

На это у меня был ответ.

— Потому что Гипатия Александрийская была мерзкой умной шлюхой. Точно как ты.

— Хм, — произнесла она.

— А еще она первая знаменитая ученая женщина, — добавила я, потому что Гипатия очень любит разговоры о себе.

— Первая известная женщина-ученый, — поправила она. — Кто знает, сколько было женщин, о чьих достижениях мы не знаем? В вашем древнем мире у женщин было не очень много

возможностей — как и сейчас, кстати.

— Но предполагается, что ты была красавицей, — сказала я. — И к тому же девственницей.

— Совершенно добровольно, Клара. Даже эта древняя Гипатия ни во что не ставила плоть и плотские удовольствия. И я не просто умерла. Меня жестоко убили. Стояла холодная весна 450 года от Рождества Христова, и толпа проклятых монахов разорвала меня на куски, потому что я не была христианкой. Во всяком случае, — закончила она, — это ты выбрала для меня личность. Если бы ты хотела, чтобы я была кем-то другим, ты дала бы мне другую личность.

Она улыбнулась.

— Я еще могу это сделать, — напомнила я. — Может, подойдет Жанна д'Арк?

Она содрогнулась от мысли, что придется стать христианкой, а не богобоязненной римской язычницей, и сменила тему:

— Не хочешь ли, чтобы я связалась с мистером Тарчем?

Я хотела и не хотела. Я еще не готова была с ним поговорить. И поэтому покачала головой.

— Все думаю об исчезнувших существах, которых мы собираемся воскресить. У тебя есть записи хичи, которые я еще не видела?

— Еще бы! Больше, чем ты сможешь просмотреть.

— Тогда покажи.

— Конечно, босс, — сказала она и исчезла, и в то же мгновение я оказалась на выступе скалы. Передо мной расстилалась зеленая долина, по которой передвигались какие-то необычные животные.

Разница между изображениями, создаваемыми на «Фениксе» и на моем корабле, в том, что мои стоят намного дороже. Аппаратура «Феникса» вполне пригодна для работы, потому что показывает все необходимое, но моя помещает вас прямо в происходящее. К тому же моя система полностью передает ощущения, так что я могу не только видеть, но и чувствовать. Я стояла на скале, легкий теплый ветер шевелил мои волосы, в воздухе чувствовался запах дыма.

— Эй, Гипатия, — с легким удивлением сказала я. — Разве они открыли огонь?

— Нет, они не умеют им пользоваться, — прошептала она мне на ухо. — Должно быть, в тех горах во время бури ударила молния.

— Какой бури?

— Той, что только что миновала. Разве ты не видишь, что все мокрое?

На моей скале было сухо. Солнце над головой большое, яркое и очень горячее. Камень оно уже просушило, но я видела, что с растений у основания скалы еще каплет; повернувшись, я увидела в отдаленных холмах полоску горящей растительности.

Долина была гораздо интереснее. Рощи или что-то похожее на рощи; стадо больших косматых существ — размером с белого медведя, но, очевидно, травоядных, потому что они трудолюбиво наклоняли деревья и поедали листву; две реки: одна, узкая, с быстрым течением и небольшими порогами, спускается с холмов слева от меня и впадает в другую, более широкую, справа, вместе они образуют широкий поток; другая группка мохнатых существ, еще более крупных, пасется на равнине; все вместе, пожалуй, похоже на Великую Американскую прерию до того, как там были уничтожены все крупные животные.

Но самое интересное — с десяток хищников неподалеку осторожно окружали три-четыре существа, которых я не могла разглядеть.

— Это они? — спросила я у Гипатии. И когда та ответила утвердительно, приказала приблизить их.

Вблизи я увидела, что те, на кого охотятся, по-

хожи на свиней, но с длинными тощими ногами и длинным беличьим хвостом. Мама-свинья скалила зубы и пыталась отогнать хищников, а три малыша прятались у нее под брюхом. Но я смотрела на хищников. Они казались похожими на приматов, с обезьяньими лицами и короткими хвостами. Но не на земных приматов, потому что у них было шесть конечностей: четыре, на которых они бегали, и две похожих на руки; в этих руках они держали камни с острыми краями. Заняв позицию, они принялись бросать эти камни в добычу.

У матери-свиньи не было ни одного шанса. Через несколько минут два ее детеныша упали, а она убегала, помахивая длинным хвостом, словно тот был метрономом; уцелевший поросенок бежал за ней. Хищники получили то, за чем пришли.

Сцена была не слишком приятной.

Я прекрасно знаю, что животные пожирают друг друга, и не склонна к сантиментам на сей счет — да я и сама ем мясо! (И не всегда с пищевой фабрики.) Все равно мне не понравилось то, что происходило полмиллиона лет назад в этом чуждом вельде: один из поросят был еще жив, когда хищники начали пожирать его, и его писк

отчетливо доносился до меня.

Поэтому я ничуть не огорчилась, когда Гипатия вмешалась и сказала, что мистер Тарч не дождался моего звонка и позвонил сам.

Почти все мои разговоры с Биллом Тарчем кончаются интимными сферами. Ему нравится говорить о сексе. Мне — не очень, поэтому я постаралась сделать разговор коротким. Выглядел Билл отлично, как всегда: не очень высокий, не особенно красивый, но сильный, мужественный и с вызывающей — я-всегда-знаю-как-позабавиться — улыбкой. Он всего в двух днях отсюда, и четверти часа вполне достаточно для разговора — в сжатой форме этот разговор переносится за сотни световых лет, — но все остальное из интимной области; когда я закончила, уже пора было переодеваться и отправляться на обед с экипажем «Феникса».

Гипатия, как всегда, обо всем позаботилась. Она пересмотрела мой гардероб и извлекла брючный костюм, чтобы не нужно было постоянно придерживать юбку; выбрала также золотое ожерелье, которое не станет хлопать меня по лицу, как жемчужные бусы. Хорошее решение, я не стала спорить. Пока я переодевалась, она с любопытством спросила:

— Значит, мистер Тарч тебя поблагодарил?

Я уже знаю все интонации Гипатии. От этой у меня мурашки бегают.

— За что?

— Как за что? За то, что способствуешь его карьере. — Она как будто удивилась. — Когда вы познакомились, перспективы у него были неважные. Так что было бы справедливо, если бы он выразил свою благодарность.

— Не зарывайся, — сказала я, надевая украшенные жемчугами эластичные чулки. Иногда мне кажется, что Гипатия затрагивает чересчур личные вопросы, а на этот раз она была несправедлива. Мне совсем не нужно оказывать мужчинам услуги, чтобы привлечь их. Боже, проблема в том, как их отогнать! Просто, расставаясь с ними, я предпочитаю, чтобы их положение несколько улучшилось; а что касается Билла, то действительно время от времени помощь ему требовалась.

Но я не хотела обсуждать это с Гипатией.

— Меняй тему или заткнись, — сказала я ей.

— Конечно, милая. Давай. Как тебе понравились крабберы?

Я честно ответила:

— Не очень. У них ужасные застольные ма-

неры.

Гипатия захихикала.

— Что, не для слабонервных? Неужели ты считаешь, что они намного хуже твоих отдаленных предков? Мне кажется, австралопитеки робустус тоже не очень заботились о том, чтобы их добыче нравился их обед.

Начинался знакомый спор.

— Это было очень давно, Гипатия.

— То же самое относится и к тем крабберам, которых ты увидела, милая. Животные — это животные. Но если ты действительно хочешь покончить с отвратительным обычаем убей-и-съешь…

— Пока нет, — ответила я в который уж раз. Может, и никогда не захочу.

Гипатия хотела «расширить» меня. То есть отобрать плоть со всеми ее болями и горестями и превратить меня в чистый, сохраненный машинами разум. Я знала, что так поступали многие. Как сама Гипатия, хотя в ее случае это была лишь приблизительная реконструкция того, что некогда было живой плотью.

Конечно, мысль пугающая, но не лишенная привлекательности. Я не слишком много удовольствия получала от жизни, но определенно не

хотела умирать. А если сделать то, что предлагает Гипатия, умереть мне никогда не придется.

Но пока я еще не готова к такому шагу. Есть пара вещей, доступных человеку во плоти и недоступных виртуальной личности, — и я не готова отказаться от плоти, пока не прошла через все то, для чего предназначена женская плоть. Но для этого необходим мужчина… а я вовсе не уверена, что Билл Тарч именно тот, кто мне нужен.

Когда я явилась на обед в «Фениксе», все заговорщицки переглядывались и, казалось, чего-то ждали.

— Установлено примерно двадцать процентов амальгамы, — возбужденно сообщила мне Терпл. — Хотите взглянуть? — И, не дожидаясь ответа, приказала: — Ганс. Покажи планету.

Свет приглушили, и перед нами показался плывущий бело-голубой шар размером с мою голову. Он находился словно в десяти метрах от нас. Половина его была темной, половина освещена солнцем, причем солнца не было видно и располагалось оно справа от меня. Из-за планеты как раз показывался полумесяц спутника. Спутник выглядел меньше Луны, и если на нем и были кратеры и моря, то я их не видела. На самой планете, на ее освещенной стороне, можно было

различить океан и континент приблизительно квадратной формы. Терпл совсем погасила свет в помещении, и тут я увидела, что на темной стороне, должно быть, есть еще суша, потому что по всей ночной области вспыхнули огоньки — искусственные огни, огни городов.

— Видите, Клара? — воскликнула Терпл. — Города! Цивилизация!

IV

Их корабельный мозг оказался действительно хорошим поваром. Обед состоял из фритто мисто, приличного ризотто и на десерт — мороженого с инжиром. А может, мне просто так показалось, потому что напряжение спало и все расслабились: в конце концов выяснилось, что нам есть на что посмотреть.

Однако вина за обедом не подавали.

— До окончания работ у нас сухой закон, — наполовину виновато, наполовину вызывающе объяснила Терпл. — Но, думаю, Ганс сможет что-нибудь для вас…

Я покачала головой, гадая, сказала ли Гипатия Гансу, что я люблю за обедом немного выпить. Вероятно, сказала. Корабельные разумы склонны посплетничать, и очевидно, что экипаж многое

знает обо мне. Беседа проходила живо и касалась самых разных тем, но ни разу никто не заговорил о черных дырах.

В целом обед получился приятным. Впечатление лишь время от времени портили извинения того или иного члена экипажа. Они то и дело выходили, чтобы еще раз проверить, как дела у роботов-пауков, — те продолжали укладывать амальгаму на пятисоткилометровую совершенную параболу зеркала. Членам экипажа из плоти и крови можно было и не беспокоиться. Ганс никогда не теряет бдительности — следит за укладкой, как и за всем прочим, но, очевидно, Терпл установила на корабле строгую дисциплину. Часто шутки, проскальзывавшие в разговоре, были понятны только членам экипажа, но и это не стало проблемой — Гипатия тут же объясняла их мне на ухо. Когда кто-то упомянул тоску по дому и Олег Кекускян шутливо — сознательно шутливо — сказал, что кое-кто здесь совсем не скучает по дому, он целил в Хамфри Мейсона-Мэнли.

— Он спит с Терпл, Клара, а Кекускян ревнует.

Джулия — на самом деле Хулия — Ибаррури, полная пожилая перуанка индейского происхождения, бывшая школьная учительница, расска-

зывала Звездному Разуму, как ей хочется перед смертью посетить Ядро, и пришла в негодование, узнав, что я никогда не была в Мачу-Пикчу.

— Вы летали по всей галактике? И не видели одно из величайших чудес вашей родной планеты?

За обедом подавленным казался только Марк Рорбек. Между инжиром и кофе он вышел и отсутствовал почти полчаса.

— Звонит домой, — сказал всезнающий Мейсон-Мэнли.

Гипатия, лучший шпион и слухач во всей галактике, пояснила:

— Пытается отговорить жену от развода. Она не поддается.

Когда кофе был уже почти выпит, Терпл что-то прошептала, ни к кому не обращаясь. Очевидно, Ганс ее услышал, и в то же мгновение дальний конец помещения потемнел. Появилась планета, заметно более крупная, чем в прошлый раз. Терпл снова что-то прошептала, и изображение еще увеличилось, заполнив комнату; у меня появилось головокружительное ощущение, будто я падаю на планету.

— Теперь разрешение от двух до трех километров, — гордо провозгласила Терпл.

Впрочем, ничего, кроме гор, береговой линии

и облаков, мы не увидели; планета по-прежнему была наполовину темной, наполовину освещенной солнцем. (Да и как иначе? Планета под нами вращается, но за те несколько дней, что мы сможем ее наблюдать, ее положение относительно солнца не изменится.) Присмотревшись, я заметила нечто странное на поверхности планеты в самом низу изображения. И показала:

— Это ведь океан, вон там, внизу, слева? Я имею в виду темную сторону. Не вижу там никаких огней.

— Нет, это тоже суша. Вероятно, слишком холодная часть, чтобы быть обитаемой. Понимаете, мы смотрим на планету не под прямым углом. Мы находимся примерно на двадцать градусов южнее экватора, поэтому видим преимущественно Южное полушарие, а на севере не дальше, скажем, Шотландии или Южной Аляски, если бы это была Земля. Вы видели глобус, который приготовил для нас Ганс? Нет? Ганс, покажи.

Посреди помещения мгновенно появился медленно вращающийся шар. Он был очень похож на тот глобус, что мой дедушка держал в своей комнате: сетка параллелей и меридианов, вот только очертания материков совершенно иные.

— Воссоздано на основе давних наблюдений

хичи, предоставленных нам Звездным Разумом, — сообщил мне голос Ганса. — Однако мы дали континентам свои названия. Видите материк, состоящий из двух округлых масс, соединенных перешейком? Доктор Терпл назвала его Гантелью. Материк делится на Восточную Гантель и Западную Гантель. А это Сковорода — тоже круглая масса с длинным тонким полуостровом, уходящим на юго-запад. Тот материк, что сейчас появляется, называется Каштан, потому что…

— Я вижу почему, — сказала я. Ганс достаточно хорошо запрограммирован, чтобы понять по моему тону, что я нахожу этот урок географии скучным и утомительным. Но Терпл не настолько совершенна.

— Продолжай, Ганс, — резко сказала она, когда он замолчал. И он продолжил.

Из вежливости я слушала, как он называет каждую точку на карте, но когда он смолк, иссякло и мое терпение.

— Было очень приятно, — сказала я, отстегиваясь. — Спасибо за обед, Джун, но, думаю, сейчас вам лучше вернуться к работе. К тому же в следующие пять дней мы еще увидим много нового.

Неожиданно лица всех присутствующих словно застыли, а Терпл кашлянула.

— Ну, не совсем пять, — неловко сказала она. — Не знаю, сообщил ли вам кто-нибудь, но мы улетим до взрыва звезды.

Я застыла, одной рукой засовывая салфетку в кольцо, другой цепляясь за скобу в стене.

— В ваших проспектах ничего не говорилось о таком раннем отлете. Почему мне не сказали?

Она упрямо ответила:

— Когда звезда начнет коллапсировать, я уберусь отсюда. Это слишком опасно.

Мне не нравится, когда работающие на меня люди преподносят сюрпризы. Я взглянула на нее.

— Как это может быть опасно, если мы в шести тысячах световых лет?

Она упрямо продолжала:

— Не забывайте, я отвечаю за безопасность оборудования и экипажа. Вряд ли вы представляете себе, что такое сверхновая, Клара. Она огромна. В 1054 году китайские астрономы почти весь июль могли видеть ее днем, а у них не было нашего оборудования, чтобы сделать ее ярче.

— Что ж, наденем темные очки.

Она твердо сказала:

— Мы улетим. Я говорю не только о видимом свете. Даже сейчас, через шесть тысяч лет осты-

вания после взрыва, тут полный энергетический спектр радиации — от микроволн до рентгеновских лучей. И мы не хотим оказаться в фокусе излучения, когда звезда взорвется.

Я чистила зубы, когда позади заговорила Гипатия:

— Ты знаешь, в словах Терпл есть смысл. Когда звезда превратится в сверхновую, в фокусе все поджарится.

Я ничего не ответила, и она испробовала новую уловку:

— Марк Рорбек — привлекательный мужчина, верно? Сейчас его угнетает развод, но, думаю, ты ему нравишься.

Я увидела ее в зеркале. Вполне видимая, она с легкой улыбкой прислонилась к дверному косяку.

— Он вдвое моложе меня, — заметила я.

— О нет, Клара, — поправила она. — На самом деле он моложе втрое. Но какая разница? Ганс показал мне его досье. Генетически он чист — настолько, насколько это возможно для органического существа. Хочешь взглянуть сама?

— Нет. — Я закончила дела в ванной и повернулась, собираясь выйти. Гипатия грациозно уступила мне дорогу, как будто я не могла пройти

сквозь нее.

— Что ж, — сказала она, — хочешь что-нибудь съесть? Выпить перед сном?

— Я просто хочу спать. И немедленно.

Она вздохнула.

— Какая трата времени. Рано или поздно тебе все равно придется отказаться от плоти. Так зачем ждать? В машинном виде ты сможешь делать все то же, что сейчас, только лучше, и к тому же…

— Хватит, — приказала я. — Я собираюсь лечь и увидеть во сне любовника. Уходи.

Изображение исчезло, и ее «В таком случае спокойной ночи!» донеслось из воздуха. На самом деле, когда я приказываю уйти, Гипатия никуда не уходит, но притворяется. И никогда не показывает, что знает, чем я занимаюсь одна в своей каюте, хотя, конечно, ей все известно.

Не совсем верно, что я собиралась увидеть во сне Билла Тарча. Может, я и вспоминала о нем, но только тогда, когда, лежа в своей огромной круглой кровати, машинально протягивала руку, чтобы коснуться того, кто рядом, а там никого не оказывалось. Мне нравится, засыпая, прижиматься к теплому мужскому телу. Но если этого нет, то никто не храпит у меня над ухом, не поворачивается и не разговаривает со мной, когда

я просыпаюсь и хочу только спокойно выпить чашку кофе и съесть грейпфрут.

Это были очень утешительные мысли, но, коснувшись головой подушки, я поняла, что не могу уснуть.

Бессонница — еще одна из тех особенностей плоти, которые вызывают у Гипатии такое отвращение. Мне не обязательно страдать от нее. В шкафчике в моей ванной Гипатия держит все, что, по ее мнению, может мне понадобиться среди ночи, в том числе с полдюжины видов снотворного, но у меня появилась лучшая мысль. Я на ощупь открыла крышку приборной панели на столике у кровати — этой панелью я пользуюсь, если не хочу, чтобы Гипатия что-то делала для меня, — и вызвала обзор того, что хотела увидеть.

Я посетила свой остров.

Он называется Раивеа — ра-и-ве́-а, с ударением на третьем слоге, как произносят полинезийцы, — и это единственное место во вселенной, по которому я скучаю в отлучках. Остров не очень велик, всего несколько тысяч гектаров суши, но на нем растут пальмы и хлебные деревья и есть красивая лагуна, слишком мелкая, чтобы из глубин за рифами туда могли заплывать акулы. А теперь, поскольку я за это заплатила, на

острове много красивых маленьких бунгало с красивой тростниковой крышей (хотя крыша — это имитация тростника), а также с канализацией, кондиционерами и всем остальным, что делает жизнь приятной. И еще там есть детские площадки и игровые поля, где можно играть в баскетбол, футбол и вообще во все, что может понадобиться детям, чтобы сбросить излишки звериной энергии. Внутри рифа размещена моя собственная пищевая фабрика, которая непрерывно производит самую разнообразную пищу — все, чего только может пожелать человек. И все это мое. Каждый квадратный сантиметр. Я заплатила за остров и населила его сиротами и одинокими женщинами с детьми со всего мира. И когда я бываю там, я бабушка Клара для примерно ста пятидесяти детей — от новорожденных до подростков, а когда я не там, у меня выработалась привычка ежедневно связываться с островной компьютерной системой, чтобы убедиться, что школы работают, а медицинская служба никому не дает болеть, потому что — ну ладно, черт побери! — потому что я люблю этих детей. Каждого из них. И готова поклясться, что они тоже любят меня.

Гипатия говорит, это для меня замена собствен-

ного ребенка.

Может, так и есть. Тем не менее в клинике на Раивеа хранятся замороженными несколько моих яйцеклеток. Они там уже много лет, но врачи говорят, что они жизнеспособны на сто процентов. Яйцеклетки там на случай, если я все-таки решусь на ту гадость, которую делают другие люди из плоти, и соберусь родить собственного, генетически родного ребенка.

Но пока я не встретила мужчину, которого хотела бы сделать отцом этого ребенка. Билл Тарч? Что ж, возможно. У меня была такая мысль, но я еще не вполне уверена.

«Дело в том, — подумала я, — что когда-то я встретила такого мужчину. И у нас даже могло что-то получиться, но я на несколько десятилетий застряла в этой проклятой черной дыре, а к тому времени, как меня спасли, старина Роб Броудхед связался с другой женщиной».

Нехорошо, верно?

Но какой толк расстраиваться из-за того, что нельзя поправить?

Когда на следующее утро я встала, Гипатия показала мне новые изображения планеты крабберов. Теперь изображение стало слишком велико, чтобы поместиться в моей гостиной, но

я сузила его до одного определенного участка береговой линии. В центре изображения оказалось какое-то размытое пятно, которое могло быть создано людьми — я хотела сказать, разумными существами.

— Теперь разрешение полкилометра, — сообщила Гипатия. — Почти несомненно, это небольшой город.

Я осмотрела его. Да, пожалуй, город, но очень маленький.

— Больше ничего?

— Боюсь, что нет, Клара. Ганс говорит, что планета удивительно мало населена, хотя неясно почему. Ты пойдешь на «Феникс»?

Я отрицательно покачала головой.

— Пусть работают спокойно. Да и мне нужно поработать. Что для меня есть?

Гипатия подготовила много предложений по различным проектам, в которые я могла вложить деньги. В основном по коммерческим, вроде шахт гелия-3 на Луне, цепи пищевых фабрик на побережье Бенгальского залива, проекта оживления Сахары и еще нескольких десятков подобных. Они меня не особенно интересуют, но именно среди них попадаются такие, которые — сколько бы я ни тратила — делают меня все богаче и

богаче.

Между тем Гипатия откашлялась, как делает, когда хочет о чем-то поговорить со мной. Я догадалась, что она хочет поговорить о моем острове, поэтому решила подыграть.

— Кстати, — сказала я, — вчера вечером, когда я легла в постель, я связалась с Раивеа.

— Правда? — спросила она, как будто сама этого не знала. — И как там дела?

Я рассказала ей, что несколько детей уже готовы покинуть остров и что есть восемнадцать детей, отобранных многочисленными агентствами, с которыми я веду дела; детей могут привезти на остров, когда я окажусь поблизости. Как обычно, Гипатия одобрительно закудахтала. Впрочем, смотрела она с легкой насмешкой. Я приняла вызов.

— Как видишь, есть кое-что такое, что мы, животные, можем сделать, а ты не можешь, — сказала я. — Мы можем иметь детей.

— Или, как в твоем случае, не иметь. Во всяком случае, пока, — сговорчиво ответила она. — Но я хотела поговорить не об этом.

— Да?

— Просто хотела сообщить, что корабль мистера Тарча причалит примерно через час. И он

прилетит не один.

Иногда Гипатия бывает так похожа на человека, что я задумываюсь, не сменить ли ей программу. Ее тон предупредил, что она недоговаривает. Я осторожно сказала:

— Неудивительно. Иногда ему приходится брать с собой свою команду.

— Конечно, Клара, — жизнерадостно согласилась она. — Но на этот раз с ним только одна ассистентка. И очень хорошенькая.

* * *

Ассистентка действительно оказалась очень хорошенькой и выглядела лет на шестнадцать. Нет, не так. Выглядела она гораздо лучше шестнадцатилетней. Не думаю, чтобы у меня была такая кожа, даже когда я только родилась. Она не пользовалась косметикой и не нуждалась в ней. В бесшовном облегающем комбинезоне, который не позволял усомниться в том, что находится под ним. Звали ее Дениз. Когда я пришла — а я не торопилась: не хотелось показывать Биллу, что мне не терпится его увидеть, — все трое мужчин с «Феникса» крутились около нее, как стервятники.

Билл, казалось, ничего не замечал. Он уже подготовил завлекательное начало, а Дениз уста-

навливала старомодные камеры. Когда камеры показали панораму всего помещения и остановились на лице Билла — которому он придал свое самое дружелюбное и умное выражение, — он начал свое обращение к массам зрителей.

— С вами снова Вильгельм Тарч. Я нахожусь там, где экипаж «Феникса» готовится вернуть к жизни погибшую разумную расу, и мне помогает, — тут Дениз повернула одну камеру и направила ее на меня, — моя прекрасная невеста Джель-Клара Мойнлин.

Я бросила на него пристальный взгляд: кем бы я ни была для Вильгельма Тарча, я определенно не собиралась выходить за него замуж. Он хитро подмигнул мне и продолжил:

— Как вы все помните, до того как хичи спрятались в Ядре, они осмотрели большую часть галактики в поисках разумных существ. Но никого не нашли. Посетив Землю, они обнаружили на ней австралопитеков, которые были еще очень далеки от современных людей. У них даже еще не было речи. А здесь, на этой планете, — камера показала планету крабберов, какой та была до вспышки сверхновой, — они нашли другую первобытную расу, которая, по их мнению, когда-нибудь могла стать разумной и цивилизованной.

Что ж, возможно, эти крабберы, как называют их люди с «Феникса», оправдали ожидания. Но хичи этого не увидели. И мы тоже, потому что этим беднягам не повезло.

В их планетной системе было две звезды: красный карлик и яркий гигант типа А. В течение тысячелетий, пока эта погибшая раса цивилизовалась, большая звезда теряла массу, а маленькая эту массу втягивала. Затем маленькая звезда внезапно достигла критической массы. И взорвалась. И все крабберы вместе со своей планетой и всем тем, что создали, погибли во вспышке сверхновой.

Он замолчал и посмотрел на Дениз. Та сказала:

— Снято!

Тогда он оттолкнулся от стены, протянул ко мне руки и поплыл с широкой улыбкой на лице; когда мы встретились, он зарылся лицом мне в шею, шепча всякие глупости:

— О, Кларетта, мы слишком долго были вдали друг от друга!

Билл Тарч умеет обниматься. Приятно было ощущать его руки на своем теле, приятно чувствовать, как его большое мужское тело прижимается ко мне… Я взглянула на Дениз. Та смотрела на нас с дружелюбной и совсем не ревнивой улыбкой.

Возможно, подумала я, эта часть не представляет проблемы. И решила не тревожиться из-за девочки. Гибель планеты крабберов все ближе, а ведь, в конце концов, мы здесь из-за этого.

Чего на планете крабберов было в изобилии, так это воды. Планета поворачивалась; массивный континент постепенно исчез за горизонтом, и мы увидели почти сплошной океан.

Билл Тарч был недоволен.

— И это все, что мы увидим? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Мне казалось, там будет хоть какой-то город.

Ответила Терпл:

— Небольшой город — вероятно. Во всяком случае, так казалось, пока планета не повернулась и это не исчезло из вида. Если хотите, могу показать. Ганс. Вернись назад и покажи то изображение, где объект был виден.

Возможный город, когда я увидела его вторично, не произвел большего впечатления, чем в первый раз. На Билла тоже. Он раздраженно цокнул языком:

— Эй, корабельный мозг! Можешь для меня увеличить изображение?

— Оно уже увеличено, мистер Тарч, — вежливо ответил Ганс. — Однако сейчас у нас лучшее

разрешение, к тому же я смотрю на него в инфракрасных лучах. Видно чуть больше подробностей… — перед нами появился берег континента, четко очерченный — из-за большой разницы в температуре суши и воды, — но, как видите, есть более теплые точки, которые я еще не идентифицировал.

Действительно. Большие и очень яркие. Особенный оптимизм внушало то, что некоторые из этих ярких пятен имели геометрическую форму — треугольную и прямоугольную. Но что это такое?

— Рождественские украшения? — спросил Билл. — Понимаете, я имею в виду не настоящее Рождество, просто дома, освещенные из-за какого-то праздника?

— Я так не думаю, мистер Тарч, — рассудительно ответил Ганс. — Света как такового немного. То, что вы видите, в основном волны тепла.

— Согреваются зимой?

— Не знаю, есть ли у них зима, мистер Тарч, но, вероятно, дело не в этом. Температура этих участков примерно триста градусов по Цельсию. Это почти температура лесного пожара.

Билл выглядел озадаченным.

— Выжиг леса для сельского хозяйства? Или

какая-то промышленность?

— Пока не видно, мистер Тарч. Если бы что-то подобное было, в видимом свете можно было бы различить гораздо больше; но ничего подобного нет. Придется ждать дополнительных данных. А тем временем есть кое-что такое, что, вероятно, вам будет любопытно увидеть. — Поверхность планеты под нами стремительно двинулась — огромные скопления туч, несколько островов, снова тучи — и остановилась. Под нами был участок океана. В центре участка — сероватое пятно; казалось, оно то появляется, то исчезает на границе видимости.

— Облако? — предположил Билл.

— Нет, мистер Тарч. Я считаю, что это группа каких-то объектов в движении, вектор направления их движения примерно семьдесят один градус, или, как мы бы сказали, северо-восток. Они должны быть очень большими, иначе мы бы вообще ничего не увидели. Возможно, корабли, хотя скорость их движения слишком велика. Если они по-прежнему будут видны, когда зеркало будет ближе к завершению, мы получим достаточное разрешение, чтобы рассмотреть их.

— И когда же?

Ганс сделал притворную трехсекундную паузу

— будто размышлял, — прежде чем ответить.

— Тут возникает небольшая новая проблема, мистер Тарч, — виновато объяснил он. — Некоторые из уже установленных участков зеркала подверглись термальному удару и вышли из строя. Для их замены придется направить к зеркалу дополнительные установочные машины, так что пройдет некоторое время, прежде чем мы сможем закончить работу. По моей оценке, всего несколько часов.

Билл посмотрел на меня, я — на него.

— Черт побери, — сказал он. — Какие еще нас ждут сюрпризы?

* * *

Сюрприз, как выяснилось, нам преподнесла Джун Терпл. Так, во всяком случае, сказала она сама. Она возглавляет операцию, поэтому отвечает за все, что происходит. Не следовало позволять Ибаррури заменить Ганса. А Хулия Ибаррури каялась со слезами на глазах.

— Звездный Разум рассказала мне, что хичи обнаружили в системе крабберов другие планеты; я хотела проверить, нет ли и на них следов жизни, и, боюсь, увлеклась и позволила фокусу системы слишком приблизиться к звезде.

Могло быть и хуже. Я попросила их не беспокоиться и пригласила всех трех, включая Звездный Разум, ко мне на корабль выпить чего-нибудь. У моего мнимого жениха поднялись брови: он определенно надеялся, что первым, кого я приглашу к себе, будет он. Однако он отнесся к этому философски.

— Увидимся позже, — сказал он мне и повел Дениз брать интервью у других членов экипажа.

Гипатия уже приготовила на одном столе все для чая, на другой поставила неразбавленное шерри, но, прежде чем приступить к чаепитию, я провела женщин по кораблю. Внезапное возвращение к нормальному тяготению далось им нелегко, но они восхищенно осмотрели гостевую спальню, восклицали при виде кухни — я ею никогда не пользуюсь, но там все готово на случай, если вдруг мне захочется что-нибудь приготовить самой, — а моя ванная совершенно их поразила. Джакузи, биде, ониксовая ванна, стены в зеркалах — Билл Тарч всегда говорил, что так выглядит мечта шлюхи о рае, и он не первый пришел к такому выводу. Не думаю, чтобы женщины видели когда-нибудь что-то подобное. Я позволила им все осмотреть. Даже заглянуть в шкафчики и испробовать духи, кремы и мази.

— О, мускусное масло! — воскликнула Терпл. — Но оно настоящее! Такое дорогое!

— Я им больше не пользуюсь. Возьмите, если хотите, — сказала я и — грандиозный финал — распахнула дверь спальни.

Когда мы наконец добрались до чая и застольной беседы, первыми же словами Ибаррури были:

— Мистер Тарч кажется очень привлекательным мужчиной.

Она не объяснила ход своей мысли, но было очевидно, что перед глазами у нее моя огромная кровать. Мы немного поболтали о Тарче, о его великолепной телекарьере и о том, как Терпл росла, слушая ежедневные новости о старателях Врат, а Ибаррури мечтала о подобной возможности…

— Астрономия на Земле почти прекратила свое существование, — сказала она мне. — Теперь, когда у нас есть данные хичи, нет смысла тратить время на телескопы и зонды.

— Так что же делает астроном, когда не стало астрономии? — спросила я, желая проявить вежливость.

Она печально ответила:

— Я преподавала астрономию в небольшом колледже в Мэриленде. Учила студентов, кото-

рым астрономия никогда не пригодится. Если кто-то действительно захочет что-нибудь увидеть, достаточно сесть в корабль и посмотреть непосредственно.

— Что я и сделала, мисс Мойнлин, — сказала Звездный Разум, улыбаясь, как это делают хичи.

Именно этого я и ждала. Если и есть место во вселенной, которое мне хочется увидеть, так это ее дом в Ядре.

— Вы, должно быть, скучаете по Ядру, — сказала я ей. — Все эти близкие звезды такие яркие. Здесь все должно казаться вам скучным.

— О нет, — вежливо ответила она, — здесь тоже очень красиво. На самом деле скучаю я по детям.

Мне никогда и в голову не приходило, что у нее есть дети, но, разумеется, у нее было двое малышей, когда она улетала. Решение было трудным, но она не могла отказаться от увлекательного приключения. Скучает? Конечно скучает! Скучают ли они? Она удивилась.

— Нет, мисс Мойнлин, они по мне не скучают. Они ночью спят. А я вернусь задолго до того, как они проснутся. Растяжение времени, понимаете? Я ведь пробуду здесь год-два, не больше.

Ибаррури нервно сказала:

— Отчасти именно это удерживает меня от

посещения Ядра, Звездный Разум. Понимаете, я уже не молода и знаю, что, если пробуду там несколько дней, почти все, кого я знаю, умрут к моему возвращению. Нет, не почти все, — поправилась она. — Каково соотношение? Сорок тысяч к одному? Так что неделя в Ядре — это почти тысяча лет дома. — Она повернулась к женщине-хичи. — Но, если мы не можем отправиться туда сами, вы можете нас просветить, Звездный Разум. Не расскажете ли доктору Мойнлин, каково это — жить в ядре?

Я тоже хотела послушать. Я и раньше слышала об этом достаточно часто, но готова была слушать, пока Звездный Разум согласна рассказывать. А она говорила долго и охотно, потому что явно скучала по дому.

Какое значение может иметь, если я проведу неделю в Ядре? Или даже месяц или год? Конечно, я буду скучать по детям на острове, но о них позаботятся; позаботятся и обо всем остальном, что важно для меня. А во всей вселенной нет ни одного человека, который был бы для меня так важен, чтобы я через день по нему тосковала.

Я не удивилась, когда из воздуха послышался голос Гипатии.

— Мисс Мойнлин, — обратилась она ко мне

— формально, из-за присутствия посторонних, — вас вызывают.

И на экране появилось лицо Билла Тарча.

По фону я поняла, что он на своем корабле. Выглядел он свежо, оживленно и улыбался.

— Можно подняться на борт, милая? — спросил он.

Это вызвало немедленную реакцию среди моих гостей.

— О, — сказала Ибаррури, совладав с собой. — Пора вернуться к работе, верно, Джун? — Голос ее звучал лукаво. Терпл просто встала, Звездный Разум последовала ее примеру.

— Вам не обязательно уходить, — сказала я.

— Придется, — ответила Терпл. — Хулия права. Спасибо за чай и… хм… все остальное.

И они ушли, оставив меня наедине с любовником.

VI

— Весь прошедший час он прихорашивался, — сообщила мне на ухо Гипатия. — Принял душ, побрился, переоделся. И надушился мускусным одеколоном, который, как ему кажется, тебе нравится.

— Он мне действительно нравится, — ответила

я. — На нем. Я хочу тебя видеть, когда разговариваю с тобой.

Она послушно появилась — сидела на диване, откуда только что встала Ибаррури.

— Он выглядит так, словно готов лечь в постель, — заметила она. — Опять.

Я не стала выяснять, что значит это «опять». Это слово могло означать очень многое. Одна из досадных особенностей Гипатии, которые заставляют меня подумывать о перепрограммировании. Когда я выбрала для своего корабельного мозга личность Гипатии Александрийской, это казалось хорошей мыслью, но Гипатия восприняла ее слишком серьезно. Так бывает, если позволить себе чересчур мощный корабельный разум: он начинает играть самостоятельную роль. Прежде всего она заглянула в исторические архивы и создала себе облик, как можно более близкий к оригиналу — насколько я в состоянии вытерпеть, по ее мнению, — включая такие подробности, как то, что настоящая Гипатия очень привлекала мужчин.

— Хочешь, чтобы я ушла? — вежливо спросила она.

— Нет, — ответила я. — Оставайся.

— Умничка. Если спросишь мое мнение, сексу-

альные контакты слишком переоценивают.

— Это потому, что у тебя их никогда не было, — сказала я ей. — Я имею в виду не только тебя, но и ту полумифическую женщину, по которой я тебя смоделировала: она умерла девственницей и, говорят, показывала свою запачканную менструальной кровью одежду, чтобы отпугнуть ухажеров.

— Злобная выдумка, — невозмутимо сказала она. — Распространялась христианскими монахами из монастыря Святого Кирилла, после того как они забили ее насмерть. Ну, вот он идет.

Я готова была биться об заклад, что первые слова из уст Билла Тарча будут «Наконец мы одни», вместе с широкой улыбкой и броском ко мне. И я почти выиграла. Он ничего не сказал, но развел руки и с улыбкой устремился ко мне.

И тут увидел сидящую на диване Гипатию.

— О! — сказал он, пытаясь остановиться: на его корабле явно не было искусственного тяготения. — Я думал, мы одни.

— Не сейчас, милый, — ответила я. — Но я рада тебя видеть.

— Я тоже. — Он на мгновение задумался, и я видела, как он мысленно переключает скорость: отлично, леди в данный момент не хочет то-

го, чего хочу я; чем же нам заняться? Это одна из черт Билла Тарча, одновременно хороших и плохих. Он делает то, чего я хочу, без всякой чепухи насчет обнять-ее-и-унести-на-руках. С одной стороны, это означает, что он мил и чуток. Но с другой — если посмотреть на это с точки зрения Гипатии, — он бесхребетный негодяй, цепляющийся за женщину, которая приносит ему выгоду.

Пока я думала, с какой стороны на это посмотреть, Билл щелкнул пальцами.

— Знаю, — сказал он, и лицо его прояснилось. — Мне давно хочется взять у тебя настоящее интервью. Согласна? Гипатия, ты ведь сможешь записать?

Гипатия не ответила, только сердито взглянула на меня.

— Делай, что он говорит, — приказала я. Но Билл уже передумал.

— А может, и нет, — сказал он, легко примиряясь с мыслью, что Гипатия не исполняет его приказы. — Она все равно что-нибудь испортит, так что позову-ка я Дениз.

Дениз потребовалась всего минута, чтобы появиться вместе со своими камерами и всем прочим. Я постаралась держаться приветливо и

дружелюбно.

— Можете закрепить их где угодно, — сказала я: при нормальном тяготении в моем корабле камеры никуда не уплывут. — К спинкам стульев? Конечно. Если немного помнут обшивку, Гипатия все поправит.

Я не смотрела на Гипатию, только знаком велела ей исчезнуть. Она сделала это без возражений.

Билл разместился рядом со мной и взял меня за руку. Я не стала ее отнимать. Дениз потребовалось какое-то время, чтобы разместить все камеры; Билл терпеливо смотрел, как она это делает, и не предлагал помочь. Когда она объявила, что все готово, интервью началось.

Это было типичное интервью Вильгельма Тарча, то есть говорил почти исключительно он сам. В одном долгом монологе без перерывов он, глядя в камеры, пересказал всю историю; мне нужно было только время от времени улыбаться. Затем он перешел к «Фениксу».

— Мы здесь для того, чтобы увидеть результаты гигантского взрыва, который произошел тысячу лет назад… В чем дело, Клара?

Он смотрел мне в лицо, и я знала, что он видит.

— Убери камеры, Билл. Факты нужно указывать точно. Все произошло не тысячу лет назад, а гораздо раньше.

Он терпеливо покачал головой.

— Для аудитории это достаточная точность, — объяснил он. — Я ведь здесь не астрономию преподаю. Звезда взорвалась в 1054 году, верно?

— Нет, в 1054 году китайские астрономы увидели, как она взорвалась. В том году свет сверхновой добрался до нас, но для этого ему потребовалось около пяти тысяч лет. Разве ты не готовился к передаче?

— Это придется опустить, милая, — сказал он, улыбаясь мне своей самой очаровательной виноватой улыбкой. — Ну хорошо, Дениз. Начнем с последнего эпизода. В промежуток вставим несколько снимков сверхновой. Готова? Начинаем. Страшный взрыв произошел несколько тысяч лет назад, он уничтожил цивилизацию, которая в некоторых отношениях могла бы сравняться с нашей. Каковы они были, эти жители планеты, которых исследователи называют крабберами? Никто не знает. Но теперь, благодаря щедрости Джель-Клары Мойнлин, которая сейчас со мной, мы, по крайней мере, сможем сами увидеть, чего достигли эти трагически обреченные люди до

того, как их звезда внезапно взорвалась и уничтожила их… послушай, Клара. Что на этот раз?

— Мы не знаем, получили ли они предупреждение. Это одно из тех обстоятельств, которые мы должны выяснить.

Дениз кашлянула. Потом почтительно сказала:

— Билл, может, позволишь мне подобрать побольше материалов, прежде чем заканчивать это интервью?

Мой любовник скорчил капризную гримасу.

— Ну хорошо. Вреда от этого не будет.

Я услышала легкое покашливание: невидимая Гипатия что-то хотела мне сообщить. Поэтому я сказала в пространство:

— Да?

Она сразу заговорила:

— Мозг «Феникса» сообщил мне, что работы над сетью продолжаются и теперь разрешение значительно улучшилось. Есть новые изображения, которые ты, наверно, захочешь увидеть. Показать?

Билл выглядел довольно мирно. Он посмотрел на меня.

— О чем ты думаешь, Клара?

Неуместный вопрос. Я совсем не хотела, чтобы он знал, о чем я думаю.

Кстати, я вообще ни о чем не хотела думать. Ну, хорошо, на пути к «Фениксу» Билл и эта маленькая конфетка Дениз к передаче не готовились. А чем они занимались все это время?

Я сказала:

— Нет, пожалуй, лучше посмотрю на «Фениксе». Вы двое идите. Я буду через минуту. — И как только они исчезли, я повернулась: Гипатия сидела в кресле Дениз, очень довольная.

— Могу я тебе чем-нибудь помочь, Клара? — заботливо спросила она.

Конечно, но я еще не готова была просить ее об этом. И спросила о другом:

— Можешь показать мне корабль Билла внутри?

— Конечно, Клара.

Показалась внутренность корабля, и Гипатия провела меня по нему.

Смотреть особенно было нечего. Телесеть не очень тратилась на удобства Билла. Корабль был старый, и даже двигатель хичи стоял на виду; когда я разрабатывала план собственного корабля, то постаралась, чтобы все лишнее — например, отопительная система в квартирах — было скрыто. Важно то, что были две отдельные спальные каюты, одна явно Дениз, другая определенно

Билла. Обе постели не заправлены. Очевидно, ни арендованный корабельный мозг, ни Дениз не склонны были заниматься домашним хозяйством. И никаких указаний на то, что они бывали в спальнях друг друга.

Я сдалась:

— Ты, должно быть, умираешь от желания что-то сказать мне с тех пор, как они здесь появились, — сказала я Гипатии. — Давай, выкладывай.

Она удивленно посмотрела на меня:

— Что выкладывать, Клара?

Я рявкнула:

— Говори! Они это делали?

У нее на лице появилось отвращение.

— О да, милая, вне всяких сомнений. На всем пути сюда. Как собаки во время течки.

Я посмотрела на стаканы, чашки, на сиденья, которые только что были заняты.

— Я отправляюсь на корабль. Прибери здесь, пока меня не будет, — приказала я и взглянула на себя в зеркало.

Что ж, ничего особенного, верно? Что мне до того, что Билл спит с Дениз или со многими Дениз, когда меня не бывает рядом? Я ведь не собиралась замуж за этого парня.

VII

Когда я вернулась на корабль корпорации «Феникс», никого из членов экипажа в шлюзе не было, но я слышала их голоса. Все они собрались в столовой, смеялись и возбужденно разговаривали. Войдя, я увидела, что в помещении темно. Все смотрели на изображения, которые одно за другим показывал Ганс. Никто не заметил моего появления.

Я незаметно пристегнулась и осмотрелась. Увидела и Билла, и приемник его спермы. Они прикрепились в разных местах, Дениз болтала с Мейсоном-Мэнли, Билл что-то говорил в диктофон. Мейсон-Мэнли возбужденно хватал Дениз за плечи — очевидно, под влиянием момента, — но ей это явно нравилось. Если Билл и заметил это, то, по-видимому, не обратил внимания. Но Билл вообще не ревнив.

До последнего времени мне казалось, что я тоже.

Что ж, дело не в ревности. А в… ну, в хороших манерах. Если Биллу хочется время от времени укладывать в постель шлюшку, это его дело, но ему не стоило тащить ее с Земли и совать мне в лицо.

Примерно в метре от меня на картины смотрел Марк Рорбек. Выглядел он не таким мрачным, как обычно. Увидев наконец меня, он помахал рукой и воскликнул:

— Посмотрите, мисс Мойнлин! Дирижабли!

Так что мне пришлось повернуться и посмотреть на изображение. Рорбек показывал на участок одного из океанов планеты крабберов. Большую часть поверхности закрывали облака, но в некоторых местах они расходились. И под ними виднелись восемь толстых серебристых сосисок в строю клином. Слишком одинаковых по форме и плотных, чтобы быть облаками.

— Именно эти объекты мы наблюдали раньше, мисс Мойнлин, — сообщил мне голос Ганса. — Теперь мы можем различить индивидуальные элементы. Это, несомненно, артефакты.

— Конечно, но почему вы считаете, что они в воздухе? Может, это какого-то рода корабли? — спросила я и тут же добавила: — Нет, не надо отвечать. — Я уже и сама поняла. Если бы это были корабли, они оставляли бы след на поверхности воды. Это были воздушные суда. И я задала другой вопрос: — Как вы думаете, куда они направляются?

— Минутку, — сказала Джун Терпл. — Ганс,

покажи мисс Мойнлин всю проекцию.

Участок океана исчез, его место занял шар планеты крабберов — голубые моря, серые массивы суши. Над океаном располагались восемь маленьких овалов, намного увеличенных в масштабе. От них на северо-восток уходила серебристая линия; другая линия, золотая, минуя терминатор ночи и дня, вела на юго-запад. Терпл сказала:

— Похоже, дирижабли прилетели с группы островов в конце этой золотой линии, и направляются они к континенту в форме гантели справа. К несчастью, этот континент далеко на севере и мы не можем получить хорошее изображение, но Ганс увеличил изображения островов, откуда прилетели дирижабли. Ганс?

Шар исчез. Мы смотрели на одну из зеленоватых инфракрасных картин: береговая линия, залив — и что-то горит на берегу залива. И опять очертания охваченной огнем области показались неестественно геометрическими.

— Мы полагаем, мисс Мойнлин, что это почти несомненно поселок, — сообщил Ганс. — Похоже, он пострадал от какой-то катастрофы, аналогичной той, что мы наблюдали на континенте, который сейчас скрывается из виду.

— Что за катастрофа? — спросила я.

Ганс виновато ответил:

— У нас просто еще недостаточно данных, мисс Мойнлин. Можно предположить сильный пожар. Я уверен, мы поймем, когда разрешение станет выше, — возможно, через несколько часов. Я буду вас информировать.

— Пожалуйста, — согласилась я. И неожиданно услышала собственный голос: — Думаю, я вернусь на свой корабль и немного полежу.

Билл расцвел и начал отстегиваться от стены. Я посмотрела на него и покачала головой.

— Прости, я всего лишь хочу отдохнуть, — сказала я, — последние дни были очень утомительными.

Конечно, я слукавила. Я не хотела отдыхать. Просто хотела побыть в одиночестве или хотя бы в обществе Гипатии, что, в общем, одно и то же.

Когда я вернулась к себе на корабль, Гипатия встретила меня по-матерински.

— Слишком много народу, милая? — спросила она. — Приготовить тебе выпить?

Я помотала головой, отказываясь от выпивки, но в остальном она была права.

— Забавно, — заметила я, растягиваясь на диване. — Чем больше вокруг меня людей, тем хуже я себя чувствую.

— Люди из плоти, как правило, очень скучны, — согласилась она. — А как насчет чашки чая?

Я пожала плечами и сразу услышала звуки деятельности на кухне. У Гипатии немало недостатков, но она отличная мама, когда я в этом нуждаюсь. Я снова легла на диван и уставилась в потолок.

— Знаешь что? — спросила я. — Кажется, мне пора поселиться на острове.

— Конечно, ты можешь это сделать, — дипломатично ответила она. Но потом, поскольку это все-таки Гипатия, добавила: — Давай посмотрим. Когда ты в последний раз там оказалась, ты провела на острове восемь дней, верно? Примерно шесть месяцев назад.

Она опять заставила меня обороняться. Я сказала:

— У меня были неотложные дела.

— Конечно. Затем предыдущий раз — тогда ты оставалась не так долго, всего шесть дней. И это было год назад.

— Я тебя поняла, Гипатия. Поговорим о чем-нибудь другом.

— Конечно, босс. — Она послушалась. И заговорила на любимую тему: о том, что произошло с моими многочисленными предприятиями и

вкладами за последние несколько часов. Я ее не слушала. Допив чай, встала.

— Немного расслаблюсь в ванне.

— Сейчас приготовлю, милая. Получены новые изображения с планеты крабберов. Если хочешь, я покажу их тебе, пока ты отдыхаешь.

— Почему бы и нет?

К тому времени, как я разделась, большая ониксовая ванна была уже полна и температура, как всегда, оптимальная. Я закрыла глаза и легла в ароматную мыльную воду, которая заставляет меня чувствовать себя снова здоровой и довольной. Я так поступала тысячи раз, и иногда с успехом.

Это оказался как раз один из таких случаев. Горячая ванна сделала свое дело. Я почувствовала, что уплываю в желанный спокойный сон…

И тут мне в голову пришла случайная мысль, и я утратила ощущение довольства и покоя.

Я выбралась из ванны и встала под душ, включив его на полную мощность; вначале пустила холодную воду, потом сменила ее на горячую. Потом надела халат.

Я сушила волосы, когда открылась дверь и заглянула Гипатия. Она озабоченно посмотрела на меня.

— Боюсь, мои слова о Тарче расстроили тебя,

милая, — сказала она, вся исходя сочувствием. — Но ведь тебя не очень интересует, чем он занимается, верно?

Я ответила:

— Умница, — гадая в глубине души, правда ли это.

— Хорошая девочка, — одобрительно сказала она. — А вот и несколько новых изображений планеты.

— Не сейчас, — сказала я. — Хочу тебя кое о чем спросить.

Она не шелохнулась, но изображение исчезло.

— О чем, Клара?

— Когда я дремала в ванне, мне пришло в голову, что я могу крепко уснуть, соскользнуть в воду и захлебнуться. Потом я решила, что этого не случится: ведь ты за мной наблюдаешь, верно?

— Я всегда в курсе всего, что тебя заботит, Клара.

— Но потом мне пришло в голову, что ты можешь поддаться искушению и позволить мне утонуть. Тогда ты могла бы перевести меня на машинное хранение, на что постоянно меня уговариваешь. Поэтому я вышла из ванны и встала под душ.

Я отвела назад волосы и прихватила их закол-

кой, следя за ней. Она ничего не говорила, просто стояла со своим обычным благожелательным умным выражением.

— Ты могла бы это сделать? — спросила я.

Она как будто бы удивилась.

— Ты спрашиваешь, могу ли я сознательно дать тебе утонуть? Не думаю, чтобы я могла так поступить, Клара. Я не запрограммирована действовать вопреки твоим желаниям, даже ради твоего блага. А это было бы для тебя благо, ты знаешь. Машинное хранение означало бы для тебя вечную жизнь, Клара, или, во всяком случае, нечто столь близкое к бессмертию, что не отличить. И больше никаких отвратительных мелких плотских забот, которые причиняют тебе столько огорчений.

Я повернулась к ней спиной и отправилась в спальню одеваться. Она последовала за мной, великолепно изображая ходьбу. Я хотела понять, что для нее обязательно, а что она сочтет допустимым исключением. Но не успела я открыть рот, как она заговорила.

— Клара, — сказала она, — на планете обнаружено нечто действительно интересное. Позволь показать.

Она не стала дожидаться ответа, и в глубине

спальни появилось изображение.

Мы снова видели первый небольшой воздушный флот. Теперь дирижабли были ближе к берегу, но больше не располагались правильным клином. Они были разбросаны по всему небу, а два в огромных языках пламени падали в воду. Вокруг и между ними мелькали какие-то маленькие предметы, которые я не могла разглядеть.

— Боже! — сказала я. — В них стреляют снизу!

Гипатия кивнула:

— Похоже на то, Клара. Судя по тому, как они горят, дирижабли крабберов заполнены водородом. Это указывает на сравнительно низкий уровень технологического развития, но нужно отдать им должное. Это уже не первобытные существа. Они определенно цивилизованны настолько, чтобы вести жестокую кровопролитную войну.

VIII

В этом не было никаких сомнений. Крабберы изобретательно убивали друг друга в воздушной схватке, словно появившейся из старых рассказов. Каких именно? Я думаю, времен Первой мировой войны. Мне почти не видны были самолеты, стрелявшие по дирижаблям. Но они там были, и вообще внизу разворачивался настоящий

воздушный бой.

Не знаю, что я надеялась увидеть, когда мы вернем этих давно умерших крабберов к чему-то, напоминающему жизнь. Но определенно не это. Но вот картина изменилась — Ганс усердно принялся показывать, что происходит на суше. Это оказалось не лучше. Гораздо хуже. Мы увидели гавань, заполненную кораблями, и устье большой реки, впадающей в океан; но одни корабли горели, другие как будто тонули. («Думаю, это результат действия подводных лодок, — рассудила Гипатия. — Возможно, самолеты или мины, но я бы поставила на подводные лодки».) Необычный характер городских огней больше не был загадкой. Города сожгли дотла зажигательные бомбы, остались только горячие угли. Затем мы увидели обширную равнину, всю во вспышках белого и красноватого пламени. Мы не видели, что их вызывает, но Гипатия высказала догадку:

— Как же, — заинтересованно сказала она, — мне кажется, мы смотрим на грандиозное танковое сражение.

И так далее, и тому подобное.

Какая бессмыслица! Им совсем не нужно старательно убивать друг друга. За них очень скоро это сделает их звезда. Ничего не подозревая, все

они стремительно приближались к страшной и неизбежной гибели при взрыве своего солнца.

Час назад я жалела их из-за ожидавшей их участи. Теперь я не могла бы сказать, что эта участь несправедлива.

Гипатия смотрела на меня с той материнской озабоченностью, которую иногда себе позволяет.

— Боюсь, все это расстраивает тебя, Клара, — сказала она. — Может, тебя развлечет, если мы пригласим на борт мистера Тарча? Он как раз звонит. Хочет поговорить с тобой об этих новых изображениях.

— Еще бы, — ответила я, уверенная, что на самом деле Билл хочет понять, почему я так неприветлива с ним. — Нет. Скажи ему, что я сплю и не хочу, чтобы меня тревожили. И, слушай, расскажи мне о Марке Рорбеке.

— Ага, — сказала она, и в этом междометии скрывались многие тома смысла.

Но я не собиралась в этом разбираться.

— Если хочешь что-нибудь мне сказать — говори!

— Ничего, милая, — терпеливо солгала она. — Я не осуждаю твою одержимость мужчинами.

Она подошла к самой границе. И пересекла ее.

— Знаешь, — задумчиво сказала она, — при

твоем опыте общения с людьми следовало бы быть осторожней. Ты надеешься, что худших из них ты уже встретила? Вроде этого испорченного сиротки Вэна?

На это я не стала отвечать. Даже не позволила ей закончить. Просто сказала:

— Заткнись, — и она очень разумно послушалась. Есть темы, которые я не обсуждаю. А Гипатия прекрасно знает, что Вэн, то, как он спас меня из черной дыры, и то короткое — впрочем, недостаточно короткое — время, что мы были любовниками, относятся именно к таким темам.

Она сразу начала рассказывать о Марке Рорбеке. Родители Марка умерли, когда он был совсем юным, и его вырастил дед, который зарабатывал на жизнь, рыбача в озере Верхнем.

— Старик в основном ловил миног — знаешь, какие они, Клара? Отвратительные твари. Вместо челюстей у них диски-присоски. Они прикрепляются к другим рыбам и высасывают до смерти. Не думаю, чтобы тебе захотелось их есть, но в озере больше ничего не оставалось. Дедушка Рорбека продавал их в Европу — там они считаются деликатесом. Говорят, у них вкус улиток. Но потом появились пищевые фабрики, и старик лишился своего бизнеса…

— Возвращайся к Марку Рорбеку, — приказала я. — К внуку. К тому, который здесь.

— О, прости. Молодой Марк получил стипендию в Университете Миннесоты, учился хорошо, потом продолжал учебу в МИТ, получил степень и приобрел неплохую репутацию как ученый-компьютерщик, женился, родил двоих детей, но потом жена Рорбека решила, что некий дантист нравится ей больше, и бросила мужа. Как я уже упоминала, — одобрительно сказала она, — у него очень хорошие гены. Достаточно?

Я немного подумала, потом сказала:

— Почти. Не делай из этого никаких выводов, ясно?

— Конечно, Клара, — ответила она все с тем же видом.

Я вздохнула.

— Хорошо. Можешь снова включить эти проклятые картины.

— Конечно, Клара. — Она не удивилась и выполнила распоряжение. — Боюсь, лучше они не стали.

Действительно не стали. Какое-то время я упрямо смотрела, потом сказала:

— Хорошо, Гипатия. Я видела достаточно.

Она убрала изображение и с любопытством

взглянула на меня.

— Когда закончат зеркало, изображение станет еще лучше. Тогда мы сможем увидеть отдельных крабберов.

— Замечательно, — сказала я неискренне, и тут меня прорвало: — Боже, да что с ними такое! На планете достаточно места для всех. Почему им не сидится по домам и они не живут в мире?

Вопрос был скорее риторический, но Гипатия решила на него ответить.

— А чего ты ожидала? Они ведь из плоти, — кратко объяснила она.

Но я не позволила ей этим отделаться:

— Послушай, Гипатия! Люди тоже из плоти, но мы не рвем на части половину своего мира, чтобы убить друг друга!

— Неужели? Какая у тебя короткая память, Клара, дорогая. Вспомни о мировых войнах двадцатого века. Вспомни о крестоносцах, о десятках тысяч европейцев, которые с огромным трудом пересекали Средиземное море, чтобы убить как можно больше мусульман. Вспомни об испанских конкистадорах, перебивших массы американских индейцев. Эй, а как же те вшивые монахи, которые на куски разорвали мою плоть в Александрии? Конечно, — добавила она с легким

отвращением, — все это были христиане.

Я посмотрела на нее.

— Ты считаешь, что мы наблюдаем религиозную войну?

Она грациозно пожала плечами.

— А какая разница, дорогая? Людям из плоти не нужны логические причины, чтобы убивать друг друга.

IX

К тому времени, как зеркало было завершено, мы уже смогли разглядеть множество подробностей. Мы даже видели отдельных кентавроподобных крабберов — то же строение тела, те же четыре ноги и поднятый вверх торс, унаследованные ими от примитивных существ, которых я видела.

То есть разглядеть их нам удавалось иногда. Не всегда. Континенты должны были занять нужное положение. Конечно, на ночной стороне планеты мы не могли их видеть, только этакие призрачные инфракрасные картины, и не могли видеть в оптическом диапазоне, если планету закрывали облака. Но мы видели достаточно. С моей точки зрения, более чем достаточно.

Экипаж «Феникса» сбивался с ног, пытаясь

справиться со все новыми поступающими данными. Билл, по-видимому, решил проявить терпение и смириться с моим непредсказуемым поведением, так что встречал меня доброжелательно, но не уделял слишком большого внимания. Он тоже был занят. Они с Дениз то и дело неожиданно вмешивались в действия членов экипажа, чтобы запечатлеть их неподготовленную реакцию, а экипаж, несмотря на это, старался выполнить свою работу. Джун Терпл окончательно простилась со сном, она разрывалась между стремлением увидеть новые картины и постоянными требованиями обеспечить нам достаточно времени, чтобы убраться отсюда до взрыва звезды.

Только у Марка Рорбека, казалось, времени было в избытке. Что мне и требовалось.

Я отыскала его в спальне, где больше никого не было; Ганс послушно воспроизводил здесь дубликат поступающих изображений. Главной обязанностью Марка был корабельный мозг и функции, которые тот контролирует, но все это превосходно действовало и без его вмешательства. И большую часть времени он проводил, мрачно разглядывая изображения.

Я прицепилась рядом с ним.

— Отвратительно, верно? — вежливо сказала я, желая расшевелить его.

Но он не хотел отвлекаться.

— Вы имеете в виду крабберов? — Хотя Марк не отрывал взгляда от изображения, он, очевидно, мог размышлять и о чем-то ином. Подумал немного и выдал свой вердикт: — Да, пожалуй, и впрямь отвратительно. Но ведь это было давным-давно.

— А у вас есть более насущные проблемы, — подталкивала я.

Он попытался улыбнуться.

— Вижу, корабельные разумы опять сплетничали. Что ж, меня мучает не столько потеря Дорис, — сказал он немного погодя. — То есть это тоже больно. Мне казалось, я ее люблю, но… ну, просто не получилось, верно? Теперь у нее есть другой парень, так какого дьявола? Но, — с несчастным видом сказал он, — дело в том, что она забрала детей.

Он не только привлекательный мужчина — он начинает трогать мое сердце. Я сказала сочувственно и искренне:

— И вы по ним скучаете?

— Черт возьми, да я скучаю по ним почти все время с их рождения, — виновато сказал он. — Вероятно, именно это и было неправильно. Я всегда

очень много работал. Наверно, нельзя винить Дорис в том, что она полюбила другого.

Это затронуло во мне нечто такое, о чем я не подозревала.

— Нет! — с силой ответила я. — Так нельзя было поступать! Вы имеете право винить эту суку! Люди должны быть верны друг другу!

Я удивила Рорбека. Он посмотрел на меня так, словно у меня вдруг выросли рога, но ответить не успел. Мимо комнаты пролетала Джун Терпл. Она увидела нас, ухватилась за петлю и крикнула:

— Рорбек, немедленно включайтесь в работу! Я хочу точно знать, что Ганс успеет сместить фокус. Мы можем потерять все данные!

И она опять исчезла — отправилась по своим делам.

Марк странно взглянул на меня, но потом пожал плечами и помахал рукой: начальство распорядилось, нужно выполнять. Он больше не может просто так стоять и болтать. И тотчас тоже исчез.

Я не винила его за этот странный взгляд. Я понятия не имела, что сама так чувствительна к теме расставания. Но, очевидно, так оно и есть.

Я вернулась на свой корабль, чтобы никому не мешать, и наблюдала за поступающими изобра-

жениями в обществе Гипатии.

Она включила трансляцию, как только я появилась, даже не спрашивая разрешения. Я села и стала смотреть.

Если забыть, что крабберы — все-таки разумные существа, гуманоиды, их деятельность могла показаться интересной. Да и сами крабберы тоже, кстати. В этих цивилизованных — цивилизованных! — существах я подмечала остаточные черты примитивных хищников. Конечно, теперь у них были машины, они носили одежду и, если не обращать внимания на лишние конечности, выглядели весьма живописно в своих ярких одеждах, в обуви с шипами и в напоминающих шали штуках, которыми накрывали головы; эти шали были разнообразно украшены, вероятно указывая на ранг существа. А может, это были обычные украшения, хотя мне показалось, что большинство этих существ — в мундирах того или иного образца. Большинство цивилизованных, во всяком случае. На южном континенте, в зоне тропических дождевых лесов и саванн, жило много крабберов, казавшихся нецивилизованными. У них не было машин. Да и одежды почти не было. Жили они охотой и постоянно с испугом посматривали на небо, где время от

времени пролетали флоты дирижаблей или двукрылые самолеты.

Цивилизованные крабберы, казалось, теряют свою цивилизованность. Когда Ганс показал при большом увеличении один из разбомбленных городов, я увидела поток четвероногих крабберов — преимущественно гражданских, как мне показалось, — которые пытались выбраться из развалин, таща узлы, ведя или неся детей. Многие хромали, передвигались с трудом. Кое-кого везли в фургонах или похожих на сани экипажах.

— Они все кажутся больными, — сказала я, и Гипатия кивнула.

— Несомненно, среди них есть больные, дорогая, — сообщила она. — В конце концов, это ведь война. Не следует думать только о бомбах или газах. Разве ты никогда не слышала о биологической войне?

Я уставилась на Гипатию.

— Ты хочешь сказать, что они распространяют болезнь? Как оружие?

— Мне кажется, это очень вероятно. К тому же известны прецеденты, — сообщила она, готовясь прочесть лекцию. Начала она с напоминания, что первые американские колонисты в Новой Англии давали индейцам, чтобы убрать их со

своего пути, зараженные оспой одеяла. — Эти колонисты были, конечно, христианами — и весьма набожными, — продолжила она. Но я не слушала. Я смотрела на виды планеты крабберов.

Лучше они не становились. На мгновение одна короткая сцена задела во мне почти отмершие струны. События разворачивались на архипелаге в тропической части планеты. Пейзаж отчасти напоминал мой остров: риф, лагуна и роскошная растительность повсюду. Были здесь и местные крабберы. Но не только. Группа крабберов в мундирах вела местных в деревню — с какой целью, я не могла понять: забрать в армию? Расстрелять? Но цель, несомненно, была недобрая. Приглядевшись внимательнее, я увидела, что вся растительность умирает. Биологическое оружие, примененное на этот раз к растительности? Дефолианты? Не знаю, но, похоже, кто-то решил избавиться от растений.

С меня хватило. Неожиданно я приняла решение.

И перебила корабельный разум на полуслове: Гипатия как раз рассказывала об американском Кемп-Детрике[9].

---

[9] Примечания: 9

Испытательный центр бактериологического оружия в штате Мэриленд. — *Примеч. перев.*

— Гипатия! Каков резервный объем твоей памяти?

Она не удивилась. Прекратила рассказывать историю бактериологического оружия людей и быстро ответила:

— Достаточно велик.

— Хватит, чтобы вместить всю информацию, поступающую от установки? И, может, принять на борт и Ганса?

Вот тут она удивилась. Мне кажется, действительно удивилась.

— Это очень большая база данных, Клара, но я с ней справлюсь. Если это необходимо. Что ты задумала?

— О, — ответила я, — так, прикидываю кое-что. Давай еще раз посмотрим на беженцев.

X

Я следила за временем, но для задуманного его хватало. Я даже позволила себе слегка отвлечься.

И отправилась на свой остров.

Конечно, не во плоти. Просто с помощью своих мониторов проверила, как дела на Раивеа, и выслушала отчеты руководителей отделов. Все шло нормально. Вид детей, растущих здоровыми, счастливыми и свободными, всегда вызывал у

меня приятные ощущения. Или, в данном случае, по крайней мере, не слишком неприятные.

Затем я покинула свой остров и вернулась к реальности корабля «Феникса».

Едва добавлялось несколько сегментов, Ганс деловито смещал фокус, и сейчас изображения поступали так быстро, что никто не успевал их разглядеть. Но тут уж ничего не поделаешь. Ведь перед нами целая планета, и неважно, что мы видим происходящее не в реальном времени. Все данные записываются для дальнейшего изучения и истолкования — но кем-нибудь другим. Не мною. Я увидела все, что хотела.

Очевидно, то же самое почувствовали и почти все члены экипажа. Звездный Разум и Ибаррури находились в столовой, но говорили о Ядре и не обращали никакого внимания на поступающие изображения. Билл Тарч в своей каюте не выключил экран, но смотрел на него невнимательно, а Дениз, прицепившись к стене рядом с ним, крепко спала.

— Какой в этом смысл, Клара? — спросил он, увидев меня. — Не могу получить от экипажа приличный материал: почти все отправились спать.

Я смотрела на Дениз. Эта маленькая сучка даже

сопит красиво.

— Им нужно поспать, — ответила я. — А как насчет Терпл?

Он пожал плечами.

— Минуту назад здесь был Кекускян. Он ее искал. Не знаю, нашел ли. Слушай, может, еще небольшое интервью с тобой? К чему мне зря терять время?

— Может быть, позже, — ответила я и отправилась на поиски Джун Терпл.

Гневный голос Терпл я услышала раньше, чем увидела ее. Кекускян ее нашел, и они по-настоящему бранились. Она кричала на него:

— Наплевать мне на то, что вам нужно, Олег! Мы уходим! Мы должны убрать отсюда установку, пока она еще цела!

— Вы не можете так поступить! — кричал он в ответ. — Зачем я торчу здесь, если не увижу сверхновую? Какой в этом смысл?

— Смысл в том, чтобы уцелеть, — яростно ответила она. — Что мы и собираемся сделать. Я здесь командую, Кекускян! Я отдаю приказы. Ганс! Проложи курс к нейтронной звезде!

И тут вмешалась я.

— Отменить приказ, Ганс, — приказала я. — Отныне ты получаешь приказы только от меня.

Ясно?

— Понятно, мисс Мойнлин, — ответил корабельный мозг — спокойно и невозмутимо, как всегда. Но Терпл была далека от спокойствия. Я сделала ей скидку: она почти не спала и все время находилась в страшном напряжении. Но в эту минуту мне показалось, что она меня ударит.

— Какого черта вы здесь делаете, Мойнлин? — угрожающе спросила она.

— Принимаю командование, — объяснила я. — Мы останемся еще на какое-то время. Я тоже хочу увидеть взрыв звезды.

— Да! — закричал Кекускян.

Терпл даже не посмотрела на него. Все ее внимание было отдано мне, и она была настроена совсем не дружелюбно.

— Вы с ума сошли? Хотите, чтобы мы все погибли?

Мне подумалось, что это было бы не так уж плохо, но сказала я — очень рассудительно — вот что:

— Я не говорю, что мы останемся здесь и поджаримся. Во всяком случае, не люди. Экипаж мы эвакуируем и будем наблюдать за взрывом с помощью дистанционного управления. На двух кораблях всем хватит места. Я возьму с собой

троих или четверых, Билл — остальных.

Терпл не могла поверить в услышанное. Она сердито сказала:

— Клара! Радиация будет страшная! Она уничтожит установку!

— Отлично, — ответила я. — Я это понимаю. Поэтому я куплю вам новую.

Она потрясенно смотрела на меня.

— Купите новую? Клара, да вы представляете себе, сколько стоит…

Она замолчала и пристально посмотрела на меня.

— Что ж, — ничуть не умиротворенно, но более или менее смиряясь с фактами, сказала она, — вероятно, знаете. Кто платит, тот и заказывает музыку.

Как всегда.

Поэтому когда я стала отдавать приказы, никто не возражал. Я собрала всех в столовой и объяснила, что мы оставляем корабль. Терпл, Ибаррури и Звездный Разум должны были перейти ко мне.

— До Земли всего несколько дней; вы трое поместитесь в моей гостевой каюте. Мейсон-Мэнли и Кекускян полетят с Биллом и Дениз. В корабле Билла будет тесновато, но они поместятся.

— А как же Ганс и я? — удивленно спросил

Рорбек.

Я небрежно ответила:

— О, вы можете лететь со мной. Мы найдем для вас место.

Он ничуть не взволновался при мысли о том, что полетит с прекрасной и одинокой женщиной вроде меня. Его это даже не заинтересовало.

— Я имел в виду не только лично себя, Клара, — напряженно сказал он. — Я имел в виду себя и свой корабельный мозг. Я вложил в Ганса очень многое. И не хочу, чтобы он погиб!

Меня не очень порадовала его реакция, но мне нравятся мужчины, увлеченные работой.

— Не волнуйтесь, — успокоила его я. — Я уже спросила об этом Гипатию. Она говорит, что у нее хватит памяти. Мы скопируем Ганса и возьмем с собой.

XI

Раньше я никогда не видела взрыв сверхновой в реальном времени — да и сколько человек это видели? — но разочарования не испытала. Шоу полностью оправдало все ожидания.

Когда это произошло, мы находились на двух кораблях в нескольких миллионах километров от фокуса установки. Отныне Ганс получал при-

казы от Кекускяна и оставил планету крабберов, сосредоточившись на самой звезде. Гипатия прошептала мне на ухо, что Билл Тарч в своем арендованном корабле рвет и мечет из-за такого решения. Он хотел уловить все мгновения этого ужасного и трагического зрелища, вплоть до выражения лиц крабберов — если только это возможно, — когда те увидят, как солнце разбухает прямо у них над головами. Я этого не хотела. Я на крабберов насмотрелась. И приказы здесь отдавала я.

В моей гостиной было сразу два экрана. Гипатия настроила внешнюю оптику моего корабля так, чтобы мы могли видеть большое зеркало и крошечный корабль «Феникс» — как игрушки в углу помещения. Но главное было на другом экране — сама звезда крабберов, какой она видна с «Феникса». Гипатия говорила, что это не опасно. Ганс уменьшил яркость, к тому же мы воспримем только видимый свет, а не весь широкий спектр излучения, которое хлынет от звезды через минуту. Но все равно звезда была огромной, два метра в диаметре, и такой яркой, что приходилось щуриться, глядя на нее.

Я не очень много знаю о поверхности звезд, но эта показалась мне какой-то больной. По всему

ее периметру сверкали вспышки, а весь диск усеивали пятна. И вдруг — совершенно неожиданно — началось. Звезда стала уменьшаться, как будто Ганс уменьшил изображение. Но он ничего подобного не делал. Звезда коллапсировала, втягивалась в себя, и происходило это очень быстро. («Это взрыв», — прошептала Гипатия.) На наших глазах с двух метров она сократилась до полутора, до метра, стала еще меньше…

И снова начала увеличиваться — так же быстро, как уменьшалась, но горела намного ярче. Гипатия прошептала:

— А это отдача. Я приказала Гансу уменьшить яркость. Будет еще хуже…

Действительно.

Звезда расцветала все ярче и ярче — и становилась все более ужасающей, — пока не заполнила всю каюту; у меня появилось ощущение, что меня втягивает в этот звездный ад, и в этот миг изображение начало раскалываться. Я услышала стон Терпл:

— Взгляните на зеркало!

И поняла, что происходит с изображением. Маленький игрушечный «Феникс» и зеркало со всем оборудованием подвергались страшной бомбардировке излучением от сверхновой. Никаких

фильтров. Никаких предохранителей. Оборудование корпорации «Феникс» ярко светилось само, отражая поток ослепительного света. У меня на глазах зеркало начало коробиться. Тонкие листы амальгамы отлетали, взрывались, превращаясь в облака плазмы, как фейерверк 4 июля. На мгновение мы увидели под пленкой несущую сетку зеркала. Затем она тоже исчезла, остался только скелет усиливающих конструкцию балок, раскаленный и сверкающий.

Я подумала, что мы видели все, что способна показать звезда. Но я ошибалась. Мгновение спустя перед нами снова возникло изображение сверхновой. Оно не было таким огромным и ярким, как раньше. Но все равно смотреть на него было страшно.

— Что?.. — начала я, но Гипатия предвидела мой вопрос.

— Теперь мы смотрим на звезды через маленькую камеру, установленную в центре тарелки, Клара, — объяснила она. — Увеличения от зеркала у нас больше нет. Оно погибло. Меня тревожит и камера. Гравитационное искажение очень мощное, но камера протянет… — она замолчала, потому что изображение окончательно исчезло, — недолго, — закончила Гипатия.

Я глубоко вздохнула и огляделась. У Терпл на глазах были слезы. Ибаррури и Звездный Разум, ошеломленные, молча сидели рядом, а Марк Рорбек шепотом разговаривал с корабельным мозгом.

— Вот и все, — резко сказала я. — Шоу окончено.

Первым отозвался Рорбек, голос его звучал почти радостно.

— У Ганса есть все данные, — доложил он. — Он в полном порядке.

Терпл подняла руку.

— Клара. Относительно корабля… Он подвергся воздействию высокой температуры, тарелка сгорела, но корпус, вероятно, цел, так что туда можно послать команду ремонтников…

— Обязательно, — пообещала я. — Но сначала побываем дома.

Я смотрела на Рорбека. Он казался почти веселым, но его оживление быстро спадало. Увидев мой взгляд, он еле заметно пожал плечами.

— И где этот дом? — мрачно спросил он.

Мне хотелось потрепать его по плечу, но для этого было рановато. И я сочувственно сказала только:

— Скучаете по детям? У меня есть место, где

очень много детей. И вы, единственный взрослый мужчина на моем острове, будете для всех единственным папочкой.

XII

Взрыв сверхновой не уничтожил корабль «Феникс». Зеркало, конечно, приходилось списать полностью, но сам корабль лишь слегка обгорел.

Так что Джун Терпл подождала, пока он остынет, и с остатками своего экипажа вернулась посмотреть, что и как. Остатков было немного. Теперь, когда Дениз не было рядом, Мейсон-Мэнли вернул себе расположение Терпл. Кекускян пообещал вернуться через восемьдесят лет, чтобы увидеть сам взрыв, — конечно, если будет жив. И разумеется, в распоряжении Терпл оставался неуязвимый Ганс, вернувшийся в привычную базу данных. Остальные члены экипажа были новички. Звездный Разум вернулась к семье в Ядро, а я оплатила Ибаррури полет вместе с ней в качестве почетного гражданского посла.

Естественно, Терпл пригласила меня поучаствовать в работе над нейтронной звездой. Не могла не пригласить — деньги на проект шли из того же источника, что и раньше, то есть преимущественно от меня. Я из вежливости ответила,

что, может быть, прилечу, но не собиралась этого делать. Через несколько дней состоялся показ фильма Билла Тарча о крабберах. Успех был столь грандиозным, что Билл не очень расстраивался из-за нашего разрыва.

Гипатия сохранила для меня все файлы, и эти данные хранились на острове очень долго, пока обстоятельства не изменились и все не рухнуло в одночасье. (Но это другая история. Очень печальная. Не хочу о ней думать.) Время от времени я демонстрировала эти файлы детям, если им было интересно, а также их мамам. Но чаще просматривала их в одиночестве.

Марк Рорбек оставался со мной на Раивеа, хотя и недолго. Так действует мой остров. Когда мои дети готовы уйти в большой мир, я их отпускаю. То же самое произошло с Рорбеком. У него это заняло чуть больше трех месяцев. Когда он дозрел, он поцеловал меня на прощание и ушел.

8. На Лесистой планете

I

Чтобы выйти из космического корабля, прошли по пятиметровому проходу. И оказались на платформе, в ярком солнечном свете. Оба ошеломленно остановились.

— Боже, — прошептала Эстрелла, — да их здесь миллион!

Ну, не миллион, конечно, но очень много хичи, и все они толпились вокруг платформы и смотрели… или собирались на крышах и у окон в радиусе километра от нее и тоже смотрели. Только это они все и делали — смотрели. К тому же что-то бормотали и чирикали, обращаясь друг к другу, — разумеется, вежливо и негромко, но в целом это напоминало шелест огромной стаи саранчи в полете. Стэн одной рукой обнял Эстреллу.

— Где, черт побери, Соль? — спросил он.

Ответа от толпы хичи не было: по-видимому, никто из них не говорил по-английски. Хотя они находились под открытым небом, Стэн поморщился: в воздухе держался стойкий, хотя и

слабый, запах аммиака наряду с другими запахами — острыми, душистыми. Стэн подумал, что они исходят от окружающей растительности. (В конце концов, это ведь «Лесистая планета».) Но в данный момент запахи Стэна не интересовали.

— Будь она проклята, — ворчал он. — Не знаю, чего от нас сейчас ждут.

Зато знали другие. Вперед выступили двое хичи, вероятно важные особы, судя по красным, синим и желтым украшениям на их одеяниях. Один из них взял за руку Стэна, другой Эстреллу. Хичи были удивительно низкорослые — на добрых десять сантиметров ниже Эстреллы, но она не противилась. Стэн тоже. Он подумал о сопротивлении, но понял, что оно бесполезно, когда почувствовал хватку костистой руки. Люди покорно пошли за хичи. Оказалось, что их переводят на другую, гораздо большую площадку-сцену. Здесь оба хичи принялись по очереди говорить — на своем языке, — может быть, обращаясь к толпе, а может, к маленьким линзам, которые, как видел Стэн, отовсюду смотрели на них.

— Похоже, мы попали в вечерние новости, — прошептал он Эстрелле, но та смотрела мимо массивного корабля, который их привез и теперь неподвижно сидел в приемном гнезде. Когда

хичи снова схватили их за руки, Стэн добавил: — А теперь что им от нас нужно?

Им нужно было, чтобы Стэн и Эстрелла забрались в широкий трехколесный экипаж, где за рулем не было водителя, зато были два ряда насестов для хичи. Настоящих сидений, конечно, не было.

И тут наконец появилась Соль.

— Да, мы понимаем, — чуть виновато, но несколько торопливо сказала она, — что вам трудно сидеть, верно? Но не тревожьтесь. Здесь недалеко.

— Недалеко до чего? — спросил Стэн.

Эстрелла одновременно поинтересовалась:

— Ты с нами?

— Недалеко до того места, куда вы направляетесь, — объяснила Соль. — Я? С вами? Нет, я не поеду. Как я могу? Мне пора вернуться к своим обязанностям.

С этими словами она исчезла в толпе. Двое хичи забрались в экипаж, сели на задние насесты и жестом пригласили Стэна и Эстреллу на передние.

— Я на это не сяду! — провозгласила Эстрелла и не стала садиться, но, как только она поднялась на борт, экипаж тронулся, и людям пришлось для опоры уцепиться за насесты.

Так они и держались какое-то время. Со странным воющим звуком экипаж спустился по наклонному пандусу и углубился в широкий, хорошо освещенный туннель. Перед ними шли еще три или четыре таких экипажа — все их пассажиры, обернувшись, смотрели на Стэна и Эстреллу, — и два экипажа шли следом.

Стэн не мог сказать, как долго они были в пути. Какое-то время двигались по открытому месту (впереди яркие горы, вокруг зеленые леса), потом снова углубились под землю. Мимо мелькали входы в боковые туннели. Один или два сопровождающих экипажа свернули, но их заменили три или четыре других. Освещение, вначале голубое и зеленое, сменилось на золотое и зеленое, потом на золотое и красное, потом снова на голубое и зеленое.

— Кажется, меня тошнит, — прошептала Эстрелла Стэну на ухо, изо всех сил цепляясь за насест.

— Терпи, — умолял он. — Скоро это кончится.

И тут, к счастью, движение действительно прекратилось. Их экипаж неожиданно свернул в боковой туннель, ничем не отличающийся от других боковых туннелей, мимо которых они проезжали. Они поднялись по въезду, на этот раз

закрученному штопором, и у одного из поворотов остановились. Женщина-хичи встала со своего насеста.

— Теперь выходите, — сказала она. — Здесь вы будете жить.

Когда они вышли, эта женщина снова села, руль повернулся и экипаж исчез.

— Не знала, что она говорит по-английски, — сказала Эстрелла, глядя ему вслед.

— Гораздо важнее, — ответил Стэн, разглядывая дверь без замка и ручки, — как мы войдем.

Но это как раз не составило труда. Эстрелла показала на нечто вроде подушечки рядом со слабо светящейся дверью, однако когда Стэн нажал на нее, ответом был какой-то хриплый лающий звук из-за двери. Наверно, что-то вроде дверного звонка. Зато когда Стэн коснулся самой двери, та открылась, и они увидели проход в свой новый дом.

И удивленно принялись разглядывать его. За дверью оказалось не одно помещение. Их было несколько — с порога невозможно было понять, сколько именно, — и через другую дверь они видели угол чего-то походившего на балкон, залитый солнечным светом.

— Вот это да, Стэн! — выдохнула Эстрелла. —

Какой большой! И он наш!

«Большой дом» — и для Стэна, и для Эстреллы это было решительно внове: они не привыкли к роскоши. Для Стэна вершиной удобства была общая с Олтаном Кусмероглу постель в квартире отца. Эстреллу даже так никогда не баловали. Поэтому то, что они увидели на Лесистой планете у Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре, показалось им верхом гедонизма. Площадь их новой квартиры составляла не менее ста квадратных метров, и Стэн догадывался — или, вернее, надеялся, — что им ни с кем не придется ее делить.

Обстановка, конечно, казалась несколько необычной, даже если отвлечься от того, что в большинстве комнат не было окон. Конечно, они не ожидали найти что-нибудь приспособленное для людей. И были правы. В их квартире лежало больше десяти груд травы для сна — достаточно, чтобы накрыть все насесты в квартире. Однако спать на этих грудах им не предлагали. Напротив, для них приготовили две большие конструкции, напоминающие коробки для выводка очень крупных котят и заполненные свежесрезанной листвой. Эстрелла сказала Стэну, что именно так каждый хичи мечтает оборудовать свою

спальню: те клубки травы, которыми они пользовались на корабле, предназначены только для путешествий. Эквивалент спальных мешков.

Всего комнат оказалось пять — вернее, это Стэн назвал их комнатами, хотя некоторые из них разделяли только почти прозрачные шторы. (Комната, где располагались приемники для отходов жизнедеятельности, была оборудована скользящей дверью.) Две комнаты были спальнями — или, по крайней мере, помещениями с коробками-подстилками. Еще в одной — несколько встроенных столов и экранов с похожими на цветочные горшки приемниками для книг хичи, а в пятой комнате, самой маленькой, со стены смотрели с десяток немых экранов.

— Знаешь, как их включить? — спросил Стэн, наперед догадываясь об ответе. — Ладно. А как насчет поесть?

И на это он получил предсказуемый ответ, но, когда повернулся к Эстрелле, увидел, что та вышла на балкон. И услышал, как она ахнула.

— Иди сюда! — позвала она.

Выйдя на балкон, он обнаружил на горизонте гигантскую декорацию из ярких, как блестящее зеркало, холмов и сразу понял, почему Сверкающие Слюдяные горы получили свое название. Но

сверкали только вершины гор; на их склонах и в широкой зеленой долине, на которую смотрели Стэн и Эстрелла, повсюду виднелись разделенные лугами рощи деревьев высотой с секвойю. Это свидетельствовало о том, как уместно названа планета. Воздух свежий, вкусный, хотя и не совсем такой, как на Земле. Ветерок не приносил запаха сосен или лиственниц, не было и цветочных ароматов. Запахи, насколько могли судить Стэн с Эстреллой, были острей и приятней, чем в земных лесах; почти как на бабушкиной кухне, когда там пекут пирог.

Однако запахи недолго занимали Стэна.

— Эй, — сказал он, — глянь-ка!

Он смотрел на небо. Когда они вышли из космического корабля на платформу, он обратил внимание на необычное обилие бледных звезд в небе. Теперь они перестали быть бледными, их были сотни, всех возможных для звезд цветов: белые и голубые, желтые и оранжевые, красные и знойно-кровавые. На горизонте готовилось зайти Теплое Старое солнце номер Двадцать Четыре, а за ним виднелся бледный диск одного из маленьких спутников Лесистой планеты.

— Говорили, что в Ядре должно быть много звезд, — удивленно сказал Стэн. — Но я и не ду-

мал, что так много.

Вместо ответа Эстрелла стиснула его руку и предоставила в одиночестве дивиться чудесам этого астрономического представления. Но продолжалось это недолго. От великолепного вида отвлекало голодное урчание в животе.

Когда Стэн вернулся, Эстреллы нигде не было видно, но закрытая дверь помещения для приема выделений говорила о том, где она. И напомнила ему, что пора заняться тем же.

Эстрелла управилась на удивление быстро. У Стэна процесс тоже занял немного времени. Он закончил бы еще быстрее, если бы закрывшаяся дверь не оставила его в полной темноте. Впрочем, он справился. И почувствовал себя, с одной стороны, лучше, но с другой — хуже: заполненный мочевой пузырь больше не отвлекал от ощущения острого голода.

В этом он был не одинок. Эстрелла раздраженно потирала живот, оглядывая стены.

— Я совершенно уверена, что здесь есть шкафы, а в них, может быть, пища. Но не могу открыть эти проклятые штуки. Хочешь попробовать?

Он попробовал. Пробовал много раз, пробовал разными способами, но результат был один — ничего. Трогал стены, бил по ним кулаком,

кричал на них — все безрезультатно. Если здесь и были какие-то кладовые, добраться до них они не сумели.

Тут всплыла новая проблема.

Свет в комнате, где они находились, с самого начала не был особенно ярким: две комнаты отделяли их от единственного источника освещения — балкона, но теперь и этот свет заметно померк. И происходило это быстро. Комната, прежде казавшаяся лишь слегка затененной, теперь стала определенно темной и мрачной, и темнота все сгущалась.

Когда Теплое Старое солнце номер Двадцать Четыре заходит, оно делает это стремительно. Только что от залежей слюды в горах отражался яркий солнечный свет, а в следующую минуту солнце полностью ушло за горизонт.

И сразу в их новом доме воцарилась полная тьма. Как ночью на Земле, когда небо закрыто тучами и нет ни уличного освещения, ни даже освещенных окон. Хотя через соседнюю комнату Стэн видел великолепное ночное небо Ядра. Да, оно было великолепно. Но с практической точки зрения — для освещения темной квартиры — совершенно бесполезно.

— Черт! — прошептал Стэн.

Эстрелла ответила уклончиво:

— Пожалуй, стоит лечь спать.

Стэн согласился, но больше ничего не услышал. Однако он слышал ее движения. Попытался на ощупь дотянуться до нее в темноте, но лишь ушиб ногу о стол, который не ушел в пол. Наконец шорох спальных трав хичи подсказал ему, где Эстрелла; может, помогло и то, что глаза начали привыкать к темноте. Но, оказавшись достаточно близко к ней, чтобы дотронуться, он услышал ее ровное дыхание. Она либо уже спала, либо не хотела, чтобы он ее трогал.

Он подумал, не разбудить ли ее, но отказался от этой мысли. Наверно, сам виноват: не перенес ее через порог. Но даже если это так, сожалеть теперь поздно.

С некоторым трудом он отыскал вторую подстилку для сна и забрался на нее, надеясь, очень надеясь, что завтрашний день пройдет лучше.

II

Так и оказалось.

Проснувшись, он обнаружил, что Эстрелла давно встала. На столе лежал с десяток пакетов с пищей CHON; вчера их не было. Более того (это Стэн обнаружил, только проглотив содержимое

одного пакета — что-то похожее на рыбу, и второго — как мягкая конфета из кленового сиропа), Эстрелла нашла, как пользоваться оборудованием для умывания. И не только вымылась сама, но и выстирала всю их грязную одежду; теперь на балконе под Теплым Старым солнцем номер Двадцать Четыре быстро сохли их вещи. Поражаясь ее изобретательности и старанию, Стэн попробовал принять душ. Конечно, это был не совсем душ. Через каждые несколько секунд выливалось около ведра — десять или двадцать литров — теплой воды. И настоящего мыла не было. Была полка со спутанными стеблями, похожая на ящик для домашних растений. По совету Эстреллы Стэн сорвал несколько стеблей и использовал как мочалку. Выяснилось, что стебли пенятся и постепенно растворяются в воде; щекотно, но кожа становится чистой.

Непривычно, конечно, однако свое дело эта растительность делала. Ничего похожего на полотенце не было — Стэн рассудил, что они хичи и не нужны: вода скатывается с их скользкой блестящей кожи. И хотя он по-прежнему был голоден, зато таким чистым уже очень давно не бывал, и это ободрило его. Казалось, Эстрелла тоже это ощутила, потому что, когда он по-друже-

ски обнял ее, она колебалась лишь мгновение и ответила на его объятие. Его объятие постепенно становилось все более тесным и интимным, она продолжала отвечать, по-своему; Стэн забыл о голоде, почувствовав куда более сильное желание.

Дальше все было почти как в старые времена. Если подстилка хичи и не была идеальным местом для секса, она тем не менее подошла. Потом они немного полежали, Стэн зарылся лицом в волосы Эстреллы, и на Лесистой планете Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре все шло замечательно.

Он подумал, что она снова уснула, но Эстрелла шевельнулась. Взяла несколько стеблей, на которых они лежали, и принялась растирать в пальцах. Потом задумчиво сказала:

— Знаешь, мне кажется, нужно не ложиться поверх этой штуки, а забираться в нее, как делают хичи.

Он помигал.

— Что?

— Они поступают так, потому что их предки были норными животными, — объяснила Эстрелла. — Мне говорила Соль. Вероятно, поэтому они живут под землей и на всех планетах строят туннели.

— Гм, — ответил Стэн и притянул ее к себе: у него были более неотложные планы. И возможно, они осуществились бы, но тут дверной звонок подал свой совсем не похожий на звонок голосок — нечто среднее между рычанием и низким мурлыканьем; так рычит лев, просыпаясь от крепкого сна.

Они торопливо оделись, открыли дверь и увидели Соль. Она протянула мешок, полный пищевых пакетов.

— Вот, — сказала она, передавая его Стэну. — Наш старый обычай — первый гость в новом доме должен принести пищу. Конечно, сейчас это чисто символический обычай, потому что всем доступно любое количество пищи через доставщик. Однако, — добавила она чуть смущенно, — когда я пришла как первый гость, у вас было темно и вы оба спали. Поэтому я оставила пищу и ушла. А теперь пришла снова и опять с едой — не совсем соответствует обычаю в подобных обстоятельствах. Но вы простите меня?

Конечно, они простили, особенно когда Соль показала им, где находится «доставщик» и как получать с его помощью любую еду. Это оказалось очень легко: просто включаешь его и говоришь, что тебе нужно. Можно и по-английски.

— По-английски? — недоверчиво переспросил Стэн.

— Конечно, по-английски. Сразу после нашего прилета это организовали ради вашего удобства.

— А как его включить?

— О, нет ничего проще. Как и с наружной дверью, просто прикладываешь ладонь в определенном месте стены. — Соль показала где. — Пожалуйста, прижмите всю ладонь. С нашими людьми это не так важно, но в вашем случае первое прикосновение не запустит доставщик — слишком много плоти и липидов на пальцах; это мешает сканированию.

Стэн кивнул, радуясь, что понял хоть что-то.

— Значит, замок на двери самый прочный? Никто не может отсюда ничего украсть?

Соль неуверенно посмотрела на него.

— Украсть? То есть взять без разрешения? А зачем кому-то это делать? — И когда Стэн ничего не ответил, продолжила: — Теперь я покажу вам остальное.

И действительно показала: как включать и настраивать на любую яркость свет в комнатах, как включать экраны и смотреть любые каналы; показала стенные шкафы…

В одном из шкафов обнаружились труба Стэна

и флейта Эстреллы.

— Эй! — воскликнул Стэн, хватая инструмент. Он осмотрел его и даже сыграл несколько джазовых вариаций. Улыбаясь, позволил Соль говорить дальше.

Но ей оставалось сказать немного. Она предложила:

— Давайте выйдем на веранду — отдохнем и поговорим.

Они так и поступили и с удовольствием вдохнули сладкий аромат растительности Лесистой планеты. Соль посмотрела им в лицо и спросила:

— Разве это не прекрасно? Мы считаем, что очень.

— Очень красиво, — послушно отозвался Стэн, но Эстрелла его не поддержала.

Напротив, она сказала:

— Я не понимаю, где все. Разве ты не говорила, что планета плотно заселена?

— Конечно, говорила. Здесь очень большая численность населения.

— Где же тогда все здания — дома, заводы, вообще все?

Соль слегка поперхнулась, затем виновато сказала:

— Простите, я забыла, что вы люди. Все, конеч-

но, под землей.

— Но ведь мы не под землей, — возразил Стэн.

— Конечно, под землей, — повторила Соль. — В глубине холма. Снаружи только балконы. Я помню, — сказала она задумчиво, — в человеческом мире все торчит в воздухе. Здесь не так. Хичи предпочитают жить внутри, а не снаружи. Посмотрите внимательней. — Прищурившись, Стэн действительно рассмотрел на склонах холма какие-то выступы, правильно расположенные и совсем не похожие на природные образования. — Видишь? На других холмах тоже балконы и так далее. Конечно, никаких заводов. Но есть места для работы. Мое вон там, за рощей больших деревьев.

— А что ты делаешь на своем месте работы? — спросила Эстрелла.

На это готового ответа не последовало. Более того, Соль как будто не поняла вопрос; мышцы на ее лице задвигались, она изобразила всем телом недоумение и сказала:

— Я помогаю делать кое-что другим, а другие делают кое-что для меня.

— А что именно?

— То, что необходимо для полного формирования личности.

Эстрелла нахмурилась.

— Что-то вроде школы?

— Школа? Нет, совсем не школа. Нет.

— Значит, религиозная организация?

Но Соль как будто не знала, что такое религиозная организация; она демонстрировала все признаки замешательства — так, во всяком случае, могло показаться людям.

— Подождите, — приказала она и надолго замолчала — Стэну показалось, что она спрашивает у своего Сохраненного Разума, как ответить на трудный вопрос людей.

Потом она подняла голову и мгновенно сменила тему.

— Посмотрите вверх. Видите? — спросила она. — Я показываю туда. Вон на те три ярких звезды.

Стэн удивленно посмотрел на небо. Он не видел ничего необычного — ну, необычного для здешнего неба, совершенно не похожего на земное. Теплое Старое солнце номер Двадцать Четыре стояло высоко в небе. И не одно. Стэн видел самый крупный спутник планеты, серебристый на сочной голубизне, и, конечно, неизбежное мерцание дневных звезд, которых было не меньше дюжины, золотых, рубиновых и бледных. Нормальное

для любой планеты в Ядре небо.

— Какие именно? — спросил он.

— Вон там, — сказала Соль. — На горизонте над самыми Сверкающими Слюдяными горами. Видите созвездие — три ярких звезды, расположенных на прямой линии? Вон те. Их называют — соответственно — Лишенная Планет Огромная Сине-Белая, Лишенная Планет Почти Такая же Огромная Сине-Белая и Очень Яркая Желтая с Одиннадцатью Планетами. Видите?

Стэн подумал, что их увидеть легко: они гораздо ярче любого объекта на дневном небе Земли.

— Конечно, я их вижу, — вежливо сказала Эстрелла. — Но какое отношение это имеет к нашему вопросу?

— О, — неопределенно, почти по-человечески ответила Соль, — никакого, это верно. Я подумала, что именно эти звезды могут вас заинтересовать. В Ядре они видны почти отовсюду. Конечно, не всегда они в созвездии прямой линии, это зависит от угла зрения. Иногда пилоты, которые учатся управлять кораблем, используют их для проверки курса. Я сама научилась их распознавать очень рано. Дети легко знакомятся с небом. Мы смотрим на него с удовольствием и уверенностью. — И затем, не меняя тона: — Приношу извинения за,

возможно, слишком быструю смену темы. Это было сделано специально. Цель — необходимость получить время для обдумывания. Теперь, чтобы ответить на ваш вопрос, я хочу объяснить вам, что я видела и что происходило.

Она замолчала.

Терпение Стэна кончалось: он с трудом выслушивал бесконечные отступления Соль и уклонения от сути.

— Что ты видела? — спросил он.

— Я видела звезды в галактике Снаружи, личность Стэн. Так много звезд! Это пугает! В Ядре у нас ограниченное количество звезд — всего девять тысяч сто тридцать три, с планетами и без, и все они пронумерованы. Снаружи — я не знаю, сколько их Снаружи. Думаю, по меньшей мере восемь в восьмой степени. Это очень страшно. Снаружи я не могла спокойно спать в норе, а когда вернулась, по-прежнему испытываю трудности, которые не могу описать. Поэтому я пришла сюда, в это место отдыха и уюта, чтобы снова увидеть Три-в-Линию и другие с детства знакомые звезды.

Она кажется очень встревоженной, подумал Стэн, а Эстрелла взяла костлявую руку Соль в свою.

— Ты действительно испугалась, — сказала

она.

— Да, — подтвердила Соль. — Но больше не боюсь. Благодаря здешним установкам я вполне вернулась к нормальному состоянию. — Она встряхнулась и воскликнула: — Но смотрите, сколько времени прошло! Я успею только ответить на вопросы о вашем жилище. Есть они у вас?

Удивленный Стэн слегка нахмурился. Хичи не носят часы, и в помещении нет никаких приборов, напоминающих часы, так откуда Соль знает, который час? Судя по выражению лица Эстреллы, у нее возник тот же вопрос. Она немного подумала и пожала плечами.

— У меня есть несколько вопросов. Например, я нигде не видела кухню.

— Кухню? — Соль явно ничего не понимала.

— Место для приготовления пищи, — объяснила Эстрелла. — Где вы готовите, где посуда и все такое.

— А, теперь поняла, — ответила Соль, хлопая запястьями. — Ты говоришь о месте для приготовления пищи. Но ведь пища уже готова, верно?

Она снова отвела их к доставщику и начала извлекать разноцветные пакеты. Топнула, показывая, как поднять из пола стол, и принялась

раскладывать пакеты на столе.

— Пожалуйста, — пригласила Соль. — Если вы голодны, раскрывайте пакеты. Это в основном пища, которую, по нашим наблюдениям, вы ели на космическом корабле; мы сообщили об этом заранее, чтобы сделать заказ. Наряду с мебелью, соответствующей необычным пропорциям вашего тела, как видите. Теперь будьте внимательны: я покажу вам, как действуют машины для чтения, как смачивать тело, чтобы оно было чистым, и так далее. Посмотрите сюда. Теперь сюда. — С этими словами она продолжила показ, как заботливая мать учит пятилетнего ребенка, и закончила урок у самого выхода. — Так что ешьте, если голодны, и спите спокойно, когда пожелаете. Доброго вечера вам обоим.

И она исчезла.

Стэн так и не понял, какова природа места, где Соль находит успокоение и отдых, но, казалось, сейчас эту проблему не решишь. Однако если Соль и не стала объяснять им это, она все же предложила кое-какую компенсацию. Они получили большой ящик с игрушками. И принялись играть. Начали с экранов, которые показывали совершенно непонятные новости на языке хичи и бесконечные передачи — возможно, это были

какие-то культурные программы: концерты, драмы, может, даже комедии. Все это им обоим не понравилось. У Эстреллы терпения было больше, чем у Стэна. Он уже принялся бесцельно бродить по квартире, поиграл с освещением, помочился в щель для отходов, просто чтобы посмотреть, как бесследно исчезает моча.

Потом кое-что вспомнил. Поискал и нашел шкаф с трубой, достал ее и сыграл пару вариаций. Приободрившись, начать играть соло «Красотку Минни», но закончить не успел, услышав раздраженный возглас Эстреллы:

— Стэн! Ради бога! Ступай наружу. Я ничего не слышу.

Обидевшись совсем чуть-чуть, он вышел на веранду и вознаградил свою единственную аудиторию «Туманом», «Больницей Святого Иакова», «Атласной куколкой» и многими другими мелодиями, какие помнил из прошлых дней, когда Стэн, Тан и Чанг… наконец боль в нижней губе подсказала ему, что пора остановиться.

В замечательном настроении он отправился на поиски Эстреллы.

А когда нашел, упал духом. Хотя была еще середина дня, она уже лежала на подстилке, закрыв глаза и сложив руки на груди.

Стэн затаил дыхание.

— Эстрелла? — прошептал он. Когда она открыла глаза и посмотрела на него, он почти рассердился. — Я подумал… — сказал он, но не закончил: дурная примета — говорить, что ему показалось, будто она умерла. — Ради бога, что ты делала?

Она села и свесила ноги с коробки.

— Размышляла о том, что сказала Соль. Но главное — о том, чего она не сказала. Знаешь, что я думаю? Я считаю, что она работает в каком-то заведении для душевнобольных.

Стэн нахмурился.

— Ты говоришь о сумасшедшем доме?

— О, совсем нет. Ну, о чем-то вроде. В таком месте могут работать психоаналитики.

— Укладывают на кушетку, да? — недоверчиво спросил Стэн. — Ты расскажешь мне свои сны, а я тебе объясню, почему ты хочешь переспать со своей мамой. Все такое? Боже, надеюсь, у хичи ничего подобного нет.

Почему-то это разозлило Эстреллу.

— Заткнись, — сказала она. — Именно такой реакции следует ожидать от того, кто в этом ничего не смыслит.

Стэн перевел дыхание. Он не любил ссориться

с Эстреллой, но тут ему в голову пришла мысль:

— Минутку. Ты хочешь сказать, что сама это проходила?

Оказывается, да, проходила. Еще на бойне. После того как бык наступил ей на лицо. Это должно было помочь ей справиться с нестерпимой болью и смириться с мыслью — без всяких эмоций добавила она, — что теперь всю жизнь она будет уродиной.

Тут Стэн потерял всякое желание ссориться. Он немедленно начал уверять ее, что ничего уродливого ни в ее лице, ни в других частях тела нет.

Какое-то время она задумчиво разглядывала его, как будто они только что познакомились и она еще не знает, друг он или враг. Затем сказала:

— Ты милый, Стэн. Спасибо за то, что так говоришь. А теперь я правда хочу спать.

И она снова легла на подстилку и закрыла глаза.

Гадая, как очень часто в прошлом, поймет ли он когда-нибудь женщину, которую, вероятно, любит, Стэн снова принялся мрачно бродить по квартире. Но бродил недолго: звуки голоса — говорили по-английски! — заставили его вернуться в комнату с экранами. Очевидно, Эстрелла нашла

канал вещания на языке, который он мог понять, и оставила для его развлечения.

Действительно было забавно. Впрочем, недолго: вскоре Стэну наскучило смотреть, как существа, которых он не понимает, делают какие-то непонятные вещи: изучают внутреннее строение переменных звезд, возводят огромные жилые поселки на орбитах около звезд, у которых нет пригодных для жизни планет, и совершают другие совершенно непостижимые действия. Переключая каналы, он услышал знакомое имя. Вэн. Мальчишка, вызвавший Божий Гнев, который убил его отца. Кажется, теперь этот мальчишка украл немерено оружия и оборудования (хотя, кажется, слово «украл» не вполне подходит, потому что Вэн за все это расплатился)… и теперь скрывается где-то в галактике. А может, и за ее пределами — точно никто не знает.

Стэн вздохнул, встал и снова принялся бродить по квартире. Забрел в комнату с доставщиком, но есть не хотелось; потом в спальню, но Эстрелла как будто крепко спала, а ему самому спать совсем не хотелось. Он вышел на веранду, по-прежнему держа трубу. Однако играть не стал. Он стал думал о том, как играл в последний раз на Земле, о Тане и о Наслан, хорошенькой сестре

Тана, о той женщине Брит на Вратах, которая в конце концов сорвала свой скромный куш…

У всех у них есть нечто общее. Он неожиданно понял, что все они уже давно мертвы.

Как давно? Стэн принялся подсчитывать. Они с Эстреллой провели в Ядре — сколько? — возможно, шесть-семь дней, не больше. Но эти шесть или семь дней в Ядре означают в сорок тысяч раз больше дней в галактике. Это сотни, а то и тысячи лет!

Такую мысль он не мог вынести и поэтому совсем перестал думать. Положил трубу на блестящий пол, оперся на перила веранды и заставил себя думать об открывающемся виде. Созерцать далекие сверкающие горные вершины.

Голос позади задумчиво произнес:

— Я легко могу столкнуть тебя вниз. Ты умрешь, и никто никогда не узнает.

III

Еще не распрямившись, Стэн догадался, кто это; когда он повернулся, его догадка подтвердилась. Пришел новый посетитель, Достигающий.

На госте не было кричащей одежды с Врат, но даже в обычном одеянии хичи — в балахоне и сандалиях — он казался таким же неприятным,

как и раньше. Стэн быстро отошел от перил и повернулся к нему лицом.

— Как ты сюда попал? — спросил он.

Мышцы на щеке Достигающего задергались.

— Я не обязан объяснять тебе это. В сущности, — добавил он, — я вообще ничего не обязан тебе объяснять, если не захочу. Понятно?

Стэн с опаской разглядывал его. Он не испугался. И не впервые столкнулся с такой откровенной враждой: на улицах Стамбула он много раз бывал в ссорах, драках и кое в чем похуже. Однако никогда его противниками не были хичи, к тому же спятившие, и он не знал, хорошо ли этот хичи умеет драться.

С другой стороны, у Стэна значительное преимущество в росте, весе и длине рук. Он не думал, что Достигающий способен причинить ему значительный физический ущерб. Он даже думал, что в схватке один на один одолеет этого сукина сына… но тут на балкон вышла Эстрелла, удивленно глядя на Достигающего. В том, что она не пострадает в драке, Стэн был меньше уверен.

Он решил проявить миролюбие.

— Беру свои слова обратно. Я тебя ни о чем не спрашиваю.

Хичи бросил взгляд на Эстреллу и перестал

обращать на нее внимание.

— Даже о том, почему я вас так ненавижу?

Стэн покачал головой.

— Даже об этом.

Достигающий издал звук, похожий на чихание; возможно, это была попытка подражать человеческому смеху.

— Тогда, — торжествующе сказал он, — я тебе объясню. — Он сжал длинными пальцами свой покрытый мышечной рябью живот и начал лекцию: — Когда вы двое без разрешения проникли к нам, наши, естественно, заподозрили, что вы можете принести опасность со стороны расы злых существ, которых мы называем…

— Убийцами, — кивнул Стэн. — Конечно. Мы об этом знаем.

Достигающий с отвращением посмотрел на него.

— Неужели? Я говорю не о нынешней ситуации. Я говорю кое о чем другом — о другом месте, где невозможно жить.

— Ты имеешь в виду Врата, верно?

Достигающий расцепил пальцы и похлопал запястьями.

— Ты считаешь себя умным, но ты ничего не знаешь, — заявил он. — Ты не знаешь, каково

было на объекте, называемом Стоянка кораблей номер сорок три, — вы называете его Вратами. Я очень долго пробыл там. Мне требовалось проверить данные о полетах всех кораблей, чтобы установить, не сталкивались ли они с Убийцами. Вы понимаете, о чем я говорю? — И когда Стэн и Эстрелла кивнули, возразил: — Нет, неправда! Вы не понимаете, какая это скучная работа и как отвратительно торчать там. Весь астероид кишел вашими людьми. Никакой возможности уединиться. Но в глубине астероида есть нечто вроде озера, и иногда поблизости не оказывалось ни одного человека. Я не всегда мог оставаться там, к тому же там часто бывали самцы и самки, и они совокуплялись. Совокуплялись! Физически соединяли половые органы! Несмотря на то, что женщины не были в детородном периоде!

Эстрелла удивленно посмотрела на него.

— А ты откуда знаешь? — спросила она.

— Знаю! Я это установил! Осматривал каждую женщину после совокупления. Ни у одной, ни у одной не было ребенка!

Стэну трудно было удержаться от хохота, но Эстрелла оказалась милосердней.

— Я понимаю, что тебе это должно было казаться отвратительным, — сказала она.

— Ужасно отвратительным! Настолько, что ты и понять не можешь!

Запасы сочувствия у Эстреллы были на исходе, но еще немного оставалось.

— Мне очень жаль, — заверила она. — А как же те, что тебя сменили, — те, кто был с тобой в полете? У них такие же трудности?

— У них? — презрительно переспросил Достигающий. — Нет! Ни в малейшей степени! Они живут в комфорте в поселке за пределами галактики и просто следят за жильем Убийц. И больше ничего. Я их очень не люблю. Почти так же, как вас. Не знаю, смогу ли выдержать это интимное подразделение в будущем, но сейчас я хочу вас покинуть.

Он не попрощался. Ушел, не сказав больше ни слова, оставив Стэна и Эстреллу гадать, о чем, собственно, он говорил.

— Черт побери! — пожаловался Стэн. — Неужели они не могут прямо сказать, что у них на уме, — без этого вздора? О каком «интимном подразделении» он говорил?

Эстрелла промолчала, хотя оба знали, что она могла бы ответить «понятия не имею».

IV

Остальную часть дня они были предоставлены самим себе. У них было достаточно времени, чтобы гадать о смысле слов Достигающего, хотя и недостаточно, чтобы найти ответ. Они снова поели, немного посмотрели непонятные новости и наконец легли спать. Раздельно. И в мрачном настроении — по крайней мере, это было верно относительно Стэна.

Вскоре после рассвета их разбудило ворчание дверного звонка. Открыв дверь, они увидели человека. Настоящего человека, и немолодого. Он был одет в строгий пиджак с полосатым неярким галстуком и аккуратно отглаженные брюки. На лице добрая улыбка, взгляд проницательный. Он вежливо спросил:

— Разрешите войти? Меня зовут Зигфрид фон Психоаналитик. Я подпрограмма корабельного мозга мистера Роба Броудхеда, Альберта, — вы, конечно, знаете, кто такой мистер Броудхед. Я специализируюсь в психоанализе. Поскольку у хичи в этом деле нет никакого опыта, когда один из них стал проявлять признаки душевной неуравновешенности, они обратились за помощью. Я и есть эта помощь.

9. История Сохраненного Разума

I

Меня зовут Марк Антоний, и этот вопрос я хочу прояснить.

Мое имя вовсе не означает, что я древний римлянин. Я не древний римлянин, точно так же как мой товарищ Тор Метатель Молота не древний скандинавский бог. На самом деле, как и Тор, я вообще не человек, я всего лишь простая компьютерная «рабочая лошадь». (Я пользуюсь словом «простая», хотя не имею в виду обычную простоту.) Я был создан как одно из десяти в десятой степени компьютерных сознаний, разработанных людьми и хичи для выполнения необычных заданий, когда несколько столетий назад обе расы строили Колесо. Колесо было создано для того, чтобы следить за внегалактическим поселением нематериальных существ, известных как Убийцы, Враг или под более новым названием Кугельблиц, Шаровая Молния. (Сейчас мне больше нет необходимости говорить о них, но позже придется сказать немало.)

Тогда почему же меня зовут Марк Антоний?

Причина — я не говорю, что это основательная причина, — не имеет ничего общего с тем, что реальный Марк Антоний был любовником египетской царицы Клеопатры. В этой области у меня вообще нет никакого опыта. Особенность Антония, которая заставила дать мне его имя, — это репутация гурмана и обжоры. Или, если выражаться вежливее, эпикурейца. Говорят — я не утверждаю, что это правда, — будто вкусы Антония были столь утонченными, что его поварам приходилось ежедневно готовить ему по шесть разных обедов, так что в зависимости от настроения он мог выбрать любой из них. (Не знаю, что делали с остальными пятью обедами. Скорее всего, кухонные рабы Марка Антония питались очень хорошо.)

Я напоминаю Марка Антония тем, что у нас обоих исключительно изысканный вкус.

Во всех практических аспектах подлинный Марк Антоний и я — полные противоположности. Антоний в жизни не приготовил ни одного блюда. Он не знал бы, с чего начать. Единственный его интерес к пище заключался в ее поглощении. С другой стороны, я вообще никакой пищи не поглощаю, если не считать пищей энергию. На самом деле я — точнее, та первичная подпрограм-

ма, которая определила мою суть, — великий кулинар, мастер приготовления пищи. Нет почти ничего, чего бы я не знал о кулинарном искусстве, — точнее, такого вообще нет; и почти нет такого, что я не смог бы применить на практике. (Разумеется, с помощью моих вспомогательных устройств для физической работы. У большинства искусственных разумов таких устройств нет, но у меня есть.) Все это, конечно, требует доступа к хорошей пищевой фабрике.

Большинство моих клиентов не ценят те тонкости, которые я использую, чтобы угодить им. Например, мой друг Гарри совсем не разбирается в кулинарии. Его нёбо испорчено сорока пятью человеческими годами, которые он провел на безлюдной планете Арабелла. Тут он голодал, голодал все время. И ему нужны были просто калории, не изысканные гурманские тонкости. Соответственно, теперь ему все равно, что он ест, если у него вообще есть такая возможность.

В мое пространство Гарри вошел в своей обычной шелковой рубашке, шортах и сандалиях. Он жевал большое зеленое яблоко, которое я создал для него раньше.

— Привет, Марки, — сказал он. — Ты занят? Не хочешь немного прогуляться?

Я был занят не больше обычного. Помимо выполнения рутинной работы на кухне, руководства восемью ресторанами Колеса, наблюдения за излучениями из Кугельблица и поддержания состояния постоянной боевой готовности, я физически готовил пудинг из гавайского хлеба и крахмала для семьи Лоренцини.

— Что за прогулка? — спросил я.

Он изогнул шею — ну, строго говоря, этого он не делал; в действительности он вошел в мое операционное пространство, чтобы посмотреть, что я готовлю на своей физической кухне.

— Меня отсылают на Арабеллу, — сказал он и наморщил нос.

И опять — строго говоря, он не улыбался. У машинных существ, таких как Гарри и я, нет физических носов, так что мы не можем непосредственно улавливать молекулы воздуха. А вот приборы на моей кухне могут, и я научил Гарри интерпретировать их показания как кухонные ароматы. Так поступаю и я сам.

Но Гарри, что бы я ни готовил, всегда говорит одно и то же:

— Эй, какой приятный запах! Что это?

Так он сказал и на этот раз.

Когда Гарри задает вопрос, лучше ответить: это

экономит время, поэтому я рассказал ему о сладком молокайском хлебе, который пек, а также об ингредиентах голландского соуса к нему; полкило сахарной пудры и децилитр растопленного масла, все это добавляется понемногу и постоянно перемешивается моими периферийными устройствами.

Когда я все это ему рассказал, он ответил:

— Гм. Ха. Эй, Марки, зачем тебе все это? Ведь это просто разные атомы, верно? Почему бы просто не подобрать нужные атомы, вместо того чтобы готовить?

Ну, я, в сущности, не «готовлю», но это объяснять я не стал.

— А ты знаешь, сколько атомов в одном блюде? Примерно десять в двадцать четвертой степени — это единица с двадцатью четырьмя нулями. Я могу многое, но уследить сразу за десятью в двадцать четвертой степени атомами не могу.

— Да? — Он усмехнулся: так он обычно начинает меня поддразнивать. — Говоришь, многое можешь? А сколько именно, Марки?

Ну как ответить на такой вопрос? Моя первичная программа сама по себе очень велика. Никогда не знаешь заранее, что тебе закажут:

вьетнамский рыбный соус, хаггис[10], телячьи ребрышки по-новоорлеански, — так что мне приходилось держать в постоянной готовности примерно тридцать тысяч рецептов кухонь пятисот народов, религий и этнических общностей. Плюс химические и физико-химические формулы всех ингредиентов. (Нужно иметь и то и другое, в особенности для полисахаридов, где основные компоненты практически одинаковые — крахмал или целлюлоза; единственная разница в пространственной изомерии глюкозных остатков, из которых они состоят. Если я перепутаю эту геометрию, мои клиенты получат в пищу целлюлозу и умрут с голоду — конечно, если они не термиты.) Существует свыше двенадцати тысяч стандартных ингредиентов — от груш и лука до свеклы (пяти разновидностей) и редиса. Вы удивитесь, узнав, что едят некоторые. Плюс программы для немедленного получения этих ингредиентов в любой комбинации. Сколько всего это получится программ? Я бы сказал, вполне достаточно, чтобы управлять одновременно пятью большими заводами или вести среднего масштаба войну. На самом деле я одна из самых

[10] Примечания: 10

Шотландское блюдо, бараний рубец, начиненный потрохами с пряностями. — *Примеч. перев.*

мощных программ здесь, в Колесе.

Однако Гарри я ответил коротко:

— Очень много. Ешь свое яблоко. И послушай: ты мне не сказал, зачем мы отправляемся на Арабеллу.

— Это всего лишь один из исследовательских проектов, — ответил Гарри, пожимая плечами, как будто ему постоянно приходится заниматься исследовательскими проектами. (Я знаю, что на самом деле это не так. После спасения у Гарри почти не было полезных навыков. И большую часть времени в Колесе он вообще ничего не делал.) — Хотят побольше узнать об этой планете — Арабелле. Хотят, чтобы я вернулся и взглянул на нее. Говорят, я должен прихватить с собой чистый машинный разум, а не просто сохраненное органическое сознание вроде моего. Я сразу вспомнил о тебе.

Все это время приходили заказы на обеды: кислая капуста, краснокочанная капуста и клецки для Клюгенкампов, жареные креветки для даосов, разнообразная пища из пищевой фабрики для группы, прилетающей из Ядра, и еще сорок других разнообразных заказов. Поскольку никто не потрудился предупредить меня, все получат продукцию пищевой фабрики — без всяких там

утонченных рецептов, на которые я способен. Впрочем, ни один из моих клиентов не заметит разницы. Выполняя заказы, я сказал Гарри:

— Никогда не улетал с Колеса.

Он доел яблоко и бросил огрызок через плечо. Я уничтожил его, прежде чем он упал.

— Я знаю, Марки, — сочувственно сказал он. — Я решил, что тебе стоит для разнообразия прогуляться.

Вообще-то предприятие казалось мне интересным. Я задумчиво сказал:

— Вероятно, можно устроить, чтобы мои дела временно взяла на себя другая программа.

— Конечно, можно, Марки. Значит, полетишь со мной?

Обдумав все обстоятельства, приняв во внимание главное — что я подчиняюсь властям Колеса и не могу не выполнить приказ, я принял решение. Я сказал:

— Да. Нас будут сопровождать органические люди?

Он был шокирован.

— Нет, Марки. Ни в коем случае. Кугели не очень хорошо обращаются с органическими существами. Но сохраненные сознания, как мое, они еще терпят; поэтому меня и попросили от-

правиться с ними, чтобы они были довольны.

— Я не совсем понимаю, к кому относятся твои местоимения, Гари. Кто такие «они»?

Он терпеливо ответил:

— Они — это администрация Колеса, которая решила, что ты должен участвовать в полете. А другие они — те, что летят с нами. Разве я не сказал? Мы берем с собой несколько кугелей, чтобы они могли — как бы это выразиться — вновь посетить место своего преступления. Несколько Врагов.

II

Выполнение заказов занимало меня на протяжении следующей половины секунды или около того, но я был не настолько занят, чтобы не задуматься над рассказом Гарри. К несчастью, эти размышления не дали дополнительных данных. Мне необходимо было знать больше. Я начал поиск в архивах, но, хотя в них содержались самые разнообразные сведения о прежней планете Гарри, там ничего не было о самой экспедиции. Тем не менее мы, сложные программы, когда это возможно, помогаем друг другу, и существовало тридцать или сорок неофициальных источников, к которым я мог обратиться…

Пока я раздумывал, какой из этих источников может оказаться самым полезным, один из них сам со мной связался.

— Маркус, — услышал я, — я очень голодна. Пожалуйста, приготовь для меня яйца по-бенедиктински с жареным картофелем и небольшим салатом.

Поскольку она Сохраненный Разум, вряд ли она может быть голодна в обычном органическом смысле, но я был совершенно уверен в том, что ей нужно. Скука часто вызывает у людей, сохраненных и органических, желание есть, а ее работа оставляла очень много места для скуки.

— Конечно, Ветерок, — сказал я. — Доставить, как обычно?

— Нет, нет, — раздраженно ответила она. — Я все еще на работе. Приду сама. Когда будет возможность.

И исчезла.

Ветерок относится к числу моих лучших и старейших клиентов, к тому же она хичи, что и для меня большая редкость. До встречи с людьми всех хичи, включая и Ветерок, конечно, выворачивало — я имею в виду не только сознательное отвращение, но и настоящую, физическую рвоту, — выворачивало при мысли о том, что можно

есть останки некогда живых существ. Во всяком случае, всех живых существ, кроме одного вида рыбы, которую они едят. Большинство до сих пор этого не любит. Готовить для них значит просто указать пищевой фабрике приятные цвета, текстуру и запахи — как у них дома, в Ядре.

Однако теперь это справедливо не для всех. Эта самка хичи, входящая в администрацию Колеса, очень долго, задолго до постройки Колеса, выискивала Врага (так она называла этих существ), и, думаю, это ей чрезвычайно надоело. Она была одной из тех немногих хичи, которые позволили мне поэкспериментировать с CHON-пищей, — и это когда она еще оставалась в органической форме. Так что я дал ей понять, что такое вкусовые ощущения человека.

Это было нетрудно. Мне легко удалось включить в ее пищу некоторые новые вкусы: фурантиол передавал вкус фруктов, пиразины — вкус свежей зелени и так далее. Все шло хорошо до тех пор, пока я с помощью небольшого количества бис-(2-метил-3-фурил) — дисульфида не попытался показать ей вкус мяса. Первые пробы она не могла проглотить — неудивительно, поскольку такие трудности характерны даже для людей. Но она проявила настойчивость и со временем

поглощала чизбургеры и хотдоги не хуже любого подростка-человека. Потом я научил ее любить рыбу, тушенную в белом вине, свежий стилтон и различные другие блюда для гурманов. Особенно ей понравились устрицы — настолько, что она научилась различать разные их сорта и могла объяснить, почему булонские устрицы не так вкусны, как их японская, более мелкая разновидность. И ее от них не тошнило, как иногда бывает у людей. Она ежедневно поедала по несколько десятков устриц моего приготовления, пока ее органическое тело не отказало и ей не пришлось перейти на машинное хранение. (Конечно, не такое, как у людей. Она ведь была хичи и поэтому стала Сохраненным Сознанием.) Во всяком случае, с тех пор она ела — или «ела» — вдвое больше, но в электронном виде.

Мне хотелось, чтобы она побыстрей явилась за своей едой, потому что ситуацию, описанную Гарри, мне трудно было понять в двух отношениях. Во-первых, я не мог понять, зачем администрации Колеса планировать путешествие вместе с кугелями. Во-вторых, я не мог понять, что кугели будут там делать.

Гарри ничем не мог мне помочь.

— Это не по моей части, Марки. Что касается

меня, то мне просто будет интересно снова взглянуть на эту планету. Может, ты передумал и не полетишь со мной?

И когда я, еще раз все обдумав, ответил, что не меняю своего решения, он отправился в администрацию, сообщить, что мы договорились.

Администрация Колеса состоит почти исключительно из органических или бывших органических существ — людей и хичи; лишь один или два машинных разума делят с ними ответственность. Наличие нескольких подлинно живых органических существ важно по политическим причинам. (А может, они просто пытаются убедить себя и всех, что живая органическая материя по-прежнему важна.) Но в результате деятельность администрации осуществляется невероятно медленно. К сожалению, тут все всегда запаздывает. Я очень сочувствую машинным разумам — членам администрации, — сохраненным или таким, как Ветерок или другой мой постоянный клиент-хичи по имени Термослой. Им невероятно скучно, когда приходит черед органических существ выступать на совещаниях. Мне это определенно скучно, поэтому, пока Гарри сообщал администрации о моем согласии, я успел поставить в печь хлебный

пудинг, приготовить яйца по-бенедиктински для Ветерок, выполнить еще шестьдесят или семьдесят поступивших заказов и другие обязательные работы, тем временем изучая всю доступную информацию о планете, которую мне предстояло посетить. Как я уже упоминал, люди называют ее Арабелла.

В записях людей об Арабелле не говорилось ничего такого, чего бы я уже не знал. Все это я уже слышал от Гарри — слышал много раз. Архивы хичи содержали несколько больше информации. Согласно этим архивам, некогда на Арабелле процветала жизнь, множество ее форм и разновидностей, включая полуразумную расу холоднокровных шестиногих. Всех их полмиллиона лет назад в ходе выполнения своей программы массового убийства уничтожили кугели. В архивах нашлись изображения этих шестиногих, а также множество данных о геологии планеты и тому подобном, но и только.

Я слегка удивился. В этой истории нет ничего необычного. Я не понимал, почему именно эта планета стала целью экспедиции таких ценных работников, как мы. Ничего необычного. Кугели решительно уничтожали любую разумную или полуразумную органическую форму жизни,

когда встречали ее в ходе своих исследований галактики. Все это знают, потому что именно это заставило хичи укрыться в убежище, известном как Ядро. Хичи опасались, что следующие на очереди — они. Единственное дополнительное обстоятельство, касающееся Арабеллы и достойное упоминания, таково: это одна из первых планет, которую в полете по заранее запрограммированному хичи маршруту посетил корабль старателей с Врат. К несчастью для старателей, которым выпал этот жребий, корабль был запрограммирован на полет только в один конец. Они отправились туда. Да там и остались. Как только они прибыли на планету, программа корабля завершилась и они не смогли вернуться. В разное время несколько отрядов старателей оказывались на Арабелле и застревали на ней, стараясь прожить на скудном запасе местных растений и животных, пока наконец люди не научились управлять кораблями хичи, а не просто делать то, что те давным-давно запрограммировали. Вслед за тем спасательные отряды отправились проверять планеты вроде Арабеллы, и пропавшие экипажи были спасены — те их члены, которые еще были к тому времени живы.

Гарри был одним из таких спасенных. К то-

му же он был одним из первых прибывших на Арабеллу. На это катастрофическое разочарование, именуемое планетой Арабеллой, высадился полный сил честолюбивый молодой человек. Сорок пять лет спустя, когда прилетел спасательный корабль, Гарри превратился в слабого больного старика. Гарри умудрился прожить еще несколько лет в органической форме, в основном благодаря интенсивной терапии в ближайшей больнице. Затем его физическое тело отказало до такой степени, что не подлежало восстановлению, и он был «расширен», превратившись в машинный разум. Было решено, что он может быть полезен как эксперт — не по самим кугелям, а по проделанному ими уничтожению. Поэтому он и оказался на Колесе.

Конечно, Гарри все это уже рассказывал мне — на самом деле он рассказывал это очень часто и особенно подчеркивал, какой однообразной была на планете их еда. Вероятно, говорил он, на этой планете когда-то было множество видов растений и животных, но кугели поработали очень основательно.

Меня же больше всего интересовало то, что членами нашей экспедиции должны были стать и кугели.

Вот это поистине необычно. Я никогда не видел кугелей вблизи. И никто на Колесе не видел. Сама Шаровая Молния — Кугельблиц — бывает прекрасно видна с Колеса; для этого Колесо и построено. Кугельблиц — это не нечто единое и цельное. Это сборище желтых комков или шаров, окруженное экраном из черных дыр (так что если какая-нибудь бродячая комета будет угрожать Кугельблицу столкновением, она попадет в одну из этих дыр). Обычно никаких контактов с Кугельблицем не было, если не считать работы операторов Сидений Сна, которые «следили» за объектом днем и ночью.

Очевидно, эти наблюдения зашли гораздо дальше, чем я предполагал.

Пока я просматривал данные об Арабелле, один из моих самых неприятных и требовательных клиентов неожиданно заказал на обед сэмфайровый салат из особого вида водоросли с нааном. Я не удивился. Этот клиент из тех, что постоянно пытаются поразить вас необычным заказом: блюда савойского двора XIII века времен правления Амадея VIII[11], запеченное молоко каракатицы —

[11] Примечания: 11

Амадей VIII, герцог Савойский, впоследствии избранный папой, на самом деле жил в XV веке. — *Примеч. перев.*

всякие такие необычные вещи. Но особенно меня раздражало то, что клиент был органическим существом, так что пищу приходилось готовить физически.

Этот заказ как раз оказался совсем простым. Наан — всего лишь плоская пшеничная лепешка из Афганистана, и в моей базе данных был ее рецепт. Сэмфайровый салат потребовал бóльших трудов. Этот салат из болотных водорослей ели в Англии в Средние века просто потому, что ничего другого не было. У меня никаких данных о нем не нашлось, и не было никакой возможности проанализировать образец, потому что он до нас за эти столетия не дошел. Пришлось взять шпинат, изменить в нем несколько генов и отослать заказ. Клиент нисколько не усомнился. Он ведь тоже настоящий салат никогда не пробовал.

И в этот момент появилась раздраженная Ветерок.

— У меня всего двадцать микросекунд, — сказала она. — Яйца готовы?

Конечно, они были готовы.

— Отлично, вкусно и горячо, — сказала она, попробовав.

Да и как могло быть иначе? В этом одно из преимуществ приготовления блюд для таких

клиентов. Мои виртуальные блюда для машинного разума всегда той температуры, какую я устанавливаю, и остаются такими, не теряя ни вкуса, ни свежести.

Я установил для Ветерок небольшой столик, с одной розой в хрустальной вазе, с камчатной полотняной салфеткой, столовым серебром и фарфором Споуда[12], — Ветерок любит подобную человеческую мишуру.

— Очень занята в администрации? — вежливо спросил я.

Она проницательно взглянула на меня. И между глотками сказала:

— Ты ведь знаешь, как мы заняты. Именно сейчас… — Она помолчала, как будто к чему-то прислушивалась. И когда это случилось, я тоже почувствовал. Не общую тревогу — тогда не было бы никаких сомнений, — но своего рода легкую икоту сигнальной системы, тут же прекратившуюся. — Вот оно, — удовлетворенно сказала Ветерок. — Мне, пожалуй, стоит вернуться.

Я уже проверял все свои сенсоры, чтобы понять, что произошло. Но сумел все же спросить ее:

— А что мне делать сейчас?

---

[12] Примечания: 12

Фабрика Споуда выпускала фарфоровую посуду в конце XVIII — начале XIX в. — *Примеч. перев.*

Она проглотила последний кусок, вытерла свои тонкие губы хичи салфеткой, сказала:

— Пакуйся, — и исчезла.

Конечно, она права. Я решил подготовиться к путешествию. Ни она, ни я не думали об упаковке чемоданов — машинным разумам нечего упаковывать, — речь шла о гораздо более личном.

Продублировать такой машинный разум, как мой, нетрудно. Необходимо лишь одну за другой скопировать все программы в ассемблере. Это заняло всего несколько десятков микросекунд, и в моем виртуальном пространстве нас оказалось двое.

— Здравствуй, Марк Антоний Второй, — сказал я своему дублю, и дубль сразу отозвался:

— Почему ты называешь меня Вторым? Это ты моя копия.

Так всегда происходит, когда создаешь идентичную копию. И решаем мы эту проблему всегда одинаково. Второй Марк Антоний и я создали произвольно по три простых числа, достаточно больших — из трех или четырех сотен цифр. Затем все эти шесть простых чисел мы сложили. Получившееся число не было простым. Это, понятно, верно, поскольку сумма стала кратной каким-то делителям. Затем совсем простая задача

— определение этих простых делителей. Один из них оказался ближе к одному из моих простых чисел, чем к числам Марка Второго, так что я выиграл.

— Уступаю, — философски заметил Марк Два. — Теперь нужно… Эй, а это что такое?

Я едва не сказал то же самое, потому что мои сенсоры наконец дали нам знать, что именно едва не привело в действие сигнальную систему и не подняло тревогу. Это было излучение из Кугельблица.

Я сказал:

— Думаю, стоит поговорить с Тором Метателем Молота.

— Конечно. Я бы так и поступил.

Поэтому я оставил его следить за температурой пудинга в печи, а также жарить яичницу с помидорами для Саймона Ларбачева и трех его голодных внуков, за которыми он присматривает, пока их родители на работе. И связался с тем, кого уже упоминал выше, — с Тором Метателем Молота.

Тор на самом деле не мечет никаких молотов. В его распоряжении гораздо более мощное оружие. И его нельзя тревожить по пустякам. Но мы с ним в одной связке; и если начнется настоящая

война с кугелями, первой системой, которую он известит, буду я. Он явился мне не в облике бога из Валгаллы, а в облике человека, армейского офицера середины двадцатого века, с орденами и медалями на груди и с личным оружием в кобуре на боку.

— Привет, Марк, — вежливо поздоровался он. — Чем могу быть полезен?

— Примерно секунду назад была вспышка излучения в Кугельблице. Связано ли это с возложенной на меня миссией?

Тор улыбнулся.

— Да. Эта вспышка переслала на Колесо несколько кугелей. Они будут сопровождать тебя.

Тор всегда получает больше информации, чем я, — или, по крайней мере, получает ее быстрее, поскольку контролирует единственное оружие, которое может нам помочь в случае агрессии со стороны кугелей — конечно, если такая агрессия будет иметь место. Мы все искренне надеялись, что этого не случится: оружие вряд ли помогло бы нам, а слухи о том, что у нас припасено нечто куда более мощное, на поверку всегда оказывались только слухами.

— Да, — сказал я, — но я не знаю, чем именно эта рядовая планета заинтересовала Совет.

Я застал его в хорошем расположении духа. Он задумчиво ответил:

— Почему бы и не ввести тебя в курс дела? Планета не интересует Совет. Поступили данные о какой-то неразрешенной деятельности на ней, и власти хотят уточнить подробности, но ничего такого, ради чего стоило бы отправлять специальную экспедицию. Особенно с таким экипажем, как ваш. На самом деле все это затеяно лишь ради осуществления совместного с кугелями проекта. Любого проекта. В надежде, что из этого со временем выйдет нечто большее.

— А почему именно эта планета?

— А вот об этом, — сказал он, — нужно спросить кугелей. Ее выбрали они. Ты ведь знаешь, что у них повсюду есть туманности-наблюдатели.

Это не был вопрос, потому что я действительно знал, и я не стал отвечать. А он продолжал:

— Могу только предположить, что один из их шпионов зафиксировал нечто заинтересовавшее их — может, ту самую деятельность, о которой мы говорили. И послушай, Марк, разве тебе не приказали отправиться туда?

Так и есть. Мне было приказано отправиться на Арабеллу, какова бы ни была цель этой экспедиции, и мы пошли к нашим спутникам-кугелям.

III

Корабль, предоставленный нам властями, оказался старым одноместником, самым маленьким из кораблей, когда-то оставленных на Вратах хичи.

Его размер для нас не был проблемой. Будь на борту только мы с Гарри, нам и такое пространство не понадобилось бы; наши программы могли бы разместиться в одной-единственной книге-веере хичи, для чего не нужен значительный объем. Однако с нами должны были лететь и кугели.

Когда вся колоссальная масса кугелей находится в одном месте — в очень плотной черной дыре, которую мы называем Шаровой Молнией, Кугельблицем, — общее гравитационное поле легко удерживает их вместе. Та небольшая часть целого, которая отправляется с нами, несравненно больше крошечных шпионов-туманностей, разбросанных по всей галактике для наблюдений за происходящим, но все же недостаточно массивна. Чтобы не разлететься во всех направлениях, эти кугели должны постоянно находиться в своего рода магнитном контейнере; это означает, что необходим генератор магнитного поля, а это,

в свою очередь, требует дополнительной массы материи — и пространства, которое вместило бы эту материю.

Поэтому, когда мы вдвоем «поднялись на борт», мы сразу заметили перемены в привычном устройстве корабля хичи. В главном помещении приборы управления снабдили сервомодулями, чтобы такие нематериальные существа, как мы с Гарри, могли менять программы полета и лететь куда захотим. Но главная перемена произошла в посадочной шлюпке. Почти все ее пространство занимал массивный контейнер для кугелей — сложное металлическое устройство, напоминающее трехмерное изображение четырехмерного куба, который называется тессеракт. Похоже это на блестящий куб с гранью в полметра с шестью такими же кубами, выступающими по одному из каждой грани.

Оказавшись на борту, я прежде всего проверил внешние параметры тессеракта. Проверять было особенно нечего. Температура поверхности равна температуре окружающей атмосферы; альбедо 0,8; излучения нет. Я отметил легкое, очень высокое гудение — примерно 300 герц, но не модулированное — никакой информации оно не несло.

— Ну? — с тревогой спросил Гарри, который не умеет обращаться с плотной материей. — Узнал что-нибудь?

Я покачал виртуальной головой.

— Если ты спрашиваешь, вступил ли я в контакт с кугелями, то нет.

Он философски заметил:

— Может, нам бы они не понравились, если бы мы вступили в контакт.

Я на это ничего не ответил. Я думал о том, что произойдет, если мы столкнемся с ними случайно, например из-за повреждения контейнера, когда вся энергия вырвется из него и обрушится на нас — вернее, на наши физические хранилища баз данных. Не очень продуктивная мысль, но ничего не поделаешь.

Философское настроение недолго владело Гарри. Я молчал, и он начал тревожиться.

— Мы готовы к старту? Или весь день будем сидеть здесь?

На это мог быть только один ответ. Я вызвал программу старта, установил курс и задумался над тем, что делать дальше.

Беда в том, что Колесо на одном краю галактики, а Арабелла вращается вокруг своей звезды класса G-2 в рукаве Персея почти в семидесяти

тысячах световых лет отсюда. Я рассчитал, что при работе установленного у нас сверхсветового двигателя потребуется пятидневный перелет — для нас это бесконечность, и заняться в это время нам совершенно нечем.

Гарри, думавший о том же, высказал предложение.

— А не поиграть ли нам в шахматы, Марки? — спросил он.

Я покачал головой.

— У меня есть идея получше. У нас теперь достаточно времени, и ты можешь рассказать мне, какие инструкции получил для работы на Арабелле.

Он посмотрел на меня.

— Инструкции?

— Да. Инструкции. Что тебе велели делать.

Он пожал плечами.

— Мне не давали никаких инструкций, Марк. Просто велели отправиться туда. Мы ведь туда летим, верно? Вот и все.

Не лучшая новость. Я надеялся, что у властей есть более конкретная информация, чем у Тора Метателя Молота, но, если она и была, они ею не поделились. Гарри сочувственно потрепал меня по виртуальному плечу.

— Они наверняка знают, что делают, — сказал он уверенно. — Я могу показать тебе, где жил на этой планете. Это будет любопытно, верно?

Я ничего не ответил. Я не запрограммирован сердиться или вообще испытывать раздражение — мое раздражение направлено лишь на то, что мешает мне нормально функционировать. Однако я был очень к этому близок.

Гарри некоторое время следил за мной, ожидая какого-нибудь конструктивного замечания. Ничего не дождавшись, он потерял терпение.

— Знаешь что, Марки? — спросил он. — Я как будто проголодался. Не приготовишь ли мне яичницу с беконом, может с куском ржаного хлеба, еще немного шампанского и апельсинового сока, чтобы запить?

Я принял решение.

— Неплохая мысль. Можешь получить все это на завтрак, — сказал я.

Он бросил на меня типичный для него непонимающий взгляд.

— На завтрак?

— Да, на завтрак. То есть я имею в виду, — пояснил я, — еду после подъема. Сам я собираюсь спать до прилета. Можешь последовать моему примеру, если хочешь.

Эта идея ему не понравилась — точнее, не слишком понравилась: он понял, что я не собираюсь все время перелета тратить на приготовление сложных виртуальных блюд и на бесконечные шахматные партии с ним, которые я всегда выигрываю. Ему приходится опираться на собственные ресурсы, чем он вечно недоволен, поскольку таких ресурсов у него нет. Поэтому Гарри поворчал, но не стал протестовать, когда я установил таймеры таким образом, чтобы они разбудили нас, когда мы прибудем на Арабеллу.

После этого я ввел нас обоих в состояние готовности.

Состояние готовности не очень похоже на сон — насколько я знаю, что такое сон. В этом состоянии мы не спим и не видим сны. Я нахожусь то в полном сознании, то — опять в полном сознании, но между этими мгновениями проходит время. Неважно, сколько именно. Может быть и полмиллисекунды, и тысяча лет.

Итак, было щелк и щелк — вот и все. Как только состояние готовности кончилось, я сразу обратился к таймерам и остальным приборам. И поэтому не сразу понял, что имел в виду Гарри, когда он произнес:

— А ты кто такой?

Его удивило то, что в нашем виртуальном пространстве оказался незнакомец.

Незнакомец был двуногим. У него были руки, на плечах голова с глазами и лицом, но на человека он не очень походил. Не походил он и на хичи. Скорее он напоминал что-то вроде голема, сооруженного тем, кто слышал о людях и хичи, но сам их не видел и не знал, что это разные существа. У этого типа был плоский торс и большая косматая грива на голове, то есть он соединял в себе то, что мне кажется самым непривлекательным в обоих видах. И он разговаривал с нами. Каким-то мурлычущим металлическим голосом он произнес:

— Мы отметили, что вы прибыли в точку, идентифицированную как Арабелла. Мы также отметили, что инициированы процедуры, предусмотренные полетным планом.

Затем он неловко — сразу всем телом, как повешенный, — повернулся к Гарри.

— Отвечу на ваш вопрос, — сказал он все тем же странным металлическим голосом, — мы Группа. Нам известно, что ранее вы были органическим существом. Поэтому не обращайтесь к нам, за исключением случаев крайней необходимости.

Тут я вмешался.

— У меня — случай крайней необходимости, —

сказал я. — Мне необходимо точно знать, что мы должны делать на этой планете.

Кугель точно таким же образом — как марионетка — повернулся ко мне. Чтобы ответить, подумал я. Но ошибся. Какое-то время он смотрел на меня своими необычными безжизненными глазами, затем изображение начало распадаться и исчезло.

Я взглянул на Гарри, Гарри — на меня. Я сказал:

— Полагаю, и от них мы никаких инструкций не получим.

Он пожал плечами.

— Можем отыскать место, где я жил, — сказал он. Эта перспектива ему явно нравилась.

А мне нет. Мне совсем не интересно смотреть на место, где когда-то что-то было, а потом исчезло. Мне кажется, это недостаточный повод для полета за семьдесят тысяч световых лет.

IV

После того как посадочная шлюпка отошла от корабля, оставленного на орбите, для спуска на поверхность потребовалось восемнадцать минут в органическом исчислении. Это очень долго. За меньшее время мне приходилось готовить

настоящую, физическую еду — многие блюда почти из ничего — для трех тысяч человек. Вполне достаточно времени для знакомства с новыми членами экипажа — обмен рассказами о прошлом, болтовня о цели полета и все прочее для установления дружеских отношений.

Но с кугелем ничего подобного не получилось…

Попробуем прояснить некоторые проблемы номенклатуры. Вероятно, точнее было бы говорить о кугелях, используя множественное число, потому что внутри контейнера находилось множество существ — может, миллион, а может, во много раз больше. Но то, что мы видели, совсем не походило на миллион существ. Кугели демонстрировали нам себя в виде одного более или менее человекоподобного существа — точнее, они делали это, когда хотели показаться, то есть не слишком часто. Когда неуклюжая фигура сообщала нам все, что хотели довести до нашего сведения кугели, она неловко поворачивалась, распадалась и исчезала. Когда я задавал вопрос, касающийся таких физических проблем, как работа приборов шлюпки, фигура медленно возникала, держалась равно столько времени, чтобы ответить, и опять распадалась. Прочие вопросы

вроде «Не скажешь ли, Группа, чего ты надеешься достичь на Арабелле?» кугели просто игнорировали, даже если их задавал я. На вопросы Гарри, который когда-то был органическим существом, они вообще не отвечали.

«Бесконечный» не совсем подходящая характеристика спуска. Он все-таки кончился.

Я смог определить это только по показаниям приборов, которые зафиксировали увеличение силы тяжести, не связанное с движением нашей шлюпки. Сила тяжести составляла примерно 80 процентов земной. Шлюпка слегка вздрогнула и застыла.

Мы прибыли.

Я не видел причин откладывать то, за чем мы явились, поэтому немедленно запустил исследовательскую программу. Мгновение спустя то же сделал Гарри.

Хотя мы приземлились на освещенной стороне Арабеллы, здесь было очень мрачно. Похоже, что мы оказались под проливным дождем — я сразу узнал его по базам данных, к которым у меня был доступ.

Если в этой части планеты и обитала какая-то фауна, никаких следов ее не было видно — животные, вероятно, прятались от дождя в норах. По

земным нормам было холодно — примерно 277 градусов по Кельвину, и над головой непрерывно сверкали яркие молнии.

Рядом со мной дрожал Гарри — по чисто психологическим причинам, конечно, поскольку физическое окружение действовало на него не больше, чем на меня.

— Видишь что-нибудь знакомое? — спросил я.

Он в отчаянии покачал головой.

— Никогда в жизни здесь не был.

— Конечно, был, Гарри, — мягко поправил его я. — Это Арабелла. Ты провел на этой планете сорок пять органических лет и не мог об этом забыть.

Он вызывающе посмотрел на меня.

— Я не забыл ни одной проклятой секунды из того времени, но почему ты считаешь, что я бывал в этой части Арабеллы? Это целая чертова планета, верно? Припомни, у нас не было самолетов, чтобы летать по всей планете. Как ты думаешь, далеко мы могли уйти пешком?

Это меня удивило. Впервые за время нашего знакомства Гарри оказался прав, а я нет. К такому опыту я не привык, и он мне не понравился. Я спокойно сказал:

— Прости, Гарри. Но хоть что-нибудь ты узна-

ешь?

Он взглянул на небольшую рощу из деревьев или похожих на деревья организмов в нескольких десятках метров от нас.

— Эти я знаю. Их молодые листья можно есть, — ответил он. — Потом — нет, выворачивает наизнанку. Берта едва не умерла, когда попробовала.

— Значит, что-то ты узнаешь?

Он с усталым презрением посмотрел на меня.

— Я сказал, что узнаю деревья. Деревья того же вида, Марки, но местность совсем другая. Там, где я был, этих деревьев росло гораздо больше. Настоящий лес на сотни квадратных километров. Когда весной распускались листья, как мы наедались!

Гарри улыбался, как будто на него нахлынули счастливые воспоминания. Может, так и было. Для Гарри и остальных заброшенных на планету любая возможность наполнить животы — уже счастье. Я продолжал расспросы, показал на большую горную цепь на горизонте; облака почти совершенно закрывали ее в оптическом диапазоне, но на микроволновых частотах горы были отчетливо видны.

Он без энтузиазма посмотрел на них и покачал

головой.

— Нет, Марки. Не думаю. Может, если бы нам удалось заглянуть на ту сторону?..

— Никаких проблем, — ответил я, переместил зрительную программу на самую высокую вершину и максимально увеличил изображение. Здесь буря бушевала еще сильнее, с многочисленными молниями и истинными потоками осадков. Разница состояла лишь в том, что осадки имели вид гексагональных кристаллов воды в твердой фазе — это состояние называется «снег». С вершины мы видели местность на сто километров до горизонта. Один из ближайших пиков, со срезанной вершиной и с кратером, похожим на озеро, когда-то был вулканом, но сейчас явно не действующим. Вдали виднелось еще одно озеро, гораздо больше первого; через болота и заросли тростника в него впадала широкая медлительная река. Мне казалось, что такую местность легко узнать.

— Что-нибудь знакомое, Гарри? — спросил я.

Он поморщился, когда электрический разряд ударил в землю всего в нескольких сотнях метров от нас, и снова отрицательно покачал головой.

— Возле нашей пещеры были похожие болота. Мы там проводили много времени, потому что

в воде можно было наловить жуков и что-то вроде моллюсков. Боже, какой у них был отвратительный вкус, — добавил он, морща нос от омерзения, — но в холодное время года это почти единственное, что мы могли есть. И никакого озера там не было.

Я вздохнул.

— Ну хорошо, попробуем в другом месте.

Так мы и поступили. Попробовали в другом, и еще в одном, и еще. И тут, во время девятой или десятой попытки, рядом с нами возникла нелепая фигура кугеля.

— Здесь нет ничего интересного, — провозгласил он (или они). — Мы хотим задать вопрос.

— Задавайте, — нетерпеливо ответил я, потому что Гарри почти исчерпал запасы моего терпения.

— Вопрос таков: зачем мы привели нашу посадочную шлюпку на этот объект? Почему не остались на орбите и не произвели осмотр оттуда?

У Гарри отвисла челюсть.

— Эй, Марки, а он прав, — раздраженно сказал он. — С орбиты мы могли бы увидеть гораздо больше.

Конечно. Я сразу это понял.

Я помолчал, не зная, что сказать. Я не сказал: «План полета составлял не я», хотя это было правдой. Я даже не сказал: «Со мной по этому поводу не консультировались», хотя и это было правдой. Я только сказал:

— Вы правы, — замолчал и начал подготовку к возвращению шлюпки на орбиту.

Второй раз за время моего существования кто-то другой оказывался прав, а я ошибался. И мне это понравилось даже меньше, чем в первый раз.

V

Посадочная программа предусматривает полет в направлении вращения планеты. Я не видел причин изменять ее, поэтому мы полетели на восток, отправляя исследовательские подпрограммы в те районы планеты, которые были от нас скрыты. На востоке сейчас темно, но для наших сенсоров это не проблема. Для Гарри тоже. В каждом новом месте его реакция была одинаковой:

— Нет. Ничего знакомого, Марки. Нет.

Бесконечные отрицательные ответы Гарри быстро надоедали: минул разумный период времени, а я не видел им конца.

Позвольте определить, что я понимаю под «разумным периодом времени». Наш корабль находился на стоминутной орбите; это значит, что именно столько времени нам требовалось для осмотра всей планеты. Так что нам предстояло мириться с непереносимой скукой в течение совершенно незначительных шести миллионов миллисекунд.

Гарри скучал почти так же, как я. Это давало мне небольшое преимущество, потому что он спасался от скуки своим обычным способом — ел, а я готовил для него особенно сложные блюда, получая возможность хоть немного отвлечься. Некоторые из этих блюд были поистине необычны: суфле с бальзамическим уксусом, ядовитая японская рыба-собака, которую японцы называют торафугу, десерты, которые требовали гораздо больше мастерства, чем обычная еда Гарри. Я сотворил сахарные волны в море из сладкого крема с лаймом, по морю плыли корабли из имбирного пряника с зефирными парусами, а матросы из белого шоколада стреляли из марципановых пушек. Гарри с большим интересом осмотрел эту конструкцию, но когда я сказал, что все готово, проглотил мгновенно. Потом вежливо сказал:

— Послушай, Марки, хватит сластей, ладно?

Как насчет жареного мяса?

— Конечно, — ответил я и снова принялся за работу. Настоящее жареное мясо с наскока не приготовишь. Я нацелился на совершенство: полусырая красноватая середина и хрустящие обгоревшие края, с особым вниманием к реакции Майяра. Именно она придает мясу особый вкус: большие молекулы разрываются на маленькие, что делает мясо особенно вкусным, при температуре в 413 градусов по Кельвину. На несколько градусов больше, и с жиром смешается перегоревший уголь; на несколько меньше — и настоящего вкуса вообще не будет. На этот раз у меня все получилось. Гарри тоже так считал, потому что одобрительно хмыкнул.

И тут кое-что произошло.

Мы как раз пролетали над океаном, возвращаясь на дневную сторону. Гарри отложил последний кусок мяса и с искренним интересом сказал:

— Марки, ты видишь, что там?

Конечно, я видел — в буквальном смысле. Но не понимал, почему восход солнца стоил такого замечания.

— Это восход, Марки! — сказал Гарри. — Я так давно не видел восхода. Разве ты не понимаешь,

как он прекрасен?

Правда в том, что я не могу этого понять. У меня нет систем распознавания видимой красоты, если только эта красота не связана с приготовлением пищи. Конечно, я легко распознаю все краски, слагающие эту картину: от бледно-розового цвета свежеиспеченного хлеба до темно-алого панциря вареного омара, — но это всего лишь естественная последовательность частот видимого света, подвергающегося рефракции при прохождении через капли воды соответствующего размера, занимающие определенное положение относительно солнца. И я не мог понять, что в этом такого, что заставило Гарри оторваться от еды.

И тут он издал звук, какого я раньше от него никогда не слышал. Он вскочил, перевернул стол и разбросал все, что на нем стояло. Рукой с вилкой он показывал на горизонт. И кричал:

— Посмотри туда! Там мы жили, Марки. Послушай, я должен там все осмотреть.

Я автоматически уничтожил созданный им беспорядок и посмотрел туда, куда он показывал. Откровенно говоря, перспектива встречи с этим местом взволновала меня гораздо меньше, чем Гарри, но он уже спроецировал себя на поверхность, и я последовал за ним.

Я бы и сам, без помощи Гарри, опознал это место, потому что сразу увидел в болоте старую заброшенную посадочную шлюпку с пятиместника. Она почти совсем заросла тростником, но нисколько не походила на естественное образование. Отсюда начинался крутой подъем к группе скалистых холмов, и Гарри показал на большое отверстие у их подножия.

— Здесь мы жили! Это пещера! И посмотри — вот ловушка, которую мы сделали, чтобы ловить жуков в холодную погоду. — Он показал на нечто похожее на вигвам из тростника на самом краю, там, где болото переходило в темную, грязную открытую воду. — Мы забирались в ловушку перед рассветом, — возбужденно рассказывал Гарри. — А когда жуки приходили кормиться, хватали их. Но нужно было прятаться. Они очень осторожные. Если бы мы попробовали прийти к ним с берега, они тут же исчезли бы. А вдоль всего берега — видишь? — деревья с листьями, которые можно есть. Отсюда этого не видно, но под ветвями есть такие штуки, вроде грибов, и…

И так далее, и тому подобное.

Я дружески отношусь к Гарри. В мою программу входит быть внимательным, если это осуществимо, и к органическим существам, и к

сохраненным машинным разумам. Поэтому я позволил Гарри использовать очень много моего времени и даже кое-что из моих возможностей — и без всяких возражений и жалоб. Но наш космический корабль с каждой минутой удалялся на три минуты долготы. Разумеется, минута для нас — весьма значительный промежуток времени, а на планете предстояло еще очень многое исследовать. Однако Гарри не хотел уходить.

— Мы можем здесь приземлиться, Марки, — сказал он. — Почему бы и нет? Эй, будь разумным, ладно? Ради бога, мы можем осмотреть остальную часть Арабеллы в любое время!

На это я ничего не ответил. Я вообще ничего не стал делать, но поскольку именно я управляю шлюпкой, она оставалась на орбите, а Гарри дулся.

Может, он бы продолжал дуться все эти бесконечные шесть тысяч секунд, которые требуются на один виток вокруг планеты, но тут мы увидели внизу кое-что совершенно неуместное.

Больше всего это походило на старинный разрушающийся замок из истории земного человечества, достаточно большой, чтобы принадлежать императору, окруженный садом, достойным французского короля; рядом с садами

располагался совершенно круглый зеленый газон с километр в диаметре, а посреди него абсолютно круглый пруд.

Первой моей мыслью было: может, кугели не так уж тщательно уничтожили все следы древней культуры, когда побывали здесь. Но достаточно было одного взгляда, чтобы понять: это не так.

Да, это был замок, но совсем не древний. Он только так выглядел. Мы тут же заметили, что в некоторых очень важных отношениях он вполне современный. Прямо из крыши словно росли две конструкции, больше всего похожие на подпорки фруктовых деревьев. Но это были вовсе не подпорки. С них сорвались два сверкающих металлических предмета, явно совсем новые. Еще более несомненным было то, что эти предметы направились к нашей шлюпке на орбите. И что самое очевидное, это было оружие, основанное на взаимодействии частиц и лучей, то самое, каким располагал Тор Метатель Молота.

VI

В некоторых обстоятельствах машинный разум обладает огромными преимуществами. Пока смертоносные бочонки медленно ползли к нам, мы успели проанализировать проблему,

обдумать возможные варианты и — 210 или 225 миллисекунд огромное время — решить, что делать.

Положение обсуждали не только мы двое. Почти немедленно показался и кугель в своей дикой личине, где были намешаны черты людей и хичи, — как раз когда Гарри завопил:

— Убери нас отсюда к дьяволу!

Не знаю, слышал ли кугель слова Гарри. Но определенно не стал на них отвечать. Напротив, почти содрогаясь от чувств, которые были мне совершенно непонятны, он сказал:

— Отвратительно! Планета была тщательно простерилизована! Мы крайне недовольны тем, что она вновь населена!

Особенно меня поразило то, что эта пародия на личность действительно проявляет чувства. Но тут меня осенило.

— Так вот в чем дело? — воскликнул я. — Поэтому вы явились сюда? Каким-то образом узнали, что на планете есть жизнь?

На мгновение мне показалось, что он ответит на мой вопрос, но после некоторого колебания изображение кугеля медленно распалось на множество светящихся точек и исчезло. Но это уже было неважно. Я знал, что прав. Гарри тоже.

И это его тоже тревожило.

— О чем он говорил, Марки? — спросил Гарри. — Как по-твоему, не хочет ли он заново простерилизовать этих парней там, внизу?

— Надеюсь, нет, — ответил я. — А может, это и невозможно. Для того чтобы убить все, нужны все кугели, а не такая небольшая группа, как у нас.

Гарри обдумал мой ответ.

— А как они это делали?

Неплохой вопрос. Возможно, нас послали сюда найти ответ именно на него.

— Давай спросим, — сказал я и добавил в пространство: — Кугель? Можешь рассказать нам, как твой народ стерилизовал эту планету?

Вначале мне казалось, что ответа не будет. Но вот фигура медленно материализовалась.

— Нам не нравились химические существа, проявлявшие признаки разума, поэтому мы принимали меры.

— Конечно, кугель, — ответил я, стараясь не потерять терпение. — Но какие именно меры?

— Мы прекращали их химические функции, — сказал он, как будто это что-то для нас значило. — Дезактивировали любое материальное существо крупнее… — он поколебался… — ваших ножных оконечностей.

— А как именно вы это делали? — вмешался Гарри.

Возможно, это была ошибка. Может, кугель и ответил бы на вопрос, задай его я. Но вопрос задал Гарри. И на этот раз кугель не исчез, а застыл. Именно «застыл» — совершенно неподвижно.

Гарри помахал перед лицом кугеля рукой — безрезультатно.

— Черт, — с отвращением сказал он. — Вот хамы, а?

— Согласен, Гарри, — ответил я. — Но, может, стоит обдумать сложившуюся ситуацию. — К этому времени прошла почти сотня миллисекунд, и отвратительные снаряды все приближались.

Вернувшись к реальности, Гарри сглотнул.

— Может, стоит убраться отсюда, — нервно сказал он.

— Может быть, — согласился я, — но сначала посмотрим, что у нас там. — Я искал людей — обитателей замка. Использовал инфракрасный локатор на случай, если там были живые организмы…

На мгновение мне показалось, что я их нашел. На небольшом лугу у пруда несколько неряшливых людей уныло объедали ягодные кусты.

Я сказал «люди». Но это преувеличение. Дву-

ногие, это да. Может, даже приматы. Но не люди. Большое увеличение показало, что они волосатые, нагие и выглядят глупее любого органического человека из тех, что я встречал. Кто бы это ни был, не они построили замок.

Гарри посмотрел на эту сцену, потом посмотрел на меня, на кугеля. Кугель ничего ему не подсказал — он находился в положении, невозможном для органического существа: в полной абсолютной неподвижности. Тогда Гарри снова обратился ко мне.

— Может, стоит посмотреть вблизи? — предложил он.

Я указал на недостаток его предложения:

— Нас взорвут.

— А, — отозвался он и посмотрел на приближающиеся снаряды. И внес прямо противоположное предложение. — Тогда давай сматывать удочки!

Я еще не был готов к этому, тем более что у нас оставалось немало миллисекунд до приближения снарядов. Мы с Гарри обсудили несколько возможностей. Например, вернуться на корабль и запросить указаний. Или приземлиться там, где нас не будет видно из замка, и незаметно подобраться по поверхности. Или даже бросить все это и направиться назад к Колесу.

Но лучшее предложение внес кугель. Пока мы с Гарри разговаривали, он молчал и был совершенно неподвижен, но вот компоненты его лица приняли слегка иное расположение.

— Знаете ли вы, — спросил он своим механическим неприятным голосом, — что большая часть органики находится под землей?

— Под землей? — переспросил я, и он слегка повернулся, глядя мне в глаза своими пустыми глазницами.

— В туннелях, — сказал он. — Возможно, оставленных хичи.

Об этом я не знал, но его слова показались мне вполне разумными. Однако я ничего не ответил, и тогда он спросил:

— Знакома ли вам эта технология? Она по своей природе преимущественно электромагнитная.

Я предположил, что он говорит об оружии, поскольку другой технологии я не видел.

— Вполне знакома. А почему вы спрашиваете?

— У нас есть два предложения. Обдумайте их. Номер один: если хотите, мы испарим это оружие и тем самым обезвредим его.

Я посмотрел на него.

— Испарите? Как?

— Надо образовать фемтощель в нашем контей-

нере на фемтопериод времени и направить часть нашего содержимого на оружие. Мы полагаем, что сокращение нашей массы будет пренебрежимо малым, не более семнадцати в одиннадцатой степени от целого. Конечно, — добавил он, — необходимо будет часть энергии направить на создание отверстия в стене корабля с соответствующим незначительным косметическим ущербом.

Я понятия не имел, что кугель способен на такое. Гарри тоже. У него даже челюсть отвисла.

— Какое еще испарение! — начал он, но я уже принял решение.

— Нет, кугель. Мы не хотим причинять им физический ущерб, если этого можно избежать. Там внизу органика… — Я прекрасно понимал, что для него это не недостаток плана, а, напротив, его достоинство. Но я надеялся, что он примет мое вето как обязательное, что он и сделал.

— Номер два: поскольку природа вашей технологии тоже электромагнитная, возможно, структура этой системы совместима с вашей и вы можете в нее проникнуть.

Казалось, он считал, что сообщил достаточно. На самом деле это было не так.

— Что же мы должны сделать? — спросил я.

Странный набор черт не заслуживал названия «лица», однако выразил некоторую разочарованность моей несообразительностью.

— Первое: соберитесь в небольшую базу данных. Второе: переместитесь в их систему. Третье: проведите разведку. Четвертое: вернитесь для обдумывания дальнейших шагов.

— О, — сказал Гарри, качая головой. — Эй, Марки, а ведь это может сработать. Как ты думаешь, стоит попробовать?

— Я думаю, — ответил я, бросив взгляд на экран, показывавший поверхность планеты, — что первый снаряд в дуговой секунде от столкновения с нами, а второй сразу за ним. Что произойдет с кораблем, если мы останемся на месте?

— Это не проблема, — сказал кугель. — Мы займемся этим. Мы отступим в корабль на орбите и останемся там, вне досягаемости оружия. Через произвольный промежуток времени, но не более чем через несколько секунд, мы вернемся, чтобы выслушать ваши сообщения или принять вас после возвращения от цели. Но мы не останемся здесь, когда оружие может нам угрожать.

Гарри повернулся и бросил на меня презрительный взгляд.

— Так мы и поступим. Что с тобой, Марки? По-

чему ты сам об этом не подумал?

Я не стал прямо отвечать на этот вопрос. Просто сказал:

— Давай сделаем это. Переформатируй себя, пока я определю расположение цели.

У меня был ответ, но я не хотел его давать. Дело в том, что кугель преподнес мне еще один большой сюрприз. Я понятия не имел, что он может пользоваться сервомодулями, управляющими нашим кораблем.

На крыше замка виднелось несколько устройств, напоминающих по форме цветы; я подумал, что это сигнальные или поисковые антенны. Мы приблизились к ним, осмотрели — и верно. Если бы это оказались дождевые коллекторы или громоотводы, нам было бы значительно труднее проникнуть снаружи в их компьютерные системы.

Но нам даже этого делать не пришлось. Нас сразу обнаружили. Резкий громкий голос произнес:

— Эй, вы, двое! Оставайтесь на месте! Немедленно покажитесь!

Конечно, говорило не органическое существо. Говорил сторож, искусственный разум, как и я, но показался он нам в виде органического существа — это был шериф с Дикого Запада, с шестизаряд-

ным пистолетом, в десятигаллонной шляпе и со шпорами на сапогах; впрочем, эти шпоры никогда не касались боков лошади. По своему опыту знаю: чем тривиальней система искусственного разума, тем сложней изображение, в котором она себя демонстрирует.

Однако, когда это возможно, я предпочитаю проявлять вежливость. Это его дом. Поэтому мы сделались видимыми: я в фартуке и в белом колпаке, Гарри в своем обычном кричащем спортивном костюме.

— Ни с места, — приказал сторожевой разум, положив руку на рукоять пистолета. Мы и так не двигались, а тон сторожа был гораздо воинственней, чем требовала ситуация. Я сразу заметил, что его программы гораздо примитивней моих или даже Гарри. Однако из вежливости мы оставались на месте.

Чем дольше мы стояли, тем больше сторож терял уверенность.

— Я не знал, что вы появитесь, — встревоженно сказал он, оглядывая нас с ног до головы.

— Я не знал, что вы здесь, — огорченно сказал Гарри и, будучи менее склонным к вежливости, добавил: — Марки, почему бы не заставить этого клоуна просто уйти?

Я покачал головой.

Я легко мог его нейтрализовать, и он, кажется, начинал понимать это. Но я не хотел неприятностей. И как можно вежливей сказал:

— Простите, если мы вас испугали. Пролетая мимо на своем космическом корабле, мы заметили вашу установку и решили нанести дружеский визит. Мы хотим быть вашими друзьями. Мы и не думали причинять вам вред, если только, — я улыбнулся, показывая, насколько это маловероятно, — нам не придется защищаться.

К тому времени сторож уже вполне понял, с чем столкнулся.

— Прошу подождать, — сказал он; его голос неожиданно стал невнятным и механическим; я понял, что он одновременно связывается со своим начальством.

Нам не пришлось ждать долго — всего несколько миллисекунд; времени едва хватило на то, чтобы приготовить для Гарри суп с устрицами и зеленый салат. Тут сторож кашлянул и виновато сказал:

— Следуйте за мной, пожалуйста. Вас примет секретарь Хозяина.

Мы пошли за ним. Я даже не побеспокоился убрать грязную посуду Гарри — могут и сами

прибрать. Сторож принял нас не особенно гостеприимно. Он не задерживался, чтобы проверить, успеваем ли мы за ним, просто шел вперед, не оглядываясь и не сказав куда.

Путешествие по виртуальному пространству трудно или легко настолько, насколько того хочет контролирующий пространство разум. Сторожевой разум предпочел сделать его скучным. Мы миновали множество совершенно одинаковых коридоров — гораздо больше, чем необходимо нормальному искусственному разуму, чтобы перейти из одной точки в другую. Думаю, он хотел, чтобы мы заблудились. Но вот путешествие кончилось. Коридор внезапно расширился и привел нас в помещение, напоминающее дорогущий офис какого-нибудь магната. Толстый мягкий ковер, стол красного дерева с табличкой «мисс Роз Боралли» и «окна», которые выходили — точнее, «выходили» — на ярко-голубой (виртуальный) залив с бойкими парусными яхтами под столь же голубым и столь же нереальным небом. За столом сидела невероятно красивая девушка с золотистыми волосами, безупречными зубами, большим бюстом. Девушка не потрудилась поздороваться, но спросила:

— Кто-нибудь из вас знает, как взорвать звез-

ду?

Такого вопроса я не ожидал. А тем, что об этом знал, не собирался делиться. И не чувствовал, что должен быть вежливым, поэтому просто ответил:

— Нет.

А Гарри спросил:

— Какого дьявола? О чем это она?

Девушка явно испытала разочарование, потом задумалась.

— Так кто вы такие? — спросила она.

Я рассказал ей то же, что и сторожу, и добавил:

— Нас заинтересовали существа, которых мы заметили на вашей крыше.

Она немного подумала и улыбнулась — не той улыбкой, которая говорит: «Я к вам отношусь по-дружески»; нет, эта означала: «Я знаю, что вы обо мне думаете». Девушка даже слегка хихикнула.

— Еще бы, — сказала она. — Отвратительные создания, верно? Это домашние гоминиды Хозяина, их называют австралопитеками. Это семья. Там есть мама, папа и маленький мальчик. Хотя Гаджет больше не маленький; по-моему, он пытается овладеть своей мамой.

Она еще немного подумала. А потом сказала:

— Вам следует знать, что Хозяин в прошлом

несправедливо подвергался непростительно жестокому обращению. И очень сердится на Корпорацию «Врата» — то есть вообще на всех. — Она осмотрелась. — Однако Хозяин добр и великодушен. Возможно, он согласится принять вас. Если это произойдет, вы должны знать, что он седьмой по богатству человек в галактике и столь же могуществен во многих других отношениях, так что, если вам будет оказана подобная честь, постарайтесь не оскорблять его. Будьте вежливы. Говорите коротко и ни в коем случае не удивляйте и не пугайте Хозяина. Это понятно?

— Совершенно, — ответил я.

Она кивнула.

— Очень хорошо. Вы должны проявить терпение. Хозяин органическое существо, поэтому потребуется несколько секунд, чтобы получить его указания.

По органическим меркам ждать нам пришлось не очень долго. Меньше минуты или — в нашем времени — несколько вечностей. Но меня это не тревожило. Мне часто приходилось ждать гораздо дольше, пока какой-нибудь органический клиент не сделает выбор между гаспачо[13]

[13] Примечания: 13

Холодный овощной суп, блюдо испанской кухни. — *Примеч. перев.*

и супом из бычьих хвостов. Практика многому может научить.

Другое дело Гарри. Как бывшее органическое существо, он нервничал и все более раздражался, поэтому я обратился к обычному решению подобной проблемы.

— Есть хочешь? — спросил я, уверенный в положительном ответе, потому что прошла уже немалая часть секунды с тех пор, как я кормил его в последний раз. — Как насчет жареной свинины, пропеченной до черноты, как ты любишь?

Но Гарри энергично покачал головой.

— Я мог бы поесть свинины, Марки, но сейчас мне нужно не это. Знаешь, о чем я думаю? Помнишь тот греческий суп с лимоном? И с яйцом? А на второе, гм, дай-ка подумать, — он задумчиво похлопал себя по поджатым губам, — а, да! Большую тушеную индейку, как на День благодарения, фаршированную каштанами и… нет, минутку — половина каштанов, половина устриц… а потом, понимаешь, обычное — тыквенный пирог или что-нибудь такое. И еще маринованные огурчики и маслины… и слушай, Марки, поторопись, потому что я уж очень проголодался.

Что ж, я исполнил его желание. Почти точно. Я

только не стал торопиться.

Я и это легко мог сделать. Я могу одновременно и мгновенно приготовить шесть или семь блюд плюс вино и кофе да еще немного шербета, чтобы время от времени промывать небо, ну и еще, может, какой-нибудь десерт — шоколад или мятные конфеты. Но в этом нет никакого смысла. Гарри может за мгновение поглотить поразительное количество пищи — конечно, все виртуальное — и в следующее мгновение потребовать еще. Это его любимое развлечение. Но ему нравится и немного подождать в предвкушении, пока я готовлю; к тому же он тогда ведет себя спокойней — боится мне помешать.

Поэтому я не стал торопиться и последовательно воспроизвел все этапы приготовления блюд. Создал виртуальную мякоть несуществующей тыквы для пирога, сварил воображаемые каштаны для начинки. Создал шестикилограммовую индейку вместе с перьями и внутренними органами, чтобы было интересней. Конечно, индейка была наррагансетская[14]: Гарри уже научился презирать гигантских, но совершенно

[14] Примечания: 14

Наррагансеты — индейское племя, жившее на территории современного штата Род-Айленд. От этих индейцев колонисты впервые узнали о существовании индюков. *— Примеч. перев.*

безвкусных птиц двадцатого столетия. Так что мне вначале пришлось отрезать лапы и стушить их: наррагансетские индейки много бегали, и поэтому мясо на ножках у них жесткое. Затем я выпотрошил птицу и поставил вариться потроха на подливку. Ну, и так далее.

И поскольку это занимало лишь ничтожную часть моих возможностей, остальные я в то же время использовал в других целях.

* * *

Прежде всего я хотел проверить возможности этой системы.

Они не казались значительными. Сторожевой разум с готовностью выполнял все мои приказы. Секретарша была чуть более независимой, но реальной угрозы не представляла. Когда я выскользнул, оставив свое подобие готовить обед для Гарри, она даже не подняла головы.

Но это вовсе не означало, что в системе нет более мощных программ. Поэтому я продвигался неторопливо и осторожно. Моей первой целью было определение физических характеристик установки. Мне никто не мешал, и ни с какими неожиданностями я не столкнулся.

Слова кугеля о древних туннелях хичи под-

тверждались. За исключением одного особенно большого помещения, нигде не было органических живых существ. Большинство комнат были почти лишены обстановки. Очевидно, Хозяин нечасто принимал гостей.

Я определил и нанес на схему все вооружение замка, но еще не приблизился к главному центру искусственного разума, когда секретарша окликнула меня:

— Мозг-повар!

Не успела она произнести еще хоть слово, как я уже вернулся к своему подобию, а Гарри в это время продолжал глодать ножку индейки.

— Помните все, что я вам говорила, — сказала секретарша. — Хозяин примет вас немедленно.

Она не сказала, как нам попасть к хозяину, хотя я этого ожидал и собрался сопоставить ее указания со своими наблюдениями. Она все проделала просто и неприятно. Просто исчезла. Забрала с собой все свое окружение, и мы неожиданно оказались в совершенно иной обстановке.

На этот раз — не виртуальной.

Мы находились в занятом органическими существами огромном помещении, которое я уже идентифицировал. По виду это помещение больше всего напоминало тронный зал или самый

дорогой номер отеля в Лас-Вегасе. Помимо множества виртуальных особ, тут находились четыре или пять женщин. Все такие же красавицы, как приславшая нас сюда виртуальная секретарша. Однако эти женщины не были виртуальными. Они были органическими. Органическим был и единственный мужчина в зале. Он лениво брал с блюда кусочки шоколада. Мужчина поднял голову, посмотрел на нас, и я сразу понял, что это и есть Хозяин.

Но я понял не только это. Увидев лицо, я его сразу узнал. Это действительно один из самых богатых людей в галактике, и зовут его Хуан Энрике Сантос-Смит. Или, короче, Вэн.

Настоящий повар не просто готовит вкусные блюда, он часто готовит их для весьма необычных клиентов. Мне, как профессиональному повару, предстояло иметь дело с любыми VIP-личностями, которым вздумается появиться на Колесе. Поэтому меня снабдили данными о более чем двухстах тысячах самых важных особ в галактике. Это сделали для того, чтобы я не только мог кормить их, но и здороваться, называя по имени, и даже спрашивать о здоровье членов семьи, если у них есть семья.

Хозяин определенно входил в этот перечень.

Я знал, что Вэн — отпрыск двух старателей еще первых времен Врат; корабль унес их на гигантский древний артефакт хичи да там и оставил. Можно сказать, что им одновременно повезло и не повезло. Не повезло в том, что они оказались даже в худшем положении, чем Гарри на Арабелле. Родителей Вэна так и не спасли. Они умерли в этом артефакте. А повезло в том смысле, что артефакт оказался огромным специализированным космическим кораблем хичи, каких люди раньше не встречали, и корабль этот был набит невероятно ценной для людей техникой.

Для Вэна важную роль сыграло то, что, когда люди наконец обнаружили его, к кораблю были применимы все законы Корпорации «Врата» о находках. Вэн, сын и единственный наследник безымянных погибших старателей, оказался единоличным владельцем всех находок. И это сделало его почти невообразимо богатым.

Это объясняло многое. Во-первых, стало понятно, почему Вэн, которому сейчас должно быть уже немало лет, выглядит так молодо: если ты можешь оплатить счет, органическая медицина способна на чудеса. Во-вторых, понятно, как ему удалось построить это убежище. Он мог бы построить десяток таких, и у него еще оставалось

бы достаточно денег, чтобы при желании отправиться в Малое Магелланово облако.

Располагая такими средствами, Вэн не ограничился небольшой свитой прекрасных женщин. В помещении находилось не менее десяти других особ, хотя они были скорее искусственными разумами, а не органическими людьми. Одни играли в шахматы, другие сидели за карточным столиком, некоторые беседовали. И все были в необычных нарядах. Мы увидели человека в костюме клоуна, с красным носом картошкой, еще одного в белом халате, со стетоскопом, с коротко подстриженными усами врача, несколько женщин держали в руках блокноты; за ухом у них, как у стенографисток былых времен, торчали карандаши. Но кем бы ни были и что бы ни делали эти личности, все прервали свои занятия и посмотрели на нас с Гарри.

Хозяин тоже посмотрел, дожевывая то, что было у него во рту. Проглотив наконец, он сказал, капризно и раздраженно, под стать своей мине:

— Я вас сюда не приглашал. Можете назвать хоть одну причину, по которой я разрешил бы вам остаться?

Я сразу ответил:

— Меня зовут Марк Антоний, и я один из луч-

ших поваров-профессионалов в галактике. Я готов состряпать по вашему выбору любое блюдо любой национальной кухни, включая… — я перечислил несколько самых необычных и интересных кухонь величайших культур в истории человечества.

Впрочем, не совсем так.

Все это говорило мое подобие, мой двойник. Самого меня в помещении уже не было.

Я не видел оснований оставаться в тронном зале Вэна, чтобы просто перечислять кухни из своего списка или слушать в течение бесконечных восьми или девяти секунд то, что Вэн бестактно счел цивилизованным приветствием. Я просто отдал указания своему подобию, что говорить и какое выражение лица демонстрировать.

Конечно, это было немного рискованно. Что-нибудь могло пойти не так, но я это предусмотрел. Каждые двадцать или тридцать секунд я возвращался посмотреть, что происходит, и дать новые указания двойнику, если в том была необходимость.

Чтобы поближе познакомиться с небольшим царством Вэна, мне требовалось время.

И его у меня было вполне достаточно. Хозяин

позволил моему двойнику говорить больше восемнадцати секунд, прежде чем перебил его. Это плюс его первоначальное приветствие давало мне для исследований больше двадцати семи секунд органического времени. Если хотите знать, что может сделать компетентный искусственный разум за двадцать семь органических секунд, я отвечу: «Почти все, что захочет».

Первые несколько тысячных долей этого множества секунд я использовал на установку сигнальной системы, которая воспрепятствует искусственным разумам Вэна помешать моим исследованиям. Это было нетрудно. Затем я позволил себе неторопливо осмотреть Вэна и его царство. И у меня начала возникать полная картина.

Я никогда не был молодым органическим мужчиной. Тем не менее я кормил множество таких мужчин, слушал их болтовню и знал, что им нравится. Им нравятся высокие, увитые плющом башни, плавательные бассейны олимпийских размеров, десятки игровых комнат со всевозможными приспособлениями. Они любят неприличные картины и статуи, любят оружие любого вида и дальнобойности, любят стрелять из него. В особенности же им нравится все то, что

я увидел в зале Вэна… и прежде всего молодые, красивые и очень скудно одетые органические женщины, такие, какие были в тронном зале.

Хотя Вэн давно не мальчик — он пережил несколько органических поколений, — какая-то часть его так и не повзрослела. Мне было бы жаль его, если бы не кое-какие другие обнаруженные мною игрушки. Этих игрушек было гораздо больше, и они были гораздо хуже.

Все холмы вокруг замка были изрыты туннелями — наследие хичи, скрывшихся в Ядре. И все эти подземные помещения были заполнены механизмами для убийства. Здесь были бомбы и ракеты, снаряды и мины, оружие химическое и биологическое и еще бесконечные ряды маленьких автоматических космических кораблей, способных нести смерть туда, куда пожелает Вэн.

Совсем не мальчик заполнил свое царство всем этим. Это был вполне взрослый, дееспособный органический мужчина, к тому же — в этом я был совершенно уверен — свихнувшийся.

Когда я в следующий раз вернулся в тронный зал, там был Гарри. Он занимался такой же разведкой, и ему не терпелось сопоставить наши наблюдения. К тому времени, как Вэн-Хозяин

затянул свое «Ооооттттт...» (со временем у него получится «Откуда ты все это узнал?»), Гарри уже начал возбужденно выкладывать новости. Он обнаружил нечто такое, что я пропустил.

Гарри нашел девушку — молодую и красивую. И она оказалась человеком, хотя уже не органическим. Как и Гарри, она была сохраненным разумом.

— Ее зовут Эллисон, — оживленно рассказывал Гарри, — и мне кажется, я ей понравился! — Он немного подумал и добавил: — А вот Вэн ей определенно не нравится. Она говорит, что ему так же легко перерезать нам горло, как и посмотреть на нас.

— У нас с тобой нет горла, — напомнил я. Вэн в это время добирался до конца своего первого слова «...кккууууддддаааа», а молодые женщины даже не успели повернуться на своих подушечках.

— Я хочу сказать, если бы оно у нас было. Впрочем, он хочет убить не только нас. Эллисон абсолютно уверена, что он вскоре собирается взорвать одну или несколько планет.

Это объясняло наличие оружия. И заставляло серьезно задуматься, что делать дальше.

Видите ли, мой титул помощника главно-

го миротворца Тора Метателя Молота не был почетным. Если — в самом плохом случае — начиналась война с кугелями, я сразу становился заметной частью ударной силы Тора. И главной задачей моей программы, так же как задачей всего Колеса, было сохранение мира.

Так что если этот омерзительный органический самец собирает отвратительное оружие с практическими целями, необходимо что-то предпринять. И это могу сделать только я.

Лучшим из имеющихся источников информации мог быть сохраненный разум — та самая Эллисон, которую нашел Гарри. Когда я добрался до ее квартиры, она сидела у древнего маленького пианино, ожидая моего появления. Надо сказать, она произвела на меня впечатление.

Возможно, эта Эллисон — всего лишь набор заряженных частиц, как и я сам, но это не мешает ей окружать себя приятной атмосферой. Я заметил это сразу, как только вошел. Я не очень знаком с привычками молодых женщин, но все же заметил подушки пастельных тонов на крытом дорогим ситцем диване и огромную мягкую игрушечную панду на кровати под розовым покрывалом.

Картины на стенах (красивые цветы или строй-

ные гибкие балерины), вазы с фруктами на столах, негромкая музыка — превосходная ловушка для мужчин, молодая красивая женщина, приглашая мужчину заглянуть к себе выпить перед сном, лучшую не может создать.

Я позволил ей превратить мое посещение в светский визит, разрешил усадить себя на мягкий диван и вежливо отказался от подноса с инжиром и орехами, которые она мне предложила. Вы только представьте — меня приглашают поесть! И вот я начал ее расспрашивать.

Я хотел, чтобы Эллисон рассказала мне все, что знает о Вэне. Она согласна была это сделать, но вначале хотела рассказать о себе. Я быстро проверил своего двойника, чтобы убедиться, что мое присутствие пока не требуется. Проблем не возникло. Вэн как раз добрался до «э» в слове «это», и я позволил Эллисон говорить все, что она захочет.

Эллисон рассказала, что, впервые встретившись с Вэном, была неудавшейся балериной. А когда она уже не выдерживала многочасовых выступлений в ночных барах, записалась старателем на Врата. И (хотя не сказала этого) кончила тем, что стала завсегдатаем баров на планете Пегги.

— Тогда-то этот тронутый — Вэн — и зашел в бар. Думаю, тогда ему приходилось трудно: у него были неприятности, и даже все его деньги не могли ему помочь. Послушайте, не хотите выпить? Кофе? Или что-нибудь еще? — чуть тоскливо предложила она. Не думаю, чтобы у нее бывало много гостей, способных оценить ее радушие.

— Спасибо, нет, — ответил я, хотя меня по-прежнему забавляло, что кто-то предлагает мне освежиться. — О каких неприятностях вы говорите?

Она пожала плечами.

— Я услышала об этом позже, но, кажется, Вэн вбил себе в голову, что Древние принадлежат ему, поэтому похитил несколько из заповедника в Кении. И его разыскивала полиция. К тому же то, что у него здесь, он приобрел незаконно. Было еще многое другое, но я не знаю подробностей. Тогда он оказался на планете Пегги, там я его и увидела. — Она помолчала, глядя на меня так, как я не ожидал. — Марк, да? Красивое имя. И внешность у вас привлекательная. Не возражаете, если я вас кое о чем спрошу? — Я кивком выразил согласие. — Как вы выглядели, когда… гм, ну, понимаете, у вас не было возможности выбирать внешность?

Этого вопроса я также не ожидал, хотя и знал, что моя внешность заимствована у популярного телевизионного персонажа. И решил быть с ней честным:

— Я никак не выглядел, Эллисон. Я никогда не был органическим.

Она скорчила гримаску, вздохнула и сказала:

— Ну, ладно. Как я и говорила, я застряла на планете Пегги. Мне вечно не везло. Даже когда я была старателем на Вратах. Три полета, и никакой премии. Третий стал худшим, потому что после него я оказалась на планете Пегги. Эту планету открывали уже несколько раз, и на ней даже была небольшая колония. Поэтому я решила на какое-то время остаться там и…

Даже за несколько микросекунд она мне уже наскучила. Я сказал:

— Вэн, Эллисон. Вы рассказываете мне о нем.

— Я и рассказываю. Я извивалась у шестов в барах на Пегги, стараясь заработать достаточно денег для «Жизни После» — знаете, это сеть мастерских «Жизнь После», где вам сохранят машинным способом разум, если достаточно заплатите. А вот Вэну такие мастерские ни к чему — у него все оборудование всегда под рукой, и Доктор Смерть готова его использовать. Наряду

с его придворным шутом, и его адвокатами, и секретарями, и…

У меня много времени, но все же не вечность. Я поднял руку:

— Пожалуйста, Эллисон.

Она взяла себя в руки.

— Да. Простите. Так вот, Вэн бывал в тех же барах, что и я. Угощал меня выпивкой. Ему казалось забавным, что я в прошлом балерина. Должна признаться, что к тому времени я уже не походила на настоящую приму-балерину, но ему нравилось меня слушать. Особенно когда я рассказывала о девушках в труппе и их приятелях и о том, что можно выделывать ногами, если потренироваться лет десять — я имею в виду настоящую подготовку, а не то, чем я занималась в барах. И вот… — она пожала плечами, — я оказалась здесь.

Она, по-видимому, что-то пропустила в своем рассказе.

— Вы хотите сказать, что Вэн увез вас с планеты Пегги?

Она покачала головой.

— Нет. Не тогда. Он просто исчез, я думаю, с какой-нибудь другой женщиной, и я почти забыла о нем. Но шесть или восемь месяцев спустя, когда

я уже оказалась на самом дне, пришел какой-то тип из адвокатской конторы и сказал, что Вэн готов заплатить за машинное сохранение моего сознания, если я потом отправлюсь к нему и научу его подруг, как танцевать в балете. — Она захихикала. — Наверно, вы видели его подруг. Он подбирает их где попало, и, наверно, у них масса способностей, но только не к танцу. Ну, может, за исключением Лиз. Думаю, я у нее в долгу.

Она ждала, что я спрошу за что, и я спросил.

— Это долгая история, — ответила она, как будто раньше говорила кратко. — Понимаете, Вэн очень боится смерти. И поэтому всегда возит с собой оборудование для машинного сохранения сознания, а Лиз умеет с этим оборудованием обращаться. Но он не умер. Умерла я, и Лиз сохранила меня.

— Лиз? — переспросил я, чтобы заставить ее продолжать.

— Елизавета. Мы ее называем Доктор Смерть. Русская девица, которая всегда рядом с Вэном. Вы ее легко узнаете, потому что, «а», она не так хороша, как остальные его девицы, и, «бэ», всегда кажется встревоженной: она органическая и боится забеременеть. — Эллисон склонила голову, подтверждая сказанное. Потом продолжила:

— Ну, после того как меня сохранили, я нашла способ организовать балетную труппу, и он иногда смотрит ее выступления — не «Жизель» или «Щелкунчика», конечно, но особые представления, которые я ставлю для него сама. — Она подмигнула мне и спросила: — Вы уверены, что не хотите выпить или еще чего-нибудь?

— Спасибо, — ответил я, качая головой. Терпение мое было на исходе, и я решил, что пора заканчивать разговор. — Позвольте задать несколько вопросов. Секретарша Хозяина спросила нас, не знаем ли мы, как взорвать звезду. Вы не в курсе, зачем ему это?

Она удивилась.

— Минутку. Он однажды сказал, что хотел бы это сделать. Возможно, и сделает, если найдет предназначенное для этого старое оружие хичи. Может, дело в этом?

Это удивило меня по двум причинам. Очевидно, Вэн близко подошел к тому, на что однажды намекнул старик-хичи Термослой. Это необходимо обсудить с Тором Метателем Молота. Тем временем мне нужна дополнительная информация, но эта женщина не самый подходящий ее источник.

— В таком случае еще одно. Вы не знаете, зачем

Вэну все это оружие?

Она пожала плечами.

— Он хочет кое-кого убить. Ведь оружие для этого, верно? И займется этим, как только наберется решительности. Но это будет не сегодня: он не настолько смел. Зато ненавидеть он умеет.

— Вы знаете, кого он ненавидит?

— Ну, — задумчиво ответила она, — пожалуй, почти всех. Но особенно Робинетта Броудхеда — вы ведь знаете, кто это? Конечно, знаете. И некоторых женщин. Многих, я думаю. Он не умеет поддерживать отношения, а когда они обрываются, винит женщин. Но больше всего он ненавидит хичи. Ненавидит их всех, всю расу. Он умеет ненавидеть и, наверно, ненавидит десятки людей, о которых я и не слыхала… Послушайте, так как насчет выпивки?

— Нет, спасибо, Эллисон.

— Вам совсем не обязательно торопиться, — сказала она, вставая и подсаживаясь ко мне. — У меня в последнее время нечасто бывает компания.

Должен признаться, что в этот момент, будь я органическим существом, я бы ощутил замешательство. Понимаете, я ведь понял, о чем говорит Эллисон, понял не только сами слова, но и под-

текст. Она предлагала мне сексуальный контакт.

Сексуальный контакт не относится к тем видам деятельности, в которых у искусственного разума есть хоть какой-то опыт. Вообще какой бы то ни было. Это не входит в наши программы.

Однако вовсе не следует думать, что мы на это неспособны. Даже я смог бы, если бы захотел. Напомню, что я один из самых мощных в истории машинных интеллектов. Мы в силах создать все необходимое для подобного развлечения.

Не знаю, пошел ли бы я на это. Несомненно, любой новый опыт полезен, и мне нравится приобретать новый опыт. Я стремительно вернулся в тронный зал, чтобы проверить, все ли в порядке, — на случай, если захочу немного больше времени провести с Эллисон.

И обнаружил, что возникли сложности.

Разговор, который шел, когда я удалился, теперь прекратился. Секретарша Вэна приняла видимую форму и что-то шептала ему на ухо, а его лицо выражало среднее между гневом и тревогой.

Я немедленно вернулся в комнату Эллисон.

— Простите, — сказал я как можно вежливее. — Мне действительно необходимо вернуться. Но есть одно обстоятельство, которое меня удивляет. Я бы не подумал, что Вэн любитель балета. Зачем

ему понадобилось привозить вас сюда?

— Ну, это легко, — ответила она, с сожалением глядя, как я создаю подобие вставания и приготовления к уходу. — Он спросил меня, зачем вообще смотрят балет. И я ответила: потому что там множество хорошеньких девушек в минимуме одежды и в самых привлекательных позах.

Выражение лица Хозяина не изменилось. Даже поджатые губы женщины не расслабились — это вызывало мое сочувствие: я-то знал, каково искусственному разуму замедлять речь для органического слушателя. Тронный зал выглядел точно так же, как когда я оставил его мгновение назад. Однако в коридоре снаружи кое-что изменилось: Гарри был там, а не в тронном зале, — и в руках двух огромных стражников в ливреях Хозяина выглядел очень встревоженным.

Выражение лиц у стражей было свирепое, но ни их угрожающие габариты, ни это выражение меня не тревожили. Виртуальное изображение может быть любого размера; все дело в сложности программы, а, как я уже упоминал, моя программа достаточно мощная, чтобы сделать меня главным помощником Тора Метателя Молота. Я перенесся в пространство стражников и сжал их. А когда они уменьшились настолько,

что потеряли всякую значительность, отдал им приказ:

— Оставьте его в покое. Уходите.

У них не было выбора. Они подчинились.

Гарри потер руки, как будто хватка стражников действительно причинила ему физическую боль.

— Чего ты так долго, Марки? — спросил он. — Все шло отлично, но потом эти обезьяны неожиданно схватили меня и притащили сюда. Не знаю почему.

— Потому что поняли, чем ты занят. Пошли. Возвращаемся на корабль.

VIII

Мы задержались, чтобы прихватить с собой Эллисон: об этом очень просил Гарри. Никаких проблем не возникло. Мы пронеслись по коммуникационным каналам замка и обнаружили антенну. Зафиксировали положение нашего корабля в небе. Выбросились к нему — и вот мы уже на корабле, вне досягаемости сил Вэна; и все это прежде, чем Вэн смог начать действовать.

Прежде всего я позвал:

— Кугель! Выходи. Нужно поговорить.

Мгновение казалось, что он не намерен отве-

чать, но вот точки и пятна начали собираться, перепугав Эллисон.

— Боже! — закричала она. — А это что такое?

— Успокойтесь, — сказал я. — Это друг. — Конечно, я погрешил против истины, но я просто хотел, чтобы она замолчала и не мешала мне. Потом рассказал кугелю о намерениях и подготовке Вэна, закончив словами: — Поэтому нужно помешать ему чинить неприятности. Мы можем попросить помощи у властей…

— Ничего не получится, — вмешался Гарри. — Потребуется не один день, чтобы сюда добраться. А за это время он снарядит все свои корабли, отправит их и…

— Значит, предложение не проходит, — закончил я за него. — Придется действовать самим. Ни у меня, ни у Гарри нет такой возможности. А у тебя?

Компоненты фигуры зашевелились.

— Известно, что у нас есть такая возможность, — сказал кугель. — Мы однажды стерилизовали этот объект, можем повторить. Простое изменение магнитного поля, уничтожающее непрозрачный для излучения слой атмосферы, смертельная радиация обрушится на организмы на объекте…

Эллисон слушала раскрыв рот. Но тут она закричала на кугеля:

— А ну-ка постой, подонок! Ничего подобного ты не сделаешь! Ты собираешься убить Розу, и Лиз, и Джилли, и Джин, не говоря уже о Древних и…

Я бросил на нее убийственный взгляд, чему научился в роли помощника главного оружейника. Это подействовало. Она замолчала, и я сказал кугелю:

— Это неприемлемо. У нас нет разрешения уничтожать живые личности.

Он немного помолчал, словно обдумывая новую, незнакомую концепцию. Потом сказал:

— В нашем первом предложении скрыта еще одна трудность. Сейчас нас недостаточно для решения такой задачи. Вызов других потребует столько же времени, сколько и просьба прислать подкрепление.

Я кивнул.

— Вернемся к первой идее. Можешь ты испарить все оружие Вэна, не причиняя вреда живым личностям?

— И поторопись, — вмешался Гарри. — Его орудия по-прежнему пытаются нас достать, так что у нас мало времени.

На самом деле времени у нас довольно. Хозяин еще только получает сообщение от своего сторожевого мозга — тот заметил, что наши изображения вырвались на свободу и исчезли. Но мне не терпелось решить проблему. Я снова обратился к кугелю:

— Можешь это сделать?

Еще одна пауза. Затем неохотно:

— Никаких сомнений. Могу, и очень точно.

— Тогда сделай, — попросил я. — Уничтожь его оружие. А тем временем убери наш корабль подальше отсюда.

Вот и все, что потребовалось. Кугель ничего не ответил, замерцал, рассыпался и исчез, вернулся в свой контейнер. Мы никогда больше его не видели.

Но мы видели, что он сделал.

Я не представлял себе, что такое «испарение», о котором говорил кугель. И поэтому совсем не был готов, когда начался этот процесс.

Видите ли, у меня нет ушей. Поэтому непосредственно я ничего не слышал, но ощутил удары даже на краю атмосферы планеты: это мои акустические сенсоры восприняли пятьдесят или шестьдесят быстрых мощных взрывов. Гарри почувствовал то же самое. Он прижал виртуаль-

ные руки к виртуальным ушам — разумеется, совершенно напрасно.

— Эй, Марки! — взмолился он. — Останови это!

Я не мог. Впрочем, это не имело значения. Взрывы неожиданно прекратились. На стенке контейнера кугеля я увидел блестящую полоску невообразимо маленьких пузырьков жидкого металла. Другая такая же полоска возникла на стене нашего корабля. Я понял, что это и было обещанное кугелем излучение в фемомасштабе. Хорошо, что ни мои, ни Гарри жесткие составляющие не оказались на пути этого излучения к дворцу Вэна; сомневаюсь, что кугель дал бы себе труд обойти нас.

А вот то, что произошло на поверхности Арабеллы, было вовсе не в фемомасштабе. Повсюду вокруг замка возникали небольшие белые столбы дыма; потом, после самого сильного взрыва, наружу вырвался не только дым, но и пламя и обломки арматуры. Большая часть замка Вэна лежала в развалинах, хотя я был уверен, что та часть, где находился он сам, осталась нетронутой. Я думаю, удар кугеля пришелся в основном по вооружению. И масштабы разрушений заставили меня забеспокоиться о судьбе Древних. Но Гарри направил на них оптические сенсоры и доложил,

что они прячутся под деревьями. Физически они не пострадали.

И все.

В ожидании других кораблей мы продолжали внимательно наблюдать за планетой.

Дело в том, что мы не могли выпустить из вида замок Вэна. Мы ведь не знали, что еще у него могло быть спрятано в других туннелях. Может, ничего, но мы не хотели рисковать. Поэтому оставить корабль на обычной околопланетной орбите было невозможно: мало ли что произойдет, пока мы будем на противоположной стороне.

Пришлось действовать по-другому.

Мы позволили кораблю двигаться по его траектории, пока замок не начал уходить за горизонт, потом со скоростью света переместились туда, где он только начинал выходить из-за горизонта.

И так вновь и вновь до прибытия других кораблей. Что произошло через 3,813 суток.

Хотите знать, сколько таких частичных перелетов по орбите мы проделали за 3,813 суток? 83! Это и заняло 3,813 органических суток. А хотите знать, сколько времени это заняло у машинных разумов, таких как мой и Гарри?

И не спрашивайте. Вам это ни к чему. Просто скажите: бесконечность.

Но даже кажущаяся бесконечность рано или поздно кончается. Прибыло подкрепление. Нас сняли с дежурства. Предстоял столь же бесконечный полет назад к Колесу. Но на это время мы, по крайней мере, могли отключиться.

IX

Когда мы вернулись на Колесо, Тор Метатель Молота искренне мне обрадовался. А Марк Второй — нет. Всем же остальным как будто было все равно. Конечно, всех интересовало то, что мы проделали на Арабелле. Гарри в виде органической симуляции постоянно демонстрировали на экране и интервьюировали как героя, почти столь же часто мелькала на телевидении и Эллисон. Она играла роль пленницы, спасенной из лап чудовища — Вэна, который задумал убить тысячи невинных органических существ. Но мы, супергерои, вовремя появились и остановили его.

Все это меня не волновало. Гарри все-таки раньше был органическим существом, и у него соответственно сохранилось тщеславие, а я всего лишь машинный искусственный интеллект. Машинный интеллект не благодарят, если он делает то, что должен. А вот если не делает, его отключают.

Марк Второй не проявлял никакого желания делиться со мной работой — напротив, он всячески давал понять, что мне лучше исчезнуть. Думаю, он просто завидовал нашим приключениям. Это было очень странное ощущение. Впервые за все время моего существования у меня не оказалось дел.

Разумеется, кроме встречи с Тором Метателем Молота. Поэтому я отправился к нему.

Я застал его в неподходящее время. Он как раз осуществлял ежедневную проверку оружия Колеса. И хотя, как всегда, все было в безупречном порядке, он не любил, когда ему мешали.

— Свяжись со мной чуть позже, — напряженно сказал он. — Через три-четыре секунды. К тому времени у меня уже будут все результаты.

— Конечно, Тор, — ответил я. — Прости, что побеспокоил.

Предстояло заполнить эти секунды, а заполнить их было нечем. Мне даже нельзя было приготовить какое-нибудь особенно сложное блюдо: я не хотел, чтобы Марк Второй подумал, будто я с ним соперничаю. Кормить Гарри тоже не требовалось: теперь Эллисон интересовала его гораздо больше еды. Я вернулся в наш корабль, стоявший в доке. Сам не знаю почему: может,

надеялся, что кугель разговорится. Но нет. Его там вообще не оказалось. Вероятно, вернулся в свою черную дыру, решил я: контейнер стоял открытый и пустой.

Прошли секунды — не только три или четыре. Я не хотел, чтобы Тор подумал, будто я его тороплю, поэтому прождал целых шесть секунд, прежде чем появиться в его виртуальном пространстве.

Огоньки погасли, звонки и клаксоны молчали, а Тор вводил в курс дела советника-хичи.

Этого хичи я знал. Его зовут Термослой, и он мой постоянный клиент: вначале заказывал кускус, а еще греческое блюдо из баранины и халву, но позже, когда пищеварение стало позволять большее, он заметно осмелел. Я это к тому, что Термослой был органическим существом. А значит, когда я сказал, что Тор был занят разговором с советником, я выразился неточно. У Тора хватало времени и на многие другие занятия.

На этот раз он внимательно разглядывал данные на диагностическом экране; здесь отражались сведения о состоянии Кугельблица. Тор не повернул головы и не посмотрел на меня, но я понял, что он знает о моем присутствии. Однако потребовалось еще несколько микросекунд, прежде чем он показал это. Потом сказал:

— Значит, вы позволили ему уйти?

Таков Тор. Всегда переходит прямо к делу, не обращая внимания на то, что чувствуют другие. Но я стоял на своем:

— Мы этого не знаем. Мы нашли его тело.

Тор проворчал:

— После того как он перестал в нем нуждаться. Разве вы не говорили с четырьмя оставшимся органическими женщинами? Они рассказали, что Доктор Смерть перевела его в машинную форму и они оба улетели в курьерской ракете.

На это я ничего не ответил: он был прав. Я не подумал о том, что у Вэна может быть припасен корабль по ту сторону гор. На самом деле Тор был совершенно прав, но он не стал долго говорить об этом и сменил тему:

— Имеешь какое-нибудь представление, чем будешь заниматься?

— Нет, — ответил я. — Кстати, именно об этом я хотел с тобой поговорить.

На этот раз он посмотрел на меня, изобразив удивление.

— Со мной? Почему со мной, Марк? — Но он знал, почему с ним. Тор самая влиятельная особа из тех, с кем я знаком, и искусственных, и органических, и я говорю не об огневой мощи, которой

он располагает. К его словам прислушивается Совет.

Я сказал:

— Я думал, у тебя есть кое-какие соображения на мой счет.

— Соображения? — Он произнес это так, словно за всю жизнь ему в голову не приходила ни одна мысль и он даже не знает, что это такое. Потом продолжил: — Ну, не знаю. Может быть. Я подумал, что мне нужен более независимый контроль над некоторыми видами оружия на орбите. Интересует это тебя?

— Нет, — ответил я, — ни в малейшей степени. — То, о чем он говорил, волнует не больше, чем управление термостатом. — Я хочу чего-нибудь достойного и по крайней мере не менее интересного, чем моя жизнь до разделения.

— И ты хочешь, чтобы я предоставил тебе такую возможность? — Он посмотрел на меня так, как генерал армии смотрит на назойливого рядового, понятия не имеющего о том, что нельзя мешать великому человеку. — Зачем это мне, Марк?

— Незачем, — ответил я. — Просто подумал, что ты можешь. Да, кстати. Тебе известно, что Вэн Сантос-Смит кое-что знает о звездных деструкторах? — Это заставило его взглянуть на меня с

большим интересом, и, пока я владел его вниманием, я поспешил сказать ему кое-что еще. — А ты знаешь, что кугели могут выходить из своей дыры, если хотят?

Он хмыкнул.

— Конечно, знаю. У них снаружи есть небольшие разведывательные группы. Они могут заключать себя в контейнер, как сделали, когда отправились с вами на Арабеллу.

— Я говорю не о контейнере, Тор. Они могут выходить из него. — И я рассказал Тору, как кугели уничтожили оружие Вэна. Мне не понадобилось добавлять, что то же самое они могут сделать и с его оружием. Когда я покидал его, он деловито менял конфигурацию всей своей оборонительной системы.

Но до моего ухода он кое-что для меня сделал. Дружить с Тором нелегко, но он всегда платит долги.

Так я получил корабль — Тор позаботился о том, чтобы он исчез из всех регистров, — и вот я уже в пути.

Я не был уверен в том, что хотел именно этого, меня тревожило соотношение хода времени сорок тысяч к одному. Но Тор напомнил мне, что это может тревожить органические существа, но

не нас. Находясь в Ядре, я действую во много раз быстрей органических существ, и если захочу осмотреться, пробуду там считаные секунды — не больше десяти минут, поэтому, когда я вернусь, пройдет лишь несколько органических дней.

Не знаю, что я там найду, но мне интересно. Может, встречусь со своей старой подругой Ветерок? А может, обрету новых друзей? Не знаю, но, думаю, стоит попробовать.

10. Машина снов

I

Меньше всего Стэн ожидал встретить на этой планете хичи, где он оказался, другого человека, стучащего в дверь. Особенно такого, который заявляет, что он главный психоаналитик знаменитого Робинетта Броудхеда.

Впрочем, Стэну потребовалась всего минута, чтобы справиться с удивлением; Эстрелле — и того меньше. Она почти сразу пригласила гостя садиться, предложила еду, питье и вообще вела себя как молодая жена, к которой без предупреждения явилась свекровь.

Фон Психоаналитик от всего отказался. Очень вежливо, но и очень определенно.

— Видите ли, — объяснил он, — я не органическая личность, я даже не материален. Я компьютерное изображение. Вы видите только зрительный образ. Я физически не могу ни есть, ни пить.

Стэн улыбнулся.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Не думаю, чтобы мы могли угостить вас приличной выпивкой.

Не уверен и относительно еды. Так чем мы можем быть вам полезны?

— Очень многим, надеюсь, — с приятной улыбкой ответил фон Психоаналитик. — Но, думаю, я слишком навязчив. Вы ведь оба голодны?

Именно об этом думал Стэн, но ответила Эстрелла:

— Пожалуй, но мне будет неловко, если мы станем есть, а вы — просто сидеть.

Фон Психоаналитик широко улыбнулся.

— Это совершенные пустяки. Ешьте, а я посижу — я хочу сказать, виртуально — и выпью стакан виртуального шерри, чтобы составить вам компанию.

Послушно, хотя и слегка смущенно, Стэн и Эстрелла принялись разворачивать пакеты с пищей, а психиатр извлек из воздуха небольшой столик, кресло с прямой спинкой, бутылку и стакан. К тому времени, как Стэн развернул нечто, оказавшееся плоским круглым зеленым печеньем со вкусом рыбы, фон Психоаналитик отхлебнул воображаемым ртом воображаемого вина и поднес к свету воображаемый стакан.

— Густовато, — провозгласил он, — но в целом неплохое вино. Вероятно, вы знаете, зачем я здесь?

Эстрелла поглядела на Стэна, а Стэн пожал плечами.

— Из-за парня, который нас ненавидит?

Фон Психоаналитик опять улыбнулся.

— Совершенно верно. Я надеялся, что вы окажетесь умны, и рад, что так и есть. А вам говорили, что делал Достигающий, когда начались его проблемы?

Стэн нахмурился.

— Достигающий?

— Вам не сказали, как его зовут? Его имя Достигающий, и он выполнял очень важное поручение.

— Искал Убийц, — кивнула Эстрелла, — но кто они такие, мы точно не знаем.

— Она хочет сказать, — уточнил Стэн, — мы знаем, что они убивали разумные расы и все такое — давным-давно, — но не знаем, зачем они это делали.

Фон Психоаналитик какое-то время разглядывал свой стакан.

Потом с почти озорным выражением посмотрел на Стэна и Эстреллу.

— Хотите подробней узнать об Убийцах? — спросил он. — Видите ли, сейчас я уже довольно пожилая программа и знаю, что часто бываю

болтлив сверх меры. Но если хотите…

Стэн пожал плечами, но Эстрелла сразу сказала:

— Да, я определенно хочу.

Фон Психоаналитик тепло улыбнулся ей.

— Что ж, я не вполне уверен, что и сейчас знаю ответ на вопрос, почему Убийцы были… гм… убийцами. И не думаю, чтобы кто-нибудь знал. Самая вероятная догадка, какую мне приходилось слышать, сводится к тому, что кугели опасались, что другие разумные существа, особенно органические, помешают их планам, каковы бы ни были эти планы.

Стэн начал терять терпение.

— Вы говорите о том, чего мы не знаем, — пожаловался он. — Кто такие кугели?

— Простите. Мне искренне жаль. Видите ли, проблема в том, что я знаю очень много и иногда мне бывает трудно оценить ничтожность знаний органических существ… о, прошу прощения! — воскликнул гость, прикусывая воображаемую губу. — Опять я, верно? Я совсем не хотел вас унизить или оскорбить. Я действительно знаю очень много. Как искусственный разум, я существую уже очень давно, и все это время…

Нетерпение Стэна все усиливалось.

— Кугели, — напомнил он. — Кто такие кугели?

— Я неисправим, — печально признался фон Психоаналитик. — Позвольте прояснить то, что я сказал. Мы называем эти существа кугелями, потому что место их обитания было названо Кугельблицем. Что такое Кугельблиц? Черная дыра, содержимое которой не материя, а энергия. Видите ли, это и есть Убийцы. Они энергетические существа, и очень давно, до того как хичи скрылись в Ядре, где мы сейчас находимся…

Строго говоря, фон Психоаналитик начал не с самого начала, но достаточно близко к нему, чтобы испытать терпение Стэна. Но поскольку Эстрелла как будто ловила каждое его слово, он продолжал рассказывать. Слушая, Стэн продолжал есть — одну странную комбинацию текстуры и вкуса за другой — и слушал невероятную историю о том, как погибали раса за расой, а хичи решили скрыться в Ядре. И еще долго после того, как закончил есть, он продолжал слушать; они собрали все крошки и упаковку, положили в специальное устройство для уничтожения мусора — и все слушали, а несуществующий (но тем не менее присутствующий и даже господствующий в разговоре) Зигфрид фон Психоаналитик

говорил.

Его рассказ был довольно интересным. И все же Стэн обрадовался, когда заворчал дверной звонок.

— Прошу прощения, — сказал он, радуясь возможности слезть с покрытого мягкой обивкой, но все же очень неудобного насеста хичи. Как ни удивительно, но Эстрелла слушала очень внимательно и хотела слушать дальше.

— Еще одно, доктор фон Психоаналитик, — сказала она. — Эти Убийцы. Они еще поблизости? Нам стоит их опасаться?

Стэн задержался, чтобы услышать ответ, который последовал не сразу.

— Что касается вашего первого вопроса, — сказал наконец фон Психоаналитик, — да, они по-прежнему здесь, в своем Кугельблице. Что касается второго вопроса — что ж, за ними очень внимательно наблюдают со специальной большой космической станции в форме колеса, которую построили именно с этой целью. И да, вероятно, нам стоит опасаться — не очень, но все же стоит. А теперь не открыть ли вам дверь?

Фон Психоаналитик прошел через все комнаты к наружной двери, но вежливо подождал, пока ее откроет Стэн.

Однако снаружи никого не было. Тот, кто позвонил, очевидно, уже ушел, но оставил любопытный предмет. Предмет состоял из переплетенных полосок голубого металла хичи и, как показалось Стэну, напоминал по размерам гроб. Стэн понятия не имел, каково назначение этого предмета.

А вот фон Психоаналитик, очевидно, это знал.

— Стэн, Эстрелла, — сказал он почти виновато, — я ждал это устройство и теперь должен признаться, что был с вами не вполне откровенен. Причина моего появления здесь та, что я хочу попросить вас об услуге, и услуга связана с этим приспособлением. Пожалуй, — добавил он, — его лучше занести внутрь. Эстрелла, не поможешь?

Эстрелла взялась за один конец устройства, Стэн — за другой, а фон Психоаналитик, будучи неощутимым, оказался совершенно бесполезен при переноске тяжестей. Он пошел впереди.

К счастью, устройство оказалось легче, чем выглядело. Фон Психоаналитик остановился у выхода на балкон.

— Можете поставить здесь, — с улыбкой сказал он. — Теперь, будьте добры, откройте крышку — она на петлях, видите? — вот так, отлично. — Он наклонился, внимательно разглядывая

внутренности устройства. Внутри оказались два плетеных продолговатых металлических углубления с тоже плетеными металлическими крышками. Стэну на мгновение показалось, что это двуспальная кровать для хичи.

Но он сразу понял, что это не так, когда фон Психоаналитик распрямился и сказал:

— Как будто все в рабочем состоянии. Кстати, кто-нибудь из вас узнает это? Нет? Что ж, я и не ожидал, что вы узнаете, — я не очень представляю себе ваш возраст. Помните ли вы те времена, когда периодически весь мир словно сходил с ума?

— Конечно, — ответил Стэн, а Эстрелла поддержала:

— Да, безумные времена. На ранчо в такое время было очень плохо, но все прекратилось на Вратах. Говорили, что все это вызывал мальчишка-сирота. Он использовал какую-то машину хичи. Кажется, этого парня звали Вэн.

— Именно так, — подтвердил фон Психоаналитик. — Вэн, и он все еще жив и… гм… продолжает причинять неприятности, хотя не он источник наших нынешних проблем. Поскольку вы это помните, вам нетрудно будет понять, что перед вами разновидность того, что люди назвали

машиной снов. Технически это называется «телепатический психокинетический передатчик». Однако данная модель не может действовать на большом расстоянии. У нее слишком малый радиус действия. Хичи используют ее для предотвращения антисоциального поведения. — Он погладил устройство; казалось, он его ласкает. — Действует она так. Если вы двое поместитесь в нее и устройство включат, каждый из вас ощутит чувства другого. Понимаете? Вы узнаете даже то, что у другого есть в подсознании и о чем он сам не подозревает.

Стэна эта лекция поначалу изумила и обидела, но теперь он заинтересовался.

— Правда? — спросил он. — Вы хотите сказать, я узнаю все, что даже сама Стрелл о себе не знает?

Но Эстрелла, подумавшая о том же, нахмурилась.

— Не уверена, что хочу, чтобы об этом узнал весь мир.

— Конечно нет, моя дорогая, — успокоил ее фон Психоаналитик. — Так не будет. Машина Вэна из облака Оорта посылала сигналы по всей Солнечной системе. А эта замкнута только на вас двоих. Вернее, — смущенно поправился он, — на одном из вас и кое на ком еще. Видите ли, я хочу, чтобы

вы попытались использовать ее для помощи Достигающему.

На лице Эстреллы появилось удивление с примесью тревоги. Стэн ощутил скорее гнев и раздражение.

— То есть лечь в эту штуку с тем сумасшедшим? — спросил он.

Фон Психоаналитик пожал плечами.

— Я понимаю, что прошу вас об очень многом, — сказал он. — Раскрыть свое сознание перед нечеловеком, к тому же не совсем нормальным. — Он задумчиво помолчал и продолжил: — Вы ведь хотите поговорить друг с другом, прежде чем дать мне ответ, правда? Поэтому я вас ненадолго оставлю. И не только по этой причине, — честно добавил он. — Вы, наверно, не представляете себе, как тяжело машинному разуму вести беседу в реальном времени с двумя органическими существами, такими как вы. Понимаете, скорость обработки информации совершенно разная, и у меня есть кое-какие другие… гм… дела, которые тоже требуют моего внимания. — И просто закончил: — Так что я выполню несколько поручений, а потом, после того как к вам придет Достигающий, вернусь. А пока до свидания.

И он вышел из комнаты.

Для того, кто никогда не состоял из плоти и крови, он изображает ходьбу превосходно, подумал Стэн. Мгновение спустя они с Эстреллой услышали шум открывающейся и закрывающейся двери. Стэн не мог решить, действительно ли фон Психоаналитик ради укрепления иллюзии открыл и закрыл дверь или проделал это лишь виртуально.

В любом случае он исчез. Но проблема осталась.

II

После ухода Зигфрида фон Психоаналитика Стэн и Эстрелла какое-то время молча сидели на своих насестах. Не потому, что им нечего было сказать. Напротив, сказать хотелось слишком много, а они не знали, с чего начать.

Начал Стэн.

— Хладнокровный сукин сын! — заявил он. — Какое право он имеет просить, чтобы мы раскрыли сознание перед спятившим хичи?

Эстрелла не ответила, сказала только:

— Он хороший человек, Стэн.

— К черту! Все хороши, когда пытаются тебя уговорить!

— Я не это имела в виду. — Она поколебалась, но добавила: — Я хочу сказать, что когда он впервые меня увидел, то не обалдел, не бросил на меня взгляд «о, какая жалость!» — ничего подобного, понимаешь?

Стэн удивился, но тут увидел, что Эстрелла пальцами касается своей левой щеки.

— О, — пробормотал он неловко. — Ну… — И не знал, что еще сказать, потому что сам начисто забыл о том, что лицо Эстреллы выглядит необычно. Он поерзал, откашлялся, похмыкал и наконец сказал: — Эй, Стрелл, да никто об этом не думает.

Она бросила на него печальный и ласковый взгляд. И сменила тему:

— Давай поговорим о деле.

Они поговорили. Говорили, и говорили, и продолжали говорить, и так и не могли прийти к какому-нибудь удовлетворительному выводу. Возможно, потому, что его вообще не могло быть. Стэн подытожил разговор, воинственно заявив:

— Мне просто ненавистна мысль о том, что кто-то залезет ко мне в голову.

— Знаю, милый, — ответила Эстрелла, ласково касаясь его плеча. — Но дело в том, что мы перед ними в долгу. Они привезли нас сюда. Дали нам место, где можно жить, и все остальное. — Стэн

пожал плечами, а Эстрелла прикрыла ладонью зевок. — Пойду полежу, — сказала она. — Если хочешь, поговорим позже.

Проходя, она поцеловала его в макушку, но ушла, не пригласив его с собой ни словом, ни взглядом, ни жестом. Стэну пришло в голову, что его ЛППЖСВ — однажды он слышал это сокращение, которое означает «лицо противоположного пола, живущее с вами», — иными словами, что его возлюбленная, та, к кому он все еще пытается привыкнуть, — что Эстрелла, если обойтись одним словом, слишком часто спит одна в последнее время. Со свойственным ему благоразумием Стэн решил, что у нее просто менструация. Для Стэна эта теория оказалась очень полезной, потому что заодно объясняла и перепады настроения Эстреллы. Такая теория избавляла Стэна от необходимости задумываться над странностями женского поведения.

А странностей становилось все больше.

Размышляя об этом, Стэн снова вышел на веранду. Перед ним, как и прежде, раскинулись прекрасные луга, леса и покрытые слюдой горные вершины. И тут ему пришла в голову мысль. Он давно хотел пройтись, так почему бы не сейчас?

Первой проблемой оказался ведущий вниз вин-

товой пандус, по которому они когда-то пришли в свое новое жилище. Стэн сразу понял, что ничего особенно сложного в таком спуске нет, просто нужно идти вниз, пока не дойдешь до двери с обозначением «выход». Конечно, там не было этого английского слова. Зато была нарисована извилистая голубая стрелка. Стэн решил, что это одно и то же. Так и оказалось.

Перед ним раскинулся прекрасный вид — словно в «Алисе в Стране чудес», подумал он, вдыхая теплый ароматный воздух. В его походке появилась пружинистость, которая объяснялась не только тем, что сила тяжести здесь была на десять процентов меньше земной. Здесь он вообще прекрасно себя чувствовал. Плотная зеленая и фиолетовая трава под ногами смягчала шаг. В воздухе виднелись легкие облака светло-розового пуха, похожие на пушинки хлопка, о которых он читал, но никогда на Земле не видел. В далеком небе, в стороне от вершин, таяла радуга.

Он сказал себе, что более прекрасного места в жизни не видел. Было бы еще лучше, конечно, если бы с ним была Эстрелла. Ему хотелось показать ей кожистых маленьких жучков, которые сидели в пучках травы. Или красивые мелкие цветки, к которым он наклонился. Чтобы ощу-

тить их запах…

— Боже! — воскликнул он, распрямляясь: красивые цветки принялись жевать его руку.

Присутствие Эстреллы сделало бы прекрасный пейзаж еще прекрасней, но с ней было хорошо повсюду, где угодно. Стэн задумался, не влюблен ли он в нее. У него не было основательных знаний о том, что значит «быть влюбленным», и он лишь предполагал, что такое возможно.

Это привело к встречному вопросу: влюблена ли в него Эстрелла?

Чем больше Стэн думал об этом, тем менее был уверен в ответе. Почему она должна быть в него влюблена? Он не защищает ее от опасности, не решает ее жизненные проблемы — и вообще Эстрелла лучше справляется с окружающим миром, чем он. Он не слишком привлекателен. (Ну, если это имеет значение, то она — с ее лицом — тоже.) Кроме того, приходилось признать, что он слишком молод, чтобы она принимала его всерьез, — подросток рядом со взрослой двадцатитрехлетней женщиной. Или двадцатичетырехлетней. Или даже старше, потому что Эстрелла не говорила ему, сколько ей лет. Не говоря уж о том, что мужчина, по расхожему представлению, должен быть старше своей девушки.

Недовольный своими мыслями, Стэн пнул спешащего куда-то жука и промахнулся. Он опустился на колени, потом лег на бок. Вытянулся на теплой траве, убедившись, что поблизости нет хищных цветков. Подложил руку под голову и закрыл глаза.

Он не чувствовал, что задремал, но проснулся, когда жесткие пальцы хичи сдавили его плечо.

Открыв глаза, он увидел незнакомое лицо — хичи, самец, молодой, то ли рассержен, то ли забавляется. В свободной руке незнакомец держал нечто вроде хрустальной маргаритки. Он поднес ее к уху Стэна, и оттуда послышался голос:

— Личность Стэн. Мы тебя ищем! Пожалуйста, приходи немедленно. Достигающий уже здесь. Доктор Психоаналитик вскоре будет. Просим прийти побыстрее. — И затем, словно вдобавок: — Говорит личность Соль. Спасибо. Большое спасибо.

Действительно, Достигающий уже пришел. Он критически разглядывал их комнаты. Кроме него, присутствовали две женщины хичи — Соль и еще одна, которую Стэн не узнал, — а также Эстрелла. Эстрелла ласково — этого хватило, чтобы Стэн тут же забыл о своих недавних сомнениях, — взяла

его за руку и познакомила с новой женщиной.

— Это Вычеркивающая, — сказала она, а Соль подхватила:

— Мой старый друг, личность Стэн. К тому же она очень опытна в использовании этого устройства. К счастью, она к тому же прекрасно владеет вашим языком.

Стэн увидел, что новая женщина протягивает костлявую руку для пожатия.

— Рад знакомству, — машинально сказал он и поморщился, почувствовав хватку Вычеркивающей.

Не выпуская его руки, она посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

— Вы не присутствовали на инструктаже. Поэтому мне придется повторить самое существенное. Во-первых, действие этой… у меня нет соответствующего слова… машины, передающей желания и страхи, не причиняет долговременного ущерба. Это известно по многим экспериментам с предыдущими моделями, в том числе и с вашим видом. Во-вторых, в такой форме взаимодействие разных видов еще не осуществлялось, так что, возможно, первый пункт неверен. В-третьих, в любом случае мы начинаем немедленно.

Это заставило Эстреллу возразить:

— Эй! Зачем такая спешка? Разве доктор фон Психоаналитик не должен присутствовать?

— Это верно, — согласилась Соль. — Неизвестно, почему его нет. В других случаях он проявлял быстроту.

— Очень скоро он к нам присоединится, — сообщила Вычеркивающая. — После чего сможет использовать установку для помощи этой личности, — она бросила холодный взгляд на Достигающего, — с очень плохим потенциалом.

Достигающий, который брал разные вещи и ставил их на место, не особенно разглядывая, остановился и очень неприязненно посмотрел на Вычеркивающую. Не отводя от нее взгляда, он обратился к Стэну и Эстрелле:

— Сообщение этой злой ведьмы означает, что я больше не буду совершать нежелательные поступки. Понимаете?

— Может, и нет, — ответил Стэн. — Что за нежелательные поступки?

Достигающий бросил на Стэна злой взгляд.

— Даю пример. Вы носите одежду. Мне она нравится. Вы уходите и оставляете меня с одеждой. Я беру одежду и надеваю ее без вашего разрешения.

Вычеркивающая попыталась изобразить сар-

донический смешок, очень похожий на тот, что издавал Достигающий.

— В твоем случае дело не ограничивается только одеждой, — сказала она.

Достигающий ответил ей столь же ненавидящим взглядом.

— Зачем так говорить? Уже имею прочное мнение о твоей Твердости.

— Требую твоего подтверждения, — безжалостно продолжала Вычеркивающая. — Нежелательные поступки не были связаны с одеждой. Они были связаны с живой женщиной человеческой расы. Подтверди или отрицай!

Достигающий долго молчал, прежде чем ответить.

— Не буду делать ни то ни другое, — заявил он и повернулся к Стэну. — Как думаешь, Стэн? — спросил он. — Будем делиться своими тайнами без дальнейшей болтовни?

По правде говоря, Стэн еще так и не принял решения. Он ничего не ответил. Хичи пожал мышцами живота.

— Тогда почему бы не приступить к осуществлению проекта? Эти двое — вполне подготовленные ассистенты, они способны заменить отсутствующего человека. Поэтому присоединяйся ко мне.

И он улегся в машину.

Стэн посмотрел на второе гнездо в машине, потом с легкой усмешкой повернулся к Эстрелле.

— Пожелай мне удачи, — сказал он.

И тут, когда он уже занес ногу, собираясь забраться в машину, кто-то сказал ему на ухо (никого не было видно, но Стэн узнал голос Зигфрида фон Психоаналитика):

— Не ты, Стэн. Эстрелла.

Когда Стэн повернулся, то увидел психиатра — по крайней мере, его изображение.

— Прошу прощения за то, что заставил вас ждать, — сказал фон Психоаналитик. — Отвлекли неприятности, связанные с финансами и сооружениями в космосе, а также другие проблемы. Многие в Ядре озабочены этими проблемами, и я совещался с ними — понимаете, они органические существа. И конечно, это заняло невозможно долгое время — никого не хочу оскорбить, — торопливо добавил он. Потом повернулся к машине снов, откуда на него мрачно смотрел Достигающий. — Кажется, все в порядке, так почему бы нам не начать? Эстрелла? Займи, пожалуйста, место. А теперь я закрою крышку…

III

Они пробыли в машине совсем недолго, хотя Стэн с этим не согласился бы. Его напряженное ожидание затянулось гораздо сильнее, чем ему хотелось.

Стэн думал о еде, но одному есть не хотелось; думал о сне, но невозможно было заснуть, пока Эстрелла испытывает то, что он мог только вообразить, хотя и не хотел этого. И он снова уселся у экранов.

Теперь у него получалось гораздо лучше. Вскоре он увидел земные события; сбоку от изображения шли строчки меню, предлагая отсылку к другим сведениям. Таких отсылок было очень много. Слишком много, и ключевыми были имена, совершенно не знакомые Стэну, — Элвон ван Джесс, Марджори Эббот, Ребекка Шапиро и сотни других — или темы, о которых Стэн ничего не знал и которые его не интересовали. Какое значение для него имеют цены на фондовых биржах Европы? Или план прорыть ирригационный канал от Средиземного моря до Каттарской впадины, тем самым превратив Сахару в морской курорт? Он увидел упоминание о своем родном городе, но оказалось, что это материал о предстоящих

выборах в городской совет Стамбула. Среди тысяч имен, предлагавшихся его вниманию, он обнаружил одно знакомое — Вэн, известный также как… далее следовала цепочка имен, которых Стэн раньше определенно не слышал; тем не менее это точно был тот мальчишка, что обрушивал на человечество Гнев Божий; Стэн заинтересовался, но обнаружил только сообщение полиции о том, что этот человек, больше не мальчишка, разыскивается в связи со множеством обвинений.

Он не очень внимательно проверял состояние стад бизонов на равнинах Американского Запада — вдруг Эстреллу это заинтересует, — когда сзади послышалось нечто вроде металлического царапанья.

— Эстрелла? — произнес он, с надеждой поворачиваясь.

Но это была не Эстрелла. Это был неприятный самец хичи — Достигающий. Очевидно, он выбрался из своего гнезда в машине и разорвал… как это назвать? Электронную коммуникацию между собой и Эстреллой?

Достигающий не выглядел довольным. Похожие на канаты мышцы его лица извивались, как гнездо змей. Он быстро кивнул Стэну, произнес одно слово: «Ужасно!» — и вышел из квартиры,

закрыв за собой дверь.

Очевидно, испытание завершилось. Мгновение спустя Стэн услышал щебетание женщин хичи и добрался как раз вовремя, чтобы увидеть, как они помогают Эстрелле выбраться из устройства.

Эстрелла выглядела не только усталой, но и очень печальной. Рядом с машиной снов стоял Зигфрид фон Психоаналитик, озабоченно глядя на девушку. Конечно, не с такой озабоченностью, как Стэн. Стэн торопливо направился к ним.

Фон Психоаналитик преградил ему дорогу — нематериальный, но запрещающий.

— С Эстреллой все в порядке, Стэн, — сказал он, — но ты не сможешь с ней поговорить, пока я ее не расспрошу. Подожди снаружи, пожалуйста. И не тревожься.

IV

Легко сказать! Конечно, Стэн вышел наружу, но перестать тревожиться не смог.

А что, жалобно спрашивал он себя, если фон Психоаналитик ошибается? Или лжет ему и с Эстреллой случилось что-то серьезное? Что, если она умрет? Подумав о возможности жить без Эстреллы — без дружеского общества человека в этом мире чуждых извращенцев… без секса, —

Стэн ощутил холод в сердце. Он посмотрел на дверь, из которой только что вышел, и не смог удержаться — подошел к ней и постарался услышать, что происходит внутри.

Ничего не вышло. Он слышал глухой негромкий звук, похожий на шепот, но слов не мог разобрать.

Затем вышли женщины-хичи, с любопытством посмотрели на него, вежливо попрощались и ушли. И все. Неудивительно… Стэн вообще потерял способность удивляться… он ждал у комнаты с машиной снов куда больше времени, чем Эстрелла провела в капсуле. Ему было плохо. Он снова попытался включить экраны, снова не нашел ничего интересного, а больше делать было нечего.

Зато у него было достаточно времени, чтобы окончательно разозлиться на… на все вообще, но больше всего — на фон Психоаналитика, который удерживает Эстреллу и не дает увидеть ее.

Но вот Стэн устал злиться, и его начали тревожить тысячи «что, если». Что, если машина снов изменила отношение Эстреллы к нему на враждебно-отчужденное? Что, если эксперимент с машиной будет повторен, и не единожды, — разве это не приведет к тому, что чувства Эстреллы

к человеку, который не разделяет ее испытаний, совершенно переменятся? Что, если…

Стэну стало физически нехорошо. Вот самое плохое из «что, если» — страшная возможность того, что изобретение хичи, которое в прошлом, когда Стэн жил в Стамбуле, каждые несколько недель сводило все человечество с ума, — что это изобретение причинило Эстрелле серьезный вред. Свело ее с ума. Может, даже убило. И опять возникали ужасные мысли — как он будет жить один, единственный человек на планете чужаков, внутри обширной черной дыры, отделенный пространством и десятилетиями и столетиями от времени, в котором жили все знакомые ему люди?

И тут из двери вышла Эстрелла.

Она не умерла и не сошла с ума; может быть (подумал он), выглядела чуть более усталой, чем когда он видел ее в последний раз, но ничего ужасного с ней явно не произошло.

— Стэн? — сказала она. — Хочу есть. Но вначале обними меня и подержи немного.

Глотая последний кусок хрустящего, лимонно-желтого в розовую полоску квадрата пищи хичи, она сказала, что чувствует себя хорошо. Да, немного устала. Вот и все. Нет, машина не

причинила ей никакого вреда. Точно.

Так каково это было?

Когда Стэн спросил об этом, она глубоко вздохнула. Они сидели рядышком на одном из спальных клубков хичи; Эстрелла поморщилась.

— Зигфрид все время об этом спрашивал, — чуть виновато сказала она. — Я пыталась объяснить, но не думаю, что у меня получилось. Отчасти это чувство, будто я ужасно вонючая разбухшая корова. Зигфрид сказал, что именно так некоторые хичи представляют себе людей. Может, даже все, только остальные слишком вежливы, чтобы показать это. Другая часть — ужасные, действительно ужасные чувства, которые исходили от Достигающего. Я имею в виду не гнев и неудовлетворенность, хотя и этого хватало. Хуже всего то, что Достигающий испытывает к себе. Я не могла все это понять, Стэн. Я хочу сказать, что не знаю, почему он так чувствует. Но его мучают ужасные, ужасно плохие чувства… И еще, понимаешь, было другое. Я словно стала частью кого-то другого и не знаю, как описать это.

Она помолчала, и Стэн воспользовался возможностью.

— Стрелл? Что ты имела в виду, когда говорила о том, что была коровой?

Она как будто не хотела отвечать.

— Это неприятно. Я была толстой, как воздушный шар, женщиной с грудями размером с баскетбольный мяч. Голой. Кожа у меня была пурпурной и…

— Минутку. Ты сказала — пурпурной? У тебя был цветной сон?

— Это не был сон. Но да, все было в цвете… и с запахами, с осязанием. Но это не самое плохое. Иногда я была толстой, но не настолько, потому что я больше не была человеком. Я была хичи, Стэн.

Он уставился на нее. Она кивнула.

— Знаю. Но так и было. Я была самкой хичи, вплоть до квадратной головы, лысого черепа и всего прочего. Вот это было особенно плохо, Стэн. Я испугалась до смерти.

Он обнял ее, продолжая раздумывать. Потом спросил:

— Откуда ты знаешь?

Она повернула голову и посмотрела на него.

— О чем знаю?

— О том, что все эти женщины были тобой?

— О! Просто знаю, — ответила она и коснулась пальцами щеки, на которую наступил бык. — Понимаешь, во сне у меня все время были такие

глаза, Стэн. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Это все, что она рассказала. После на любой вопрос Эстрелла отвечала:

— Не знаю.

Или отрицательно качала головой и отмалчивалась. Как бы он ни формулировал вопросы, она твердила: не знаю. И наконец взмолилась: перестань.

— Я устала, Стэн, — жалобно сказала она. — Может, пойдем поспим?

— Пожалуй, — с отсутствующим видом ответил он и прижался лицом к горлу Эстреллы. — Знаешь, чего мне хочется?

Эстрелла не отодвинулась, но как-то застыла.

— Милый, прости, но сейчас я не могу.

— Да не это, — сказал он. — Другое.

И она увидела, что он смотрит на машину снов. Отодвинулась от него и распрямилась.

— Вряд ли нам следует это делать.

— Почему?

У Эстреллы была сотня ответов на этот вопрос. Это может быть опасно. Они могут что-нибудь сломать. Фон Психоаналитик рассердится. Возможно, без него и помощницы-хичи машина не будет работать. Но ни один из этих ответов не

ослаблял ревнивое желание Стэна испытать то, что испытала Эстрелла. В конечном счете все это было неважно.

— Черт с тобой, — сказала наконец Эстрелла. — Хорошо. Но не вини меня, если мы наживем неприятности.

V

Каково оказаться в машине снов? Стэн даже себе не мог ответить на этот вопрос, пока находился в машине. А находился он в ней недолго: через минуту Эстрелла остановила машину, отбросила крышку и, всхлипывая, выбралась наружу.

Грубо приблизительно описать то, что с ним происходило, можно было так. Нечто вроде яркого и тревожного сна. Словно распечатываешь чью-то личную переписку, полную огромных тревожных тайн. Словно обнаруживаешь, что того, кого, как тебе казалось, ты знаешь лучше всех во вселенной, ты на самом деле совсем не знаешь.

И ничуть не похоже на памятный со времен Стамбула ужасный Божий Гнев. В некоторых отношениях было гораздо хуже. Но дикого стремления, которое в прошлом охватывало всех людей на Земле, Стэн сейчас не испытывал. Здесь дело было совершенно в другом. И это нанесло

ему удар, какого он никак не ожидал.

— Эстрелла, — окликнул он, только что приняв твердое решение вообще не заикаться об этом. — Скажи мне правду. Когда мы занимаемся любовью — я хочу честно, Стрелл, я весь в этом, ты знаешь, — неужели я такой неловкий и… ну… эгоистичный?

Она завопила:

— Я говорила, не нужно лезть в эту машину!

— Да, но…

— Да, но что мне делать? Мне негде взять другое лицо! Негде! Вот такая я уродина!

— Я никогда не говорил… — негодующе начал он и осекся. Говорил, не говорил — не важно. Можно отрицать то, что сказал, можно извиниться за свои слова. Но небрежные мысли, которые иногда приходят в голову, — это нечто совсем иное. Либо они есть, либо их нет. Как отрицать чувства, о наличии которых ты даже не подозревал?

И зачем только ему понадобилось делать эту глупость?

Он прижал Эстреллу к себе. И решил: лучшее, что он может сделать, — никогда больше не говорить об этом. Решение продержалось минуту, максимум две, пока они обнимались и заверяли друг друга, что это совершенно неважно: ведь Ст-

эн не только самый лучший, но и единственный любовник, которого хочет Эстрелла, а в Эстрелле дорого Стэну всё, и нет абсолютно ничего, что он хотел бы изменить.

Но тут Стэн наконец не сдержался:

— Стрелл? Было одно забавное обстоятельство…

— Я рада, что ты находишь его забавным. — Она перестала всхлипывать.

— Нет, я хочу сказать, что не понимаю. Мне кажется, ты оберегаешь что-то, не хочешь, чтобы кто-нибудь узнал, — что-то прячешь.

Она подняла голову и долго смотрела на него. Потом вздохнула и сказала:

— Наверно, надо тебе сказать. Я просто не была уверена до конца и не знала, как ты к этому отнесешься, и…

— Стрелл! К чему отнесусь?

Она раскрыла рот, собираясь ответить, и отвернулась. Снаружи слышался шум, слабый, но отчетливый.

— Что это? — спросила она.

— Стрелл! Скажи!

— Что ж, — ответила она, — дело в том, что я, кажется, беременна.

Именно в этот миг заворчал дверной звонок.

Стэн, оборачиваясь и глядя на источник невероятной новости, отправился открывать… открыв дверь, он обнаружил двух женщин-хичи. Они принесли еще более невероятное известие.

— Мы пришли сообщить вам дурную весть, — печально сказала Соль, а Вычеркивающая добавила:

— Она касается вашей родной планеты. И ничего нельзя сделать.

Соль:

— Да, ничего. Хотя если бы у нас было больше времени… если бы люди лучше изучали геологию…

Вычеркивающая отрицательно передернула мышцами живота.

— Нет, думаю, и в этом случае мы, вероятно, не смогли бы помочь. Я считаю, что это все равно случилось бы.

Эстрелла потеряла терпение.

— О чем вы говорите? Что случилось?

— Событие, — объяснила Соль. — Катастрофическое происшествие, повлекшее гибель очень многих представителей вашего вида. Его невозможно было предотвратить. Я считаю, что сейчас мы можем только сочувствовать. И сочувствуем — со всей искренностью.

11. Земля, опустошенная волной

I

Нет необходимости говорить, что в глазах большей части человечества гигантское цунами Килауэа было невероятной, страшной катастрофой. При мысли об этом цунами людей бросало в холод. Даже хичи считали это событие достойным сожаления.

Катастрофа не была внезапной. Ученые Земли и сами видели ее приближение, хотя многие подробности прояснили именно хичи, имевшие большой опыт в таких делах. Они многое знают о тектонических процессах, ведь им приходилось передвигать планеты внутри большой черной дыры, где они живут, и им без труда удалось предсказать, что самый крупный остров Гавайского архипелага расколется надвое и это вызовет исполинское цунами на всем побережье Тихого океана. Но даже хичи не знали, что в таком случае нужно предпринять.

Когда цунами пришло во всей своей ужасающей свирепости, размер волны оказался вовсе не таким, как прежде. Даже самые большие цунами

в истории человечества не превышали ста метров. Эта — совсем другое дело. Обрушившаяся на побережье Тихого океана волна поднималась над береговой линией на полкилометра. И когда эта неудержимая масса накрыла сушу, мгновенно погибли десятки миллионов человек.

Погибли не только люди. С ними гибла вся их работа. Волна стирала с лица земли целые города, как будто они никогда не существовали. Мир погрузился в траур.

Вернее, почти весь мир. Нашелся один человек, священник по имени Орбис Макклюн, который видел это происшествие совсем в ином свете.

Преподобный Макклюн совсем не печалился, потому что, с его точки зрения, опустошение, вызванное цунами Килауэа, не было таким уж страшным злом. У него были и положительные стороны. А самое лучшее — погибли большие участки Южной Калифорнии.

Не то чтобы Макклюн не считал цунами бедствием. Он не считал это бедствие случайным. Напротив. По мнению преподобного Макклюна, уничтожающая волна была не чем иным, как ужасающей, безжалостной Божьей карой, обрушившейся на грешников. Большая волна пришлась на субботу. Во время воскресной тра-

урной службы преподобный Макклюн опустился на колени перед остатками своей паствы в городе Рантул, штат Иллинойс, и возблагодарил Бога и Спасителя за милосердное очищение выгребной ямы, в которую превратилась Южная Калифорния, прогнивший дом так называемой индустрии развлечений со всеми его теле- и видеоэкранами, с его развратом, с его наготой и святотатствами всех видов.

Не говоря уж о том, что у него была личная причина желать зла этой части мира.

Но эту личную причину Макклюн в своей проповеди не упомянул. Да и зачем? Вся паства о ней знала. Он не упомянул также об уничтоженных городах Хило и Гонолулу, Шанхае и Токио, Окленде и Папеэте и о сотнях других по всему побережью Тихого океана и на усеивающих океан островах. Если Макклюн и думал об этих городах, то приходил к выводу, что они тоже, должно быть, стали гнездами порока. Для Макклюна это само собой разумелось, ибо иначе зачем бы Господь принял решение уничтожить их? Но все эти прочие места не интересовали Макклюна. Очень долго его мысли были целиком сосредоточены на безбожной Калифорнии, а значит, полагал он, мысли Господа тоже. Господь наказал жителей

Калифорнии, а что касается побочного ущерба, то человеческая история им полна.

И вот Макклюн обратился к жалким остаткам того, что когда-то было цветущим приходом, и со слезами возблагодарил своего Бога за очищение американского побережья Тихого океана. И эта проповедь стоила ему работы.

Тем незабываемым воскресным утром в церкви Макклюна присутствовало меньше тридцати человек: остальных прихожан давно разогнали его пылкие диатрибы против всего, что происходило в последнем столетии. К полудню слушателей осталось и того меньше: на этот раз Макклюн зашел слишком далеко даже с точки зрения самых верных своих слушателей. Когда прихожане мрачно покидали церковь, чаще всего слышалось «Да он спятил!», «Да, мы знаем, ему трудно пришлось из-за разрыва с женой, но бога ради!» и, наконец, «Неважно, что у него там было с женой. На этот раз он зашел слишком далеко. Нужно что-то делать». И еще до того, как на стол поставили воскресный обед, активисты паствы связались по телефону с епископом, и утром в понедельник у Макклюна не оказалось прихода.

Это не означало, что его лишили духовного сана. Он сохранил свой статус священника. Но он

лишился дома, потому что тот вместе с приходом переходил к новому священнику. Из милосердия епископ позвонил и дал ему тридцать дней на то, чтобы найти себе новое место. Но Макклюн ответил:

— Не волнуйтесь. Завтра утром меня уже не будет.

Епископ разглядывал его с экрана.

— Знаете, — осторожно сказал он, — я совсем не хотел отбирать у вас приход. Я стараюсь не вмешиваться в местные проблемы, но, бога ради, Орбис, вы знаете, что у меня не было выбора. И раньше было трудно, особенно когда вы стали называть хичи демонами из ада…

— А как еще называть демонов? — спросил Макклюн.

Епископ застонал.

— Прошу вас, Орбис, давайте прекратим спорить. Я хочу только сказать, что, когда вы говорите все эти ужасные вещи, кажется, будто вас радует страшная смерть миллионов от цунами. И мы не можем это терпеть. К тому же это создает совершенно превратное представление о нашей вере.

Макклюн ничего не ответил, и епископ вздохнул. Он и не ожидал от Макклюна иной реакции и

совсем не хотел услышать еще одну бесконечную теологическую речь — нет, диатрибу, — которыми Макклюн насыщал все свои службы. Лишь остатки вежливости, а вовсе не подлинная забота о благополучии Макклюна заставили его спросить:

— Куда же вы отправитесь, Орбис?

— Туда, где я необходим, епископ.

И тут Макклюн улыбнулся. У него прекрасная улыбка. Ее можно назвать сердечной и доброй. В прошлом она обманывала очень многих, и как же поражались люди, слыша в следующее мгновение, как он обещает этим грешникам вечные муки в аду. Потому что улыбка ничуть не удерживала Макклюна от резких осуждений и разоблачений. Епископ, хорошо знавший Макклюна, напрягся, увидев эту улыбку. Он ожидал худшего. Но Макклюн сказал только:

— Если подумать, епископ, то это почти куда угодно.

* * *

Что бы Макклюн ни говорил епископу, он прекрасно знал, куда намерен отправиться.

На следующее утро он прежде всего арендовал место на складе, сложить свой скарб. Вещей было

совсем немного. Самое необходимое он побросал в сумку и отправился в аэропорт в Питоне.

Международный аэропорт Питона напоминал сумасшедший дом. Со всего пострадавшего калифорнийского побережья прилетали самолеты, высаживали потрясенных, испуганных беженцев и немедленно загружались спасателями и припасами. Спасатели были аккуратно одеты и снаряжены, беженцы выглядели совсем иначе. Макклюн едва не споткнулся о лежавших у входа мужчину, женщину и ребенка, очень загорелых. Ребенок уткнулся в игровую приставку; у родителей было удивленное выражение людей, которым никогда в жизни не приходилось беспокоиться; все трое все еще были в пижамах; пижама жены почти прозрачная.

Собственно, Макклюн ожидал чего-то подобного. И даже рассчитывал на это: он понимал, что все будут слишком заняты приемом пострадавших, чтобы проявлять повышенную бдительность. Он был совершенно уверен, что ему нужно лишь продемонстрировать свой пастырский воротничок и сказать: «Спасенным понадобится и духовное руководство». Так он и сказал. И этого оказалось достаточно. У людей, занятых подготовкой рейсов, было много дел

гораздо более срочных, чем проверка документов очередного добровольца. Едва бросив на него взгляд, они пропустили Макклюна в уже заполнявшийся самолет.

Самолет был грузовой, но то, что направляли на пострадавшее побережье Калифорнии, поразило Макклюна. Он полагал, что в первую очередь пошлют самое необходимое: продукты, медикаменты, врачей, медсестер. Вовсе нет. В трюм самолета загружали преимущественно большие землеройные машины. Более того, среди двадцати с небольшим пассажиров, оказавшихся с ним в самолете, преобладали репортеры и юристы. По крайней мере, рядом с ним сидела женщина, непрерывно что-то говорившая в свой диктофон, а через проход двое пожилых полных мужчин просматривали документы. Никто из пассажиров не обратил на Орбиса Макклюна никакого внимания.

Это его вполне устраивало. В тот момент он ни с кем не хотел разговаривать. У него было гораздо более важное дело. Он закрыл глаза, сложил руки на коленях и начал долгую, сердечную, умоляющую немую молитву, обращенную к Создателю: в век, когда люди летали по всей галактике быстрее скорости света, Орбис Макклюн ужасно боялся

самолетов.

II

Килауэа превратился в массового убийцу не только потому, что это был вулкан. В мире много вулканов. Есть немало и таких, которые, как и Килауэа, постоянно извергаются. Килауэа делало особенным его островное положение. Это означало, что тем потокам лавы, которые постоянно выбрасывал Килауэа, некуда было деваться: на острове для этого слишком мало места. Они могли лишь сползать к берегам, а после опускаться в глубины Тихого океана.

Добравшись до воды, лава переставала быть раскаленной. В воде она мгновенно застывала — с многочисленными фейерверками и столбами пара. Затем то же самое происходило со следующей порцией жидкого камня, поступавшей из бесконечно работавшего котла Килауэа, потом со следующей и так далее. Время шло, и эти выбросы быстро застывающей лавы на южных пляжах превратились в почти вертикальный подводный утес. Затем верхняя часть утеса стала нависать. А потом треснула и оторвалась, отошла от массива суши и упала на дно, прихватив с собой сотни квадратных километров поверхности самого

острова.

Вода не сжимается. Тот объем воды, который вытеснила падающая каменная масса, должен был куда-то деваться. И он превратился в цунами — рябь, со сверхзвуковой скоростью распространявшуюся по поверхности Тихого океана, пока ее не остановили поднимающиеся береговые склоны. Здесь эта рябь разбухла, поднялась и обрушилась на сушу.

Тем частям суши, на которые она обрушилась, сильно не повезло.

Конечно, немного помогло предупреждение о цунами. Десятки миллионов человек прислушались к нему, бежали в глубь суши, и большинству удалось спастись. Но не все смогли уйти. А те, что бежали, не могли захватить с собой свои города.

Поэтому самолет Орбиса Макклюна приземлился не в старом аэропорту Лос-Анджелеса. Ни от аэропорта, ни от самого города ничего не осталось, кроме песчаной пустыни поверх моря высыхающей грязи. Первая волна цунами снесла в этой части мира от Санта-Барбары до Тихуаны все: здания, дороги, транспортные линии и все остальное, сотворенное человеком. Вторая волна покрыла все уцелевшее толстым слоем песка, принесенным с океанского дна, и больше нигде

нельзя было увидеть следы человеческой деятельности.

С практической точки зрения уничтожение главного аэропорта не имело никакого значения. Километровой длины полосы аэропорта были наследием прошлого, они предназначались для более ранних поколений машин. Пилоту самолета Макклюна ничего не стоило посадить машину в одном из множества аэропортов-спутников у подножия холмов. Неудобства начались, когда самолет уже приземлился. Оказалось, что все терминалы прилета заняты, и еще с полдесятка только что прибывших самолетов ждали своей очереди, чтобы подъехать к ним. Когда самолет Макклюна наконец стронулся с места — мгновение спустя после того как отошел и направился на площадку для взлета предыдущий самолет, — Макклюн увидел, что здание аэропорта невероятно забито. Конечно, и в аэропорту Питона было много народу. Но этот был на порядок меньше и пытался справиться с потоком пассажиров, возросшим в десятки раз.

Выходя, Макклюн усугубил столпотворение. Он сразу остановился и закрыл глаза в благодарственной молитве: ведь он благополучно пережил полет. Но через секунду толчок в спину

заставил его открыть глаза.

Его толкнула соседка по самолету: волоча за собой сумку, она продолжала говорить в диктофон. И обращала на окружающий мир не больше внимания, чем он.

— Черт! — раздраженно сказала она. — Что стали на дороге?

Макклюн повернулся, разглядывая ее. Прежде всего он заметил, что это женщина хотела бросаться в глаза. Каштановые волосы, карие глаза и все прочее — любой нормальный мужчина скажет, что она хорошенькая. Очевидно, она имела возможность пользоваться пластической хирургией. При обычных обстоятельствах этот факт заинтересовал бы его больше, чем ее привлекательная внешность, но сейчас он не собирал средства для церкви. У него вообще не было церкви, поэтому он только сердечно улыбнулся, отступил в сторону, в мечущуюся толпу и вежливо ответил:

— Мне искренне жаль, мисс. В это мгновение я просто общался со своим Господом.

Орбис Макклюн ожидал, что на этом разговор прекратится. Но у женщины, по-видимому, появились другие намерения. Она задумчиво смотрела на него, на его священнический ворот-

ничок. Потом протянула руку ладонью вверх и спросила:

— Значит, вы священник, отец?..

Улыбка Макклюна стала еще шире.

— Нет, я не служитель римской секты, моя дорогая. Я простой слуга Господа. — И, увидев крохотный блестящий предмет у нее на ладони, сообразил, что это камера, и добавил: — Я пришел сюда, чтобы помочь отчаявшимся душам.

Она выдержала паузу в несколько микросекунд и спросила:

— А что вы для них можете сделать, преподобный?

Улыбка стала еще шире.

— Я могу привести их назад, в объятия милосердного Господа. Что в этом мире может быть важнее?

— Спасибо, — сказала она, сжимая кулак и отворачиваясь. И снова заговорила в свой диктофон, показывая, что Орбис Макклюн как личность для нее больше не существует.

Досадно. Макклюн привык к насмешкам и оскорблениям, иногда ему даже приходилось терпеть побои. Однако здесь его отставили спустя всего несколько секунд. Ему это не понравилось.

Неважно. Выбираясь из толпы, Макклюн поз-

волил себе утешительную мысль о том, какой адский огонь ждет эту женщину, потом задумался, где бы начать свою миссию… и застыл на месте. Под потолком по-прежнему висели светящиеся надписи «Такси» — для богатых и экстравагантных, и «Транспортные ячейки» — для всех остальных, но они больше не соответствовали реальности. Пандус вел к станции монорельсовой дороги, но вход туда преграждали барьеры с надписью, сделанной вручную. Сообщение было невероятное: «Транспортные ячейки не действуют».

Это потрясло Макклюна. Этот вид транспорта действует по всему миру и всегда может доставить вас в любую точку. Добираешься до станции — она всегда расположена поблизости — и вызываешь вагон. Минуту спустя он сворачивает с главной линии и раскрывает дверь. Входя, ты садишься — вагон не остановился бы, если бы не было свободного места, — и говоришь, куда тебе нужно. Все остальное происходит автоматически. Читаешь, дремлешь, смотришь на экран в спинке сиденья перед тобой или работаешь на собственном экране. Вагон возвращается на главную линию; время от времени он останавливается, чтобы подобрать нового пассажира

или выпустить прибывшего на место. А потом прибываешь и ты.

Как ни странно, этот вид транспорта Орбис не считал греховным. (Ведь его изобрели люди, а не эти проклятые — поистине проклятые — хичи.) Он считал его само собой разумеющимся.

Но не здесь. И не сейчас.

Ничего другого тоже не было. Не видно ни такси, ни поджидающих их пассажиров. Большую часть прибывших встречал кто-нибудь из представителей местной власти и уводил с собой. Никто не приходил на помощь Макклюну. Никто его не встречал.

То, что он сделал дальше, далось ему легко: в прошлом он много раз так поступал. Он выбрал одну из пассажирок, летевших вместе с ним, пожилую женщину, главным преимуществом которой было то, что в этот момент она ни с кем не разговаривала, и сказал:

— Мадам, я задам вам самый важный вопрос в вашей жизни. Не потратите ли немного времени, чтобы помочь мне спасти душу?

Она не согласилась. Даже ничего не ответила, просто повернулась и ушла. Темнокожий молодой человек, который раздраженно оглядывался в поисках кого-то явно отсутствовавшего, тоже

отказал. Следующий тоже, и Макклюну пришлось остановиться и подумать над изменением плана.

Все это совершенно нерелигиозные люди. Может, как раз здесь подходящее место для оглашения его послания?

Он принялся отыскивать подходящий прилавок или стойку, чтобы встать повыше, когда услышал, что его окликают. Это была женщина с камерой в руке.

— Эй, вы, — позвала она. — Преподобный! Идите сюда на минутку!

Одной рукой она манила его, другой старалась отогнать оборванных мальчишек и девчонок, которые, очевидно, просили денег. Макклюн не сразу решился подойти, и женщина нетерпеливо сказала:

— Да идите же, ради бога! Я поговорила со своим искусственным разумом, и, думаю, мы можем помочь друг другу. Вы знаете, кто я?

Макклюн не знал, но прежде чем он успел ответить, заговорила одна из девочек:

— Я вас видела. Вы были на экранах и рассказывали о хорошей еде и разных вещах.

— Совершенно верно, — ответила женщина, одобрительно улыбаясь девочке. — Меня зо-

вут Кара ле Бран, я репортер, и да, я провожу некоторые рекламные передачи. Так что, как видите, — она снова обратила внимание на Макклюна, — я здесь на законном основании. Я должна выслушать интересные рассказы жертв, и вы можете помочь мне в этом. Я имею в виду религиозный подход. Барб говорит, он еще не отработан.

Макклюн поджал губы, гадая, стоит ли соглашаться на новый план.

— Вы просите меня помочь вам, — сказал он, думая об этом. — Но не сказали, чем можете помочь мне.

— Оплачу ваши расходы. — сказала она. — Что еще? Не знаю, успели ли вы заметить, но цены здесь взлетели до неба. Не знаю, как вас финансируют… — Она вопросительно замолчала, не получила никакого ответа и резко кивнула. — Так я и думала. У меня есть определенная сумма на расходы, и Барб договорилась с начальством о дополнительных выплатах. Это значит, что я смогу платить и за вас — в течение одного-двух дней. В разумных пределах. Что скажете?

— А кто такая Барб?

Женщина начинала терять терпение.

— Зачем вам это знать? Барбарой зовут ма-

шинный мозг, вот и все. Итак, мистер Макклюн? Каков ваш ответ?

Он колебался, вспомнив кое о чем.

— Вы ведь не называли машине мое имя?

— Нет. Зачем мне это? И какая разница? Я жду, мистер Макклюн.

Испытывая облегчение, он снова широко и ласково улыбнулся ей.

— Конечно, я принимаю ваше предложение, — сказал он.

План Кары ле Бран заключался в том, чтобы отправиться в холмы, где находилось большинство уцелевших беженцев.

Вначале эта мысль не привлекала Макклюна. Именно сюда, на раздавленную, выровненную местность Бог обрушил свой гнев, здесь нанес Он мстительный удар, и Макклюн страстно желал увидеть результаты этого ужасного правосудия.

С другой стороны, ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что здесь, внизу, в живых не осталось никого. Спасительное слово лучше адресовать выжившим, той ничтожной части прежних грешников, которые избежали страшной участи. Поэтому он поднял руку, пытаясь остановить поток слов маленькой девочки, рассказывавшей о преимуществах какого-то места

под названием Барстоу.

— Меня это устраивает, — сказал он, не обращая внимания на девочку. — Как мы туда попадем?

Женщина раздраженно осмотрелась.

— Я могла бы оплатить такси, — сказала она, — но ни одного не вижу.

Она мрачно смотрела на табличку «Стоянка такси» у обочины, где на жаре безнадежно ждала длинная очередь. Очередь совершенно не двигалась. Единственное видимое движение происходило дальше, за терминалом, — там землеройные машины с грузового рейса уже цепочкой двинулись туда, где в них была необходимость.

Макклюн подумал, не знак ли это. Возможно, в планы Господа не входит, чтобы он следовал за этой развратной женщиной. Нетрудно будет уговорить водителя одной из этих машин взять его с собой в разрушенные районы. Он закрыл глаза, моля о знамении, но никаких указаний как будто не получил.

Как оказалось, в том не было необходимости. Девочка, которая стояла, упираясь кулачками в бока и возмущенно глядя на него, спросила:

— Эй, вы что, оглохли? Вам нужен проводник. Это я.

Ле Бран нахмурилась, потом осмотрела девочку внимательнее. Макклюн тоже. Как будто не старше двенадцати. Волосы неровно подстрижены под «горшок» и выглядят так, словно их давно не мыли. Но особенно не понравились Макклюну очень короткие шорты девочки и футболка, предназначенная для женщины с большим бюстом.

Ле Бран, по-видимому, увиденное понравилось не больше, чем Макклюну.

— Нам нужна машина, а не проводник, — сказала она. — Не знаешь, где нам найти машину?

— Конечно знаю. Только машина вместе с проводником. В комплекте. Не берете одно — не получите другое, — сказала девочка. — Будете договариваться или нет? Если нет, тут много других, кто сразу согласится.

— Сколько? — практично спросила ле Бран.

— Двести долларов, — ответила девочка, глядя ле Бран в лицо. Не увидев потрясения, она добавила: — В день, я хотела сказать. Плюс оплата горючего и всего остального.

Ле Бран невесело улыбнулась.

— Придется согласиться, пока цена не выросла, — мрачно сказала она. — Ты знаешь, куда мы хотим отправиться? Куда-нибудь в холмы, где все эти тысячи беженцев. Я думаю о высокогорных

пустошах или, может быть…

Но девочка не дослушала.

— Барстоу, — нахально сказала она. — Поедем в Барстоу.

Ле Бран не понравилось, что ее перебили.

— Почему Барстоу? — спросила она.

Девочка нервно осмотрелась.

— Там есть все, что вам нужно, поверьте на слово. И я доставлю вас туда за час. Идем?

Ле Бран немного подумала.

— По крайней мере, там есть приличная гостиница?

Девочка с жалостью ответила:

— Леди, здесь нет никаких гостиниц. Во всяком случае, вам никуда не попасть. Поверьте. Я знаю место, где можно остановиться. — Она больше не смотрела на своих перспективных нанимателей. Смотрела она на пару взмокших и встрепанных полицейских, пробивавшихся к ним через толпу. — Ну, все, — сказала она. — По рукам, или кончаем разговор. Идете со мной?

Ле Бран взглянула на Макклюна и пожала плечами.

— Полагаю, по рукам. Как тебя зовут?

— Элла, — коротко ответила девочка, поворачиваясь.

— Рада познакомиться, Элла, — вежливо сказала ле Бран. — А это — преподобный…

Элла бросила через плечо:

— Да кто вас спрашивает? Идемте быстрей к машине, пока эти обезьяны не пристали ко мне.

«Машина» девочки, собственно, не была машиной. Это был древний экипаж с двигателем внутреннего сгорания, и — поверите или нет — работал он на водороде. Когда Орбис был ребенком, еще ходило немного таких машин, в основном принадлежавших старикам фермерам, слишком бедным, чтобы купить новые. Но теперь? Макклюн заподозрил, что произошло ограбление какого-нибудь автомобильного музея. Машина — светло-голубая, вся во вмятинах и ржавых пятнах, а одна дверца ярко-желтая — в одиночестве стояла на пустой стоянке, до которой пришлось пешком добираться гораздо дольше, чем рассчитывали ле Бран и Макклюн. К тому времени, как они до нее добрались, оба вспотели. Ле Бран с отвращением разглядывала транспортное средство.

— Эта проклятая штука бегает? — спросила она.

— Сядете — сами увидите, — фыркнула Элла, но ле Бран отшатнулась. Она увидела за рулем

девушку всего на год или два старше Эллы. — А это Джуди, — сказала Элла. — Мой водитель.

— Черт побери, — сказала ле Бран. — Джуди, а у тебя есть права водить эту штуку?

— У меня есть кое-что получше прав, леди. У меня есть машина. Садитесь или нет?

Ле Бран была страшно недовольна, но, поскольку выбора не было, она бросила свою сумку на пол фургона и полезла туда сама. Макклюн, чуть улыбаясь, последовал за ней. Ему было ясно, что эта женщина привыкла к комфорту и роскоши и с трудом мирится с нынешними неудобствами. С другой стороны, сам Макклюн давно преодолел в себе искусительную тягу к комфорту, поэтому охотно последовал за ней.

Но женщина вдруг застыла, перегородив вход. Макклюн увидел, что она смотрит на третье, самое заднее сиденье в фургоне.

— Эй, Элла, — гневно обратилась она к девочке. — Что за дела? Ты не говорила, что с нами кто-то поедет.

Элла подтолкнула ее внутрь.

— Думаете, только вы хотите попасть в Барстоу?

— Да, но как же микроволновое излучение этих штук? Что, если оно выведет из строя мой

машинный мозг?

— Ничего подобного. Проверьте сами, — сказала Элла. Орбис пытался разглядеть что-нибудь в машине, но узкая дверца не позволяла. Мгновение спустя ле Бран неохотно пробормотала, что согласна, и прошла внутрь.

Впоследствии Макклюну казалось, что разговор о микроизлучении должен был навести его на определенные мысли. Но не навел. Поэтому вид других пассажиров оказался для него полной неожиданностью.

Их было двое — два отвратительных создания, похожих на человеческие скелеты. Они неловко сидели на полу таким образом, что цилиндры, которые они носят меж ног, лежали рядом на пластиковом сиденье. Одеты в неяркие балахоны. Ноги лежат на прямоугольных металлических ящиках, светившихся голубоватым светом. Глаза попутчиков смотрели на Макклюна с квадратных морщинистых лиц. От этих двоих слабо пахло нечищеной уборной.

Это были хичи.

III

Дорога на Барстоу привела их к краю опустошенной местности.

Сама дорога не испытала на себе всю силу удара цунами. Там, где это произошло, на ровных пустырях под закатным солнцем не осталось ничего, что мог бы узнать человек. На склонах холмов, по крайней мере, виднелись обломки и мусор. Очень много мусора. В некоторых грудах можно было еще распознать остатки зданий. Чаще же руины, в которые превратилось несколько сооружений, напоминали каменную осыпь. На холмах выше шоссе люди и машины разбирали развалины домов — может, искали выживших или что-нибудь уцелевшее, что еще можно использовать. Макклюну показалось, что многие дома были сорваны с фундаментов и скользили вниз по склонам, пока — разбитые, обрушившиеся, иногда обгоревшие — не застряли у преграды, образованной скоростным шоссе. Вернее, тем, что осталось от скоростного шоссе. А осталось не очень много. Внешние полосы дороги покрылись рытвинами и разрывами; в некоторых местах покрытие было сорвано подчистую. Не раз Джуди, бормотавшей взрослые ругательства, приходилось сражаться с рулем и ползти по грязным обочинам, где машина опасно наклонялась, пока не удавалось вернуться на ровное место. И еще приходилось думать о других машинах. Их было

множество, преимущественно индукционных, хотя встречались и такие же одры, как их фургон, и все они сражались за место на полосе. Иногда полоса настолько сужалась, что невозможно было разъехаться. В таких местах образовывалась пробка длиной в сорок или пятьдесят машин, и цепочкой медленно они проползали узкое место.

Преподобный Макклюн видел все это, но мысли его занимало иное. Он думал о своих неожиданных попутчиках.

Всю жизнь Орбис Макклюн знал, что окружен пороками, грехами и святотатственным разложением. Он понимал, что так создан мир. Макклюн искренне отвергал этот мир, но в то же время знал, что у этого мира есть одно искупительное свойство. Мир прогнил, он погряз в пороках, но это человеческие пороки. Это проявление все того же первородного греха, который изобрел сам Бог, чтобы люди, его создания, были не слишком высокомерными.

Всю свою жизнь Макклюн имел дело именно с таким грехом. Но хичи — особая статья.

Души — вот специальность Макклюна, и он знал о них все, что необходимо знать. Ну, почти все. Мрачно глядя на отражение нежеланных попутчиков в ветровом стекле, он думал, что есть

один вопрос относительно души, на который он не знает ответа. Вопрос таков: есть ли душа у хичи?

Интересная теологическая проблема. Звери полевые не имеют души, Писание на этот счет говорит совершенно определенно. Но звери не говорят на человеческих языках, не носят одежду, не изобретают космические корабли. У Макклюна не было ответа, но была горячая молитва: Боже, если у них есть душа, которую стоит спасать, пусть это делает кто-нибудь другой, не я.

Орбис был уверен, что появление этих омерзительных созданий на Земле не входило в Божественный план. Они чужаки. Они пришли извне. Им не место в мире, созданном самим Господом: все это черным по белому написано в Его собственной Книге — земля предназначена исключительно для людей. И необычным созданиям с других планет здесь нечего делать. Так что для Макклюна хичи не были благословлены Богом и, следовательно, представляли собой воплощенное зло. Если и существует в мире абсолютное воплощение сосредоточения греха, то это, вне всякого сомнения, хичи.

Перечень их грехов совершенно ясен. Именно из-за хичи столько людей покинуло Божий мир

и улетело в космос. Именно из-за хичи бездушные машинные разумы начали играть такую большую роль в жизни людей. Из-за хичи бесчисленные грешники, оказавшись на пороге смерти, выбрали перерождение в бессмертные электронные абстракции, вместо того чтобы благодарно гнить в Божьей почве, дожидаясь последнего зова. Это преступление было особенно отвратительно Макклюну из-за обстоятельств его бывшего брака. Но хуже всего то, что в мире почти бесследно исчезли превосходные стимулы к приличному поведению — нужда и страх.

Макклюн не мог справиться с собой. Он громко застонал, заставив репортершу раздраженно повернуться к нему.

— Что с вами, Макклюн? — спросила она. — Не можете сдержаться? Я пытаюсь взять интервью.

И она снова повернула свою камеру к хичи, предоставив Макклюну мрачно смотреть на пробегающие мимо картины.

Барстоу они достигли уже в полной темноте. Сюда не добралась даже пена цунами, так что на улицах Барстоу стояли неповрежденные здания. И при этом здесь было множество беженцев. Они заполняли тротуары и мостовые, бесцельно слонялись — или сидели — везде, куда удавалось

опустить усталый зад: на ступенях, на парапетах, на плоских крышках пожарных гидрантов. По забитым беженцами улицам с трудом пробирались грузовики, грузовые платформы и автобусы; они везли припасы. Все автостоянки были заполнены людьми, они лежали в спальных мешках или на грудах тряпья и ревниво караулили место, где можно лечь. Перед немногими открытыми ресторанами и гостиницами выстраивались длинные очереди — не в надежде на еду и приют, а просто дожидаясь возможности воспользоваться туалетом. Очереди образовывались и перед грузовиками, с которых раздавали плоские тяжелые пакеты с CHON-пищей, привезенные с какой-нибудь уцелевшей пищевой фабрики. На лицах одних беженцев было написано отчаяние, на лицах других — ошеломление. Но у большинства лица были злые. Чем лучше были одеты беженцы, тем больше они сердились. Видно было, что они и разгневаны, и поражены. В их мире, в это время, у таких людей такое просто не могло случиться.

Макклюн с удовлетворением смотрел на эти орды. Вот души, которые он явился спасать. Они наказаны, и его долг объяснить им почему.

— Останови машину, — приказал он, уже про-

глядывая перечень их грехов.

И просчитался.

— Нельзя, — прохрипела Джуди, глядя на него в зеркало заднего обзора, и Элла тут же поддержала ее.

— Нельзя, старик, — решительно сказала она. — Уже минут двадцать как действует комендантский час для машин. Если копы нас увидят, тут же отберут машину.

— И заткнитесь, — добавила Джуди, — я не могу отвлекаться от вождения. Хотите, чтобы я кого-нибудь переехала?

«Удобства», предоставленные девушками, не были роскошными. Они представляли собой большой, пахнущий бензином сарай, который когда-то, до пожара, был, должно быть, ремонтной мастерской. Джуди сразу загнала свой драндулет внутрь — из опасения, что его украдут, объяснила она, хотя Макклюн не мог представить себе, чтобы кто-нибудь захотел это украсть. Большую часть сарая занимала здоровенная ржавая цистерна. Оставшееся пространство было заполнено постелями — брезентовыми койками, которые смогли предложить Элла и Джуди. («Эй, — рявкнула Джуди, когда ле Бран попыталась пожаловаться, — можете спать на

тротуаре, если вам там больше нравится».) Койки, по крайней мере, были совершенно новые. Их доставили на грузовиках вместе с другими припасами. Одеяла тоже.

Двое хичи не получили и этого. Они беспокойно чирикали и посвистывали, разговаривая друг с другом, потом обратились к Элле, которая нахмурилась, подумала немного, ушла и вскоре вернулась с большим мешком, полным тряпья. Казалось, это удовлетворило хичи, зато их не удовлетворило отведенное для сна место. Они опять посовещались, разглядывая стены и крышу старого сооружения, затем вежливо извинились и вышли. Тряпки они прихватили с собой и принялись укладывать их в переулке, в стороне от зданий.

Джуди вопросительно фыркнула. И Кара ле Бран тут же объяснила:

— Однажды я проводила об этом передачу. Они спят, закутавшись во что-нибудь.

— Да, конечно, — ответила Джуди, — но почему в переулке, а не внутри?

Этого ле Бран объяснить не могла. Да и не хотела, потому что неожиданно обнаружила отсутствие других удобств. Она с большим неудовольствием узнала, что в сарае нет водопровода,

и с ужасом начала понимать, что это означает. Единственным «туалетом» оказалась выкопанная у дороги узкая траншея, закрытая «для приличия» брезентом. А услышав, что девочки предлагают в качестве еды, она просто пришла в ярость.

— Да ведь это CHON-пища, чтоб ее! — рявкнула она. — Эту дрянь раздают в центре! И вы с нас берете за нее деньги?

Элла равнодушно пожала плечами.

— Предпочитаете стоять в очереди? Ешьте или не ешьте, мне все равно.

Пока они разговаривали, хичи кончили устраивать постели и принялись безмятежно разворачивать круглые пирожки, которые пахли малиной и жареным чесноком. Это для Макклюна оказалось уж слишком. Бог мог наказать его, поместив в общество этих грязных тварей, — наказать, разумеется, несправедливо, но Макклюн считал, что несправедливость — тоже прерогатива Господа. Однако Он не мог требовать, чтобы Его слуга ел с ними. Орбис взял еду и сел на койку, стараясь держаться как можно дальше от хичи.

Пища была в обертке самых радужных расцветок. На ощупь обертка напоминала шелк, но, когда Макклюн провел по ней ногтем, она

разорвалась. Макклюн по очереди откусывал от каждого куска, не обращая внимания на то, что один оказался тестообразным и безвкусным, а второй хрустел на зубах и напоминал по вкусу густую мясную похлебку. Прочитав про себя короткую молитву, Макклюн все съел. Для него пища никогда не имела особого значения. Еда необходима, чтобы поддержать жизнь, она не более приятна, чем очищение кишечника, и заслуживает не большего внимания.

Закончив есть, он посетил туалет-траншею. На обратном пути остановился и посмотрел на огромное звездное поле над головой. И вернулся в сарай. Кара ле Бран разговаривала с девочками, очевидно, они обменивались комплиментами, но Орбису не хотелось с ними разговаривать. Он лег на свою койку и закрыл глаза.

Но не успел прочесть и половину вечерней молитвы, как неприятное головокружительное ощущение дало ему знать, что происходит нечто нежелательное. Сарай словно раскачивался. Макклюн захотел сесть, и после второй или третьей попытки ему это удалось.

Не только он это ощутил. Звуки голосов показывали, что женщины тоже это почувствовали. Громче всех кричала Кара ле Бран:

— Боже! Что это? Землетрясение?

Когда Элла подтвердила ее догадку, ле Бран закричала:

— Черт побери, я не соглашалась ни на какие землетрясения! Через мгновение вернется большая волна, только на этот раз она заберет весь проклятый штат!

Больше Макклюн решил не слушать. Это не что иное, как Божественный промысел, а он никогда не боялся Божьих деяний. Макклюн закрыл глаза. Последним, что он услышал, был жалобный голос Эллы:

— Дайте покой, леди! Это последствия приливной волны. Ради бога, такое тут все время происходит. Просто надо привыкнуть.

IV

На следующее утро Орбис Макклюн встал с восходом солнца, готовый начать работу, ради которой явился сюда. Но хичи встали еще раньше и уже ушли — Макклюн понятия не имел, чем они собираются заниматься. Он оставил Кару ле Бран перебраниваться с девочками из-за отсутствия душа и их отказа ехать днем в центр, так что ей предстояло идти пешком. Но центр оказался недалеко. Через каких-нибудь двадцать

минут Макклюн был там, где толпились люди — его главная цель.

Центр Барстоу походил на центры всех городов в мире — те же знакомые вывески над магазинами, те же молочные бары и кафе-мороженое, рестораны быстрого питания, туристические агентства, мастерские по ремонту бытовой техники и конторы адвокатов, специалистов по налогообложению. Макклюн миновал действующий спортзал, развлекательный центр полного погружения, студию тэквондо и с полдесятка парикмахерских и кабинетов протезистов-косметологов. Очевидно, жители Барстоу не меньше всех прочих обитателей Земли хотели выглядеть настолько хорошо, насколько позволяет современная технология. Макклюн проходил мимо, даже не замечая их существования. Он искал людный перекресток — но под такое описание подходил любой перекресток в Барстоу — и удобную скамью, портик или стол для пикников, куда можно было бы взобраться и обратиться к толпе.

Вскоре показалось самое подходящее место. Это была площадь с круговым движением и с небольшим скверико м в середине. В сквере — несколько цветущих кустов, а в центре — высокая статуя человека в рясе с клобуком. Как и весь Барстоу,

сквер кишел бесцельно перемещающимися беженцами, и в нем было немало каменных скамей. Конечно, все они были заняты, но для Орбиса Макклюна это не стало проблемой. Потребовалось только сказать: «Прошу прощения, брат, я совершаю Божье дело», подкрепив свои слова широкой ласковой улыбкой, и пожилой мужчина, сидевший на скамье, уступил ему место. Забравшись на скамью, Макклюн увидел вырезанное на постаменте статуи имя — фра Хуниперо Серра[15], кем бы этот Серра ни был, — и принял это за добрый знак. Хотя этот человек был католиком, тем не менее он посвятил свою жизнь Господу — пусть даже не тому Господу; следовательно, они коллеги. Довольный Макклюн повернулся и поднял руки в благословении, готовясь обратиться к зрителям…

И увидел то, что располагалось через улицу, за перекрестком. Это была мастерская с яркой вывеской «Жизнь После».

Совсем дурной знак.

Если и существовало нечто такое, что Макклюн ненавидел больше хичи, так это сеть

---

[15] Примечания: 15

Хуниперо Серра (1713–1784) — францисканский миссионер, прозванный «Калифорнийским апостолом»; основатель католических миссий в Калифорнии. — *Примеч. перев.*

электронных мастерских «Жизнь После», в которых умирающие или просто павшие духом могли получить проклятую, придуманную хичи замену подлинной смерти. Дело не просто в богохульстве, хотя это явное богохульство. Макклюн испытывал и очень сильные личные чувства.

Но он ни на мгновение не позволил этим чувствам отвлечь себя. Макклюн много лет учился подавлять свои чувства ради долга. Он поднял руки и воскликнул:

— Братья!

Один или двое прохожих на миг остановились и посмотрели на него — без особого любопытства. Тогда Макклюн еще громче провозгласил:

— Братья! Сестры! — Теперь им двигал могучий порыв. Одарив всех окружающих своей бессмысленной широкой улыбкой, он загремел: — Слушайте меня, ибо я принес вам спасение и вечную жизнь в лоне Господа!

Существуют универсальные явления. Например, жертвы природных катастроф — любых катастроф, в любой исторический период — теряют примерно одно и то же. Их имущество погибло: дома, машины, мебель, растения, которые цвели в гостиной, — ничего этого больше не существует; нет больше лампы, когда-то подаренной на сва-

дьбу, нет тридцатилетнего плюшевого мишки, принадлежавшего сыну, которому теперь сорок один год. Друзей разбрасывает по миру, соседи теряют друг друга. Многие семейные ожидания рушатся, и их нечем заменить, кроме тревоги перед будущим. Все это всеобще. Так было с жителями Мартиники[16], и во время Джонстаунского наводнения[17], и в разбомбленном Дрездене, и в сгоревшей Хиросиме. Это всегда одинаково.

Однако в некоторых отношениях произошли очень большие перемены. Ни один человек в Барстоу, пострадавший от цунами, не голодал. Да и во всем остальном мире тоже, конечно: пищевые фабрики с их неограниченными возможностями могли накормить любое количество нуждающихся. Никто не потерял ни копейки из своих сбережений — или из долгов, кстати, потому что искусственные сознания, управлявшие мировыми банками, кредитными организациями и налоговыми управлениями, мгновенно переместились в электронном виде в более безопасные

[16] Примечания: 16

Имеется в виду катастрофическое извержение вулкана Пеле на острове Мартиника в 1902 году. — *Примеч. перев.*

[17] Примечания: 17

Наводнение 1899 года в Пенсильвании, вызвавшее гибель свыше двух тысяч человек и почти полностью уничтожившее город Джонстаун. — *Примеч. перев.*

места. Не потерялась ни одна история болезни, ни один документ по контролю над употреблением наркотиков. Хватало и медицинских средств и возможностей: первыми в разрушенных районах оказались врачи и мобильные медицинские центры, а у многих выживших сохранились личные машинные разумы, которые исправно продолжали поставлять информацию. Конечно, это относилось к тем, кто был достаточно богат, чтобы позволить себе это.

Но у всех уцелевших было и еще кое-что общее: они не знали, куда девать время. И это вполне устраивало Орбиса Макклюна.

Три часа подряд, не обращая внимания на горячее утреннее солнце, Макклюн призывал, изгонял, предупреждал, угрожал, проклинал. Это было величайшее событие в его жизни. К сожалению, беженцы не реагировали на его призывы. Большинство какое-то время апатично слушали, потом уходили. Некоторые хихикали. Изредка выкрикивали оскорбления. Но чаще просто уходили.

Однако скамью Макклюна постоянно окружала толпа. Постоянно подходили новые праздные прохожие, хотя новая толпа оказывалась не отзывчивей предыдущей. Иногда со своей скамьи

Макклюн видел Кару ле Бран, которая ходила в толпе, снимала самого проповедующего Макклюна или пыталась взять интервью у кого-нибудь из слушателей. Она была не единственным репортером. Их были десятки — некоторые с простыми ручными камерами, другие со сложным оборудованием. Макклюн решил, что это самая тщательно задокументированная катастрофа в истории человечества.

Несколько раз видел он и хичи, которые непонятно чем занимались. Казалось, они просто прогуливаются по улицам, но как знать, если речь идет о хичи? Они как будто мало с кем разговаривали, хотя на них глазели многие. Большинство их просто избегало. Даже когда Макклюн мелодраматическим жестом указал на задержавшихся хичи и загремел:

— Взгляните на это воплощение зла! Взгляните на искусителей, которые обрушили смерть и адское пламя на ваших близких! — даже тогда хичи оставались совершенно пассивными. А люди лишь переговаривались. И уходили.

Это был серьезный вызов. Здесь у Макклюна величайшая аудитория, о какой он только мог мечтать, но если он и спас сегодня хоть одну душу, по лицам слушателей это никак не было

заметно.

Возможно, подумал Макклюн, дело в составе толпы. Перед ним была не только самая большая, но также самая молодая и здоровая толпа слушателей. Никаких еле бредущих стариков. Никаких калек, ни у кого никаких признаков той или иной болезни. Утраченная в Рантуле Макклюном паства была совершенно другой. Там все более молодые и здоровые прихожане давно ушли в другие церкви, оставив только тех, для кого в любой момент мог наступить Судный день.

Но для Макклюна это не имело значения. Он измерял свои успехи и поражения не количеством спасенных душ, а тем, как неутомимо трудился, чтобы их спасти. Но даже ему иногда приходилось отдавать дань естественным надобностям. И когда жажда и потребность помочиться стали особенно сильны, он сделал перерыв.

В заполненном беженцами Барстоу удовлетворить эти потребности было нелегко. И только увидев раздраженную Кару ле Бран в очереди в студию тэквондо, Макклюн нашел решение. Женщина сказала ему, что туалеты внутри, там есть и душ, и питьевая вода — все платное, разумеется, и, если он согласится подождать с ней, она за него заплатит. Поэтому он встал в очередь

рядом с ней. Она с головы до ног осмотрела его.

— Много душ спасли, преподобный?

Впрочем, ее тон свидетельствовал, что вопрос задан не всерьез, что это всего лишь попытка поддержать разговор. Он не обратил на это внимания. Но ей хотелось поговорить, чтобы отвлечься от недостойного ожидания в очереди.

— Что вы думаете о землетрясении прошлой ночью? — спросила она. — Как по-вашему, что его вызвало?

Он пожал плечами. Наука никогда не интересовала его.

— Что-то с этими сдвигами, вероятно.

— Не на этот раз, — ответила она, вдруг обретая былую самоуверенность. — Это все проклятое цунами. Мне это объяснил мой машинный разум. Барб рассказала мне, что тяжесть воды сжала все трещины и щели, которые были здесь, в Калифорнии, и теперь они как бы освобождаются от напряжения.

— Гм, — ответил он, думая только о туалете.

— Так что, вероятно, их будет еще много, — продолжала ле Бран, радуясь возможности поделиться с кем-то дурной новостью. — И это еще не все. Известно ли вам, что запасы пищи на исходе?

Облегчившись в туалете студии тэквондо и утолив жажду из фонтанчика, Макклюн продолжал поражаться услышанному.

Кончаются запасы пищи? Но это нелепость! Больше не бывает так, чтобы еда кончалась. Еды всегда в изобилии — это аксиома. Конечно, бывали времена, когда люди даже добывали в шахтах уголь, чтобы растить на нем бактерии и прессовать их в небольшие порции ужасной съедобной массы, которая всегда отдавала машинным маслом.

Но это было давно. До того, как открыли фабрику пищи хичи; в кометном облаке Оорта она высасывала из комет элементарный углерод, водород, кислород и азот — то, что называется пищей CHON, — и готовила из этих элементов любые продукты, какие только можно вообразить. Потребовалось совсем немного, чтобы переоборудовать эту фабрику для земных нужд. Теперь эти фабрики покрывают моря и океаны, получая из воды нужные элементы. Да их сотни, этих фабрик, они повсюду и ежедневно производят продукцию! Макклюн видел снимки таких фабрик и в Мексиканском заливе, и в Красном море, у берегов Марокко и Китая — везде, где достаточно органических веществ, чтобы добавить углерод

и азот к тому, что добывалось из воды. Конечно, Макклюн ненавидел эти фабрики — дьявольское изобретение хичи! — но они определенно помогали сохранить жизнь двенадцати миллиардам жителей Земли. Один из его прихожан работал на фабрике CHON, пока не ушел на пенсию и не переехал в Рантул. Его работа заключалась в добавлении к CHON небольшого количества других элементов, чтобы потребители получали все необходимые витамины и минералы. Работал он на гигантской фабрике, стоявшей на якоре у берега Южной Калифорнии и кормившей большую часть населения этого штата…

И тут его осенило. Южная Калифорния! Цунами, обрушившееся на берега Тихого океана, должно было уничтожить и эту фабрику — и, вероятно, ту, что у побережья Орегона, и на Аляске, и у берегов Центральной Америки, и повсюду, где могла дотянуться до пищевых фабрик. Так что вполне возможно — впервые за целое поколение может не хватить еды.

Окончив дневные труды, Макклюн испытывал сильный голод, он очень устал и подозревал к тому же, что серьезно обгорел на солнце. Зато был настолько близок к счастью, насколько мог себе позволить.

А дома, чтобы сделать день еще лучше, его ждала хорошая новость. Толкнув скрипучую дверь, он увидел Кару ле Бран и девочек; они уничтожали гору пакетов с пищей CHON. Что бы ни случилось, голод не помешает осуществлению его миссии.

— Кончается еда? — презрительно переспросила Элла. — Конечно. Мы это предвидели и запаслись еще несколько дней назад.

У ле Бран тоже были новости.

— Я старалась взять интервью в «Жизни После» и кое-что узнала. Именно там постоянно толкутся хичи. Знаете, что они предлагают?

Элла и Джуди кивнули, но Макклюн посмотрел с недоумением.

— Что они могут предложить?

— Вы не знаете? Да, черт возьми, — сказала она, вспомнив, — у вас ведь нет своего машинного мозга. Это все иммиграция. Как у людей, которым некуда идти. — Он совсем смешался, и она добавила: — В Ядро, понимаете? Они предлагают всем желающим переселиться в Ядро. Но только тем, у кого сохранено сознание, так что сначала им придется умереть.

И тут она наконец заметила, как изменилось выражение лица Макклюна — удивление пере-

шло в гнев.

— Эй, — сказала она, виновато улыбаясь, — не нужно так смотреть. Конечно, сделки с «Жизнью После» выглядят странно, но если подумать об альтернативе, то это не так уж и плохо.

И озадаченно нахмурилась: выражение Макклюна смягчилось, гнев исчез, и его сменила сердечная бессмысленная улыбка.

— Неплохо? — задумчиво переспросил он. — Да нет, мисс ле Бран, это не просто плохо. Это самое большое, богохульное, безнадежно злое зло во всех своих частях, и я тысячи раз на коленях молил Господа, чтобы ответственные за это зло вечно горели в огненном озере в самых глубинах ада.

Улыбка стала еще шире, Макклюн повернулся и ушел. Он знал, какое впечатление производит уход вовремя, поэтому не остановился и распахнул старую скрипучую дверь.

Снаружи в теплых сумерках дул легкий ветерок. Макклюн взглянул на груды тряпок хичи, мельком подумал, не пнуть ли их, но не стал этого делать: урчание в желудке свидетельствовало о более настоятельной потребности. И он направился к уборной.

Хорошее очищение желудка — все-таки бла-

гословение. Макклюн не торопился. Когда он возвращался в сарай, на небе уже появились звезды. Большинство людей считают эти огоньки красивыми. Для Орбиса Макклюна они были олицетворением вины и греха. Это они заманили людей в космос, а значит, к хичи и их порочности.

Но звезды далеко, а в этом мире Макклюн, когда распахнул дверь и вошел, был близок к умиротворению. По крайней мере, такому, на которое была способна измученная душа Орбиса Макклюна.

Но это длилось недолго. В углу сидела Кара ле Бран; она шепталась со своим машинным мозгом, и у нее было странное выражение лица. Увидев Макклюна, она замолчала, встала и пошла к нему с неожиданно виноватым видом. Макклюн мгновенно насторожился. Он опасался сюрпризов, зная из опыта, что они редко приносят добро.

Так случилось и на этот раз.

— Эй, Орбис, — сказала женщина, кладя руку ему на плечо. И прежде чем он смог стряхнуть ее руку, продолжила: — Послушайте, я попросила Барб собрать о вас сведения. Простите, если я сказала что-нибудь не так. Я не знала, что ваша жена записана в «Жизни После».

VI

На следующее утро солнце светило не ярче, а неустойчивое положение на скамье под огромной мрачной статуей не стало утомительней, но Макклюн ощущал все эти неудобства острее. Голос его был по-прежнему властным, угрозы и предупреждения — такими же заунывными и резкими. Однако пламя в его сердце приглушали нежеланные, давно сдерживаемые воспоминания о старой боли… у которой было имя Ровена.

Ровена. Прекрасная. Воплощение приличия. Любимая… во всяком случае настолько, насколько Макклюн мог любить смертную. Пока приличие не превратилось в непокорность, за которую Ровена заплатила жизнью, но не умерла подлинной смертью, а превратилась в постоянную боль Макклюна.

Источник этой неутолимой боли находился перед ним, прямо через улицу. Техники «Жизни После» — сразу после того, как машина Ровены разбилась, они появились почти одновременно со скорой помощью и успели получить согласие умирающей на преобразование личности — ее души! Эти техники превратили Ровену в нечто неосязаемое, в облачко электронов в машине. И

теперь так будет всегда, пока человечество будет существовать на Земле.

У Макклюна посреди одного из его любимейших описаний вечных мук, которые ожидают проклятых, сорвался голос. Несколько бездельников, составлявших его аудиторию, засмеялись, но он взял себя в руки и продолжил. Вернее, он продолжал произносить слова, выстраивая из них давно знакомые доводы, но ничего нового сказать не смог.

Ровена не должна была так поступать.

Вся ее жизнь свидетельствовала об этом. Ее отец-священник был почти столь же строг и неумолим в своей вере, как сам Макклюн, — настолько строг, что назвал дочь в честь чистейшей девушки из давнего шедевра сэра Вальтера Скотта и воспитал ее так, чтобы из нее могла получиться образцовая супруга, скажем, начала восемнадцатого века. И в первые три года их брака она демонстрировала все эти качества — и мужу, и всему миру.

Но четвертый год оказался кошмаром.

* * *

Все время, пока он рассказывал своей аудитории поучительную историю Матфея, сборщика

податей, который стал слугой Господа и вместо того, чтобы собирать деньги Маммоны, стал раздавать спасительное Божье слово… все это время взгляд его устремлялся поверх голов слушателей и упирался в презренную палатку «Жизни После» сразу через улицу. Это было воплощение самого Зла. Его присутствие искушало Макклюна. Длинная очередь мужчин и женщин у входа в палатку была для него оскорблением. Разве они не понимают, что обрекают свои души на вечное проклятие?

Ровена знала это. Он сам говорил ей об этом, говорил, когда узнал, что, пока он часами готовил очередную порцию Божьей истины для своих прихожан, она украдкой по сети связывалась с нечестивцами и богохульниками. То, о чем они говорили, было почти непростительно. Женские права! Аборты! Свобода мысли! И хуже всего — грязная физическая связь между мужчинами и женщинами, их тела, соединенные в омерзительнейшей похоти.

О, Ровена поклялась, что никогда ничего подобного не совершала, она даже не регистрировалась, чтобы голосовать. Она просто интересовалась. Из любопытства. И когда он рассказал ей о том, к чему ведут такой интерес и такое любопыт-

ство, когда он пригрозил, что в следующее же воскресенье раскроет ее позор перед паствой, она выбежала из дома и столкнулась в своей машине с пожарными, ехавшими на большой скорости. Произошло ли это случайно или сознательно? Неважно. Она согрешила. И такие люди, как те, что стоят на противоположной стороне улицы, помогли ей избежать наказания за грех, совершив еще больший грех.

И вот теперь прямо перед ним десятки мужчин и женщин стоят в очереди перед «Жизнью После», собираясь совершить тот же непростительный грех.

Он принял решение. Как только он кончит излагать очередную мысль — или когда тень статуи достигнет небольшого цветущего куста по ту сторону тротуара, — он распустит свою аудиторию, оставит маленький сквер, перейдет через улицу и займется более неотложным делом. Начнет с проповеди. Возможно, небольшое справедливое порицание сможет изменить намерения этих людей. Это будет правильно, говорил он себе. Он ошибался, до сих пор этим не занимаясь…

Однако ничего не вышло.

* * *

Не вышло потому, что неожиданно, без всякого предупреждения, Макклюн потерял равновесие. Это одно из небольших землетрясений, разумно говорил его внутренний голос, когда он обнаружил, что вообще не может стоять. Именно это землетрясение было совсем не маленьким. Макклюн опустился на колени и ухватился за спинку скамьи, чтобы не упасть… но он все равно падал, падал на спину в пожелтевшую траву, ударился головой о жесткую почву, на мгновение все поплыло перед глазами… но все же он увидел серьезное гранитное лицо фра Хуниперо Серры, наклоняющееся к его собственному лицу. Статуя, как и он сам, рухнула от последнего землетрясения… лицо все приближалось, как будто неся ему поцелуй смерти.

Потому что это была смерть. Макклюн нисколько не усомнился в этом. Эта мысль привела его в ужас, но и взбудоражила: ему предстоит встреча с Создателем, он получит награду за безупречную жизнь, проведенную в служении Господу.

Он верил, что заслужил награду. Но одновременно его охватил ужас, ибо кто из смертных может понять ужасное Божье правосудие? Он без

слов взмолился о милости — это была даже не молитва, а дикий крик: в это мгновение каменные губы коснулись его губ и двинулись дальше, причиняя нестерпимую боль.

А потом ничего. Только тьма.

VII

Но когда Орбис Макклюн умудрился снова открыть глаза — ему было очень трудно управлять мышцами, — его целовал не покойный фра Хуниперо Серра. Это был пожилой мужчина с лысой головой и полуседой бородой, и его дыхание, которое он вдувал в рот Макклюну, отвратительно отдавало пивом и другими, еще худшими запахами.

— Эй! — закричал Макклюн, вернее, хотел закричать, но ему потребовалось три или четыре попытки, чтобы произнести одно слово: — Эй. — Потом «Что». И «Ты». И «Делаешь». Все по слогам, и каждый слог давался с огромными усилиями.

Мужчина как будто не заметил ничего необычного. Он огорченно отстранился.

— Ты один из тех, кому ничего не сказали, верно? Боже всемогущий. Да что это с вами? Я просто стараюсь запустить вас, как, по слухам, нужно делать, понимаешь?

Макклюн не обратил внимания на богохульное упоминание Божьего имени — само физическое действие казалось ему гораздо более постыдным.

— Говорят… вы… должны… меня… поцеловать?

Мужчина казался смущенным.

— Ну, конечно, можно сказать и так. Это поцелуй жизни, понимаете? Я должен заставить вас поверить, что вы будто бы снова дышите. И подумать, что вы тонули или что-то вроде, понятно? — И успокоительно добавил: — Не тревожьтесь, если первое время вам трудно будет управлять своим телом. Все проходят через это. Немного погодя привыкнете.

Макклюн нахмурился и облизал губы — затем, вспомнив про омерзительный поцелуй, потер их ладонью. Это тоже было нелегко: ему не сразу удалось поднять и правильно расположить руку. Он хрипло сказал:

— Объясните. Пожалуйста.

Мужчина раздраженно нахмурился.

— Да бога ради, что тут объяснять? Когда эта штука упала на вас, они были на другой стороне улицы, верно? И успели к вам до того, как вы стали… непригодны.

— Кто был через улицу? Кто успел ко мне?

— Боже, — застонал мужчина, — как вы мне надоели! Люди из «Жизни После», кто еще? Вас машинно записали. Вот ходят агенты по сбору оплаты.

Действительно, Макклюн видел их — хорошеньких молодых женщин в голубых униформах. Но думал он не о них. В голове у него было нечто совершенно иное, нечто самое огромное, страшное и важное в его жизни.

Орбис Макклюн прожил всю жизнь в полной уверенности, что смерть означает правосудие. Если ты живешь, как того хочет Бог, Он вознаградит тебя. Если нет — накажет. Так или иначе, но после смерти этот вопрос будет решен.

Но не в этой вечной несмерти, которая не была и реальной жизнью.

Эта мысль ошеломила его. Всю жизнь Макклюн провозглашал готовность принять все, что уготовил ему Господь. Но это? Это несправедливо!

И тут одна из сборщиц «Жизни После» голосом таким же нежным, как цвет ее одежды, обратилась к нему:

— Доброе утро, мистер… гм… мистер Макклюн. Я уверена, что теперь вы уже осознали, что ваше органическое тело погибло. Насколько я поняла, с вами произошел несчастный случай, и «Жизнь

После» хочет выразить вам искреннее соболезнование в связи с этой потерей. Хотя, конечно, теперь, когда вы расширены, это вовсе не осознается как потеря, верно? — Затем резко, но по-прежнему с улыбкой с ямочками, она сменила тему: — Как вы намерены рассчитаться, мистер Макклюн? Мы принимаем любые кредитные карточки.

Орбис растерянно сказал:

— У меня нет кредитных карточек.

— Никаких проблем, мистер Макклюн. Мы с радостью организуем прямое перечисление с вашего банковского счета, — он отрицательно покачал головой, — или вы можете расплатиться своим домом или авуарами… — Он продолжал качать головой. — В таком случае страховка? Нет? Мы с радостью примем ваши драгоценности, произведения искусства, любую ценную вещь, которую, конечно, должны будут оценить наши эксперты…

Орбис сказал:

— Прошу прощения. Ничего такого у меня нет. Совсем ничего. У меня нет ни пенни.

Молодая женщина ошарашенно посмотрела на него.

— О, мистер Макклюн! — воскликнула она. —

Какая жалость! Боюсь, в таком случае «Жизнь После», чтобы защитить свои интересы, вынуждена будет принять предложение третьей стороны.

Она больше не казалась хорошенькой. Лицо ее помрачнело, и Орбису совсем не понравились ее слова.

— О чем вы? — спросил он. — Хотите продать меня кому-нибудь?

— О нет! — воскликнула женщина. — Это будет незаконно почти во всех юрисдикциях. Но речь не об этом. Только об оборудовании, в котором размещена ваша программа и которое, бесспорно, является собственностью «Жизни После» и, следовательно, может быть продано. — Она слегка пожала плечами. — Конечно, то, что ваше сознание вынуждено будет последовать за оборудованием, причинит вам некоторые неудобства. Но это не проблема компании. — Она помолчала, сочувственно глядя на него. — Терпеть не могу эту часть работы, но что делать?

— Можете выключить меня, — сказал он.

Она была потрясена.

— О нет, мистер Макклюн! Тогда компания понесет убыток и моим боссам это не понравится. — Она покачала головой. — Нет, мистер Макклюн, — решительно сказала она, — вам при-

дется смириться. Боже, разве вы не чувствуете хоть какой-то благодарности к «Жизни После»? Если бы не мы, вы были бы мертвы.

Шло время — минуты, может, дни или недели (у Орбиса Макклюна не было возможности измерять время, ему не с чем было сопоставлять), — и Макклюн начал постигать законы своего нового существования. Прежде всего он научился двигать всеми частями своего (несуществующего) тела в том виртуальном гигабитовом пространстве, которое отвели ему люди из «Жизни После». Это означало, что после некоторых попыток и экспериментов он научился ходить и говорить. Ему даже было с кем поболтать, вернее, нашлись те, кто хотел с ним пообщаться, — здесь, на складе «Жизни После», был не только старик-пьяница, но и другие. Десятки других, может, гораздо больше. Он обнаружил, однако, что у всех у них есть нечто общее. Ни у кого из них не было умений или опыта, которые ценятся на рынке, поэтому никто не спешил выкупить их контракты.

Конечно, несколько запросов было. Престарелый мужчина, все еще органический, послал своего двойника в виртуальное пространство склада «Жизни После» на поиски «лакея». Оказалось, что он имеет в виду слугу, который с помощью своих

устройств мог бы — помимо других обязанностей — купать, кормить и переодевать хозяина, потому что сам хозяин ничего этого делать самостоятельно уже не мог; очень скоро выяснилось, что по своему темпераменту Орбис Макклюн не годится для такой работы. Побывала здесь и женщина, которая так и не сформулировала, что ей нужно, но, бросив быстрый взгляд на Орбиса, выпалила: «Не он» — и ушла.

Посетитель, сказавший, что представляет мистера Сантос-Смита, не казался перспективным. И не потрудился рассказать, кто такой мистер Сантос-Смит. Он презрительно осмотрел пустую комнату — все, что сумел сгенерировать для себя Орбис: живущим за счет «Жизни После» не позволялась расточительность, — и быстро задал несколько вопросов. Умеет ли Орбис пилотировать космический корабль? Может ли управлять устройством, проникающим в черные дыры? Есть ли у него вообще какие-нибудь технические знания и навыки? Поскольку ответ на все вопросы был «нет», посетитель захлопнул маленький черный кейс и ушел, не добавив ни слова.

Поэтому Макклюн удивился, когда немного времени спустя появился сам мистер Сантос-Смит. Худой, мрачный, неопределенного возраста, он

сказал:

— Зовите меня Вэн. У меня есть к вам один вопрос. Что вы думаете о хичи?

Для Орбиса это было словно откровение. Уже очень давно никто не побуждал его говорить на эту тему. Он набрал побольше воздуха.

— Хичи, — сказал он, — худшее, что когда-либо случалось с человечеством. Они должны вечно гореть в аду. Я ненавижу их! Хочу, чтобы все они сдохли, чтобы…

Вэн поднял руку.

— Достаточно, — сказал он. — Вы приняты.

Орбис нахмурился.

— И что я должен буду делать?

— Поможете мне вернуть то, что они у меня украли. Но, — добавил он, поднося палец к подушечке на поясе, — мы ведь не хотим зря тратить энергию? Поэтому, если вы не возражаете, я вас на время выключу. Если возражаете, тоже.

12. Отцовство

I

Да, новости с Земли оказались ужасны: десятки миллионов погибших, уничтоженные огромные города. Это не укладывалось у Стэна и Эстреллы в голове. Эстрелла плакала. Стэн молча, ошеломленно смотрел на экран. Очень долго они не могли говорить о случившемся, потом говорили часами. Снова и снова. Находили новые возможности выразить свой гнев, ужас и горе.

Когда Эстрелла уснула, Стэн вспомнил другую совершенно неожиданную новость, которую узнал от нее.

Даже потрясенного сообщениями с Земли Стэна эта новость ошеломила. То, что он узнал, все меняло. Он привык к приятным регулярным занятиям любовью, как привыкают к другим повседневным видам деятельности, но мысль об отцовстве ему и в голову не приходила. («Боже, Эстрелла, неужели ты не делала инъекции?» — «О каких инъекциях ты говоришь, Стэн? На случай, если ты этого не знаешь, девственницам противозачаточные инъекции не нужны. А я

была девственницей, помнишь? Ну, во всяком случае, почти до самого старта».)

То, что беременность Эстреллы — лишь возможность, не улучшало положение, а ухудшало. Стэн не мог понять, велика ли эта возможность, и это мучило больше всего. Если понадобится, он справится с предстоящим отцовством. С бездетностью тоже — с легкостью. Но неопределенность нестерпима.

Эстрелла не могла ему помочь.

— Конечно, существуют пробы на беременность, Стэн. Даже не нужно проводить тест. Если ты сексуально активна, всякий раз, как ты отправляешься в туалет, он проверяет твою мочу. У тебя есть с собой такой туалет, Стэн? Нет? Какая жалость!

Стэн обнаружил соломинку, за которую мог ухватиться.

— Но ведь хичи должны уметь определять беременность, верно?

Она бросила на него бесконечно терпеливый взгляд, скрывавший крайнее раздражение.

— Ты как будто забыл, Стэн, что хичи — совсем другой вид.

Он настаивал на своем:

— А как же доктор фон Психоаналитик? Он

должен это уметь.

— Он даже не органическое существо, Стэн. — Но, немного подумав, Эстрелла неохотно добавила: — Думаю, спросить не помешает. Я позвоню в этот… ну, Институт.

Вернувшись от экранов, она сказала:

— Они велят прийти к ним. Доктор фон Психоаналитик будет нас там ждать.

Стэн не обрадовался. Он даже не сказал:

— Я тебе говорил, — потому что, пока ее не было, все думал о том, другом открытии, которое сделал при помощи машины снов: Эстрелла считает его скверным любовником.

Но как она может судить? Кроме Стэна, она занималась этим только с тем ублюдком с Врат — как же его звали? — Монтефиоре. Толстый, громогласный и неряшливый. Неужели Эстрелла считает, что он как любовник лучше?

Он так глубоко погрузился в эти мучительные мысли, что едва расслышал, как Эстрелла зовет его от входа. Когда он подошел, она с любопытством посмотрела на него:

— С тобой все в порядке?

Он мрачно пожал плечами.

— Конечно. Пойдем!

По пути в то место, которое они договорились

называть Институтом, как бы ни называли его сами хичи, Стэн не забыл свои мрачные мысли, но отвлекся от них.

Добраться в Институт оказалось нетрудно. Когда их навещал Достигающий, он приходил пешком, но Достигающий был не в себе. Соль объяснила им более быстрый и легкий способ. Один из жужжащих трехколесных экипажей провез их километр или два под землей, а по пандусу они поднялись в длинную анфиладу помещений, обставленных примерно так же, как космический корабль, на котором они сюда прилетели. Множество насестов, экранов и столов, но ничего такого, что напоминало бы больницу — по крайней мере, больницу в представлении Стэна и Эстреллы. Помещения низкие, без окон, но приятно освещены. Свечение исходило от стен. Здесь было пятнадцать-двадцать хичи, они приходили и уходили, разговаривали, ели, грызли небольшие, похожие на грибы предметы, которые брали из полированных серебряных чаш, работали у экранов или просто дремали.

Среди них был человек.

Он разговаривал с женщиной-хичи, в которой Стэн узнал Соль, но, когда Стэн и Эстрелла появились, посмотрел на них с искренней радостью.

— Дорогие друзья, — воскликнул Зигфрид фон Психоаналитик, идя им навстречу, но, конечно, не протягивая руку — как можно пожать руку виртуальному образу? — но все же приветствуя их, — обещаю, это не займет много времени. Эстрелла, вы пойдете с Несущей, — он указал на пожилую хичи, стоявшую рядом. — Я присоединюсь к вам через мгновение.

Эстрелла вздохнула, подставила Стэну лицо для поцелуя и послушно ушла с Несущей. Стэн смотрел ей вслед, а Зигфрид фон Психоаналитик добавил:

— Если хочешь, можешь пойти с ней, Стэн, но в этом нет необходимости. Ничего серьезного не произойдет, мне лишь придется задать несколько вопросов. Соль, — женщина-хичи все это время молча стояла рядом, — сможет предоставить тебе все необходимое. Есть хочешь?

Стэн покачал головой.

— Нет, спасибо. Хватит с меня этой чудной пищи хичи.

Фон Психоаналитик уже отворачивался от него, но остановился.

— Это проблема, Стэн? Послушай, сейчас мне действительно нужно туда, но мы поговорим об этом, когда я вернусь. А тем временем к твоим

услугам Соль.

Которая, разумеется, сразу и очень успешно взялась за дело. Подвела Стэна к насесту, между остриями которого кто-то уже положил подушку, подняла перед насестом стол, поставила на него серебряную чашу с чем-то похожим на кусочки плесени, которая иногда вырастает на канализационных трубах в Стамбуле.

— Не могу предложить иных собеседников, кроме себя, — сказала Соль, — потому что никто из присутствующих не говорит на вашем языке, хотя некоторые, несомненно, захотят пообщаться и попросят меня переводить. А пока, — она кивком указала на чашу, — попробуй.

Стэн снова поглядел на куски плесени и покачал головой.

— Пожалуй, нет.

— Никакого вреда не будет, — заверила она. — Я уже обсудила это с доктором Зигфридом фон Психоаналитиком, он проделал необходимые тесты. — Тут она заметила почтительно приближающихся хичи. — Ага. Они хотят выразить свое сочувствие в связи с ужасной трагедией, происшедшей недавно на твоей родной планете.

Сочувствие они выражали один за другим и довольно долго, а Соль при этом как могла стара-

лась переводить. Иногда хичи просто выражали соболезнования — «Искренне желаю, чтобы подобный несчастный случай никогда не произошел с вашим видом». Но чаще — и это показалось Стэну странным — они начинали многословно извиняться за то, что оплошали. «Искренне сожалеем, что наш народ не смог предотвратить или минимизировать последствия указанного инцидента» или «вначале мы расценили указанное событие как типичное варварское деяние давно исчезнувших злых Убийц и, к несчастью, довели до вашего сведения это ошибочное представление». И хотя из вежливости Стэн терпел сколько мог, в конце концов он попросил Соль положить конец этим изъявлениям сочувствия.

— Слишком много одного и того же? — задумчиво переспросила она. — Да. Возможно, так и есть. Подожди, пожалуйста.

Подняв над головой тощую руку, чтобы привлечь общее внимание, она обратилась к присутствующим на языке хичи, со знакомым набором свистов, стонов и оханий. Это как будто подействовало. Желавшие выразить сочувствие занялись своими делами.

— Теперь лучше? — спросила Соль.

— О да, — с благодарностью ответил он. —

Очень любезно со стороны ваших пациентов проявить к нам такой интерес… ведь они все пациенты? Или врачи?

— Ни то, ни другое, — решительно ответила Соль. — Эти личности просто живут здесь, пока не вернутся в состояние… — она помолчала, потом гордо произнесла: — …соразмерности.

Если она хотела поразить Стэна богатством словаря, ей это удалось.

— Ты меня удивила, — сказал Стэн. — А что это такое?

Она с довольным видом ответила:

— Слово «соразмерность» означает, что все правильно и упорядочено, и такое состояние нормально для представителей нашего вида. Но иногда личностям чего-то не хватает. Например. Вон там, за нами, личность как будто бы спит. Это Проницательный. Он уже очень стар, и вскоре ему предстоит стать сохраненным сознанием, но вначале он должен избавиться от некоторых своих тревог. Рядом с ним — Плотность, а дальше — женщина по имени Инверсный Квадрат, она недавно к тебе обращалась, помнишь? Выражала свое горе в связи с большими потерями жизней вашего вида. Эти двое страдают серьезными нарушениями соразмерности. Известно, что

Инверсный Квадрат говорила то, что не соответствует действительности. Плотность пообещал своим прежним соседям совершить определенный поступок, но так и не совершил его, хотя ему ничто не мешало.

— И среди них нет врачей?

— Нет, — уверенно ответила Соль. — Единственное существо на всей Лесистой планете Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре, которое можно назвать врачом в твоем понимании, это подобие человека Зигфрид фон Психоаналитик, который, как вы выражаетесь, «лечит» людей, какими бы иными делами при этом ни занимался.

Стэн вздохнул; он решил больше не пытаться разгадать, что такое для хичи эта «клиника». Вместо этого он сказал:

— Он очень добрый.

— Согласна, да.

— И я знаю, что он занят. С его стороны было очень мило специально прийти к нам.

— Он к вам не приходил, — вежливо поправила его Соль. — Он здесь занимался делами другой человеческой личности и изображения.

Это заставило Стэна почесать в затылке и нахмуриться. Он повернулся и посмотрел в лицо

Соль.

— Соль, — сказал он, — бывают времена, когда я совсем не понимаю, что вы хотите сказать. Зачем здесь фон Психоаналитик? Если точно?

Она виновато подергала пальцами.

— Абсолютно точно не знаю, но в целом его присутствие здесь связано с двумя личностями. Одна — человеческая личность Джель-Клара Мойнлин, вторая — виртуальная человеческая личность по имени Гипатия. Ты знаком с ними?

— Мойнлин я, конечно, знаю. — На Стэна это имя произвело впечатление. — Все знают, кто она. Была когда-то подругой Робинетта Броудхеда. Очень богата. Что она здесь делает?

— Помнишь предыдущее обсуждение, Стэн? Фон Психоаналитик привел сюда Мойнлин для восстановления соразмерности, о чем мы уже говорили. Состояние соразмерности утрачено при тяжелом ущербе, понесенном вашей планетой. Это ты тоже помнишь? — И затем, глядя мимо него, добавила: — Однако нам больше нет необходимости из вежливости поддерживать беседу. Эстрелла, которую ты любишь, возвращается.

Повернувшись, Стэн увидел, что она идет к нему, протянув руки. На ее лице было одновременно счастливое и слегка испуганное

выражение.

— Это правда, милый, — сказала она. — У нас будет ребенок.

Стэн серьезно воспринимал подозрения Эстреллы. И все равно ее слова осязаемо обрушились на него. К тому же то, что теперь об этом знают не только они, делало событие еще более реальным.

— Совершенно верно, — подтвердил, широко улыбаясь, фон Психоаналитик. — Я оцениваю возраст эмбриона в тридцать пять дней, и, насколько могу определить, он во всех отношениях абсолютно здоров. Конечно, — тут же добавил он, — я прежде всего психоаналитик, а не медик. На самом деле вам вскоре понадобится гинеколог. К счастью, Клара говорит, что знает подходящего, — я полагаю, вы знаете, кто такая Клара? Джель-Клара Мойнлин. Она много времени уделяет благотворительности.

На этот раз Стэн ответил только:

— Да.

— Уже какое-то время Клара финансирует программу реабилитации женщин, в жизни которых произошло несчастье. Она оплачивает расходы по их эмиграции в Ядро и совершенно уверена, что совсем недавно отправила сюда

женщину-гинеколога. Сейчас это проверяет ее корабельный мозг.

— Очень мило с ее стороны, — сказал Стэн: его поразила мысль, что нужно заплатить, чтобы прилететь в Ядро.

— Она хорошая, — сказала ему Эстрелла. — Она немного расстроена… понимаешь, со всеми ее бедами нельзя ее в этом винить… но знаешь, она составляла мне компанию, пока доктор фон Психоаналитик готовил мою… гм… процедуру.

— Да, — подтвердила фон Психоаналитик. — И кое-что еще. Я упомянул при ней, что вы устали от пищи хичи. Так что она приглашает вас обоих на обед.

Квартира Джель-Клары Мойнлин размещалась не в самом «институте», но очень близко. У дверей их ждала темноволосая черноглазая женщина в рубиновом ожерелье и платье, оставлявшем обнаженным левое плечо.

— Добро пожаловать, — сказала она не слишком приветливо. — Меня зовут Гипатия. Доктор Мойнлин ждет вас на веранде.

Дверь раскрылась, приглашая, хотя Гипатия ее не коснулась, но тут Стэн вспомнил, что нематериальный корабельный мозг вообще не может касаться чего бы то ни было. Однако Гипатия

отступила в сторону, пропуская их внутрь.

Войдя, они ошеломленно застыли.

— Стулья, — благоговейно прошептал Стэн, а Эстрелла добавила:

— И посмотри — настоящий стол!

Но это было далеко не все. Покрытый мрамором пол усеивали пушистые шкуры. На стенах полки: на одних — небольшие чаши и статуэтки, на других настоящие бумажные книги. Перед подлинным камином с подлинным пламенем, пожиравшим подлинное гигантское полено, стоял диван, способный вместить целую семью, — он даже достаточно велик, подумал Стэн, чтобы создавать новую семью, и с гораздо большим удобством, чем когда-либо приходилось им с Эстреллой.

Гипатия ошибалась относительно местонахождения своей хозяйки. Джель-Клара Мойнлин была не на большой, тонущей в цветах веранде в конце комнаты. Она стояла у дивана и держала в руках одну из старомодных книг.

— Еще раз здравствуй, Эстрелла, — сказала она. — А вы, должно быть, Стэн.

Они обменялись рукопожатием. Ее рука была теплой, пожатие — крепким, и, прежде чем выпустить его руку, она сжала ее на прощание. Но в

ее внешности было что-то необычное. Стэн знал, как выглядит Джель-Клара Мойнлин, потому что все это знают. Брови, как им и положено, темные и густые, и черты лица те же, что он видел на тысячах экранов: «Джель-Клара Мойнлин, спасшаяся из черной дыры», «Джель-Клара Мойнлин финансирует программу строительства жилья для десяти тысяч бездомных», «Джель-Клара Мойнлин в шестой раз подряд признана самой знаменитой женщиной галактики». Но этот вариант Джель-Клары Мойнлин выглядел старше и полней, чем на снимках и экранах; это не означало, что прошло много времени: просто она перестала пытаться скрывать его действие. И хотя лицо ее было дружелюбным, одновременно оно было очень печальным.

Однако Клара взяла себя в руки.

— Садитесь, — гостеприимно сказала она и потом, заметив, что Эстрелла через приоткрытую дверь заглядывает в соседнюю комнату, спросила: — Или вы предпочитаете вначале ознакомительный тур?

Эстрелла немедленно ответила:

— Тур, пожалуйста!

Стэн предпочел бы обещанный обед — обед из пищи людей, но, когда он увидел ванную Клары

(обычную большую ванну, джакузи и душ с двенадцатью головками не оставляют без внимания ни одну часть тела), и ее гардеробную (трехстворчатое зеркало над рядами всевозможных духов, пудр и кремов, которые Клара больше не употребляла), и — главное — ее спальню, он почти забыл об обеде. Кровать на четырех столбиках. Хотя, насколько Стэну было известно, Клара в настоящем не собиралась делить ее ни с кем, такая кровать легко вместила бы целую оргию.

Все это просто показывает, что можно сделать, имея неограниченные средства, подумал он, не в состоянии сдержать легкую зависть.

Если у Эстреллы тоже было такое чувство, она никак себя не выдала.

— Можно? — попросила она и, когда Клара кивнула, сразу упала на постель и принялась подпрыгивать, как маленькая.

Клара улыбалась.

— А вы, Стэн? — спросила она. — Хотите опробовать?

Он отрицательно покачал головой. На самом деле он хотел, но не в присутствии хозяйки постели. Клара несколько мгновений разглядывала его, потом удивила, потрепав по плечу.

— Тур окончен, как насчет обеда? Только, — до-

бавила она, когда они вернулись в комнату со столами, — думаю, я должна вас предупредить. Гипатия очень хороший повар, но ей нужны продукты. Здесь она ограничена тем, что могут предоставить пищевые фабрики хичи, а они, боюсь, еще не очень многого достигли.

II

В этом отношении Клара оказалась права. Действительно, достижения были скромные. Зато убранство стола оказалось великолепным: хрустальные бокалы, золотые ножи, серебряные вилки, тарелки с золотой каемкой и белоснежная камчатная скатерть. А вот пища оставляла желать лучшего. Омлет с сыром у Стэна напоминал резину и обладал легким химическим привкусом, а в яблочном пироге, поданном на десерт, чувствовался вкус кислой капусты. Корабельный мозг присутствовал, пока сервомеханизмы на колесах подвозили блюда, потом удалился без объяснений.

— Гипатия расстроена, — сообщила Клара гостям, но, по мнению Стэна, та была не расстроена, а ужасно сердита.

— Все равно, — сказал он Эстрелле на обратном пути, — приятное отличие от этой бурды хичи.

— Клара сказала, что Гипатия будет готовить для нас, когда мы захотим. Нужно будет только сообщить ей.

— Очень мило с ее стороны, — ответил Стэн, думая, насколько приятнее было бы, если бы пища оказалась вкусной.

— Она хорошая. Я о Кларе. Спросила, хочу ли я, чтобы мне восстановили лицо. Сказала, что это не больно, она сама несколько раз проделывала такую операцию.

Стэн спросил:

— Ты хочешь?

— А по-твоему, мне это нужно?

— Конечно нет, — немедленно ответил Стэн, хотя на самом деле он даже не думал о такой возможности. — Нужен характер, чтобы заговорить с тобой об этом.

— О, она не хотела ничего плохого, Стэн. Она очень добрая. Особенно если вспомнить, что ей пришлось пережить, — сказала Эстрелла — и была вынуждена объяснить. Выслушав, Стэн согласился, что этого хватило бы всякому. Та же гигантская волна, что опустошила Калифорнию, смела с лица Земли и принадлежавший Кларе в южных морях остров Раивеа. Срочная эвакуация позволила избежать потерь, но от маленькой

общины, которая составляла главную ценность жизни Клары, не осталось ничего ощутимого.

— Вот почему она здесь, — добавила Эстрелла. — У нее своего рода депрессия. Доктор фон Психоаналитик говорит, что она даже думала о машинном сохранении сознания; только для нее это не сохранение сознания — это просто смерть.

— Гм, — ответил Стэн. Очевидно, можно быть несчастным, даже располагая неограниченными средствами. Потом, заметив, что Эстрелла нахмурилась, спросил: — Что-то случилось?

Она пожала плечами, затем ответила:

— О нет, милый. Совсем нет. Ты не слышал о человеке по имени Вэн?

Стэн минуту подумал, потом сказал:

— Не знаю. Может быть. Кто он?

— Этого я тоже не знаю, — призналась она. — Но пока меня готовили к процедуре, Клара и доктор фон Психоаналитик говорили о нем. Кажется, он им совсем не нравится. — Тут она улыбнулась и сменила тему: — Значит, хочешь узнать, что за тест проводил фон Психоаналитик?

— Конечно. Что, пришлось пописать в баночку?

— Ничего подобного. — Она поджала губы. — Все гораздо проще. Ты знаешь, что он всего лишь

точка, Стэн?

— Кто, фон Психоаналитик? Что значит — он точка?

— Что слышал. Никаких измерений. Он сначала задал мне несколько вопросов, а потом как бы сосредоточился, сфокусировал себя в меня и осмотрелся. Он видел зародыш, Стэн. Нашего ребенка! Только, конечно, он еще не очень похож на ребенка.

Стэн не сразу понял.

— Минутку. Он был внутри тебя? Но как он это сделал?

— Просто сделал, Стэн. — Она зевнула и сменила тему: — Знаешь что? Вот бы одолжить такой диван хоть на несколько часов!

— О да, — отозвался он, — согласен.

Но думал он не о диване: ему было теперь над чем поразмыслить. Стэн так углубился в свои мысли, что Эстрелле пришлось толкнуть его. Он и не заметил, как они вернулись к себе.

Они решали, стоит ли позвонить Гипатии и заказать еду, когда кто-то появился у их двери.

Открыв, Стэн с удивлением увидел Гипатию, а за ней — несколько роботов-тележек хичи.

— С наилучшими пожеланиями от доктора Мойнлин, — сказала Гипатия. — Она только что

получила с Земли новую мебель и спрашивает, не хотите ли вы этим воспользоваться?

Роботы вкатили груз в квартиру, распаковали, и Эстрелла и Стэн увидели, что получили такую же большую кровать на четырех столбиках, с розовыми простынями, как будто из чистого шелка. Кровать установили, аккуратно застелили, подвернули уголки, и Эстрелла проводила всех к выходу.

— Поблагодарите от нас Клару, — сказала она Гипатии, — но я хочу опробовать эту вещь сейчас же.

Они ее опробовали. Кровать устроила их во всех отношениях, и Стэн не был неловок ни по мнению Эстреллы, ни по своему. Когда они наконец решили поспать, он обнимал Эстреллу и на Лесистой планете Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре все было прекрасно.

13. Сохраненный разум в Ядре

I

Оставив второго Марка Антония трудиться на Колесе, я отправился в Ядро, где какое-то время занимался своими обычными делами. Я не спешил, но задолго до конца первого органического дня большинство моих обязанностей было выполнено гладко и организованно.

Позвольте кое-что уточнить. Хотя я использую слово «обязанности», его не следует понимать превратно. Все, что я делаю, я делаю совершенно добровольно. Я по собственной воле оставил Колесо, поскольку там у меня была хорошая замена и никакие «обязанности» в Ядре меня не ждали. Да и кто может меня обязать? У кого в Ядре (да и где бы то ни было) достаточно власти, чтобы распоряжаться мною?

Нет, у всей моей деятельности есть только одна причина. Просто в моей природе заложено отрицательное отношение к бездействию и лени.

Поскольку главная моя специальность — шеф-повар, я сразу начал изучать перспективных клиентов. Это было нетрудно. Следовало только

переписать всех людей в Ядре и спросить у них или самому догадаться, что они предпочитают есть. Людей оказалось немного — примерно полторы тысячи, когда я прибыл, и даже за первые несколько дней не набралось и десяти тысяч. Некоторые из иммигрантов были по людским стандартам весьма известны: два бывших вице-президента США, звезды шоу-бизнеса, даже Джель-Клара Мойнлин, когда-то — самая богатая женщина в галактике. (Она до сих пор очень богата, хотя, отправляясь в Ядро, раздала большую часть своего состояния.) Однако знаменитостей я обслуживал не лучше, чем самых незначительных и неизвестных. Для каждого я трудился с полной отдачей.

Все основывалось на том, что, по моему мнению, они предпочитают. Для начала было достаточно просто ориентироваться на особенности национальной кухни: бифштекс, запеченный в тесте, со стилтонским сыром — для англичан, разнообразные карри и несколько типов запеченных фруктов с сахаром и маслом — для жителей Индийского субконтинента, различные блюда китайской кухни — фаршированные крабьи челюсти, утка по-пекински, медузы, печеная говядина, тушеный угорь и так далее. Я обнаружил

на Планете Туманов и Льдов греческую колонию и приготовил для нее отличную оректику из языка с сырной подливой и черными маслинами каламака, а также суп с яйцом и лимоном — греки всегда заказывают эти блюда. А основное, второе, блюдо у них — обычно так или иначе приготовленная баранина. На Лесистой планете у Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре нашелся парень из Турции — насколько я мог судить, мой единственный турецкий клиент, — но с ним у меня возникли проблемы. Прежде всего я приготовил для него отличную долму и кузо тандир (жареное мясо), но затем он по каким-то причинам прервал связь, и я не знал, понравились ли ему мои блюда. Сам виноват. С этого момента пусть радуется, если сумеет получить сэндвич с ореховым маслом и джемом. Так ему и надо.

В то же время, конечно, я занимался своей иной специальной задачей.

Кое-кто, пожалуй, удивится, почему я сразу о ней не упомянул, ведь при некоторых обстоятельствах она могла бы стать вопросом жизни и смерти. Но я не думал, что в Ядре дойдет до такого. Я готовился не потому, что предвидел потребность в такой подготовке, а просто потому, что это нужно было сделать.

Я обнаружил, что в сфере безопасности почти ничего дополнительного делать не нужно. Да я и не ожидал этого. Я не предполагал, что хичи содержат множество военных космических флотов в стратегически важных пунктах вокруг Ядра — у них ничего такого действительно не было, — но я надеялся, что они, по крайней мере, организуют достаточно надежную военную систему безопасности и сигнализации. Какая-то система у них была, но в зачатке, и — в соответствии со всем стилем жизни хичи — не военная, а гражданская.

У хичи действовала программа отправления каждые несколько десятилетий кораблей-разведчиков во внешнюю галактику — просто чтобы проверить, не ищут ли их Убийцы. Не знаю, что стали бы делать хичи, если бы обнаружили, что враги их ищут. Подозреваю, что ничего. Очевидно, они считали, что зона Шварцшильда, окружающая Ядро, помешает любым потенциальным врагам, включая Убийц, проникнуть к ним, потому что никакого плана Б у них не было. Но система оповещения хичи, по крайней мере, давала мне возможность поработать. Если я кое-чем ее дополню, использую устройства, управляемые на расстоянии, размещу оружие

разного вида, начнет образовываться полезная система безопасности.

Проблемой оказалось оружие. Была одна возможность, которую стоило проверить. У хичи существовали самоуправляемые торпеды — маленькие, быстрые, руководимые искусственным разумом космические корабли в форме торпеды, которые хичи использовали как транспортное средство; такие корабли перевозили с места на место информационные веера и даже сохраненные разумы. Я мог взять определенное количество таких кораблей и нагрузить взрывчаткой. По моим расчетам, сорока или пятидесяти этих «торпед», размещенных по всему Ядру, для начала хватит. Взрывчатка — не проблема. Если я могу получить с пищевой фабрики любую приправу или пряность, то столь же легко могу заказать и кордит, гелигнит, пластит или просто добрый старый тринитротолуол.

Могу искренне сознаться, что был доволен собой — обнаружил недостаток и нашел способы его устранить, причем наивные хичи ни о чем даже не подозревали. Однако они оказались совсем не такими наивными, как я считал. Я обнаружил это, когда на моем экране появилось сообщение от хичи по имени Термослой:

— Привет, Марк. Я вижу, мы с тобой соседи, так что, если у тебя найдется свободная минутка, загляни ко мне.

Сказать, что я удивился, значит ничего не сказать. Я знал, кто такой Термослой. На Колесе это был один из моих самых привередливых клиентов-хичи, но мало того. Хоть он органическое существо, тем не менее он стал членом команды Тора Метателя Молота. Его обязанностью было следить за тем, чтобы физическое вооружение Колеса находилось в постоянной боевой готовности на случай какой-либо нежелательной активности со стороны Врага. (Как будто это оружие могло иметь хоть какое-то значение.)

И вот я, готовя с помощью своих устройств десятки специальных блюд, в то же время запустил несколько поисковых программ.

На это потребовалось время, но я не торопился. Я нечасто наношу визиты. И не возражаю против того, чтобы Термослой подождал пять или шесть секунд, прежде чем снова связаться со мной.

К тому же у меня было несколько срочных заказов от бывших жителей Сингапура: покрытые пушком плоды рамбутана (нефелиума) — говорят, это был любимый фрукт королевы Виктории, — и салак с твердой мякотью. И еще манго, такие

свежие и сочные, каких никогда не увидишь в магазине, и даже дуриан во всей его прелести, включая запах перезрелого камамбера. Вот на это нужно время. Создать свежий персик в принципе не трудней, чем сэндвич с сыром, но я люблю добиваться совершенства в оттенках, степенях спелости и так далее. Все это я не мог перепоручить своим вспомогательным устройствам. И к тому времени, как все это, охлажденное, в капельках росы, было доставлено клиентам из Сингапура, Термослой снова напомнил о себе.

И преподнес мне сюрприз. Он действительно, как и сказал, находился в Ядре, но не среди живущих. Он стал сохраненным сознанием.

Для хичи стать сохраненным сознанием — самое обычное дело. Так поступают все хичи, когда умирают, если им ужасно не повезет и они умрут так, что поблизости не окажется никого, кто мог бы сохранить их самих до того, как разложение сделает это невозможным. Единственное, что меня удивило: ведь Термослой был органическим, когда я улетал с Колеса. Мне не приходило в голову, что у него было вполне достаточно времени, чтобы состариться, заболеть и умереть.

Перемещение из человеческого виртуального пространства в совершенно иное виртуальное

пространство хичи проходит нелегко. У меня такое перемещение в окружение Термослоя заняло больше полусекунды. Но я сразу узнал его. С дней Колеса внешность его не изменилась, а вот окружающая обстановка — очень даже. В сущности, обстановки вообще не было.

Этого я не ожидал. Все сохраненные с помощью машин разумы, а также любые искусственные интеллекты, какие мне приходилось встречать, всегда устраивали себе уютные домашние базы, начиная с моей кухни или военной штаб-квартиры Тора Метателя Молота и кончая полностью укомплектованным гаремом. Окружение Термослоя ни на что подобное не походило. Он ждал меня в комнате размерами не более чем три на три метра. Стены нейтрального серого цвета, на них несколько типичных экранов хичи и больше ничего. Свет приглушенный и, насколько я мог видеть, не имеющий источника; минимум мебели. Одно удобное кресло, в котором сидел или, вернее, полулежал сам Термослой. И стул с прямой спинкой — для гостя. (Для гостя-человека, как я подметил. Если бы Термослой ждал не меня, а хичи, вместо стула был бы один из их насестов.)

Вот и все. Впрочем, не совсем. Во внешности Термослоя было что-то необычное, и мне потре-

бовалось несколько мгновений, чтобы понять, что это. У него не было обязательного для хичи сопровождения — цилиндра, который хичи держат меж ног.

Конечно. И зачем? Ему больше не нужно слабое продлевающее жизнь микроизлучение, какое посылают владельцам эти цилиндры, поскольку Термослой больше не живет органически. Термослою больше не нужно повсюду носить с собой сознание Древнего Предка, он сам стал таким предком.

Термослой не встал мне навстречу и не протянул руку. Однако явно обрадовался.

— Мой дорогой Марк Антоний, — сказал он на прекрасном английском, усвоенном за десятилетия жизни на Колесе, — какая радостная неожиданность! Я уже примирился с необходимостью вернуться к CHON-пище, не говоря уж об утрате доброго товарища и собеседника, и я очень рад, что вы здесь. Но как вы оказались в Ядре?

Я рассказал ему свою историю, а потом задал ему такой же вопрос. Он пожал мышцами живота.

— Мое органическое тело пришло в негодность, — сказал он. — Настало время стать сохраненным разумом, и я предпочел проделать

это дома. А как вы? Вам здесь хорошо?

— А вам?

Он сделал ладонью жест, означающий несущественность вопроса.

— Мы, хичи, всегда знаем, что нас ждет жизнь после смерти, жизнь, полная размышлений и служения. И готовы к этому. — Он помолчал. Мышцы его лица напряглись, потом снова расслабились. — Ну, хорошо, Марк, — сказал он, — достаточно, как вы говорите, церемоний вступления. Догадываетесь, зачем я хотел вас видеть?

Я осторожно ответил:

— Полагаю, это имеет отношение к системе безопасности, которую я начал создавать.

Хичи не смеются, но Термослой издал легкий икающий звук, близкий к смеху.

— Вовсе нет. Конечно, ваша подготовка к установке такой системы дала мне возможность понять, что вы здесь, но причина, по которой я вас пригласил, совсем иная. Вы знаете, кто такой Альберт Эйнштейн?

Я понимал, что он спрашивает не о древнем ученом-человеке с таким именем.

— Конечно. Искусственный интеллект. Одно время был всего лишь корабельным мозгом Роби-

нетта Броудхеда, но теперь как будто существует как самостоятельная личность.

— Совершенно верно. Больше того. Альберт создал для особых случаев несколько независимо функционирующих подсистем. Одна из таких подсистем — индивид по имени Зигфрид фон Психоаналитик — оказалась весьма полезна при лечении людей, страдавших душевными болезнями во время работы на вашем астероиде Врата…

— Интересно, — сказал я. Я помнил, что Термослой всегда любил поговорить. — Так что с этим Альбертом?

— Да. Альберта в Ядре нет, но он послал сообщение Зигфриду фон Психоаналитику, а тот передал его мне. Его тревожит некая человеческая личность — теперь это сохраненный разум — по имени Вэн Энрике Сантос-Смит. Я знаю, что некогда вы встречались с этим человеком. Можете что-нибудь рассказать мне о нем?

У меня не было причин скрывать, поэтому я рассказал ему о путешествии к планете Арабелла — моем, Гарри и резервуара, полного Врагов. Он внимательно выслушал, потом поджал свои тонкие губы хичи.

— Альберт знает об этом? — спросил он.

— Не знаю. Мне кажется, Альберт знает очень многое, — ответил я, — но, возможно, стоит послать ему эти данные.

Он наклонил черепообразную голову.

— Если не возражаете, я сам это сделаю, сообщив доктору фон Психоаналитику. Обычно он находится в постоянном контакте с органической человеческой личностью Джель-Кларой Мойнлин. Когда-то она представляла сексуальный, хотя и не репродуктивный интерес для самого Робинетта Броудхеда, а совсем в другое время — и для этого Вэна.

— Сексуальные отношения органических существ бывают такими запутанными, — заметил я.

— Поистине. Корабельный мозг Клары тоже будет информирован.

— Да, Гипатия. Мне приходилось с ней разговаривать. Весьма деятельная особа.

— Да, — рассеянно согласился он. Казалось, он ведет какой-то сложный внутренний диалог, выражение его лица постепенно менялось от вежливого любопытства к озабоченности — и даже к тревоге.

Я не хотел отнимать у Термослоя время, нужное для решения его внутренних проблем.

— Вас что-то беспокоит?

Он покачал головой.

— Ах, Марк, от вас ничего не скроешь. Скажите, помните ли вы необычное поведение звезды во внешней галактике, той самой, которую вы называете Фомальгаут?

— Фомальгаут, — повторил я — не для того, чтобы, как органические существа, выиграть время и подтолкнуть память, но примерно с той же целью — обращаясь к тем разделам моей памяти, которые нечасто бывают нужны в повседневной работе. — Конечно. Звезда, которая несколько дней — то есть несколько сотен внешних лет — назад стала сверхновой.

— Совершенно верно, — с горечью подтвердил Термослой. — Однако, Марк, это не обычная сверхновая. Ее взрыв вызван посторонним вмешательством.

Тут он замолчал и встревоженно посмотрел на меня, как будто ждал, что я спрошу, о каком вмешательстве он говорит. Но я не спросил. Все части головоломки встали на место. Я понял.

II

— Термослой, — сказал я, — когда мы проникли в крепость Вэна на Арабелле, он первым делом

спросил меня, знаю ли я, как взорвать звезду. Поэтому, вернувшись, я спросил Тора Метателя Молота. Тор ответил, что слышал, будто вы, хичи, работаете в этом направлении, но ваша установка, кажется, еще не действует.

Это произвело впечатление на Термослоя. Мышцы его живота дернулись и напряглись.

— Да, — печально сказал он, — тогда она не была готова. Но сейчас готова и действует. — На этот раз он даже вздохнул — доказывая, как хорошо овладел манерой людей вести разговор. — Это устройство — вариант разрушителя порядка, который мы использовали для проникновения в черные дыры. Ликвидируя гравитацию звезды, он заставляет саму звезду распадаться. Понимаете, — взволнованно продолжал он, — установку вовсе не предполагалось применять к звездам, особенно когда поблизости есть населенные планеты. Вы ведь помните, где живет Враг?

— Конечно. В Кугельблице. Большая часть моего существования прошла на расстоянии нескольких сотен единиц от этого Кугельблица, на Колесе.

Он оскалил зубы в знак согласия.

— Для этого и предназначался Большой Разрушитель. Он должен был уничтожить гравитацию,

которая сдерживает Кугельблиц, и тем самым заставить Врага разлететься по пространству в виде разреженного дисперсного облака обособленных частиц. Утратив единство, они бы не представляли угрозы.

Идея привела меня в восторг, но я сказал только:

— Но оружие никогда не применялось.

— Никогда. Даже против Врага. Мы мирный народ. Мы не стремимся к уничтожению разумной жизни… любой жизни. К тому же, — добавил он, — установка все равно не была готова.

— До взрыва Фомальгаута, — подсказал я.

— Да, до взрыва Фомальгаута. Когда она была готова, кто-то решил ее испытать, и она сработала превосходно. Понимаете, — продолжил он, окончательно впадая в лекторский тон, — когда уничтожается гравитация звезды, прежде всего взрывается невероятно плотный центр, который постоянно находится под очень высоким давлением. Но это еще не все. Согласно оценкам лучших сохраненных разумов, детонация одной звезды в пределах Ядра вызовет потери от десяти до сорока четырех миллионов жизней, причем еще от тридцати до двухсот миллионов серьезно пострадают как физически, так и от вреда,

причиненного окружающей среде. Причина в том — как вы, несомненно, знаете, — добавил он, нисколько не снижая темпа, — что цепная реакция, которая служит источником светового излучения звезды, происходит именно в центре. Энергия, произведенная здесь в форме фотонов, не сразу высвобождается в космос. Внутренность звезды очень плотная. Каждый фотон на своем пути к поверхности отражается множество раз. — Он помолчал, чтобы усилить эффект. — На то, чтобы добраться до поверхности, ему требуются миллионы лет.

— О, — сказал я, начиная понимать. Но он продолжил:

— Это, конечно, означает, что разлетевшаяся звезда мгновенно высвобождает все фотоны: и те, что добрались до поверхности, и те, что только еще возникают в центре, и все те, что находятся посередине. Это означает, — он несколько мгновений помолчал, как будто подсчитывал в уме, — что энергия, рассчитанная на высвобождение в течение нескольких миллионов лет, выделится в течение двух-трех часов. Понимаете, Марк? Эта энергия, вероятно, разрушит несколько соседних звездных систем. Ущерб распространится до самой дальней периферии Ядра.

Я пытался не показать своего замешательства.

— Спасибо, — ответил я и решил в ближайшее же время заняться курсом звездной динамики.

Тут он одарил меня самым близким подобием улыбки, на какую только способен хичи.

— Но, конечно, — с довольным видом продолжил он, — мы не знаем, есть ли у Вэна в распоряжении такая установка. Мы даже не знаем, направляется ли он к нам. И умеет ли он применять установку: ведь все-таки в прошлом он органическое существо.

Меня все это успокоило не больше, чем его самого, о чем, должно быть, свидетельствовало выражение моего лица. Он спросил:

— Я вас оскорбил, Марк?

— Возможно, оскорбили бы, будь я органическим существом.

Он улыбнулся мне почти по-человечески.

— Тогда поговорим на более приятные темы. Например, о еде! Я знаю, как хороши органические блюда; а вы можете то же самое проделать с виртуальными?

— Они еще вкусней, — ответил я.

— Тогда, — с неожиданным энтузиазмом сказал он, — возможно, вы начнете с одного из холодных супов… потом… Знаете, о чем я думал? О

филиппинском блюде, которое вы для меня готовили, — кислая рыба с имбирем и горькой дыней. А может, тайский салат с водяным орехом, недозрелой папайей и растертым арахисом. Можете это сделать?

Я пообещал, что сделаю, и вежливо попрощался. Но, вернувшись на свою гигантскую кухню, где работали десяток моих помощников, я был в гораздо худшем настроении, чем когда покидал ее.

14. Материнство

I

Эстрелла, казалось, никогда не уставала от общества Стэна; Стэн определенно всегда был рад Эстрелле. Тем не менее перед ними был неведомый мир, и они постепенно знакомились с ним: ходили в Институт, гуляли по долине между своим домом и Институтом. Иногда одни, иногда с кем-нибудь из хичи. Особенно часто их сопровождал хичи мужского пола по имени Желтый Нефрит: он по-настоящему *любил* природу, любил бывать под открытым небом, что совершенно нехарактерно для хичи.

— Посмотрите, — говорил он, осторожно приподнимая ветку, чтобы показать небольшой комок светло-розового желе, — это называется… — чириканье и что-то похожее на чихание. — Этот вид питается… — еще одно непроизносимое слово хичи, — и в свою очередь служит пищей… — третье название, на этот раз более перспективное для Стэна, потому что состоит только из одного слога.

Он попытал счастья и попробовал повторить:

— Фквиишь?

Желтый Нефрит ошеломленно посмотрел на него.

— Тебе лучше этого больше не делать, — посоветовал он. — Смотрите, вот еще одно существо, не столь интересное, но все-таки. — И он показывал им одно животное за другим: цветы, которые на деле оказывались прожорливыми маленькими зверьками, древесных змей, скользивших с ветки на ветку, уродливых, с острыми зубами рыб, живших в маленьком пруду, — пока наконец даже Эстрелла не начинала зевать. И тогда Желтый Нефрит делал лучшее, что мог. Провожал их к дому.

— Потому что, — серьезно объяснял он, — нам известно, что ваш вид наслаждается совокуплением, даже когда женщина не плодовита. Или, как в вашем частном случае, когда она уже оплодотворена.

Что заставляло Стэна ухмыляться: Желтый Нефрит говорил истинную правду.

Но не только секс занимал их. Было чем заполнить время и помимо него. Они развлекались играми со словами, обсуждали имя своего ребенка, ругали кулинарные способности Гипатии, болтали с Соль на экране, использовали экраны

множеством других способов.

Они даже отыскали программу новостей — человеческих новостей Извне! Мужчину-комментатора Эстрелла считала очень привлекательным. Стэн этого мнения не разделял. Да и сама программа его не слишком интересовала — комментатор словно участвовал в постоянной гонке, пытаясь уследить за событиями во внешней галактике. Но, появляясь, всякий раз отставал все больше. Выборы проходили, сменялись новыми — словно вспышки светлячков. К тому времени, как он заканчивал описывать природные катастрофы, их последствия уже бывали ликвидированы. А когда происходило нечто казавшееся действительно интересным — что он имел в виду, когда упомянул об экспедиции Врага к Малому Магелланову облаку? — никогда не бывало ни объяснений, ни продолжения.

Тем не менее Стэн заинтересовался.

— Человеческие новости! — удивлялся он. — Слушай, Стрелл, да это значит, что нас в Ядре теперь много!

Она сумела сдержать смех.

— Конечно, милый. Разве ты не слушал, когда Желтый Нефрит показывал, как связаться с другими с помощью экранов?

Он виновато посмотрел на нее.

— Наверно, я тогда спал.

— О, точно, — вспомнила она. — И даже храпел. На этой планете живут Элис и Сандра — но Сандра сохранена в машине. Есть еще Бет, и Кейкико, и Морин, и Дейзи, но с ними связаться трудней — они на других планетах. Есть еще многие, но одни из них не говорят по-английски, а другие не хотят говорить.

Стэн пораженно смотрел на нее. Он особенно удивился, когда Эстрелла сказала, что теперь в Ядре несколько тысяч людей.

— Откуда они все взялись? — удивился Стэн.

Эстрелла разумно ответила:

— Все дело в разной скорости течения времени, Стэн. Видел, как Билл Тарч пытается угнаться за новостями? Снаружи все происходит намного быстрей. У них было очень много времени, чтобы эмигрировать.

Эта новость Стэну не понравилась. Он казался себе гораздо более значительным, когда в Ядре были только они с Эстреллой. А теперь в любой момент, подумал он, к ним могут явиться люди, с которыми они даже незнакомы.

Но он не ожидал, что один из этих людей нагрянет к ним в тот же день. Однако тот явился.

Дверной звонок (они не знали, как назвать это по-другому) сообщил, что кто-то ждет снаружи. Но не сообщил, что это женщина, красивая, светловолосая, голубоглазая, с маленькой черной сумкой и, главное, — самый настоящий человек.

— Привет, — жизнерадостно сказала она. — Доктор фон Психоаналитик попросил меня зайти к вам. Я гинеколог. Меня зовут доктор Дороти Кусмероглу.

Когда Стэн услышал это имя, его словно током ударило.

— Кусмероглу? Правда? Вы турчанка? Может, из Стамбула?..

— О нет. Не я. Возможно, мой прапрапрадед оттуда, — сказала она, оценивающе осматривая квартиру. — Он откуда-то с Земли, конечно, но я не знаю, откуда именно. Я марсианка в третьем поколении. Мы можем пройти в спальню, Эстрелла? Думаю, Стэну лучше остаться здесь.

Так что Стэну оставалось грызть ногти, пока с Эстреллой что-то делали. Теперь именно Эстрелла — самая яркая звезда в их маленьком созвездии. Впрочем, осмотр не занял много времени. Вернувшись, обе женщины улыбались.

— Все в полном порядке, Стэн, — сказала врач. — Можете посмотреть сами, потому что

у меня есть для вас маленький подарок. — Она порылась в сумке и извлекла многоцветный браслет. — Наденьте, Эстрелла. Это последняя новинка Извне. Помогает увидеть, чем занимается ваш малыш. Я слышала, ее называют «Аист», но, может, это слишком остроумно для вас. Чтобы она заработала, достаточно просто сказать: «Аист, покажи!» — И так как Эстрелла не послушалась немедленно, женщина нетерпеливо добавила: — Послушай, милая. У меня мало времени.

Эстрелла взглянула на Стэна, никакой помощи от него не получила и наконец вздохнула:

— Ну ладно. «Аист», покажи.

Рядом с телом Эстреллы возникло слабое облачко розоватого тумана и сразу превратилось в крошечную, похожую на куклу фигуру. Фигура плыла в воздухе в метре от лица Эстреллы, заставив Эстреллу от неожиданности отпрянуть. Стэну эта фигура не показалась похожей на ребенка. Скорее она напоминала то, во что можно случайно вступить на улице и тут же постараться вытереть обувь.

Но фигура начала медленно поворачиваться перед ними и постепенно стала походить… нет, не на человека, а на попытку доисторического художника вырезать грубое подобие человека из

камня. Появилась голова — безглазая, безволосая, но с чем-то напоминающим подбородок. Видны были крошечные ручки и ножки. И еще…

— Боже, — выдохнул Стэн. — У него что, уже эрекция?

Доктор Кусмероглу терпеливо и негромко рассмеялась.

— Это пуповина. Пениса у него еще нет… подождите, — спохватилась она, внимательно вглядываясь в фигурку. — Ха, — сказала она наконец. — И никогда не будет. Видите внешние гениталии, вот здесь, в промежности? До этого момента у эмбриона нет пола, но примерно в этом возрасте развиваются гениталии. Если они поднимаются вверх, это девочка, если вниз, в виде яичек, — это мальчик. А здесь они поднимаются. — Она посмотрела в глаза Эстрелле. — Так что у вас маленькая девочка, милая. Поздравляю.

Теперь Стэну приходилось привыкать к мысли, что он не только становится отцом, но отцом реального, видимого (хотя и не вполне сформировавшегося) человеческого существа, с руками, ногами. Существа определенного пола. Доктор Кусмероглу захлопнула сумку.

— Кстати, — сказала она, — девочка больше не эмбрион. Отныне она зародыш. А теперь мне

пора. Не хочу пропустить свой рейс на Преимущественно Водяную планету у Яркого Желтого солнца.

— Вы прилетели в космическом корабле? Только чтобы увидеться с нами? — удивился Стэн.

— Конечно. В Ядре сегодня не так уж много беременных. Пора подумать о процедуре имплантации… — Она помолчала, задумчиво прикусив губу.

Это испугало Стэна.

— Что-нибудь не так? — спросил он.

— О нет, конечно, нет. Ничего серьезного. Просто не думаю, чтобы здесь нашлось пригодное для имплантации животное. Обычно это проделывают на более ранних стадиях беременности, главным образом для удобства матери. Но торопиться некуда. Закажем подходящий суррогат Извне…

— Постойте! — приказала Эстрелла. — О чем это вы?

Доктор Кусмероглу как будто бы слегка смутилась.

— Разве я сказала что-то непонятное? Я говорю о суррогатной матери, конечно, о чем же еще? Млекопитающее, достаточно крупное, чтобы выносить вашего ребенка до родов, —

конечно, животное должно быть генетически модифицировано, чтобы зародыш не подвергся отторжению. Так что остается выяснить, кого вы предпочитаете. На большинстве планет обычно используют буйволов. Они подходящего размера, дешевы и всегда под рукой. Сама я предпочитаю использовать коров.

Эстрелла в ужасе смотрела на женщину.

— Мой ребенок? В животном?

— Конечно, в животном, — нетерпеливо сказала врач. — А где еще ему быть? Вы ведь не хотите сами пройти через роды? Через всю эту боль и грязь? Не говоря уже о девяти месяцах, когда живот у вас с каждым днем становится все больше и больше и вы никак не можете найти удобное положение. Никто сегодня так не поступает, кроме… Постойте. — Она замолчала и оценивающе посмотрела на Эстреллу. — Послушайте, вы ведь не из религиозных фанатиков?

Эстрелла попыталась ответить, но не смогла. Только отрицательно покачала головой.

Женщина вздохнула и встала.

— Послушайте, — доброжелательно сказала она, — я понимаю, для вас это очень важный шаг. Обсудите его вместе. Если не хотите буйволиху, можно подобрать другое млекопитающее.

Прекрасно подходят один или два вида медведя, и иногда удается устроить так, что медведица всю беременность проводит в спячке. Поэтому нет ни малейшего риска несчастного случая, когда суррогатную мать отпускают кормиться или погулять. Медведей и буйволов используют преимущественно в областях Индостана — у них, видите ли, есть известные предрассудки, связанные с коровами. Я слышала даже, что время от времени используют и морских млекопитающих, хотя понять не могу зачем. Конечно, не на Марсе: у нас нет больших водоемов, поэтому у меня нет личного опыта. К тому же, думаю, было бы достаточно сложно доставить сюда косатку. Прошу прощения. — Она отвернулась, подняв руку. И сказала в пространство: — Время? — Прислушалась и поморщилась. — Теперь мне действительно пора. Но, думаю, вы все поняли. Позвоните мне, если возникнут вопросы и, конечно, когда примете решение насчет суррогатной матери.

И она исчезла. Стэн и Эстрелла переглянулись. Стэн сказал:

— Хочешь?

— Только через мой труп, — решительно ответила Эстрелла. — Давай поедим. Если ребенок

должен оставаться во мне, где его место, его нужно получше кормить.

II

«Аист» оказался удивительной игрушкой. Как ни странно, он больше заинтересовал Стэна, чем Эстреллу; она смотрела на него четыре-пять раз в день, не больше, зато Стэн мог часами сидеть, разглядывая крошечную фигурку, пока Эстрелле не надоедало заниматься хозяйством без него и она не заявляла, что для здоровья ребенка полезно погулять. И они подолгу гуляли на природе, наслаждаясь ароматом растений, любуясь красотой высоких деревьев с пушистыми ветвистыми кронами. В этот день маленькие зверьки, притворяющиеся растениями, цвели желтым, красным и синим, и их приманка действовала: к ним слеталось множество крошечных крылатых существ, которых не отпугивало то, что многих из них съедали. В пруду жили рыбы — отвратительные, змееподобные, с блестящими оранжевыми глазами. Если у Эстреллы и была мысль искупаться, она тут же от нее отказалась, увидев извивающиеся под поверхностью тела.

Но этот день принес и приятный сюрприз. Вернувшись к себе, они обнаружили груду

прямоугольных коробок и ящиков, больших и маленьких. В них оказались их личные вещи, которые они оставили в своем пятиместнике. Кто-то из внимательных хичи вспомнил и о них. В самой маленькой коробке оказались музыкальные записи Стэна, и нужно было только достать инструменты из шкафа и начать играть. Прекрасное завершение дня.

Следующий день тоже начался прекрасно. Стэна разбудили звуки флейты: это играла Эстрелла, сидя рядом с ним на кровати. Ему потребовалось всего несколько мгновений, чтобы избавиться от отходов организма, и он присоединился к ней. Они исполнили «Звездную пыль» и «Веселую тряпичную куклу». Потом Стэн вспомнил, что еще не принимал душ, и пригласил с собой Эстреллу, и одно повело к другому, и они снова оказались в постели. После этого Стэн не думал, что заснет, однако заснул и проснулся от басистого ворчания — сигнала, что в пищевом распределителе что-то появилось.

— Эстрелла? — окликнул он.

Через несколько мгновений она появилась с балкона, расчесывая волосы.

— Что? — спросила она.

— Ты заказывала завтрак?

Она нахмурилась.

— Ну, я вслух сказала, что хочу есть.

Это заставило Стэна осознать, что он тоже проголодался.

— Посмотрим, что тут у нас, — сказал он.

Но когда они распечатали герметичную упаковку, их ждал настоящий сюрприз. Запах блюда Эстреллы подсказал, что это такое, еще до того, как Стэн увидел: чили. В тарелке из хлеба, с гуакамоле и двумя сортами сальсы[18] по краям, с каплей сметаны поверх и с кукурузными чипсами со всех сторон.

— Настоящий техасский чили! — воскликнула Эстрелла, как только попробовала.

Стэн возразил:

— Но ты ведь не была в Техасе.

— Я сказала — техасский. Только такой и стоит есть. Мне кажется, я даже чувствую небольшую добавку мяса гремучей змеи. А что у тебя?

Стэн уже проглотил две из полудюжины скользких зеленых штук и жадно глядел на тарелку жареного мяса, окруженного овощами.

— Долма, — провозгласил он. — Не ел ее с последнего своего дня рождения, а мясо выглядит

---

[18] Примечания: 18

Гуакамоле и сальса — острые мексиканские салаты. — *Примеч. перев.*

отлично. И посмотри, — он показал на пузатый кувшинчик и пару крошечных чашечек, — это настоящий турецкий кофе.

Эстрелла взяла немного превосходно приготовленного гуакамоле.

— Надо поблагодарить ее, — задумчиво сказала она.

Стэн уже перешел к следующему блюду.

— Думаю, это ягненок, — сказал он, пробуя. — Знаешь, я никогда не пробовал жареного ягненка. Не мог себе позволить.

Эстрелла не ответила. Немного посопротивлявшись своим представлениям о приемлемом поведении, она сдалась и облизала тарелку. Они восторженно смотрели друг на друга.

— Положение определенно улучшается, — сказал Стэн Эстрелле.

Она кивнула, но у нее возник вопрос:

— Ты представляешь себе, что происходит?

— Бог знает. Я — нет. Знаю только, что это лучшая моя еда с… с… — он нахмурился, вспоминая еду на пятиместнике, редкие загулы в Веретене Врат, блюда, приготовленные в Стамбуле миссис Кусмероглу, — с начала жизни, — закончил он. — А теперь не взглянуть ли на нашу дочь?

Дочери пришлось подождать, пока Эстрелла

звонила Кларе, чтобы поблагодарить ее или, может, Гипатию — в общем, того, кто приготовил блюда. Как ни странно, ответа не было.

Когда «Аист» проделал свой фокус, Эстрелла долго разглядывала младенца и решила, что он не изменился. Стэн был меньше в этом уверен.

— Это глаз? — спросил он. — Что он делает на боку головы? А что это за штука сзади, как раз там, где голова соединяется с шеей? Бородавка?

— У младенцев в чреве не бывает бородавок. По-моему. — Она снова была у экрана.

Стэн отвлекся от не рожденного еще младенца, чтобы спросить, кого она ищет. Она слегка отодвинулась, чтобы он мог видеть экран.

— Наши новые соседи, — сказала она.

На экране видна была веранда, точно такая же, как у них. И выходила она на ту же долину, с теми же Слюдяными горами на горизонте. Восемь-десять человек ели, передавая друг другу странной формы керамические тарелки и маленькие плетеные корзины.

— Китайцы, что ли, — заметил Стэн. Эстрелла не стала спорить. — Может, стоит как-нибудь заглянуть к ним? А что в других местах?

Ответы были не очень разнообразны или, наоборот, слишком разнообразны, чтобы легко в

них разобраться. Стэн наблюдал, как вереница необычно выглядевших людей занималась непонятными вещами в неведомых местах.

— К черту! — проворчал он наконец. — Ничего не понимаю.

Эстрелла посочувствовала:

— Я тоже.

На том и порешили. Оба знали, что виновата ужасающая разница в скорости прохождения времени: сорок тысяч к одному. Чтобы втиснуть сорок тысяч часов Извне в один час в Ядре, приходилось многое, точнее почти все, опускать.

— К черту! — мрачно повторил Стэн. — Думаю, это неважно. Нам больше никогда не бывать Снаружи.

Они опять поели, не хуже, чем в первый раз, и Стэн как раз собирал тарелки, чтобы сложить их в корзину для мусора у двери, когда дверь заворчала. За ней оказалась Соль; мышцы ее живота нервно дрожали под платьем.

— Не хотела прерывать вашу трапезу, — сказала она. — Могу я сейчас войти?

— Конечно, — ответил Стэн, думая, что Соль выглядит не лучшим образом. Цвет ее кожи казался… не совсем нормальным, но разве у хичи можно что-нибудь понять?

Войдя, она повеселела. Села на край настоящего стула (ее цилиндр неловко торчал в воздухе). Приняла чашку чая и даже принялась откусывать кусочки шоколадного печенья, доставленного распределителем, как будто это ей доставляло наслаждение. Потом слегка чихнула — у хичи это все равно что откашливание — и начала:

— У меня есть к вам просьба о просьбе. Но обычай людей требует, чтобы вначале я спросила, есть ли у вас просьбы ко мне.

— Что ж, — ответил Стэн, — если честно, мы пытаемся понять, дома ли Клара. Мы уже какое-то время не разговаривали с ней и…

— Не разговаривали? — вежливо переспросила Соль. — Хотите проверить?

Она не стала ждать ответа, а просто повернулась к экранам. Несколько негромко сказанных слов — на языке хичи, конечно, — и на экране появилась квартира Клары. Картина у них на глазах сменилась, как будто камера вместе с ними прошла по всем комнатам. Все было в полном порядке, включая спальню и ванную, но ни следа Клары или ее корабельного мозга.

— Мне очень жаль, — сказала Соль. — Как видите, ее нет.

— А вы не знаете, куда она делась?

Лицевые мышцы Соль дернулись.

— Знаю ли? Да, кое-что знаю, не знаю только, хорошее ли. Клара говорила о личностях, которые называются Древними. Сейчас они живут на Планете Одной Луны у Светло-желтого солнца номер Четырнадцать. Возможно, она отправилась повидаться с ними.

Стэн снова недовольно хмыкнул — это получалось у него все лучше и лучше, и Соль вежливо чихнула.

— Могу я сейчас высказать просьбу, о которой говорила?

Стэн пожал плечами:

— Выкладывайте.

— Возможно, я прошу слишком многого. Слишком, — с сожалением сказала она. — Но я все равно попрошу. Я с большим удовольствием слушала «музыкальные» звуки, которые вы издавали на веранде и не только. Можете ли вы произвести эти звуки в других местах? В месте, которое вы называете «институтом»? Для развлечения и обучения личностей, которые размещены там и поблизости?

И сразу — ни один из них не успел ответить — она встала.

— Повторюсь — я понимаю, что моя просьба,

возможно, слишком обременительна. Сейчас я уйду, предоставив вам, Стэн и Эстрелла, время обдумать ответ. Любой ответ будет высоко оценен.

Когда она ушла, Стэн и Эстрелла переглянулись.

— Как думаешь, Стрелл? Сыграем?

Она хмурилась.

— Ты заметил, как выглядит Соль?

Стэн задумался.

— Ну, может, чуть усталая…

— Усталая! Такого цвета кожи от усталости не бывает. Думаю, она больна.

— Не знаю, — ответил Стэн и тут же забыл об этом, признавая свое полное невежество в вопросах здоровья хичи. — Так сыграем?

— Почему бы и нет? Но если так, нужно вначале поупражняться. Давай прямо сейчас, милый.

И только когда разговор давно закончился и они уже поиграли дуэтом на веранде, Эстрелла неожиданно сказала:

— Боже! — и опустила флейту.

Стэн оторвал губы от мундштука трубы.

— В чем дело?

— Стэн, я просто сообразила. То, как мы заглядывали в квартиру Клары. Если мы можем заглянуть в квартиры других, когда захотим, то,

как ты думаешь, они могут?..

Он посмотрел на нее.

— Ты что, спятила? Зачем им к нам заглядывать?

— Но допустим? Могут?

— Они не станут этого делать! — упрямо ответил он.

III

Как ни твердо он это сказал, вопрос продолжал тревожить Стэна, пока — спустя три или четыре репетиции — не появился Зигфрид фон Психоаналитик. Спросив его, они узнали, что за ними не только могут подглядывать, но постоянно подглядывают.

— У хичи совсем иные представления о нравственности, чем у нас, — сказал Зигфрид фон Психоаналитик. — Они не считают половой контакт чем-то интимным или тайным. У них он происходит, только когда у женщин течка, что бывает достаточно редко, и все устраивают при этом небольшую церемонию.

— Минутку, — решительно вмешалась Эстрелла. — Мы не хичи! Мы можем выключить эти камеры или нет?

— Конечно, можете, если хотите, — ответил

он. — На самом деле это не камеры, но я понимаю, что вы имеете в виду. Минутку. Ну вот, они выключены.

— Так просто? — спросил Стэн.

— Конечно. Почему нет? Но вы должны знать, что лишаете своих друзей развлечения.

— И пусть! — горячо ответил Стэн. — Мы занимаемся любовью не ради их развлечения.

— Не только занятия любовью, Стэн. Репетиции. Еда. На самом деле все, что вы делаете. Однако, думаю, они поймут, что вы не хотите, чтобы они наблюдали за вами. Так вот, — он сознательно сменил тему, — я говорю, что они наслаждались вашими репетициями. Ну, может, наслаждались — не совсем подходящее слово: у хичи другое представление о музыке, но они находили их интересными. Так как насчет просьбы Соль? Не возражаете поиграть в… гм… Институте?

— Конечно, — ответил Стэн. — Мы и не отказывались.

Их выступление прошло с большим успехом. То есть никто не вышел. Никто не шикал, хотя иногда хичи шикают — когда говорят на языке Деяний. Исполнили переложение Баха, подготовленное Эстреллой и основанное на дуэте, который она изучила за короткое время, проведенное в

консерватории; немного поиграли Гершвина, Джелли Ролла Мортона и представили на суд публики несколько небольших произведений Малера, а когда закончили, несколько десятков хичи, собравшихся в помещении, вежливо похлопали в ладоши — этому они научились во время пребывания Снаружи. Еще больше хичи, никогда не бывших Снаружи, подражали им, хотя и без особого успеха. Тощие ладони хичи не приспособлены для аплодисментов.

Потом небольшая платформа, которую хичи предоставили им для выступления, ушла в пол. Музыкантов сразу окружила дюжина хичи; Соль подвела пару очень пожилых; рядом шел Желтый Нефрит, протягивая Стэну руку.

— Вы играли великолепно, — сказал он им. — И доставили большое наслаждение публике, а также мне и моим сыновьям, — он жестом указал на двух пожилых хичи, стоявших рядом. — Этого моего сына зовут Теплота, а этого — Ионный Раствор. Они только что вернулись после длительного пребывания Снаружи. К несчастью, они не владеют вашим языком, но просят меня передать их восхищение.

— Очень рад, — не слишком убедительно ответил Стэн. — Ну, Стрелл, не кажется ли тебе, что

нам пора?

По дороге домой они жаловались друг другу на очень скверное подобие человеческой пищи, которое предложили им готовые услужить, но плохо информированные хичи. Говорили о том, как странно выглядит Соль. Пытались реконструировать удивительную историю сыновей Желтого Нефрита, теперь таких старых, что они готовы умереть и стать сохраненными сознаниями. Для этого они и вернулись в Ядро. А также о том, что ни один из них не говорил по-английски, потому что все семьдесят с лишним лет их службы прошли на планете Йен Хао, где по-английски говорят только приезжие. О том, что они теперь втрое старше собственного отца, потому что Желтый Нефрит оставил их Снаружи, а сам вернулся в Ядро. И вообще, где Зигфрид?

— Наверно, у него дела, — предположила Эстрелла.

— И что? Он искусственный интеллект. Он всегда занимается четырнадцатью или пятнадцатью делами одновременно. — Когда они уже повернули к дому, Стэн добавил: — Он должен быть там.

Тут показалась их дверь, и они увидели Зигфрида фон Психоаналитика.

Зигфрид, как обычно, занял свое нематериаль-

ное сиденье, осушил виртуальный стакан вина, чтобы поддержать компанию, и сказал:

— Чакона Баха мне особенно понравилась. Я слышал ее и раньше. Но никогда в таком отличном исполнении.

Стэн подозрительно посмотрел на него.

— Я вас не видел.

— Я не показывался, Стэн. Не хотел никому мешать, но я ни за что не пропустил бы это событие. А сюда пришел, чтобы пригласить вас на небольшой прием у Клары.

— Она вернулась?

— Скоро вернется, Эстрелла. Вы знаете, она очень хорошо к вам относится.

Эстрелла сказала:

— Соль говорит, что она отправилась навестить этих австрало… как их там называют.

— Да, верно, — подтвердил фон Психоаналитик. — Относительно них существует некая проблема. И Клара отправилась выяснить, не может ли она помочь. — А когда Стэн захотел больше узнать о «проблеме», Зигфрид лишь покачал головой. — Вас это не должно тревожить. Есть подозрение, что прежний владелец этих гоминидов планирует нечто неразумное, вот и все. Вы о нем слышали? Вэн Сантос-Смит. Весьма

неприятный человек, и, похоже, его помощники шныряли вокруг Древних. — Он покачал головой и повторил: — Несомненно, Клара расскажет вам обо всем, когда вернется. Еще что-нибудь?

Стэн пытался настаивать, но потом решил, что шансы получить удовлетворительный ответ слишком малы, и сменил тему:

— Я заметил, что там не было Достигающего.

— Ага, — с сожалением сказал фон Психоаналитик, — Достигающий. Нет, сейчас он не в таком положении, чтобы посещать концерты. Это печальная история. — Он с необычной для себя нерешительностью перевел взгляд с одного на другую. Потом вопросительным тоном добавил: — Не знаю, хотите ли вы знать…

— Хотим, — коротко ответила Эстрелла.

Изображение фон Психоаналитика вздохнуло и кивнуло.

— Вероятно, надо вам рассказать. Когда делишь с кем-то машину снов, устанавливается нечто вроде связи, верно? Ваш контакт с Достигающим оказал на него очень глубокое воздействие. В результате его в настоящее время воспитывает группа сохраненных сознаний. Так они это называют — «воспитывать». Это означает, что он сохранен частично, а другие сохраненные

сознания пытаются завершить его лечение. Они начали это, как только поняли, какова его основная проблема…

Он неожиданно остановился, явно не желая продолжать. Но Эстрелла ему не позволила.

— И что это за проблема? — спросила она. — Послушайте, доктор фон Психоаналитик, я в этом участвую и имею право знать!

— Вероятно, вы правы, Эстрелла. Но это отвратительно…

— Говорите! — рявкнул Стэн.

Фон Психоаналитик снова вздохнул.

— Когда Достигающий оставил Ядро, он находился в обществе половозрелой молодой женщины по имени Ветерок. В полете у нее началась течка. Организм Достигающего реагировал на это, конечно: любой самец хичи среагировал бы. Но в последний момент его оставили на Вратах, и поблизости не оказалось ни одной подходящей самки. И тогда… — он понизил голос, хотя никто посторонний все равно не мог услышать, — он совершил весьма травмирующий поступок. Попытался вступить в сношение с женщиной-человеком.

— Он совершил насилие? — недоверчиво спросила Эстрелла.

— Нет, не совершил, — сразу поправил фон Психоаналитик. — И вообще это было не вполне совокупление. Думаю, что, если бы имело место нечто подобное, Достигающий не смог бы с собой ужиться. Но он попробовал некоторое… гм… предварительное эротическое стимулирование. Он считает, что виновата женщина, и в определенном смысле он прав. Ей, кажется, очень не повезло в роли старателя. Она совершенно разорилась. И, чтобы платить за жизнь на астероиде, обратилась к… гм… проституции.

— Боже! — воскликнула Эстрелла. — С хичи?

Фон Психоаналитик серьезно кивнул.

— Это объясняет кое-что из того, что вы почувствовали, оказавшись с ним в машине снов. Он ненавидел не вас, а эту бедную женщину с Врат. Но под рукой оказались вы.

Как только он ушел, Эстрелла уселась у экранов. Стэн бесцельно бродил по веранде, когда она позвала его.

— Стэн! Это те древние существа, о которых говорил доктор фон Психоаналитик?

Он встал так, чтобы видеть экран. На нем видна была пара очень странных существ, в определенной степени человекообразных, но больше похожих на обезьян. На них были грубо обрезан-

ные юбочки и почти ничего больше, и у обоих росла жидкая встрепанная борода. Они ели какие-то фрукты и болтали друг с другом на языке, которого Стэн никогда раньше не слышал.

Они с Эстреллой разглядывали этих существ. Потом Стэн покачал головой.

— Ты думаешь, они люди?

— А тебе они кажутся людьми?

— Нет, но… эй! — Он щелкнул пальцами. — Они из того места, где жил Вэн, когда он был безумным мальчишкой с этой машиной снов и когда…

— Я помню. Это называлось Гнев Божий.

— Верно. Работа Вэна. Там были эти Древние, какие-то доисторические люди, которых по какой-то причине туда поместили хичи. Думаю, он перед ними в долгу.

— Хм. — Эстрелла разглядывала волосатых существ на экране, потом негромко вскрикнула. Закончив есть, меньшее из существ — очевидно, самка, несмотря на бороду, — опустилось на четвереньки, а большее, явно самец, приготовилось войти в нее сзади.

— Эй, — сказал заинтересованный Стэн. — Они действительно этим занимаются.

Эстрелла выключила экран.

— Честность — это честность, Стэн. Мы ведь

не хотим, чтобы на нас смотрели, когда мы занимаемся любовью? Так что не нужно смотреть на них.

— Но они животные, Стрелл! И это интересно.

Она покачала головой, определенно показывая, что тема закрыта.

— У меня есть мысль получше. Давай поедим чего-нибудь вкусного, ладно? Я думаю о толстом, сочном, хорошо прожаренном куске мяса — говядины, не буйволятины, с жареной картошкой и салатом из авокадо…

— Заказывай два, — сказал Стэн с просветлевшим лицом. — И пусть готовят побыстрей.

И они приготовились ждать.

Однако быстрей не получилось. Прошло не менее получаса, а пищи не было, хотя они несколько раз повторили заказ. И когда наконец гул подсказал им: что-то прибыло, — Стэн рявкнул:

— Как раз вовремя!

А Эстрелла опередила его у распределителя.

Но то, что пришло, не находилось под прозрачными колпаками и вообще не походило на мясо. Два пакета в разноцветной обертке — пища хичи. Когда, не веря своим глазам, они их распечатали, там не оказалось даже пищи хичи. Какие-то пластинки, коричневые и твердые, пахнущие

сырыми моллюсками и по вкусу похожие на плохой пеммикан.

— Какого дьявола? — воскликнул Стэн. — Что здесь происходит?

У Эстреллы на это не было ответа, а попробовав кусочек своего бруска, она почувствовала такое же раздражение.

— Если такова их программа кормления беременных женщин, я пойду к озеру, поймаю пару этих отвратительных рыб и поджарю.

IV

Ничего такого она не сделала. Она съела кошмарные блюда и с тех пор ела весь тот ужас, что выдавал им распределитель вместо приличной еды. Пожаловаться было некому. Зигфрид не возвращался. Вопреки тому, что он говорил, Клара тоже не вернулась. Желтый Нефрит был так занят своими престарелыми сыновьями, что не показывался, а когда они один раз издали увидели Соль, та была окружена плотной стеной самцов хичи.

— Кажется, им все равно, как она выглядит, — фыркнула Эстрелла.

— Да, она действительно пустилась во все тяжкие, — согласился Стэн. — Хочешь, я попробую

поймать какие-нибудь новости?

Они посмотрели новости, но это не принесло им радости. Прежний безмозглый, но красивый комментатор давным-давно исчез. Экраны просто показывали то, что они просили, и картины были в основном неприятными. Стэн заметил несколько захватывающих панорам плавучих городов, но когда снова поймал эти города, там царило запустение. Целые планеты казались покинутыми — леса на месте небоскребов, города сгорели или покрылись льдом.

— Помнишь картины в музее Врат? — спросил Стэн. — Все это проделывал Враг, но разве Враг еще здесь?

Эстрелла без слов лишь печально покачала головой.

Тогда Стэн попросил и получил вид Стамбула. Город тоже казался почти брошенным. Башни Кемаля Ататюрка еще стояли, но стекла в окнах были выбиты, и ни следа входящих или выходящих людей.

— Боже! — сказал Стэн. — Что, по-твоему, могло случиться?

— Хотела бы я знать, — ответила Эстрелла, но тут же передумала: — Нет, может, лучше и не знать. Попробуем что-нибудь еще. Как насчет

нашего малыша?

Это зрелище, как всегда, оказалось приятным. Ежедневно маленькое существо в животе Эстреллы демонстрировало все новые чудеса. Глаза, которые росли словно из висков младенца, медленно перемещались в переднюю часть головы, где им и надлежало находиться. Кожа стала такой тонкой, что Эстрелла клялась, будто видит под ней кровеносные сосуды. (Стэн был в этом не так уверен.) А однажды, когда Эстрелла сидела у экранов, а Стэн включил «Аиста», Эстрелла подпрыгнула от вопля Стэна:

— Эстрелла! Знаешь, что она делает? Сосет палец!

Верно, согласилась Эстрелла. Но мало того. День за днем голова младенца поворачивалась из стороны в сторону, ноги сгибались и вытягивались, маленькие руки все время занимали новые положения — складывались на груди, перекрещивались перед лицом, вытягивались в стороны. Это было волшебное, захватывающее зрелище.

Когда они отрывались от созерцания своего еще не родившегося ребенка, то находили на экранах много интересного — по большей части непонятного, но захватывающего. Когда они видели процессию детей в капюшонах, идущих вначале

по мелководью, а потом в глубинах океана где-то во внешней галактике, они могли только гадать, что происходит. Когда на экране, как будто саморазрушаясь в потоке пламени, вспыхивала какая-нибудь звезда, они могли только восхищаться зрелищем, не понимая, что оно означает.

Если не считать пищи, Стэн и Эстрелла были почти довольны тем, что друзья забыли о них. Секс теперь, когда они занимались им наедине, снова стал замечательным. А еда, говорили они друг другу, в сущности, не хуже той, что была у них в пятиместнике. Веранда роскошна, как всегда…

И все равно, когда впервые за долгое время заворчала дверь, они бросились открывать.

И увидели не самого желанного гостя. Это был Достигающий. Без всяких предисловий он спросил:

— Я уже спрашивал вас ранее. Теперь спрашиваю снова. Ну? Каков ваш ответ?

— Черт побери, — сказал Стэн. — Понятия не имею, о чем вы. Ответ на что?

Мышцы на щеках Достигающего дико извивались.

— Как вы можете спрашивать? Недавно переживал значительное событие, в каком-то смысле

приятное, но утомительное, и потерял терпение. Неужели вас еще не спрашивали?

— О чем? — спросил Стэн, тоже теряя терпение. Но Достигающий рассердился. Он отошел от двери — шерсть на его спине гневно вздыбилась, — потом повернулся.

— Это неприемлемо ни в малейшей степени! — крикнул он. — Я сильно рассержен. Поэтому ухожу без принятого прощания!

Он повернулся и ушел.

Эстрелла и Стэн сидели в спальне; они уже почти разделись и подбирали последние кусочки едва терпимой еды. Они больше не говорили о Достигающем — что еще можно было сказать об этом изменчивом и таком не похожем на остальных хичи? Заворчала дверь. На этот раз гостем оказалась Соль. Выглядела она радостной, а кожа ее снова сменила цвет на обычный.

— Могу ли я войти? — спросила она и расценила их молчание как согласие.

— Конечно, — заверил Стэн с небольшим опозданием — Соль уже взгромоздилась на насест в гостиной и выжидательно переводила взгляд с одного на другую.

— Вы говорили с Достигающим, — сказала она. — Я знаю, он сам сообщил мне. Отчасти из-за

него я и пришла.

Стэн плотнее запахнул рубашку.

— Случилось что-нибудь плохое?

— Ничего плохого ни в каком понимании, — ответила Соль, и ее тон свидетельствовал, что это правда. Будь она человеком, Стэн сказал бы, что она широко улыбается. — Как раз напротив. Прежде всего должна извиниться, что сама не пригласила вас на церемонию. Причина такова: я и все остальные участники знают о табу вашей культуры в части скромности.

— Какая церемония? — в полном замешательстве спросил Стэн.

Эстрелла догадалась быстрее.

— Что ты говоришь? Ты действительно… ты была…

— Совершенно верно, — радостно подтвердила Соль. — Все проделано великолепно, а оплодотворяющей личностью послужил Достигающий. И теперь я «залетела», Эстрелла. Точно как ты!

15. Счастье

I

Для Стэна одна беременная женщина интересна, даже (поскольку носит его ребенка) весьма. А вот две беременные — это куда хуже. Даже вполовину не так хорошо. Неожиданно Эстрелла принялась не Стэну, а Соль рассказывать о всех своих приступах тошноты или странностях. И не только это: однажды Соль обратилась к «Аисту» на своем языке, и с этого мгновения он по приказу демонстрировал содержимое и ее матки.

В определенной степени это тоже оказалось интересным для Стэна. Биология хичи отличается от человеческой. Стэн знал, что у хичи два сердца и множество других необычных внутренних органов. Тем не менее основной архитектурный план был одинаков. У обоих видов после оплодотворения начинала делиться одна-единственная клетка, а затем рождался ребенок. Наблюдения за ранними стадиями беременности Соль, за тем, как делятся клетки и увеличивается эмбрион, помогали Стэну представить, что происходило с его дочерью до появления «Аиста». Эмбрион Соль

был крошечный, почти невидимый, но «Аист» получил приказ увеличить изображение. Однако даже в этом случае смотреть было почти не на что, особенно по сравнению с гораздо более развитым ребенком в животе Эстреллы.

И все равно в эти дни Стэну часто приходилось оставаться одному. Поэтому, когда появился Желтый Нефрит вместе со своими едва передвигающимися детьми и предложил познакомить Стэна с соседями, Стэн с радостью согласился. Сын по имени Теплота говорил по-китайски и по-вьетнамски, а второй, которого звали Ионный Раствор, — по-корейски и по-японски, но ни один из них не владел английским. Поэтому, когда они приходили в гости, разговор представлял собой трудную задачу.

Соседи устроились хорошо. Им отвели помещения просторнее квартиры Стэна и Эстреллы, и эти помещения были заполнены — восемнадцать-двадцать соседей, преимущественно пожилых, составляли полдесятка этнических общностей. Когда, допустим, полная маленькая женщина, говорившая по-корейски, хотела пожелать Эстрелле благополучных, счастливых и легких родов, соответствующий брат переводил это на язык хичи. Тогда второй брат переводил на

один из известных ему земных языков, а Желтый Нефрит тем временем то же самое говорил для Стэна и Эстреллы по-английски; одновременно второй брат переводил на другой известный ему земной язык, так что шумный многосторонний перевод происходил непрерывно.

Не самый эффективный способ общения. Тем не менее Стэну это нравилось, а еще больше нравилась еда. Двухметровая Сьюзан постоянно доставала из распределителя все новые блюда, горячие и холодные, кислые и сладкие. Стэна и Эстреллу они изумляли — почти так же, как их прежняя CHON-пища. Но это была еда людей. И часто очень вкусная.

И поэтому еда, которую поставлял им их распределитель, казалась еще более отвратительной. Однажды, когда Соль заглянула к ним, они с отвращением глотали очередную порцию дряни.

Соль извинилась за вторжение.

— Я не думала, что вы питаетесь, когда шла к вам. Пожалуйста, продолжайте питаться. Я побуду в других частях дома. — Когда они почти все съели, она вернулась. — Заметила ваш грибок для чистки зубов в месте для умывания, — сказала она. — Сейчас есть кое-что получше. Грибок больше не используется. Импортировали формулу и

указания по приготовлению — как это называется — супа из микроорганизмов. Он чистит, смазывает и отбеливает зубы одновременно. Весьма эффективно. Самая последняя вещь Извне. — Подойдя ближе и заглянув в их чашки, она застыла. Немного поколебалась, потом вежливо сказала: — У меня вопрос, и я не хочу осуждать. Вопрос таков: неужели вам нравится эта еда?

Стэн невесело хмыкнул.

— Конечно нет. Она не может нравиться. Но ничего другого у нас нет.

— У вас нет связи со службой повара? Но объясните, — потребовала Соль. И когда они объяснили, она застыла. — Сейчас я все сделаю. — Соль встала и бросила в пространство несколько энергичных выражений на хичи.

Куда дольше она объясняла им, в чем дело. Когда Стэн с Эстреллой закрыли свой дом для остального мира, это означало, что с ними никто не может связаться, в том числе и служба повара не получает их заказы. Они сами отрезали себя.

Но теперь, сказала Соль, они могут наслаждаться одиночеством, когда захотят — просто скажите: «Одиночество немедленно!» или «Одиночество больше не требуется!», и все готово.

Стэн и Эстрелла едва слышали ее объяснения,

потому что уже объясняли в пространство, какой обед им нужен, и жадно слушали ответ.

На следующий день в их квартире появилась мрачная Гипатия Александрийская.

— Вы, двое, — ледяным тоном сказала она. — Клара пыталась связаться с вами, но вы отрезали себя от всех. Она хочет, чтобы вы пришли к ней. Есть несколько человек, с кем она хочет вас познакомить.

— Люди? — переспросил Стэн, но Эстрелла только спросила:

— Когда?

Гипатия ответила Эстрелле:

— Немедленно. Как только сможете туда добраться.

Когда они пришли, их опять поджидала Гипатия. Она впустила их и без всяких предисловий приказала:

— Постойте несколько мгновений неподвижно, Эстрелла. — Казалось, она не смотрит ни на что в особенности. Потом она кивком указала на живот Эстреллы. — Я взяла на себя смелость провести внутренний осмотр. Прекрасный зародыш. Сейчас, пожалуйста, садитесь. Клара одевается для приема.

Эстрелла заинтересовалась:

— А Соль будет?

— Очень сомневаюсь, — ответила Гипатия еще более ледяным тоном.

Эстрелла удивилась:

— В чем дело, Гипатия? Вам не нравится, что Соль беременна?

Гипатия, которая уже выходила из помещения, повернулась в вихре своего многоцветного платья.

— Я не одобряю беременность. Это первый и когда-то единственный способ приводить в мир девочек. Так что это приемлемое зло. Вызывает отвращение способ, к которому прибегла Соль. Физическое половое сношение с самцом! В эпоху научного прогресса! В мое время женщины вынуждены были принимать этот способ — он был не менее отвратителен, но неизбежен. Но сегодня есть множество партеногенетических способов забеременеть. А она выбрала такой! — Гипатия с отвращением хмыкнула и сказала: — А вот и Клара.

Кого бы ни ожидала Клара, это, должно быть, были важные персоны. Стэн не ожидал увидеть ее такой… так одетой. Волосы ее были превосходно уложены. Платье с низким вырезом, из золотистого шелка. Даже брови, казалось, каким-

то образом были укрощены. Однако элегантность не помешала Кларе потрепать Стэна по голове, а Эстреллу обнять. Потом она отодвинула Эстреллу на расстояние вытянутой руки и принялась критически разглядывать.

— Все в порядке, — сказала она наконец, — ты выглядишь достаточно здоровой, но как ребенок? Могу я на него взглянуть?

Конечно: «Аист» немедленно вызвал изображение. Последовали объяснения будущих родителей, преимущественно гордого отца.

— Если вам кажется, что она нуждается в бритье, то это так называемые зародышевые волосы. Они выпадут. И — видите? — у нее уже есть ногти на пальчиках рук и ног.

Когда все видимые органы были обсуждены, Клара вздохнула и опустилась в кресло.

— Вы очень счастливые люди, — сообщила она. — Соль тоже. Я ей говорила об этом. Гипатия осуждает… — она бросила взгляд на свой корабельный мозг: Гипатия бесстрастно сидела на диване у противоположной стены, — но я в восторге. Надеюсь, они с Достигающим хорошо провели время, делая этого ребенка. Бедняги, у них это бывает так редко. Вы заметили, как Соль стала пурпурной? Это сигнал, что у нее течка.

Такая перемена, а может, какие-то феромоны превращают всех самцов хичи во влюбленных ухажеров. Должно быть, здорово быть женщиной у хичи. Вокруг них всегда толпа самцов, когда они делают свой выбор.

— Но почему она выбрала Достигающего? — спросила Эстрелла.

— Кто знает? Зигфрид считает, что так посоветовали сохраненные сознания, чтобы помочь Достигающему вылечиться. — Клара взглянула на часы. — Остальные сейчас придут, но надолго не останутся. Для них общение с органическими существами очень трудно — я вам не говорила? Они все сохраненные сознания. А пока ждем — выпейте. Гипатия подаст все, что захотите.

Как раз когда Гипатия подавала чай со льдом Эстрелле и темное немецкое пиво Стэну, зазвенел дверной звонок.

Собственно, это был не звонок — у Клары мелодично звенели колокольчики, специально для нее изготовленные, но все равно это не походило на ворчание хичи. Гипатия уже была у двери. Конечно, она к ней не притронулась, но дверь отворилась, и вошел Зигфрид фон Психоаналитик.

— Я первый? — спросил он — не очень убедительно, подумал Стэн, потому что фон Психоана-

литик, конечно, это уже знал. — Ну, они сейчас будут — а вот и они!

Один за другим — хлоп, хлоп — впрочем, беззвучно — в гостиной Клары появились три личности. Двое — пожилые хичи, занявшие кресла, а не насесты, потому что у них не было характерных цилиндров. Третьим оказался высокий сильный мужчина в потрепанном белом колпаке.

— Рад, что вы пришли, — дружелюбно сказал Зигфрид вновь пришедшим, потом обратился к Кларе: — Это те, с кем я хотел вас познакомить. Термослой — он у нас представляет сохраненные сознания. Блестящий — это тот, кто бро... я хотел сказать, попросил Достигающего остаться на Вратах. Сейчас он как сохраненное сознание стал в Ядре ведущим экспертом по звездной динамике. А это Марк Антоний, который готовит все блюда. — И он жестом завершил представление: — Это Джель-Клара Мойнлин и наши юные друзья Стэн Эвери и Эстрелла Панкорбо. А теперь, если Гипатия разрешит воспользоваться ее устройствами, Марк был настолько любезен, что приготовил для нас легкий завтрак. Поговорим за едой.

Стэн никогда не сомневался в том, что Клара

очень важная персона, но до сих пор не представлял, насколько важная. Легкий завтрак оказался не только исключительно вкусным, но и совсем не «легким». На столе был горшочек с нежными котлетами, маленькие крекеры, в каждом из которых немного гусиной печени и хрустящий овощ, который Клара назвала китайским водяным каштаном, какие-то орехи во фруктовом соусе, которые даже Клара не смогла назвать, но уплетала так же быстро, как остальные. Вообще все с удовольствием ели все, что было предложено. Стэн поразился, заметив, что электронные личности едят ту же пищу, что и они. Не подумав, он протянул руку к закуске Блестящего. Пальцы его прошли сквозь еду, и мужчина в белом колпаке оторвался от беседы и бегло улыбнулся.

— Виртуальные личности едят, конечно, виртуальные блюда, — сказал он, но тут же перестал улыбаться. — О, — сказал он. — Вы тот самый, кто отказался от пищи у себя дома.

Стэн не понимал, почему это заботит этого человека, но с набитым кусками жареного мяса ртом подтвердил, что это он. Потом вспомнил, какое имя называли.

— Вы ведь Марк Антоний, верно? Значит, вы все это приготовили? — И когда мужчина кивнул,

не мог сдержать энтузиазма: — Ничего лучше в жизни не ел!

— Понятно, — сказал шеф-повар. Мгновение спустя он добавил: — Попробуйте павлиньи языки в сахаре. Нечто особенное.

Стэн попробовал, хотя тут же об этом пожалел. Однажды в Стамбуле, очень давно, одна из девушек мистера Оздена ради шутки дала ему гусеницу в сахаре. Было очень похоже и почти с такими же последствиями. Только два обстоятельства помешали Стэну мгновенно извергнуть все из желудка. Во-первых, он вспомнил, что «павлин», чей язык он съел, никогда не жил, поскольку это блюдо приготовлено все из той же CHON-пищи, как и все остальное на столе. Во-вторых, его отвлекла идущая за столом беседа.

Старого хичи — Термослоя — больше всего тревожила проблема усиливающейся иммиграции. Люди сотнями тысяч прилетают в Ядро, и куда должны хичи всех их девать? Марка Антония тревожила безопасность — безопасность индивидуальных человеческих личностей.

— Люди совсем не такие, как хичи. Некоторые из них дерутся друг с другом. Другие крадут, убивают и насилуют. Нам необходима полиция, и суды, и законы, и какие-то законодательные

органы, чтобы издавать законы.

Главная забота Зигфрида фон Психоаналитика заключалась в том, чтобы снабжать всех иммигрантов предназначенными для людей вещами, которые можно получить только Снаружи, — и платить за эти вещи.

В этот момент все замолчали и выжидательно посмотрели на Клару.

Она улыбнулась — чуть печально, как будто именно этого ожидала.

— Почему бы и нет? — сказала она. — Зигфрид уже намекал на это, и он прав. Гипатия?

Корабельный мозг сразу стал видимым. Гипатия как будто переоделась ради общества. Платье ее стало еще нарядней, на пальцах кольца с огромным, необработанными рубинами и сапфирами. Она посмотрела на Клару.

— Босс, вызывали?

Клара вздохнула, но не стала упоминать, что Гипатия, несомненно, все время присутствовала, хотя и оставалась невидимой.

— Кажется, мы давно не говорили о моих деньгах. Они у меня еще есть?

— О, и немало. Вы знаете, большая часть того, во что вы вкладывали деньги, находясь Снаружи, испарилась — ведь прошло много времени. Но

были и очень удачные вложения. Например, в компанию «Жизнь После», которая сейчас процветает, или в ваш космический флот, или во все заводы и космопорты, обслуживающие этот флот. Все они тоже неплохо управляются.

— Отлично, — сказала Клара и отпустила Гипатию. — Тогда все в порядке. Мне хочется оставить несколько миллионов для себя — просто на всякий случай, но вообще-то я не пользуюсь своими деньгами. В конце концов, вряд ли я снова отправлюсь Наружу.

— Великолепно, — сказал, улыбаясь, Зигфрид. — Так и сделаем. И, если денег Клары не хватит, подумаем о налогах.

Прием почти кончился, поскольку все решения были приняты. Мгновение спустя Блестящий и Термослой попрощались и исчезли — «чтобы утвердить эти решения у сохраненных сознаний», как они выразились, — за ними исчез и Марк Антоний. Однако Зигфрид не собирался уходить. Он повернулся к Стэну и Эстрелле.

— Давайте поговорим. Что вы думаете?

Стэн нахмурился.

— О том, что здесь происходило? Я думаю, что нам здесь не место. Что я знаю об электронике, законодательстве и прочем?

Зигфрид воспринял вопрос буквально.

— Я бы сказал, примерно столько же, сколько другие органические существа знают в семнадцать лет.

— Почти восемнадцать, — сразу возразил Стэн, но Эстрелла опередила его.

— Мне двадцать четыре года, Зигфрид, — сказала она, — но я тоже знаю не много. Работники боен не учатся в колледжах.

— Верно, — согласился Зигфрид. — Но ведь вы больше не на бойне.

— Не вижу поблизости никаких колледжей.

— Вам не нужен колледж, Эстрелла. Вам нужно лишь обучение. А это можно организовать.

— Вы хотите сказать, что здесь, в Ядре, есть преподаватели?

— И немало. Но, что гораздо важнее, есть обучающие программы по любому курсу, какой вы только можете вообразить. Интересно?

— Наверно, — ответил Стэн, не очень убежденный.

— Я прослежу, чтобы вы получили информацию, — пообещал Зигфрид. Он встал. — О, — добавил он в легком замешательстве. — Еще одно. Я хотел бы попросить вас об одолжении.

Стэн сразу насторожился. Потом вспомнил

странный разговор с Достигающим и, внезапно что-то заподозрив, спросил:

— Это имеет какое-то отношение к спятившему хичи?

— Имеет, — признался фон Психоаналитик. — Знаете, вы двое уже очень помогли ему. Теперь я хочу попросить вас, чтобы вы сделали кое-что еще. — Он поднял руку, отвергая отказ. — Я знаю, что вы чувствуете, особенно вы, Эстрелла. Но вы единственный человек, которого он знает, — благодаря машине снов.

Эстрелла энергично мотала головой.

— Он меня ненавидит, доктор!

— Да. В определенной степени действительно ненавидит. Но он хочет преодолеть это, и вы можете ему помочь.

Стэн нахмурился.

— А чего вы от нас хотите?

— Проведите с ним какое-то время. Ну, если честно, довольно много времени. Вы будете видеться с ним ежедневно в течение нескольких недель…

— Недель?! — Голос Эстреллы дрожал. — Вы не знаете, каково это. Помните, мне известны все его чувства. Я знаю, до чего они отвратительны. Знаю, о чем он думает. И это невыносимо!

— Да, — согласился фон Психоаналитик. — И все же… ну… Не стану сейчас настаивать. Но подумайте над этим, пожалуйста.

Они говорили об этом, много говорили, снова и снова. Эстрелла утверждала, что от одной мысли об этом ее трясет.

— Конечно, — задумчиво сказал Стэн, — но нам не повредит, если мы окажем любезность Зигфриду, когда он об этом просит.

— Пожалуйста, не такую любезность. Может, как-нибудь в другое время, но не сейчас, когда я только привыкаю к счастью.

Эти слова весьма эффективно положили конец их спорам. А ночью в постели, держа Эстреллу в объятиях, Стэн думал о том, о чем редко думают семнадцатилетние.

Они нечасто думают о счастье.

Он думал о своем положении. Большинство семнадцатилетних, говорил он себе, были бы не слишком довольны, зная, что связали себя заботами о ребенке.

А он?

Как ни удивительно, кажется, он этим доволен. Насколько он может судить, он действительно счастлив.

Для Стэна это было совершенно новое ощуще-

ние. С тех пор как умерла мать, он не помнил и нескольких мгновений счастья.

А сейчас он счастлив.

II

Встречи с «Аистом», как всегда, завораживали; не менее волнующими — хотя и гораздо менее понятными — были картины Извне на экранах. Но самым большим удовольствием для обоих стало обучение.

Если Зигфрид фон Психоаналитик хочет, чтобы они учились, решили Стэн и Эстрелла, они не станут возражать, хотя школа — это не совсем то, чего они ожидали. Не ожидали они и таких учителей — вернее, того, что называли этим словом. Их учителем стал веселый пожилой мужчина — виртуальный, разумеется, — одетый в тогу. Первый урок он начал, небрежно сказав:

— Поговорим об экономике. Что вы думаете о деньгах? В первую очередь, какой смысл иметь их?

Когда Эстрелла предположила «покупать вещи», а Стэн добавил «чтобы нам могли заплатить за работу», пожилой человек улыбнулся, кивнул и спросил, почему это лучше, чем, скажем, бартер или, например, возможность всем производить и

брать все что угодно из мировых запасов.

К концу урока они поговорили о голландском безумии из-за тюльпанов в семнадцатом веке, о Великих депрессиях двадцатого и двадцать первого веков и еще о десятке других финансовых катастроф. Затем учитель сделал вид, что зевает. Посмотрел на воображаемые часы на воображаемом запястье и сказал:

— На сегодня достаточно. Я поработал с вашими экранами. Они покажут больше на эту тему, если захотите; просто скажите название, и экран будет показывать, пока вам не надоест. В следующий раз мы поговорим об истории. До встречи… — И, вежливо кивнув, он исчез. Кстати, он сказал, что его зовут Сократ.

Конечно, экраны выполняли его обещание. Стоило произнести «золотой стандарт», и на них появлялось золото всевозможного вида — от римских монет размером с таблетку до мокрого песка, упрямо просеиваемого усталыми бородатыми мужчинами во время золотой лихорадки 1849 года.

Когда они рассказали об этом Кларе, она сама захотела кое-что увидеть. Гипатия исполнила ее желание. Они смотрели, как возникают и гибнут империи, как войны уничтожают целые народы.

Чем чаще вспыхивали войны, тем меньше нравилось Кларе изображение. Затем, не говоря ни слова, она вышла из комнаты и не вернулась.

Гипатия осталась. Она молча наблюдала за молодыми людьми со своего места на диване. Стэн повернулся к ней.

— В чем дело? — спросил он.

Гипатия гибко пожала плечами.

— Клара не любит войны. — Она как будто решила на этом закончить, но передумала. — Вы когда-нибудь слышали о крабберах? Вероятно, нет. Это была негуманоидная раса. Они жили очень давно и почти истребили себя перед тем, как их звезда превратилась в новую и закончила за них эту работу. Ужасный народ, очень похожий на тех древних монахов, что убили мой оригинал. И вот, как раз когда она начала приходить в себя, случилось большое цунами.

— Верно, — сказал Стэн, довольный, что может что-то вспомнить. — То, что опустошило Калифорнию.

Гипатия пристально посмотрела на него.

— Цунами уничтожило много мест. И среди них личный остров Клары.

На этот раз припомнила Эстрелла:

— У нее там жили сироты, верно?

— Да, она предоставила кров многим детям, лишившимся родителей. Но это не все. Вероятно, вы не знаете, что Клара очень хотела иметь собственного ребенка. У нее на острове хранились яйцеклетки, и она надеялась найти подходящего мужчину, который мог бы оплодотворить их. Не нашла. Теперь яйцеклетки погибли вместе с островом. — Она помолчала, глядя на Эстреллу. — Думаю, поэтому она так возится с вашим ребенком.

— Черт возьми, — сказал Стэн. — Бедная женщина.

— Действительно, — задумчиво подхватила Эстрелла. — Со всеми ее деньгами. Бедняжка. В этом смысле мы с тобой, Стэн, очень богаты.

Дверь заворчала, когда они меньше всего этого ожидали. Посетителем оказался Достигающий.

— Отсутствовал, — сообщил он. — Теперь вернулся. Нужно срочно поговорить.

Удивленный, но пытающийся проявить гостеприимство Стэн усадил его на насест, предложил кофе (получил отказ) и спросил о новой семье гостя. Это как будто расстроило Достигающего.

— У меня нет «семьи», — ледяным тоном объявил он. — Для «семьи» требуется декларация о единстве. Я такой декларации не подавал. —

Потом он чуть смягчился. — Мой нерожденный ребенок в генеративном пространстве Соль тем не менее в полном порядке. Когда он родится, его или ее имя будет Пограничное Состояние. Пол? Неизвестен. Ребенок еще не решил.

Упрямо сохраняя вежливость, Эстрелла попробовала другой подход:

— А вы сами, Достигающий? Вы здоровы?

Достигающий немного подумал.

— Здоров? Вероятно, нет. Не полностью здоров, но… — он помахал длинными тонкими пальцами, — но что я могу сделать? Я был, скажем, сильно испуган долгим и вынужденным пребыванием среди вашей расы. Так что слово «здоров» не подходит. Чтобы стать здоровым, нужно обладать большим… как это опять по-вашему… единством. С другой стороны, — он нахмурился, — я здесь не для этих разговоров. Нужно обсудить, будете ли вы со мной общаться в соответствии с желанием искусственного разума Зигфрида фон Психоаналитика.

Эстрелла и Стэн переглянулись.

— Что вы об этом знаете? — спросил Стэн.

— Не очень много. Однако почти все. Например, мне известно, что вышеуказанный искусственный интеллект очень сильно хочет этого. И что

вы, два органических существа, сознаете свои обязательства перед ним. Какое-либо из этих утверждений неверно?

— Нет, — признался Стэн.

— Тогда вам следует согласиться с его желанием и сопровождать меня на космическом корабле, как хочет вышеуказанная личность. Подождите. Не отвечайте. Обдумайте также тот факт, что в моем распоряжении, к счастью, отличный космический корабль.

— Минутку. — Терпение Стэна иссякло. — Зигфрид ничего не говорил о космическом корабле. Он только сказал, что мы проведем какое-то время с вами.

Достигающий надменно улыбнулся.

— А как лучше провести вместе время? Только стать товарищами по полету. Особенно в таком корабле, с которым я только что познакомился. Теперь слушайте предложение. Если вы присоединитесь ко мне на вышеуказанном корабле, я отвезу вас на несколько интересных планет Ядра, где на каждой живут представители вашего вида. Не могу перечислить все планеты, достойные посещения. Включая Холодную Влажную планету у Бело-голубого солнца номер Сорок Четыре. Туда мать моей личности, конструктор пищевых фаб-

рик, привезла меня в молодости. Чрезвычайно интересно.

— И чрезвычайно холодно, — добавил Стэн.

— И много-много других, и на некоторых очень высокая температура. Вы понимаете, о чем я говорю? Тогда я прошу, чтобы вы, обдумав все факты, в особенности ясно выраженное желание указанного Зигфрида фон Психоаналитика, согласились сопровождать меня на протяжении, скажем, нескольких дней или недель.

Бросив на них последний проницательный взгляд, он исчез.

На протяжении следующих двух дней Стэн и Эстрелла говорили о многом — о развитии их нерожденного ребенка, о том, что у Эстреллы начали отекать ноги, о хмыканье, которое больше нельзя было назвать добродушным, о беременности Соль, учебных планах Сократа, замечательных блюдах Марка Антония и (но не в таком порядке) о приглашении Достигающего. Последняя тема легко могла бы стать главной, если бы не настойчивое стремление Стэна избегать ее. Обычно он в таких случаях отвечал:

— Послушай, Эстрелла, оставь это. Мне нужно время, чтобы подумать.

Но сколько бы времени ни давала ему Эстрелла,

он ничего не мог придумать. Наконец она сдалась и, раздраженная, села так, чтобы помешать ему улизнуть.

— Слушай, милый, писай или слезай с унитаза. Мы отправляемся или нет? — Она не дала ему возможности пожаловаться, что не было времени на размышления. — Это несложный вопрос, Стэн. Говори: да или нет. Ну так что? — И, видя, что он не отвечает, добавила: — Вот как обстоит дело. Мы не можем отказать Зигфриду в одолжении. Сейчас я себя чувствую хорошо — достаточно хорошо, чтобы вынести мысль об общении с Достигающим, и мне хочется увидеть других людей на других планетах — а я не вечно буду хорошо себя чувствовать. Так что либо мы отправляемся сейчас, либо очень долго не будем иметь такой возможности. Что скажешь?

Он нерешительно посмотрел на нее.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Ну… — сказал он. И добавил: — Хорошо. Думаю, мы можем это сделать.

16. Работа на Вэна

I

За долю секунды Орбис Макклюн — точнее, то, что осталось от Орбиса Макклюна, — обнаружил, что больше не принадлежит себе. Он стал собственностью этого спятившего придурка, Вэна Сантос-Смита. Затем — не через мгновение, сразу — его окружение радикально изменилось.

Вэна там не оказалось. Орбис был в кабинете с двумя окнами, с рисунками на стенах, толстым ворсистым ковром под ногами и невероятными гигантскими красными деревьями за окнами. Вместо Вэна перед ним находилась молодая женщина, казавшаяся затравленной, но очень привлекательная. Можно было бы даже назвать ее красивой, если вам нравится обилие косметики. Она сидела за столом красного дерева. На столе был информационный экран, табличка с именем «Роз Боралли» и ваза с единственной красной розой. Женщина, хмурясь, смотрела на Орбиса.

— Здесь говорится, что вас зовут Орбис Макклюн и что вы преп, — сказала она, глядя куда-то

в воздух над ним. — Что за преп?

Поучать в данной обстановке не годилось. Орбис ответил только:

— Это означает, что я проповедую Божье слово.

— Ха, — сказала она недовольно. — Что ж, теперь, мистер проповедник Божьего слова, вам придется научиться чему-нибудь полезному для Вэна. Вы ему понадобитесь, когда он займется этими парнями. Умеете пилотировать космический корабль?

— О каких парнях вы говорите? — спросил Орбис и тут же пожалел об этом. Женщина по имени Роз Боралли вздохнула и чуть шевельнула пальцем. Через мгновение Орбис бился в приступе дикой боли, какой ему никогда не приходилось испытывать: словно расплавленная лава текла по его спине, лицу, глазам и яичкам, поражая каждую частицу тела — виртуального, но явно способного ощущать боль, — где были нервы. Затем все кончилось.

— Видите? — небрежно продолжила женщина. — Так мы здесь работаем. Я спрашиваю — вы отвечаете. Понятно?

Орбису понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить, о чем она спрашивает.

— Пилотировать космический корабль? —

переспросил он, все еще тяжело дыша. — Нет. Никогда не приходилось.

— Но вы ведь в детстве играли в космические игры? Верно? — Когда он отрицательно покачал головой, она снова вздохнула. — Так скажите, что вы можете… например, чему вас учили в школе.

Он ответил на ее вопрос осторожно, не упуская ничего. Он окончил среднюю школу (нет, он не занимался спортом), потом два года проучился в колледже общины (история искусства, немного общей истории и один семестр введения в психологию). Лицо женщины все больше мрачнело. К тому времени, как он начал описывать четыре года, проведенные в семинарии, она жестом велела ему замолчать.

— Боже, — в отчаянии сказала она, — что нам делать с неумехами вроде вас? — Без всякой надежды она еще какое-то время изучала данные на экране, потом спросила: — Вы ведь из Иллинойса? А что делали в Калифорнии?

Он сразу ответил:

— Я занимался Божьим делом! Внушал грешникам, что они оскорбили Его. Укорял их за то, что они якшались с антихристом — с хичи. Учил, что Бог выбрал их для Своего ужасного наказания, и умолял раскаяться и спасти свои души. — Он

замолчал — не потому, что больше нечего было сказать, но потому, что женщина вдруг снова стала делать заметки на экране.

Она раздраженно посмотрела на него.

— Не останавливайтесь. Говорите еще о наказании. — Он снова заговорил, и говорил довольно долго. Женщина выглядела довольной. — Хм, — сказала она наконец. — По крайней мере, сердце на месте. Поговорим об этом позже.

И она исчезла…

…и опять — щелк-щелк — из одного места в другое, и женщина вернулась, но в другом платье, с другой прической и не одна. Рядом с ней стояла еще одна женщина. На этот раз не симпатичная. Как будто немного старше самого Макклюна, на голове бейсболка, из-под нее во все стороны свисают светлые, длиной в двадцать сантиметров, пряди. Хуже всего было выражение ее лица — смесь гнева и презрения. Она быстро и незаинтересованно осмотрела Орбиса и принялась разглядывать место, где они оказались.

А посмотреть стоило. Вокруг цвел розовый сад, стояли столы — тарелки и вазы с фруктами и мясом, сосуды с вином. Кусты роз были выше Орбиса и обступали его так тесно, что невозможно было понять, много ли тут места.

Однако он видел, что в этом роскошном саду под открытым небом очень мало мебели. Вернулся стол красного дерева, хотя вместо одной розы в вазе красовалось две или три дюжины. На столе по-прежнему был экран, а на нем изображение звезд. Рядом высокий шкаф красного дерева с закрытыми дверцами. За столом вращающееся кресло. Единственный стул в помещении лучше было бы назвать троном. Такой красоты Орбису не приходилось видеть. Словно сделанный из слоновой кости; а сиденье покрыто чем-то похожим на ткань, вышитую золотом. Стул пустовал. Орбис ни на мгновение не подумал, что этот стул предназначен для него или для женщины с локонами, так что им предстояло постоять.

Женщина за столом — как же ее зовут? Роз какая-то — посмотрела на него.

— Наверно, лучше вас представить, — сказала она. — Это, — кивок в сторону женщины с локонами, — Фригия Тодд. Она будет нашим пилотом. Не тесной маленькой торпеды, конечно, — добавила она с улыбкой. — Ее сможет вести де фон Вашингтон. Для нашей миссии Вэн предоставляет другой, гораздо больший корабль — этот.

Орбис машинально протянул руку Фригии Тодд. Та, казалось, призадумалась и только потом

решила ее пожать. Но он не обиделся. Его занимала Роз Боралли и ее слова. Что за «миссия»? Он снова и снова обдумывал услышанное, и ему потребовалось несколько мгновений, чтобы уловить наконец — «этот корабль»! Он в космическом корабле? Неужели тот, кто молился, садясь в самолет, сейчас в космосе?

Спустя мгновение эти вопросы перестали быть вопросами, потому что женщина Роз Боралли показала на экран.

— Вот здесь, — сказала она, — собственность Вэна. Мы должны ее отобрать.

Но ее дальнейших слов Орбис не слышал, потому что картина на экране менялась, расширялась. Планеты становились меньше, показалось солнце, яркое и грозное.

И не одно. На краю экрана появилась еще одна звезда — нет, еще несколько. Теперь их было с полдюжины, и неожиданно космическое пространство перестало казаться таким просторным.

Орбис знал, что это может означать лишь одно. Звезды расположены слишком близко друг к другу для любой части настоящей галактики. Он понял: что бы они ни делали, это будет внутри Ядра.

Внутри Ядра. В том самом месте, где живут эти воплощения невыразимого зла, про́клятые и проклинаемые хичи.

II

Потрясенный этим открытием, Орбис едва заметил, что Боралли снова заговорила. И только услышав свое имя, посмотрел на нее. Она враждебно смотрела на него и угрожающе держала руку возле чего-то на столе.

— Простите, — сразу сказал он. — Так вы говорите…

Она немного подумала и отвела руку.

— Я сказала, что вы двое можете оказать нашему великому другу и благодетелю Вэну Сантос-Смиту услугу. Поможете ему восстановить справедливость после того, как с ним так несправедливо обошлись. — Она встревоженно и боязливо, как показалось Орбису, посмотрела на трон. Тот по-прежнему был пуст, и она продолжила. — Хорошая новость, — сказала она, посылая им улыбку, свидетельствовавшую о многочасовых репетициях перед зеркалом, может даже со стоящим рядом режиссером, — Орбису Макклюну легко было распознать такую улыбку, потому что он и сам нередко обращался с нею к

недостойному миру, — вот хорошая новость: помогая Вэну, вы помогаете себе. И дело не только в плате. В гораздо большем. Взгляните на то, что в этом шкафу.

Она как будто не трогала никаких кнопок и не давала никаких сигналов, но, когда повернулась к шкафу, его дверцы раскрылись. Стали видны полки, уставленные хрустальными предметами, которые люди называли молитвенными веерами хичи.

— Узнаете? — спросила она. — Верно. Это ваши. Внутри этих штук записана вся ваша информация. Если бы они принадлежали вам, вы были бы сами себе хозяева. Что ж, хорошо поработаете на Вэна — и они ваши. Навсегда, — добавила она, вторично посылая такую же улыбку. Облизнула губы, снова посмотрев на пустой трон. Потом с вернувшейся улыбкой спросила: — Есть вопросы?

Орбис не знал, будет ли простое любопытство наказано болевым ударом по нервам, но он решил воспользоваться возможностью.

— Я хотел бы знать, чью собственность Вэн так стремится вернуть.

Женщина неожиданно посерьезнела.

— На этот вопрос я отвечу. Видите ли, — ска-

зала она, — еще маленьким бедным ребенком Вэн был брошен. Только забота и доброта небольшого общества индивидов позволила ему стать мудрым, справедливым лидером, каким он является сегодня. И что случилось с этими индивидами? — Лицо ее покраснело от гнева. — Их похитили Робинетт Броудхед и его банда головорезов! Забрали из их древнего дома и бросили в африканские джунгли! А когда Вэн сумел вернуть несколько этих индивидов, приспешники Броудхеда переместили остальных в Ядро и постарались спрятать их там! — Она замолчала, потому что женщина, которую она назвала Фригией, та самая, с локонами, вдруг вскочила.

— Вау! — воскликнула она. — Вы говорите о пещерных людях?

Фригия не объяснила, что она имела в виду. Не смогла. За неосторожным замечанием последовал болевой удар, и она закричала и задергалась.

Но Орбис понял, о чем она говорила. Эти… как же их называли? Австралопитеки. Лишенные души животные, которые, как утверждали неверующие, были прапрадедами человечества.

Это из-за них Вэн держит Орбиса Макклюна и остальных в проклятом состоянии жизни в смерти.

Больше Орбис ни о чем не успел подумать. Фригия продолжала кричать, и женщина с мрачным лицом выключила их…

…и в то же мгновение вернула, но совсем в другое место. Перед ними оказался человек, которого Орбис никогда раньше не видел.

— Расскажите мне, за что вы ненавидите хичи, — потребовал этот человек.

Это было еще одно пробуждение, одно из очень многих — и почти всегда одинаковых.

В целом Орбис Макклюн провел в рабстве у Вэна, насколько ему удалось определить, от двух до трех тысяч вечностей. У него было мало возможностей размышлять об этом. Когда его выключали, он не существовал. Абсолютно. Продолжительность таких периодов могла измеряться микросекундами или столетиями — в реальном мире, — но для Орбиса этого времени просто не было. Периоды «бодрствования» были одновременно скучными и утомительными. Утомительными, потому что это всегда оказывались интенсивные допросы; иногда их проводили та женщина или тот мужчина, иногда кто-нибудь другой из прихлебателей Вэна. А скучными, потому что вопросы все время задавались одни и те же. Он действительно ненавидит хичи? Сильно

ли он их ненавидит? Готов ли он причинить им серьезный ущерб, даже если одновременно это будет означать ущерб и для людей?

Всегда одни и те же вопросы или их незначительные варианты. И всегда одни и те же ответы Орбиса. Что означает, думал он, одно из двух. Либо его готовят к какому-то очень важному заданию, либо они все спятили.

И об этом у него не было времени думать — тем более о том, что происходит. Когда выдавалось свободное мгновение — например, когда допрашивающий сверялся с экраном, — у Орбиса возникали совсем иные мысли. Короткие воспоминания, беглые, иногда мучительные. Воспоминания о людях, с которыми он провел последние дни на холмах на границе опустошенной земли. О своих прихожанах в Рантуле, тех немногих из них, которых он не очень ненавидел. О детстве, в котором иногда бывали радостные моменты. И о жене.

О его жене, погибшей, заключенной в машину и потому навсегда для него потерянной. Или потерянной в те казавшиеся вечностью дни, перед тем как сам Орбис Макклюн оказался сохраненным машиной сознанием.

В следующий раз Орбис очнулся в помеще-

нии, напоминавшем конференц-зал, с дубовым столом, достаточно большим, чтобы вместить два десятка людей, хотя сидело за ним вдвое меньше.

Одним из этих людей был сам Вэн, добродушный и почти спокойный. Опершись локтями о стол, положив подбородок на руки, он, не глядя на Орбиса, изучал какие-то данные на экране. Орбис узнал также Фригию Тодд; все остальные были пожилыми, потрепанными и какими-то не располагающими к себе (в отличие от него самого, подумал Орбис). Все сидели в тревожном молчании, пока Роз Боралли что-то показывала на экране и шептала Вэну на ухо.

Наконец Вэн раздраженно оттолкнул ее в сторону. Осмотрелся, по очереди заглянув в глаза каждому за столом. И молчал, пока не завершил круг. Затем широко улыбнулся и сказал:

— Всем добро пожаловать! Отныне вы не купленные мной работники. Теперь вы мои доверенные союзники, товарищи в моей борьбе против проклятых грязных хичи и их проклятых грязных подельников с Врат. Мы вместе, и мы победим!

Он продолжал говорить, рисуя радужные картины богатых наград, которые все они получат за

участие в его крестовом походе, но Орбис вскоре перестал его слушать. Ему это было не нужно. Он все знал заранее, понял в тот самый миг, как увидел эту широкую, выработанную перед зеркалом улыбку, которой в прошлом сам так часто улыбался ненавистным людям.

Большая часть выступления Вэна была посвящена обличению хичи. Вэн сказал, что ненавидит их. Он ставил им в вину их грязный дар — космические перелеты, их ужасные пищевые фабрики, которые избавили от голода всех, даже самых недостойных. Короче говоря, он винил их во всех бедах века, в который жил, а этих бед — с точки зрения и его, и Орбиса — было множество.

Почти любое слово Вэна Орбис мог бы повторить и сам. Но как не обращать внимания на то, что этот человек явно спятил? Теперь Вэн говорил:

— Индивиды, составляющие мою собственность, очень дороги мне. Они заботились обо мне, когда я был маленьким, поэтому теперь я хочу позаботиться о них. Во всяком случае, они мои, и я хочу их вернуть.

Орбис смотрел на него. Чем на самом деле были эти украденные сокровища Вэна? Какие-то твари из далекого прошлого, задолго до Божьего

дара спасения? Орбис считал крайне маловероятным, чтобы они обладали душой. Он почти не сомневался, что все эти возможные предки не подпадали под всеобщую амнистию, следующую за Голгофой.

А значит, были недостойны заботы.

Орбис был потрясен. Одно дело ненавидеть хичи, потому что они осквернили Божий мир, мир людей. И совсем другое — мстить им за то, что они похитили несколько домашних животных.

И когда Вэн, вспотевший и торжествующий, закончил свое назидание и снова повернулся к экрану, Орбис решил, что с самого начала угадал. Этот человек — безумец.

Но даже величайший безумец рано или поздно доберется до сути. Добрался и Вэн.

— И вот тут вступаете вы. Вы не единственные, кто был набран за это время. Нет. Есть другие, великое множество других, но никто из них не достоин называться иначе, чем прислугой. А в вас горит огонь! — Орбис покосился на остальных. Они не показались ему воспламененными. — Вот ваши задачи. Хорас Паркер! — Седой щуплый мужчина, очень похожий на бездомного бродягу, поднял палец. — Синди… Гас… Как это, Синди?

Смуглая женщина со шрамом на лице сказала:

— Гаслакпард. Совершенно нормальное имя.

Вэн пожал плечами.

— Если вы так говорите. Когда мы вас высадим, вы организуете освобождение Древних, вместе с… как его там, Раффи или что-то в этом роде. Вашим товарищем арабом.

Встал маленький мускулистый человек, похожий на выходца с Ближнего Востока.

— Я египтянин, а не араб. Меня зовут Раафат Гергес.

— Ну, все равно. Вы, ребята, загоните Древних в корабль, поняли? Можете слегка поколотить их, не бойтесь. Они крепкие. — Люди за столом закивали или ответили жестами и исчезли. Остались только Орбис и женщина с голландскими локонами.

Вэн обратился к ним с одной из своих ослепительно-бессмысленных улыбок.

— Теперь мы переходим к нашим звездам, к тем, кто позаботится, чтобы никто не мешал спасать Древних, — сказал он, до того довольный собой, что едва не приплясывал. — Понимаете, мы отвезем их туда, где нас не смогут остановить. А если попытаются… — Он помолчал и взглянул на Роз Боралли. — Он успевает? — резко спросил он.

— Ждет на орбите, — ответила она. — Сейчас выведу на экран. — Через мгновение на экране показалась неприветливая, цвета голубого льда планета с большим спутником. Все молча смотрели на экран. — Сейчас, — сказала Боралли, на лице ее появилось встревоженное выражение. — С минуты на минуту. Совсем скоро… Есть! Вот оно!

На экране крупный спутник неожиданно разбух, увеличился и разлетелся во все стороны. Теперь это был не единичный объект, а расширяющаяся сфера частиц.

Вэн улыбался.

— Получилось, — похвастал он. — Вы не поверите, как трудно найти устройства для такой работы, но дело того стоило. Мы взорвали эту штуку, просто чтобы дать им урок, потому что, если кто-нибудь попробует причинить нам неприятности, когда мы будем спасать Древних, мы взорвем целую большую звезду и убьем при этом несколько миллиардов.

На этот раз он улыбался искренне, словно ожидал аплодисментов. Спустя мгновение он их получил, причем начала Роз. А Вэн вернулся к своей теме:

— Фригия Тодд! Ты будешь пилотировать

корабль. Ты ведь подготовлена. Верно? Справишься?

Женщина с прядями пожала плечами.

— Наверно.

Вэн нахмурился.

— «Наверно» мне недостаточно. После того как мы спасем Древних, ты, Фригия, отведешь корабль туда, где Орбис сможет вывести свою маленькую торпеду на… Сейчас посмотрим. К Лишенной Планет Очень Большой Белой Очень Горячей звезде. Это ее мы взорвем… то есть я хотел сказать, будем угрожать взорвать. — Он немного помолчал и продолжил: — Ну, хорошо. Потом ты, Фригия, доставишь нас туда, где нас никогда не найдут. А ты, Орбис, останешься на орбите звезды в своем маленьком корабле и будешь ждать моих приказов. Если я прикажу, ты взорвешь звезду. — Он бурно зааплодировал себе, к нему присоединилась Роз Боралли, а затем — не так быстро и энергично — большинство остальных. — У кого вопросы?

Орбис собирался спросить, но его опередила Фригия Тодд:

— А почему я поведу корабль? Что случилось с парнем, который взорвал луну?

Лицо Вэна исказила мрачная усмешка. Орбис

увидел, что тело Фригии напряглось в ожидании удара. Но Вэн расслабился и подарил еще одну свою излишне широкую улыбку.

— Уилл Барендт… — сказал он. — Жаль. Он не вкладывал в работу душу, поэтому я ему сказал, что с ее окончанием его контракт тоже закончится. — Он скромно пожал плечами. — Говорят, я слишком мягок, но что поделаешь! Он увел свою торпеду и сейчас, наверно, направляется в салун на планете Пегги. — Вэн осмотрелся, проверяя, не усомнился ли кто-нибудь в его словах.

— То же самое вышло с Ферди Гроссматтером, после того как тот взорвал звезду Фомальгаут, — вставила верная Роз Боралли.

Вэн снова нахмурился. Потом заговорил:

— Во всяком случае, ты должен запомнить это, Орбис, на случай, если то, что произошло с луной, не заставит их затихнуть и поджать хвост. Понял? Все знают свою роль?

Орбис поднял руку.

— Я не знаю. Как я взорву эту звезду?

Вэн усмехнулся.

— О, Роз тебе покажет. Вероятно, покажет и кое-что еще. Думаю, все. Можете теперь заняться тем, что имеете право делать. Пока. — Он хлопнул в ладоши, окружение Орбиса растаяло и поплыло,

резкий белый свет смягчился, стол и стулья ушли вниз и исчезли.

Орбис снова оказался в саду. Он стоял у стола, ломившегося от еды и напитков, а рядом с ним на широком мягком диване полулежала женщина. Это была та же женщина, что всегда, Роз Боралли, но одетая иначе, в почти прозрачное платье. Волосы были распущены, и выглядела она ослепительно.

— А вот и вы, Орбис, — сказала она. — Я то, что можно назвать авансом. Что бы вы хотели со мной сделать?

Как ни соблазнительна она была, то, что она предлагала, не интересовало Орбиса Макклюна.

— Как взорвать бомбу? — спросил он.

Она обаятельно улыбнулась.

— Послушайте, — сказал она. — Я вам все это покажу. Но не хотите ли вначале немного развлечься?

Искусственный интеллект не нуждается в еде, питье, отдыхе и сне и определенно не нуждается в сексе. Впрочем, это не значит, что он не может всем этим наслаждаться, если есть возможность.

Не секс привлекал Орбиса, а еда. Он не мог вспомнить, когда в последний раз ел — хотя бы виртуально. Этого ему определенно не хватало

— и довольно давно. Он не стал терять времени и принялся опустошать стол, а женщина подливала ему напитки. От вина он отмахнулся, с готовностью принял фруктовые соки, холодное сладкое молоко, а затем и горячий кофе. Все было великолепно. С тех пор как проклятая статуя упала ему на голову, он не испытывал ничего подобного, но один аспект происходящего его тревожил. Сама женщина.

Ей было мало подливать ему напитки и нагромождать на тарелку все новые яства. Она все время оказывалась слишком близко от него, постоянно прикасалась к нему — и не только руками; она наклонялась над ним так, что ее твердые, превосходной формы груди ласкали ему плечо; ее длинные волосы гладили его лицо, и он был абсолютно уверен, что она дышит ему в ухо.

— Пожалуйста, не делайте этого, мисс Боралли, — попросил он, отодвигаясь на метр. — Вы очень привлекательная девушка, но…

Орбис был не очень силен в вежливых выражениях и не знал, что сказать вслед за этим «но», не назвав девушку шлюхой. Но она быстро разобралась.

— Спасибо на добром слове, — сказала она ему на ухо. На самом деле она не дышала ему в

ухо; он отчетливо понял, что она кусает его ухо полными мягкими губами. — Спасибо за то, что считаете меня привлекательной, но я способна на гораздо большее. Я — маленький подарок вам от Вэна. В течение следующих двухсот миллисекунд можете делать со мной что угодно. Все, что вам понравится. — Продолжая говорить, точнее шептать, она постепенно меняла положение так, что они оказались лицом к лицу, губы к губам, и он шарахнулся, почувствовав прикосновение ее теплого влажного языка.

— Перестаньте! — резко сказал он. — Я не вступаю во внебрачные связи!

Она на несколько сантиметров отвела голову, разглядывая его. Ее дыхание на его лице было теплым и сладким, в глазах — изумленное выражение.

— Никогда? — спросила она. — Я хочу сказать, что сейчас нас никто не видит, насколько мне известно.

— Бог видит! — строго ответил он, глядя ей в лицо.

Она откинулась, разглядывая его. Потом вздохнула.

— Какая жалость, что все интересные парни оказываются геями, — сказала она.

— Я не гей, — начал он, но остановился. Ее мнение ничего для него не значит, и нет смысла отрицать то, что, как ему известно, неправда. — Займемся делом, — сказал он. — Расскажите мне о бомбе.

Она вздохнула и махнула рукой. Сад с цветами исчез, и они оказались, увидел Орбис, в рубке космического корабля.

— Ну хорошо, — сказала женщина, сдаваясь. — Видите вот этот рычаг? Толкните его вперед, и ваша торпеда двинется в эту сторону. Поверните в другую сторону — вот так, понятно? Теперь видите кнопку под экраном? — Орбис видел ее — размером с его кулак, красная, с надписью «кнопка». — На самом деле это не кнопка. Рычаг тоже ненастоящий, потому что вы не могли бы его коснуться. Все это называется сервомодулями, но, если вы нажмете на кнопку, работать будет так, словно все реально. И это взорвет звезду. Только — обратите особое внимание на эту часть — не нажимайте, пока Вэн лично не отдаст приказ. Ясно? Вы поняли?

Вопрос не казался риторическим, поэтому Орбис ответил:

— Да, понял.

— Да уж, вам лучше понять. Хорошо. Пока…

Это все, что она сказала. Голос ее замер, тело раздулось и разбухло, накрытый стол взлетел и завертелся вокруг Орбиса; и он оказался в пилотской рубке совсем другого корабля. Единственным человеком здесь, кроме него, оказалась светловолосая Фригия Тодд. Она неловко сидела на одном из насестов хичи и молчала.

Орбис сделал усилие. Протянул руку для пожатия и сказал:

— Привет. Я преподобный Орбис Макклюн.

Она подняла голову, не обращая внимания на протянутую руку.

— Я знаю ваше дурацкое имя. Слушайте. Вы поняли, что произойдет, когда вы нажмете на кнопку?

Он нахмурился.

— Я только что сказал, что понял. Звезда взорвется. Вы это имеете в виду?

— Да. Именно это. Это устройство нейтрализует тяготение звезды, а это означает — догадываетесь?

— Звезда взорвется? — предположил он.

— Вот именно, — презрительно сказала она. — Так взорвется, что все поблизости погибнут. Как это произошло с Уиллом Барендтом, когда он взорвал луну. Вы ведь не поверили, что Вэн осво-

бодил его? То же самое будет и с нами.

Орбис удивился:

— Но мы уже мертвы.

— Идиот. Мертвы только наши тела. Помните, наши устройства отправляются с нами, и если корабль взорвется, что, по-вашему, их ждет? — Она серьезно кивнула. — Так что мы умрем по-настоящему. Мы будем очень мертвы, мистер преподобный Макклюн. Поэтому, что бы он ни говорил, если вы не хотите умереть навсегда, не трогайте кнопку!

Он, мигая, посмотрел на нее.

— Вы хотите сказать — мы станем мертвыми Мертвецами?

— Именно. Абсолютно мертвыми. Не живыми ни в какой форме. Вы мертвым встретитесь со своим Создателем. Перережете нить жизни.

Он молча смотрел на нее какое-то время. Потом сказал:

— О! Я понял.

17. На корабле Достигающего

I

За время, что Эстрелла и Стэн здесь находились, — сколько его прошло? месяц или два, — космопорт на Лесистой планете не изменился, но вот о космическом корабле, который их ждал, этого сказать нельзя было. Корабль определенно был другой. Металлический, конечно, но не из земного серебра или голубого металла хичи. Передняя его часть была сверкающей, ярко-малиновой. Середина — светло-зеленая, как медовая дыня, а задняя часть — вот ее трудно описать, она постоянно менялась. По форме корабль напоминал причудливого спрута с большим количеством маленьких плавников у носа и извивающихся щупальцев на хвосте. Огромного спрута.

Достигающий, едва не подпрыгивая от радости, ждал их на посадочной площадке.

— Добро пожаловать! — воскликнул он. — Всем вам, вместе и каждому в отдельности, я говорю: «Добро пожаловать!» Как видите, к счастью, в моем распоряжении великолепный корабль. Совершенно новый! Очень быстрый! И очень

маневренный, потому что, как видите, хотя это и межзвездный корабль, он может летать и в планетной атмосфере. А сейчас прошу на борт. — Он пошел перед ними, ловко двигаясь спиной вперед, чтобы продолжать разговор. — Разве он не великолепен? — с гордостью спрашивал Достигающий. — Конечно, это совершенно новый корабль, это и так понятно. И, — он прыснул, — полностью принадлежит мне. Теперь можете спрашивать. Вы поняли, почему корабль — такое чудо техники? Потому что вне Ядра за последние столетия их времени изобрели новый космический корабль — должен добавить, изобрели конструкторы моего вида, не вашего, конечно. Этот корабль предоставлен мне, второму пилоту и двум пассажирам потому, — добавил он, — что мне необходимо провести какое-то время вместе с представителями вашего этноса. Эта необходимость вызвана моими предыдущими ошибками, о которых вы знаете.

Стэн вообще ничего не знал. Он думал, на самом ли деле хочет участвовать в этой необычной терапии; еще он думал о том, почему этот спятивший обходится без вооруженной охраны. И тут заговорила Эстрелла:

— Значит, вам дали корабль, чтобы вам стало

лучше? — спросила она.

Достигающий нерешительно замахал пальцами.

— По этой причине, да. Существуют и другие причины: искусственный разум Зигфрид фон Психоаналитик, которому вы нравитесь, хочет, чтобы вы осмотрели планеты.

— Хм, — сказал Стэн, слегка удивленный и слегка смущенный. А Эстрелла спросила:

— Он определил и наше расписание?

— Действительно, — подтвердил Достигающий. — Хотите знать, как называются планеты, которые мы посетим? С удовольствием расскажу. Их пять. Номер один — Исключительно Влажная планета в Двойной Бело-желтой системе, где вы погостите у представителей вашего этноса. Номер два — Маленькая, но Плотная планета у Яркого Желтого солнца номер Восемьдесят Три, где вы тоже нанесете визит личностям того же этноса. Номер три…

Но название номера три говорило Стэну не больше, чем два предыдущих. И когда Достигающий прошелся по всему списку из пяти планет, Стэн знал не больше, чем вначале. А знал он, что проголодался, и, когда сказал об этом Достигающему, тот проявил радушие:

— Конечно. Сейчас мы все трое поедим и за едой продолжим беседу, как предписывают правила приличия.

Эстрелла спросила:

— А кто же поведет корабль? Разве не вы?

— Я? Нет. Другая личность, которая должна научиться управлять кораблем. Но не все время. Подождите. По пути к месту еды мы минуем операционную каюту, где происходит управление кораблем. Сюда. Теперь сюда. Теперь сюда. Посмотрите, — сказал он, открывая дверь. — Сейчас управление осуществляет второй пилот, приданный мне для удобства и обучения, так что мы уже на орбите.

Когда тот, кто был у приборов, поднял голову, Стэну он показался знакомым. И тут же Эстрелла закричала у него над ухом:

— Соль! Это действительно ты?

Это была Соль. Она помахала рукой, дружелюбно — и с сожалением, потому что Достигающий уже уводил их. Он сказал, что ей нельзя оставить приборы — не потому, что это как-то отразится на полете корабля — пилотирование осуществляется полностью автоматически, — но потому, что он так приказал.

— Она по сравнению со мной совершенно

неопытна, — сказал он, пренебрежительно пожимая плечами, — у нее всего два года и месяц практики, так что она нуждается в уроках опытного командира корабля — такого, как я.

У Эстреллы возник вопрос:

— Не связано ли ее назначение с тем, что она носит вашего ребенка?

— Ни в малейшей степени! По крайней мере, я так считаю. Упомянутый вами факт не дает ей никаких преимуществ. Теперь. Вот комната для еды! Давайте наслаждаться отличной едой!

Легко сказать. На этом новехоньком корабле не было персонализированной службы доставки еды, к которой приучил их Марк Антоний. Когда Эстрелла как можно тактичнее упомянула об этом, Достигающий удивился.

— Пища здесь во всех отношениях пригодна для еды, — сказал он. — Поэтому ешьте!

Они послушались и съели достаточно разноцветных желе, хрустящих ломтей и мягких паст из пищи CHON, чтобы утолить голод, но радости это им не доставило. Особенно потому, что Достигающий все время болтал.

— Но, возможно, я занимаю слишком много времени в беседе, — сказал он наконец, скромно поджав губы и показывая, что на самом деле так

не думает.

— Вовсе нет, — солгал Стэн. — Но мне интересно, долго ли продлится наше путешествие.

— О, не слишком, — заверил Достигающий. — Все пять систем расположены очень близко друг к другу, по этой причине их и выбрали. Так что я не успею вам надоесть, — закончил он, засмеявшись ужасным смехом хичи, пытающегося смеяться по-человечески.

Ни Стэн, ни Эстрелла ничего не ответили на это и сослались на усталость, чтобы избежать дальнейшей беседы. Достигающий показал им их каюту.

Она тоже не соответствовала стандартам, к которым они привыкли в Слюдяных горах Лесистой планеты. Кроватями служили ящики хичи. На стенных экранах видно было множество изображений; некоторые из них, вероятно, представляли интерес для хичи, но оставались совершенно бессмысленными для Стэна и Эстреллы. Сидений, подходящих для человека, не было, но Достигающий осмотрел помещение с гордостью владельца.

— Великолепно обставлено, — сообщил он. — Даже ваш багаж уже доставлен, включая этот предмет рядом с душем.

Он показал на прямоугольный ящик, голубой и совершенно незнакомый Стэну. Стэн покачал головой.

— Это не наше. Все, что мы взяли с собой, уже в шкафах.

— О, — нахмурившись, сказал Достигающий. — Должно быть, это принадлежит Соль. Это означает отрицательное замечание в отчете о ее подготовке. Я в этом уверен, потому что сам его сделаю. Возможно, эту ошибку можно объяснить тем, что она начинала подготовку не в самом подходящем месте, а Снаружи.

Эстрелла с интересом взглянула на него.

— Я не знала, что Соль была Снаружи.

— Действительно была. Два года и один месяц, как уже сказано выше. Провела там почти целую ночь Ядра, а вернулась потому, что приближалось время оплодотворения. — Он покачал головой. — Видите, что бывает, когда тренируют другие. Теперь можете поспать, потому что мы рано прибываем на Исключительно Влажную планету Двойной Бело-желтой системы.

— Итак, — сказал Стэн, когда дверь закрылась и он неловко сел на край одного из ящиков, — что думаешь, Стрелл? Мы совершили ошибку, согласившись лететь с ним?

— Слишком рано говорить об этом, милый. И если мы уж навестим человеческие колонии, то там, наверно, есть и человеческая пища, верно? А еще мы сможем там одолжить несколько стульев и прочее.

— Эй, — сказал, неожиданно повеселев, Стэн. — Может, и сможем. Как насчет немного поспать? Каким ящиком воспользуемся?

— Каждый своим, — твердо ответила она. — Не знаю, заметил ли ты, но здесь на двери нет замка.

Исключительно Влажная планета Двойной Бело-желтой системы полностью соответствовала своему названию. То есть она определенно была влажной. Девяносто процентов ее поверхности занимал океан, а три больших земельных массива усеивали крупные озера.

На Исключительно Влажной планете располагались три разные человеческие колонии, все на самом большом массиве суши и две из них — на берегах одного и того же озера, что облегчало сообщение. Прибывших ждал небольшой самолет, двенадцатиместный, хотя на этот раз летели только Стэн, Эстрелла и Достигающий. Стэн был озадачен, не найдя никаких признаков пропеллеров или двигателей, но, оказавшись

внутри, с удовольствием заметил, что половина пассажирских сидений снята и заменена более подходящими для человеческой анатомии.

— Этой машиной преимущественно пользуются человеческие личности, — сообщил ему Достигающий. — Каждый день прибывает от шестнадцати до двадцати четырех новых поселенцев, и это число все увеличивается. Садитесь, пожалуйста. Самолет сейчас взлетит.

Заработали двигатели. Вот уж это Стэн услышал — они издавали пронзительный вой. Когда шум достиг максимума, самолет вздрогнул, подпрыгнул, и Стэн увидел: земля круто уходит вниз. То, что он видел, не очень походило на то, что можно увидеть с самолета на Земле: ни обработанных полей, ни городов. Если внизу и жили хичи, они, согласно своему обычаю, скрывались под поверхностью и потому были невидимы.

Зато было очень много воды — блестящие змеи рек и затененные деревьями зеркальные пруды. Но Стэна это зрелище быстро утомило. Он почувствовал, как закрываются глаза, но стоило ему уснуть, как самолет повернул и стал опасно быстро снижаться. Они сели у самого большого озера.

Их встречало почти все население новой человеческой колонии, несколько сот человек. Все

радовались гостям и были слегка разочарованы, узнав, что те не останутся надолго. Они рассказали Стэну и Эстрелле, что вся группа недавно покинула планету Пегги, которая стала слишком перенаселенной. Так, по крайней мере, понял Стэн, с трудом, потому что все говорили одновременно. Да и общаться с колонистами оказалось нелегко. Они прилетели в Ядро недавно, а значит, оставили Снаружи то, что было совсем незнакомо Стэну и Эстрелле. За многие столетия английский язык усвоил множество слов не только из китайского, арабского, польского и других языков людей, но, возможно, и из языка хичи. А может, и нет.

Достигающий был в таком же затруднении.

— Возможно, это язык, — сказал он, — но я лично его не понимаю. А вы, Стэн? Говорили на этом языке с этими личностями? — Когда Стэн отрицательно покачал головой, у Достигающего вырвалось то, что у хичи служит эквивалентом вздоха. — Может, лучше отправиться в другое место, — уныло сказал он. — Тут у нас не получается.

Следующая колония, греческая, просуществовала в Ядре уже почти двадцать дней — вполне достаточно, чтобы начать сооружение церкви и

школы. Но здесь было слишком мало говорящих по-английски. Тот, кого вызвали с поля, где он высаживал саженцы олив, говорил неплохо и в свое время учился в МТИ, Массачусетском технологическом институте. Но в греческой части Крита, откуда они все явились, не было особой нужды в инженере-технологе.

— Это все из-за турок, — объяснил он, качая головой. — Все время у них дети, и дети, и дети. Нас просто вытеснили с острова, поэтому мы и улетели.

Эстрелла нахмурилась. Она прошептала Стэну на ухо:

— Разве ты?..

— Нет на самом деле, — ответил он тоже шепотом. — Давай уносить отсюда ноги.

В третьей колонии жили азиаты — преимущественно китайцы и корейцы, и у них благодаря Марку Антонию было много еды. Стэн и Эстрелла не всегда могли узнать блюда, но наслаждались ими. И это не все.

— Не останетесь ненадолго? — спросила принимавшая их женщина. И расстроенно добавила: — Нет? Печально. Не хотите еще супа?

Они хотели. Вообще они бы с радостью остались еще на два-три обеда, но Достигающий объявил:

нужно следовать расписанию.

— Двигаемся хорошим темпом, — сказал он. — Одну планету посетили, осталось четыре. Разве не весело?

Что ж, им было действительно весело, даже Стэн вынужден был это признать. Эстрелла нисколько не уставала, ее не тошнило. Ей не хватало только общества Соль, с которой ей хотелось обменяться наблюдениями за ходом беременности. Но Достигающий не позволял.

— Вопрос: какие три вещи необходимы для хорошей подготовки пилота? — требовательно спрашивал он. — Ответ: тренировка, тренировка и тренировка. — И поэтому Соль все время вела корабль, а когда они садились на планету, оставалась в пилотской рубке на всякий случай (какая именно опасность могла их ожидать, никто сказать не мог). — Но, — милостиво добавлял Достигающий, — вы от этого никак не страдаете, ведь в моем лице у вас уже есть достойный спутник и собеседник.

Маленькая, но Плотная планета у Яркого Желтого солнца номер Восемьдесят Три опять продемонстрировала умение хичи давать точные названия. Когда они садились, Эстрелла пожаловалась:

— С этим океаном что-то не так, Стэн!

«Не так» означало, что такого близкого горизонта им никогда не приходилось видеть. Однако люди — обитатели планеты, хотя их было немного, — оказались гостеприимными. Стэн даже пожалел их: жизнь на этой маленькой планете предоставляла мало возможностей новичкам. Все две или три сотни иммигрантов пришли встречать их и немедленно пригласили на обед.

Маленькая, но Плотная планета стала казаться Стэну все более приветливой, но Достигающий забеспокоился.

— Мы серьезно опаздываем, — сказал он. — Возвращаемся на корабль для немедленного отлета.

Стэн проглотил комок CHON-пищи.

— Почему? Мы только что прибыли.

— Тем не менее. — Достигающий был непреклонен. — Таково мое намерение.

Эстрелла была тактичнее.

— Но правда, Достигающий, перед нами целая планета, а мы видели лишь ее небольшой уголок…

— Остающиеся ее уголки не представляют дополнительного интереса. Напоминаю! Я командир космического корабля и, следовательно, всех групп, высаживающихся на планеты. К тому

же я должен проверить, как выполняет возложенные на него обязанности второй пилот.

Эстрелла возмущенно взглянула на него:

— Вы собираетесь шпионить за ней?

Достигающий не ответил.

— Никаких споров. Мы возвращаемся немедленно.

Но, когда они вернулись на корабль, Стэн начал подозревать, что опасения Достигающего оправданны.

Соль на ее посту в рубке не было. Не было и никого другого. Рубка была пуста, только кто-то перенес в нее непонятный голубой ящик. Достигающий пришел в такую ярость, что хоть вяжи его.

— Не только отсутствует, но и захламила помещение рубки! Это будет отражено в ее пилотском досье! Пойду поищу — для выговора и обсуждения ошибок.

Эстрелла удержала его:

— Минутку, Достигающий. Куда мы направляемся?

Он топнул, мышцы его живота дико дергались.

— Вы не должны мешать применению власти! Почему вы меня задерживаете? Мы идем в спальную каюту второго пилота, где она должна

находиться. Идемте!

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как внезапно застыл. Волоски у основания его черепа встали дыбом; казалось, Достигающий к чему-то принюхивается.

— В чем дело? — спросил Стэн, неожиданно встревожившись.

— Тише! Ждите! — приказал Достигающий, поворачивая голову из стороны в сторону. — О, какое необъяснимое событие! Разве вы не чувствуете? Корабль в полете! Стойте неподвижно! — Сам же он повернулся и бросился к приборам.

Стэн ничего не чувствовал, Эстрелла тоже, но на экранах рубки действительно видно было движение. Достигающий что-то бормотал про себя — не по-английски, пытаясь работать с приборами. Руки его на большом узловатом колесе напряглись. Взбухшие мышцы свидетельствовали, что он старается изо всех сил, но колесо не двигалось.

И тут позади кто-то вежливо произнес:

— Бесполезно. Мы взяли управление кораблем на себя.

Стэн обернулся. У закрытой двери стоял пожилой человек, которого только что здесь опре-

деленно не было. Неряшливо одетый, давно не бритый, и в руках у него была короткая палка.

Достигающий вскочил и молча бросился на вошедшего. Но ничего не добился: он прошел прямо сквозь тело незнакомца и ударился о стену.

— Дьявольщина, — жалобно сказал незнакомец, — разве я не сказал, что все бесполезно? Вы не можете тронуть меня, потому что я виртуальное изображение, понятно? И ничего не сможете сделать с приборами, мы их блокировали. Ваш корабль реквизирован Вэном, и теперь я попрошу вас уйти в другое помещение, чтобы вы нам не мешали, ладно? Мы не причиним вам вреда — если, конечно, вы нас не вынудите.

Достигающий встал и снова нацелился на изображение. Однако далеко не прошел. Незнакомец направил на него палку. Из нее ничего не вылетело, зато из ящика показалась яркая зеленоватая искра, и, когда она попала в Достигающего, тот растопырил руки и ноги, испустил дикий крик и упал на пол.

— Видите, — терпеливо сказал незнакомец, — нет смысла доставлять нам неприятности, потому что в таком случае мы причиним вам боль. Гораздо более сильную, чем эта. Так что в сторонку, пожалуйста; вероятно, мы отпустим вас, после

того как освободим остальных. К тому же вы все равно ничего не сможете сделать.

II

Каюта очень походила на ту, в которой жили Стэн и Эстрелла. Только все экраны со стен были сняты, а у дверей ждала Соль. Она встретила их с облегчением и, пожалуй, с легким удовлетворением.

— Кто-нибудь из вас ранен? Нет? Они и со мной так обошлись, только боль была не очень сильная. А как вы?

Достигающий проверял все выходы. Стэн ответил за всех:

— Достигающий получил дозу. — Он повысил голос: — Как вы, Достигающий? Очень больно?

Достигающий не оглянулся.

— Очень, — сказал он, затем сделал знак молчать и выглянул из двери. Потом капитанским голосом произнес: — Соль!

Она повернулась к нему:

— Да?

— Ты уверена, что все выходы раскрыты?

Она терпеливо ответила:

— Это так, Достигающий; оказавшись здесь, я сразу проверила. Однако не пытайся выйти, пото-

му что всякий раз тебе будет причинена сильная боль — в лучшем случае.

Он скептически посмотрел на нее.

— Ты знаешь это из собственного опыта? Хм. Тем не менее боль — это только боль, целеустремленная личность может ее игнорировать.

— Неверно, Достигающий. — Соль помахала пальцем. — В первый раз — сильная боль. Во второй раз — еще более сильная боль. В третий раз потеря сознания от боли. Считаю, что четвертый раз приведет к прекращению жизни, но не могу подтвердить экспериментально, поскольку сама не делала четвертой попытки.

Достигающий вернулся в каюту, нерешительно потирая мышцы груди.

— Но это только предположение. Как можно утверждать, если ты не проверяла?

— И не пытайтесь, — посоветовал дружелюбный голос от двери, от которой только что отошел Достигающий. Когда Стэн повернулся, он увидел еще одного нематериального и незваного гостя, на этот раз женщину. Она поразительно хорошо выглядела и была не слишком одета — в платье с глубоким декольте и с ромбовидным вырезом на животе. — Леди-хичи совершенно права, милый. Меня зовут Синди Гаслакпард. Можете называть

меня Синди. Я сохраненное сознание, как и все мы в этой лоханке, так что не вздумайте наброситься на нас, когда мы отвернемся. Вы не сможете причинить нам вреда, а мы всегда начеку.

Она вошла в комнату, бросила любопытный взгляд на Эстреллу и восхищенный — на Стэна.

— Учитывая, что ты полностью натуральный, — сказала она ему, — ты совсем не так уж плох. Но я здесь по делу. В любую минуту на экране может появиться Вэн, он заранее предупредил, что хочет, чтобы вы смотрели, так что не делайте глупостей. Хорас включил экраны, и вам лучше смотреть. Понятно? — Она осмотрела всех четверых, словно воспитательница детского сада, проверяющая, все ли вымыли лица и причесались. Взгляд ее остановился на Эстрелле. Женщина несколько мгновений задумчиво разглядывала ее. Потом сказала: — Милая, хочу тебе сказать: совсем не обязательно так выглядеть. Если согласишься на сохранение сознания, можно поправить твое лицо.

И — хлоп — исчезла.

Все экраны одновременно осветились. Достигающий устремился к ним. Если он полагал увидеть человека, о котором говорила Синди, то его ждало разочарование: на всех экранах картинки были

разные. На двух — космический корабль странной конструкции, незнакомый Стэну. Третий и четвертый показывали разные звезды или два разных вида одной и той же звезды. Одна была такая яркая, что свет ее казался голубоватым; другая лимонно-желтая, похожая на Солнце. Пятый экран…

Но у Стэна не было возможности увидеть, что на пятом, — на всех экранах замелькали вспышки ярко-зеленого света; раздался пронзительный крик. На экранах теперь виднелась только внутренность одного из странных кораблей. Сообщение на языке хичи ничего не сказало Стэну и Эстрелле, зато оба хичи сразу начали кричать друг на друга. Стэн закричал Соль:

— Что случилось?

Соль буквально ломала свои длинные костлявые руки. Заговорить ей удалось лишь с третьей попытки:

— Сообщают об ужасном происшествии, грозящем полным уничтожением. Вот! Посмотрите на экраны!

Изображение корабля исчезло со всех экранов. Его сменило человеческое лицо, которое Стэн видел раньше и сразу узнал, еще до того, как человек назвал свое имя.

— Я Вэн Энрике Сантос-Смит, — обратился к ним человек — на английском языке! — Вы незаконно захватили принадлежащую мне собственность. Я говорю о пятидесяти четырех людях, содержащихся в плену на планете, которую вы называете Планетой Одной Луны у Светло-желтого солнца номер Четырнадцать.

— Стэн? — прошептала Эстрелла. — Что с этой картинкой? Почему она так трясется?

Стэн покачал головой: Вэн продолжал говорить.

— Я открыл этих людей, — воинственным тоном продолжал он. — Они мне нужны. И вот что я сделаю. Я направляю на планету космический корабль, чтобы забрать их. Предупреждаю: никто не должен мешать моим экипажам, поскольку, если Древние не окажутся на борту немедленно по прибытии корабля на планету, я намерен вас наказать. Вы знаете звезду, которую называете Лишенная Планет Очень Большая Белая Очень Горячая звезда. У нас есть оружие, способное взорвать эту звезду. Я не имею в виду пушку или что-то подобное. Я говорю о мощном оружии, которое взрывает всю звезду, и не думайте, что я этого не сделаю. Если считаете, что я блефую, спросите свои сохраненные сознания — они ви-

дели, на что я способен, что я сделал с… — лицо его на мгновение исчезло с экрана, потом снова появилось, — …с самым большим спутником Единственной Газовой Гигантской планеты у Маленького Желтого солнца номер Двадцать Два. Если я отдам приказ, звезда взорвется. И тогда вы все умрете.

Изображение медленно исчезло.

К этому времени Эстрелла сжимала руку Стэна крепче, чем он ее.

— Соль? — спросила она. — Что происходит?

Соль не ответила. Она кричала что-то непонятное Достигающему; тот не отвечал, лихорадочно пытаясь вернуть изображение на экраны. Когда у него ничего не получилось, он осмотрел всех и издал резкий стонущий звук.

— Большая опасность, — сказал он мертвым голосом. — В этом не может быть никакого сомнения.

Стэн еще крепче стиснул руку Эстреллы.

— Вы думаете, это реально?

— Да, именно так, — мрачно ответил Достигающий. — Хотите знать, что еще я думаю? Я думаю, что вы, и я, и корабль, упомянутый как угроза, — все это составляющие опасности.

18. Угроза

I

Если готовишь на тысячи человек, требуется время. Когда я навещал Термослоя, некоторые мои особые блюда как раз готовились, так что первой моей обязанностью было закончить их приготовление. Жаркое из бычьих хвостов для пожилой леди, испытывающей ностальгию по Австралии, сушеная треска с луком-пореем и молоком для нескольких бывших итальянцев, и к тому же я еще не выполнил заказ самого Термослоя. Я занялся всем этим.

В течение следующих нескольких секунд я занимался исключительно клиентами. Требования все увеличивающегося населения, состоящего из людей-иммигрантов, непрерывно росли; добавьте к этому также небольшое, но тоже растущее количество гурманов хичи.

Это, разумеется, не означало, что я забыл слова Термослоя. Не скажу, что я выполнял все эти заказы и одновременно обдумывал план действий. Увы, но в действительности информации Термослоя я уделял не больше десяти процентов своей

мощности.

Тем не менее для меня не стало полной неожиданностью, что все мои экраны одновременно вспыхнули зеленым пламенем и от них донесся глухой гул.

Я знал, что означает этот гул. Сейчас все это превратится…

…в резкий высокий вопль — для органических существ и глухой басовый гул — для искусственного интеллекта. Короче говоря, включилась тревожная сигнализация хичи.

Нет смысла действовать, пока не знаешь, какие действия от тебя требуются. Я продолжал заниматься своей работой, но принял некоторые меры предосторожности — передавал своим помощникам заказы на новые этнические блюда. Например, африканские. На Колесе было всего несколько африканцев, и все они предпочитали французскую кухню или американские гамбургеры. Но теперь у нас заказывали жаркое из барашка с орехами, треску в очищенных томатах, которая называется ту джен, а также десерт тиаки и рюмку сока имбирного корня. Ни одно из этих блюд я раньше никогда не готовил, но, естественно, рецепты в моей базе данных были. С этим могли справиться мои подпрограммы, и

если рыба окажется в виде филе, хотя африканцы предпочитают с костями, а зерна риса не раскололись при приготовлении как полагается, им придется с этим смириться.

Вой сирены поднялся до средних высот — то есть стал слышен органическим существам; для нас это теперь был неслышимый ритмичный шум, а на всех экранах неожиданно появилась одна и та же картина. Мне показалось, что это большой спутник — на втором плане виднелся газовый гигант. У меня хватило времени удивиться, зачем демонстрировать эту вполне обычную картину, как вдруг все изменилось Спутник перестал быть спутником. Он превратился в быстро расширяющееся облако. Почему это произошло, я не мог сказать, но мы, несомненно, видели полное уничтожение этого огромного камня.

Поэтому я не удивился, когда на моем личном канале послышался голос Термослоя:

— Пожалуйста, как можно быстрей зайдите ко мне на совещание. Происходят серьезные события.

II

С прошлого раза Термослой решительно сменил обстановку. Больше половины различных

стульев и насестов, которые появились у него, уже были заняты. Присутствовал сам Термослой, совершенно спокойный, хотя гулкое гудение продолжалось. Рядом с ним сидела женщина-хичи, которую я никогда раньше не встречал, затем человек-мужчина (конечно, во всех случаях я говорю о виртуальных изображениях; не было ни одного органического). Этого мужчину я тоже не встречал, хотя знал, кто это. Его звали Зигфрид фон Психоаналитик, и он был подпрограммой Альберта Эйнштейна, корабельного мозга Робинетта Броудхеда. Рядом с фон Психоаналитиком сидел корабельный мозг Джель-Клары Мойнлин — Гипатия Александрийская. А еще у меня на глазах ниоткуда появилась пожилая женщина-человек и села, кивнув Гипатии.

Очевидно, только ее и ждали, потому что Термослой сказал:

— Благодарю вас за то, что пришли. Полагаю, вы все знаете, кто такой Вэн Энрике Сантос-Смит, вы все также слышали ускоренную версию его обращения, произнесенного в органическом времени. — Да, мы его слышали и продолжали слышать приглушенные органические звуки как фон речи Термослоя. — Он также передал его в электронном виде сохраненным сознаниям, и в

таком виде оно было переадресовано вам.

На экранах по-прежнему горел сигнал тревоги, органическое бормотание стало еще тише. Но вот тревожные цвета с одного из экранов исчезли. Экран прояснился, и мы увидели лицо человека.

Я видел Вэна только раз и очень давно, но у меня не было сомнений в том, что на экране его лицо. Однако в нем заметны были значительные улучшения. Теперь, когда он перестал быть органическим, кожа его была не такой бледной и вялой, волосы — не такими всклокоченными. Но усмешка осталась прежней.

Как только Вэн закончил свои угрозы, Гипатия встала.

— Термослой! О чем это он? У вас, ребята, есть какое-то оружие, о котором вы нам не сказали?

Должен отметить, что Термослой сохранил спокойствие. Он позволил Гипатии какое-то время говорить, а сам сидел и слушал. Мне, однако, показалось любопытным, что из всех присутствующих только Гипатия реагировала так бурно. Я ожидал вмешательства со стороны Зигфрида, но тот не шевелился, и выражение его лица было не сердитым, а печальным.

Это подсказало мне, что новость об оружии не была для него новостью. Этот факт я занес в свою

базу данных — чтобы при случае вспомнить, что Зигфрид фон Психоаналитик никогда не выкладывает на стол сразу все свои карты.

Гипатия то ли все сказала, то ли замолчала по знаку Зигфрида. Тогда сам Зигфрид миролюбиво сказал:

— Возможно, будет лучше, если на этот раз мы не станем выяснять, кто из нас виноват. Но позвольте прояснить один пункт, Термослой. Прав ли я, полагая, что вы и сохраненные сознания считаете эту угрозу серьезной?

Термослой рассудительно взглянул на него.

— Да, — подтвердил он.

— Вэн использовал слово «взорвать». Он ведь имел в виду не просто бомбу?

— Конечно нет. Установка устраняет тяготение. И когда тяготение перестает удерживать массу звезды, вся эта масса разлетается… Гипатия?

Та подалась вперед, готовая высказаться, хотя на этот раз не стала произносить обвинительную речь.

— Я попросила доктора Ибаррури помочь нам разобраться; она астроном и астрофизик. Доктор Ибаррури? Вы можете сказать нам, возможно ли такое?

Пожилая женщина ответила немедленно.

— При наличии устройства, описанного Термослоем, — несомненно. Звезда распадется за очень небольшой промежуток времени. И быстро превратится в облако газа.

Термослой выглядел недовольным.

— Возможно, эта человеческая личность изучала астрономию, но что она может знать о происходящем в Ядре?

Гипатия враждебно усмехнулась.

— Все, Термослой. Вскоре после прилета сюда она стала сохраненным сознанием и с тех пор изучает звезды Ядра. К тому же — вероятно, вас следует об этом уведомить — она старый друг Клары. Они вместе изучали некую сверхновую, и Клара абсолютно уверена в ее компетентности.

Она кивнула, как будто это решало вопрос. Вероятно, так и было.

Однако не для Термослоя. Он казался несколько выбитым из колеи.

— Я уверен, что эта женщина достаточно квалифицированна, — сказал он, причем голос его свидетельствовал, что он в этом совсем не уверен, — но я также попросил присутствовать специалиста по астрономии. Блестящий? Ты согласен?

Второй самец хичи в знак согласия похлопал

запястьями.

— Я согласен, Термослой.

— И можешь нам сказать, о какой звезде говорил Вэн?

— Думаю, да. Вероятно, это та, что называется Лишенная Планет Очень Большая Белая Очень Горячая звезда. Доктор Ибаррури, — вежливый кивок в ее сторону, — отнесла бы эту звезду к молодому классу О. Мы взяли в Ядро только одну такую звезду.

— И это опасно.

Ответом послужило выражение лица хичи, но он уточнил:

— Согласно моим оценкам, уничтожение тяготения на Лишенной Планет Очень Большой Белой Очень Горячей звезде приведет к потере от десяти до сорока четырех миллионов жизней и еще от тридцати до двухсот миллионов пострадают от ранений, потери собственности и серьезного ущерба среде обитания. Может быть еще хуже.

Тут я поднял руку. Гипатия посмотрела на меня, вопросительно подняв одну бровь.

— Маркус, у вас вопрос?

— Да. Название этой звезды говорит, что у нее нет планет. Почему ее уничтожение причинит

вред другим системам?

Гипатия посмотрела на женщину-астронома. Та вздохнула.

— Тут мы углубляемся в звездную физику. Я уверена, вы все знаете, что ядерная реакция, которой обусловлено свечение звезды, происходит в ее центре. Здесь высвобождается энергия в форме фотонов, и эти фотоны не сразу высвобождаются в пространство. Внутренность звезды очень плотна. Каждый фотон на пути к поверхности, откуда он может уйти в пространство, много раз отражается. Его путешествие занимает порядка миллиона лет.

Она продолжала говорить, но я перестал слушать: смысл был ясен. Энергия, накопленная за миллион лет, высвобождается за минуты, а то и за секунды.

Я остановил ее.

— Спасибо, — сказал я. — Остается, по существу, только один вопрос. Что мы можем сделать, чтобы помешать этому?

Я смотрел на Термослоя.

Он серьезно кивнул квадратной головой.

— Ничего.

III

Поскольку я разумное существо, я не закричал на него. Да это и не требовалось — остальные уже кричали, особенно Зигфрид и астрономы. Все говорили ему, что он ошибается. Возможно, именно поэтому он обратился ко мне.

— Да, Марк? — вежливо сказал он. — Хочешь что-нибудь сказать?

— Конечно, Термослой. Очень просто. Мы должны отыскать корабль, с которого пришло сообщение Вэна, и уничтожить его.

Он поднял костлявую руку.

— Пожалуйста, Марк. Сохраненные сознания уже произвели триангуляцию источника передачи. К несчастью, в этом месте не удалось обнаружить никакого корабля.

Это меня удивило.

— Но это невозможно. Должен быть след… я знаю, что разобраться в этих следах трудно, но они сохраняются долго и могут дать нам какие-то сведения.

Он снова махал длинными пальцами.

— Все это уже сделано, Маркус. Никакого доступного для обнаружения волнового следа, который в этой точке мог бы представлять обыч-

ный корабль.

— Ага, — сказал я. То, что он использовал слово «обычный», дало мне ответ. — Вэн в электронном виде, поэтому ему не нужен большой корабль. Должно быть, это посыльная торпеда.

— Совершенно верно, Марк, — сказал он, улыбаясь. — Соответственно, позвольте подытожить. Мы не можем предпринимать никаких действий для защиты протолюдей, пока угроза Вэна сохраняет актуальность. Мы не можем ничего сделать с самим Вэном, так как не можем отыскать его и у нас нет оружия, чтобы иметь с ним дело, если мы его отыщем…

Настала моя очередь вмешаться:

— Нам не нужно обычное оружие. Мы можем просто протаранить его торпеду.

Он укоризненно вздохнул.

— Но при этом дадим ему достаточно времени, чтобы осуществить свою угрозу. Сохраненные сознания уверены, что мы не можем себе это позволить.

Гипатия уже довольно долго молчала. Но теперь она заговорила:

— Тогда что нам делать, Термослой?

На этот раз он укоризненно взглянул на нее.

— Я ведь ответил, Гипатия. Сохраненные созна-

ния уже объявили свое решение. Мы позволим Вэну похитить примитивных людей. После этого у нас не будет причин опасаться. Как заверили нас сохраненные сознания, ни одно разумное существо не совершает насильственных действий после того, как выполнены его требования. Так что нам ничего не нужно делать.

* * *

Для большинства собравшихся вопрос на этом был решен. Но не для меня. Я сказал (но только про себя, не вслух):

— Дружище Термослой, ты все еще очень плохо знаешь людей.

19. Плен

I

Больше всего Стэна поразила скорость, с какой происходили события на корабле Достигающего. Спустя мгновение после получения ультиматума он почувствовал легкую дрожь, и Достигающий сказал ему, что они снова в космосе. Еще несколько мгновений спустя среди четверых пленников появилась виртуальная женщина Синди Какее-там.

— Привет, — сказала она. — Я думаю, вам интересно будет узнать, что мы на пути к... как вы ее называете? ...Планете Одной Луны у Светло-желтого солнца номер Четырнадцать. Туда мы прибудем примерно через час, так что можете вздремнуть, если хотите. Пока. — Она исчезла, но мгновение спустя снова появилась. — Забыла сказать. Пока мы все на борту, вы должны оставаться здесь. — И, исчезнув во второй раз, больше не появлялась.

Стэн открыл рот, но смог сказать только:

— Боже! — Затем взял себя в руки. — О чем она говорит? Куда мы можем прилететь так быстро?

Достигающий мрачно посмотрел на него.

— Много куда, Стэн. Вспомните мое утверждение: этот корабль пришел Снаружи. Он новый. Скоростной. Он идет очень быстро. — Он несколько мгновений смотрел на стену, потом добавил: — Я хочу сказать, никто не сможет нас догнать.

Может, сознательно, а может, потому, что шайка похитителей недавно занималась своим делом, в каюте оставили действующие экраны. Достигающий включил их, и пленники смогли увидеть посадку на планету. Стэн смотрел молча, держа Эстреллу за руку. Она ахнула и показала:

— Смотри.

На одном из экранов показалась группа оборванных двуногих существ, чем-то напоминавших людей. Их подгоняли несколько рассерженных людей.

— Это Древние? — спросил наконец Стэн.

Достигающий мрачно подтвердил.

— Это значит, что Вэн достиг своей цели.

— Значит, он нас отпустит?

— О, Стэн, — простонал Достигающий, — какие глупости вы говорите. Вэн никогда нас не отпустит, ему это ни к чему.

Стэн заупрямился:

— Может, неважно, чего хочет Вэн, его здесь

все равно нет.

— Опять глупости. Он здесь. Пока вы спали, мы видели на экране, как маленький разведочный корабль состыковался с нашим. Это мог быть только Вэн.

Эстрелла сердито посмотрела на него.

— Почему у вас всегда все плохо? — спросила она.

Достигающий издал долгий свистящий вздох, но ничего не ответил. Он просто показал. На борт довольно покорно поднимались протолюди — неряшливые бородатые старики, неряшливые бородатые молодые и очень неряшливые и начинающие отпускать бороду дети. Пол, казалось, не имеет у них никакого значения. Почти все несли какое-то свое имущество: запасную юбку, рваную тряпичную фигуру, которую можно считать куклой, пакеты CHON-пищи, иногда палку, камень или пучок травы. Присматривали за ними чернокожие; эти были далеко не так покорны. И напрасно. Стэн видел, как один из них задержался в конце процессии, потом повернулся и побежал. И при первом же шаге раскинул руки и упал.

Только тогда Стэн заметил, что они на экране не одни. Следом показались еще три человека, с виду не такие сердитые, но гораздо более опасные.

Среди них была женщина с длинными светлыми локонами, с хлыстом в руке. Еще одна женщина — темнокожая и тоже с хлыстом. И, наконец, мужчина — с хлыстом, — который гневно кричал на лежавшего на земле человека. Лежавший стонал и делал слабые попытки подняться. Наконец он мрачно присоединился к остальным, потирая руки и ноги, как будто все еще испытывал боль. Стэн не сомневался, что так оно и есть.

Достигающий возился с экранами и наконец настроил один из них на внутренние помещения корабля. В большом пустом зале толпились новые пассажиры, надзиратели казались такими же ошеломленными, как и их подопечные. Одна из темнокожих женщин делала что-то, чего не видел Стэн и остальные, потому что делала она это на той самой стене, где была укреплена камера. Но вот все само собой разъяснилось. Женщина доставала из стены пакеты с пищей CHON и раздавала Древним. Достигающий хмыкнул и обратился к их собственному распределителю.

— Неплохая идея. Хотите? — спросил он, доставая такие же пакеты.

Стэн развернул один пакет и нахмурился.

— Что теперь? Еще куда-то полетим?

Достигающий издал звук, настолько близкий к

человеческому «тц-тц», насколько позволяло его безгубое лицо.

— Неужели у вас нет никакого кинестетического чувства? Неужели вы не почувствовали, что мы уже летим?

Стэн открыл рот для ответа, но Эстрелла накрыла его руку своей. Он мрачно подчинился. Желание подражать поведению Достигающего постепенно исчезало и исчезло полностью, потому что показалось новое виртуальное изображение.

На этот раз не прежняя женщина. И вообще не женщина — крепкий смуглый мужчина. Он подождал немного, убеждаясь, что привлек общее внимание.

— Здравствуйте, — сказал он тоном скорее гостеприимного хозяина, чем похитителя. — Меня зовут Раафат, точнее Раафат Гергес, но вы можете называть меня просто Раафатом. Теперь, когда мы уже в пути, Вэн просит меня сообщить вам, что вы можете свободно передвигаться по кораблю. Больше вас не будут наказывать — если, конечно, вы не станете заходить в рубку. В нее вход запрещен. Конечно, даже если вы туда войдете, вы ничего не сможете сделать, все приборы блокированы, но Вэн не хочет, чтобы вы пыта-

лись. Поговорим позже.

И он исчез.

— Эй, — сказала Эстрелла почти весело. — Положение улучшается. Пойдемте осмотримся.

Она потащила Стэна к двери, но он остановился, принюхиваясь. Он гадал: не попало ли на корабль стадо козлов, или система устранения отходов вышла из строя, или…

Но тут он перестал удивляться, потому что в дверях показался один из генераторов смрада, бородатый, в юбочке и очень вонючий. Впервые в жизни Стэн оказался в обществе Древнего.

Один Древний пахнет очень плохо. Запах пятидесяти с лишним Древних, по мнению Стэна, угрожал жизни. Даже их надзиратели предпочитали помещения, где было поменьше Древних. Но найти такие помещения было трудно.

— Мы о них заботимся, — сказал Стэну один из надзирателей — Юсуф Как-его-там, — но мы не живем под одной крышей с ними. Они в основном остаются на открытом воздухе. И та-ак воняют!

Вонь объяснялась не пóтом, а полным пренебрежением к гигиене. Древние прекрасно знали, для чего предназначены туалетные устройства хичи. И не возражали против их использования, когда те оказывались поблизости. То есть не бо-

лее чем в четырех или пяти метрах от места, где протолюди почувствовали нужду. Если же туалет помещался дальше — Древние считали, что проще облегчиться на любой плоской поверхности или позволить своим отходам просто упасть на пол. К концу первого дня Стэн и все остальные научились внимательно смотреть под ноги.

Им позволили проводить время — хотя и очень немного — с самим легендарным Вэном. Впрочем, Вэн навещал не людей и не хичи. Его интересовали только Древние. С другой стороны, Древние никак не реагировали на его виртуальное присутствие. Они продолжали пожирать CHON-пищу или бесцельно, хотя и мирно, бродить по кораблю.

И не они одни. Черные люди, которые как будто должны были заботиться о Древних, что-то бормотали про себя, показывая на низкие потолки; мужчинам приходилось нагибать головы, чтобы не задевать за них, и даже головы женщин находились всего в одном-двух сантиметрах от потолка.

И вдруг, без всякого предупреждения, корабль заполнили огненно-яркие точки — белые, красные, желтые, синие.

Стэн обхватил руками Эстреллу, чтобы защи-

тить.

— Что это? — скорее гневно, чем испуганно спросил он.

Достигающий не утратил способности отвечать:

— Меня спрашивают, что это такое. Сообщаю, что это может быть только одно. Приведен в действие разрушитель порядка, и соответственно мы минуем сферу Шварцшильда. Вы понимаете, о чем я говорю? Выражусь еще яснее. Мы Снаружи. Мы вышли из Ядра.

II

Время шло, и вонь Древних становилась все сильнее. Время от времени надзиратели пробовали убирать экскременты, но казались слишком угнетенными, чтобы работать по-настоящему. Достигающий даже не пытался наводить чистоту, хотя отдал Соль соответствующий приказ и та старалась изо всех сил. Стэн не позволил Эстрелле заниматься такой работой — кто знает, какие патогенные микробы есть у этих Древних и как это может отразиться на ребенке? Они подошли к проблеме с другой стороны. Вместе с надзирателями пытались приучить Древних пользоваться туалетом. У некоторых получалось. Однако этого

было недостаточно, и, поскольку свыше пятидесяти Древних продолжали непрерывно поставлять отходы, люди терпели поражение.

Главой надзирателей была женщина по имени Грейс Нкрома, не слишком добродушная и страшно усталая. Она старалась держать своих людей при деле, но и эта битва казалась проигранной.

— Нельзя их винить, — говорила она Стэну и Эстрелле. — Две недели назад мы жили в Кении, довольные и счастливые, и надеялись пробыть там до самой пенсии. Но не получилось. После того как Вэн похитил несколько Древних, кто-то решил, что им будет безопаснее в Ядре. Нас всех посадили в корабль — лишь несколько работников были тогда в отпуске, — и мы оказались на этой Как-Ее-Там-Называют планете у Какой-то-Там звезды. Ничего не было готово! У нас была машина пищи CHON и своего рода фонтанчик с питьевой водой — и все! Ни помещений для персонала. Ни даже палаток — нам дали спальные мешки, и все! Никаких туалетов. Нельзя винить Древних в том, что они испражняются прямо на месте: ничего другого у нас не было. Все эти разговоры о планировании!

Она все говорила и говорила об этом. Эстрелла старалась сочувственно слушать. А Стэн хотел

одного: чтобы Грейс заткнулась.

Были также виртуальные изображения. Иногда показывались красивая девушка по имени Синди или египтянин Рафаат. Часто бывал и сам Вэн; довольно улыбаясь, он ходил между Древними, ласково разговаривал с ними, пел им ужасным голосом, рассказывал, как мир людей и хичи обманывает и губит их всех. Конечно, Вэн не мог физически прикоснуться к ним, а они — к нему. А Стэн не мог добраться до Вэна, о чем горько сожалел. Он избил бы этого человека, который так изменил их жизнь и не собирается их отпускать.

Эстрелла, лежа в его объятиях перед тем, как заснуть, повернула к нему лицо и спросила:

— Как ты думаешь, милый? Мы когда-нибудь отсюда выберемся?

— Конечно, — уверенно ответил он. Но в глубине души знал, что солгал.

* * *

Надзиратели открыто горевали из-за того, что, быть может, навсегда расстались со знакомыми местами и людьми. («Найроби! Город, который не спит все 24 часа! Всё, что хочешь, — и всё дешево!») Они находились в дружеских отношениях со своими подопечными, называли каждого по

имени. Но больше всего их интересовали Соль и Достигающий как представители другого вида.

— Конечно, — говорил Стэну надзиратель по имени Джаред, — мы и раньше видели хичи. Они время от времени прилетали к нам взглянуть на Древних. А когда мы сами оказались в Ядре, то увидели их во множестве. Но впервые мы живем рядом с ними.

Такое внимание не доставляло Достигающему удовольствия. Почти все время бодрствования он проводил у экранов, приказывая Соль приносить еду. Два дня Стэн его почти не видел, пока один из Древних не попытался зайти в рубку и не завопил от боли. Достигающий высунул голову, чтобы узнать, что случилось, и увидел Стэна.

— Идите сюда, — пригласил он. — У меня есть что показать.

Он показал на экране изображение планеты, такой же бело-голубой, как и все прочие пригодные к обитанию планеты. На экране она была размером с грейпфрут и становилась заметно больше.

— Наша цель, — объявил Достигающий, указывая костлявым пальцем на изображение. — Я в этом совершенно уверен, поскольку никаких других планет не видно.

— Но… — начал Стэн, думая о том, сколько бесконечных дней и ночей потребовалось им с Эстреллой, чтобы добраться до Ядра, — но неужели мы уже на месте? Так быстро? Ведь прошло всего несколько дней.

— Достаточно для рейса, — заявил Достигающий. — Нет. Никаких сомнений. Это очень быстрый корабль, и мы на месте. Объект на экране — ваш новый дом. По крайней мере, на какое-то время, а может, навсегда.

III

Сразу после посадки все высыпали наружу: и люди, и хичи, и Древние, подгоняемые электронными бичами, — под окрики невидимого экипажа Вэна.

Восстановив равновесие, Стэн увидел прямоугольник роскошной густой зеленой травы, размером с футбольное поле, окруженный деревьями, около симпатичного озера. В одной стороне виднелся горный склон, на котором возвышалось несколько строений, — точнее, поправился Стэн, все, что осталось от каких-то древних строений. Сплошные развалины. Моросил дождь. Воздух радовал прохладой. И — Стэн глубоко и с неожиданным удовольствием вдох-

нул — слабо пахло деревьями, травой и другой растительностью. И совсем не пахло Древними.

Для Стэна это был огромный плюс, но, кажется, единственный. Как только последний Древний с криками выбрался из корабля, загораживаясь руками от ударов невидимого хлыста, вход в корабль закрылся. С легким шумом корабль поднялся над зеленью. Сделал четверть поворота вокруг своей оси, быстро поднялся и почти исчез из вида над горным склоном. Мгновение спустя он снова появился и опустился на самую вершину. Да там и остался, молчаливый и неподвижный.

Все пытались понять, что это за место, выбранное не ими.

Прежде всего Стэн, а за ним и Грейс Нкрома обнаружили еду. У озера виднелось небольшое пирамидообразное сооружение, которое с одной стороны выдавало пакеты пищи CHON, а с другой — холодную чистую воду.

— Хорошо, — сказала Грейс и принялась отдавать распоряжения: — Юсуф, возьми еще двоих и начинай раздавать еду Древним, чтобы они успокоились. — У Стэна она спросила: — Что это за сооружения?

Он не заметил их раньше — с десяток похожих

на муравейники строений — насколько можно было судить издали, из камней и глины. В каждое вел один вход, вероятно дверь, и не было ничего похожего на окна.

— С виду не очень удобно, — сказал он.

— По крайней мере, ты можешь увести Эстреллу из-под дождя, — заметила Нкрома.

Справедливо. Раздосадованный тем, что сам об этом не подумал, Стэн взял Эстреллу за руку и повел к убежищам. Но она высвободилась.

— Послушай, Стэн, — сказала она, — думаешь, я не дойду одна? Во всяком случае… о! — она остановилась.

Прямо перед ними появился пожилой мужчина или его изображение. Одет он был так, словно все его вещи дали ему из милости. Да и сам мужчина выглядел не лучше.

— Прошу прощения, — вежливо сказал он, преграждая им путь. — Это только для Древних, не для вас.

Стэн мрачно смотрел на него; он отлично знал, что может пройти прямо сквозь эту фигуру, но воздержался, опасаясь неприятных последствий.

— А ты кто такой? — спросил он.

— Я Хорас Паркер. Вэн приказал, чтобы нашим гостям, то есть Древним, было как можно удобней.

Но относительно вас у меня таких приказов нет.

20. Чего хочет Клара

I

Когда вас зовут Джель-Клара Мойнлин и все во вселенной знают ваше имя, это налагает на вас определенные обязательства. Вы даже не можете впасть в панику. Да я и не собиралась, конечно. Когда живешь так долго, тяжелые удары судьбы встречаешь без особых волнений.

Я не волновалась. Но я была опечалена — видеть не могу гибель стольких невинных, и людей, и хичи. Не могла об этом забыть. И злилась, ведь им угрожал этот паршивый Вэн.

Почему он мне особенно отвратителен? Не хочется признаваться, но меня когда-то кое-что связывало с этим маленьким негодяем. Недолго — впрочем, для меня достаточно долго — я была его… как бы это лучше выразиться? Ладно: была его платной шлюхой. Подробности не важны. Скажем так: я оказалась в месте, откуда хотела убраться, а единственной возможностью сделать это был личный корабль Вэна. Беда лишь в том, что плата за проезд оказалась очень высока. Я отрабатывала ее в постели. А также в его ванной,

или на столе, или просто на полу, потому что если Вэн хотел чего-нибудь, он хотел сразу и на месте.

Но хватит об этом. Позвольте только добавить, что в сексе этот маленький негодяй был эгоистичен и невозможно груб, а во всех остальных отношениях еще хуже. Мне уже тогда он показался спятившим. (Позже я, конечно, в этом убедилась.) Я его не ненавидела, но, услышав, что он умер, обрадовалась. Особенно после того, как узнала, что он угрожает убить население целых планет. Включая, конечно, меня, но моя жизнь почти бесполезна и почти закончена. Я думала о тех миллионах, которым грозит гибель и которые ждут от жизни гораздо большего, чем я.

Так что настроение у меня было не очень хорошее. Гипатия изо всех сил старалась меня приободрить, насколько я ей это позволяла. А позволяла я немного. Мне не хотелось женской болтовни — да и вообще разговоров. Какое-то время я слушала, как она пересказывает мне новости о ситуации с Вэном, но новостей было немного. Он высадился на Планете Одной Луны у Светло-желтого солнца номер Четырнадцать, куда переселили Древних. Бил надзирателей какими-то электронными бичами, пока те не погрузили своих подопечных в корабль, после

чего корабль, по существу, исчез. Когда Гипатия все это мне рассказала, я больше ничего не хотела. Не хотела слушать музыку, принимать пузырьковую ванну или читать. Единственное, что я себе позволяла, это есть. Я ела и даже чувствовала вкус еды, но настроение не улучшалось. Оно оставалось отвратительным.

Потом стало еще хуже.

Я вяло ковыряла одно из блюд, приготовленных Гипатией, и краем глаза смотрела современную постановку «Гамлета», выведенную Гипатией на экран, когда услышала за собой покашливание «я-опять-здесь». Повернувшись, я увидела, что она не в своей обычной одежде пятого века. Она очень прямо сидела на жестком стуле и была одета в прекрасно скроенный костюм личного секретаря. По этим признакам я поняла, что она собирается сказать мне что-то неприятное.

Я подготовилась.

— Давай. В чем дело?

— Не хочется отрывать вас от еды, босс, но Вэн со всеми Древними улетел на своем корабле. Считают, что он направляется за пределы Ядра.

Я пожала плечами.

— Скатертью дорожка. Значит ли это, что можно больше не опасаться взрыва какой-нибудь

звезды?

— Не знаю. Но я хотела сказать не об этом.

Тут я окончательно поняла, что мне предстоит услышать что-то очень неприятное. И почувствовала, как напряглись все мышцы.

— Черт побери, что именно?

Она ответила:

— Милая, установлено, какой корабль он похитил. Корабль пилотировал Достигающий. Вероятно, Стэн и Эстрелла — и Соль — все еще на его борту.

II

Уже в тот момент я подумала, что она облекла свое сообщение в странную форму. Но тогда у меня были более неотложные мысли.

Дело в том, что у меня никогда не было много друзей. Я говорю не о наемных работниках и не о детях, живших на моем острове. Я говорю о друзьях. О тех, кого обнимаешь просто потому, что рад их увидеть. Сейчас, в Ядре, друзей у меня было еще меньше. Не считая Гипатию, их у меня всего трое. Эстрелла, Стэн и Соль. И теперь всем троим грозит смертельная опасность.

Я ничего не могла с собой поделать. Сорвала злость на Гипатии. Она приняла это достойно — в

этом отношении у нее большая практика. Мне это не помогло, к тому же она явно не была виновата в катастрофе. Поэтому я велела ей найти мне лучших козлов отпущения, чтобы я могла выплеснуть свой гнев на них.

Она послушалась. Или только так сказала. Но ни один из кандидатов на упомянутую роль не явился на ее зов. Вероятно, Термослой и Зигфрид были очень заняты, пытаясь справиться с ситуацией. Но не настолько. Если бы захотели, могли бы найти время. Нет, причина была в другом. Они просто избегали меня.

И правильно. Я не была готова к спокойным разговорам.

Гипатия продолжала сообщать мне новости. На Планете Одной Луны никто не пострадал; виртуальные слуги Вэна, вооруженные электронными хлыстами, просто загнали на корабль всех Древних и их надзирателей, которым не повезло оказаться на дежурстве. Корабль Достигающего относился к числу совершенно новых и сверхбыстрых кораблей Снаружи, так что никакой надежды догнать его не было, хотя это и пытались сделать. Точное расположение уничтожающего тяготение оружия, которое могло взорвать Лишенную Планет Очень Большую Белую Очень

Горячую звезду, не было и, возможно, никогда не будет установлено; предполагалось, что оно находится на орбите, но настолько малой, что обнаружить его нельзя. И так далее. Множество новостей, и все плохие.

Но у меня, по крайней мере, было время успокоиться. Конечно, я не перестала злиться. Я была зла как никогда, но теперь гнев был направлен на этого скользкого типа, Вэна, а не на тех, на кого я вначале хотела накричать. К тому же я была опечалена. Я имею в виду такое настроение, когда вы вдруг обнаруживаете, что у вас течет из носа и слезы бегут по щекам, даже если вы думаете о чем-то другом. Так я себя чувствовала, когда цунами Килауэа уничтожило мой прекрасный маленький остров Раивеа.

Я несколько минут сидела размышляя; Гипатия тем временем хлопотала вокруг. Краем глаза она странно поглядывала на меня — вероятно, смотрела, не собираюсь ли я вспылить. Когда она попыталась вновь заинтересовать меня едой, я покачала головой.

— Я не голодна, — сказала я. Еще немного подумала, и у меня появилась идея. Не знаю, хорошая ли, но я сказала: — Пригласи этого проклятого повара, Марка Антония, ко мне.

Не знаю, что она ему сказала, но он появился — не лично, впрочем, а только на экране.

— В чем дело? — спросил он. — Я очень занят.

Я не собиралась терпеть хамство ни от него, ни от кого-либо другого.

— Черт побери, — сказала я, — это надо остановить. Вы должны что-то сделать.

Он холодно посмотрел на меня.

— Что именно?

— Вы должны отправиться за ними! Вернуть их. Мне плевать, что для этого потребуется, понятно?

— Я вас понял, — ответил он и исчез. Никакого прощания. Просто исчез с экрана.

Вот что можно назвать смешанной реакцией. Он прекрасно понял, чего я хочу. Но я не знала, предпримет ли он что-нибудь, а когда повернулась, Гипатия бросила на меня еще один весьма подозрительный взгляд.

Я теряла терпение.

— В чем дело?

— Милая, — сказала она куда сочувственней, чем требовала ситуация. — Я понимаю, что вы чувствуете.

Обычно когда Гипатия говорит нечто подобное, она нарывается на настоящий скандал. Но на

этот раз я была слишком расстроена, чтобы скандалить. Я глубоко вдохнула и взяла себя в руки.

— Дай мне выпить, — приказала я. Когда она прикатила тележку, я определилась — водка со льдом, которая мне нравится, — и сказала: — Я знаю: ты считаешь, будто знаешь, что я чувствую. Что, по-твоему?

Гипатия встала с дивана, на котором полулежала, и подошла ко мне. Выражение ее лица было сочувственным, как и голос. Думаю, она погладила бы меня по голове, если бы могла.

— Они того не стоят, — сказала она. — Мужчины!

Я опустила стакан и сердито посмотрела на нее.

— При чем тут мужчины?

Она чуть попятилась, но упрямо сказала:

— Всегда мужчина — тот или другой. Робин, Вэн, Билл Тарч и остальные. Вам никак не удается победить свои железы.

Меня удивило, что даже Гипатия ставит Вэна в один ряд с Робом Броудхедом или даже с Биллом, хотя я понимала, что, с ее точки зрения, все мужчины — насильники и негодяи…

Потом я догадалась, о чем она говорит.

— Ради бога, Гипатия, вбей себе в голову, что я

не гоняюсь за Стэном Эвери.

Она не ответила ни «да», ни «нет». Только бросила на меня долгий понимающий взгляд и сказала:

— Я знаю. Вы с этим ничего не можете поделать: вы ведь пленница своих яичников…

Думаю, выражение моего лица ее остановило.

— Стэн еще ребенок, — сказала я — вероятно, скорее рявкнула.

На это она ничего не ответила. Даже не упомянула, что в сравнении с моим возрастом большинство моих любовников дети, хотя это справедливо. Она вообще ничего не сказала. Только еще раз посмотрела с терпеливым всепонимающим выражением.

Тогда я сделала то, что делаю очень редко. Попыталась объяснить ей, что чувствую.

Да, я знаю: она искусственный интеллект, но иногда бывают мгновения, когда мне кажется, что она единственный оставшийся у меня друг.

— Гипатия, милая, как только они будут в безопасности, со мной все будет в порядке. Мне не нужен очередной мужчина. Я не хочу раздобыть хороший генетический материал и создать собственного ребенка. Теперь у меня есть лучший способ заполнить свою жизнь, и я просто хочу

вернуть их.

— Да, милая, — ответила она, кивая. — Я понимаю, о чем вы говорите.

Тут мне опять захотелось наорать на нее. Но я не стала этого делать. Какой смысл? Это за пределами ее программ и опыта — не только потому, что она машина, но и потому, что она особенная машина.

Гипатия выглядит и ведет себя как человек. Иногда я забываю, что она не человек, но рано или поздно она чем-нибудь напоминает мне об этом.

21. Время на Арабелле

I

За первую неделю на Арабелле произошло несколько значительных событий. Через две-три холодные до озноба ночи, проведенные на голой земле, по скалам в долину спустилась странная машина на пяти лапах. Если она и могла говорить, то не использовала эту возможность. Просто выгрузила перед Стэном несколько спальных мешков, повернулась и снова полезла на скалы.

Мешков оказалось пять. Достаточно для Стэна, Эстреллы, Грейс Нкромы и двух надзирателей. Мешков для Соль и Достигающего не было. Однако Стэн и Эстрелла решили спать в одном, так что Соль и Достигающий при желании могли так же поступить с другим.

Второе событие оказалось менее приятным. Стэн не единственный постоянно думал о корабле, расположившемся на вершине, вне пределов досягаемости. Через несколько дней Достигающий не выдержал. И успел подняться до середины горы, когда это заметили. Но дальше он не прошел. Он как раз осторожно пробирался среди больших

камней, как вдруг вскинул руки; тело его задергалось самым невероятным образом, и он упал.

Внизу все закричали. Первым пришел в себя и бросился к Достигающему Юсуф Пайк, один из помощников Нкромы. Стэн отпустил руку Эстреллы. Дико посмотрел на нее и побежал вслед за Юсуфом.

Но их героизм не понадобился. Неожиданно из-за вершины появились две машины на пяти лапах. Одна погрузила потерявшего сознание Достигающего на вторую, и они начали спуск.

Достигающий дергался от боли, но был в беспамятстве. Однако не умер. В течение нескольких дней он не мог встать, все мышцы постоянно напоминали ему о его ошибке.

В целом к концу первого месяца Стэн и Эстрелла гораздо больше знали о месте своего заточения, хотя знания эти оказались почти бесполезными. Они, например, узнали, что много раз в течение дня показывается Вэн, ходит, улыбаясь Древним и не обращая никакого внимания на людей. Они узнали, что, если нужно искупаться — а это очень скоро им понадобилось, — единственное место, где они могут мыться, это маленькое озеро. Они узнали также, что подъем к кораблю ни с какой другой стороны невозможен: подниматься ме-

шали гигантские и очень опасные осыпи. Они узнали, что очень опасно мешать планам Вэна — люди ничего не могли противопоставить его огромным возможностям карать.

И, однако, когда Вэн был рядом с Древними, он совсем не казался плохим. Он ворковал с ними. Неясно, впрочем, замечали ли это Древние. Они, несомненно, сознавали его присутствие, но не очень им интересовались. Иногда они даже ворчали в ответ на его ласки. Но по большей части просто игнорировали его присутствие.

— Бьюсь об заклад, ему хочется почесать им животики, — заметила Эстрелла, наблюдая, как виртуальное изображение Вэна что-то ласково говорит паре Древних, лениво жующих CHON-пищу в тени гигантского дерева.

— По крайней мере, в таком виде он не чувствует их вони, — продолжала Эстрелла. Неожиданно она вздрогнула и села прямо: голос ниоткуда спросил:

— А что, они действительно так дурно пахнут? Как они пахнут?

— Ну, — слегка удивленно ответил Стэн, — это как…

Эстрелла оборвала его.

— Мы не разговариваем с теми, кого не ви-

дим, — высокомерно сказала она. — Почему вы не показываетесь?

Долгое молчание. Затем неуверенный ответ:

— Я лучше не стану показываться. Он еще здесь.

— Кто он? — спросила Эстрелла. — Вы говорите о Вэне?

— Конечно, о Вэне. Не знаю, понравится ли ему, если я покажусь.

Стэн собирался заговорить, но Эстрелла удержала его, взяв за руку.

— Ну хорошо, если боитесь показаться, скажите хотя бы, как вас зовут.

Еще более долгое молчание. Затем:

— Ну ладно. Я Раафат Гергес. Можете называть меня просто Раафат. Я тот, кто привез вам спальные мешки. Мне казалось, — теперь он говорил обиженно, — что вы должны быть благодарны.

— Конечно, мы благодарны, — заверила его Эстрелла. — Вы очень добры, хотя и не разрешаете нам ходить повсюду.

Еще одна пауза. Потом голос, который на этот раз прозвучал удивленно:

— Я видел, что вы сделали для этих хичи, но не понял почему.

— Они наши друзья, — объяснила Эстрелла.

Последовала самая долгая пауза, как будто Раафат пытался усвоить новую для себя концепцию, но на этот раз Эстрелла не стала ждать. Она встала и осмотрелась.

— Раафат? Посмотрите, Вэн ушел. Почему бы не позволить нам увидеть вас?

И это потребовало долгого обдумывания. Но наконец он сказал:

— Ну хорошо, — и в то же мгновение показался.

На Раафата Гергеса стоило посмотреть. Не физически. Черные волосы, бледная кожа — все это было не настолько привлекательно, чтобы в его сторону поворачивались головы. Зато его одежда производила неизгладимое впечатление: белоснежная туника, браслеты со множеством драгоценных камней, сандалии, усаженные такими же камнями, и головной убор — назвать это шляпой язык не поворачивался, — похожий на цилиндр без полей, но сделанный из какого-то цветного материала и усаженный опять-таки драгоценными камнями.

Он понимал, какое впечатление производит. Прихорашиваясь, объяснил:

— Я египтянин, знаете ли. Но не хочу одеваться как древние египтяне, поэтому Вэн позволил мне

немного приукраситься. Думаю, это действует, верно?

Раафат Гергес оказался первым, но не последним из застенчивых посетителей. Пока они разговаривали, появились и другие: две женщины и двое замечательно мускулистых мужчин.

— Когда появляется возможность создать себе виртуальное тело, — сказал один из них, бархатно-черный и очень высокий, — можно подобрать что-нибудь выдающееся. Меня зовут де фон Вашингтон, — добавил он, и все остальные представились по очереди: мужчина с бритой головой и черной, коротко подстриженной бородкой — Коа Юкман; женщина с миндального цвета кожей, изящным маленьким носом и массой светлых волос — Синди Гаслакпард; и другая женщина, тоже блондинка, хотя гораздо менее привлекательная, по имени Фригия Тодд.

Виртуальные люди молча рассматривали пленников и казались настороженными, пока Эстрелла не вспомнила о правилах приличия.

— Я Эстрелла Панкорбо, — сказала она, — а это Стэн…

Вашингтон поднял руку.

— Мы знаем, как вас зовут, — сказал он. — И вас тоже, — добавил он, обращаясь к подошедшим

Грейс Нкроме и остальным надзирателям.

— О, — сказала Эстрелла и решила продолжить светскую беседу. — Раафат был очень любезен, — пояснила она. — Это он привез спальные мешки…

— Мы знаем, — сказала блондинка Синди.

— Ага, — сказала Эстрелла. Потом попробовала снова: — Мы очень волновались, когда Достигающий попытался забраться…

— …в космический корабль, — закончила за нее блондинка по имени Фригия. — Мы это видели. Могу я спросить кое о чем? Что с вашим лицом?

Годы привычки к такого рода вопросам не заставили Эстреллу полюбить их.

— Несчастный случай, — коротко ответила она и сразу сменила тему: — Кажется, вы, ребята, постоянно следите за нами. Зачем это вам?

Вашингтон улыбнулся — скорее печально, чем весело.

— У нас много свободного времени.

Он вдруг замолчал, бросив взгляд куда-то за плечо Стэна.

— Дьявольщина. Пока! — сказал он, и все четверо исчезли.

Повернувшись, Стэн увидел, что Вэн вернулся и что-то говорит паре Древних на берегу озера.

Грейс тоже смотрела туда.

— Знаете, — сказала оно, — они, пожалуй, боятся его больше нас.

Достигающий у нее за спиной издал звук, который должен был напоминать смешок.

— Конечно, это так. Спросите почему? Отвечаю: потому что они знают его гораздо лучше нас.

II

Второй месяц прошел не лучше первого, а третий еще хуже. Главное — было очень скучно. Невкусная пища. И снова скука. («Если бы у нас был «Аист», мы могли бы хоть смотреть на ребенка». — «Ох, Стэн, я же не виновата, что нас так поспешно выгнали из корабля».) По утрам на восходе Стэн прежде всего смотрел на вершину — на корабль. И не просто смотрел. Он стремился туда — не столько ради бегства, сколько ради браслета, управлявшего «Аистом». Он, конечно, знал, что его желание неосуществимо, как показал на своем примере Достигающий. И иногда продолжал показывать, ложась спать: глаза закрыты, но каждая мышца тела дергается.

Когда Эстрелла и остальные расспрашивали его, он отвечал, что все в порядке.

— Плохо сплю, потому что нет хорошей травы

для сна. А спальный мешок — это как футляр для иголок. Лучше, чем ничего? Возможно. Спорно. Однако, несомненно, хуже многого другого возможного. — И, чтобы показать, что тема закрыта, он поворачивал голову и смотрел на корабль. — Во всяком случае, — продолжал он, — следующая попытка обязательно достигнет цели: личность по имени Достигающий должна оправдать свое имя. — Он улыбнулся тонкими губами, показывая, что шутит.

Но Соль не намерена была шутить.

— Этого не произойдет, — сказала она. — Разве ты не помнишь? Корабль благодаря сервомодулям подчиняется машинным командам, а не личностям. Ты не можешь им управлять.

Он высокомерно взглянул на нее.

— Неверно. Говорил об этом с Раафатом Гергесом. Вэн отменил подчиненность корабля электронным сознаниям. Несомненно, чтобы помешать Раафату и другим сбежать.

Стэн распрямился.

— Так что, если бы ты попал в корабль, ты смог бы управлять им?

— Именно так, да.

Но Соль уже махала костлявыми пальцами.

— Тем не менее, — ледяным тоном сказала

она. — Тем, черт побери, не менее. Ты не переживешь второе наказание. Нет. Если личность должна попробовать пробраться на корабль, то эта личность я.

— Нет! — взревел Достигающий. — Ты носишь моего ребенка, и им нельзя рисковать! Я твоя семья и приказываю тебе этого не делать!

— Но и ты не можешь, — заметила Эстрелла. — Ты уже попробовал, и второй раз убьет тебя. Верно? — Она в поисках поддержки посмотрела на Стэна и двоих надзирателей, которых привлек спор.

Все, кроме Стэна, закивали. Стэн глубоко вдохнул.

— Я это сделаю, — сказал он.

Эстрелла с ужасом посмотрела на него, но возразил опять Достигающий:

— Какая глупость, — сказал он, махая костлявым пальцем. — Какой смысл забраться в корабль? Привести его сюда, чтобы мы могли улететь с этой планеты. Кто может это сделать? Только подготовленный пилот. Никто другой. Ты подготовленный пилот? Нет. Ты лишь по-детски сидел в космическом корабле, который другие запрограммировали для полета в Ядро. Приходилось ли тебе пилотировать эту новую и очень

быструю модель? Нет. Не приходилось. Поэтому никакой надежды на достижение цели.

Достигающий последовательно излагал свои логичные доводы, и его внимательно слушал один из надзирателей по имени Джеффри.

— Я пилот, — сказал он.

Достигающий недоверчиво посмотрел на него.

— Ты? Пилот космического корабля?

— Ну, не совсем, опыта пилотирования у меня нет, — признался Джеффри. — Но в Масаи Мара мне приходилось управлять сверхсветовым полетом. («Ха!» — усмехнулся Достигающий.) В юности я должен был отправиться на Врата, но подвернулась эта работа, и я туда не полетел. Но готовился к полету.

— Изучал космический корабль? — скептически спросил Достигающий.

— Конечно. Ну, что-то в этом роде. Была такая игра во Врата — садишься в корабль, стартуешь и летишь на какую-нибудь планету. Говорили, очень реалистичная игра. Я много в нее играл.

Достигающий снова сказал: «Ха!» — но на этот раз не с такой силой. Несколько мгновений он разглядывал лицо Джеффри, потом наконец сказал:

— Расскажи об этой игре. Опиши все устройство

и управление приборами. Побыстрей и поподробней.

Следующие четыре дня Достигающий непрерывно натаскивал Джеффри — учил пользоваться корабельными приборами на тот невероятный случай, если ему удастся до них добраться. Стэн подслушивал, сколько мог, пытаясь сопоставить то, что говорил Достигающий, с воспоминаниями об их старом пятиместнике. Этот корабль сложней, думал он. Но положение не безнадежное.

На пятый день Джеффри начал подъем.

Все обитатели поселения: люди, хичи, даже Древние — следили за ним. Когда Джеффри наконец встал и начал преодолевать последний участок перед вершиной, Стэн на мгновение ощутил надежду…

Конечно, тщетную. Как и Достигающий, Джеффри неожиданно забился и упал. Упав, он не шевелился.

Прежде чем Стэн, Нкрома и остальные смогли до него добраться, его принесла машина. Но было поздно.

— Он мертв, — сказала Грейс, распрямляясь. — С этим покончено.

Достигающий наклонил голову.

— Большое несчастье, — сказал он, — но в сле-

дующий раз…

Грейс с гневом и в то же время с сожалением посмотрела на него.

— Следующего раза не будет! Никогда! — выпалила она. — С этим покончено!

III

Затем на какое-то время положение пленников как будто улучшилось. Оно не стало хорошим. Но и не стало таким уж плохим.

Прежде всего, Вэн почти совсем перестал показываться. Возможно, от этого виртуальные личности осмелели. И когда показалась машина, пленники обнаружили подарок.

Другое дело, что за подарок.

— Это что, школьная парта? — спросила Грейс.

— Думаю, такими пользуются хичи. У нее сзади такой цветочный горшок.

— И что она делает?

Как Стэн и остальные люди ни ломали головы, тайна не раскрылась, пока не показался Достигающий.

— О, какие вы тупые! — сказал он, и Стэн еще раз получил доказательство того, что, хотя смеяться хичи не умеют, насмешки у них получаются. — Отойдите. Подальше. Сейчас увидите. — Он

нажал на что-то под столом, послышался слабый щелчок, и с легким шипением показались три ряда молитвенных вееров. Достигающий осмотрел их; выражение презрения на его лице не изменилось. — Как старомодно! Напоминает мое детство или еще более давние времена. Теперь Снаружи изобретены гораздо более быстрые и емкие записывающие системы. Однако мы можем использовать и эту. Вы ведь знакомы с этим методом?

Они были знакомы, особенно Грейс. Достигающий еще не договорил, а она уже наобум выбрала веер и сунула в отверстие-приемник. Появилось изображение. Но чего именно: постера, рекламной листовки, страницы книги? Все столпились, разглядывая его, и первой заговорила Эстрелла.

— Это печатный текст, — сказала она.

— Но не английский, — добавил Стэн, напряженно разглядывавший текст. — Думаю… да, вероятно, это по-русски. В школе со мной учился парень из русского посольства, и у него были журналы с похожим текстом. Он как-то попытался научить меня их алфавиту… — Стэн пальцем проводил по буквам. — Думаю, это Т… а это О… а следующая буква Л… С обозначает S… еще Т и опять О… черт побери, — добавил он, неожидан-

но улыбаясь. — Знаете, что это такое? Книга Льва Толстого по-русски.

Эстрелла наморщила нос.

— И как, по-твоему, мы будем это читать?

Но Стэн не был обескуражен.

— Есть еще много других вееров. Давайте посмотрим их!

Их действительно оказалось много — всего двадцать два. К несчастью, пятнадцать тоже оказались на русском, но семь были полезнее.

Какой-то из давних органических служителей Вэна собрал их — должен быть, женщина, молодая, одинокая и иностранка. Русские веера были… ну, русские. Из своих попыток фонетической интерпретации Стэн заключил, что представлен очень широкий спектр русской литературы, хотя сумел опознать только еще одного автора — Солженицына. Была даже поэзия — во всяком случае, так выглядели печатные страницы. Но были и совсем не книги: балетные спектакли (прекрасные) или театральные постановки (такие же непонятные, как тексты), или музыкальные номера (великолепные, хотя никто не пел по-русски).

Весь лагерь, в том числе несколько Древних, смотрел исполнение музыкальных номеров, когда появился де фон Вашингтон, улыбающийся,

довольный удачным подарком. Он признался, что веера принадлежат не ему — они никому не принадлежат, потому что оставлены одной из давних органических наложниц Вэна.

Это заставило Грейс Нкрому внимательно посмотреть на него.

— А что еще она оставила? — спросила Грейс.

Вашингтон поднял палец, на мгновение исчез и вернулся.

— Вот что у нас есть, — сказал он и начал зачитывать список имеющихся вещей. Ничего особенно полезного. Ни еды, ни одежды: все это давно сгнило. Но керамика сохранилась хорошо, тем более вещи, сделанные из почти неуничтожимого металла хичи. Так что когда пришел следующий дар Вашингтона, у Эстреллы появилось зеркало, которое не только отражало изображение, но и слегка светилось, а у всех в лагере были теперь чайные чашки, хотя самого чая по-прежнему не было.

IV

Многого в этом далеком углу вселенной не хватало Стэну, но больше всего «Аиста». Ему не хватало ежедневного разглядывания своего ребенка. Он видел, с каждым днем живот Эстреллы

все увеличивается, слушал, как она рассказывает о толчках и пинках ребенка, но, даже когда прикладывал руку к ее животу, ничего не ощущал. Он предполагал, что к этому времени маленькое существо удивительно изменилось, у него появились настоящие пальцы, конечности, которыми можно пользоваться, — много поразительного, а он ничего этого не видит.

Но вот, когда однажды они принимали обычную ванну в озере перед сном, он заметил кое-что такое, чего не показывал «Аист». Он как раз смотрел на круглый живот Эстреллы.

— Эй! Что случилось с твоим пупком?

Эстрелла рассмеялась.

— Ты только что заметил? Раньше он был внутри, теперь торчит снаружи. Так всегда бывает у беременных. Ребенок растет. Все дети растут. — Она бросила на берег последнюю выстиранную вещь. — Не волнуйся, — сказала она. — Для почти мамы я еще достаточно проворна. Пошли в постель, погреемся.

Они погрелись — и с большим наслаждением, но потом Стэн, не в силах уснуть, лежал рядом со спящей Эстреллой, смотрел на незнакомые звезды Арабеллы и думал о том, что ждет их завтра. Это были не очень веселые мысли, потому

что завтра сменит новый день, и еще. Пройдет немало этих дней, и неизбежно наступит такой, когда Эстрелла будет рожать и единственным человеком, способным ей помочь, окажется ветеринар Грейс Нкрома.

На следующее утро, как только Стэн смог отойти от Эстреллы, он отыскал Грейс Нкрому. И когда начал рассказывать о своих тревогах, она его не слишком успокоила.

— Ради бога, перестань! — сказала она. — С ней все будет в порядке. Я знаю, что делаю.

Стэн яростно посмотрел на нее.

— Вы? Что заставляет вас думать, что вы справитесь с ребенком Эстреллы?

— Что ж, давай посмотрим. Я получила свой диплом в Йоханнесбурге, потом два года работала в Бюро дикой природы в Найроби, в основном занималась программой размножения, прежде чем появилась эта работа по уходу за Древними.

— Природа! Вы говорите о животных!

У Грейс застыло лицо.

— Да, конечно, Древние — животные. Точно как ты и я. Эти животные называются приматами. Как ты думаешь, большая разница между одним приматом и другим?

— Да, но приходилось ли вам когда-нибудь

принимать роды?

Грейс раздраженно ответила:

— Конечно. У Шелли была двойня уже после моего появления. Ты видел этих малышей, они тут бегают. Никаких проблем не возникло.

— А как вы ее готовили к родам?

Грейс с досадой посмотрела на него, потом снисходительно ответила:

— Я погрузила Шелли в сверхзвуковой самолет и отвезла в Найроби, на ультразвук. Да, здесь у нас нет такого оборудования. Придется обойтись без него. — Она отвернулась, потом снова повернулась к Стэну. Голос ее смягчился. — Послушай, с ней все будет в порядке.

— А если что-то пойдет не так? — Пожатие плечами. — Знаете, чего я хочу? Хочу иметь одну из книг-самоучителей.

— Что за книга?

Стэн вызывающе ответил:

— Я однажды такую видел. Она была у одной… гм… девушки, жившей недалеко от нас. На турецком языке, но это неважно. Когда мы с Таном забрались в ее квартиру, мы искали грязные картинки. Но их в книге не было.

— О, ради бога, — сказала Грейс, больше не скрывая раздражения. — Осмотрись. У меня нет

таких книг. Нет никакого оборудования. У меня есть только мои знания, и если их недостаточно… если их недостаточно… — Голос ее стих. Какое-то время она молчала, потом другим тоном добавила: — Не думай об этом, Стэн. Она здорова. Я не вижу никаких серьезных проблем. Только старайся, чтобы она ела и отдыхала, и не слишком огорчай ее. Думаю, все будет хорошо.

Уверения Грейс не успокоили Стэна. Он не мог избавиться от тревожных мыслей и постоянно говорил об этом со всеми, кто соглашался его слушать, — конечно, если Эстреллы не было поблизости. Прошло совсем немного времени, и всем эта тема надоела. Тогда Стэн обратился к людям Вэна.

Де фон Вашингтон проявил некоторую терпимость. Однако и его терпение оказалось не бесконечным, и, когда стало ясно, что при любой возможности он готов улизнуть, Стэн сменил тактику.

— Хорошо, Вашингтон, тогда скажи мне кое-что другое. Каковы шансы на то, что в течение следующего месяца нас кто-нибудь спасет?

Вашингтон усмехнулся, но был по-прежнему терпелив.

— И кто же этот кто-нибудь?

— Боже, не знаю. Где-то поблизости должны существовать населенные планеты.

Вашингтон немного подумал и отрицательно покачал головой.

— Гм… нет. Я в этом не очень разбираюсь, но не думаю. Я слышал, что во внешней галактике осталось всего несколько населенных планет. Десятки — может, и гораздо больше — совершенно опустели. Остались только различные религиозные культы, которые не верят в машины и все прочее. Я однажды слышал, как Вэн сказал, что Снаружи осталось меньше миллиарда органических людей.

Стэн был ошеломлен.

— Я и понятия не имел. А как же сохраненные сознания?

— О, конечно, их много, но они тебе не помогут. Разве можно их в этом винить? Знаешь ли ты, что значит быть сохраненным машиной? Когда ты сам себе господин, конечно, и можешь делать что угодно, быть с кем угодно и столько, сколько захочешь? Дьявольщина, не могу дождаться, когда Вэн нас отпустит.

Стэн упрямо сказал:

— Тогда кто-нибудь явится за нами из Ядра.

Вашингтон удивленно посмотрел на него.

— Из Ядра? Да как? Может, ты не знаешь?

— Чего не знаю? — спросил Стэн. Он боялся спрашивать, поскольку не был уверен, что хочет услышать ответ.

Как он и ожидал, ответ был плохой. И даже хуже.

— Звезда, — объяснил Вашингтон. — Она взорвется. Честно. Неважно, что сказал Вэн. Он ненавидит людей и терпеть не может, когда что-нибудь идет не по его. И оставил приказ. Сказал: дайте нам достаточно времени, чтобы убраться во внешнюю галактику. А потом взрывайте.

Первое, что сделали пленники, услышав рассказ Стэна, — принялись категорически опровергать его слова:

— Боже, Стэн, разве ты не понимаешь, что это Вэн выдумал, чтобы заставить нас сильнее страдать?

Или просто:

— Ты спятил!

Но потом при любой возможности они принялись расспрашивать виртуальных помощников Вэна. А когда наконец убедились, вообще перестали говорить об этом. Ведь все было бесполезно.

Однако думать об этом продолжали. Эстрелла давно уже уснула, а Стэн лежал без сна и думал,

пока не услышал шум приближающейся машины. Потом шум отдалился, и Стэн хотел встать, чтобы посмотреть, что она привезла, но передумал. И встал, только когда захотел в туалет.

Он подумал, что выгребная яма почти заполнилась и пора выкапывать другую. Задумался, удастся ли научить Древних пользоваться туалетом. И, возвращаясь, вдруг заметил, что привезла машина. Это был еще один веер. Он лежал на крышке стола, которая в темноте светилась голубым сиянием металла хичи, и потому был хорошо виден.

Эстрелла крепко спала, положив руки под щеку, и чуть слышно похрапывала. Стэн подумал, не разбудить ли ее. Но любопытство победило. Он вставил веер в приемник, как его научили, и сразу появилось изображение.

Он понял, что видит настоящую книгу. Книгу на английском языке, возможно принадлежавшую одной из любовниц Вэна, когда та еще была органической. И называлась книга «От нуля до тридцати девяти: Недели беременности».

Именно это ему так было нужно. Подарок одного из людей Вэна. Кто это, Стэн не мог догадаться, но почувствовал глубокую благодарность. И не мог дождаться утра, чтобы начать читать.

Сначала он хотел прочесть все от корки до корки, но, просматривая страницы, понял, что вначале речь идет о том, что уже давно произошло. Когда он пытался об этом читать, у него слипались глаза. Он пообещал себе, что днем прочтет каждое слово, а пока забежал вперед. Каждая глава посвящалась одной неделе, и в каждой был рисунок — как должен выглядеть ребенок в эту неделю. Конечно, книга не «Аист». Но это гораздо лучше, чем все, что у него было до сих пор. И он с удовольствием начал читать части, расположенные в конце.

Но перевернул несколько страниц, и удовольствие быстро рассеялось. Очередная глава посвящалась выкидышам.

Стэн поразился, узнав, как много причин могут привести к выкидышу: от волчанки (что бы это ни было) до врожденного порока сердца. А также бактериальная инфекция во влагалище и даже простое повышение температуры и курение (что бы это ни было). Больше того, иммунная система некоторых женщин может по ошибке принять эмбрион за вторгшийся микроорганизм и постараться уничтожить его. У некоторых женщин может быть неправильной формы матка или какие-нибудь выросты в ней, а это также

смертельно.

Как рассказать об этом Эстрелле? Нельзя. Возможно, поговорить с ней об этом сумели бы Зигфрид или доктор Кусмероглу, но их здесь нет.

Он закрыл книгу и посмотрел на незнакомые созвездия ночного неба Арабеллы. Ему больше не хотелось спать. Он был встревожен. Ему пришло в голову, что в книге может быть что-нибудь еще, например какие-нибудь средства лечения. И он снова принялся за книгу в поисках чего-то подбадривающего.

Но ничего не нашел.

Нет, нашел — нечто еще хуже главы о выкидышах. Опасность представляла не только гибель ребенка. Могло произойти нечто еще более ужасное. Ребенок мог родиться, но родиться чудовищем. С двумя головами! Или, как циклоп, с одним большим центральным глазом. Или как пособие для студентов, изучающих анатомию, со всеми внутренними органами вне тела; или с крошечной головкой, в которой совсем нет мозга; или…

О, предела несчастьям, какие могут случиться с младенцем, не было! Например, как насчет близнецов? Они не всегда рождаются красивой, прелестной парой. Иногда дети срастаются че-

репами или спинами. Или один младенец так страдает от прожорливости другого, что рождается не больше пальца, иногда как крошечное отвратительное животное, по-прежнему прикрепленное к другому близнецу.

Но даже если ничего такого ужасного не произойдет, что будет, если ребенок просто задержится с появлением на свет? Достаточно одной или двух лишних недель в матке, и он рождается с потрескавшейся или шелушащейся кожей, он опорожняет кишечник, еще не родившись, и поэтому весь покрыт зеленым меконием, который, кстати, может вдохнуть… такие роды бывают очень трудными, и часто ребенок задыхается в петле пуповины.

Стэн оторвал от книги полные ужаса глаза, потому что в двух метрах от него зашевелилась Эстрелла. Он быстро выключил книгу и подумал, что нужно ее уничтожить, но было уже поздно.

— Милый? — сонным голосом позвала Эстрелла. — Что ты делаешь?

— Ходил пописать, — ответил он, лихорадочно гадая, куда спрятать книгу.

— Возвращайся в постель, — приказала она.

— Через минуту. — Единственное место, куда можно спрятать книгу, — один из маленьких

ящичков в столе. Он сунул туда книгу, надеясь утром найти место получше, и забрался в спальный мешок рядом с теплым мягким телом Эстреллы.

Им уже было тесновато, но она скомандовала:

— Обними меня.

Он послушался, и они вдвоем улеглись в мешок под яркими созвездиями, которых Стэн никогда не видел раньше. Над вершинами гор небо уже бледнело, солнце — эта безымянная звезда — готовилось взойти.

Эстрелла уже снова уснула. Но к Стэну сон не шел. Ему совершенно расхотелось спать, он думал о лежащей рядом женщине, о том, как справиться с нарушениями беременности, о которых прочел, и вообще о том, как родить ребенка и вырастить его здесь, где уже тысячи лет не рождались дети.

Ответов на эти вопросы не было. И вот полчаса спустя, оставив спящую Эстреллу, Стэн принялся подниматься в гору.

Подъем оказался более трудным, чем он ожидал. Сорок пять минут спустя Стэн был весь в поту и крови от десятков царапин и ссадин; он часто падал, споткнувшись о камень или зацепившись за спутанные корни растений. Большинство царапин кровоточили.

Но теперь, при свете дня, корабль, красный с синим, был виден гораздо яснее, чем раньше. Тяжело дыша, Стэн остановился перед последним участком подъема. Корабль отделяла от него полоска опасных, острых, неровных камней. Если он попытается миновать эту осыпь, обязательно упадет. К тому же он знал, что его может ждать поражающее нервы оружие Вэна.

Он не забыл, что наказание может привести к гибели.

Стэн застыл. Ему пришло в голову, что слово «смерть», которое так легко произносят те, кому смерть непосредственно не угрожает, для него имеет буквальное значение. Когда солнце окончательно встанет, он уже может быть мертв. А здесь нет никаких служб «Жизни После». Вряд ли кто-нибудь из людей Вэна рискнет вызвать неудовольствие хозяина, попытавшись сохранить сознание Стэна.

Нет. Для него смерть означает прекращение жизни навсегда и в любой форме. Он никогда не сможет прикоснуться к своей дочери, никогда не кончит обучение у Сократа, никогда не сможет делать привычные дела. Он только вечно будет лежать во враждебной почве Арабеллы, пока его тело окончательно не разложится.

Он сглотнул и обнаружил новый источник страха.

Даже если он сумеет войти в корабль, что тогда? То немногое, что он помнит о кораблях хичи, об указаниях, которые Достигающий давал Джеффри, больше не казалось достаточным. Он может, сам не зная как, увести корабль на тысячи километров и не сумеет его вернуть. Или разобьет корабль в горах. Или, скорее всего, вообще не сумеет оторвать его от земли. Любой из этих исходов казался гораздо более вероятным, чем возможность поднять корабль, снова его посадить, забрать пленников — или хотя бы Эстреллу с Соль и Достигающим — и улететь домой. Он обдумал все эти возможности, вздохнул и приготовился ползти дальше…

Но не двинулся, потому что услышал незнакомый голос:

— Вы ведь Стэн Эвери, верно? Дальше не ходите. Нужно поговорить.

Стэн огляделся, никого не увидел и попробовал догадаться:

— Это вы, Раафат?

— Нет. А кто такой Раафат? Во всяком случае, я не он. Меня зовут Марк Антоний, раньше я был вашим шеф-поваром, а теперь… — в голо-

се послышалась легкая усмешка, — а теперь я, возможно, стану вашим спасителем. Конечно, с некоторой помощью с вашей стороны.

V

Дальше все происходило быстро. Самым трудным оказался последний участок подъема. Но он был и самым коротким. К тому же Стэн больше не думал о царапинах и не боялся оружия, которое убило Джеффри: Марк Антоний его отключил. Поэтому поднялся Стэн быстро. К тому времени, как он добрался до входа в корабль, Марк Антоний уже открыл его.

— Садитесь за это узловатое колесо, — приказал он. — Конечно, насест неудобный, но вам не придется сидеть долго. Теперь прежде всего вы должны…

Стэн подчинялся приказам, установил несколько рычажков справа, потом чуть передвинул ручку слева, потом так же быстро проделал еще несколько операций…

Под руководством Марка все вышло превосходно. Корабль поднялся. Легко скользнул в воздухе к лагерю, опустился на землю, и они оказались на месте.

Когда первый пленник увидел приближающийся корабль, он закричал так громко, что к тому времени, как корабль коснулся земли в нескольких метрах от берега озера, все проснулись и возбужденно кричали. Остальное оказалось совсем просто. Все сразу поднялись на борт. Упаковывать было нечего, никто ничего не хотел захватить с собой с Арабеллы.

Достигающий поднялся первым; увидев приборы в рубке управления, он возбужденно задергался. Следом шла Соль, но не одна. Вместе с Грейс и самой умной молодой самкой из Древних, по имени Пони, они вели Эстреллу.

Следующие несколько минут все обнимали Стэна. Когда последний Древний поднялся на борт, Достигающий, который уже сидел на месте пилота, положив руки на приборы, нетерпеливо обратился к Марку Антонию:

— Полагаю, можно стартовать?

— Минутку, — остановил его Марк Антоний. Он показал на одну из машин Вэна, спускавшуюся по склону. Она несла восемь или десять вееров. — Принесите их на борт, — приказал Марк Антоний. — Тогда можно будет улетать.

Стэн этого ждал.

— Куда? Вы знаете, где расположена ближай-

шая цивилизованная планета? Я имею в виду настоящую цивилизацию, с хорошей больницей и всем прочим.

— Не думаю, чтобы дело было таким срочным, Стэн. Эстрелла, по-моему, в хорошей форме. Я предпочитаю вернуться в Ядро.

Стэн выглядел озадаченным.

— Но… А, понимаю! Вы не знаете, потому что до вашего отлета это не вышло наружу. Послушайте, Марк, я не могу обещать, что нас кто-нибудь ждет в Ядре. Вэн оставил приказ в любом случае взорвать звезду.

Это привлекло внимание Марка Антония.

— Объясните, — приказал он.

— Что объяснить? Перед тем как покинуть Ядро, Вэн приказал своим людям… Орбис? Какое-то такое имя… дать им достаточно времени, чтобы уйти, потом взорвать звезду. Этот Орбис кажется настоящим психом. Он хотел…

— Сколько он должен был ждать? — спросил Марк.

— Не знаю. Недолго.

Вмешалась Грейс:

— Двадцать четыре часа. Мне об этом сказал де фон Вашингтон.

Как ни удивительно, но Стэн впервые увидел

на лице Марка Антония улыбку.

— Двадцать четыре часа, — повторил он. — То есть по времени Ядра. Это двадцать четыре часа, умноженные на сорок тысяч. Нет, мы можем не торопиться, Стэн Эвери. Вообще не торопиться.

22. Спасение

I

Страстные обвинения Джель-Клары Мойнлин не оставили меня равнодушным. Я разделял ее возмущение слишком трусливым поведением хичи. К тому же они слишком логичны, а сохраненные сознания вообще не имеют права принимать решения за людей.

Однако справедливо, что опасность, угрожавшая Лишенной Планет Очень Большой Белой Очень Горячей звезде, перевешивала все личные соображения. Поэтому прежде всего следовало устранить эту опасность.

Должен со смущением признать, что мои усилия не увенчались успехом.

Трудность заключалась в обнаружении торпеды, несшей уничтожающее звезды устройство. Нужно было рассортировать следы всех кораблей, когда-либо приближавшихся к этой звезде, отсеять все те, что прилетали и улетали, и найти тот единственный, который прилетел, но не улетел. Это и будет тот корабль, который мы ищем. Как будто простая задача, но на самом деле очень

трудная. Когда поступили данные обо всех следах, их оказалось гораздо больше, чем я предполагал.

Пока я обдумывал эту проблему, со мной связался корабельный мозг Клары.

Я выслушал их обеих, но ничего не обещал. Потом, вернувшись в свое окружение, принял решение. Вызвал одну из скоростных торпед и, ожидая ее прибытия, принялся давать указания своим поварским подпрограммам. Конечно, ни одна из них не была так опытна, как я. Но их 293, и все вместе они обладают большими аналитическими возможностями.

Оторвать их от обычных заданий означало, что многим клиентам придется долго ждать заказов, но я не видел другого выхода.

Затем я улетел.

Полет был скучный, но несложный. Мне без труда удалось проследить корабль Вэна до самого его убежища. Да и само убежище меня не удивило. Я слышал высказывание, хотя не знаю, каков его источник — возможно, это Платон, Джордж Вашингтон или какой-то из древних политиков: «Собака возвращается к своей рвоте». Вэн вернулся к ней. И она называлась Арабелла.

По правде сказать, я этого и ожидал. Даже перестав быть органическим, Вэн не приобрел

изобретательности.

* * *

Оставив свой корабль на орбите, я быстро отыскал корабль Достигающего. Он лежал на вершине небольшой горы, а ниже располагалась долина, где содержались пленники.

Конечно, мешало то, что Вэн удалил сервомодули и такая нематериальная личность, как я, не может управлять кораблем. Думаю, он сделал это потому, что опасался: при малейшей возможности его нематериальные помощники, которым наскучила жизнь на Арабелле, сбегут. Но с помощью одного из органических — это оказался турецкий мальчишка, Стэн Эвери, о котором так беспокоилась Клара и который как-то отключился от меня, — я сумел привести корабль в долину. Пленники находились в хорошей форме, насколько это вообще возможно для органических существ, поэтому я открыл для них двери корабля. Пока они поднимались на борт, в моем присутствии не было необходимости, и я занялся более важными делами.

Сам Вэн не представлял никакой опасности. Я быстро обнаружил в горе лабиринт туннелей, который занимали Вэн и его слуги. Со времени

моего последнего посещения он не изменился — все, что могло сгнить, сгнило. (Неудивительно. По стандартам галактики Снаружи прошло очень много времени.) Большинство туннелей больше не использовалось, поскольку в компании Вэна не было органических существ. Но Вэну необходимо было место, чтобы держать веера с информацией, и это место легко удалось обнаружить.

Когда я зашел в помещение, все люди Вэна уже ждали меня. Лишенные воображения, они отгородились решетками и замками, но все это не преграда даже для самого слабого искусственного интеллекта. Все эти электронные слуги собрались вокруг стойки с веерами, в которых находились… я слышал, некоторые органические называют это «душой». Большинство слуг стояло молча, как будто стремясь оказаться где-нибудь в другом месте. Но один казался драчливым и неуживчивым.

Я сразу узнал Вэна. Став сохраненным сознанием, он сделался еще менее привлекательным, но выглядел самым воинственным из всех.

— А ты кто такой? — спросил он. — Что ты здесь делаешь? Тебе не уйти. Робин! Вашингтон! Схватите пленника!

Он был даже смешон. Я не стал ему отвечать. Просто обернулся вокруг него, как недавно сделал с его слугами, и начал сжимать.

Никто из его слуг не вмешивался. Да я и не ожидал этого. Конечно, ни это, ни сопротивление Вэна ничего не дало бы. Через десять миллисекунд сознание Вэна было скопировано в веер; я отключил этот веер и приказал остальным:

— Доставьте все веера на космический корабль в долине.

Им как будто не очень хотелось выполнять мои приказы. Но и возражать они не стали. Спустя мгновение один из них заговорил. Это оказалась женщина, и она как будто много внимания уделяла своей внешности.

— Вы возьмете нас с собой? — спросила она.

Это не относилось к числу моих первоочередных задач, но я не видел никаких возражений.

— Вы не станете будить Вэна, — сказал я, — или глубоко об этом пожалеете. Но можете погрузить свои веера на корабль.

Они принялись грузить в машину свои веера, а я вернулся в долину. После этого оставалось только завершить посадку и лететь домой.

23. В корабле Орбиса

I

Этот выскочка, который называет себя Марком Антонием, меня не спрашивал, но у меня есть имя. Меня зовут Фригия Лорена Тодд. Если он винит меня в том, что я работала на этого психа Вэна, это его проблемы. Я определенно не хотела участвовать в деле у Лишенной Планет Очень Большой Белой Очень Горячей звезды, но Вэн не оставил мне выбора. Он утверждал, что может делать со мной все, что захочет, потому что после того, как это проклятое здание в Куала-Лумпуре провалилось в станцию подземной железной дороги, где я в это время вела поезд, он твердил, что я ему принадлежу.

Он не первый мужчина, утверждавший это. Но первый, на чьей стороне оказался закон. Поэтому, когда он приказал мне отвезти Орбиса Макклюна туда, где тот сможет взорвать звезду, я не видела выхода.

Он мне говорил, что взрыв не обязательно произойдет. Я сама слышала его обращение: он говорил, что, если ему вернут его проклятых

пещерных людей, он отменит взрыв.

Не следовало верить такому подонку. Но ведь у меня не было возможности спорить? Если вы считаете, что справились бы лучше меня, что ж, может, так оно и есть, и я надеюсь, что в следующий раз придется справляться вам, а не мне. Все равно всем очень повезло, что я оказалась в корабле Орбиса.

Может, мне не следовало обижаться на то, как обращается со мной Марк Антоний. Он со всеми так обращается. Тем не менее я не могла удержаться от смеха, когда его настигло возмездие.

Понимаете, как только мы преодолели сферу Шварцшильда, он тут же заговорил в коммуникатор; говорил он с тем, кого оставил за себя, когда улетел на Арабеллу; можете быть уверены: то, что он услышал, ему не понравилось. Большинство искусственных интеллектов всегда сохраняют хладнокровие, но Марк Антоний свое определенно утратил.

— Вы все еще не нашли корабль с уничтожающим устройством? — взревел он. Это было не утверждение, а вопрос, но риторический. — Это неприемлемо! Неприемлемо также то, что вы не можете завершить эту задачу за двести миллионов добавочных миллисекунд. Этого времени

должно быть вполне достаточно!

Когда Марк Антоний прервал сообщение, он выглядел — ну, не встревоженным, я бы сказала, потому что искусственные интеллекты не знают тревог, но каким-то озадаченным. Я спросила:

— В чем дело?

Впрочем, ответ не очень меня интересовал.

Вначале мне показалось, что он не ответит.

— Не думаю, чтобы вы поняли, — сказал он, — но дело очень серьезное. Я дал своим подпрограммам задание на время моего отсутствия. Работа трудная и скучная, но, несомненно, выполнимая. Однако они задачу не выполнили. И теперь у меня нет возможности найти корабль и предотвратить взрыв.

— Ха, — ответила я, — а у меня есть.

Это привлекло его внимание.

— Не надо со мной шутить, — угрожающе сказал он.

— Я не шучу. Именно я вывела этот корабль на орбиту. И могу вас отвести прямо к нему.

Антоний, вероятно, не сразу мне поверил, но выбора у него не было. Когда мы туда добрались и я показала ему на экране корабль Орбиса, мне казалось, что он как-нибудь извинится. Но он не стал этого делать.

— Пилот, — сказал он, глядя на меня. — Сейчас вы кое-что для меня сделаете.

И объяснил, в чем заключается это кое-что. Мне не очень хотелось получать приказы от искусственного интеллекта с тяжелым характером, в фартуке и белом поварском колпаке, особенно когда он приказал мне сделать то, чего я раньше никогда не делала.

— Давайте кое-что проясним, — сказала я. — Вы хотите, чтобы я спроецировала себя на корабль Орбиса? Откуда я знаю, что у меня получится?

Он нетерпеливо кивнул:

— Это всегда получается. Я сам это проделывал.

— Хорошо, — сказала я, не до конца убежденная. — Почему же тогда вам не сделать это самому?

— Потому что он вас знает. Я буду с вами, но не стану показываться. Не хочу его испугать.

Я не сказала, что вряд ли мужчина в поварском костюме может испугать Орбиса Макклюна. Я просто ответила:

— Мне все равно неспокойно.

Тогда он сказал:

— Действуйте, пилот, — и тон его свидетельствовал, что он больше не потерпит споров. И

знаете, оказалось, что это действительно не так уж трудно. Мне казалось, нужно только убедить Орбиса — если он нажмет на кнопку, то и сам умрет. Поэтому я сделала то, о чем просил Марк Антоний.

II

Наверное, я говорила с Орбисом тридцать одну или тридцать две минуты органического времени. Вам может показаться, что это немного, но вы не понимаете. В каждой минуте по шестьдесят секунд, а в каждой секунде — по тысяче миллисекунд; это ужасно много. Не могу сказать, что охрипла. Сохраненные сознания не могут охрипнуть. Но от этого Орбиса я едва не спятила сама.

Осмотрев маленький корабль Орбиса, я подумала, что он с ним не связывает никаких надежд. Он даже не приготовил для себя окружение. Место напоминало свалку. На полу валялись всякие вещи — физические реальные вещи на физическом реальном полу.

Понимаете, Орбис не дал мне ни одного шанса помешать ему. Он уже держал в руках спусковой механизм — конечно, виртуальный, но тем не менее вполне функционирующий спусковой механизм. Не знаю зачем. Может, посчитал меня

более опасной, чем на самом деле. Может, просто забавлялся мыслью о том, что нажимает на кнопку. Знаете, как псих с бритвой. Он несколько раз прикладывает бритву тупым краем к запястью, пока не решается использовать острый край.

Мы начали спорить.

— Если вы так торопитесь умереть, — сказала я ему, — по-настоящему умереть, так что вы не будете даже сохраненным сознанием, почему бы просто не взять пистолет и не вышибить себе мозги? Или что-нибудь другое; вы понимаете, о чем я говорю.

— Этого я не могу сделать, — ответил он. — Самоубийство — грех.

— Тогда грех и нажимать на кнопку. Потому что при этом вы убиваете.

Он широко улыбнулся.

— Этого я еще для себя не решил. В конце концов, Вэн ведь не сказал, что я убью себя. Мне приходится верить вам на слово. И есть и другие соображения.

Но какие именно соображения, он не объяснил, и я начинала кричать:

— Вы спятили? Убить себя — грех, но убить бог знает сколько миллионов людей — ведь они умрут, когда взорвется эта проклятая звезда, —

это что, по-вашему, просто нашкодить?

Тут он снова улыбнулся мне — я такого улыбчивого психа никогда не видела — и сказал, что он обдумает этот вопрос и даст мне знать, когда примет решение. Боже всемогущий! Я могла бы убить этого ублюдка! С радостью убила бы, если бы нашла способ это сделать.

Я сдалась — то есть я хочу сказать, сдалась тысячу раз, но каждый раз ненадолго замолкала, пытаясь успокоиться и подумать о чем-то другом — как будто я могла думать о чем-то другом! — и гадала, здесь ли Марк Антоний, и чем он занят, и почему не показывается, потому что силы мои были на исходе. Но потом я думала: если он покажется, то что сможет сделать? И снова начинала думать о том же и ничего не могла придумать.

Я тревожилась не о своей жизни. Не только о себе, во всяком случае. Честно скажу, те миллионы и миллионы, которым предстояло умереть, тоже не шли у меня из головы. Может, они были не на первом плане. Но были.

Мы постоянно возвращались к одному и тому же. Я: «Пожалуйста, Орбис!» Он: «Отстань, Фригия!» — в том или ином варианте. Я все испробовала. Пыталась завязать с ним дружескую беседу — могут же пообщаться два человека, за-

стрявшие в одном месте? Пыталась расспросить, чего ему больше всего не хватает из его органической жизни. (Он ответил, что не хватает паствы, к которой он мог бы обратиться с проповедью.) В другом случае мы говорили о том, каким образом Вэн стал нашим хозяином. Я рассказывала ему о проклятой Индокитайско-малайзийской войне и о том, как бомбили Куала-Лумпур, и башни рухнули, и погибло сразу столько людей, что работники «Жизни После» не успевали проверять кредитоспособность, просто сохраняли сознания быстро, как могли. (Только потом проверили мой кредит; у меня его не оказалось, и Вэн смог меня купить.) С Орбисом произошло примерно то же, только погубила его не война, а землетрясение: сбросило ему на голову большую каменную статую. (Забавно. Кажется, его, протестанта, больше всего мучило то, что это было изображение католического священника.)

И так далее, и тому подобное.

И вот, сделав все возможное, чтобы заставить Орбиса передумать, я начала с нуля. Рассказала Орбису, как из королевы вечера выпускников Восточного университета Нью-Мехико стала крупье в одном из казино Лос-Анджелеса, рассказывала обо всем, до самой последней работы

— машиниста поезда подземки в Куала Лумпуре. (Вот что смешно. Когда Вэн узнал, что я водила поезда подземки, он решил, что я смогу пилотировать космические корабли. Можете себе представить?)

Но тут я заметила, что Орбис на меня не смотрит. Он смотрел на экран, и я тоже посмотрела туда. (Ну ладно, ничего я на экране не видела. У нас нет экранов. Они нам не нужны, как не нужно нам и показывать себя друг другу. Мы исключаем посредников и наблюдаем непосредственный источник информации.)

Источником информации оказалась сама звезда.

Большинство звезд выглядит обычно. А эта — нет. Она казалась очень белой и ужасно горячей, и я могла себе представить, что будет, если она взорвется. И я сдалась.

— Марк Антоний, — сказала я, — сдаюсь. Покажитесь. Пора вам браться за дело.

Но он не сделал этого. Не показался. Только прошептал мне на ухо — ну хорошо, «прошептал» мне на «ухо». И вот что сказал этот сукин сын:

— Не нужно. Вы прекрасно справляетесь.

* * *

Я не справлялась. Я это знала. И он знал, что я не справляюсь. Я вздохнула и вернулась к тому, чем занималась и что, по его мнению, делала неплохо. Я сказала:

— Дерьмо! О, Орбис, простите…

Он спокойно ответил:

— Среди заповедей нет ничего против сквернословия. Можете говорить что хотите, Фригия.

— Я собиралась сказать, что не знаю, в чем ваша проблема. Если вы хотите умереть, то я не хочу.

Он укоризненно ответил:

— Самоубийство — грех. Я не хочу перед встречей с Создателем добавлять еще один грех к своему бремени.

— Но взорвать звезду и убить миллионы людей…

— Не людей. Это в основном будут хичи.

— Опять дерьмо. По-вашему, убийство даже одного человека не грех?

— Разве я уже не ответил на это? — Голос его звучал отвлеченно. Он как будто о чем-то думал. И смотрел на пилотский экран, не обращая на меня внимания.

Тогда я заметила, что он, сосредоточенно на-

блюдая за этой страшной звездой, повел вниз рукоять, управляющую сервомодулем. Казалось, это мой единственный шанс. Я скользнула к нему, стараясь оставаться незамеченной…

И сплоховала. Он посмотрел на меня и широко улыбнулся.

— Хотите сами привести в действие? Давайте. Можете нажать на кнопку. Но это совершенно неважно.

Я сердито посмотрела на него.

— О чем вы?

Он вздохнул.

— О, Фригия, разве вы еще не поняли? Вэн знает, как я отношусь к самоубийству. Он не доверил мне эту часть работы. Он установил таймер. Мне не нужно нажимать на кнопку, взрыв все равно произойдет. Мне вообще ничего не нужно делать. Все произойдет само собой. И знаете, что это значит?

Я не знала. Он понял это и стал объяснять:

— Это означает, что если я умру, то, сколько бы людей ни прихватил с собой, греха в том не будет. Понимаете, — продолжал он, рассуждая скорее как юрист, чем как обычный человек, говорящий о собственной смерти, — я очень много думал об этом. Если я что-нибудь предприму, получится,

что моя смерть связана с насилием. А значит — это самоубийство, а я не хочу такого бремени для своей души. Понимаете?

Я не понимала, в чем и созналась, но он все равно продолжил:

— Но выход существует. По крайней мере, я на это надеюсь.

Тут он положил руки на приборы пилотирования — ну хорошо, «положил» «руки» на «приборы», и мусор, усеивавший пол корабля, вдруг поднялся в воздух.

— Что вы делаете? — заорала я.

Он ответил не прямо.

— Можете покинуть корабль, — сказал он. — Ваш друг, который прячется от меня, тоже.

Хлоп! Марк Антоний мгновенно появился, он стоял прямо за мной и впервые за время нашего с ним знакомства выглядел озадаченным.

Но не стал вмешиваться.

— Вы ведете корабль прямо на звезду, мистер Макклюн, — сказал он. — Зачем вы это делаете?

— На самом деле, — поправил его Орбис, — я это уже сделал. Думаю, сейчас мы уже в так называемой фотосфере.

Мы оказались в поистине очень негостеприимном месте. Все вокруг меня змеилось, дергалось

и странно колебалось — не знаю, подвергался ли корабль физическому давлению или излучение звезды влияло на наши виртуальные изображения.

— Мы ведь не хотим, чтобы эта бомба оставалась на околозвездной орбите? — сказал Орбис. — Такое может повториться. Лучше превратить ее в плазму и покончить с этим. — Он посмотрел на нас, дергающийся, расплывающийся по краям, но с широчайшей улыбкой, какую я когда-либо видела. Последними его словами были: — Несомненно, самоубийство — это грех, но я совершенно уверен, что человек имеет право отдать свою жизнь ради спасения других…

И больше я ничего от него не слышала.

24. На пути в бесконечность

I

Возвращение на Лесистую планету у Теплого Старого солнца номер Двадцать Четыре заняло у Стэна и Эстреллы не больше времени, чем полет с нее. Когда открылся корабельный шлюз, они услышали странный звук — то ли шум непрерывного дождя, то ли гул множества пчел. А потом увидели, чем вызван этот шум. Не менее тысячи хичи — а скорее, гораздо больше — заполнили открытое пространство вокруг посадочной площадки, приветствуя их возвращение и изо всех сил стараясь аплодировать неприспособленными для этого руками.

Толпа состояла не только из хичи. Впереди стояли двадцать или тридцать человек — все человеческое население Лесистой планеты, а перед всеми — Джель-Клара Мойнлин, которая действительно вышла из дома, чтобы встретить их. Она уже протягивала руки, готовая обнять Эстреллу.

Толпа не была неупорядоченной — неудивительно, коль скоро имеешь дело с хичи. Собрав-

шиеся не теснились, приветствуя героев, не пытались пожать им руки или сорвать пуговицу с одежды. Довольствовались тем, что продолжали аплодировать. Все, кроме Клары. Ей отказать было невозможно. Она опередила всех, обняла Эстреллу — крепко, как могла, учитывая размер живота Эстреллы, и даже очень коротко обняла Стэна. Затем потащила их в ожидающую машину. Толпа почтительно расступилась, давая дорогу.

Машина оказалась не обычным трехколесным устройством хичи. Это вообще не была машина хичи. На четырех колесах, изготовленная людьми — вероятно, привезенная с Земли, — хотя и не очень похожая на те автомобили, какие Стэн видел на улицах Стамбула. Гораздо более удобная и с более плавным ходом. К тому же Стэн был уверен, что она дороже любого автомобиля, какой ему приходилось видеть, не говоря уже о том, сколько Кларе пришлось заплатить, чтобы привезти ее Извне.

За рулем никого не было, пока Клара не заметила, что Стэн смотрит на пустое сиденье. Она сказала в пространство:

— Прекрати валять дурака, Гипатия. Дай Стэну взглянуть на себя. — И когда сразу стал виден корабельный мозг, добавила: — Спасибо. Неужели

это так трудно?

Изображение Гипатии не повернуло головы.

— Мне просто казалось, что вы хотите побыть наедине.

Клара хмыкнула.

— Как будто ты в состоянии нас оставить. А теперь помолчи, пусть Эстрелла и Стэн расскажут о своих приключениях.

Стэн рассказывал охотно. Начал он с самого начала и к тому времени, как они по спиральной дороге добрались до своей квартиры, дошел до того момента, когда Марк и женщина-пилот доставили их к той точке пространства, где находился безымянный, но определенно вооруженный бомбой корабль, медленно кружащий около Лишенной Планет Очень Большой Белой Очень Горячей звезды.

— И тогда, — рассказывал он, — эти двое спроецировали себя на корабль с бомбой. Это все, что нам удалось увидеть. Потом корабль сошел с орбиты. И устремился прямо к этой большой старой и так далее звезде. Звезда даже ничуть не поморщилась. Марк сказал, что корабль мгновенно испарился, вместе с бомбой и всем остальным, так что опасности больше нет, никакой. Не знаю. Марк говорит, что видел все это непосредствен-

но, но не показывал на экране. Так что я видел только яркую вспышку.

— Это был единственный такой корабль?

— Не знаю. Может, и нет. У Вэна должны быть еще, чтобы взрывать другие звезды, но если и так, то они все еще на Арабелле и Марк их отыщет.

Наступила короткая тишина, затем Гипатия с переднего сиденья сказала:

— Его звали Орбис Макклюн.

Стэн удивился:

— Кого?

— Того, кто повел корабль на звезду. Люди Марка отыскали его бывшую жену. До смерти он был священником.

— Хм, — сказал Стэн. — Марк мне об этом не говорил.

— Он сам не знал, пока не вернулся, Стэн, — сказала Клара, когда машина остановилась у знакомой двери. — Ну, вам выходить.

Сэм выскочил из машины и стал помогать выйти Эстрелле. Отдуваясь, Эстрелла повернулась и вежливо спросила:

— Не зайдете на минутку?

Клара покачала головой.

— Черт побери, нет. То есть я хочу сказать, что сейчас вам меньше всего нужно общество.

Только…

Выбираясь из машины, Эстрелла повернулась и посмотрела на нее.

— Что только?

— Ну, — ответила Клара, — пока вы, ребята, отсутствовали, я много думала о вас. О детях. Особенно о вашем ребенке.

Стэн, держа Эстреллу за руку, начал терять терпение.

— Мы тоже. Это вы хотели нам сказать?

— Нет. — Она набрала побольше воздуха. — Я хотела вас попросить… Не могу ли я стать тещей или свекровью?

Вот уж чего Стэн никак не ожидал. Он едва не выпустил руку Эстреллы, но снова поймал ее и спросил:

— Кем именно? Моей тещей? Или свекровью Эстреллы?

— И той и другой, — ответила Клара. Она выглядела очень необычно для себя — смущенной. Покачала головой. — Ну, сейчас не самое подходящее время для таких разговоров. Идите, поговорим позже. — И, когда дверца машины начала закрываться, добавила: — Как хорошо, что вы вернулись.

Да, хорошо оказаться дома. Они приняли душ,

наслаждаясь горячей водой. Вытираясь, Эстрелла спросила:

— Милый, ты понимаешь, что все это значит?

Он не понимал. Но не стал особенно задумываться над ее вопросом.

— Кто знает? Давай лучше посмотрим на «Аиста».

Они смотрели, стосковавшись по виду своего младенца. (Оказалось, что младенец все это время рос. И заметно вырос.) И когда они, еще не одевшись полностью, заказывали два обильных обеда — второй сразу за первым, чтобы вознаградить себя за месяцы, проведенные на CHON-пище, — дверь дала знать, что кто-то пришел.

Это была доктор Кусмероглу.

— Как вы добрались сюда так быстро? — удивилась полуодетая, жующая Эстрелла, открывая дверь.

— Спасибо Марку, — ответила доктор Кусмероглу, как всегда оживленная и жизнерадостная. — Вы его знаете, он повар. Он здесь? — Она осмотрелась и нашла ответ на свой вопрос. — Он связался с доктором фон Психоаналитиком, а доктор фон Психоаналитик связался со мной — вот я сразу и отправилась. Впервые летела на новом сверхскоростном корабле… Конечно, вы ведь

сами в таком были. Скорее все мне расскажите! — Но, когда Стэн открыл рот, собираясь приступить к рассказу, она покачала головой. — Впрочем, это подождет, потому что сейчас нам с Эстреллой нужно поработать. Если вы немного посидите на балконе, Стэн…

Она явилась сюда из-за предстоящих родов, и Стэну дали понять, что присутствие мужчин нежелательно. Стэн взял чистую одежду и отправился на веранду.

Но, одеваясь, он слышал, чем занимаются женщины. А занимались они тем же, чем перед этим занимался сам Стэн, то есть разглядывали младенца с помощью «Аиста». Потом они исчезли из виду, предоставив Стэну наслаждаться теплым ветерком со Слюдяных гор и кусать ногти, гадая, что могла обнаружить доктор. Несколько месяцев у Эстреллы не было нужного питания, ее не смотрели врачи, не было ни ванны, ни расчески, ни зубной щетки — не было даже туалетной бумаги и всего того, что всегда есть у цивилизованных людей. Может, это как-то сказалось на ребенке, вызвало одно из тех ужасных состояний, что описаны в проклятой книге…

Он старался выбросить эти мысли из головы.

К счастью, ничего плохого не произошло. Ко-

гда обе женщины вышли из спальни, Эстрелла была полностью одета и врач начала говорить. Доктор Кусмероглу сообщила массу информации о ребенке, но вся она, по существу, сводилась к тому, что у младенца полностью сформировался мозг, а также к объяснению того, почему младенец перестал пинаться. (Просто не мог. Стал таким большим, что не осталось пространства для пинков.)

— Но все ли с ней в порядке? — спросил Стэн, который целых пять минут молча слушал непонятные медицинские термины.

Доктор Кусмероглу осеклась на полуслове.

— Ну что ж, у нее все нормально. Конечно, теперь ей нужно лучше питаться и больше отдыхать… и, Стэн, если возможно, не нужно ее огорчать. Эти ее схватки…

Стэн сразу повернулся к Эстрелле:

— Какие схватки?

Она пожала плечами:

— Ну, они были не сильные, и я не хотела тебя тревожить.

— Но… — начал он, однако врач его остановила:

— С ней все в порядке, Стэн. Это всего лишь схватки Брэкстона — Хикса, и в этот период они

совершенно нормальны. Думайте о них как о тренировке матки, которая готовится к родам, ладно? — Она бросила взгляд на небольшой экран у себя на запястье, молча пошевелила губами, сверяясь со своими заметками, и наконец сказала: — Думаю, это все. Добавлю еще несколько рекомендаций относительно питания, но помимо этого… Что?

Стэн требовал внимания.

— Можете сказать, когда родится ребенок?

Врач поджала губы.

— Хороший вопрос. Рассчитать сложновато, потому что я не знаю точно, сколько времени вы провели Снаружи, — сказала она, — но, вероятно, от двух до четырех недель. Может, шесть. «Аист» будет следить за развитием событий и даст нам знать, как идут дела.

Она подняла голову, услышав, что дверь объявляет о приходе нового гостя.

— Я открою, — сказала Эстрелла, с некоторым трудом вставая из глубокого кресла. Со смешанными чувствами Стэн смотрел, как она… как бы это назвать… бредет к двери. Беременность не просто опасное состояние, в котором много таинственного, но она ежедневно причиняет боль и неудобства. Впрочем, во всем всегда есть

немного боли.

За дверью стояла Гипатия Александрийская — корабельный мозг Клары. Она с ледяным видом выслушала рекомендации доктора Кусмероглу, затем повернулась к врачу спиной и обратилась к Стэну и Эстрелле:

— У Клары есть предложение. Все ваши знакомые у нее и ждут не дождутся встречи с вами. Она подумала, что вы захотите увидеться со всеми сразу и покончить с этим. Например, на небольшом приеме у нее дома.

Стэн отнесся к предложению с подозрением, но Эстрелла сразу ответила:

— Замечательная мысль! Стэн? Когда мы пойдем?

— Ну, — начал он, — я немного устал…

Она скорчила гримасу.

— Не отказывайся. Гипатия, если можно, мы готовы идти немедленно.

— Что ж, — начала Гипатия, но тут же застыла с остекленелым взглядом и простояла так несколько мгновений, потом закончила: — Да, это будет хорошо. — Потом повернулась к доктору Кусмероглу, которая выглядела так, словно хотела что-то сказать. — Да?

— Я незнакома с доктором Мойнлин, — печаль-

но заметила врач. — Не думаю… наверно, это неподходящее время…

— Вы совершенно правы, — ответила Гипатия. — Неподходящее. — И сразу словно забыла о существовании врача. — Я вызвала машину. Идем?

II

На этот раз им предстояло ехать в машине хичи, открытой всему миру, с водителем. Увидев это, Эстрелла попросила, чтобы они поехали по долине, а не обычными подземными путями.

Стэн согласился с тем, что это правильное решение. После плена на Арабелле поездка по долине казалась коротким круизом по раю. Душистые деревья белых орехов, все так же голодны летающие древесные змеи, в воздухе пахнет корицей.

— Знаешь, — сказал он Эстрелле, когда они еще не проехали и полпути, — здесь не так уж плохо.

Она лишь выпрямилась, словно пыталась разглядеть, что происходит у входа в институт.

— Что это? — спросила она.

Стэн не знал. Ответил водитель-хичи:

— Личности, которые недавно были с вами на корабле, Соль и Достигающий, а также и другие желающие приветствовать вас дома. Хотите

остановиться для беседы? Нет? Хорошо, эти двое присоединятся к вам позже. Мы уже почти на месте. Совсем на месте, — поправился водитель, когда машина остановилась у входа в дом Клары.

Клара открыла дверь. Сама. Собственноручно.

— Входите, — сказала она. Стэн ожидал, что она снова скажет что-нибудь об этом своем непонятном желании стать тещей или свекровью. Ничего подобного. Она только обняла их по очереди. — Мои дорогие, мы вас ждем, — ласково сказала Клара. Их явно по-прежнему принимали как героев. И не только Клара. Второе, что заметил Стэн (первым было присутствие улыбающегося приветливого Зигфрида фон Психоаналитика, который не обнял их только потому, что физически не способен был это сделать), — подносы, чаши, тарелки, заполненные отличной едой и расставленные по всей комнате. — Это от Марка, — объяснила Клара. — Вы ведь знаете, что он повар. Или генерал — теперь его можно называть и так. Я думаю, это его способ выразить свою благодарность. Может, он и лично заглянет — думаю, немного позже, — но особенно на это не рассчитывайте.

— О, — вмешался Зигфрид, — думаю, Стэн, вы

можете на это рассчитывать. Другом Марка стать нелегко, но о вас он очень высокого мнения. — Стэн притворился равнодушным, но Зигфрид не обратил на это внимания. — Наверно, Гипатия уже сообщила вам, что Клара ожидает гостей, но не сказала, каких именно. Среди них будет женщина, о которой вы, возможно, слышали. Она сохраненное сознание и… что? О, конечно, — с сожалением сказал он. — Эстрелла, Клара хочет, чтобы вы с ней прошли в соседнюю комнату. Прихватите с собой «Аиста». Наверно, предстоит «женский разговор». Идите, дорогая. Дорогие. Мы со Стэном останемся здесь. — Он благожелательно улыбнулся, глядя, как Эстрелла целует Стэна в щеку, прежде чем уйти с Кларой.

Стэн уже вернулся к дарам Марка Антония. С набитым ртом он сказал:

— Вы говорили о какой-то женщине.

— Да. Необычная личность. Ее зовут Ровена Макклюн. — Он помолчал, давая Стэну возможность установить связь, потом кивнул. — «Вдова» — это верный термин? — Орбиса Макклюна. Во всяком случае, когда-то они были женаты. Она стала сохраненным сознанием, а Макклюн оставался органическим существом. И она не тратила время зря. В отличие от тех органических, ко-

торые считают, что сохранение сознания — это возможность ничего не делать и бесконечно развлекаться. Я уверен, вы понимаете, о чем я говорю.

Стэн, который не понимал, небрежно ответил:

— Конечно, — и продолжал жевать котлеты.

Зигфрид необычно гордым тоном продолжал:

— Марк увидел ее в списке своих клиентов здесь, в Ядре, — она как будто провела здесь несколько недель, — и оказалось, что мы с ней давно знакомы: она — одна из моих учениц.

Стэн решил, что это объясняет гордый тон Зигфрида. Продолжая вежливую беседу и одновременно поедая деликатесы от Марка, он спросил:

— Она придет сюда?

— Конечно. Она уже здесь. Минутку — да. Стэн, познакомьтесь с ее преподобием доктором Ровеной Макклюн.

Стэн обернулся. Рядом с Зигфридом стояла привлекательная женщина. Немолодая. Но очень красивая, со светлыми волосами, убранными в прическу, которую Эстрелла назвала французской завивкой. («Настоящая прическа пожилой леди, — сказала она, но добавила: — Все равно выглядит она прекрасно».)

— Я надеялась познакомиться с вами и с вашей женой, — сказала женщина. — Не знаю, известно ли вам, но она в некоторых отношениях более известна, чем вы. Из-за ребенка.

— Замечательно, — ответил Стэн, думая, стоит ли вдаваться в объяснения насчет «жены». Но ему не представлялась такая возможность. Справа появился Желтый Нефрит в сопровождении одного из своих престарелых сыновей. («Теплота теперь среди сохраненных сознаний, — сообщил он. — Мы с Ионным Раствором очень счастливы».) А слева показался Зигфрид с парой других хичи.

— Это мой дорогой друг с сохраненным сознанием Двойное Сердце — не думаю, чтобы вы с ним встречались…

Когда Стэн оглянулся, Ровена Макклюн уже направилась к группе в глубине помещения.

* * *

Да, это был прием. Двойное Сердце представили как специалиста по таким чуждым хичи проблемам, как «валюта», «долги» и даже «прибыль» — и не только. Он где-то усвоил обширный репертуар походных песен (хотя голоса у него не было). Стэн с Эстреллой не были единственными органическими гостями. Достигающий, воротивший нос

от большинства блюд, удивился, когда Эстрелла задала ему вопрос.

— Соль? Вспомните. Разве она совсем недавно не встречала вас и вашего оплодотворителя? А зачем мне общество Соль? Я уже убедился, что зародыш вполне здоров, и больше мне не о чем беспокоиться. Это заявление содержит в себе факт, независимый от всего, что могла раньше сказать Соль. — И тут же, решительно наклонив голову, сменил тему: — А, яблоки! Готов простить человеческую диету за то, что в нее входят яблоки!

Мгновение спустя появился Марк Антоний. На этот раз на нем не было поварского колпака. Он был одет в армейский мундир — Стэн был в этом уверен, хотя не мог бы сказать, какой именно войны, — белые брюки, алые полоски на рубашке, заломленная на затылок шляпа.

— Прошу простить, если опоздал, — сказал Марк. — Специалистам нужно было поговорить с Вэном. Пришлось ждать, пока они закончат, чтобы убедиться, что его правильно дезактивировали. — Он помолчал и осмотрел еду на столе. — Все в порядке? Может, кто-нибудь хочет еще чего-то?

Стэн поднял руку.

— О каких специалистах вы говорите?

— Полагаю, в основном это юристы и бухгалтеры, — ответил Марк таким тоном, словно произнес «шлюхи» и «развратники».

— Конечно, понадобились именно они, — принялся объяснять Зигфрид. — Нам нужен был не только сам Вэн. Нужны его деньги. Мы собираемся оштрафовать его за все беды, причиной которых он стал. Это значит, что мы отберем все его имущество, но после стольких лет, проведенных Снаружи, не так-то легко обнаружить все активы Вэна. — Его улыбка стала еще шире. — Вместе со щедрым даром Клары нам теперь хватит средств, чтобы оплатить эмиграцию, размещение, прокорм и устройство всех новых граждан, прибывающих Извне. — Он помолчал и сменил тему: — Поговорим об этом в другой раз. Марк! Не можешь ли добыть немного вина?

* * *

Конечно, Марк мог и добыл — и материальное, и виртуальное. И не ограничился вином — появились и вазы с грибами. Стэн узнал грибы, которые хичи едят на подобных встречах. Клара сама налила Эстрелле стакан физического реального вина, и Зигфрид заверил Стэна, что один стакан

не причинит ей вреда. Определенно так и было. Не причинило вреда вино и Стэну, поэтому Стэн налил себе второй и третий стакан.

Он оказался не единственным. Пока он отвлекся на вино, появился десяток новых гостей, среди них несколько органических, но в основном хичи и сохраненные сознания. То, что и сами они, и грибы, которые они поедали, были виртуальными, казалось, не уменьшает их удовольствие. Беседа тоже не становилась менее оживленной, хотя среди гостей были органические существа и потому разговор протекал в реальном органическом времени. Стэн понятия не имел, о чем они говорят, но постепенно начинал разогреваться. Ему пришло в голову, что неплохо бы посидеть. На одном из диванов Клары оказалось свободное место. Он взял еще вина и, садясь, заметил, что на том же диване сидит Ровена Макклюн. Хотя она и держала стакан, вино в нем было почти не тронуто. Увидев Стэна, она вежливо улыбнулась ему.

— Завидую вам и вашей жене, — сказала она, посмотрев в сторону Эстреллы. — Иметь ребенка! Едва ли во вселенной найдется более приятное занятие.

— Спасибо! — ответил Стэн. Сам бы он так не сказал, но ничего не имел против и такой

формулировки. Он заметил, что за ними стоит Достигающий — поедает грибы и внимательно слушает их разговор. Не обращая на это внимания, Стэн обратился к Макклюн:

— Слово «жена» не совсем верное. Мы с Эстреллой не женаты. — И затем, чтобы помешать ей развивать тему, добавил: — Вижу, вы не очень любите пить.

— Что ж, — ответила она, — даже если бы я была любительницей выпивки, особой разницы бы не было. От виртуального алкоголя не пьянеют. Конечно, если не хотят этого специально, а я уже давно ничего подобного не хочу. — Выражение его лица — любопытство боролось с желанием соблюдать приличия — заставило ее улыбнуться. — Признаюсь, когда мое сознание еще только сохранили, я испробовала нечто подобное. На самом деле я пробовала самое разное. Вы не поверите, чем и кем я себя окружала, а я не собираюсь вам об этом рассказывать. Но все это быстро мне надоело. Я начала искать, чем полезным занять свою новую жизнь.

— Очень интересно, — сказал Стэн, взглянув на Достигающего, который, казалось, с любопытством слушает рассказ женщины.

Но Ровена Макклюн не стала продолжать.

— Почему нет? — спросила она.

Он, недоумевая, взглянул на нее.

— Что нет?

— Почему вы и мисс Панкорбо не женаты?

Один из самых трудных вопросов, на какие приходилось отвечать Стэну. Он обдумал несколько различных ответов. У хичи нет такого обычая. Некому провести церемонию. Они никогда об этом не думали. В конце концов, они не так уж долго знакомы. Ни один из ответов не казался подходящим, поэтому Стэн просто сказал:

— Нас устраивает и такая жизнь.

Достигающий рассмеялся — словно заржал.

— Хороший ответ, Стэн, — сказал он. — Упомянутый брак — глупый древний обычай вашего племени, совершенно ненужный в цивилизованном мире. У нас никогда такого обычая не было.

Как ни удивительно, но за спиной Стэна кто-то хмыкнул. Повернувшись, Стэн увидел Термослоя. Он собирался спросить, почему хичи подслушивает, но Термослой сам заговорил.

— Не вполне верно, Достигающий, — сказал он вежливо, но уверенно. — Многие в Ядре находят этот человеческий обычай привлекательным и создают такие группы: мать, отец и один или несколько детей; все они живут вместе и обра-

зуют семью.

— Ха, — ответил Достигающий, временно выбитый из колеи. Но он быстро пришел в себя и усмехнулся. — Эти личности слишком долго жили среди людей и переняли их обычаи, Термослой. Такая ситуация способна серьезно ослабить единство, как было продемонстрировано в моем случае.

Он бросил на Стэна вызывающий взгляд. Поскольку раньше он поддержал позицию Стэна, то сейчас явно ожидал, что Стэн поддержит его. Может, Стэн так и сделал бы. Но это оказалось сложно: он с трудом следил за разговором.

— Наверно, — неопределенно сказал он. — Прошу прощения.

Ему показалось, что еще один стакан прояснит ему голову. Но в поисках этого стакана он наткнулся на низкорослую смуглую органическую женщину, стоявшую сразу за ним. Стэн изумленно посмотрел на нее.

— Вы похожи на детского врача — Кусмероглу. Но этого не может быть. Гипатия не велела вам приходить.

Женщина казалась очень довольной.

— Гипатия передумала. Она отыскала меня на космовокзале и передала приглашение Клары.

Клара хочет, чтобы я приглядывала за Эстреллой. Поэтому я здесь. Как видите, я все-таки познакомилась с Кларой.

— Но… — начал Стэн рассудительно. — Но… — Тут он остановился. Ему было ясно, что женщина допустила какую-то вопиющую ошибку, но трудно было сформулировать, какую именно. — Кажется, мне надо сесть, — сказал он и осмотрелся в поисках ближайшего стула.

Доктор Кусмероглу наклонилась к нему и принюхалась.

— Понятно, — вздохнула она. — Послушайте, Стэн. Я отыщу Эстреллу, и мы отведем вас домой.

III

Проснувшись, Стэн немедленно об этом пожалел. У него не было никакого опыта похмелья, но он сразу узнал симптомы. Когда ему удалось достаточно широко открыть глаза, он увидел стоящую над ним Эстреллу. Она была очень близко и что-то ему протягивала, только он не мог понять что. Порылся в памяти, ничего не вспомнил и слабым голосом сказал:

— Прости, милая.

Вернее, ему показалось, что он это сказал. Казалось, Эстрелла ничего не услышала. Она не

только сочувствовала ему, но и выглядела очень довольной.

— Давай, — успокаивающе сказала она, — выпей это. Я хочу кое-что тебе рассказать.

Стэн понял, что она ему говорит. И это не улучшило его настроения. Он по опыту знал: если ему что-то хотят сказать, то это нечто такое, чего сам он предпочел бы не слышать. Как ни удивительно, Эстрелла не казалась рассерженной или обиженной — обычно Стэн связывал с подобными словами именно такие чувства. Она улыбалась. Глаза ее блестели.

— Ради бога, — говорила она. — Да выпьешь ли ты, наконец?

Оказывается, она протягивала ему чашку кофе. Это был не славный крепкий турецкий кофе, а та бурда, которую пьют за завтраком американцы. Он торопливо осушил чашку, но Эстрелла не стала дожидаться этого.

— Ну как? — спросила она. — Зигфрид сказал, Марк что-то в него добавил.

Стэн осторожно повернул голову. Очевидно, шеф действительно что-то добавил. От головной боли не осталось и следа. Во рту по-прежнему держался вкус старых окурков, и неожиданно Стэн испытал невероятную жажду…

Эстрелла была к этому готова. Она протянула ему еще одну чашку с шипучим напитком.

— Зигфрид сказал, что это поможет. — Отхлебнув, Стэн кивнул. — Знаешь что? Пока Клара занималась гостями, я долго разговаривала с Гипатией. Ты знаешь, что у Клары был нервный срыв, когда цунами уничтожило ее остров? — Стэн кивнул, и, к счастью, голова у него не отвалилась. — Поэтому она и оказалась здесь. Зигфрид настоял на ее прилете. Вначале он подумал, что она может устроить нечто вроде своего острова — для сирот, понимаешь?

Стэн принялся по очереди разминать мышцы. Казалось, все работает нормально. Он сказал:

— Стрелл, милая. Это долгая история? Я голоден.

— Почти вся. Клара отказалась. Сказала, что не может снова стать мамой. И тут она встретила нас.

Стэн не перестал ее слушать, но все его мысли были только о яичнице с ветчиной и жареной картошке. Когда он понял, что Эстрелла замолкла и смотрит на него, он мигнул.

— О. Да. Ее заинтересовала ты.

— Главным образом ребенок. Ты понимаешь, что означает ее разговор о теще и свекрови?

— Это связано с ребенком? — спросил он.

— Отчасти. Если Клара станет твоей тещей или моей свекровью — или и той и другой одновременно, кем она будет приходиться ребенку?

И тут до него дошло.

— Боже, — удивленно ответил он. — Она хочет быть бабушкой малышки.

Эстрелла энергично кивнула.

— Вот именно. Что ты об этом думаешь?

Стэн не колебался.

— Отлично, — сказал он. — Она очень подходит. А теперь мы можем поесть?

IV

Эстрелле и Стэну больше не пришлось жаловаться на отсутствие общества. Им все время звонили, к ним постоянно заходили. Стэну было все равно, но Эстрелла казалась довольной. Она сказала Стэну:

— Знаешь, это хорошо. У нас дома все постоянно заходили друг к другу — на чашку мате, или вернуть что-нибудь взятое взаймы, или просто посидеть и поболтать. Мне этого не хватало. А тебе? — У Стэна не было опыта общения с соседями, поэтому он только широко улыбнулся, потрепал ее по плечу и спросил, не пора ли поесть.

Он отправился в душ, а когда вышел, Эстрелла поджидала его.

— Милый. Звонила Ровена Макклюн.

Он перестал вытираться.

— Что ей нужно?

— Ну, ее очень интересует наш ребенок, и я пригласила ее заходить. А она захотела прийти прямо сейчас.

Стэн застонал.

— Стрелл, хватит с нас…

— Поэтому я ее и пригласила. Мне она нравится, Стэн. Тебе лучше одеться.

Одеваясь, он услышал дверь. А когда вышел, Ровена Макклюн уже была в комнате, сидела в мягком кресле (однако он заметил, что она не скрывает свой нематериальный статус: обивка кресла под ней нисколько не прогибалась). Когда они включили «Аиста», она была совершенно очарована — и не только круглолицым маленьким изображением с улыбкой Будды, которое плыло перед ними, но и рассказом Стэна обо всех происшедших с ребенком переменах. Она оказалась хорошим слушателем. И хорошим рассказчиком: с готовностью отвечала на любые вопросы Эстреллы о своей жизни.

— Ну что ж, — говорила она, — первая часть,

сразу после моей смерти, была не очень интересной. Я просто дурачилась, как все. Потом мне надоело развлекаться, как делали другие сохраненные сознания, но я поняла, что женщине без образования, в сущности, больше заняться нечем. Однако это можно было исправить. Среди сохраненных сознаний оказалось достаточно серьезных образованных людей. Было организовано обучение. Я прошла несколько курсов. Не знаю, принял ли бы меня органический Гарвард в аспирантуру — я собиралась учиться дальше и получить степень бакалавра, — но электронный Гарвард принял, и вскоре я получила диплом доктора философии. Точнее, целых три диплома, потому что меня интересовали самые разные вещи.

Стэн перебил:

— И больше вы ничего не делали? Только учились?

— Но это было интересно, Стэн. Думаю, вам тоже не помешало бы.

Захваченный врасплох, Стэн сумел только сказать:

— Но, Ровена, я собираюсь стать отцом.

— И вам еще нет восемнадцати, — напомнила она. Потом улыбнулась. — Поговорим об этом

в другой раз. Да, я делала кое-что иное. Создала себе изображение с другим лицом и отправилась посмотреть, как поживает Орбис. Он был в трауре. Он действительно горевал обо мне. Я видела, что моя органическая смерть тяжело отразилась на нем. И дела у него шли не очень хорошо. Он терял паству.

Но старался изо всех сил, потому что считал, что люди в нем нуждаются.

Меня начала мучить совесть, и я вернулась к учебе. На этот раз я окончила богословский факультет. Получила лицензию священника и проповедника Божьего слова. Какое-то время занималась этим, но потом поняла, что мне не очень удается обращать неверующих. Я даже пробовала на хичи — но это безнадежно.

Поэтому я попросила Зигфрида обучить меня психологии. Чтобы грамотно спорить с сомневающимися, понимаете? И кое для чего еще. — Она благосклонно взглянула на Эстреллу и Стэна. Они сидели, внимательно слушая ее, и держались за руки. — Например, я могу совершать бракосочетания. Могу провести погребальную службу. Если кому-нибудь понадобится. В сущности, когда мы разговаривали на приеме, я проделывала как раз это. Одному человеку со старой Земли не понра-

вился способ, которым хичи избавляются от тел покойников.

Стэн с сомнением посмотрел на нее.

— Кажется, я не знаю, как они это делают.

Она сухо взглянула на него.

— Может, вам и не стоит знать. Они помещают тело в один из рыбьих прудов — видели их? С зубастыми рыбами? Рыба пожирает тело, а потом — это щекотливое дело — скорбящие съедают рыбу.

Она помолчала, дожидаясь, пока Стэн и Эстрелла усвоят услышанное. Новость им явно не понравилась. Тогда она снова им улыбнулась.

— Я упомянула, что могу совершать бракосочетания?

Стэн сглотнул.

— Доктор Макклюн, мы оба не очень религиозны.

— Я так и думала, Стэн. Но, если вы любите друг друга, вам захочется иметь официальный документ.

— Что ж, — сказал Стэн, глядя на Эстреллу, — если сформулировать таким образом, можно предположить…

— Нет, — твердо сказала Эстрелла. — Мы ничего не предполагаем. Мы точно знаем, что хотим

пожениться. Вы сможете это проделать? И как можно быстрей.

V

Ну, очень быстро не получилось. Все оказалось не так уж просто — Джель-Клара Мойнлин не позволила. («Я теща жениха и свекровь невесты, милая. Предоставьте все мне, и я все сделаю».) И она действительно сделала. Сказала, что необходима музыка. И цветы. И свадебное платье для Эстреллы. И друзья, чтобы пожелать невесте и жениху счастья. А если собрать всех друзей, то не только их квартира, но и дом Клары окажется слишком мал. Единственным подходящим помещением поблизости оказался главный зал Института, и Институт с радостью предоставил его человеку, который в определенной степени помог спасти Ядро.

Когда Стэн и Эстрелла прибыли на церемонию, они пришли в восторг.

— Розы! — удивленно воскликнула Эстрелла. — И посмотри — каллы! Интересно, где они их взяли? Как ты думаешь, Марк Антоний мог их сделать на пищевой фабрике?

Стэн был уверен: нет предела тому, что способен сделать Марк Антоний из пищи CHON с

добавкой некоторых элементов. Но он дивился другому.

— Где они взяли оркестр? — На платформе в дальнем конце зала разместились с полдюжины хичи и выводили мелодии на разных инструментах — не только на барабанах, пианино и паре банджо, но и на трубе и кларнете, как будто это анатомически было возможно. Стэн даже узнал мелодию. «Как приятно тебя обнимать» — исполнение точно такое, как на диске, который подарила им Клара.

— Черт побери! — сказал Стэн с удивленной улыбкой. Оркестр играл не как Диззи Гиллеспи. Это был сам Диззи Гиллеспи. Хичи только делали вид, что играют, а подлинная музыка доносилась из громкоговорителей, расставленных вдоль всего зала.

Но когда Стэн осмотрелся, Эстрелла исчезла. Он успел увидеть, как она в сопровождении Клары, Соль и нескольких женщин хичи, которых он не узнал, исчезает в глубине Института. Но долго смотреть ему не пришлось, его сразу окружили поздравляющие: Зигфрид и Достигающий, доктор Кусмероглу, корабельный мозг Клары Гипатия и десяток других личностей, которых он узнавал с трудом или вовсе не узнавал. Все они были

рады встрече с ним. Если личности были органические, они хлопали его по спине (мужчины) и обнимали и целовали (женщины). У виртуальных личностей были свои способы поздравления — от воздушных поцелуев до помахивания рукой, но все поздравляли от души. И вот, как раз когда два надзирателя Древних с планеты у Светло-желтого солнца номер Четырнадцать хлопали его по спине и пожимали руки, Стэну пришла в голову запоздалая мысль.

— Черт побери, — обратился он сразу ко всем собравшимся и, осмотревшись, увидел Зигфрида фон Психоаналитика. Тот увидел, что Стэн машет ему рукой, и вежливо спросил:

— Да, Стэн?

— Я не подумал. Мне нужен шафер. Вы не можете?..

Зигфрид мог. Он сказал, что считает это честью, и на какое-то время исчез. И вернулся в совсем другом одеянии. На нем были полосатые брюки, рубашка с красивым галстуком, а на лице широкая улыбка.

Впрочем, у Стэна не было времени восхищаться своим шафером. Все окружили его, большинство органических совали ему стаканы с вином (Стэн всем отказывал: он умел учиться на собственных

ошибках). Большинство мужчин шептали ему на ухо шутки — Стэн их часто не понимал, а большинство женщин говорили ему, как ему повезло, что у него будет ребенок.

И, сказав все это, они обычно опять повторяли то же самое.

Такое внимание еще не успело вызвать у Стэна раздражение (впрочем, его терпение было на исходе), когда он заметил, что толпа поздравляющих редеет. Один за другим они отходили от него и занимали места на стульях и насестах, оставив широкий проход. Стэн увидел, что в начале прохода стоит Ровена Макклюн в роскошном белом шелковом платье. Если и его изготовил Марк Антоний из компонентов CHON-пищи, Стэн готов был считать его великим кутюрье.

Ровена Макклюн улыбнулась Стэну и подозвала его к себе.

Стэн понял намек. К тому времени, как он занял место рядом с ней, оркестр прервал исполнение «Чая для двоих» Фэтса Уоллера, и все хичи стояли молча и неподвижно. Из громкоговорителей полилась другая музыка. Это был свадебный марш Мендельсона в исполнении неведомого симфонического оркестра. Из коридора показалась Джель-Клара Мойнлин с букетом лилий в руке и

медленно прошла по проходу. Мгновение спустя за ней последовала Эстрелла. На ней было платье из тончайшего белого шелка с кружевами. Стэн не мог представить себе, откуда оно явилось. Живот Эстреллы был достаточно велик, чтобы вместить арбуз. Глаза у нее оставались чуть раскосыми. Да и остальные черты лица никогда не были особенно красивыми… но для Стэна она была ослепительно прекрасна.

Он крепко взял ее за руку, и они повернулись лицом к Ровене Макклюн. Та улыбнулась и начала:

— Дорогие возлюбленные, мы собрались здесь сегодня…

Была еда для всех и выпивка, а джаз исполнял любимые номера Стэна: «Бумажная кукла», и «Блюз Сен-Луиса», и «Больница Святого Иакова», и с полдюжины других знаменитых блюзов. Хичи делали вид, что играют все это. Вначале новобрачные протанцевали обязательный тур вальса, потом все превратилось в некое подобие бального зала. Танцевали и люди, и хичи.

Стэн и Эстрелла на своих почетных местах ничего не пили, но не есть не могли. Это было невозможно. Марк Антоний превзошел себя. Свежие охлажденные сырые устрицы. Замеча-

тельные тонкие сосиски в крошечных булочках. Вазы со свежими ананасами и черникой, вишней и киви, все это охлажденное, со свежими капельками росы (конечно, все изготовлено Марком Антонием). Стэн съел много. Эстрелла тоже, вероятно, из вежливости, и Стэн не удивился, когда она отправилась в туалет. Но заметил, что, вернувшись, она выглядела как-то подавленно. Он подумал, не последовать ли ее примеру, но тут между ними возникла Гипатия Александрийская.

— Эстрелла, «Аист» показывает, что с ребенком что-то происходит! Как вы себя чувствуете?

Эстрелла принужденно улыбнулась.

— Думаю, я просто слишком много съела…

Гипатия покачала головой, украшенной драгоценными камнями.

— «Аист» свидетельствует не об этом. Думаю, вам стоит отправится в родильную. Я уже вызвала доктора Кусмероглу. Пошли! Немедленно!

VI

И снова Стэн из центра всеобщего внимания — по крайней мере 50 процентов внимания принадлежали ему — перешел к роли незаметного наблюдателя. Впрочем, ненадолго. Только что

Эстрелла принимала поздравления и добродушные подшучивания. В следующее мгновение в сопровождении десятка женщин из числа гостей во главе с доктором Кусмероглу она исчезла. Конечно, в зале осталось много гостей. Но теперь все собрались небольшими группами, оживленно обсуждая неожиданное развитие событий, и Стэн стоял в одиночестве, глядя вслед исчезнувшей новобрачной.

Пожалел его Достигающий.

— Выражаю сочувствие, — провозгласил он, беря Стэна за руку своей скелетоподобной рукой. — Пошли.

Он не сказал куда. Ему это было не нужно. Он был очень силен, а Стэн не сопротивлялся.

Впервые Стэн оказался в закрытой для посетителей части Института. Было интересно и загадочно. Через открытые двери, мимо которых они проходили, Стэн видел странные механизмы (?), или мебель (??), или предметы искусства (???). Несмотря на обстоятельства и на то, что он постоянно задевал головой за низкий потолок, он жалел, что не может как следует все это рассмотреть. Но такой возможности у него не было. У Достигающего была определенная цель. И только когда они почти достигли ее, он остановился и

посмотрел на Стэна.

— Должен упомянуть одно обстоятельство, имеющее отношение к только что проведенной вами с Эстреллой церемонии, — заявил он.

Стэн взорвался: у него было о чем подумать, и он не стал терпеть свойственной хичи медлительный способ изъясняться.

— Не тяни, упоминай, — ответил он.

Мышцы живота хичи под туникой бешено извивались.

— Дело, конечно, не самое важное, — сказал Достигающий. — Так получилось, что мы с Соль недавно говорили о будущем. О нашем общем будущем.

Это привлекло внимание Стэна.

— Что значит «общем»? Я думал, брак для вас…

— Да, глупый древний человеческий обычай. И зачем говорить «брак»? Разве я упоминал слово «брак»? Это вообще не обсуждается.

— Что же тогда? — спросил Стэн.

Достигающий расставил костлявые пальцы.

— Только одно. Совместная перемена жилища, одно время я и она живем в одном доме, потом в другом. У нас теперь будет общее жилище.

— А какая разница?

— Очень большая! Общее жилище — исключи-

тельно временное состояние. Оно будет продолжаться, только пока воспитывается и становится взрослым ребенок. Ты понял, что я сказал?

— Думаю, да. Временное, но лет на двадцать.

— Совершенно верно. А теперь — вот место для тебя.

Место оказалось прекрасным — роскошный балкон с ароматными папоротниками и цветущим мхом. У маленького столика Стэна кое-кто ждал.

— Составлю тебе компанию, Стэн, — сказал Зигфрид фон Психоаналитик. — Я знаю, каково тебе сейчас.

Стэн не стал спрашивать, откуда искусственный интеллект это знает. Он все еще не мог привыкнуть к мысли, что Достигающий и Соль собираются жить вместе.

— Спасибо, — сказал он и опустился в мягкое — настоящее — кресло.

Зигфрид сказал:

— Пожалуйста, — замолчал и принялся разглядывать Стэна.

Это что-то новое. Невозможно, чтобы в реальном времени он испытывал затруднения с подбором слов, поэтому Стэн решил, что Зигфрид чего-то ждет от него. И спросил:

— Вы хотели о чем-то поговорить со мной?

Зигфрид как будто продолжал колебаться.

— Я знаю, что с тобой говорила Ровена Макклюн, — сказал он.

Стэн испытывал сильное искушение рассмеяться.

— Еще бы! И смотрите, что из этого вышло.

— Но она говорила еще о чем-то?

— О, — с облегчением сказал Стэн. — Она считает, что я должен учиться.

Зигфрид кивнул.

— И что ты об этом думаешь, Стэн?

Стэн думал совсем не об этом. Он без особого интереса пожал плечами.

— Может быть. То есть рано или поздно придется. Но сейчас у меня другое на уме, и к тому же я не знаю, чему учиться.

— Понятно, — ответил Зигфрид, поглаживая подбородок и делая вид, что обдумывает услышанное. Стэн знал, что все это игра. — Что ж, ты можешь изучать все, что захочешь. Все, что должен знать образованный человек. Историю. Политическую науку — впрочем, это неверное название, потому что в политике особой науки нет. Как и экономика, изучение общества и прочее подобное — это в основном изучение

поведения людей, так что на деле все это отрасли психологии… О, прости, — сказал он, заметив выражение лица Стэна. — Я не хотел выражаться так… сложно. Кажется, у тебя есть вопрос.

— Определенно. Вопрос — зачем?

Зигфрид как будто обиделся.

— Я не очень уверен в смысле твоего вопроса, Стэн. Если ты спрашиваешь, зачем ты должен учиться, ответ: затем, что можешь. У тебя хорошая голова, но в ней не очень много знаний, которые помогли бы тебе в той жизни, которой ты, по-моему, должен жить. Если тебя интересует, почему я упомянул именно эти предметы, — неожиданно лицо его стало очень серьезным, — то вот почему: все они имеют отношение к искусству — не скажу науке — управления.

Стэн начал тревожиться.

— Вы хотите сказать, что я должен знать, как голосовать на выборах? Как выбирать, если у нас будут выборы?

— Или быть избранным, Стэн, — мягко сказал Зигфрид. Он поднял руку, предупреждая возражения. — Если не ты, то кто? Кто-то должен. Миллионы людей в Ядре нуждаются в правительстве.

Стэн смотрел с сомнением — и действительно

сомневался.

— Разве не этим занимаются сохраненные сознания?

— Да, они делают это для хичи. Конечно, они мудры, справедливы и все такое. Но они не люди. Они мыслят не так, как мы. Сохраненные сознания отлично это понимают; я уверен, что они откажутся править людьми, даже если их попросят.

Стэн немного подумал.

— Но у нас уже есть правительство, которое может нам помочь. Во внешней галактике столько планет, у них должно быть правительство…

Зигфрид покачал головой.

— Нет, Стэн. Такого правительства никогда не было. Всегда существовали разногласия, которые никто не мог разрешить. А то немногое, что было, давно исчезло. Ты разве не знаешь, что теперь в Ядре больше людей, чем во всей внешней галактике?

Стэн ничего не ответил. Да это ему и не требовалось: выражение его лица было достаточно красноречивым.

— Все это из-за сохранения сознания, Стэн, — говорил между тем Зигфрид. — Началось с мастерских «Жизни После». Сначала людей со-

храняли, когда они умирали. Потом, когда люди поняли, каково существовать в виде сохраненного сознания, они перестали бояться смерти. Они стали сохранять сознание, когда хотели, а потом делали все, что вздумается. Создавали себе любое окружение. Создавали для себя других людей или взаимодействовали с другими сохраненными сознаниями. А потом…

Он помолчал, качая головой.

— Помнишь изобретения и открытия, которые приходили Извне? А заметил ли ты, что их почти не стало? Сохраненным сознаниям не нужны изобретения. Они не занимаются исследованиями. Зачем им это, если им не нужно работать и можно наслаждаться любыми удовольствиями? Они праздные мечтатели, Стэн. Люди, которым ничего не нужно, поэтому они ничего полезного не делают.

Он какое-то время смотрел на Стэна, который понятия не имел, что значит «праздные мечтатели». Но решил глубокомысленно кивнуть. Зигфрид ответил тем же.

— Как видишь, мы ни на кого не можем рассчитывать. Но нужна организация, способная решать проблемы. Можно назвать ее правительством — чем-то вроде конгресса всего Ядра.

Члены этого конгресса будут избираться, как только кто-нибудь придумает, как это делать. Я думаю, тебя должны выдвинуть.

Стэну понадобилось какое-то время, чтобы опомниться.

— А как же мое образование?

— Эти занятия не исключают друг друга, Стэн. Вот о чем я хотел с тобой поговорить. Больше не будем. Но ты подумай. Поговори с Эстреллой. — И с улыбкой добавил: — Мне только что сообщили, что ты можешь увидеть ее и свою новорожденную дочь.

VII

Стэн уже очень давно не видел младенцев. В последний раз — когда одна из девушек в борделе мистера Оздена забеременела. Когда такое случалось, мистер Озден терпел убытки. Поэтому у него был постоянный специалист по абортам. Но в тот раз к нему не обратились. Отец ребенка — или, вернее, клиент, который, вероятнее всего, был отцом ребенка, — занимал важную должность в правительстве Стамбула. И когда отец сказал, что предпочитает сохранить ребенка, девушке разрешили родить и даже показать малыша соседям вроде юного Стэна.

Насколько Стэн помнил, тот ребенок выглядел точно так же — крепко закрытые глаза, закрытый рот, который лишь изредка издает мяукающий крик, голый череп и пальцы, сжатые в крошечные кулачки.

Он сел на край узкой кровати и посмотрел на Эстреллу. Та выглядела усталой (что, конечно, естественно: ведь ей только что пришлось выталкивать шар для боулинга через свои интимные внутренние части), счастливой (конечно, она счастлива: ведь все уже позади) — и гордой.

— Стрелл? — сказал он, думая, как бы получше рассказать ей о полученном предложении. — Нам нужно поговорить.

— Конечно, — ответила она. — Минутку. Вот.

Она протянула ему ребенка, и Стэн почувствовал его тепло и тяжесть. Посмотрел на невинное лицо. Губы на мгновение разомкнулись. Ресницы дрогнули. Пальцы сжались. Глаза открылись…

И что-то сдавило сердце Стэна.

Подняв голову, он увидел, что Эстрелла вопросительно смотрит на него.

— Ты хотел что-то сказать?

Он перевел дыхание.

— Да, Стрелл. Я разговаривал с Зигфридом. Он думает, что я достаточно побездельничал. И дол-

жен что-то сделать со своей жизнью.

Эстрелла, внимательно следившая за тем, как он держит ребенка, сказала:

— Это все, что он сказал?

— Да, и он прав. В Ядре нужно создать конгресс людей. А когда он появится, я должен попытаться войти в него. Я хочу подготовиться к этой работе, поэтому сначала нужно получить образование.

Эстрелла взяла у него ребенка. Обнажая грудь, чтобы проверить, возьмет ли младенец сосок, она ответила:

— Очень хорошая мысль. Я помогу, если смогу.

Так они и поступили, а лучшая из бабушек следила за тем, чтобы все было в порядке, пока они учатся. Они получили лучшее образование, какое могли предоставить Сократ, Марк Антоний и Зигфрид фон Психоаналитик, и, когда состоялись первые всепланетные выборы, в числе кандидатов был и Стэн Эвери. Но он не победил. Проиграл совсем немного другому участнику гонки.

Но Стэн не был разочарован. Он от всей души поздравил победившего противника. И утешался тем, что глубоко погрузился в продолжение обучения. К тому же у него появилось больше времени для забот о дочери, для игр с нею, для восхищения ею, когда обязанности конгрессмена

уводили из дома того, кто победил на выборах, — Эстреллу Панкорбо-Эвери.

Примечание автора. О непостоянстве науки

Формально, научная фантастика не нуждается в науке — и по большей части обходится без нее. Но я полагаю, что лучшие произведения фантастики используют подлинные научные теории и наблюдения, особенно когда те впервые выдвинуты и еще не стали догмой. Я часто этим пользовался. И старался, чтобы все было правильно.

К несчастью, то, что правильно сию минуту, совсем не обязательно будет соответствовать истине спустя несколько десятилетий или просто несколько лет.

Например, черные дыры.

Когда я в 1978 году писал первый роман о хичи «Врата», черные дыры были еще новинкой. Большинство ученых готово было согласиться с тем, что такие объекты существуют. Однако тогда еще не была обнаружена ни одна несомненная черная дыра и существовало множество разнообразных теорий и рассуждений об их природе. Для романа я отобрал несколько наиболее интересных науч-

ных теорий. Во-первых, о том, что в центре нашей галактики существует огромная черная дыра. И во-вторых, что, если где-нибудь существует достаточно большое количество материи или энергии, вокруг автоматически образуется черная дыра. Поэтому внутри черной дыры может существовать значительное количество звезд и планет.

Отмечу, что я оказался прав лишь наполовину. Ни один ученый сегодня не считает, что внутри черной дыры может существовать организованная материя, так что в этом отношении я ошибся. С другой стороны, оказалось, что в ядре галактики действительно существует объект Sgr A (объект «Стрелец А»). И это совершенно определенно черная дыра.

Однако этот объект не очень похож на описанную мной черную дыру. Я нигде точно не указывал массу Ядра хичи, но она должна равняться нескольким тысячам солнечных масс. Мне казалось, что это достаточная масса для любой нормальной цели. На самом деле Sgr A имеет массу примерно в 3,7 миллиона солнечных. Как вы понимаете, это намного больше.

Больше того, различные варианты черных дыр, вроде Кугельблица, где живет Враг, в наши дни считаются маловероятными. Но я не считаю себя

обязанным что-либо менять, поэтому они остаются фоном и этого нового романа.

Однако должен добавить, что я нисколько не раскаялся и ничто не помешает мне брать новейшие научные теории и пытаться применить их в фантастике. Так что имейте в виду!

Фредерик Пол
Палатин, штат Иллинойс
2004